3 1761 08106644 1

БЕЗПЛАТНАЯ ... ИМЕНИ
Императора Петра
Шкафъ. 1
Полка 9-20
№ 5473 XIa
Разр. 2, 10

050 B38
1912-3

DUPLICATE
5902

DUPE

(50 B38
1914-3

ВѢСТНИКЪ
ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

НАУКИ—ПОЛИТИКИ—ЛИТЕРАТУРЫ,

основанный **М. М. Стасюлевичемъ** въ 1866 году.

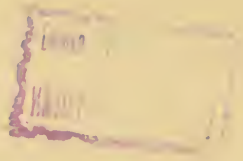
СОРОКЪ-СЕДЬМОЙ ГОДЪ.

МАРТЪ.

Редакція и Главная Контора журнала: Моховая, 37.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1912.



AP
50
V5
9 47
кн. 3

Типографія т-ва «Общественная Польза», Спб., Б. Подъяческая, 39.

ЭЛЕКТРА*)

ТРАГЕДІЯ СОФОКЛА.

(Окончаніе).

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Съ лѣвой стороны быстро вбѣгаетъ **Хрисоѳемида**; найдя глазами Электру она бросается къ ней.

ХРИСОѲЕМИДА.

На крыльяхъ радости къ тебѣ лечу я,
Родная; я забыла о приличьи,
Чтобъ поскорѣе извѣстить тебя.
А вѣсть моя—восторгъ и избавленье
Отъ золъ, въ которыхъ изнывала ты.

ЭЛЕКТРА (мрачно).

Неисцѣлима скорбь моя; помочь мнѣ
Безсильна ты; къ чему жъ слова твои?

ХРИСОѲЕМИДА.

Такъ знай же! Здѣсь Орестъ нашъ! Здѣсь, такъ явно,
Какъ предъ тобою я теперь стою!

ЭЛЕКТРА.

Ты, видно, обезумѣла: глумишься
И надъ моимъ, и надъ своимъ несчастьемъ!

*) См. февраль, стр. 25.

ХРИСОѲЕМИДА.

Клянусь отцовскимъ очагомъ! По правдѣ
А не въ глумленье молвлю я: онъ здѣсь!

ЭЛЕКТРА.

Ахъ, бѣдная! Чьему пустому слову
Повѣрила такъ беззавѣтно ты?

ХРИСОѲЕМИДА.

Своимъ глазамъ, а не чужому слову
Я вѣрю; нѣтъ надежнѣе уликъ.

ЭЛЕКТРА.

Улики, какъ же! Брось огнемъ надежды
Обманчивымъ больное сердце грѣть!

ХРИСОѲЕМИДА.

Ради боговъ, хоть выслушай! Узнаешь,
Звать ли разумной впредь меня, иль нѣтъ.

ЭЛЕКТРА.

Что-жъ, говори, коль такъ тебѣ пріятно.

ХРИСОѲЕМИДА.

Все разскажу, что видѣла сама.
Пришла къ отца я древнему кургану.
Вдругъ вижу—на холма вершинѣ млека
Еще бѣлѣетъ свѣжая струя.
Кругомъ ея—площадка вся покрыта
Цвѣтами—всѣми, что раститъ земля.
Въ недоумѣньи духъ я притаила,
Смотрю кругомъ, не видно ли вблизи
Кого изъ смертныхъ. Нѣтъ; вездѣ молчанье.
Я подошла поближе, и у края
Сжигальницы—прядь молодыхъ волосъ
Ножемъ отрѣзанныхъ внезапно вижу.
И какъ увидѣла ту прядь я—вдругъ
Меня какъ молньей озарило: образъ
Душой взлелѣянный Ореста явно,
Изъ смертныхъ всѣхъ любезнѣйшаго, всталъ
Передо мной: онъ эту прядь оставилъ!

Беру ее—такъ хочется мнѣ вскрикнуть...
Но нѣтъ, то мѣсто свято: только слезы
Счастливыя зѣницамъ застятъ.
Въ этомъ
И нынѣ такъ же я убѣждена,
Какъ и тогда, что онъ одинъ могилу
Тѣмъ приношеніемъ украсить могъ.
Кому жъ пристало благочестье это?
Тебѣ еще, да мнѣ. Но про себя
Я знаю, что виновница не я,
И про тебя увѣрена. Вѣдь даже
Молитвы ради изъ дому уйти
Тебѣ нельзя—гроза нависнетъ тотчасъ.
О матери и думать праздно—духъ
Ея не такъ направленъ, да и врядъ ли
Она бъ скрывалась. Нѣтъ, то былъ Орестъ:
Онъ эту почесть оказалъ отцу!
Итакъ, мужайся, милая. Не вѣчно
Одна судьба надъ смертнымъ тяготѣетъ.
На насъ злодѣйка хмурилась доселѣ;
Зато теперь день радости насталъ!

ЭЛЕКТРА.

Какъ ты жалка въ безуміи своемъ!

ХРИСОѲЕМИДА.

Опять упрекъ? Нерадостенъ разсказъ мой?

ЭЛЕКТРА.

Сама не знаешь ты, въ какой землѣ
Средь призраковъ душа твоя витаетъ.

ХРИСОѲЕМИДА.

Не знаю я, что видѣла сама?

ЭЛЕКТРА.

Его ужъ нѣтъ, насчастная! Оплотъ нашъ
Погибъ, не жди отрады отъ него!

ХРИСОѲЕМИДА.

Что ты сказала? Кто принесъ извѣстье?

ЭЛЕКТРА.

Свидѣтель близкій гибели его.

ХРИСОѲЕМИДА.

Поражена я; гдѣ жъ свидѣтель этотъ?

ЭЛЕКТРА.

Желаннымъ гостемъ съ матерью вошелъ онъ.

ХРИСОѲЕМИДА.

О горе намъ! Но кто жъ отца курганъ
Украсилъ столькими дарами чести?

ЭЛЕКТРА.

Скорѣй всего—на память о покойномъ,
Ореста другъ съ чужбины ихъ принесъ.

ХРИСОѲЕМИДА.

О бѣдный братъ! А я къ тебѣ спѣшила
На радостяхъ, не зная, какъ близка
Была кручина. Вотъ я здѣсь—и что же?
Къ печали прежней новую пришла.

Отходитъ грустно на нѣсколько шаговъ, садится на землю и тихо плачетъ. Электра подходитъ къ ней и дружелюбно кладетъ ей руку на плечо.

ЭЛЕКТРА.

Все это правда. Но прими совѣтъ мой—
И ты обузу лютыхъ золъ стряхнешь.

ХРИСОѲЕМИДА (уныло).

Могу ль умершимъ жизнь я возвратить?

ЭЛЕКТРА (петерпѣливо).

Рѣчь не о томъ! Ума я не рѣшилась.

ХРИСОѲЕМИДА.

Что жъ ты велишь—въ предѣлахъ силъ моихъ?

ЭЛЕКТРА.

Чтобъ мой завѣтъ исполнила ты стойко!

ХРИСОѲЕМИДА.

Не откажусь, коль пользу онъ сулитъ.

ЭЛЕКТРА.

Ты знаешь: безъ труда удачи нѣтъ.

ХРИСОѲЕМИДА.

Да, знаю, и труда жалѣть не буду.

ЭЛЕКТРА.

Такъ выслушай рѣшеніе мое.
Что отъ друзей намъ помощи не будетъ—
Сама ты знаешь: нѣтъ у насъ ихъ болѣ.
Что были, тѣхъ Аидъ похитилъ; такъ-то
Покинуты мы всѣми и однѣ.
Пока я знала, что въ расцвѣтѣ силы
Живетъ нашъ братъ—онъ былъ моей надеждой,
Въ немъ видѣла я мстителя, родная,
Обѣтованнаго за кровь отца.
Его не стало—на тебя отнынѣ
Взираю я.

Хрисоѳемида встаетъ и въ недоумѣніи отступаетъ; Электра идетъ за ней, хватаетъ ее за руку, любуясь на ея молодую силу. Она продолжаетъ все страстнѣе и настойчивѣе, не замѣчая протестовъ сестры.

Ты смѣлою рукою
Должна со мной, сестрой твоей, повергнуть
Эгисоа—тайнъ быть не должно у насъ.
Подумай! Долго-ль въ благодушьи мирномъ
Согласна ждать ты? Знаешь ли надежду
Нескошенную хоть одну? Въ слезахъ
Тебя я видѣла, что все наслѣдье
Отца ты потеряла, что безъ брака
И безъ дѣтей ты вянешь столько лѣтъ.
И будешь дольше вянуть, будь покойна:
Не такъ ужъ легкомысленъ Эгисоъ,
Чтобъ дать взойти иль твоему потомству,
Иль моему, себѣ же въ явный вредъ!
Итакъ, рѣшись! За мной послѣдуй смѣло!
И благочестія ты долгъ исполнишь,
Почтивъ отца и брата заодно;
И вновь свободной прослывешь—такою,

Какою отъ рожденья ты была;
И жениха достойнаго найдешь:
Вѣдь всѣ стремятся къ благородству люди.
А слава, слава! Милая, ужель
Не видишь ты, какой вѣнецъ нетлѣнный
Себѣ и мнѣ ты подвигомъ своимъ
Добудешь? Какъ на выходахъ насъ люди—
И граждане, и гости—величать
Повсюду будутъ? «Вотъ, друзья, тѣ сестры,
«Что въ прахъ повергнутый отцовскій домъ
«Воздвигли вновь, что, не жалѣя жизни,
«Врагамъ-убійцамъ въ часъ побѣды ихъ
«Кровавой мести въ грудь вонзили мечъ!
«Хвала и честь, привѣтъ и ласка имъ!
«Пусть и на праздникахъ боговъ и въ вѣчѣ
«Ихъ за отвагу слава осѣнитъ!»
О милая! Послушайся меня!
Отцу на помощь, брату въ утѣшенье,
Себѣ и мнѣ на отдыхъ безпечальный—
Рѣшись! Тому, кто въ красотѣ рожденъ,
Позорно жить подъ безобразья гнетомъ!

СТАРШАЯ ДѢВУШКА (Хрисоѳемидѣ, внушительно).

Здѣсь вѣщій умъ полезенъ—и тому,
Кто далъ совѣтъ, и кто совѣтъ пріемлетъ.

ХРИСОѲЕМИДА.

Ахъ, былъ бы умъ ей спутникомъ, подруги—
Она бы раньше, чѣмъ раскрыть уста,
О женскомъ долгѣ вспомнила. Но нѣтъ!
Его она безслѣдно позабыла.
Откуда смѣлость почерпнула ты
Такую, что сама кинжалъ хватаешь
И мнѣ прислуживать себѣ велишь?
Не видишь развѣ, что не мужемъ ты,
А женщиной родилась, что слабѣе
Твоя рука, чѣмъ мечъ твоихъ враговъ?
Что къ нимъ привѣтливъ духъ-хранитель ихъ,
А нашъ, приниженный, поникъ главою?
Возможно ли, съ такимъ врагомъ воюя,
На радостный надѣяться исходъ?
Пусть лишь узнаютъ наши рѣчи—вдвое

Обуза бѣдствій станетъ тяжелѣй,
И не утѣшитъ золотая слава
Предъ обликомъ позорной смерти насъ.
Не въ смерти ужасъ—намъ желанной станетъ
Она, но выбрать честной не дадутъ.
Молю тебя, не допусти, чтобъ въ корень
Погибли мы, и домъ нашъ опустѣлъ.
Оставь свой пылъ! Слова твои забудемъ:
Ихъ не было, до слуха моего
Не долетѣлъ ихъ звукъ. Но ты, родная,
Хотя теперь, хоть поздно образумься:
Безспльная, всесильнымъ уступи!

СТАРШАЯ ДѢВУШКА (Хрисоѳемидѣ).

Ты уступи! Предвѣдѣнье и мудрость—
То лучшій смертному отъ бога даръ!

ЭЛЕКТРА (холодно).

Нежданнымъ слово не было твое:
Прекрасно знала я, что ты отвергнешь
Мой замыселъ. Итакъ—своей рукою
Должна исполнить дѣло я, одна:
Порывъ души моей не будетъ праздным.

ХРИСОѲЕМИДА (полуучастливо, полунасмѣшливо).

Ахъ!
Зачѣмъ такой ты не была въ тотъ мигъ,
Когда отецъ нашъ умиралъ! Ему бы
Надежную ты помощь принесла.

ЭЛЕКТРА.

Умомъ была слабѣе я, не духомъ.

ХРИСОѲЕМИДА.

Да сохранятъ тотъ умъ на вѣки боги!

ЭЛЕКТРА.

Я вижу, помощи мнѣ нѣтъ въ тебѣ.

ХРИСОѲЕМИДА.

Злой замыселъ исходомъ злымъ увѣнчанъ.

ЭЛЕКТРА.

Завиденъ умъ твой—трусость незавидна.

ХРИСОѲЕМИДА.

Стерпѣла брань—и похвалу стерплю.

ЭЛЕКТРА.

Отъ этой ты опасности ушла!

ХРИСОѲЕМИДА.

Дней много впереди: они разсудятъ.

ЭЛЕКТРА.

Прощай! Я пользы отъ тебя не жду.

ХРИСОѲЕМИДА.

Была бъ и польза, если-бъ ты хотѣла.

ЭЛЕКТРА.

Ступай, и мать предупреди свою!

ХРИСОѲЕМИДА (вспыхиваетъ, но тотчасъ спохватывается).

Нѣтъ, не настолько мнѣ ты ненавистна.

Хочетъ уйти. Электра, обезоруженная ея мягкостью, бѣжитъ за ней, беретъ ее за руку и долго, глубокимъ взоромъ смотритъ ей въ глаза.

ЭЛЕКТРА.

Пойми-жъ безчестье твоего рѣшенья!

ХРИСОѲЕМИДА.

Безчестья нѣтъ въ немъ, лишь забота есть.

ЭЛЕКТРА.

Твоей должна я правдѣ подчиниться?

ХРИСОѲЕМИДА.

Разумна будь, и за тобой пойду я.

ЭЛЕКТРА.

Лоскъ словъ твоихъ кривую мысль скрываетъ.

ХРИСОѲЕМИДА.

Свою болѣзнь ты вѣрно назвала.

ЭЛЕКТРА.

Ужель не видишь правды ты моей?

ХРИСОѲЕМИДА.

Бываетъ, что и правда вредъ приноситъ.

ЭЛЕКТРА.

Не признаю законовъ я такихъ!

ХРИСОѲЕМИДА.

Возьмись за дѣло, и признаешь скоро.

ЭЛЕКТРА.

Возьмусь, не бойся. Страха нѣтъ во мнѣ.

ХРИСОѲЕМИДА (задушевно).

И не измѣнишь ты рѣшенья? Правда?

ЭЛЕКТРА.

Дурныхъ рѣшеній ненавистнѣй нѣтъ.

ХРИСОѲЕМИДА

Въ мои слова ты вдуматься не хочешь?

ЭЛЕКТРА (мечтательно).

Ужъ съ давнихъ поръ начертанъ мнѣ мой путь.

ХРИСОѲЕМИДА (грустно).

Тогда прощай! Ни мнѣ твоя горячность
Не по сердцу, ни разумъ мой—тебѣ.

ЭЛЕКТРА.

Прощай, сестра! Меня съ тобой не будетъ,
Хотя-бъ въ тоскѣ изныла ты. Безумье
Гоняться вслѣдъ за призракомъ пустымъ.

ХРИСОѲЕМИДА.

Что-жъ, если разумъ предъ собой ты видишь,

Гонись за нимъ. А какъ въ бѣду тебя
Онъ заведетъ,—совѣтъ ты мой одобришь.

Грустная, уходитъ во дворецъ. Электра задумчиво смотритъ ей вслѣдъ.

ТРЕТІЙ СТАСИМЪ.

Хоръ уже во время предыдущаго разговора всячески выражалъ свое сочувствіе Электрѣ и, хотя и сдержанно, свое порицаніе малодушію Хрисоѳемиды. Въ настоящей пѣснѣ онъ—особенно во второй парѣ строфъ—благословляетъ Электру на ея подвигъ.

ХОРЪ.

Подъ сѣнью тучъ *Стр. I.*
Рѣетъ разумныхъ племя птицъ.

Нѣжной заботой чтутъ онѣ
Тѣхъ, что родили ихъ и кормъ
Имъ приносили въ дни весны.
Съ нихъ мы зачѣмъ не беремъ примѣра?
Нѣтъ, какъ святъ намъ перуна блескъ,
Святъ намъ Правды небесной ликъ,
Нѣтъ, не минетъ насъ кара!
О замогильной гласъ молвы!
Кликни Атридамъ вглубь земли
Вѣсть безутѣшной скорби, вѣсть
Полную слезъ и обиды горькой!
Скажи имъ все:
Какъ пошатнулся домъ родной, *Ант. I.*
Какъ загорѣлась двухъ сестеръ
Лютая рознь, и нѣтъ надеждъ,
Чтобъ осѣнилъ ихъ кроткій миръ.
Всѣми покинута въ морѣ бѣдствій
Вѣкъ изводитъ Электра свой;
Все звучитъ о судьбѣ отца
Стонъ ея соловьиный.
Ужъ не заботитъ смерть ее:
Рада не видѣть солнца свѣтъ,
Лишь бы стереть убійцъ чету;
Есть ли примѣръ благочестья равный?

Въ тинѣ жизни позорной *Стр. II.*

Погрязнетъ доблесть вся вѣнчанныхъ славой душъ,
Имя ихъ въ бездну канетъ.
Но твой, дитя, свѣтелъ путь, слезъ горючихъ полный;
Соблазны зла сразила ты, двойной хвалы честь стяжавъ:
Хвалы ума и любви дочерней.

Ант. II.

Стань же властью и силой
Враговъ превыше всѣхъ, насколько нынѣ имъ
Ты въ униженьи служишь!
Нашла тебя въ горѣ я, въ жалостной судьбинѣ;
Но изъ завѣтовъ божьей Правды лучшій ты, всѣхъ святѣй,
Умѣешь чтить— долгъ любви дочерней!

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Съ лѣвой стороны приближаются **Орестъ** и **Пиладъ**, за ними **двое слугъ**; у одного изъ нихъ въ рукахъ мѣдная урна. Не замѣчая Электры и не замѣченные ею, они обращаются къ дѣвушкамъ хора.

ОРЕСТЪ (учтиво).

Гражданки, правду ли сказали намъ,
И вѣрно-ль путь намѣченный мы держимъ?

СТАРШАЯ ДѢВУШКА.

Что-жъ хочешь знать ты, и зачѣмъ ты здѣсь?

ОРЕСТЪ.

Вопросъ давнишній: гдѣ живетъ Эгисѳъ?

СТАРШАЯ ДѢВУШКА.

Живетъ онъ здѣсь: избѣгъ указчикъ кары.

ОРЕСТЪ.

Вопросъ второй: кто извѣститъ его
О нашемъ радостномъ къ нему приходѣ?

СТАРШАЯ ДѢВУШКА (указывая на Электру)

Какъ членъ семьи властителей—она.

ОРЕСТЪ (Электрѣ).

Иди же, дѣва, доложи, что гости
Фокейскіе царя Эгисѳа ждутъ.

ЭЛЕКТРА (встрепенувшись).

Ахъ, чую горе! не несете-ль вы
Той страшной вѣсти явныя улики?

ОРЕСТЪ.

Твоей не знаю вѣсти; старецъ Строфій
Мнѣ объ Орестѣ порученье далъ.

ЭЛЕКТРА.

Какое, гость? Дрожу я вся отъ страха.

ОРЕСТЪ.

Умершаго мы жалкіе останки
Въ амфорѣ той, что̀ видишь ты, несемъ.

ЭЛЕКТРА.

О смерть моя! Теперь сомнѣнья нѣтъ!
Вся предъ глазами тяжесть злоключенья.

ОРЕСТЪ.

Коль объ Ореста ты скорбишь несчастьи,
То знай: въ сосудѣ этомъ прахъ его.

ЭЛЕКТРА.

О, ради бога, гость, дай въ руки взять мнѣ
Амфору ту, коль пепелъ въ ней его;
Хочу себя и весь нашъ родъ несчастный
Съ нимъ вмѣстѣ плачемъ и слезой почтить.

ОРЕСТЪ (слугамъ).

Подайте смѣло урну незнакомкѣ.
Ужъ, видно, не вражда ей мысль внушила,
А голосъ дружбы или долгъ родства.

Слуги подаютъ Электрѣ урну; она съ жаромъ беретъ ее въ руки.

ЭЛЕКТРА.

Привѣтъ тебѣ, дражайшаго изъ смертныхъ
Ореста прахъ, души его наслѣдье!
Какъ обманулъ надежды ты мои!
Теперь ничто ты, ноша рукъ пустая,

А изъ дому цвѣтущимъ я тебя
Отправила. Зачѣмъ отъ жизни богъ
Не отрѣшилъ меня предъ той минутой,
Когда руками я тебя своими
Похитила и отъ убійцъ спасла,
Чтобъ былъ воспитанъ ты въ землѣ далекой!
Тогда бы смерть ты принялъ въ тотъ же день
И былъ бы въ отчей схороненъ гробницѣ.
Теперь же внѣ страны, бѣглецъ несчастный,
Въ землѣ чужой страдальческою смертью
Погибъ вдали ты отъ сестры своей.
Я не могла заботливой рукою
Тебя омыть въ купели погребальной,
Я не могла, какъ долгъ велитъ сестрѣ,
Твой бѣдный прахъ изъ челюстей огня
Всепожирающихъ принять: чужою
Рукою упокоенный, пришелъ ты,
Въ сосудѣ легкомъ, легкой горсть золы!
О мой призоръ давнишній, безполезный!
О неустанность сладостныхъ заботъ!
Не такъ ты матери, какъ мнѣ, былъ дорогъ.
О лепетъ дѣтскій! Вѣдь меня одну
Ты няней звалъ, меня одну сестрою.
И столько счастья день одинъ унесъ!
О братъ мой милый! Все съ собой похитивъ,
Какъ вихрь, умчался ты. Въ гробу отецъ нашъ,
Въ гробъ и меня ты уложилъ, и самъ
Ушелъ отъ жизни въ преисподней тьму.
Смѣется врагъ, ликуетъ въ изступленьи
Мать безсердечная... а сколько разъ
Мнѣ вѣсти тайныя ты посылалъ,
Что мести долгъ надъ нею ты исполнишь!
Несчастенъ, видно, богъ нашъ—твой и мой:
Онъ всю надежду отнялъ, и тебя
Такимъ прислалъ мнѣ—вмѣсто жизни милой,
Лишь пепла горсть и призрачную тѣнь.
О горе,
О жалкій образъ, горе,
О путь ужасный, горе,
Ужасенъ путь твой, братъ мой дорогой!
Меня съ собою, братъ мой, погубилъ ты.
Прими жъ меня въ послѣдній твой пріютъ:

И я—ничто. Съ тобою въ гробу я
Хочу лежать. Когда ты видѣлъ свѣтъ,
Я неотступно мысли всѣ роднила
Съ тобой, мой братъ; такъ пусть и въ смерти насъ
Одной могилы осѣнитъ покровъ;
Печали вѣдь лишь мертвые не знаютъ.

СТАРШАЯ ДѢВУШКА.

Отъ смертнаго отца ты рождена,
Электра; смертнымъ былъ твой братъ: смирися!
Намъ всѣмъ назначенъ ихъ удѣлъ печальный.

Электра рыдаетъ, склонивъ голову на урну. Орестъ, не замѣченный ею, во время ея плача переживалъ сильнѣйшую душевную борьбу; теперь его чувства прорываются наружу.

ОРЕСТЪ.

Что мнѣ сказать? Какой исходъ въ волненьи
Найти? Не въ силахъ тайну я сберечь.

ЭЛЕКТРА (поднимая голову).

Въ чемъ боль твоя? Что хочешь ты сказать?

ОРЕСТЪ.

Электры-ль вижу славный образъ я?

ЭЛЕКТРА.

Электры образъ? Да—изъ жалкихъ жалкій!

ОРЕСТЪ.

Какой же страшной взысканъ я кручиной!

ЭЛЕКТРА.

Ужъ не меня ли ты жалѣешь, гость?

ОРЕСТЪ.

О бѣдственно загубленная жизнь!

ЭЛЕКТРА.

Въ меня ты мѣтишь, гость, зловѣщимъ словомъ?

ОРЕСТЪ.

Безъ радости, безъ брака вянешь ты!

ЭЛЕКТРА.

Что значитъ взглядъ твой, и зачѣмъ твой стонъ?

ОРЕСТЪ.

И своего же горя я не вѣдалъ!

ЭЛЕКТРА.

Откуда жъ нынѣ ты о немъ узналъ?

ОРЕСТЪ.

Тебя увидѣвъ въ горестей убранствѣ!

ЭЛЕКТРА.

Что знаешь ты о горестяхъ моихъ!

ОРЕСТЪ.

Ужели видъ твой превзошли онѣ?

ЭЛЕКТРА.

Такъ знай же: домъ съ убійцами дѣлю я!

ОРЕСТЪ.

О, съ чьими? Молви! Гдѣ источникъ зла?

ЭЛЕКТРА.

Съ убійцами отца. Рабой я стала!

ОРЕСТЪ.

Кто-жъ волю такъ насилуетъ твою?

ЭЛЕКТРА.

Ей имя—мать, но нравъ не материнскій.

ОРЕСТЪ.

Но чѣмъ же? Силой, иль лишеній гнетомъ?

ЭЛЕКТРА.

И силой, и лишеньями, и всѣмъ.

ОРЕСТЪ.

И нѣтъ тебѣ заступника на свѣтѣ?

ЭЛЕКТРА.

Одинъ лишь былъ—его ты прахъ принесъ!

ОРЕСТЪ.

Несчастная! Какъ жалко мнѣ тебя!

ЭЛЕКТРА.

Одинъ ты пожалѣлъ меня доселѣ.

ОРЕСТЪ.

О да! Одинъ твоей я болью боленъ.

ЭЛЕКТРА.

Ужъ не въ родствѣ ли съ нами ты, мой гость?

ОРЕСТЪ.

Я бъ радъ сказать; но вѣрны-ль дѣвъ уста?

ЭЛЕКТРА.

Они мнѣ вѣрны; тайны не нарушатъ.

ОРЕСТЪ.

Коль такъ, отдай мнѣ урну, все узнаешь.

ЭЛЕКТРА.

О нѣтъ, молю! Не отнимай ея!

ОРЕСТЪ.

Дай вѣру слову! Нѣтъ обмана въ немъ.

ЭЛЕКТРА.

О не лишай меня моей отрады!

ОРЕСТЪ (вырывая урну).

Напрасно молишь!

ЭЛЕКТРА.

О Орестъ мой милый!
О, даже прахъ твой отнять у меня!

ОРЕСТЪ.

Безъ словъ зловѣщихъ! Ты скорбѣть не въ правѣ.

ЭЛЕКТРА.

Скорбѣть не въ правѣ о погибшемъ братѣ?

ОРЕСТЪ.

Не слѣдъ тебѣ такъ называть его!

ЭЛЕКТРА.

Мнѣ, что̀ утѣхи лишена послѣдней?

ОРЕСТЪ.

Не лишена ты; урна не твоя!

ЭЛЕКТРА.

Какъ не моя, коль прахъ Ореста въ ней?

ОРЕСТЪ.

Да не Ореста-жъ! То молва одна.

ЭЛЕКТРА.

Гдѣ-жъ вы курганъ насыпали бѣднягѣ?

ОРЕСТЪ.

Нигдѣ. Живымъ не воздвигаютъ ихъ.

ЭЛЕКТРА (ошеломленная).

Что ты сказалъ?

ОРЕСТЪ.

Святую правду, вѣрь.

ЭЛЕКТРА.

Онъ живъ, мой соколъ?

ОРЕСТЪ.

Если живъ я самъ.

ЭЛЕКТРА.

Ты—ты—Орестъ?

ОРЕСТЪ (показывая ей свой перстень).

Печать отца ты знаешь?
Взгляни, провѣрь, сказалъ ли правду я!

ЭЛЕКТРА (хватая его руку).

О день восторга!

ОРЕСТЪ.

Да, восторга, вѣрю.

ЭЛЕКТРА.

О голосъ милый!

ОРЕСТЪ.

Ты узнала брата?

ЭЛЕКТРА.

Тебя-ль держу я?

ОРЕСТЪ.

Такъ бы все держать намъ.

ЭЛЕКТРА (хору).

Подруги милыя, гражданки-дѣвы,
Здѣсь, здѣсь Орестъ! Уловкой смерть была—
Уловкой той же возвращенъ онъ жизни.

СТАРШАЯ ДѢВУШКА.

Да, милая! И отъ прибоя счастья
Съ очей росится радости слеза.

Начинается музыка, сопровождающая ликующія строфы Электры и отличающая ихъ этимъ отъ речитативовъ осторожнаго Ореста. Она все держитъ его руку и съ упоеніемъ смотритъ ему въ глаза.

ЭЛЕКТРА.

О милый свѣтъ, *Стр.*
Свѣтъ лучистыхъ глазъ, богатырскій станъ,
Ты ли предо мною?
Ты здѣсь, ты видишь сироту-сестру?

ОРЕСТЪ.

Я здѣсь, но ты храни молчанье, жди!

ЭЛЕКТРА.

Молчанье?

ОРЕСТЪ.

Такъ лучше: въ домѣ насъ услышать могутъ!

ЭЛЕКТРА.

Нѣтъ, какъ страшенъ мнѣ Артемиды гнѣвъ,
Нѣтъ, не дрогну я предъ толпою женъ,
Матери-земли безполезной ношей!

ОРЕСТЪ.

Смотри! И женъ рукою смерть разитъ:
Сама ты знаешь—опытъ не забыла.

ЭЛЕКТРА.

О лютой скорби пѣснь!
Ахъ, напомнилъ ты незабвенную,
Незаживную рода Атридовъ рану!

ОРЕСТЪ.

И это знаю. Пусть настанетъ часъ,
И все мы вспомнимъ—всю кручину дома.

ЭЛЕКТРА.

О, каждый часъ *Ант.*
Каждый часъ теперь рѣчь о ней ведетъ,
Правда такъ велитъ
Теперь, теперь блеснула воля мнѣ!

ОРЕСТЪ.

Блеснула, знаю; такъ храни жъ ее!

ЭЛЕКТРА.

Но какъ же?

ОРЕСТЪ.

Уйми рѣчей въ безвременьи потокъ!

ЭЛЕКТРА.

Яркимъ свѣтомъ ты предо мной стоишь,
Мнѣ-ль молчанья мглой омрачить его?
Ахъ, надежды лучъ ужъ погасъ въ печали!

ОРЕСТЪ.

Опъ загорѣлся вновь, когда боговъ
Меня подвинулъ непреложный голосъ.

ЭЛЕКТРА.

О радость безъ конца!
Коль самъ богъ сюда намъ тебя послалъ,
Твой возвратъ ко мнѣ дивo превыше дива!

ОРЕСТЪ.

Мнѣ жаль перечить радости твоей,
Но подчиняться ей сверхъ мѣры — страшно.

ЭЛЕКТРА.

Столько долгихъ дней я ждала тебя; *Эл.*
Путь желанный свой совершилъ ты нынѣ;
Ты засталъ меня въ горѣ горестномъ:
О, не будь жестокъ!

ОРЕСТЪ.

Я жестокъ, сестра?

ЭЛЕКТРА (любуясь имъ, страстно).

Не лишай меня радости моей.

ОРЕСТЪ (нѣжно).

И другимъ того не простилъ бы я!

ЭЛЕКТРА.

Дозволишь?

ОРЕСТЪ (съ улыбкой).

Конечно!

ЭЛЕКТРА (бросается ему на шею).

О братъ мой!
Точно громъ тотъ слухъ поразилъ меня,
Все жъ въ груди своей я сдержала боль;
Не прорвался крикъ чрезъ уста нѣмыя.
Ты со мной теперь, ликомъ ласковымъ
Упиваюсь я—этой радости
Не забыть ужъ мнѣ въ самомъ горькомъ горѣ!

Склоняется головой къ груди Ореста. Тотъ нѣжно ласкаетъ ее. Пауза. Музыка умолкаетъ. Орестъ бережно снимаетъ съ себя ея руки и кротко говоритъ ей:

ОРЕСТЪ.

Теперь оставь рѣчей избытокъ долгихъ,
Не говори, какъ мать тебя терзаетъ,
Ни, какъ Эгисоъ безумною рукою
Крошитъ, роняетъ, по вѣтру разноситъ
Отца наслѣдье; за такою рѣчью
Призывъ минуты упустили бъ мы.
Ты жъ мнѣ скажи, что мнѣ для дѣла нужно:
Куда явиться, гдѣ намъ скрыть себя,
Чтобъ смѣхъ враговъ на вѣки онѣмѣлъ?
Затѣмъ одно. Намъ въ домъ войти придется:
Блюди жъ себя, чтобъ радости печать
Насъ на лицѣ не выдала твоемъ.
Нѣтъ, точно правда вѣсть о томъ ударѣ,
Скорби и плачь; а какъ блеснетъ удача—
Тогда и смѣху волю мы дадимъ.

ЭЛЕКТРА.

О братъ мой, все, что важнымъ ты считаешь,
И мнѣ законъ; вѣдь отъ тебя я радость
Въ даръ получила: вся она—твоя.
Я и великой выгоды своей
Не окуплю малѣйшимъ огорченьемъ

Твоимъ, мой милый; недостойной службой
То было-бъ богу, что̀ возноситъ насъ.
Дѣла же наши самъ ты знаешь; слышалъ,
Что нѣтъ Эгисоа во дворцѣ, что дома
Лишь мать одна; она же не увидитъ
Улыбки счастья на устахъ моихъ.
Живучъ старинной ненависти слѣдъ;
Къ тому же слезы—радостныя, правда—
Съ того мгновенья, какъ открылся ты,
Съ очей моихъ струятся неустанно, (съ увлеченіемъ)
И какъ имъ не струиться! Вѣдь въ одномъ
Пришествіи предсталъ ты предо мною
И мертвымъ и живымъ. Такое чудо
Ты совершилъ, что если бы отецъ
Къ намъ вдругъ явился—я бъ не удивилась,
Не отказала бы глазамъ въ довѣрьи!
И вотъ ты здѣсь, желанный конченъ путь—
Отнынѣ ты мнѣ повелитель. Я же,
Будь я одна, одинъ вѣнецъ изъ двухъ
Стяжала бы: я или въ красотѣ
Спасла бъ себя, иль въ красотѣ погибла.

ОРЕСТЪ (въ полголоса).

Сестра, потише. Шумъ шаговъ я слышу.
Идутъ къ дверямъ.

Отступаетъ къ Пиладу и другимъ. Электра принимаетъ прежній равнодушный видъ.

ЭЛЕКТРА (громко).

Войдите, чужестранцы,
Вамъ домъ открытъ; съ собою принесли вы
Нерадостный, но неизбѣжный даръ.

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Двери отворяются и остаются открытыми въ теченіе всей сцены. Выходитъ съ озабоченнымъ видомъ Талѳибій; не обращая вниманія на Электру, онъ обращается непосредственно къ Оресту и Пиладу.

ТАЛѲИБІЙ.

Безумные! Что дѣлаете вы!
Ужели ни во что спасенье жизни

Вы ставите? Иль умъ врожденный нынѣ
Оставилъ васъ? Не на краю пучины
Стоите вы—среди валовъ вашъ челнъ,
И вы грозы не видите своей?
Вѣдь если бъ я все время вѣрнымъ стражемъ
Не охранялъ васъ—раньше васъ самихъ
Дѣянья ваши были бы въ чертогѣ.
Заботою я отвратилъ своею
Ближайшую опасность; но и вы
Оставьте нѣгу долгихъ разговоровъ
И ненасытнаго веселья крикъ!
Войдите въ домъ. Опасна въ дѣлѣ нашемъ
Медлительность. Рѣшенья часъ насталъ!

ОРЕСТЪ.

Но какъ же встрѣтитъ отчій домъ приходъ мой?

ТАЛѲИБІЙ.

Все къ лучшему; никто тебя не знаетъ.

ОРЕСТЪ.

Ты смерть мою, конечно, возвѣстилъ?

ТАЛѲИБІЙ.

Для нихъ ты нынѣ—преисподней житель.

ОРЕСТЪ.

А что жъ они? Смѣются или плачутъ?

ТАЛѲИБІЙ.

Скажу потомъ. Теперь же знай; у нихъ
Все къ лучшему—и то, что хуже худа.

ЭЛЕКТРА.

Все время смотрѣла на Талѳибія—сначала испуганно и враждебно, признавъ въ немъ вѣстника о смерти Ореста, затѣмъ удивленно, замѣтивъ его близость къ нему. Теперь она рѣшительно подходитъ къ Оресту и въ полголоса говоритъ ему:

Кто этотъ гость? Скажи мнѣ, братъ любимый!

ОРЕСТЪ (съ улыбкой).

Не догадалась?

ЭЛЕКТРА.

Разумъ мой молчитъ.

ОРЕСТЪ.

Кому меня передала—не помнишь?

ЭЛЕКТРА.

Что ты сказалъ?

ОРЕСТЪ.

А кто меня въ Фокиду

Отнесъ, твой мудрый замыслъ исполняя?

ЭЛЕКТРА (радостно).

О боги! Онъ—единственный, что̀ вѣрность
Тогда соблюлъ убитому отцу?

ОРЕСТЪ.

Тотъ самый: вотъ отвѣтъ на всѣ вопросы.

ЭЛЕКТРА (жметъ руку Талэибія).

О свѣтъ родимый, о спаситель дома
Единственный! Тебя ль я вижу здѣсь?
Его, меня—отъ столькихъ золъ отважно
Ты сохранилъ! О руки дорогія,
О незабвенная услуга ногъ!
Ужъ сколько времени ты здѣсь—и тайны
Не выдалъ мнѣ. Казнилъ меня словами,
Неся безмѣрной радости дѣла!
Привѣтъ тебѣ, отецъ мой! Да, я вижу
Отца въ тебѣ! Привѣтъ! И знай, что въ день
Одинъ возненавидѣла тебя я
И возлюбила больше всѣхъ людей.

ТАЛОИБІЙ (ласково).

Довольно словъ. Въ своемъ вращеньи небо
Намъ много дней, Электра, ниспошлетъ,
Чтобъ ясность полную тебѣ представить
Всѣхъ нынѣ недосказанныхъ рѣчей.
А вамъ, друзья, я снова повторяю:
Часъ дѣла наступилъ! Теперь царица

Одна, теперь въ хоромахъ нѣтъ мужей.
Спѣшите же! Не то—приспѣетъ врагъ вамъ
Числомъ грознѣе и сильнѣй умомъ.

ОРЕСТЪ.

Идемъ, Пиладъ. Не терпитъ долгой рѣчи
Назрѣвшій часъ. Скорѣй же во дворецъ,
Привѣтъ пославши всѣмъ богамъ родимымъ,
Что̀ неусыпно нашъ порогъ блюдутъ.

Талѳибій съ обоими юношами по правую и по лѣвую руку подходятъ поочередно съ тихою молитвою къ кумирамъ Аполлона, Артемиды, Геры, Гермеса. Когда они подошли къ обоимъ послѣднимъ, Электра, въ сильномъ волненіи, бросается къ подножію кумира Аполлона:

ЭЛЕКТРА.

Услышь мольбу ихъ, Аполлонъ властитель,
Услышь и мой молитвенный призывъ!
Тебѣ не разъ усердною рукою
Даровъ посильныхъ долю я несла;
Тебя и нынѣ съ почестью посильной
Прошу, молю и заклинаю я:
О Аполлонъ Ликейскій! Въ дѣлѣ нашемъ
Яви намъ помощь милостью своей!
Пусть знаютъ люди, какова награда
Нечестію отъ праведныхъ боговъ!

Когда молитва кончена, всѣ приближаются къ порогу, впереди Талѳибій, за нимъ Орестъ и Пиладъ, далѣе оба служителя съ мѣдной урной; послѣдняя—Электра. Въ этомъ порядкѣ они медленно поднимаются по ступенямъ и исчезаютъ въ полумракѣ сѣней; за ними двери глухо затворяются. Слышны шаги уходящихъ по каменному полу дворца; затѣмъ воцаряется полное молчаніе.

ЧЕТВЕРТЫЙ СТАСИМЪ.

Начинается музыка, тихая и зловѣщая, въ началѣ прерывистая, точно учащенные, глухіе удары молота, затѣмъ протяжная. Хоръ стоитъ у обоихъ среднихъ кумировъ, не спуская глазъ съ затворенныхъ дверей.

ХОРЪ.

Вотъ онъ идетъ— а передъ нимъ *Стр.*
Свѣжей крови жаръ— богъ-ловецъ Аресъ.
Скользнула въ сѣнь отверженныхъ хоромъ,
Чуя вѣрный слѣдъ древнаго грѣха
псицъ-Эриній стая.

Конецъ тревогѣ; вѣщій сонъ
Души моей предъ нами вмигъ
Предстанетъ въ явь!

Переступилъ черезъ порогъ *Ант.*
Тайной поступью блѣдной рати другъ
Въ древледержавный отческій чертогъ:
Жаждетъ мечъ его вновь отточенный
Кровь за кровь взыскать.
Конецъ насталъ; ведетъ его,
Коварство мракомъ скрывъ, Гермесъ.
У цѣли онъ.

ЭКСОДЪ.

ПЕРВАЯ СЦЕНА.

Дверь слегка отворяется, изъ нея выскользаетъ Электра, послѣ чего она затворяется вновь. Электра внѣ себя отъ волненія, она шатается, ищетъ опоры и прислоняется къ колоннѣ входа. Музыка продолжается, принимая все болѣе тревожный характеръ.—Наступилъ вечеръ.

ЭЛЕКТРА.

О тише, тише, милыя подруги! *Стр.*
Они ужъ тамъ; свершится дѣло вмигъ!

СТАРШАЯ ДѢВУШКА.

Что жъ тамъ творится?

ЭЛЕКТРА.

Урну украшаетъ
Вѣнкомъ она; они при ней, надъ ней...

СТАРШАЯ ДѢВУШКА.

Зачѣмъ же здѣсь ты?

ЭЛЕКТРА.

Сторожить должна я,
Чтобъ не засталъ при дѣлѣ ихъ Эгисоъ.

ГОЛОСЪ КЛИТЕМНЕСТРЫ.

О домъ! кровавый домъ!
Друзья вдали, убійцы лишь вокругъ.

ЭЛЕКТРА (дрожащимъ голосомъ).

Чу! Крикъ раздался; слышали, подруги?

ХОРЪ.

Я слышу вопль... страшно мнѣ...
Вопль невыносимый!

ГОЛОСЪ КЛИТЕМНЕСТРЫ.

Несчастная! Ахъ гдѣ ты, гдѣ, Эгисоъ?

ЭЛЕКТРА (внезапно выпрямилась при имени Эгисѳа).

Вторичный крикъ!

ГОЛОСЪ КЛИТЕМНЕСТРЫ.

Дитя, дитя мое!
Мать пожалѣй!

ЭЛЕКТРА.

А ты его жалѣла,
Жалѣла ты родителя его?

ХОРЪ.

О городъ, о горемъ испытанный родъ!
Довольно висѣла судьба надъ тобой;
Конецъ ей, конецъ!

ГОЛОСЪ КЛИТЕМНЕСТРЫ.

Ударилъ ты!

ЭЛЕКТРА (бѣшено).

Коль ты силенъ, еще разъ!

ГОЛОСЪ КЛИТЕМНЕСТРЫ.

О горе мнѣ!

ЭЛЕКТРА.

Тебѣ съ Эгисѳомъ—да!

ХОРЪ.

Свершился рокъ; жизнь обрѣлъ,

Въ тьмѣ земли скрытый царь;
Незримой тягой точитъ кровь убійцъ своихъ,
Возмездья кровь,— древле смерть вкусившій.

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Дверь снова отворяется. Выходятъ Орестъ и Пилладъ; въ рукахъ у перваго обнаженный мечъ, обагренный свѣжей кровью.

СТАРШАЯ ДѢВУШКА.

Они вернулись; жертвенная влага *Ант.*
На ихъ рукахъ; ихъ осуждать не намъ.

ЭЛЕКТРА (не поднимая головы).

Орестъ, свершилось?

ОРЕСТЪ (глухо).

Все къ добру въ чертогѣ,
Коль доброе вѣщалъ намъ Аполлонъ.

ЭЛЕКТРА.

Она погибла?

ОРЕСТЪ.

Не страшися болѣ
Отъ матери безчестья и обидъ.

ЭЛЕКТРА.

Отомстила она
За смерть отца и за твою печаль.

ОРЕСТЪ.

Да сгинетъ съ ней проклятье родовое!

ХОРЪ.

Довольно словъ; мѣдь блеститъ,
Къ намъ Эгисовъ стремится.

ОРЕСТЪ.

Что жъ, въ добрый часъ! Принять его я радъ.

ЭЛЕКТРА.

Орестъ, уйди!

ОРЕСТЪ.

Гдѣ видишь ты его?
Онъ близокъ, да?

ЭЛЕКТРА.

Съ предмѣстья онъ собрался
Съ веселымъ видомъ въ невеселый путь.

ХОРЪ.

Скорѣй въ междудверіи скройтесь, скорѣй!
Свершили вы счастливо дѣло одно—
Второе теперь.

ОРЕСТЪ.

Исполнимъ все!

ЭЛЕКТРА.

Иди въ чертогъ, не медли.

ОРЕСТЪ (уходя съ Пиладомъ во дворецъ).

Я ухожу.

ЭЛЕКТРА.

Приму его сама.

ХОРЪ.

Услышитъ врагъ кроткихъ словъ
Льстивый звукъ отъ тебя;
Не чуя близкой гибели, онъ пряпетъ самъ,
Какъ дикій звѣрь, въ сѣть суровой Правды!

СЦЕНА ТРЕТЬЯ.

Электра опять стоитъ у закрытой двери, черезъ которую вошли Орестъ и Пиладъ. Съ лѣвой стороны торопливо приближается Эгисѳъ, мужчина лѣтъ 40 въ полномъ вооруженіи. Электру онъ замѣчаетъ не сразу и обращается, поэтому, сначала къ хору. Музыка умолкаетъ.

ЭГИСѲЪ.

Кто скажетъ мнѣ, гдѣ гости изъ Фокиды,
Что́ вѣсть несутъ намъ объ Ореста смерти,

Погибшаго въ крушеньи колесницъ? (Замѣчая Электру)
Къ тебѣ вопросъ мой; да, къ тебѣ—что сталось
Съ обычной дерзостью твоей? Та вѣсть
Всѣхъ болѣе тебя должна заботить,
Всѣхъ лучше вѣдать ты ее должна!

ЭЛЕКТРА (съ притворнымъ смиреніемъ).

Ты правъ; могла ль я чуждой оставаться
Великой радости друзей моихъ?

ЭГИСѲЪ.

Гдѣ жъ чужестранцы? Научи меня!

ЭЛЕКТРА.

Обласканы привѣтливой хозяйкой.

ЭГИСѲЪ.

Они про смерть сказали достовѣрно?

ЭЛЕКТРА.

Не только: трупъ съ собою принесли.

ЭГИСѲЪ.

Могу ль его воочію увидѣть?

ЭЛЕКТРА.

Конечно: кто же возбранитъ тебѣ?

ЭГИСѲЪ (недовѣрчиво).

Рѣчь не по нраву радостна твоя!

ЭЛЕКТРА.

Что жъ, радуйся, коль радость тутъ умѣстна.

ЭГИСѲЪ.

Молчанье всѣмъ! Откройте настежь двери:
Пусть и микенскій, и аргосскій людъ
Его увидитъ. Если кто изъ гражданъ
Надеждой духъ свой тѣшилъ безразсудной —

Пускай, взирая на недвижный трупъ,
Мою узду безропотно пріемлетъ;
Пускай не ждетъ, чтобъ строгой кары сила
Взростила поздній разумъ у него!

ЭЛЕКТРА.

Примѣромъ—я. Ты видишь—я разумна,
Предъ силою склонилася твоей.

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ.

Электра отворяетъ настежь обѣ половины дверп. Внутренняя сѣнь освѣщена факелами; при ихъ свѣтѣ виденъ распростертый на землѣ, ногами къ выходу, трупъ, покрытый ковромъ. Надъ головою стоптъ Талѳибій, нѣсколько ближе къ дверп оба прислужника, у ногъ Орестъ и Пиладъ. Мечи у всѣхъ подъ плащами. Электра, открывъ дверь, спускается къ хору, оставляя Эгисѳа передъ трупомъ.

ЭГИСѲЪ (про себя).

О Зевсъ, его ль я вижу? Жертвой палъ онъ,
Средь счастья, божьей зависти,—не стану
Я гнѣвъ твой, Немезида, вызывать. (Оресту и Пиладу)
А вы снимите гробовой покровъ:
Хочу и самъ родную кровь оплакать.

ОРЕСТЪ.

Его своей ты долженъ снять рукой:
Не я, а ты здѣсь господинъ. Почти же
И взоромъ трупъ, и ласковымъ привѣтомъ.

ЭГИСѲЪ (поднимаясь по ступенямъ).

Ты молвилъ правду; такъ да будетъ. Ты же
Скажи царицѣ, чтобъ сюда пришла.

ОРЕСТЪ.

Она вблизи; и звать ее не нужно.

Вмѣстѣ съ Пиладомъ спускается по ступенямъ на сцену, предоставляя Эгисѳу мѣсто передъ трупомъ. Эгисѳъ послѣ нѣкотораго колебанія быстрымъ движеніемъ срываетъ покровъ и узнаетъ Клитемнестру.

ЭГИСѲЪ.

Что вижу? Боги!

ОРЕСТЪ (насмѣшливо).

Въ комъ ты обознался?

Эгисѳъ хочетъ бѣжать. Орестъ съ Пиладомъ, обнажая мечи, преграждаютъ ему дорогу. Эгисѳъ бросается въ домъ, но здѣсь его встрѣчаютъ Телѣбій и оба прислужника, тоже съ обнаженными мечами. Внѣ себя отъ ужаса онъ, стоя на ступеняхъ, всматривается въ Ореста.

ЭГИСѲЪ.

Кто вы? Какъ могъ среди тенетъ коварныхъ
Я очутиться?

ОРЕСТЪ.

Не замѣтилъ ты,
Что мертвыми зовешь живыхъ все время?

ЭГИСѲЪ.

Я понялъ, понялъ! Нѣтъ сомнѣнья болѣ:
О вѣстникъ лживый! Знаю, ты—Орестъ!

ОРЕСТЪ.

И ты, пророкъ, такъ долго заблуждался?

ЭГИСѲЪ.

Ахъ, смерть настала! Умоляю, дай мнѣ
Сказать хоть слово!

ЭЛЕКТРА.

Ради бога, братъ мой,
Не дай ему словами жизнь продлить.
Что пользы намъ, когда злодѣй презрѣнный
Отсрочитъ смерти неизбѣжной мигъ?
Тотчасъ убей, убитаго же тѣло
Могильщикамъ достойнымъ предоставь,
Отъ взора нашего подальше; прежде
Не стихнетъ боль измученной души.

ОРЕСТЪ (указывая мечемъ на дверь).

Ступай въ чертогъ скорѣй! Не время нынѣ
Для словъ пустыхъ; мнѣ жизнь твоя нужна.

ЭГИСѲЪ.

Зачѣмъ въ чертогъ? Ужель ты мракомъ скроешь
Столь славный подвигъ? Здѣсь меня убей!

ОРЕСТЪ.

Ты тамъ умрешь, гдѣ отъ твоей сѣкиры
Отецъ мой палъ; не наставляй меня!

ЭГИСѲЪ.

Тому ль покою видѣть суждено
Рокъ Пелопидовъ сущій—и грядущій?

ОРЕСТЪ.

Нѣтъ, только твой: пророкъ тебѣ я въ этомъ.

ЭГИСѲЪ.

Не отъ отца наслѣдье эта мудрость!

ОРЕСТЪ.

Отвѣтами ты смерть лишь замедляешь;
Ступай!

ЭГИСѲЪ.

Веди же!

ОРЕСТЪ.

Ты впередъ иди!

ЭГИСѲЪ.

Побѣга путь ты преградить мнѣ хочешь?

ОРЕСТЪ.

О нѣтъ; лишь смерти добровольной путь:
Ея ты горечь всю извѣдать долженъ.
И то ужъ вредъ, что не тотчасъ злодѣевъ
За ихъ дѣянье настигаетъ казнь:
Тѣмъ и плодится нечестивцевъ племя.

Послѣ новаго повелительнаго движенія Ореста Эгисѳъ, опустивъ голову, идетъ во дворецъ; за нимъ Орестъ и Пиладъ съ обнаженными мечами. Дверь затворяется. Электра вбѣгаетъ на ступени и, прислонившись къ ко-

лоннѣ, жадно прислушивается къ тому, что происходитъ во дворцѣ. Слышны шаги удаляющихся во внутреннiе покои. Затѣмъ—раздирающiй крикъ и паденiе тѣла. Опять тишина. Послѣ паузы дверь снова отворяется. Трупы Эгисѳа и Клитемнестры лежатъ рядомъ, у нихъ Орестъ съ опущеннымъ мечомъ, остальные поодаль. Электра съ крикомъ радости бросается на шею брату.

Тѣмъ временемъ сцена наполнилась народомъ; всѣ привѣтствуютъ Ореста и Электру. Маршевая музыка.

СТАРШАЯ ДѢВУШКА.

О Атреевы внуки, изъ многихъ кручинъ
Вы прорвались на свѣтъ по свободы пути:
Ваше счастье исполнилось нынѣ!

Среди ликованiй народъ и хоръ расходятся. Дверь затворяется.

Пер. О. Зѣлинскiй.

ВЪ БѢЛОВѢЖСКОЙ ПУЩѢ.

I.

Радостно сіяло весеннее утро. Кое-гдѣ тянулись рыхлыя полосы талаго снѣга. Молодая, изумрудно нѣжная озимь наивно, робко тянулась къ солнцу. Наполняя воздухъ мягко-тягучимъ гуломъ, убѣгалъ въ прозрачно-млѣющую даль пассажирскій поѣздъ на Челябу. По рыхлой, набухшей грязью дорогѣ, поощряемая энергичными движеніями ямщицкаго кнута, бодро шла земская тройка. Въ архаической, но довольно удобной коляскѣ сидѣли два молодыхъ землеустроителя въ форменныхъ фуражкахъ и нескладныхъ рыжихъ чапанахъ. Позади, въ «товаропассажирской» повозкѣ, нагруженный всѣми орудіями своей профессіи, скромно тарахтѣлъ землемѣръ. Молодые землеустроители были опьянены ликованіемъ природы; къ этому примѣшивалось наивно дѣтское сознаніе, что они теперь—власть, что жандармы и городовые, не говоря уже о стражникахъ, почтительно имъ козыряютъ, а мужики болѣе чѣмъ почтительно ломаютъ при встрѣчѣ шапки. Къ чорту Питеръ, промозглый бумажный Питеръ! Теперь передъ ними настоящая Россія, передъ ними большое дѣло:—мужикъ, съ его горестями и надеждами о «землицѣ».

— Хорошо. Вотъ хорошо-то,—машинально, словно поддавшись цѣломудренной ласкѣ ликующей весенней природы,—сказалъ Офросимовъ, и его скуластое некрасивое лицо выразило безконечное довольство.

— Теперь-то хорошо, а вотъ что мы осенью запоемъ,—скептически замѣтилъ Кравцовъ.

— Ну что жъ, устроились прекрасно, жить будемъ у князя въ усадьбѣ, конечно кой-какое общество найдется. Какого же чорта еще нужно. А что кафе-шантана да оперетки не будетъ— такъ это бѣда еще не велика,—нравоучительнымъ тономъ сказалъ Офросимовъ и, точно отвѣчая на свои собственныя затаенныя мысли, вскользь добавилъ:—Говорятъ, княжна очень недурна.

Кравцовъ закатился искреннимъ, здоровымъ смѣхомъ и бутафорски сердито погрозилъ своему спутнику.

— Ахъ, ты мой добрый, старый павіанъ, тебя государство для блага мужиковъ и во славу хуторского хозяйства посылаетъ, а ты только и знай, что мечтаешь о сладостныхъ романахъ съ хорошенькими барышнями,—преувеличенно отчетливо сказалъ Кравцовъ.

Его спутникъ молча повелъ глазами на посконную спину ямщика—и дружескія изліянія прекратились. Наступило долгое молчаніе, прерванное, наконецъ, Кравцовымъ.

— Ямщикъ, ты знаешь, кто мы?—спросилъ онъ.

Ямщикъ повернулся всѣмъ корпусомъ, внимательно глянулъ больными трахомой глазами и сказалъ:

— Не иначе что господа...

— Да не то тебя, милый человѣкъ, спрашиваютъ, а знаешь ли ты, зачѣмъ мы ѣдемъ въ Ручьевку?—допытывался Кравцовъ.

— А кто жъ васъ знаетъ? Ежели господа, можетъ и по своей охотѣ, а то, глядишь, и отъ казны отправлены.

— Вотъ именно отъ казны, ѣдемъ мы крестьянъ на хутора селить,—сказалъ Офросимовъ.

— Это значитъ: смущеніе въ крестьянскій міръ пущать. Понимаемъ,—промолвилъ ямщикъ.

— Почему же смущеніе?—попробовалъ было допытаться Кравцовъ, но ямщикъ сталъ непроницаемъ.

— Да мнѣ, ваше благородіе, все это словно и ни къ чему, потому я отъ землицы ушелъ, въ ямщикахъ десятый годъ состою, ну а свой дареный надѣлъ тестю переправилъ: пущай его благополучествуетъ. А вотъ, если ваше благородіе на водку изволите мнѣ хорошо отпустить, то на ярмаркѣ въ Балашовѣ я за вашу честь то исть во какъ выпью, — сказалъ ямщикъ и яростно сталъ лупить кнутомъ пріунывшихъ было лошадокъ.

— Перестань кнутомъ работать—тебя бы такъ самого,— строго замѣтилъ Кравцовъ.

— А я, ваше благородіе, бью лошадь затѣмъ, чтобъ она не забывалась и судьбу свою помнила,—сказалъ ямщикъ.

Друзья разсмѣялись; повеселѣлъ и ямщикъ и уже болѣе смѣлымъ голосомъ спросилъ Кравцова:

— Такъ что, ваше благородіе, ѣхать изволите къ самому князю?

— Именно къ нему. А что?

— Ничего, ваша честь, это я единственно къ слову. Житье тамъ совсѣмъ господское, привольное, не соскучитесь.

— Что ты глупости говоришь,—разсердился Кравцовъ.— Мы туда для дѣла ѣдемъ, а не для удовольствія. Ты вотъ скажи лучше, что тамъ за земля.

— Я, ваше благородіе, въ этомъ собственно не освѣдомленъ, потому теперь я отъ земли отбился, а только говорятъ въ народѣ, что землица тамъ дюже плоха, одно слово—пески зыбучіе аравійскіе, потому и смущеніе міру пропсходитъ, потому жить на этой землицѣ никакъ невозможно, а начальство обижается, смутьяны—думаетъ,—повѣствовалъ мужикъ. Тройка ѣхала мимо усадьбы, завистливо спрятанной деревьями стараго парка. Красивыми аккордами перемѣшивались юные побѣги зелени съ фіолетовыми, желто-бронзовыми изсохшими листьями. Безпорочно нѣжное голубое небо млѣло въ прозрачныхъ высяхъ; въ воздухѣ играли стрижи; животворящей свѣжестью дышала воскресшая земля.

Ямщикъ повернулся къ спутникамъ и кнутомъ показалъ на усадьбу.

— Въ третьемъ году крещеный міръ здѣсь маленько ошибся,— сказалъ ямщикъ, и въ голосѣ его послышалось что-то недоговоренное.

— То-есть какъ это ошибся?—спросилъ Кравцовъ.

— Усадьбу маленько попортили, гуменники съ амбарами подпалили, а скотъ, какой у барина былъ, прирѣзали да въ рѣчку и побросали. Избави Богъ какъ тогда смердѣло. Ну и то сказать, народъ, что пошалилъ, судьбу свою нашелъ, то-исть во какъ нашелъ, поди до сихъ поръ... пухнутъ,—сокрушенно повѣствовалъ ямщикъ. Хотя онъ и объявилъ, что землицей не занимается, однако оказался въ курсѣ современныхъ деревенскихъ настроеній, къ хуторамъ относился презрительно по той причинѣ, что ежели корова ляжетъ на хуторской землѣ, то хвостъ свой обязательно за межу сосѣду положитъ. Ямщикъ твердо былъ увѣренъ, чте новый порядокъ о землицѣ не человѣкомъ выдуманъ и что сокрушеніе міра доведетъ дѣло до антихриста изъ японцевъ.

Уже солнце покачнулось на своемъ лазурномъ тронѣ, когда, проѣхавъ безконечную сельскую улицу, тройка остановилась у

избы, надъ крыльцомъ которой красовалась надпись: «земская станція». Выпрягли измученныхъ лошадей, впрягли новыхъ, перемѣнился и ямщикъ. Прежній, получивъ хорошо на водку и рѣшивъ уже окончательно, что эти господа совсѣмъ не сердитые, твердилъ:

— Ваше благородіе, очень ужъ вы господа-то обходительные, дай вамъ Богъ здоровья, а ужъ если когда придется отсюда лошадей гнать, то спросите ямщика Гаврила. Большое удовольствіе мнѣ тѣмъ объявите.

Новый ямщикъ былъ существомъ по истинѣ загадочнымъ: на головѣ у него красовался какой-то рыжій котелокъ, въ зубахъ дымилась зловоннѣйшая цыгарка. Разговорчивостью онъ не отличался, сказалъ только, что въ ямщикахъ онъ случайно, а лѣтомъ уйдетъ на низоваго «купца». Новымъ земельнымъ порядкомъ совсѣмъ не интересовался, говорилъ про мужиковъ съ безконечнымъ презрѣніемъ, такъ какъ «этотъ народъ весьма даже не сознателенъ и трусливъ». За всѣ долгіе часы ѣзды ничего другого отъ ямщика нельзя было добиться: онъ гоготалъ, изрѣдка несъ неприличныя глупости и твердилъ волжскія частушки.

Уже надвинулся нѣжный вечеръ, а на небѣ затеплилась одинокая блѣдная звѣздочка, когда показалась усадьба князя Голынскаго. Осунулся потемнѣвшій въ призракахъ темной ночи старый паркъ; каменная ограда своею бѣлой, сильно облупившейся штукатуркой казалась улыбкой хохочущаго черепа. Въ домѣ внимательно ярко свѣтилось одинокое окно. Послышался оглушительный лай, чей-то грубый голосъ угомонялъ собакъ, съ непріятнымъ ржавымъ скрипомъ отворились ворота.

— Вы что за люди?—спрашивалъ сердитый голосъ.—Ликвидаторы? Къ князю? Его сіятельство нельзя теперь тревожить, пріѣзжали бы днемъ.—Такой нелюбезный пріемъ и престижъ власти требовали достойнаго отпора. Офросимовъ въ качествѣ бывшаго артиллерійскаго поручика, а нынѣ опытнаго землеустроителя, разразился такими словечками, что Кравцовъ только диву дался и, покусывая губы, едва удерживался отъ смѣха. Рѣшительный отпоръ, вмѣстѣ съ упоминаніемъ о томъ, что князь ихъ ждетъ, значительно смягчилъ непривѣтливый голосъ.

— Ваше благородіе, гнѣваться не извольте, а только мы ихъ сіятельство потому сберегаемъ, что очень ужъ они сердиты: чуть что, сейчасъ въ ухо, а то и къ земскому для вразумленія.

Офросимовъ успѣлъ разсмотрѣть мужиченка съ какой-то звѣриной и въ то же время безконечно несчастной физіономіей, и ему стало стыдно за свой недавній порывъ.

— Ну ладно, ладно, милый человѣкъ, не плачь,—тебѣ отъ князя за насъ въ рыло не попадетъ,—сказалъ Офросимовъ и дружески похлопалъ мужика по плечу.

Вошли въ домъ. Тамъ чувствовался тотъ еле уловимый запахъ, который бываетъ въ старыхъ усадьбахъ; слышались чьи-то встревоженные голоса, но никого не было видно.

— Какое-то спящее царство; хорошо если спящая красавица найдется,—буркнулъ Офросимовъ.

Комната, куда попали друзья, поражала удивительной сбродностью своей меблировки: тутъ спокойно уживались буль, скверно рыночный русскій стиль и подозрительный модернъ. На стѣнахъ—цѣлая портретная галлерея предковъ. Хитро щурятъ свои узкіе надменные глаза Екатерининскіе вельможи въ красныхъ мундирахъ, съ густо напудренными волосами; грустно смотрятъ задумчивыя сверстницы Татьяны. Какая-то живая мумія въ сюртукѣ инвалида, съ кавказскимъ крестомъ и кучей медалей на груди, что-то сердито шамкая и громко стуча палкой, двигалась на встрѣчу друзьямъ.

— Куда, куда, тише; что за непзвѣстные люди? Не шумѣть: ихъ сіятельство работать изволитъ,—достаточно сердито командовалъ старичекъ. Кравцовъ досталъ изъ кармана рекомендательное письмо и сказалъ искусственно ласковымъ тономъ:

— Милый дѣдушка, его сіятельство ждетъ насъ, вотъ передай ему вотъ это письмо.—Кравцова стало злить это упорное приставаніе съ ихъ сіятельствомъ. Старикъ взялъ письмо, подозрительно повертѣлъ его и сказалъ:

— Ну обожди здѣсь покойно, я доложу.— Крохотными шажками онъ допрыгалъ до двери, плотно приперъ ее за собой и не возвращался довольно долго. Наконецъ старикъ выползъ.

— Пожалуйте,—торжественно прошамкалъ старый дѣдъ. Друзья двинулись къ завѣтной двери.—Куда двое? Зачѣмъ двое? Велѣно одного пустить, другой обождать долженъ, чтобы лишняго затрудненія его сіятельству не доставлять,—непреклонно властно распоряжался старичекъ.

— Ну иди, можетъ, онъ кусается, посмотри,—сказалъ Кравцовъ и почти втолкнулъ въ таинственную дверь глупо оробѣвшаго Офросимова. Кравцовъ нервно шагалъ по залѣ и сердито посматривалъ на портреты; ему начало казаться, что всѣ эти Екатерининскіе напудренные дворяне, Александровскіе и Николаевскіе военные въ топорщащихся эполетахъ и тугихъ мундирахъ,—всѣ эти мертвецы тѣлесные и духовные смотрятъ

на него необычайно насмѣшливо и враждебно. Голодъ и усталость давали знать о себѣ, и минуты смиреннаго ожиданія нелѣпой аудіенціи показались Кравцову часами жестокой пытки. Наконецъ, изъ таинственной двери выскочилъ Офросимовъ и смущенно пробормоталъ:

— Экзаменуетъ вдоль и поперекъ.—Въ тонѣ его голоса слышались смѣхъ и злость. Кравцовъ вошелъ въ кабинетъ князя. За большимъ письменнымъ столомъ сидѣлъ здоровенный старикъ въ синей поддевкѣ, съ шеей обмотанной грязноватымъ фуляромъ; это и былъ князь Борисъ Владиміровичъ Голынскій. Онъ внимательно глянулъ на Кравцова и глазами указалъ ему на кресло; Кравцовъ быстро подмѣтилъ, что глаза у князя круглые и хищные, а столъ весь заваленъ разными патріотическими брошюрами, причемъ заглавіе одной гласило: «Доброе барское слово русскому мужику или кто настоящій врагъ крещепаго люда», сочиненіе отставного ротмистра князя Б. В. Голынскаго».

— Вы коллежскій ассесоръ Андрей Константиновичъ Кравцовъ?—спросилъ князь; голосъ у него былъ хриплый и рѣзкій.

— Да.

— Гдѣ изволили получить воспитаніе?

— Въ Петербургскомъ Университетѣ.

— На военной службѣ были?

— Нѣтъ, не былъ.—Кравцовъ сталъ нервничать отъ этого нелѣпаго допроса.

— Кто вашъ батюшка?—Кровь бросилась Кравцову въ голову; онъ хотѣлъ было бросить въ лицо этому господину дерзость, но вдругъ ему стало безконечно весело, что-то внутри его захохотало и запрыгало. Вмѣсто того, чтобы сказать правду о своей семьѣ, сказать, что отецъ его извѣстный педагогъ, Кравцовъ бутафорски горестно вздохнулъ и сказалъ:

— Мнѣ слишкомъ тяжело объ этомъ говорить: отецъ мой—политическій преступникъ, каторжникъ, а мать... ея у меня не было.—Круглые глаза неподвижно тупо уставились на Кравцова.—Такъ, такъ,—повторялъ князь въ раздумьи, а Кравцовъ едва сдерживался отъ просившагося на волю смѣха.

— А вы сами по убѣжденію кто, или, какъ теперь по модному говорятъ, къ какой партіи принадлежите?—спросилъ князь, и въ тонѣ его голоса послышалась уже явная непріязнь.

— Я, князь, нахожусь на государственной службѣ, а, какъ вамъ, можетъ быть, извѣстно, чиновники не имѣютъ права быть членами политическихъ партій.

— Такъ-то оно такъ, а все же, глядишь, иной поросенокъ съ кокардой на головѣ втихомолку къ жидамъ тянется,—замѣтилъ князь и крѣпко выругался. Терпѣніе Кравцова истощилось.

— Послушайте, князь, мои убѣжденія—дѣло моей совѣсти и, если хотите, моего начальства, но во всякомъ случаѣ не ваше. Мы пріѣхали ликвидировать ваше бывшее имѣніе, вы согласились предоставить намъ возможность жить въ вашей усадьбѣ; я думаю этимъ всѣ наши отношенія исчерпываются.—Голосъ Кравцова звучалъ отчетливо-звонко. Въ неподвижныхъ глазахъ князя застыло что-то безумное и жестокое.

— Вы правы, молодой человѣкъ. Вашему товарищу я уже сказалъ, что за ваше содержаніе я положилъ съ каждаго по сто рублей. Живите, если хотите, а покамѣстъ давайте познакомимся, а можетъ быть и подружимся. Я человѣкъ хорошій, люблю все русское, а жидовъ и кадюковъ, извините, ненавижу.—Князь вытянулся во весь свой гигантскій ростъ и крѣпко потрясъ руку Кравцову. Аудіенція была кончена.

Уже поздно ночью, сидя въ большой неуютной комнатѣ отведеннаго имъ дворового флигеля, друзья оживленно весело ругали свое новоселье; усталость какъ-то безслѣдно прошла, и новая обстановка бодрила нервы.

— Вотъ оно, русское, широкое гостепріимство: содрать сто рублей въ мѣсяцъ и этакимъ ужиномъ угостить. Вахмистръ и тотъ обругается,—хохоталъ Офросимовъ; смѣялся и Кравцовъ, вспоминая недавній ужинъ: затхлыя котлеты, овсянку и графинъ водки.

— Знаешь что, Петя, поселимся въ деревнѣ или у какого-нибудь хуторянина,—предложилъ Кравцовъ.

— Что ты, голубчикъ, видно еще ты не знаешь, что такое деревенскій клопъ. Это хуже тигра, скорпіона, василиска,—серьезно замѣтилъ Офросимовъ и сталъ описывать всѣ повадки деревенскаго клопа. Смѣхъ звучалъ нервный и громкій, но за нимъ скрывалась неясная тревога. Друзья ясно сознавали, что они теперь во вражескомъ станѣ, что здѣсь они вѣчно чужіе, даже враги,—враги до тѣхъ поръ, пока не переступятъ какой-то роковой границы.

Когда Кравцовъ засыпалъ, передъ нимъ болѣзненно-кошмарно ожили и слились въ одно цѣлое круглые глаза князя и посконная спина ямщика; князь говорилъ, что землица его—сыпучіе пески аравійскіе, а кучеръ Гаврила увѣрялъ, что онъ не любитъ жидовствующихъ поросятъ съ кокардами.

II.

На унылomъ полѣ съ блѣдною далью аккуратно разставлены новенькія избы. Когда Кравцовъ подъѣхалъ ближе, онъ замѣтилъ, что большинство избъ было безъ оконъ, а то и срубъ наполовину разобранъ; видно было, что избы нежилыя, заброшенныя и печальныя. Хитрый мужиченка, банковскій староста Василій, едва поспѣвалъ на своей сѣрой кобылкѣ за полукровкой Кравцова.—Ваше благородіе,—говорилъ староста,—пожалуйте лошадку за мной направьте: потому нужно къ 15-му хутору ѣхать, тамъ завсегда общество имѣется.—Кравцовъ повернулъ лошадь и поскакалъ за мужикомъ, который на своей доморощенной кобылѣ, безъ сѣдла, съ веревкой вмѣсто узды, галопировалъ какъ Кентавръ.—Почему эти избы оставлены, въ нихъ развѣ не живутъ?—спросилъ Кравцовъ, прекрасно, впрочемъ, зная, что съ хуторянами въ разбитой части княжескаго имѣнія дѣло не ладно. Староста словно смутился тѣмъ, что придется дурной вѣстью огорчить его благородіе.—Землица себя не оправдала, потому многіе ее и покинули,—замѣтилъ староста вкрадчиво. Изба, къ которой подъѣхалъ Кравцовъ, была новенькая, хорошаго, чистаго сруба; на окнахъ виднѣлись бѣлыя занавѣски и горшки съ геранью. Староста таинственно шепнулъ Кравцову:—Умнѣющій мужикъ, хоть и говорятъ про него не складно; ну да и то сказать, зависти нынче много въ людяхъ завелось.—Эй, хозяинъ Иванъ Филимоновичъ!—во всю глотку крикнулъ староста. Изъ избы вышелъ мужчина съ рыжей бородкой и поклонился Кравцову.

— Здравствуйте, ваше благородіе, съ пріѣздомъ имѣю честь васъ поздравить —сказалъ онъ вкрадчиво. Когда мужчина (именно мужчина, а отнюдь не мужикъ) надѣлъ на носъ стальное пенсне съ дымчатыми стеклами, Кравцовъ почувствовалъ, что передъ нимъ какая-то загадочная особь.

— Здравствуй, милый человѣкъ, — сказалъ Кравцовъ и сразу почуялъ, что эти слова прозвучали черезчуръ неестественно.—А гдѣ же другіе хозяева?

— А кто жъ ихъ знаетъ, небось, теперь сами прибѣгутъ, разъ господина ликвидатора замѣтили. Да вонъ они и на поминѣ легки, — сказалъ рыжебородый мужчина. Дѣйствительно, съ разныхъ концовъ бѣжало человѣкъ двадцать мужиковъ. Собрались, сломали шапки и непріязненно-удивленно уставились на Кравцова. — Товарищи, это господинъ новый ликвидаторъ,—представилъ мужчина Кравцова собравшимся.

— Здравствуйте, ваше благородіе. Премного рады; можетъ ваша честь устроитъ намъ жизнь человѣческую,—слышались возгласы, а сквозь нихъ Кравцовъ уловилъ такой діологъ:

—. А старый-то ликвидаторъ гдѣ?

— Убрали, потому довѣрія не оправдалъ.—Кравцовъ почему-то смутился при видѣ этой небольшой кучки мужичковъ. Очень неубѣдительно и путаясь въ словахъ, онъ объяснилъ хуторянамъ цѣль своего пріѣзда: помочь чѣмъ только можно еще не окрѣпшимъ хуторскимъ хозяйствамъ. Мужики внимательно слушали, а когда Кравцовъ кончилъ, кто-то робко произнесъ:

— Вотъ если бы скостка вышла бы.

— Не управиться, все единственно. Вѣдь ты самъ посуди, что за земля: одинъ срамъ—ярь совсѣмъ не поднимаетъ, а рожь одна лебеда,—возражалъ другой.

— Нѣтъ, не управиться намъ съ этой землицей: потому одна канитель и прозябаніе несчастное. А помнишь, Сергѣй Аверьянычъ, какъ просили мы за прошлый годъ господина непремѣннаго члена, чтобы землицу эту саму на общество приказалъ отпустить—потому тогда сообча міромъ осилили бы мы ее. Одно слово оправдали бы.

— Эхъ, ваша честь, то есть во, скажу я вамъ одно: рубаху вы съ насъ сняли, а теперь и порты дерете,—воскликнулъ чей-то звонкій страстный голосъ. Такъ гуторили мужики; но вотъ голоса ихъ покрылъ властный и крѣпкій голосъ рыжебородаго хуторянина въ дымчатомъ пенсне.

— Товарищи, чего вы къ господину ликвидатору пристали. Развѣ не смекаете, что его самого жмутъ, а онъ насъ прижимаетъ, потому иначе и быть не можетъ. А за добрый посулъ ему спасибо, хоть на словахъ, а все же человѣкъ.

Кравцовъ удивленно глянулъ на говорившаго и встрѣтилъ насмѣшливый и увѣренный взглядъ.

«Вотъ такъ добрый хуторянинъ! ну ладно, я тебя еще при случаѣ поскоблю, узнаю, что ты за птица»,—подумалъ не безъ юмора Кравцовъ и, спасая авторитетъ ликвидатора, ближайшая цѣль котораго—сбыть три тысячи десятинъ «зыбучихъ песковъ аравійскихъ», сначала раскричался, а затѣмъ довольно краснорѣчиво сталъ поносить общину и восхвалять единоличное владѣніе. Мужики топтались съ ноги на ногу и мяли шапки. Долго еще оставался Кравцовъ на поселкѣ; онъ осматривалъ колодецъ, въ которомъ воды, «словно котъ наплакалъ», и притомъ она больно скверно пахнетъ; смотрѣлъ отелившуюся корову, указалъ генеральную межу и даже давалъ медицинскіе

совѣты. Наконецъ Кравцовъ остался одинъ. Онъ пустилъ «Прыткаго» карьеромъ; крупные комья земли вырывала лошадь копытами, въ ушахъ весело свистѣлъ вѣтеръ.

Въ старой банѣ, теперь приспособленной къ роли канцеляріи ликвидаціоннаго раіона, стоялъ жестокій духъ прѣлаго мужицкаго пота. Слышался раздраженный голосъ Офросимова, доказывавшаго крестьянамъ, повидимому, безъ особаго успѣха, всѣ удобства разсрочки на 55 съ половиной лѣтъ и уплаты возможно крупнаго задатка, который «скостится» съ продажной цѣны. Мужики, пользуясь тѣмъ, что теперь междупарье, говорить были охочи до безконечности, обѣщались не идти противъ воли начальства и задатокъ выправить, какой полагается, хотя бы для того пришлось коровенокъ продать на ярмаркѣ. Однако Офросимовъ не только говорилъ, но и весьма проворно писалъ красныя квитанціи на сдачу земли подъ посѣвъ и даже одному мужику успѣлъ вручить зеленую квитанцію, то есть запродалъ ему отрубъ «зыбучихъ песковъ аравійскихъ». Подъ руку Кравцову попался «списокъ владѣльцевъ отрубныхъ участковъ сельца Ручьевки»; онъ вспомнилъ рыжебородаго мужчину и посмотрѣлъ въ рубрику 15 участка; тамъ значилось, что хуторъ купленъ Суражскимъ мѣщаниномъ Иваномъ Персидскимъ, грамотнымъ, холостымъ, имѣющимъ одну лошадь. Такія свѣдѣнія не сказали Кравцову ни да ни нѣтъ, но чувство недовѣрія къ мужчинѣ въ пенсне и съ такой экзотической фамиліей почему-то усилилось еще болѣе. Торговля Офросимова и сомнѣнія Кравцова прекратились вмѣстѣ съ бурнымъ вторженіемъ въ канцелярію перепуганной бабы.

— Лихвидаторы! Его сіятельство васъ требуетъ чай пить,— завопила она. Обстоятельный Офросимовъ не преминулъ воспользоваться удобнымъ случаемъ и кроткимъ голосомъ прочиталъ бабѣ правоученіе въ томъ, что его сіятельство можетъ ихъ приглашать, но не требовать; баба ошалѣвшими глазами смотрѣла на Офросимова и повторяла:—Требуетъ васъ къ себѣ, чтобы значитъ вы сейчасъ явились.

— Перестань спорить,—сказалъ Кравцовъ, замѣтивъ, что Офросимовъ собирается изъ простушки сдѣлать воспитанную. Офросимовъ посмотрѣлъ на часы.—Шесть часовъ; итого двѣнадцати часовой рабочій день,—со вздохомъ замѣтилъ онъ.—Ну, милые люди, съ Богомъ, если что, приходите къ намъ за совѣтомъ,—сказалъ онъ стереотипную фразу всѣхъ землеустроителей. Мужики двинулись къ дверямъ.

— Спасибо вашей чести за разъясненіе. Теперь то есть во какъ понимаемъ, что начальство съ нами хочетъ дѣлать. А ужъ

съ задаткомъ потерпи до Спаса, коровенку продамъ, а то и сыромолотъ подможетъ,—слышались голоса изъ толпы уходившихъ мужиковъ.

— Мы нынче безъ обѣда,—замѣтилъ Кравцовъ, когда они остались одни.

— Брось, не до обѣда, жить и питаться мы должны по волѣ судьбы и милости его сіятельства,—чуть не серьезно сказалъ Офросимовъ. Они прошли на «чистую половину» (какъ прозвалъ Офросимовъ домъ, гдѣ жилъ князь).

— Ухъ, страшно,—въ комическомъ испугѣ шепталъ Офросимовъ,—опять начнетъ экзаменовать, да жидовъ ругать, а не пойти нельзя: княжна прехорошенькая,—уже лирически закончилъ онъ.

Въ столовой, куда друзья вошли, за столомъ, украшеннымъ громаднымъ, плохо вычищеннымъ самоваромъ, сидѣло трое: князь, молодая, слегка полная, красивая дѣвушка и жандармскій ротмистръ въ элегантномъ кителѣ. Князь, опустивъ голову, уткнулся губами въ стаканъ съ чаемъ, и этотъ видъ словно приклеенной къ столу бородатой большой головы былъ глупъ и комиченъ. Князь нехотя отклеилъ свою голову и сказалъ:

— Знакомьтесь: моя младшая дочь Нина Борисовна, ротмистръ Брагинцевъ, мой племянникъ, а это, Нина, тѣ ликвидаторы, что будутъ нашу родную Ручьевку на клочья кромсать.

Послѣдовалъ обмѣнъ рукопажатій.

— Ну, положимъ, Ручьевка теперь не наша. Ты, папа, говоришь такъ, словно денегъ за нее не получилъ,—возразила княжна. Въ ея грудномъ, низкомъ голосѣ застылъ красивый металлическій отзвукъ. Кравцовъ пристально взглянулъ на княжну. Она была очень красива; портили ее только глаза—круглые, не добрые, какіе-то не живые. Кравцовъ, который всегда увлекался женщинами добрыми и глупыми, почувствовалъ, что эта дѣвушка безконечно есть и будетъ для него чужда. Однако, какой-то инстинктъ мягко толкнулъ его въ сердце и сообщилъ ему, что здѣсь что-то будетъ. Кравцовъ перевелъ взглядъ на ротмистра и заглянулъ въ самыя нѣдра его выцвѣтшихъ голубыхъ глазъ. Въ нихъ Кравцовъ прочиталъ то жестокое, искреннее безучастіе, что страшнѣе всѣхъ порывовъ человѣческой злобы. Рѣзкимъ поворотомъ головы, точно назойливую муху, ротмистръ смахнулъ съ себя внимательный взглядъ Кравцова. Кравцовъ такъ далеко ушелъ куда-то въ тайники своей души, что ничего не отвѣтилъ княжнѣ на какой-то ея вопросъ; онъ не подмѣтилъ ни удивленно негодующаго взгляда князя, ни тонкой усмѣшки ротмистра и

только жестокій ударъ въ ногу, которымъ подъ столомъ угостилъ его Офросимовъ, вернулъ Кравцова къ дѣйствительности. Сконфуженный, онъ сталъ извиняться.

— Кто та счастливица, о которой вы такъ замечтались?— смѣялась княжна.

— Увы, такой нѣтъ.

— Не вѣрю.

Кравцовъ кокетничалъ своими красивыми глазами и сказалъ:—Я бѣдный бобыль, сердце мое свободно, какъ вѣтеръ въ степи.

Наладился кой-какой разговоръ. Ротмистръ разспрашивалъ Офросимова о его службѣ въ бригадѣ, княжна восторгалась художественнымъ театромъ, а князь повѣствовалъ о томъ, что Москва теперь ожидовѣла и что въ старину театръ былъ русскимъ дѣломъ.

— Ахъ, папа, къ чему все это? Нужно жить согласно духу двадцатаго вѣка,—съ неискреннимъ паосомъ протянула княжна.

— Какъ къ чему? что-жъ, по твоему я долженъ разучиться по-русски думать? Передовицу изъ кадюковской газеты долженъ пѣть? Нѣтъ, милая, я русскій дворянинъ, и жидомъ меня не сдѣлать,—громко возмущался князь, и глаза его злобно смотрѣли на какого-то незримаго, но близкаго и сильнаго врага. Впрочемъ, князь скоро успокоился и сталъ бесѣдовать довольно благодушно. — Ужъ вы меня, молодой человѣкъ, простите,—говорилъ онъ,— а только раньше куда лучше было. Раньше въ деревняхъ гусары постоемъ стояли, а теперь какіе-то чиновнишки безъ роду и племени. Вы на меня, мой дорогой гостюшка, не обижайтесь, я васъ въ виду не имѣю; если вашъ батюшка каторжанинъ, то вы то здѣсь ни при чемъ, я вѣдь ваше горе прекрасно понимаю.— Послѣ этихъ словъ князь сдѣлалъ внушительную паузу. Нина Борисовна театрально вздохнула, ротмистръ закатилъ къ потолку свой выцвѣтшій взглядъ, а Офросимовъ отъ изумленія раскрылъ ротъ и ошалѣвшими глазами уставился на Кравцова. «Ай, ай, ай, пронеси Господи, узнаетъ князь правду, такъ онъ мнѣ превеликую пакость учинитъ. И что это я выдумалъ не во время шутить, а главное съ кѣмъ»,—съ досадой думалъ Кравцовъ. Къ счастью туча прошла безъ грома: Офросимовъ не ляпнулъ ненужной правды, а князь не дѣлалъ дальнѣйшихъ попытокъ къ ознакомленію съ генеалогическимъ деревомъ Кравцова.

— Вотъ вы пріѣхали въ деревню мужика на дворянскую землю сажать, а умѣете ли вы лебеду отъ ржи, да соху отъ бороны отличить? Про жнейку, вѣялку и говорить лучше не буду.—Крав-

цовъ промолчалъ, за то Офросимовъ, искренно обиженный, сталъ хвастаться тѣмъ, что, по собственному непринужденному желанію, изучилъ ботанику, агрономію и таксацію.

— Ну, а знаете ли, что всякій мужикъ отъявленный подлецъ, пьяница и воръ?—продолжалъ допытываться князь.

— Нѣтъ, не знаю,—опѣшилъ Офросимовъ.

— Ну, такъ узнайте, лучше поздно, чѣмъ никогда—сказалъ князь; въ голосѣ его послышалось что-то наглое и жестокое. Кравцова мучилъ этотъ вызывающій тонъ, но дипломатическія соображенія запрещали вступать въ безнадежный споръ. Князь былъ разговорчивъ. Разсказывалъ онъ о томъ, какъ во дни «иллюминацій» сидѣлъ онъ въ погребѣ, пока на выручку изъ города не пріѣхали казаки, умиленно повѣствовалъ о томъ, какъ боролась кучка русскихъ людей, съ инокомъ Ильей и княземъ во главѣ, съ жидо-кадюками, которыхъ и прогнали наконецъ изъ губерніи, а кто изъ жидовъ этихъ и уцѣлѣлъ, то и того чередъ близокъ. Въ сосѣдней комнатѣ часы пробили 9. Князь словно заслышалъ привычную команду.—Ну, я человѣкъ рабочій, вы до семи часовъ вѣроятно почиваете, а я ранняя пташка: въ четыре встаю, мнѣ пора и на покой.—Князь всталъ, сердито мотнулъ головой и вышелъ изъ комнаты, что-то бормоча себѣ въ бороду. Друзьямъ открывалась возможность послѣдовать хорошему примѣру.

— Пойдемте въ паркъ гулять, еще такъ рано, будемъ говорить про театръ, про искусство,—томно сказала княжна. Кравцовъ отказался, сославшись на спѣшную работу.—Ну, хорошо, на этотъ разъ я васъ отпускаю, но вы должны дать мнѣ слово, что не будете увлекаться только мужиками,—подчеркнувъ послѣднія слова, отвѣтила княжна. Кравцовъ преувеличенно-вѣжливо поклонился.

Когда друзья остались вдвоемъ, Офросимовъ яростно набросился на Кравцова.—Послушай, что это за глупая мистификація, что за вздоръ? Объясни пожалуйста.—Кравцовъ разсказалъ.—Да развѣ ты не знаешь, что нашъ превосходительный хамъ приходится какимъ-то родственникомъ князя? Это шутка съ огнемъ: его превосходительство тебя проглотитъ, какъ устрицу, если князь сболтнетъ ему про твою выдумку, — горячился Офросимовъ. Онъ долго еще возмущался, бранилъ ужинъ, который имъ подали холоднымъ и сальнымъ, и негодовалъ на князя за его «сверхъестественные» взгляды. Говорить и работать Офросимовъ могъ до безконечности, и сѣтованія его, вѣроятно, продолжились бы еще очень долго, если бы Кравцовъ, знавшій конекъ своего друга, не перевелъ

разговора на княжну и на ея прелести. Гнѣвъ Офросимова быстро изсякъ, а Кравцовъ, которому лѣнь было слушать сентиментальную болтовню, ухитрился очень ловко подсунуть своему собесѣднику планъ генеральнаго межеванія и описанія сельскохозяйственныхъ угодій имѣнія. Офросимовъ быстро погрузился въ соображенія о возсозданіи земного рая для мѣстныхъ мужиковъ.

Кравцовъ глубоко задумался; онъ ясно чуялъ, что здѣсь онъ чужой, быть можетъ—даже врагъ, и этотъ призракъ одиночества, неясные силуэты будущаго невольно тревожили его. Онъ подошелъ къ окну; дохнуло юной чистотой весенней ночи, спокойно чернѣло небо, на деревнѣ брехали собаки. Было наивно, чисто и мечтательно. Чуялся великій истокъ жизни, правда земли воскресающей. Природа, какъ любящая мать, успокоила Кравцова и прижала его къ своей груди, полной вѣчнаго спокойствія и лазурныхъ надеждъ.

III.

Однообразной утомительной вереницей потянулись дни за днями. Кравцовъ занимался въ полѣ разбивкой участковъ будущаго поселка, а Офросимовъ «обходилъ» мужиковъ, писалъ запродажныя, продавалъ лѣсъ, обнаруживая во всемъ этомъ недюжинныя коммерческія способности. Впрочемъ, бывало иногда, что находила коса на камень, и Офросимовъ встрѣчалъ кряжистыхъ мужиковъ, которые отнюдь не хотѣли признавать всѣхъ преимуществъ единоличной собственности. Тогда на сцену появлялся Кравцовъ, мягкій, деликатный, постигшій тайну мужицкой души, тоскующей и нѣжной. По признанію мужиковъ, онъ «дюже хорошо» ихъ уговаривалъ. Наконецъ, третій членъ ликвидаторской компаніи, худосочный землемѣръ Брониханъ, цѣлыми днями ходилъ по полю, а за нимъ, словно грибы послѣ хорошаго дождя, появлялись маленькіе приземистые столбики, съ выжженными черными орлами.

По вечерамъ землемѣръ, жившій у священника на селѣ, игралъ на «скрипкиной матери» (такъ мужики образно прозвали віолончель). Послушать диковинный инструментъ сельскій людъ былъ большой охотникъ. Однако эта буколическая идиллія продолжалась недолго: урядникъ, вѣроятно заподозривъ въ черезчуръ большой скрипкѣ и длинныхъ волосахъ землемѣра притаившуюся крамолу, сталъ немилосердно разгонять народъ, тол-

пившійся передъ окнами священническаго домика. Въ усадьбу князя изрѣдка наѣзжали сосѣди, удивительно однообразные люди, словно по формѣ одѣтые въ чесунчевыя поддевки и дворянскія фуражки. Былъ одинъ разъ инокъ Илья, черномазый мужчина съ рѣзкими чертами изступленнаго лица и безумно блуждающимъ взглядомъ. Инокъ оказался не дуракъ выпить, а жидовъ ругалъ крѣпко и вдохновенно. По свѣдѣніямъ всезнающаго Офросимова, смиренный инокъ пріѣзжалъ къ князю затѣмъ, чтобы съ нимъ сообща выработать отъ лица союза доносъ на прокурора судебной палаты, заподозрѣннаго въ негласномъ жидовствѣ. Такъ шло время. Словно въ калейдоскопѣ, быстро и мягко стушевывались эти неясные силуэты, ничего не оставляя, кромѣ чувства какого-то тоскливаго любопытства.

Но три картины, отчетливыя до мельчайшихъ деталей, запомнились Кравцову и стояли передъ нимъ яркими и живыми. Онъ на полѣ: говоритъ мужикамъ, что новый поселокъ уже разбитъ и на него можно селиться. Мужики хмурятся довольно сердито и даже почему-то не похожи сами на себя.

— Селиться не желаемъ. И отрубей этихъ новыхъ не признаемъ, желаемъ по старому жить, значитъ, всѣмъ обществомъ,— заявляетъ мрачный мужикъ и вопросительно смотритъ на своихъ сосѣдей. Слышатся одобрительныя замѣчанія. «Не иначе какъ обществомъ.» «Потому мірской мы народъ.» «Начальству што? развѣ деньги мы отказываемся платить? да не въ жизнь... Ты только уважь насъ, пожалѣй насъ.»

— Нельзя банковскую землю продавать на общество, а вы, братцы, торопитесь, переселенцы ѣдутъ, земля отъ васъ уйдетъ, потомъ пожалѣете, да поздно будетъ,—кротко уговариваетъ Кравцовъ и почему-то безконечно, до яркой краски, стыдится своихъ простыхъ, почти оффиціальныхъ словъ.

— Зови переселенцевъ, а мы ихъ спалимъ,—слышится чей-то голосъ.

— А то и въ вилы. Погибаетъ крестьянскій міръ, такъ ужели будемъ о грѣхѣ думать.—Морщинистый старичекъ съ сѣдой, мягкой бородой говоритъ тихо и любовно.

— А ты, баринъ,вотъ что я тебѣ скажу: не иди ты противъ міра, потому это великій грѣхъ. Потому погибнетъ крестьянинъ— вся Россія погибнетъ.—Мрачно загудѣла толпа; въ хмурыхъ оживающихъ глазахъ загорался недобрый огонь, каждую минуту могли воскреснуть тѣ мужики, противъ которыхъ въ свое время отправлялись карательныя экспедиціи и цѣлыя полчища ингушей и казаковъ. Кравцовъ испугался, хотя и былъ не изъ робкихъ; онъ

вскочилъ на лошадь и припустилъ ее карьеромъ. Злая жуть прошла только у воротъ усадьбы. Кравцовъ направился въ контору, ему на встрѣчу попался Офросимовъ съ какимъ-то чиновникомъ; незнакомецъ оказался непремѣннымъ членомъ отдѣленія, по фамиліи Иванцовъ, и былъ чѣмъ-то очень разстроенъ.

—Пустое, Николай Андреевичъ, вотъ охота была кровь изъ-за пустяковъ портить; вѣдь противъ рожна не попрешь, такъ всегда было, есть и будетъ,—говорилъ Офросимовъ.

— Вотъ утѣшенье въ чемъ нашли! — негодовалъ Иванцовъ.—Вы человѣкъ свѣжій, такъ разсудите сами, обратился онъ къ Кравцову.—Князь продаетъ пустошь, я пріѣхалъ сюда на оцѣнку, осмотрѣлъ землю, вижу: гадость несказанная, на ней не только русскій мужикъ, а даже культурный бельгіецъ—и тотъ сдохнетъ. Конечно, я рѣшилъ отказать въ покупкѣ. Только призываетъ меня князь и спрашиваетъ: почемъ оцѣнили десятину? Я говорю ему, что оцѣнка является служебной тайной; князь засмѣялся и говоритъ: «Ну пусть будетъ по вашему, тайна такъ тайна, а только запомните, что я вамъ сейчасъ скажу: если хотите служить, то извольте оцѣнить десятину по сто пятьдесятъ рублей на-кругъ, ну, а по четвертному мнѣ Питеръ набавитъ.» И вы думаете я возмутился? Вы думаете я откажу князю? Да никогда: у меня жена, дѣти, а деньги князь будетъ получать казенныя.—Иванцовъ вскорѣ уѣхалъ. Кравцовъ много слыхалъ про этого несчастнаго чудака, который подъ вліяніемъ роковой коллизіи честныхъ убѣжденій и жизненной тяжелой прозы сталъ какимъ-то маніакомъ. Про него, напримѣръ, разсказывали, что онъ не пропускаетъ ни одной церковной службы и, стоя на колѣняхъ передъ образомъ Спасителя, въ глубокой тоскѣ вѣчно шепчетъ одно и тоже: «Пошли, Господи, на насъ сенаторскую ревизію.»

Къ этимъ двумъ эпизодамъ ликвидаторской жизни Кравцова какъ-то органически цѣлостно, хотя совсѣмъ и чуждая имъ, присоединилась третья картина. У воротъ усадьбы тройка; въ пролеткѣ сидитъ молодая женщина въ черной косынкѣ и степенный бородачъ купеческой складки. Пріѣзжихъ встрѣчаетъ князь, радушный и черезчуръ привѣтливый. Кравцовъ, въ обществѣ Нины Борисовны, изъ-за ограды парка наблюдалъ эту трогательную встрѣчу.

— Вы не знаете, что это за купеческая чета пріѣхала?— спросилъ Кравцовъ княжну.

— Моя сестра Вѣра съ мужемъ,—отвѣтила она, разсмѣявшись.

Кравцовъ сконфузился и почему-то извинился.

— Чему извиняться, разъ вы совершенно правы: мужъ Вѣры дѣйствительно купецъ, сестра вышла за него замужъ, конечно, по разсчету, но затѣмъ, кажется, искренно полюбила своего благовѣрнаго за его большіе милліоны. Во всякомъ случаѣ ходитъ въ косынкѣ, одѣвается, какъ прачка, соблюдаетъ тосты, пьетъ чай съ блюдечка и, говорятъ, переходитъ въ старообрядчество.

Княжна вдругъ схватила Кравцова за руку и шепнула:

— Пойдемте въ бесѣдку; кабинетъ папы сюда выходитъ, интересно, о чемъ сегодня онъ будетъ сестру канючить.

Кравцовъ колебался, хотѣлъ было отказаться, но любопытство превозмогло. Онъ послѣдовалъ за княжной. Дѣйствительно, скоро до ихъ слуха стали долетать невнятные обрывки разговора.

— Жиды. Большіе проценты. Полная гарантія. Хорошее дѣло,—слышались такія слова князя.

— Тестюшка, это значитъ, опять запиши на расходъ. Гони монету, какъ и всегда съ вами?—насмѣшливо спрашивалъ мягкій мужской голосъ.

И вдругъ послышался рѣзкій, неестественно звонкій голосъ Вѣры Борисовны.

— До какихъ поръ вы, папа, будете насъ грабить? У насъ вѣдь есть дѣти. Сами найдемъ, на что деньги тратить.

Князь успокоительно шепталъ:

— Вѣрочка, дѣточка моя, въ послѣдній разъ, честное слово. Дѣло прекрасное, вотъ изъ банка за пустошку получу, тогда отдамъ.

Слышится успокоительный смѣхъ и презрительныя слова.

— Ужъ ладно, ладно, тестюшка, богатѣйте отъ нашихъ щедротъ, можетъ и придется на вашей печкѣ вѣкъ коротать! Самъ знаю, что дворянамъ житье теперь скверное: аппетиты большіе, а деньги маленькія.

Княжна зѣвнула.

— Менѣе интересно, чѣмъ я ожидала. Вы, Андрей Константиновичъ, конечно, ничего не понимаете, такъ я вамъ все объясню: папа мой хотя и говоритъ, что больше всего любитъ Россію, однако въ дѣйствительности онъ любитъ только деньги. Отецъ придумалъ очень простой способъ наживаться: продалъ сестру Вѣру и потрошитъ зятя. Тотъ кряхтитъ, но даетъ; вѣдь папа въ губерніи все.

Княжна говорила эти слова очень просто, и Кравцову даже показалось, что въ нихъ прозвучало что-то вродѣ гордости.

Эти три картины, три жизненныхъ штриха сдавили сердце Кравцова неясной тоской, сѣрой и угрюмой.

Лѣто перегнуло на вторую половину. Небо стало знойно-синимъ безъ полутѣней и оттѣнковъ; земля пожелтѣла отъ ядренаго жита. Послѣ Ильина дня въ усадьбѣ князя что-то произошло: засуетилась дворня, изъ города пріѣхала телѣга съ провіантомъ,—словомъ, готовилось нѣчто знаменательное. Кравцовъ замѣтилъ эти приготовленія, но они не заинтересовали его. Впрочемъ, таинственныя хлопоты, усиленная корреспонденція и черезчуръ многолюдный съѣздъ гостей быстро объяснились: 23 іюля, поздно вечеромъ, пришелъ во флигель старый Парфенычъ и, скликавъ барчуковъ, объявилъ имъ торжественнымъ шепотомъ, что «ихъ сіятельство на завтра изволитъ пригласить къ обѣду, потому они именинники». Оставалось только просить старика передать благодарность за оказанную честь.

— Еще спасибо, что пригласилъ насъ, разночинцевъ, къ сіятельному столу,—пошутилъ по уходѣ старика Офросимовъ. И въ голосѣ его послышалась злоба.

Рано утромъ, когда по стѣнамъ едва потянулись бѣлые призраки разсвѣта, а сонъ былъ особенно сладокъ, Кравцова разбудила чья-то безжалостная рука; съ трудомъ открывъ глаза, онъ увидѣлъ Офросимова въ чистенькомъ щегольскомъ китель и съ перепуганнымъ лицомъ.

— Вставай скорѣе, ночью Семенъ пріѣхалъ,—почему-то шепотомъ сказалъ Офросимовъ.

— Да что ты?—искренно ужаснулся Кравцовъ.

Семенъ Ивановичъ былъ крупнымъ землеустроительнымъ начальствомъ и былъ извѣстенъ невѣроятной грубостью и безконечной ненавистью къ мужику вообще, а къ тому, кто не изъ міроѣдовъ—особенно. Встрѣча съ Семеномъ совсѣмъ не радовала Кравцова; однако нужно было торопиться на поклонъ. Показать начальству, что подчиненные даже ночью бодрствуютъ и пекутся о дѣлахъ, было необходимой служебной подлостью. Съ комической быстротой Кравцовъ одѣлся, и вотъ друзья уже на чистой половинѣ и со страхомъ просятъ Парфеныча доложить Семену Ивановичу. Старикъ уходитъ, стуча палкой, и, возвратившись, говоритъ: «пожалуйте». Въ комнатѣ куда вошли друзья, за грязнымъ самоваромъ сидѣли князь, господинъ съ краснымъ носомъ, типичный взяточникъ подъячій, и Семенъ Ивановичъ, коренастый мужчина съ лицомъ скуластымъ и жестокимъ. Господинъ съ физіономіей

подъячаго, несмотря на раннее утро и чинъ тайнаго совѣтника, былъ уже сильно пьянъ; онъ жадно отпивался содовой водой, болѣзненно икалъ и скверно ругался. Князь, въ отвѣтъ на поздравленіе, молча мотнулъ головой и показалъ на стулъ. Семенъ Ивановичъ угрюмымъ взглядомъ обвелъ друзей и брезгливо-неохотно протянулъ свою пухлую руку для почтительнаго рукопожатія.

— Князь, князь, это дѣло очень трудное, нужно идти отъ психологіи мужика,—говорилъ Семенъ Ивановичъ, мягко, нараспѣвъ, какъ говорятъ иногда монахини.

— Психологія мужика. А иллюминаціи позабыли!—горячился князь.

— Жиды это паскудство натворили, князь; русскій крестьянинъ, повѣрьте мнѣ, грѣха боится и начальство помнитъ,—тянулъ Семенъ Ивановичъ.

Подъячій сквозь болѣзненную икоту разсмѣялся мелкимъ истеричнымъ смѣшкомъ.—Помнитъ, помнитъ начальство. Мужичекъ помнитъ начальство,—сказалъ онъ и добавилъ нѣчто замысловато гнусное по своей нецензурности.

— Дмитрій Петровичъ, ты бы, любезный, воздержался,—недовольно замѣтилъ Семенъ Ивановичъ и, чтобы прекратить возможное обостреніе разговора, набросился на друзей.—Вы—что? Начальству пришли показаться, что рано вставать умѣете? Мнѣ этого не нужно, а вотъ скажите лучше, что вы здѣсь съ Ручьевкой натворили.

Подъячій рѣшительно запротестовалъ.

— Дѣла? Планъ? Ну ихъ къ чорту. Нынче большой русскій праздникъ, нынче нашъ князь именинникъ, а тутъ дѣла.

— Дмитрій Петровичъ, успокойся ты, миляга, я ихъ быстро профильтрую. Ну, что у васъ? Чѣмъ порадовать начальство можете?—торопилъ Семенъ Ивановичъ. Путаясь и запинаясь на каждомъ словѣ, Офросимовъ началъ свой докладъ. Повѣдалъ онъ начальству, на какую сумму получено задатковъ, и сколько хуторянъ уже построилось. Пришлось Офросимову сознаться грозному начальству въ томъ, что воды на поселкѣ нѣтъ и въ поминѣ, хотя колодезный срубъ уже опущенъ на двадцать саженей. Открывъ душу, Офросимовъ сталъ путаться въ дебряхъ собственнаго краснорѣчія и быстро смолкъ. Пѣвуче мягко сталъ говорить Семенъ Ивановичъ. Скернымъ сномъ показались Кравцову злыя рѣчи его превосходительства. Услышалъ Кравцовъ, между прочимъ, что хуторянина задаткомъ нужно раздѣть и только такимъ энергичнымъ способомъ можно убѣдиться въ твердомъ намѣреніи такого мужика на вѣки позабыть крестьянскій міръ.

Столь тревожный для друзей вопросъ: что же дѣлать въ томъ случаѣ, если на поселкѣ не окажется воды?—Семенъ Ивановичъ разрѣшилъ по истинѣ геніальнымъ способомъ: приказалъ рыть колодецъ хоть до Америки, а если все-таки воды не окажется, то не смущаться особенно этимъ обстоятельствомъ; мужикъ живучъ, проживетъ и безъ воды, а сдохнетъ—бѣда не велика. Кравцовъ хмуро молчалъ. Офросимовъ, открывъ ротъ и лишившись дара человѣческой рѣчи, чуть не со слезами на глазахъ слушалъ откровенія его превосходительства. Подъячій, смиривъ свою икоту, неодобрительно мычалъ, князь чему-то хихикалъ и посматривалъ на друзей круглыми, веселыми глазами. Семену Ивановичу очевидно надоѣлъ этотъ утренній докладъ.

— Я васъ освобождаю отъ занятій на сегодняшній день, больше васъ не задерживаю,—сказалъ онъ и показалъ глазами на дверь.

— Еще разъ прошу васъ, мои молодые друзья, сегодня ко мнѣ на обѣдъ,—елейно ласково сказалъ князь.

Подъячій засмѣялся.

— Молодые-то они молодые, только друзья ли они тебѣ, князь? Вѣдь они могутъ кадетской вѣры оказаться, а то и съ бомбочками.

Возобновившаяся икота прервала рѣчь Дмитрія Петровича. Друзья, отвѣсивъ поклонъ, торопливо вышли изъ комнаты.

IV.

Князь грузно приподнялся съ кресла, внимательнымъ взглядомъ обвелъ сидящихъ за столомъ и сказалъ:

— Благослови, братъ Иліи.

Братъ Иліи, іеромонахъ Воскресенской пустыни, сильный брюнетъ съ непріятнымъ выраженіемъ жесткихъ черныхъ глазъ, всталъ, нѣсколько разъ размашисто перекрестился и началъ:

— Какъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ благословилъ пиръ въ Канѣ галилейской, такъ и я, недостойный и смердящій песъ, благословляю эту радушную трапезу, осуждая однако ея чрезмѣрное изобиліе и прихотливость.

Въ тонѣ голоса смиреннаго инока, приподнятомъ и рѣзкомъ, чувствовалось что то тревожное и больное. Жиды, Козьма Мининъ, губернаторъ, освѣдомительное бюро, жандармы и даже Бріанъ кошмарно-кощунственно прилѣпились къ великому имени Христа. Но въ то же время въ порывисто-страстной рѣчи инока

былъ какой-то непонятный, но дѣйствительный и сильный гипнозъ: чуялась изступленность вѣры, торжествующая надъ мыслью.

Кравцовъ стряхнулъ съ себя наваждение и принялся разсматривать сидящихъ за столомъ. Семенъ Ивановичъ сердито хмурился и незамѣтно дергалъ инока за рясу; князь изумленно ширилъ глаза. Вѣра Борисовна степенно-ласково посматривала на своего муженька, а тотъ поглаживалъ холеную бородку и довольно чему-то ухмылялся; княжна Нина что-то шептала на ухо своему сосѣду, худощавому, вертлявому брюнету съ задумчивымъ интеллигентнымъ лицомъ. Офросимовъ, до крайности набожный, былъ блѣденъ, какъ полотно, и трясся въ нервной лихорадкѣ. Остальные ничѣмъ не проявляли своихъ чувствъ. Взглядъ Кравцова послѣ путешествія вокругъ стола сосредоточился на смиренномъ инокѣ. Въ глазахъ брата Иліи, мятущихся отъ дикой злобы, вставало что-то неподвижно страшное и неживое. Злое недоумѣніе Кравцова разомъ исчезло; онъ понялъ, что для смиреннаго инока не существуетъ ни добра, ни зла, и не страшенъ ему ни судъ Божій, ни земной. Ибо не вѣдаетъ, что творитъ.

Усилія Семена Ивановича, наконецъ, увѣнчались успѣхомъ: инокъ рѣзко оборвалъ свою рѣчь, благословилъ размашистымъ крестомъ столъ и затѣмъ опустился на стулъ. Спеціально выписанные изъ городского сада «Тиволи» лакеи мягко и проворно засуетились; захлопали пробки шампанскаго. Съ бокаломъ въ рукахъ поднялся Семенъ Ивановичъ; голосъ его звучалъ до отвращенія елейно-лживо и тягуче.

— Братья дворяне! Въ этотъ радостный для насъ день, когда мы собрались безмятежною дружною семьею, когда позади осталось черное лихолѣтье, а впереди сіяетъ русское привольное небо, въ этотъ день, повторяю, вспомнимъ, что хоть и мало насъ осталось, что можетъ быть и впрямь мы зубры, а вся необъятная матушка Россія—Бѣловѣжская пуща, но за то мы не кабаны и не умѣемъ хрюкать по-жидовскому. И это наша гордость, наша сила непобѣдимая. Итакъ, господа, въ этотъ радостный для насъ день вспомнимъ того, кто возжегъ во тьмѣ жидовской, царившей еще такъ недавно въ нашей губерніи, тотъ маякъ, на яркій свѣтъ котораго поспѣшили ослабѣвающіе въ жидовскомъ морѣ русскіе пловцы, того, кто сильнымъ добровольцемъ на часахъ долга зорко слѣдилъ за крамолой и нанесъ ей смертельный ударъ. Вы знаете, мои дорогіе друзья, и безъ меня его славное имя: это нашъ именитый Рюриковичъ, нашъ дорогой именинникъ, князь Борисъ Владиміровичъ; я

гордъ тѣмъ, что первый поднялъ тостъ за его здоровье и первый произнесъ тѣ слова, которыя звучатъ на сердцѣ каждаго изъ насъ. Многія лѣта князю Борису Владиміровичу! Побѣда на жидовъ и жидовствующихъ! Сокрушеніе издыхающей гадинѣ иноземной революціи! Ура!

Ура было дружно подхвачено, зазвенѣли бокалы, всѣ потянулись къ князю чокнуться и сказать приличное сему случаю хорошее русское словечко.

Князь, растроганный рѣчью Семена Ивановича, облобызался съ нимъ разъ десять и сказалъ:

— Спасибо на ласковомъ русскомъ словѣ, Сеня. Не буду скромничать—сдѣлалъ много для русскаго дѣла, а сдѣлаю, Богъ дастъ, и еще больше.

— Честь тебѣ, князь, ты сокрушилъ главу василиска крамольнаго,—замѣтилъ смиренный инокъ.

— Съ твоей помощью, братъ Илья,—возвратилъ ему похвалу князь.

— А вѣдь его превосходительство не легко было выкурить: это не сельскій учитель или податной инспекторъ. Что и говорить: матерый жидовинъ,—засмѣялся Семенъ Ивановичъ. Смѣхъ у него былъ круглый, выпуклый и недобрый. Какъ потомъ оказалось, матерымъ жидовиномъ былъ никто иной, какъ губернаторъ, не поладившій со всесильнымъ княземъ. Своими крохотными шажками припрыгалъ къ князю старый Парфенычъ; громко стучала по полу тяжелая клюка, звонко тряслись на впалой груди безчисленныя медали.

— Ваше сіятельство, благодѣтель ты нашъ, въ плечико тебя предоставь поцѣловать, въ плечико.—Голосъ старика звучалъ искренно и честно.

— Цѣлуй, старикъ, цѣлуй,—довольнымъ голосомъ сказалъ князь. Парфенычъ облобызалъ князя; а когда князь поцѣловалъ его пергаментную щеку, старикъ отъ волненія расплакался.

— Тоже зубръ,—пошутилъ князь.—Парфенычъ, раньше лучше было?

— Лучше, ваше сіятельство, потому народъ серьезный былъ и начальству покорялся за совѣсть, а кто непонятливъ былъ, того черезъ строй да въ Сибирь,—въ сладострастномъ довольствѣ лепеталъ старикъ. Послышался довольный смѣхъ.

— А что, Парфенычъ, подъ Севастополемъ хорошо было?—спросилъ кто-то изъ присутствующихъ.

— Хорошо, потому васъ тамъ не было,—огрызнулся старикъ и, напутствуемый поощрительнымъ смѣхомъ, громко стуча

свой клюкой, вышелъ изъ зала. Начался обѣдъ; впрочемъ, это слово плохо подходило къ начавшемуся безтолковому обжорству и пьянству. Въ комнатѣ стоялъ гулъ, росло опьяненіе, развязывались языки, крѣпло по истинѣ скотское чувство сознанія сытой силы и замѣтно хрюкающей побѣды. Кравцовъ глубоко задумался и только звонкій смѣхъ княжны вернулъ его къ дѣйствительности.

— Андрей Константиновичъ, проснитесь, здѣсь не спальня, а именинный обѣдъ; вотъ такъ. Извольте, во-первыхъ, ухаживать за мной и передайте мнѣ Понте-канэ. Прекрасно. А затѣмъ познакомьтесь съ моимъ ближайшимъ сосѣдомъ. Рекомендую: мой женихъ, Владиміръ Михайловичъ Корсунцевъ, очень хорошій человѣкъ, но прескверный мужчина и вдобавокъ мечтатель вродѣ васъ.—Голосъ княжны звучалъ задорно; отъ нея сильно пахло виномъ и чувствовалось какое-то тревожное возбужденіе. Кравцовъ крѣпко пожалъ руку симпатичному брюнету въ чесучевой поддевкѣ.

— Что вы говорите, Нина. Успокойтесь, я такъ не люблю вашихъ нервныхъ выходокъ, — сказалъ Корсунцевъ какимъ-то испуганно молящимъ тономъ.

Княжна разсмѣялась.

— Не любите, мнѣ все равно, только не разревитесь. Фи, какіе у васъ, Володя, глаза: безсмысленные, покорные, какъ у теленка. А еще утверждаете, что влюблены въ меня. Развѣ у влюбленныхъ бываютъ такіе убогіе глаза? Андрей Константиновичъ, я хочу видѣть ваши глаза. Вотъ такъ. Ого, да вы немного застѣнчивы, но зато какіе у васъ глаза: суровые и наивные буки. А какія губы! Сочныя, красныя, словно у вампира. Вы, должно быть, умѣете хорошо ласкать.

Кравцовъ брезгливо поморщился.

—Не знаю, княжна, до сего времени еще никто не интересовался подобными вопросами,—сказалъ онъ насмѣшливо.

Видно было, что Корсунцевъ самъ не свой. Но этому разговору не суждено было продолжиться. Мягко и какъ-то удивительно незамѣтно объемистая туша Дмитрія Петровича, сраженнаго вновь изобрѣтенной чудовищной смѣсью, съѣхала подъ столъ. Быть можетъ, это происшествіе въ пылу оживленныхъ разговоровъ прошло бы незамѣченнымъ, но дикіе крики, послышавшіеся изъ-подъ стола обратили на себя должное вниманіе. Прибѣжали лакеи; князь хлопоталъ съ нашатыремъ, остальные по мѣрѣ силъ способствовали поднятію безнадежно пьяной колоды. Наконецъ, инцидентъ былъ исчерпанъ: подъячаго увели, вѣрнѣе сказать унесли. Вино

оказало на Кравцова свое дѣйствіе; словно сквозь сонъ доносились до него голоса, обрывки разговоровъ, злыхъ и непонятно ѣшмарныхъ, словно дурманъ крѣпкаго вина.

Апоплексическаго вида толстякъ доказывалъ своему сосѣду, что всѣ земскія школы необходимо закрыть и завести особыя, военныя, для чего необходимо на первыхъ шагахъ этого новаго дѣла открыть дисциплинарно-педагогическій баталіонъ. Собесѣдникъ толстяка въ свою очередь обнаруживалъ недюжинныя государственныя способности и утверждалъ, что, для искорененія крамолы необходимо создать особый кадръ ходячихъ патріотическихъ учителей-сыщиковъ. Князь разсказывалъ Семену Ивановичу, что за послѣднее время имъ начатъ пересмотръ формулярныхъ списковъ земскихъ начальниковъ, а также возбуждено черезъ совѣтъ ходатайство о воспрещеніи доступа на государственную службу лицамъ, окончившимъ университетъ. Въ окна зорко глянула южная темь. Зажгли люстру, и тихій синеватый огонекъ задрожалъ въ граненомъ хрусталѣ. Хитро щурились со стѣнъ неживыя лица былыхъ дворянъ. Сразу стало какъ-то уныло, неловко и даже, пожалуй, чуть-чуть страшно. Разговоръ сталъ вялымъ; разомъ почувствовалась сильная усталость.

— Ну, дорогой именинникъ, отпусти душу на покаяніе, а то смотри, ужъ быть тебѣ Демьянушкой,—пошутилъ Семенъ Ивановичъ.

— Братъ Илія, благослови конецъ трапезы,—сказалъ видимо обрадованный князь. Инокъ размашистымъ крестомъ благословилъ четыре стороны стола, затѣмъ обнялъ и облобызалъ князя. Задвигали стульями, послышались благодарности, на что князь отвѣчалъ неизмѣнно: «извините, чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ». Именинное пиршество было закончено. Большинство гостей, сознавая несомнѣнную надъ собой побѣду Бахуса, отправилось не совсѣмъ твердыми шагами на покой, наиболѣе же сохранившіе свои физическія силы (какъ потомъ оказалось—и наиболѣе достойные) пошли слушать цыганскія пѣсни въ исполненіи Семена Ивановича, лихого гитариста и недурнаго баритона. Корсунцевъ, какъ и подобаетъ влюбленному жениху, хотѣлъ остаться съ княжной, но этотъ маневръ почему-то не удался.—Мой милый будущій зятюшка, ты куда? Болтать съ Ниной? Пустое. Еще надоѣсть за цѣлую жизнь. А ты намъ нуженъ, да и мы тебѣ также, мы тебя христіанской русской правдѣ научимъ, а то вѣдь ожидовѣлъ, милый человѣкъ.—Корсунцевъ весь съежился, но не протестовалъ, хотя видно было, что это приглашеніе доставило ему самое искреннее неудовольствіе. Дворяне разошлись. Ко-

нечно, Кравцовъ и Офросимовъ не смѣли и думать проникнуть въ то святилище, гдѣ Семенъ Ивановичъ, между пѣсней и стаканомъ вина, будетъ излагать свои планы относительно будущности мужика и дворянина. Кравцовымъ мгновенно завладѣла княжна.—Сегодня вы мой рабъ и должны мнѣ повиноваться,—сказала она и разсмѣялась нервно и непріятно-дѣланно. Мы пойдемъ въ паркъ,—продолжала она;—туда вѣроятно придетъ сестра, она очень интересная женщина, не смотря на свой видъ монахини изъ Зарѣчнаго скита.—Кравцовъ согласился; въ тонѣ его голоса ясно послышались раздраженныя нотки. Съ болѣзненной чуткостью княжна тотчасъ же подмѣтила ихъ и сказала рѣзко:—Вы или порядочный невѣжа или... трусъ и боитесь меня.

— Какъ все это самонадѣянно, глупо и скучно, — подумалъ Кравцовъ и сказалъ:—Княжна, въ нашъ вѣкъ только безъ-заботная бабочка не боится опасно привѣтливаго огонька.

Прошли въ паркъ. Тамъ было таинственно темно и тревожно. Рѣдкіе разноцвѣтные фонарики еще глубже подчеркивали спокойную, теплую темноту ночи. Небо, дымчато-черное отъ густыхъ облаковъ, дышало тревожною страстью. Старыя липы о чемъ-то вкрадчиво перешептывались испуганно-вздрагивавшими иногда листьями своихъ верхушекъ. По дорогѣ въ бесѣдку встрѣтили Вѣру съ мужемъ; княжна представила Кравцова; начался тягучій, нудный разговоръ. Егоръ Тихоновичъ жаловался на черезчуръ хорошій урожай, который несомнѣнно долженъ сбить цѣну на хлѣбной биржѣ, ругалъ во всю землеустроительныя работы въ губерніи, хотя и радовался тому, что никудышная голыдьба съ земли уберется и къ соотвѣтствующему дѣлу пристроится. Вѣра поддакивала мужу, и въ ея голосѣ, ласково-безпокойномъ, словно сквозила какая-то тайна. И она чуть не вырвалась наружу, когда разговоръ коснулся князя. Въ голосѣ Вѣры послышалась яркая, страстная ненависть. Вѣра почти кричала; слова были грубыя, жестокія и совсѣмъ не шли къ этой степенной милой женщинѣ.

— Полно, Вѣра Борисовна, полно. Не сердись, мало ли къ чему человѣкъ пристрастіе имѣетъ. Тестюшка мой—человѣкъ справедливый, коммерческій, только, жаль, рисковать боится, а то бы мы съ нимъ все Поволжье закрутили. Очень ужъ его эта самая политика отъ дѣлъ отвлекаетъ. Пойдемъ, Вѣрочка, къ гостямъ; тамъ должно быть его сіятельство преферансишко соорудилъ или рулетку вертитъ. Я такъ полагаю, что генералъ пересталъ свои романсы пѣть да жидовъ ругать,—ласково сказалъ

Егоръ Тихонычъ; въ его голосѣ, степенно-насмѣшливомъ, чувствовалась та невольно импонирующая сила, которую не запугаешь, шапками не закидаешь, и которая, если захочетъ, такъ сама все въ бараній рогъ свернетъ. Вѣра послушно поднялась со скамейки.

— Выручи Володю изъ когтей безпощаднаго папы, скажи, что я скучаю, томлюсь и зову,—сказала княжна сестрѣ.—Странный человѣкъ моя сестра: мужа своего любитъ, ему не измѣняетъ, обратилась въ типичную мѣщанку, а вотъ отцу простить не можетъ, что продалъ онъ ее на законное содержанство его степенству купчинѣ въ стилѣ Островскаго,—сказала по уходѣ супружеской пары княжна. Она засмѣялась и, угадавъ мысль, пробѣжавшую въ головѣ Кравцова, замѣтила.—Вы, вѣроятно, удивляетесь моей болтливости. Но не все ли равно, узнаете вы о нашей семьѣ правду отъ меня или отъ другихъ? Вѣдь о насъ говорятъ такъ много и, къ сожалѣнію, очень мало ошибаются.— Въ голосѣ княжны дрогнуло что-то живое и честное. Разговорились: княжна разспрашивала Кравцова о петербургской жизни. Сама она оказалась удивительной дикаркой: не была ни разу въ Петербургѣ, въ Москвѣ была три дня и даже не каждый годъ проводила зиму въ губернскомъ городѣ. Точно поддавшись обаянію великихъ чаръ лѣтней ночи и далеко уйдя мыслью отъ сумбурныхъ впечатлѣній имениннаго обѣда, Кравцовъ сталъ говорить о вѣчной красотѣ искусства, о вѣчно прекрасной, юной чаровницѣ природѣ. По какой-то странной антитезѣ мысли Кравцова отъ окружающей сѣрой и злой дѣйствительности унли въ далекій, прекрасный край, полный безсмертія, великаго прошлаго и красоты человѣческаго генія. Властно позабывалось, что въ нѣсколькихъ десяткахъ саженей находится голодная, заморенная «дареная» деревня, что полтавскіе переселенцы умираютъ отъ тифа. Мысль улетѣла къ мраморнымъ гробницамъ дожей, къ тонкимъ мечтательнымъ Мадоннамъ Боттичелли, къ смѣлому Давиду, грозящему пращей невидимому врагу, къ великимъ руинамъ вѣчнаго города. Кравцовъ говорилъ хорошо и невольно чувствовалъ, какъ его вдохновеніе передается княжнѣ.

— Я хотѣла бы видѣть ваши глаза. Какъ они сейчасъ должны горѣть,—сказала она задумчиво нѣжно. Быстро спадалъ радостный подъемъ; незамѣтно вползла въ сознаніе Кравцова хмурая мысль о томъ, что завтра нужно опять возиться съ «песками сыпучими аравійскими» и брать съ мужика задатокъ побольше. Онъ поговорилъ еще немного для приличу

и началъ прощаться, ссылаясь на усталость и необходимость съ зарей быть уже въ полѣ.

— А вы не хотите.... мечтать,—спросила разочарованно княжна.—Я думала, что вы способны увлекаться и не думать о завтрашнемъ днѣ, если сегодняшній хорошъ.

Кравцовъ хотѣлъ было сказать, что онъ не находитъ нынѣшній день особенно хорошимъ, но промолчалъ.

— Я хочу, чтобы вы остались, — капризнымъ тономъ объявила княжна. И вдругъ Кравцовъ почувствовалъ, что полныя сильныя руки обвили его шею, а горячія молодыя уста, пьяныя виномъ и жизнью, зажали ему ротъ піявистымъ изступленнымъ поцѣлуемъ. Кравцовъ въ первую минуту опѣшилъ; затѣмъ чувство искренней брезгливости разлилось въ немъ, онъ вспомнилъ добрые, грустные глаза Корсунцева. И ему невольно показалось, что онъ крадетъ чужое добро, чужое счастье. Кравцовъ далеко не былъ пуританинъ и, конечно, не осудилъ бы никого и никогда за мимолетный поцѣлуй въ лѣтнюю сладкую ночь; но безчисленныя письма, исписанныя милымъ знакомымъ почеркомъ, которыя онъ получалъ аккуратно съ каждой почтой, и какая-то непонятная антипатія къ княжнѣ сдѣлали изъ него строгаго моралиста. Онъ хотѣлъ-было сказать что-нибудь жестокое, сильное, отъ чего княжна должна была бы вздрогнуть, словно отъ удара хлыста; но вдругъ его осѣнила наивно-злая мысль. «Сыграемъ съ ней любовный пантомимъ», подумалъ Кравцовъ, вспомнивъ, что когда-то онъ выступалъ съ большимъ успѣхомъ въ любительскихъ спектакляхъ, и всѣ находили въ немъ несомнѣнный сценическій талантъ.

— Зачѣмъ вы это сдѣлали, княжна? Вѣдь я могу увлечься. Мнѣ будетъ больно,—сказалъ Кравцовъ съ бутафорскою дрожью въ голосѣ и мысленно похвалилъ себя за удачное начало. Затѣмъ, словно у провинціальнаго перваго любовника, плавно и увѣренно, безъ запятыхъ, безсмысленно и однообразно полился его монологъ. Потомъ Кравцовъ совершенно вошелъ въ роль — голосъ его, мягкій и гибкій, то поднимался до страстнаго крика, то замиралъ, словно отъ сдержанныхъ рыданій, а внутри его что-то хохотало, злое, увѣренное и мстительное. Кравцовъ говорилъ о томъ, что полюбилъ ее съ перваго взгляда, но никогда не могъ позабыть, что она княжна, а онъ бѣдный чиновникъ. Страшными усиліями воли онъ принудилъ себя не искать встрѣчъ и разговоровъ. Но нынче мечта сдѣлалась явью; онъ проклинаетъ ее и благословляетъ.

— Да, княжна, сейчасъ случилось великое въ моей жизни:

къ великому окаянному грѣшнику спустился лучезарный ангелъ и подарилъ ему небесную ласку. Будетъ ли грѣшникъ проклинать или благословлять тотъ мигъ, когда сіяющій вѣстникъ улетитъ на вѣки, грѣшникъ не знаетъ, но это мгновеніе было его и онъ его благословляетъ,—закончилъ Кравцовъ свой монологъ и подумалъ: «недурно. Шито бѣлыми нитками, а это дитя природы ни чорта не поняло».

Пауза, продолжительная и тягостная. Княжна глубоко задумалась, а Кравцовъ сталъ уже злиться и на себя, и на всю эту балаганную сцену.

— Станьте на колѣни передо мной. И просите, умоляйте меня нѣжно и увлекательно,—сказала Нина, и въ голосѣ ея послышалось что-то наивно-страстное.

— Это невозможно,—рѣшительно сказалъ Кравцовъ.

— Невозможно! Почему?—удивленно спросила княжна.

— Нѣтъ, не просите, этого никогда не будетъ,—упорствовалъ Кравцовъ.

— Но почему? я хочу знать. Слышите, я требую, я настаиваю,—говорила княжна.

— Вы хотите узнать мою тайну. Страшную и не интересную въ то же самое время.

— Да, да, вѣдь вы же называли меня своимъ лучезарнымъ вѣстникомъ, я хочу знать все и, быть можетъ, помочь вамъ.

— О, княжна, вы безсильны помочь мнѣ. Но хорошо, пусть будетъ по вашему. Я не могу умолять васъ, стоя передъ вами на колѣняхъ, и вотъ почему: нынче, да, да, княжна, клянусь вамъ честью, именно нынче, я въ первый разъ надѣлъ свои новыя діагоналевыя брюки, цѣною двадцать пять рублей. Вы понимаете, княжна, что на землѣ можетъ оказаться не совсѣмъ чисто и мои новенькія невыразимыя могутъ пострадать отъ коварства злыхъ птицъ. Что будетъ дѣлать тогда моя бѣдная мать, что скажетъ мой несчастный отецъ!—Неудержимый, чисто мальчишескій хохотъ вырвался у Кравцова наружу.

Гдѣ-то въ зіяющей чернотѣ деревьевъ слышался голосъ Корсунцева:

— Нина! Ау! Гдѣ вы?

— Прощайте, княжна, совѣтую вамъ своими поцѣлуями, если ихъ у васъ ужъ такой большой запасъ, наградить вашего жениха, или въ крайнемъ случаѣ кого-либо другого.

Нина тихо вскрикнула.

Не желая встрѣчаться съ Корсунцевымъ, Кравцовъ пошелъ

въ противоположную ауканью сторону. «Какъ легко однако можно пріобрѣтать враговъ»,—подумалъ онъ и сочно зѣвнулъ.

V.

Было душно и тревожно. Дымчатыя лѣнивыя облака низко свѣсились надъ землей; на горизонтѣ толпились изсиня черныя страшныя чудовища; рожь стала преувеличенно-желтой и отчетливо-рѣзкой. Когда Кравцовъ, возвращаясь съ поселка, подъѣхалъ къ усадьбѣ, то первое, что онъ увидѣлъ, было человѣкъ двадцать мужиковъ, да около сотни спѣшившихся стражниковъ. «Неужели понадобились», съ грустаю подумалъ Кравцовъ. Однако его опасенія оказались далеки отъ истины: мужики были частью депутаціи отъ Ручьевскихъ и пришли къ князю «на счетъ конопляниковъ», а стражники пріѣхали въ усадьбу въ качествѣ актеровъ на любительскій спектакль, устраиваемый въ честь князя командиромъ роты, поручикомъ Шиль. Такія новости повѣдалъ Кравцову его другъ, съ которымъ онъ встрѣтился въ паркѣ.

— Идемъ, идемъ скорѣе,—торопилъ Офросимовъ,—князь еще торгуется съ мужиками. Дурни рѣшили, что князь за два дня имяьиннаго пьянства сердцемъ оттаялъ: пришли конопляники покупать. Пришли по хорошему, бухъ въ ноги князю, это разъ, ему хлѣбъ-соль—два, а потомъ и о землицѣ; знаешь, сколько князь хочетъ? Тысячу рублей за десятину, съ расплатой на два года,—залился нервнымъ хохотомъ Офросимовъ.

— Не можетъ быть?—удивился Кравцовъ.

— Ей-Богу, да ты самъ услышишь, ты не конфузься, князь о тебѣ освѣдомлялся; меня хотѣлъ было лжесвидѣтелемъ выставить. Но я ему рѣшительный афронтъ, благодарю покорно. Все же у меня совѣсть еще сохранилась: ну сдери съ мужика послѣднюю рубаху, но оставь ему хоть для приличія порты, все же какъ ни на есть онъ европеецъ,—горячился Офросимовъ.

Человѣкъ десять стариковъ видимо чѣмъ-то сильно были озадачены. По террасѣ, словно потревоженный въ клѣткѣ тигръ, мечется князь.

— Какъ нельзя болѣе кстати,—убѣдительно нѣжно пожимая ихъ руки, говоритъ онъ друзьямъ.

— Батюшка, ваше сіятельство, вникните въ нашу плачевную жизнь: вѣдь намъ безъ конопляничковъ хуже смерти, потому клиномъ они въ нашу усадьбу входятъ: ни тебѣ къ рѣчкѣ, ни тебѣ на огородъ,—жалобнымъ голосомъ плачется старикъ, на-

рочито ветхій и трогательный своею любовью къ желаннымъ конопляникамъ.

— Мой отецъ любилъ васъ, Ручьевскихъ, больше чѣмъ Кулагинскихъ, и я вамъ, милые люди, первый другъ, потому и соглашаюсь уступить обществу черезполосную землю, а только слово свое княжье я держу: сказалъ за десятину тысячу и баста. Не купецъ я, чтобы запрашивать, да уступать,—съ большимъ достоинствомъ въ голосѣ говорилъ князь.

— Ваше сіятельство, да развѣ мы? Господи нашъ милосердный, не въ вашей чести сомнѣваемся, а въ нищетѣ своей каемся,—продолжалъ старичекъ, и голосъ его тоскливо осѣкся.

— Не оправдаетъ никакъ землица по тысячѣ,—замѣтилъ другой старикъ.

— Это во что же зерпышко обойдется?—говорилъ новый, уже явно ироническій голосъ. Князь сталъ злиться.

— Да вы что о деньгахъ все тревожитесь: деньги вещь наживная, а земля вѣчная. Тысячу заплатишь, анъ глядишь годокъ черезъ другой, она и по двѣ тысячи пойдетъ.

— Ваше сіятельство, да развѣ мы говоримъ, что землица того не стоитъ. Очень даже возможно, что и пять тысячъ стоитъ, да мы вѣдь голодные люди, одно слово дарственники, не осилить намъ тяготы такой, что ваше сіятельство намъ обѣщаете,— задумчиво четко говорилъ сѣденькій ораторъ.

— А если вы сомнѣваетесь и мнѣ не вѣрите, тогда просите господъ ликвидаторовъ: они вамъ растолкуютъ, что землицу вы отъ меня по тысячѣ купите, а банкъ по полторы вамъ отпуститъ. Глядишь и землица ваша, и барышъ есть. Неправда ли?—обратился князь въ сторону ликвидаторовъ. Офросимовъ съежился, и хотя, видно, съ большими усиліями, однако промолчалъ, а Кравцовъ, которому эта кулаческая сцена была безконечно отвратительна, сухо сказалъ:

— Ваши конопляники, князь, намъ, совершенно неизвѣстны, мы не можемъ оцѣнить ихъ за глаза наобумъ. Хотя долженъ сказать, что во всей губерніи нѣтъ десятины по тысячѣ рублей.

— Опять же, ваше сіятельство, относительно землицы и господинъ банковскій чиновникъ сомнѣваться изволитъ,—радостно уцѣпился за слова Кравцова старичекъ и мотнулъ головой, послѣ чего всѣ мужики опустились на колѣни.

— Ваше сіятельство, явите божескую милость: или цѣну скостить извольте, или на пять лѣтъ разсрочьте, а то, кажись, и продавать печего будетъ, чтобы только передъ вами оправдать себя.

Князь почему-то пришелъ въ неописываемую ярость.

— Вамъ все за безцѣнокъ, а то и совсѣмъ даромъ, по захватному праву, по праву жидовскихъ иллюминацій. Нѣтъ, не на такого напали: сегодня не хотите за тысячу рядиться, завтра съ васъ полторы возьму, а послѣ завтра и всѣ двѣ. И дадите, старые черти, дадите, потому нѣтъ больше захватнаго права, русская правда верхъ взяла.

— Неизвѣстно, чѣмъ бы кончилась эта пламенная тирада, но дверь отворилась и на террасу вышла Вѣра Борисовна.

— Это отвратительно, папа, если вы пьяны, тогда спите. Не смѣйте вести себя какъ...—сказала она по-французски и, замѣтивъ ликвидаторовъ, споткнулась на словѣ. Моментъ былъ весьма благопріятный для того, чтобы достойнымъ образомъ ретироваться, и друзья очень ловко стушевались на фонѣ старыхъ деревьевъ и смущенныхъ мужиковъ, продолжавшихъ въ недоумѣніи ломать въ рукахъ шапки.

— И ты думаешь, что они не дадутъ, сколько ему не лѣнь будетъ?—спрашивалъ Офросимовъ.—Все, все дадутъ, потому своей землей за горло схватилъ и душитъ безъ устали, а они брыкаются. Нѣтъ, зачѣмъ я, дуракъ, ушелъ изъ бригады,—съ горечью добавилъ Офросимовъ и съ жаромъ пустился въ область офицерскихъ воспоминаній. Кравцовъ сумрачно молчалъ: ему невольно вспоминались дрожащій, несчастный голосъ старика съ тонкой серебряной бородой и полный торжествующей ненависти стальной голосъ князя.

Краски жизни умерли, сгустилась мягкая чернота неба; пахло теплотой земли, остывающей отъ знойныхъ поцѣлуевъ марнаго дня. Наступила спокойно-благостная ночь. Благоговѣйную тишину нелѣпо и нагло будятъ грохотъ бубна и звуки пѣсни заунывно разгульной. Сарай на мірской межѣ, гдѣ обыкновенно хранились рандали, плуги и старый инвалидъ-локомобиль, на этотъ разъ былъ обращенъ въ любительскій театръ довольно милаго вида. Горѣли разноцвѣтные фонарики, густо свѣшивались очень неуклюжія, но добросовѣстно сдѣланныя гирлянды зелени; однимъ словомъ, командиръ второй роты обнаружилъ недюжинныя антрепренерскія способности. Кравцовъ и Офросимовъ пришли на спектакль, когда уже всѣ зрители были въ сборѣ и спектакль долженъ былъ каждую минуту начаться; по крайней мѣрѣ коленкоровый занавѣсъ, съ нарисованными на немъ національными флагами, не двухсмысленно колыхался

и чей-то невидимый басъ говорилъ: «Вась, а Вась, ты слышишь, сразу тяни».

Друзья смиренно притаились въ заднихъ рядахъ, въ обществѣ тихихъ и робкихъ «земскихъ изъ Петербурга».

Молоденькій поручикъ въ щеголеватомъ кителѣ хлопнулъ два раза въ ладоши; смолкъ надоѣдливый бубенъ, оборвалась унылая пѣсня и довольно бодро взвился занавѣсъ. Начался спектакль. Декорація, при сильной, конечно, фантазіи, должна была изображать внутренность избы. Дѣйствующія лица: молодой парень и дѣвка, въ изображеніи двухъ здоровенныхъ стражниковъ. Парень жалуется дѣвкѣ, которая оказывается его невѣстой, на то, что теперь въ деревнѣ стало дюже скучно, а въ стражникахъ житье очень веселое, однако туда поступить очень трудно: «прежде нужно отличиться». Между ними происходитъ такой діалогъ. Дѣвка: А ты меня, Дмитрій, не оставь, потому тяжела я. Парень: Что ты, Паша, я вѣдь тоже съ соображеніемъ, однако; если на селѣ съ хозяйствомъ не управлюсь, тогда поѣдемъ вмѣстяхъ на Челябу, тамъ житье привольное, денегъ много. Дѣвка: А ты не тужи. Парень: Ой-ли. Дѣвка: Вѣрно тебѣ говорю, иди съ Богомъ домой, я за тебя одна подумаю. (Уходятъ, черезъ минуту дѣвка возвращается съ грузной бабой, конечно изображаемой стражникомъ). Дѣвка: А ты, Домна, кого у себя въ избѣ хоронишь? Баба: Да что ты, любезная, у меня окромя мужа, да дѣтокъ никого нѣтъ, ей-ей. Дѣвка: Да мнѣ это единственно все равно, я это васъ, Домна Егоровна, жалѣючи сказала, потому всѣмъ на селѣ извѣстно, что у васъ на погребѣ неизвѣстный полюбовникъ состоитъ. Вотъ мнѣ доподлинно извѣстно, что его становой нынче искать у васъ собирается, я и хотѣла васъ, Домна Егоровна, отъ безпокойства избавить, у себя полюбовничка вашего спрятать. Баба: Ой, милая дѣвонька, спаси меня несчастную, если что, не равенъ часъ, убьетъ меня мужъ. Дѣвка: А ты веди скорѣй своего полюбовника. Баба: Въ моментъ предоставлю. (Баба уходитъ; дѣвка, крупно шагая по сценѣ, произноситъ монологъ, какъ они хорошо заживутъ съ Митей послѣ ея штучки. Дико озираясь по сторонамъ, вбѣгаетъ черный бородатый мужчина, въ высокихъ сапогахъ и безбожно узкой для него студенческой тужуркѣ). Мужчина: Бога нѣтъ. Дѣвка: Постыдись врать. Мужчина. Ей Богу, нѣтъ. Дѣвка: А коли нѣтъ, то какъ же ты божишься? Мужчина: Ой, умная ты какая, моя любезная; одначе нечего тамъ языки чесать. Укрой меня. Урядникъ ищетъ. Дѣвка: А что дашь? Мужчина:

Двадцать пять рублевъ. Дѣвка: Мало, давай пятьдесятъ, а то народъ погову. Мужчина: Бери, окаянная, только укрой, (даетъ деньги). Дѣвка: Полѣзай скорѣй въ сундукъ (черноволосый мужчина лѣзетъ въ картонный сундукъ). Дѣвка произноситъ пространный монологъ, на тему, что врутъ тѣ, кто говорятъ, будто бы у бабы волосъ дологъ, да умъ коротокъ, а также о томъ, какъ весело они заживутъ, когда Митя въ стражники черезъ ея сообразительность поступитъ. Приходитъ Дмитрій и плачется, что денегъ нѣтъ и не на что будетъ свадьбу справить, а о стражникахъ и думать не стоитъ, потому изъ этого ничего путнаго не выйдетъ. Дѣвка: Посмотри-ка, Митя, это какъ называется?—Парень: Пятьдесятъ рублевъ; ужель такое счастье? Дѣвка: Такое ли еще будетъ. Парень: Золотая ты дѣвка, одно слово. Дѣвка: А ты, Митя, чѣмъ время зря терять, урядника съ мужиками окликай поскорѣе. Парень. Ихъ теперь не заполучишь, потому они бѣглаго студента ищутъ. Дѣвка: А ты имъ объяви, что студента пымалъ. Парень: Ой, не складно что-то ты Паша говоришь. Дѣвка: А ты глянь въ сундукъ; только, не равенъ часъ, какъ бы онъ тебя не убилъ, потому для него убивство самое пріятное дѣло. (Дмитрій смотритъ въ сундукъ, оттуда выскакиваетъ мужикъ и бросается на Дмитрія, происходитъ борьба, въ которой Дмитрій побѣждаетъ. Бородачъ рычитъ, а Дмитрій крутитъ ему назадъ руки). Парень: Теперь не убѣгетъ а все же поглянь на него, человѣкъ онъ больно опасный. (уходитъ; въ избу вбѣгаетъ Домна). Мужчина: Ослобоните меня, Домна Егоровна, потому я только книжки читать давалъ крестьянамъ. (Домна съ воемъ бросается на Пашу, происходитъ борьба, и въ результатѣ Домна со скрученными назадъ руками покорно стоитъ рядомъ съ бѣглымъ студентомъ. Паша маршируетъ по комнатѣ и произноситъ рѣчь о томъ, что особливый грѣхъ—студента любить, потому онъ о нехорошемъ все думаетъ и начальства совсѣмъ не боится. Въ избу тѣмъ временемъ вваливается народъ: стражники, мужики, становой, урядникъ и Дмитрій). Парень Позвольте объявить, такъ сказать, что студентъ мною обнаруженъ, а это его полюбовница и способница. Голосъ изъ толпы: Моя супружница, ахъ грѣхъ-то какой учинился, однако я нагайкой владѣю и уважу ею проклятую бабу. Становой: Молодецъ, Дмитрій Потаповъ, вотъ тебѣ за твое геройство три рубля. Парень: Никакъ невозможно за такой подвигъ деньги брать, а вотъ ежели бы привелось въ стражники поступить, то я бы одинъ на селѣ всю крамолу вывелъ. Становой: Вотъ

тебѣ за твое геройство двадцать пять рублевъ, а въ стражники я тебя представлю, въ этомъ ты не сомнѣвайся. Парень: Премного благодаренъ, я за спокойствіе, значитъ, во какъ. (Бородачъ плачетъ и кается въ своемъ озорствѣ. Мужъ Домны лупитъ нагайкой свою жену, та оретъ, а мужъ приговариваетъ: «образованная, студента полюбила, ну и получай по образованному»).

Падаетъ занавѣсъ. Поощрительные аплодисменты. Снова поднимается занавѣсъ. Тѣ же актеры стоятъ на вытяжку, въ рукахъ у каждаго по бутылкѣ. Выступаетъ впередъ Дмитрій и зычно кричитъ:—А путъ-ка ребята, выпьемъ за здоровье князя, да всей почтенной публики по бутылочкѣ.—Всѣ бутафорски пьютъ.—А теперь спляшемъ по-русски.—Раздаются звуки невидимыхъ балалаекъ. Пускаются въ присядку, плясать не умѣютъ, выходитъ очень глупо и нелѣпо. Наконецъ падаетъ занавѣсъ; аплодисменты. Выходитъ щеголеватый стражникъ въ черномъ мундирѣ съ желтыми аксельбантами и лихо козыряетъ. Хорошенькій поручикъ, показывая глазами на стражника, что-то съ почтительнымъ жаромъ объясняетъ князю. Тотъ одобрительно покачиваетъ головой. — Какая мерзость,—слышитъ Кравцовъ чей-то возмущенный голосъ; Кравцову кажется, что это невольно вырвалось у него самаго, но нѣтъ, онъ видитъ возмущенное лицо Корсунцева и ясно слышитъ его негодующія слова:—Пакостятъ людей невѣдомо зачѣмъ. Вѣдь это въ концѣ концовъ даже не практично.—Снова взвился занавѣсъ. Громадный хоръ балалаечниковъ-стражниковъ оглушительно рѣзко задребезжалъ, турецкій барабанъ и бубны старались во всю и довершали довольно удачно начавшуюся какофонію. Однако, балалаечникамъ не суждено было раздѣлить лавры, доставшіеся на долю пьесы, и хоръ быстро сократился. Затѣмъ на сцену появился бравый стражникъ и объявилъ:—Наши ребята приказали благодарить ваше сіятельство за угощеніе. Коли приказать изволите, сыграемъ пѣсни да спляшемъ, а таперича спектакль окончень.—Всѣ облегченно задвигались. Шелъ оживленный разговоръ о пьесѣ. Князь доказывалъ, что авторъ-стражникъ (Кравцовъ не ошибся въ своихъ предположеніяхъ) несомнѣнный самородокъ: что важнѣе всего, онъ не отравленъ жидовско-революціонной культурой, и если пьесу немного пошлифовать, какъ приходится шлифовать всякій алмазъ, изъ нея несомнѣнно получится серьезная вещь, достойная постановки на сценѣ любого русскаго театра. Несогласныхъ не было. По крайней мѣрѣ всѣ старались расписаться въ своей истинно-русской благодарности.

— Вы ни въ чемъ не раскаиваетесь и ни о чемъ не сожалѣете?—услышалъ Кравцовъ тихій голосъ княжны.

— Мой девизъ всегда и всему только радоваться,—замѣтилъ онъ холодно.

— Вы или нахалъ, или же не умны, — сказала княжна, и въ голосѣ ея послышалось что-то нездоровое, истеричное.

Кравцовъ промолчалъ. Нина быстро отошла.

Покинутъ сарай; надъ головой черное спокойное небо, тишина ночи ласково и властно гаситъ печальныя думы.

— Я васъ поджидаю; во-первыхъ, здравствуйте,—слышитъ Кравцовъ голосъ Корсунцева.—Скажите, вы какого университета?—спрашиваетъ онъ и этотъ нескладный вопросъ тепло и любовно роднитъ ихъ.

Кравцовъ отвѣтилъ.

— А я московскаго; впрочемъ, я въ свое время и въ Боннѣ буршемъ былъ.

Они разговорились съ той задушевностью, на которую способны только изстрадавшіеся русскіе люди, когда имъ хочется хотя бы въ мечтахъ увидѣть слабый лазурный просвѣтъ и золотой лучъ солнца. Корсунцевъ говорилъ съ какой-то молящей о пощадѣ грустью. Онъ разсказывалъ о себѣ, о своей жизни въ деревнѣ, и въ его словахъ читалась печальная правда великой разрухи Россіи. Корсунцевъ былъ дворяниномъ до мозга костей, весь въ мечтахъ гдѣ-то въ красивомъ прошломъ, не то у торжествующихъ знаменъ 14-го года, не то у скромныхъ столовъ редакціонныхъ комиссій, но только не здѣсь, но только не со своими теперешними братьями по землѣ. И въ то же время Корсунцевъ, словно миѳическій Антей, приросъ къ землѣ; онъ вѣрилъ въ то, что деревенская Россія есть та тучная, пашня, на которой родится самъ-сто всякое честное хорошее слово упавшее на нее. Вотъ Корсунцевъ предводитель дворянства — не утвержденъ, предсѣдатель земской управы—не утвержденъ, земскій начальникъ—удаленъ; онъ открываетъ образцовую школу—ее закрываютъ, пробуетъ организовать летучія сельскія библіотеки—губернаторъ дружелюбно говоритъ ему, что за такіе новые пути остается одинъ только путь... Но земля крѣпко держитъ Корсунцева въ своей материнско-жестокой власти, и онъ любитъ ее тоскующей мыслью, любитъ той безсильной любовью, которою любилъ старый Тарасъ своего истерзаннаго пыткой Остапа. Въ словахъ Корсунцева, искреннихъ и грустныхъ, звучала великая безнадежность; онъ не щадилъ себя, но и не забывалъ

тѣхъ, кто оторвалъ его отъ родной земли, отъ посильной работы для будущей великой Россіи. Просто и безъ злобы, съ немного комичною грустью показывалъ Корсунцевъ своему собесѣднику оборотную сторону патріотической медали. Тонкими, но живыми линіями были высѣчены на ней фигуры побѣдителей. Вотъ князь, который выманиваетъ у Корсунцева сорокъ тысячъ, якобы на открытіе въ уѣздѣ народнаго университета; вотъ на вѣкъ испугавшійся дворянинъ, засѣвшій въ свою блиндированную усадьбу; вотъ земскій, посадившій лошадь, пойманную въ чужомъ овсѣ, подъ арестъ на семь сутокъ; вотъ еще дворянинъ, авторъ проекта обращенія китайцевъ въ крѣпостную зависимость, и еще длинный предлинный рядъ печальныхъ, безсмысленныхъ силуэтовъ.

— Россію губитъ одна только вещь: это ея великій цинизмъ, невѣдомый ни въ одной странѣ. «Чѣмъ хуже, тѣмъ лучше»,—вотъ догматъ современной Россіи,—говорилъ Корсунцевъ утомленнымъ, слабымъ голосомъ.

— Нѣтъ, вы не правы—сказалъ сильно взволнованный Кравцовъ. Онъ сталъ говорить о томъ, что умерла старая Россія, умеръ помѣщичій бытъ, такъ же какъ и старый крестьянскій укладъ жизни, но вѣчно жива Россія, то великое поле, зеленѣющее молодой весенней озимью. Говорилъ Кравцовъ убѣжденно и ему почему-то хотѣлось плакать радостными, гордыми слезами честной сыновней любви. При красномъ свѣтѣ фонаря, вздрагивавшаго на проволокѣ, Кравцовъ видѣлъ, какъ печально и безнадежно осунулось лицо Корсунцева.

— Вотъ вы такъ говорите, и вамъ легко, потому что для васъ умеръ лишь никому ненужный злой старикъ, а для меня вмѣстѣ съ нимъ умираетъ большая часть моего я, вся моя идеологія, вся моя гражданская жизнь. Для васъ родина—вся Россія, а, быть можетъ, и весь міръ, а для меня родина—Россія, въ которой обязательно находится наша губернія, нашъ уѣздъ и мое родовое имѣніе Черемисскій Боръ,—съ легкой укоризной замѣтилъ Корсунцевъ.

Кравцовъ понялъ, что просто-на-просто нужно пожалѣть этого измученнаго, выбитаго изъ жизненной колеи человѣка. Наступила тяжелая длительная пауза, нарушенная голосомъ княжны.

— Ау... Вова, ау, — звонко кричала она изъ глубины чутко спящаго парка.

Кравцовъ замѣтилъ, что Корсунцевъ мигомъ ожилъ.

— Ау, Нина Борисовна, идите къ намъ... Мы въ липо-

вой,—крикнулъ Корсунцевъ радостнымъ голосомъ. — Пойдемте на встрѣчу. Или нѣтъ, подождемте здѣсь, а то еще разойдемся.

Кравцову не понравилась эта внезапная радостная метаморфоза.

Корсунцевъ угадалъ мысль своего собесѣдника и замѣтилъ:

— Я не стыжусь своего чувства: послѣ Россіи я больше всего люблю княжну.

Кравцовъ поморщился отъ этихъ наивныхъ словъ: поставить на одну плоскость Россію и княжну, казалось ему чѣмъ-то кощунственнымъ.

— Вотъ и вы, идемте, господа, являюсь къ вамъ злымъ вѣстникомъ: папа желаетъ терзать васъ, мой милый мальчикъ Вольдемаръ, самыми отборными черносотенными проектами. Вы, Андрей Константиновичъ, будете мучаться за чужіе грѣхи молча и почтительно, ибо вы взяты подъ сомнѣніе Семеномъ Ивановичемъ.—Княжна засмѣялась мелкимъ смѣхомъ; отъ нея пахнуло виномъ и чѣмъ-то затаеннымъ и злымъ.—Сейчасъ всѣ пили за мое здоровье и за моего милаго, глупаго жениха, сбѣжавшаго отъ умныхъ разговоровъ большихъ и полезныхъ людей. Я пила очень много. Почему-то я хочу нынче быть пьяной, красиво пьяной, совсѣмъ не такъ, какъ наши милые, добрые стражники.—Княжна засмѣялась еще мельче.—Идемте скорѣй, идемте, тамъ очень и очень мило. Трусевичъ показываетъ стражникамъ, какъ нужно въ надлежащихъ случаяхъ рубить учителя и какъ студента, какъ человѣка можно только попортить и какъ на мѣстѣ положить. Все это очень мило, идемте, а то Вальпургіева ночь, чего добраго, можетъ пройти. Андрей Константиновичъ, дайте мнѣ вашу руку.

— Нина Борисовна,—началъ Корсунцевъ и оборвался; но ясно было, что ему непріятно и тяжело.

— Бѣдный Вовка. Онъ ревнуетъ. Ну хорошо, хорошо, успокойтесь; давайте вашу руку, вотъ такъ, а вы, Андрей Константиновичъ, извольте не убѣгать, а то я пошлю за вами, какъ за бѣглымъ студентомъ, стражниковъ. Ахъ, какъ жаль, что я «другому отдана и буду вѣкъ ему вѣрна»; иначе, чего добраго я могла бы увлечься вами, въ васъ есть что-то стальное и въ то же время наивно ласковое. «Говорятъ я опьянѣла, хоть вина я не пила, но кому какое дѣло, что я кажется пьяна»,—напѣвала княжна и нервно посмѣивалась.

На террасѣ, за столомъ, украшеннымъ цвѣтами и бутылками, было говорливо и шумно. Въ бархатно черной темнотѣ ночи,

которую лишь рельефнѣе подчеркивало яркое пламя костра да разноцвѣтные огоньки фонариковъ, изступленно-дико гремѣлъ бубенъ; на минуту смолкая, онъ давалъ мѣсто пѣснѣ, которую старательно выводилъ спившійся фальцетъ, затѣмъ зычные голоса подхватывали припѣвъ и снова начиналъ гремѣть бубенъ. У калитки сада произошелъ маленькій инцидентъ. Толстый, словно налитый кровью господинъ въ синей поддевкѣ что-то съ жаромъ толкуетъ молодому красивому стражнику съ пьянымъ безуміемъ въ глазахъ; серебряной молніей блистаетъ въ рукѣ стражника шашка, на землѣ лежитъ изрубленное соломенное чучело.

— Ваша честь, прикажите прикончить кого нужно. Отца родного положу. Потому понимаю я крамолу. Вотъ хотя бы ихъ къ примѣру прикончить,—говоритъ стражникъ и безумно дико смотритъ на Корсунцева, Нину и Кравцова.

— Однако, ваши ученики черезчуръ ужъ способны,—презрительно сухо бросила княжна мимоходомъ.

— Тысячу извиненій, княжна, тысячу извиненій, скверное недоразумѣніе,—забормотала поддевка, и когда Нина со своими спутниками благополучно добралась до террасы, толстякъ набросился на ретиваго стражника съ изощренно трехъэтажными ругательствами.

— Вотъ вамъ на растерзаніе Владиміръ Михайловичъ,—сказала Нина и подтолкнула Корсунцева къ князю. А мы, Андрей Константиновичъ, будемъ слушать романсы стражниковъ и мечтать... о неизбѣжномъ.

Кравцовъ предпочелъ бы послушать повѣствованіе Семена Ивановича о психологіи хуторянина, слѣдящаго за внутри-надѣльнымъ размежеваніемъ, но волей неволей пришлось покориться княжнѣ. Въ темнотѣ сада, въ живописно разбойническихъ позахъ, полулежало у костра человѣкъ тридцать стражниковъ; мертвецки пьяный стражникъ съ нашивками на рукавахъ качался словно на палубѣ морского парохода въ сильную качку и пропитымъ теноркомъ лихо выкрикивалъ: «Мы ево прекрасно знаемъ, зачѣмъ ходитъ на село, онъ вѣдь съ дѣвкой не играетъ, онъ мутитъ крещеный людъ.» Стражникъ съ нашивками на рукавахъ мотнулъ головой и хоръ подхватилъ припѣвъ. «Гей гей, вы, ребята, не робѣй... весело гуляемъ, пѣсни мы играемъ». Въ пѣснѣ очень подробно говорилось о студентѣ, который испортилъ все село, даже попа и волостного писаря; конечно дѣло было бы совсѣмъ плохо, не попадись крамольный студентъ на зоркіе глаза стражника. Студентъ бросился бѣжать, но отъ стражника да еще кон-

наго уйти труднѣе, чѣмъ «изъ-подъ японца». Во всякомъ случаѣ результаты бѣгства для студента были весьма плачевны. «Отвѣдалъ лихой онъ нагайки, до зоренки только прожилъ», меланхолично сипѣлъ запѣвало, покачиваясь на слабыхъ ногахъ. Назойливо гремитъ бубенъ, хоръ подхватываетъ свое неизмѣнное «гей гей, вы, ребята, не робѣй, весело гуляемъ, пѣсни мы играемъ.» Княжна посмѣивалась своимъ непріятнымъ мелкимъ смѣшкомъ. Кравцову было смѣшно и въ то же время какъ-то стыдно; ему стало казаться, что онъ самъ поетъ эту злую безсмысленную пѣсню, передъ насмѣшливо внимательными чуждыми слушателями, которые безконечно презираютъ и ненавидятъ его. Къ счастью для измученныхъ нервовъ Кравцова, пѣнію скоро пришелъ конецъ; пѣсня о студентѣ была послѣдней, затѣмъ появился фатоватый поручикъ, что-то тихо сказалъ стражникамъ, тѣ въ свою очередь весело гаркнули и дружно двинулись къ калиткѣ сада. Впрочемъ, на послѣдокъ одинъ изъ стражниковъ, желая вѣроятно доказать, что лихой стражникъ въ огнѣ не горитъ, потушилъ костеръ, прыгая довольно долго въ его яркомъ горячемъ пламени.

— А вы пріуныли, Андрей Константиновичъ. Неужели вамъ такъ жаль студента, который погибъ отъ руки лихого стражника,—спросила Кравцова княжна. Онъ ничего не отвѣтилъ и только засмѣялся. Въ это время подошелъ Корсунцевъ; какъ будто онъ ужъ началъ ревновать, въ голосѣ его слышались непріязненная сухость и злая подозрительность. Кравцовъ былъ болѣе чѣмъ нерасположенъ къ флирту и весьма рѣшительно поднялся.

— Такое постыдное бѣгство равносильно пораженію. Вы побѣждены,—сказала княжна и громко захлопала въ ладоши. Кравцовъ молча поклонился, ласково посмотрѣлъ на Корсунцева, который нервно вертѣлся на стулѣ, и отошелъ въ глубь длинной террасы, откуда слышался елейно тягучій голосъ Семена Ивановича.

— Князь, князь, вы очень волнуетесь. Кто сердится, тотъ всегда не правъ. Вѣдь въ сущности мы говоримъ съ вами одно и то же; конечно, мужикъ подлецъ и негодяй, но вѣдь въ этомъ виноватъ не онъ: въ этомъ повинна община. Вотъ подождите, какъ попадетъ онъ на хуторочки, да увидитъ, что ему погонныя саженп луга не нужно каждый годъ у міра просить, тутъ онъ и почувствуетъ себя крѣпкимъ человѣкомъ, а не мірскою нищею душою. Князь, любезный князь, это будетъ великое дѣло.—Такъ говорилъ Семенъ Ивановичъ; князь расхаживалъ крупными шагами; остальные внимательно слушали разговоръ двухъ сильныхъ міра сего.

— Да, да, вотъ вы говорите такъ, а позабыли, что міръ Наполеона сократилъ,—сказалъ князь.

— Князь, князь, не будемъ вдаваться въ исторію. При чемъ тутъ Наполеонъ?—насмѣшливо замѣтилъ Семенъ Ивановичъ.

— Красота силы—вотъ причемъ. Разбили глиняный нескладный горшокъ и хотите изъ черепковъ модернистскую вазу склеить. А если ничего не выйдетъ? Что тогда? Вотъ вамъ примѣръ: на моей бывшей землѣ будетъ поселокъ въ триста дворовъ, хутора будутъ разбросаны на пятнадцать верстъ. Чѣмъ вы спаяете эти триста дворовъ? Вотъ и полѣзетъ крамола. Раньше мужикъ думалъ такъ, какъ міръ думалъ, а міръ думалъ хорошо, по русскому, а когда не будетъ міра, будетъ хуторянинъ думать не такъ, какъ ему міръ велитъ, а какъ взбредетъ въ его дурацкую башку: по глупому, по революціонному. Вотъ и нажили еще себѣ бѣды,—горячился князь.

— Полноте, князь, на что жъ у насъ полиція и юстиція, а у нихъ нѣтъ даже милиціи, мы вѣдь тоже не лыкомъ шиты,— посмѣивался Семенъ Ивановичъ. Потомъ принялся держать пространную рѣчь. Мечты Семена Ивановича были какія-то жестокія, коренастыя и угрюмыя. Говорилъ онъ о томъ, что земельную реформу вынесетъ только мужикъ изъ крѣпкихъ крѣпкій, а остальные уйдутъ отъ земли, но это обстоятельство не печально, а напротивъ желательно, неизбѣжно и чѣмъ скорѣе земля перейдетъ изъ слабыхъ мірскихъ рукъ въ руки земельныхъ собственниковъ, тѣмъ будетъ лучше для Россіи.—Эгоизмъ хорошая штука, дорогой князь, охъ, какая хорошая,—говорилъ Семенъ Ивановичъ и, словно отъ несказаннаго блаженства, щурилъ свои глаза.—Особенно земельный эгоизмъ. Вотъ вы о мірѣ плачетесь, князь, а вы подумайте только, о чемъ міръ думаетъ; вѣдь думаетъ-то онъ, въ концѣ-концовъ, о черномъ передѣлѣ, думаетъ о Божьей землѣ, думаетъ о какой-то тамъ справедливости. Вотъ мы мужичка, человѣчка Божьяго, какъ малаго ребенка, спеленаемъ, няньку строгую къ нему приставимъ, и позабудетъ мужикъ про свою земную мать, про то, что онъ когда-то отъ міра кормился. Понимаете ли, князь, сгинетъ крестьянинъ— народится хуторянинъ. Такъ будетъ у насъ милліоновъ шесть людей земли и лютаго собственническаго эгоизма, что за одно слово о передѣлѣ отцу родному глотку перервутъ. За что жъ вы насъ, князь, хулите? Нѣтъ, князь, дѣло наше вѣрное, мы не проиграемъ. Нашъ девизъ: «мы для сильныхъ и сильные для насъ».

Въ послѣднихъ словахъ Семена Ивановича послышалось уже не скучающее резонерство, а какая-то злая вѣра, желѣзная воля

большого человѣка. Словно подогрѣтые этими словами, сказанными къ тому же дѣйствительно мастерски, языки присутствующихъ развязались, и мысли безъ покрововъ, нагія и циничныя, стали сплетаться въ какой-то быстрый кошмарный хороводъ. Чего только не услышалъ здѣсь удивленный Кравцовъ! Евреи изгонялись въ Палестину, революціонеры оскоплялись, дабы не производили зараженнаго потомства, у кадюковъ-помѣщиковъ конфисковались деньги и образовывался особый земельный фондъ для безплатнаго надѣленія обѣднѣвшихъ дворянъ-патріотовъ жизнеспособными земельными единицами. Однако, дать дворянамъ одну только землю—мало: нужно дать еще даровой трудъ, хотя бы лишь на первое время. Но какъ это сдѣлать? Геніальный планъ дворянина, того самаго, который обучалъ стражника рубкѣ, разрѣшалъ этотъ сложный вопросъ просто и быстро. Китай задыхается отъ избытка населенія; для него выдать тысячъ триста своихъ подданныхъ ничего, кромѣ выгоды и удовольствія, не доставитъ. Китайцы будутъ прикрѣплены къ опредѣленнымъ имѣніямъ, работать будутъ изъ одной пятой урожая, помѣщикъ будетъ обладать надъ желтыми рабами правомъ суда, и такимъ образомъ помѣстное дворянство быстро возстановитъ утраченныя было силы. Впрочемъ, черезъ десять лѣтъ китайцы могутъ, если пожелаютъ, возвратиться на родину. Этотъ проектъ вызвалъ оживленные дебаты. Кравцовъ отъ этой массы всевозможныхъ человѣконенавистническихъ проектовъ почувствовалъ головокруженіе и даже легкую тошноту. Хотѣлось отдыха, тишины, одиночества. Кравцовъ незамѣтно стушевался. Дорогой онъ замѣтилъ Офросимова, которому, какъ потомъ оказалось, его собесѣдникъ доказывалъ новую теорію безошибочнаго опредѣленія по клопамъ мужицкихъ политическихъ убѣжденій: есть клопы въ избѣ, значитъ мужикъ не тронутъ жидовствомъ, а вывелъ, дѣло плохо, смотрѣть нужно въ оба.

VI.

Кравцовъ надѣлъ пыльникъ, захватилъ планы, ощупалъ браунингъ и мужицкія деньги и уже былъ совсѣмъ готовъ для дальняго пути (девяносто верстъ на лошадяхъ не шутка), когда къ нему въ комнату вошелъ Корсунцевъ. Видъ у него былъ жалкій: какой-то изумленно пришибленный и злой въ то же время.

— Вы конечно знаете, что княжна уѣхала?—спросилъ

онъ Кравцова, словно умышленно не замѣтивъ дружелюбно протянутой ему руки.

— Уѣхала? нѣтъ не знаю,—сказалъ Кравцовъ. На дняхъ Офросимовъ перебрался на житье къ сельскому учителю, находя, что тамъ будутъ сохраннѣе и нервы, и деньги, а безъ своего друга, который всегда былъ живой хроникой несложной деревенской жизни, Кравцовъ не зналъ даже, что дѣлается въ старомъ домѣ.

— Нина Борисовна отправилась сначала къ сестрѣ, а затѣмъ въ Кисловодскъ. Передъ отъѣздомъ она попросила меня передать вамъ письмо, передать сегодня и обязательно лично. Почему для этой почетной миссіи она избрала меня, я право не знаю; впрочемъ думаю, что вы-то во всякомъ случаѣ прекрасно знаете,—насмѣшливо вызывающе говорилъ Корсунцевъ. Онъ передалъ Кравцову голубовато-сѣрый конвертъ; адресъ былъ написанъ непріятно-крупнымъ почеркомъ.

— Благодарю васъ, письмо я прочитаю дорогой,—сказалъ Кравцовъ. Тонъ Корсунцева, будирующій и злобный, сильно его энервировалъ.

— Я просилъ бы васъ... прочитать сейчасъ... Можетъ быть, есть какое-либо порученіе, я могъ бы его исполнить,— умоляющимъ голосомъ сказалъ Корсунцевъ. Въ голосѣ его слышалось что-то жалкое, приниженное. Кравцовъ посмотрѣлъ на своего собесѣдника: лицо Корсунцева нервно подергивалось, а губы вздрагивали, словно у ребенка, готоваго каждую минуту расплакаться. «Экъ тебя миляга передернуло! Вотъ она, русская правда: хочетъ на Руси человѣкъ со зломъ воевать, а самъ у юбки скверной бабы свой рай находитъ»,—съ досадой подумалъ Кравцовъ. Онъ распечаталъ письмо. «За все это время вы не поинтересовались узнать, что со мной, и не удостоили меня хотя бы минутнымъ разговоромъ. Очень мило съ вашей стороны», быстро пробѣгалъ глазами Кравцовъ неровныя строки письма. «Я уѣхала изъ Ручьевки надолго, во всякомъ случаѣ вернусь не ранѣе вашего отъѣзда изъ имѣнія отца. Впрочемъ, отъ васъ зависитъ, чтобы я вернулась домой каждую минуту. Я просила Владиміра Михайловича передать вамъ это письмо лично. Если ваше рѣшеніе будетъ: да, тогда покажите Корсунцеву мое письмо, если нѣтъ—тогда разорвите или сохраните себѣ на память. Не думайте, однако, что я моего блаженненькаго берегу про запасъ. Когда я о немъ думаю, я могу только вспоминать о томъ, какой онъ убогій, несчастный, какъ онъ не похожъ на васъ и какъ я его не люблю. Я уѣхала изъ дому, потому что

люблю васъ и въ то же время мнѣ стыдно смотрѣть вамъ въ глаза и даже отчасти страшно: вы сильный и увѣренный, а сила всегда страшна. Прошу васъ, напишите мнѣ хоть нѣсколько строкъ. Адресъ мой: Кисловодскъ до востребованія. Княжна Нина Голынская. P. S. Выйдя замужъ за васъ, я никогда не подумаю, что сдѣлала большую житейскую глупость. Папа согласится, вѣдь онъ только «до денегъ лютъ», какъ про него говорятъ наши мужики, а до остального ему въ сущности нѣтъ никакого дѣла. Состояніе у меня собственное (отъ бабушки, урожденной Юпатовой-Бирской). На отцовскіе капиталы я не надѣюсь все равно: братья въ Петербургѣ живутъ черезчуръ широко. Во всякомъ случаѣ можете разсчитывать на согласіе отца: онъ у меня въ рукахъ и даже немного меня побаивается, вѣдь на меня доносъ въ Петербургъ не напишешь и меня не смѣстишь. До свиданія! до свиданія! Помню, жду и надѣюсь. Нина». Кравцовъ прочиталъ письмо, и ему стало безконечно противно. «Новая мерзость! И что это въ самомъ дѣлѣ дѣвка привязалась»— подумалъ онъ съ досадой.

— Что Нина пишетъ?—услышалъ Кравцовъ полный какой-то боязливой нѣжности вопросъ.

— Ничего интереснаго, почти оффиціальное письмо,—солгалъ Кравцовъ и, кажется, весьма неудачно; по крайней мѣрѣ, Корсунцевъ покачалъ головой и сказалъ:—Вы, кажется, начинаете меня беречь. Прошу васъ, дайте мнѣ письмо. Вѣдь не напрасно оно отправлено княжной черезъ меня.

Кравцовъ колебался. Въ эту минуту онъ безконечно ненавидѣлъ княжну за то, что она заставляетъ его наносить жестокую рану этому милому, сердечному человѣку, съ такими печально мечтательными глазами. Но въ то же самое время онъ ни минуты не сомнѣвался, въ томъ, что ни одно слово правды не должно быть скрыто отъ Корсунцева. Кравцовъ передалъ Владиміру Михайловичу письмо; тотъ жадно его схватилъ и какъ-то разомъ, однимъ взглядомъ прочиталъ письмо.

— Что же вы... Любите Нину?—спросилъ черезъ силу Корсунцевъ. Кравцовъ понялъ, что воздушные замки Корсунцева нужно разрушить до основанія, разбить на такіе мелкіе обломки, изъ которыхъ даже безуміе и любовь не посмѣютъ возсоздать новыхъ обманчивыхъ призраковъ. Словно скверный удушливый сонъ вспоминалъ Кравцовъ безумную выходку княжны. Глухою ночью, въ какомъ-то пароксизмѣ страсти Нина пришла къ нему въ спальню. Княжна стояла передъ нимъ на колѣняхъ, цѣловала ему руки и съ наивнымъ безстыдствомъ увѣряла Кравцова, что

для своего блаженненькаго жениха она прелесть въ любомъ видѣ. Кравцову пришлось призвать на помощь всю свою антипатію къ княжнѣ, все чувство брезгливой боязни стать въ какія бы то ни было обязательственныя отношенія къ ея отцу, чтобы стойко выдержать этотъ страстный порывъ больной, но сильной и яркой любви. Кравцовъ говорилъ жестокія, насмѣшливыя слова и весело хохоталъ, когда Нина, кутаясь въ нелѣпый пыльникъ, скрывавшій одну лишь сорочку, торжественно, медленнымъ голосомъ, въ которомъ замерли сдержанныя рыданія, сказала: «Если вы сейчасъ станете на колѣни, будете цѣловать мои ноги, позабудете все на свѣтѣ и заставите меня позабыть вашу жестокость,—тогда я васъ прощу». Теперь Кравцовъ разсказалъ Корсунцеву все. Когда онъ кончилъ свой тяжелый разсказъ, полуисповѣдь, полупредательство, случилось нѣчто, чего Кравцовъ не могъ ожидать: Корсунцевъ разревѣлся, именно разревѣлся, сопя и громко всхлипывая; отъ этого плача дѣлалось смѣшно и въ то же время жутко. Кравцовъ растерялся, и на сердцѣ шевельнулась болѣзненно-тяжелая мысль, не сыгралъ ли онъ роль услужливаго медвѣдя. Словно въ подтвержденіе этой мысли Корсунцевъ сказалъ слабымъ, прерывающимся отъ слезъ голосомъ.

— Спасибо вамъ за правду, а только пожалуй ее не слѣдовало бы мнѣ говорить.—По лицу его блуждала виновато сконфуженная улыбка.

— Дорогой мой Владиміръ Михайловичъ, какъ вамъ не стыдно такъ первничать. Вѣдь вы должны понять, что скверная правда выгоднѣе пріятнаго самообмана. Подумайте только о томъ, что по мужскимъ спальнямъ могла бы бѣгать не ваша невѣста, а ваша жена. Вы молоды, интеллигентны, самостоятельны; неужели можно допустить хоть на минуту, чтобы вашъ духовный міръ вертѣлся около какой-то вздорной барышни?—съ глубокой сердечностью говорилъ Кравцовъ.

Корсунцевъ отрицательно покачалъ головой.

— А жить-то надо? А вѣрить, любить кого-нибудь надо?—сказалъ онъ тихо.

— Зачѣмъ вѣрить тому, кто лжетъ? Зачѣмъ любить того, кто васъ не любитъ? Я не думаю, чтобы княжна меня любила; но это и не важно, важно то, что васъ она безусловно не любитъ. Съ этимъ необходимо примириться. Поймите, что счастливымъ человѣкомъ можетъ быть только тотъ, кто ненавидитъ враговъ и любитъ друзей,—возразилъ Кравцовъ.

— Вотъ вы мнѣ сказали всю правду, по вашей теоріи я долженъ былъ бы возненавидѣть Нину, а я ее еще больше люблю,

еще больше о ней думаю. Я не стыжусь своего чувства: я однолюбъ, мнѣ отъ любви своей никуда не убѣжать,—сказалъ Корсунцевъ.

Кравцова сталъ немного раздражать этотъ сентиментальный разговоръ. Какъ нельзя болѣе кстати въ это время пришелъ мальченка и заявилъ, что «кучеръ хмарится, что въ солнце тройку гнать придется». Кравцовъ вспомнилъ тогда, что ему уже давно пора ѣхать.

— Простите, дорогой мой, но путь мой далекъ,—сказалъ онъ, и въ его голосѣ послышалась эгоистическая радость, что сейчасъ наступитъ конецъ этой нудной сцены.

— Да, конечно. Нѣтъ, это и вы меня простите,—растерянно засуетился Корсунцевъ и вдругъ совершенно неожиданно спросилъ:—Скажите, вы любите стихи?

— Люблю. Во времена студенчества самъ пытался, но изъ этого ничего не вышло; впрочемъ, мною написано цѣлое двухстишіе:—«въ этой жизни счастье только сильному, побѣдившему въ борьбѣ.» Дальше творчество мое не пошло и навѣки изсякло,—отвѣтилъ сильно озадаченный вопросомъ Кравцовъ.

— «Въ этой жизни счастье только сильному—побѣдившему въ борьбѣ».—Какія гордыя слова, отъ нихъ словно пахнетъ ландышами, когда ихъ говорите вы. А въ моихъ устахъ они звучатъ панихидной грустью. Знаете, я хотѣлъ бы, чтобы на моемъ могильномъ крестѣ были написаны стихи Алексѣя Толстого. Помните?

Господь, меня готовя къ бою,
Любовь и гнѣвъ вложилъ мнѣ въ грудь,
И мнѣ десницею святою
Онъ указалъ правдивый путь,
Одушевилъ могучимъ словомъ,
Вдохнулъ мнѣ въ сердце много силъ,
Но непреклоннымъ и суровымъ
Меня Господь не сотворилъ...

— Знаете, это пророческое стихотвореніе: это не только моя судьба, это судьба всей Россіи. Страна, которая, своими мыслями и мечтами, духовно питаетъ весь міръ и не можетъ понять, что живетъ въ смрадномъ хлѣву,—съ тоскливой страстностью сказалъ Корсунцевъ. Кравцовъ недовольно повелъ плечами и промолчалъ.

— Однако, прощайте. Разговорившись съ такой охотой потому, что вы—душа живая; уѣдете вы—я останусь наединѣ со своей тоской. Эхъ, да къ чорту ее. Теперь къ дѣлу. Письмо

Нины я оставлю у себя и конечно уничтожу. Вы позволяете?— спросилъ Корсунцевъ.

— Сдѣлайте одолженіе,—сказалъ Кравцовъ.

— Княжнѣ скажите правду, но не другимъ; умоляю васъ, пощадите гордость князей Голынскихъ,—просилъ Корсунцевъ. Кравцовъ обѣщалъ; онъ сталъ нервничать; маленькая комнатка, полутемная въ радостный лѣтній день отъ старыхъ деревьевъ, любопытно глядящихъ въ окно, этотъ измученный, жалкій человѣкъ, настойчиво требующій вниманія и ласки, раздражали Кравцова не на шутку. Чувство это передалось Корсунцеву, и онъ сказалъ:—Не сердитесь: я такъ одинокъ и такъ несчастенъ. Еще одинъ вопросъ: вы не женитесь на княжнѣ?

— Конечно нѣтъ!— Кравцовъ отвѣтилъ это такою полною грудью и въ голосѣ его послышалась такая непоколебимая твердость, что сомнѣваться въ правдивости обѣщанія было немыслимо.

— Хорошо, а теперь прощайте! Говорю: прощайте, потому что мы можемъ больше никогда не встрѣтиться... Я хочу уѣхать, меня куда-то потянуло,—сказалъ Корсунцевъ. Они обмѣнялись крѣпкими дружескими рукопожатіями и разстались.

Пронизанный страстными лучами яркаго солнца воздухъ нѣжитъ лицо своимъ теплымъ млѣющимъ дыханіемъ; нигдѣ нѣтъ робкихъ полутѣней, все выпукло, ярко, марно. Бойко бѣжитъ впередъ пыльная дорога, пристяжныя еще не успѣли устать и, закрутивъ головы, стараются во всю. Въ золотистомъ туманѣ ширится далекій горизонтъ.

Со злобой и отвращеніемъ вспоминаетъ Кравцовъ сумасбродную выходку княжны и именинныя торжества его сіятельства. Тоскливо вспоминался Корсунцевъ, съ его несчастненькой сентиментальной любовью, такой жалкій, раздавленный сильнымъ чувствомъ и жестокостью жизни. Иногда Кравцовъ думалъ о томъ, что онъ былъ черезчуръ прямолинеенъ и суровъ, разсказавъ Корсунцеву жестокую правду, думалъ о томъ, что русская дѣйствительность не знаетъ промежуточныхъ типовъ, создавая изъ одного соціальнаго тѣста или хрупкихъ духомъ Корсунцевыхъ, или безпощадно циничныхъ Семенъ Ивановичей и авторовъ всевозможныхъ человѣконенавистническихъ проектовъ. Однако тоскливыя мысли плохо уживались съ улыбками сверкающей природы. Какъ-то всѣмъ своимъ существомъ, молодымъ, сильнымъ, Кравцовъ инстинктивно вѣрилъ въ то, что на темномъ небѣ современной жизни не погаснетъ лазурный радостный просвѣтъ.

Измученныя лошади, покрытыя клочьями желтовато-бѣлой пѣны, уже давно шли понуро, досадливо брякая бубенцами. Когда на выпуклой груди безконечно привольной степи показалось село Ровное, ямщикъ объявилъ, что лошадь расковалась и нужно заѣхать въ кузницу. Кравцовъ зналъ, что разъ у ямщика по пути есть свой человѣкъ, котораго нужно повидать, то съ лошадьми своевременно должно случиться какое-либо несчастье. Проявлять свою власть и противиться въ такихъ случаяхъ опасно: можно быть обвиненнымъ въ томъ, что лошадь «зарѣзалъ». Кравцовъ согласился. Ямщикъ заигралъ кнутомъ, свиснулъ—и тройка пошла ходко. Богатыя гумна. Скрипучіе возы. Бѣлая церковь съ зеленой луковицей купола. «Бакалейная и прочая торговля» купца Ивана Сыропятова. Широкая деревенская улица или, по мужицки, деревенскій порядокъ. Ребятишки бѣгутъ на встрѣчу тройкѣ и на приличномъ разстояніи замираютъ въ изумленно-внимательныхъ позахъ. Мужики степенно снимаютъ картузы. Кравцовъ обдумывалъ, что ему дѣлать тѣмъ временемъ, когда ямщикъ, подъ видомъ ковки лошадей, будетъ справлять свои дѣла.

«Неужели къ батюшкѣ или къ волостному писарю?»—безъ особаго удовольствія подумалъ Кравцовъ.

Но вдругъ послышались звуки, сразу выведшіе его изъ размышленій. Изба. Въ окно смотрится громадный рупоръ граммофона и бросаетъ въ глазѣющую толпу задорный мотивъ матчиша. Расписанная трехцвѣтными полосами вывѣска гласитъ: «Чайное и закусочное заведеніе русскаго союза».

«Зайду»,—рѣшилъ Кравцовъ и вспомнилъ, что нынче праздникъ и мужики работаютъ только до обѣда. Кравцовъ вошелъ въ домъ. Въ большой чистой горницѣ, за длиннымъ деревяннымъ столомъ, сидѣло человѣкъ тридцать мужиковъ. Стѣны избы были густо увѣшаны ужасными лубками. Виднѣлись здѣсь бѣлый генералъ на конѣ, отецъ Іоаннъ Кронштадтскій, гибель японскаго броненосца, геройская смерть генерала Келлера, громадный кулакъ и крохотный японецъ подъ нимъ и масса тому подобныхъ изображеній. Слышалось чье-то монотонное, но совсѣмъ не мужицкое, а интеллигентное чтеніе. Впрочемъ, когда Кравцовъ вошелъ и усѣлся, чтеніе смолкло. Къ изумленію Кравцова чтецомъ оказался никто иной, какъ Иванъ Персидскій, загадочный хуторянинъ въ дымчатомъ пенсне.

— Вся книжечка, братцы, а теперь давайте потолкуемте. Здравствуйте, ваша честь, господинъ ликвидаторъ,—поздоровался Персидскій.

— Я ужъ буду вашимъ гостемъ, милые люди, человѣкъ я дорожный, дѣваться некуда,—сказалъ Кравцовъ.

— Даже очень пріятно; можетъ чайку откушать изволите? Коля, приборъ ихъ благородію сооруди,—зычно крикнулъ Персидскій.

Бѣлобрысый мальченка живо поставилъ передъ Кравцовымъ грязный столикъ и чайный приборъ.

— Вѣдь ты держишь въ Ручьевкѣ хуторъ, чего жъ ты сюда въ страду такъ далеко забрался?—спросилъ Кравцовъ.

— А мнѣ мой хуторокъ сторожить, что ли? Небось не теленокъ, никуда не убѣжитъ. Ну и дѣла особенныя притомъ, княжескую книжечку имъ толкую,—сказалъ хуторянинъ, и Кравцову показалось, словно Персидскій хамовато и хитро ему подмигиваетъ.

— Вы, братцы, не сомнѣвайтесь: это нашъ ликвидаторъ, господинъ совѣстливый, не то что значитъ какіе-нибудь другіе.— Голосъ Персидскаго звучалъ строго и авторитетно. Мужики жались и помалкивали.

— Пустое дѣло эта выдумка,—замѣтилъ, наконецъ, чей-то одинокій голосъ.

— Что же такъ?—спросилъ Персидскій.

— Потому про землю его сіятельство ничего не говоритъ, а по-нашему, ежели книжка про праведную землю ничего не объясняетъ, значитъ ничего она не стоитъ. Вотъ сынъ у отца Андрея...—Говорившій внезапно осѣкся.

— Ну что сынъ?—заинтересовался Персидскій.

— Онъ что, онъ ничего, одно слово сурьезный человѣкъ,— уклончиво отвѣтилъ мужикъ. Кравцовъ молча слушалъ, онъ быстро понялъ, что съ нимъ откровенничать не станутъ, Персидскому же вѣрятъ и открыли ему что-то завѣтное, лежащее на днѣ мужицкой сырой души, до чего никогда не добраться барину, его благородію. Этотъ хриплый граммофонъ, эти портреты по стѣнамъ были наивной, грубой декораціей для пьесы, на представленіе которой Кравцовъ, очевидно, не могъ надѣяться получить билетъ. Персидскій почему-то старался во всю, лишь бы предоставить Кравцову это удовольствіе. Кос-какіе результаты были на лицо, такъ напримѣръ, Кравцовъ узналъ, что волостной писарь утверждаетъ, будто бы черный передѣлъ будетъ въ тринадцатомъ году, а въ двѣнадцатомъ году придетъ на Россію китайскій Наполеонъ. Узналъ Кравцовъ еще, что у сельскаго учителя жена бѣглая «черезъ свое уваженіе къ обществу». Далѣе откровенность не шла; мужики стали непроницаемы, они или отмалчивались или пода-

вали довольно уклончивыя реплики вродѣ: «правда за себя всегда постоитъ», оно «конечно», «ужъ вамъ, какъ образованному, оно понятнѣе». Кравцова совсѣмъ не интересовали мужики; правда, они не были союзниками, но въ то же время они не были и «крамольниками»—это были самые обыкновенные мужики, со своими вѣчными надеждами на землицу и мыслями о хуторской неправдѣ и господскомъ верхѣ. Но Персидскій, положительно, заинтересовалъ Кравцова. Онъ почувствовалъ въ этомъ бутафорскомъ мужикѣ въ пенсне что-то черное, жестокое и муштрованное. Очевидно, свою миссію, слова и дѣла Персидскій уже исполнилъ, а теперь лишь демонстрировалъ передъ господиномъ ликвидаторомъ блестящіе трофеи своей побѣды, поигрывая съ мужиками, словно котъ съ пойманной мышью. Кравцова какъ-то нравственно затошнило отъ этой сцены, и онъ невольно почувствовалъ себя въ союзѣ не то съ Персидскимъ, не то съ этими наивными мечтателями о «праведной землицѣ». Оставалось только одно: искать выхода изъ глупаго положенія, нежданно-негаданно навязаннаго Кравцову судьбой. «Когда чувствуешь себя неправымъ или глупо, ругайся погромче и все будетъ бархатомъ»,—вспомнилъ Кравцовъ одинъ изъ афоризмовъ знаменитаго въ уѣздѣ земскаго начальника. «Попробуемъ»—рѣшилъ про себя Кравцовъ.

— Вы что же это, милые люди, здѣсь за собранія устраиваете? Кто вамъ позволилъ? А?!—Голосъ Кравцова при первыхъ словахъ дрожалъ, ему было стыдно за самого себя въ эти минуты, но, зная, что брань на вороту не виснетъ, онъ хотѣлъ позволить себѣ удовольствіе вскрыть тотъ гнойный нарывъ, который представляло это наивное собраніе подъ предсѣдательствомъ Персидскаго. Кравцовъ быстро вошелъ въ роль разсерженнаго начальства.—А ты зачѣмъ здѣсь?—кричалъ онъ на Персидскаго, приправляя свою рѣчь эпитетами, прилично украшающими.—Народъ смущаешь? За тридцать верстъ для этого ѣдешь? А вы, дурачье, что уши распустили, что языки чешете о землѣ праведной? Подождите, подождите, до васъ доберутся, покажутъ вамъ правду.

Мужики стояли и озадаченно-хмуро переглядывались. За то Персидскій совсѣмъ развеселился и уже безусловно ясно сигнализировалъ Кравцову своими глазами и стеклами пенсне.

— Ваше благородіе,—сказалъ кто-то изъ мужиковъ,—пожалѣй ты насъ, народъ мы темный, зачѣмъ губить хочешь, мы и такъ народъ распротонесчастный.—Мужики немного ожили и тихо загудѣли.—Господи ты Боже мой, да развѣ мы что такое. Ваше благородіе, а ваше благородіе, не серчайте. Ахъ ты Гос-

поди, еще бѣду принесло. Мы про тебя, батюшка, слыхали, что съ совѣстью ты человѣкъ,—лепетали голоса. И вдругъ всѣ присутствующіе словно по командѣ опустились на колѣни передъ Кравцовымъ. Стоялъ одинъ только Персидскій и самодовольно посматривалъ на мужиковъ. Кравцовъ растерялся и чувствовалъ, что роль сердитаго начальства ему больше не по силамъ.

— А! Теперь «простите», а что говорили? Еще при начальствѣ, а безъ него небось и того хуже?—риторически вопрошалъ Кравцовъ. Въ противной близости отъ себя увидѣлъ онъ грубое, жестокое лицо Персидскаго, и вкрадчивый голосъ тихонько замѣтилъ:—Не извольте безпокоиться: все, все извѣстно.

А мужики стояли на колѣняхъ, и старческій голосъ уныло твердилъ:—Ты насъ обругай хорошенько, батюшка, ты насъ и прости. Ну, обругай насъ самымъ нехорошимъ словомъ, сдѣлай такую милость.

Кравцовъ окончательно растерялся и сталъ теперь уже сердиться самымъ искреннимъ образомъ.

— Встаньте сію минуту, встаньте, кому нужны эти глупости,—кричалъ Кравцовъ. Мужики нехотя поднялись съ колѣнъ.

— Ваше благородіе, вы можетъ еще съ ними потолкуете, а я ужъ отлучусь. Если что сами запримѣтите, хорошо будетъ; я у солдатки Егоровой постой имѣю.—Персидскій посмотрѣлъ на Кравцова, самодовольно и хитро прищурился, подмигнулъ лѣвымъ глазомъ и увѣреннымъ, спокойнымъ шагомъ вышелъ изъ избы.

— Зачѣмъ онъ изъ Ручьевки сюда въ Ровное пріѣхалъ?—спросилъ Кравцовъ.

— За старшаго онъ у насъ въ союзѣ.

— Умнѣющій крестьянинъ,—послышались голоса.

— А онъ васъ ни на что не подбивалъ?—спросилъ Кравцовъ; голосъ его звучалъ ласково, ему было безконечно жаль этихъ старыхъ дѣтей, наивныхъ и довѣрчивыхъ.

— Не, только говоритъ арканизуйтесь, кто въ праведную землю вѣритъ, а потомъ, стало быть, правда сама разомъ наступитъ,—нерѣшительно замѣтилъ кто-то.

— Иванъ Ермолаевъ, ты только прикинь себѣ, а что если онъ сумнительный человѣкъ? Человѣкъ онъ прихожій, къ обчеству не принадлежитъ, значитъ, какъ съ него правду искать, – сказалъ старикъ, тотъ самый, который просилъ Кравцова обругать хорошенько, но простить. На лицахъ мужиковъ засвѣтилась мысль, какое-то подобіе улыбки, виноватой и сконфуженной. Граммофонъ въ сосѣдней комнатѣ зашипѣлъ маршъ Буланже. Подъ окнами

избы послышались веселые колокольчики подъѣхавшей тройки. Кравцовъ поднялся и положилъ на столъ деньги за чай.

— Ваше благородіе, вы хоть не жальтесь,—наивно-довѣрчиво попросилъ чей-то голосъ.

— Жалиться будетъ тотъ, кто знаетъ и кому вы говорили. Прощайте, милые люди,—сказалъ Кравцовъ, и ему стало безконечно грустно. «Дѣти»—подумалъ онъ;—«пасынки»—поправилъ его какой-то внутренній, тоскливый голосъ.

Залились колокольчики. На козлахъ покачивается пьяный ямщикъ. Быстро пробѣгаетъ деревенская улица. Бѣлыми крестами смотрится жалкое кладбище, послѣдній пріютъ рабовъ и нищихъ. Меркнутъ поля. Ширятся привольныя дали, печальныя, разгульныя и великія.

VII.

Корсунцевъ застрѣлился. Эта вѣсть жестко и сильно толкнула Кравцова въ сердце; голова закружилась въ какомъ-то болѣзненномъ туманѣ. Князь крупными шагами расхаживалъ по кабинету.

— Какъ человѣкъ—жалѣю покойника, какъ дворянинъ — радуюсь. Нечего грѣха таить: пикчемный человѣкъ былъ Владиміръ Михайловичъ. И думалъ, и жилъ не какъ стараго рода дворянинъ, а какъ самый распроклятый жидюга. За то и умеръ безъ христіанскаго покаянія да молитвы. Не угодно ли: вмѣсто того, чтобы сорокоустъ заказать о своей грѣшной душѣ, онъ оставилъ записку, гдѣ проситъ написать на крестѣ какіе-то стихи Толстого, слава Богу, что не Льва-антихриста.—Голосъ князя звучалъ зло и раздраженно.

Въ комнатѣ, кромѣ князя и Кравцова, былъ еще ротмистръ Брагинцевъ. Свѣтъ лампы острымъ угломъ падалъ ему на лицо; оно было спокойно-дѣловито и удивительно безучастно. Ротмистръ дымилъ хорошей сигарой, и таящая цѣпь туманныхъ колецъ видимо доставляла ему удовольствіе.

— Интересно было бы знать причины. Онѣ, конечно, не вреднаго свойства, но все же интересно, — замѣтилъ ротмистръ въ раздумьѣ.

— Причины? Какія тамъ причины! Просто человѣкъ понялъ, что даромъ воздухъ портитъ, ну и рѣшилъ себя убрать, — сказалъ князь.

— Ну, это еще не причина, чтобы пулю себѣ въ лобъ пускать, — сказалъ ротмистръ и погрузился въ цѣлое облако дыма.

«Зачѣмъ, зачѣмъ?—стонало въ душѣ у Кравцова.—Жизнь такъ хороша: синее небо, золотое солнце, чистыя надежды, вѣдь это— жизнь».

Кравцовъ ни минуты не осуждалъ себя за то, что своей жестокой правдой онъ, быть можетъ, убилъ хорошаго, честнаго человѣка; но онъ тосковалъ искренно и любовно, что одной хорошей могилой стало на Руси больше, и словно откуда-то издалека слышался Кравцову голосъ князя:

— Я человѣкъ практичный, осуждаю Корсунцева. Вѣдь все у человѣка было: денегъ уйма, невѣста—красавица, именитая, богатая, его, дурака, любила, чего, кажись, человѣку надо.

— Самоубійство — это доказательство ненормальности,— снисходительно замѣтилъ ротмистръ. Затѣмъ со стороны князя слѣдовало пространное разсужденіе о томъ, что главная цѣль жидо-кадетъ—погубить родовитое дворянство, захватить ихъ усадьбы и отсюда уже въ самой сердцевинѣ Россіи сѣять смуту среди крестьянства.

— Чортъ не такъ страшенъ, какъ вы его, дядя, себѣ малюете, — улыбнулся Брагинцевъ. Улыбка его была похожа на гримасу, ползучую и морщинистую.

— Не страшенъ чортъ? А въ Ровномъ что за дьявольщина произошла! Въ самое что ни на есть русское село жидовская пакость заползла. Кажись все село цѣликомъ на каторгу пойдетъ,—взволнованнымъ голосомъ сказалъ князь.

При упоминаніи о селѣ Ровномъ Кравцовъ насторожился. Въ его сознаніи ярко ожила сцена въ чайной, растерянные мужики и подозрительный Персидскій. Какъ-то удивительно умѣло, ровно и мягко ротмистръ перевелъ разговоръ на другую тему. Кравцовъ узналъ еще отъ князя, что добрая половина села сидитъ въ холодной или отправлена подъ конвоемъ въ городъ.

— Не секретъ узнать—здѣшній хуторянинъ Иванъ Персидскій арестованъ? — спросилъ Кравцовъ и внимательно уставился въ неживое лицо ротмистра.

Дѣйствіе этихъ словъ не укрылось отъ Кравцова. Онъ замѣтилъ, какъ вздрогнуло лошадинообразное лицо ротмистра, а глаза, холодные, непроницаемые глаза, закрылись словно изъ боязни, что въ нихъ непосвященный можетъ прочесть сокровенную тайну. Но это невольное смущеніе длилось секунду. Кравцовъ снова увидѣлъ передъ собой сѣрые спокойные глаза, теперь внимательно-насмѣшливые и злые.

— Про кого вы говорите? Хуторянинъ Иванъ Персидскій?

Первый разъ слышу. Значитъ, онъ тоже изъ мерзавцевъ? Вы меня пристыдили: хорошій жандармъ долженъ на сто верстъ подъ землю видѣть, а тутъ, у себя подъ носомъ, негодяя проглядѣлъ. Ротмистръ досталъ записную книжку и что-то въ нее вписалъ.—Впрочемъ, быть можетъ, этотъ Персидскій просто дуралей, что про черный передѣлъ языкъ плететъ. По правдѣ сказать, мы съ такимъ болваномъ очень снисходительны: посидитъ мѣсяцъ въ холодной, иногда получитъ нижицу, тѣмъ дѣло и кончится. Иначе пришлось бы всю Россію на поселеніе отправить. Ну, конечно, можетъ быть этотъ Персидскій болѣе вредный элементъ. Пожалуйста, всякое содружество приму съ большой благодарностью. Но рекомендую вамъ не горячиться: вы человѣкъ молодой, наконецъ, универсантъ. Знаете, какъ никакъ, а все же студенческіе годы къ чему-то обязываютъ.

Голосъ ротмистра зазвучалъ нескрываемой ироніей. Кравцову стало безконечно стыдно своей наивной мысли заставить жандарма проговориться и открыть инкогнито загадочнаго хуторянина. Князь сначала удивленно пучилъ глаза, слушая торжественное обращеніе Брагинцева къ студенческимъ годамъ Кравцова, ничего не понялъ и разразился затѣмъ пространной рѣчью о томъ, что университеты выдумали жиды и до тѣхъ поръ, пока высшая школа не будетъ преобразована на военный ладъ, Россія не выберется изъ помойной ямы, куда несчастную страну посадили ея тайные враги. Въ комнату, громко стуча палкой, вошелъ Парфенычъ и объявилъ, что ужинъ и чай готовы. Кравцовъ сослался на сильную усталость отъ дальней дороги и раскланялся. Князь не удерживалъ. Ротмистръ дружески крѣпко пожалъ руку на прощанье и посовѣтовалъ завести особые списки хуторянъ, куда заносились бы наблюденія надъ политическимъ образомъ мыслей мужика.

Давно знакомые Кравцову дворяне хитро щурили съ потрескавшихся портретовъ свои недобрые, застывшіе глаза. Было жутко и нервно-холодно. Высокія липы стараго парка своими чуть оживающими отъ тихаго вѣтерка листьями о чемъ-то печально шептали. Чуялся ужасъ свѣжей могилы. Безотчетная жуть проводила Кравцова до дверей комнаты и тамъ мгновенно исчезла. Въ комнатѣ было уютно и весело; шипѣлъ самоваръ. Офросимовъ, пощипывая струны гитары, довольно мило пѣлъ «Плыви, моя гондола-а, озарена луной, раздайся баркаролла надъ сонною-ю рѣкой». Встрѣча была радостная и довольно шумная. Можно было подумать, что друзья не видѣлись цѣлые годы, а не двѣ недѣли. По обыкновенію, Офросимовъ представлялъ изъ себя

живую газету. Съ почтительной грустью слушалъ Кравцовъ о смерти Корсунцева. Застрѣлился онъ на другой день послѣ отъѣзда Кравцова; похоронили его за кладбищенской оградой его села. Панихидъ не было; была литія. Надъ могилой отецъ Аркадій произнесъ такое слово въ память усопшаго, что даже совсѣмъ равнодушные къ памяти Корсунцева люди, и тѣ обидѣлись. Разсказывали, что на отца Аркадія была подана жалоба благочинному.

На дубовомъ крестѣ, по волѣ покойнаго, написано: «На встрѣчу ихъ враждебной вьюгѣ я вышелъ въ поле безъ кольчуги, и гибну, раненый въ бою», а на другой сторонѣ креста: «помяни мя, Господи, во царствіи Твоемъ». А пока Корсунцева хоронили, деревенскія событія шли своимъ чередомъ; вереницею тянулись кошмары жизни, страшные и смѣшные въ то же время. Въ Ровномъ словно что-то нашли, не то—чего-то не нашли. Такъ или иначе, человѣкъ полтораста забрали и отправили кого въ городъ, кого просто въ холодную сосѣдняго села. Попадья, у которой забрали сына семинариста, рехнулась и твердила лишь, что «они маленькіе и все смѣются». Кравцовъ разсказалъ о своей встрѣчѣ съ Персидскимъ въ союзнической чайной села Ровнаго. Офросимовъ возликовалъ. Еще бы! Теперь онъ знаетъ, почему изба Персидскаго стоитъ заколоченной, а ея владѣлецъ отправился, яко бы, въ Екатеринбургъ, прихвативъ на дорогу землеустроительную ссуду въ полтораста рублей за устройство образцоваго хуторского хозяйства. Была еще одна новость: милѣйшій и спокойнѣйшій Иванъ Петровичъ, взятый уже давно подъ сомнѣніе за свое увлеченіе «скрипкиной матерью», теперь направляетъ свой теодолитъ подъ конвоемъ двухъ стражниковъ, зорко и неусыпно слѣдящихъ, чтобы ни одна живая душа, кромѣ трехъ мужиковъ съ цѣпью и шестами, не приближалась къ господину землемѣру.

Долго еще говорили друзья. На небѣ выступила луна. Она бросала ровный, слегка голубоватый свѣтъ; отчетливо рельефно выступали въ окнѣ серебряные листья. Потомъ луна закатилась, свѣтъ ушелъ, и небо растворилось въ блескѣ безъ лучей, въ сіяніи черной южной ночи. Тишина, ясная и мечтательная, доносила издалека звуки жизни: слышалось, какъ на селѣ брешетъ собака, да ночной сторожъ бьетъ въ свою колотушку. Офросимовъ сначала повѣствовалъ, потомъ ругался, наконецъ, по обыкновенію, впалъ въ меланхолію и началъ оживленно доказывать, что на военной службѣ онъ былъ бы уже капитаномъ. Кравцовъ подавалъ на его рѣчи какъ-будто не совсѣмъ удачныя реплики;

по крайней мѣрѣ Офросимовъ очень часто возмущался и краснорѣчиво доказывалъ свою правоту. Мысль Кравцова улетѣла далеко: она была у безвѣстной могилы «несчастненькаго».

Князь, Нина, Персидскій, хуторяне, стражники, дворяне живые въ поддевкахъ, дворяне мертвые въ парикахъ и красныхъ мундирахъ, союзники изъ Ровнаго—всѣ эти кошмарные призраки сомкнули вокругъ Кравцова свой хороводный кругъ и душили его дурманомъ жизни нудной, безсмысленной и жестокой. И вдругъ Кравцовъ почувствовалъ, какъ его подняла какая-то сильная, радостная волна. «Усталъ»,—сказалъ онъ громко, а сердце запѣло мощную пѣсню безъ словъ, сотканную изъ золотыхъ лучей молодыхъ, себялюбивыхъ надеждъ. Офросимовъ удивленно смотрѣлъ на него. Кравцову стало смѣшно и чтобы удовлетворить любопытство своего друга, онъ сказалъ:—Я усталъ; баста. Уѣзжаю отсюда. Всѣ эти гадости мнѣ надоѣли.—И передъ этимъ эгоистичнымъ рѣшеніемъ просвѣтлѣла непроглядная темь заповѣдной пущи и смолкло дикое мычаніе одинокихъ, обреченныхъ на гибель зубровъ.

Съ безконечною нѣжностью, чуть ли не въ сотый разъ перечитывалъ Кравцовъ полученную имъ наканунѣ телеграмму. Гдѣ-то въ глубинѣ сердца жило робкое, счастливое недовѣріе, боязнь, что вѣсть радости превратится волею злой судьбы въ горе; но съ каждымъ разомъ эта недовѣрчивая боязнь все болѣе и болѣе тонула въ молодомъ, бурномъ потокѣ веселыхъ надеждъ. Въ телеграммѣ было написано: «выходитъ мѣсто помощника ревизора, гдѣ хотѣлъ, если согласенъ, подавай прошеніе». Никогда душистое письмо, полное наивныхъ, но искреннихъ и влюбленныхъ словъ, не радовало Кравцова такъ сильно, какъ этотъ клочекъ сѣрой бумаги. Кравцову повезло: обстоятельства складывались для него какъ нельзя болѣе благопріятно. Телеграмма давала ему возможность не только не исполнить сквернаго распоряженія начальства о томъ, чтобы задаточную сумму потихоньку отъ покупщиковъ не включать, во имя богатаго урожая, въ запродажное условіе, но даже позволяла Кравцову принять на прощанье эффектную позу. И все же какъ-то не вѣрилось, что вещи уже увязаны позади коляски, что сейчасъ въ послѣдній разъ онъ объѣхалъ хутора и, словно непріятныя воспоминанія сквернаго сна, видѣлъ землемѣра со стражникомъ, бочки съ покупною водою, поселокъ по гребню ополэня горы, бездонный колодецъ безъ воды, хмурыя, озабоченныя лица переселенцевъ.

«Все это прошлое», думаетъ Кравцовъ, и ему не стыдно, что молодая жизнь позвала его изъ этого темнаго царства нищеты, ненависти и лжи. Офросимовъ производитъ съ Кравцовымъ безчисленное цѣлованіе. Однако нужно зайти къ князю въ послѣдній разъ, засвидѣтельствовать ему свое почтеніе. На этотъ разъ именитые предки смотрятъ менѣе хитро и враждебно; Кравцову даже кажется, что у худощаваго брюнета въ черной гусарской венгеркѣ, густо расшитой серебряными жгутами, красивые, мечтательные глаза, совсѣмъ не злые и не гордые.

Князь былъ занятъ какой-то объемистой бухгалтерской книгой.

— Уѣзжаете?—спросилъ онъ Кравцова.

— Уѣзжаю,—бодро и весело отвѣтилъ тотъ.

— Ну, спасибо вамъ, что пришли. Вспомнили меня, старика. Да по правдѣ сказать, я васъ ждалъ и даже памятку вамъ приготовилъ.—Князь досталъ изъ-подъ кипы бумагъ и патріотическихъ брошюрокъ кабинетную карточку и, помахивая ею, продолжалъ:—Про меня много плохого говорятъ, Богъ имъ судья, а самъ я въ томъ ума не приложу. Можетъ потому, что умный я и жидовъ не люблю. Прекрасно помню вашъ печальный разсказъ о гражданской гибели вашего батюшки. Но святая аксіома нашей культуры твердитъ намъ, что всякій человѣкъ только за свои грѣхи повиненъ, а не за чужіе. Посему—не грѣшенъ отецъ въ преступленіяхъ сына, а сынъ не платится за отцовскій грѣхъ. Это я прекрасно понимаю. Не гордый я, хотя и Рюриковичъ, не злой—хотя и сильный. Возьмите, дорогой мой, на память обо мнѣ, старикѣ, портретъ моего старшаго сына Ивана Борисовича.—Съ театрально низкимъ поклономъ князь вручилъ Кравцеву фотографическую карточку. На ней былъ изображенъ щетинистый мужчина въ расшитомъ золотомъ мундирѣ, брюкахъ и треуголкѣ съ плюмажемъ. На оборотной сторонѣ карточки было написано: «На память ликвидатору, коллежскому ассесору Андрею Константиновичу Кравцову портретъ сына моего въ званіи камеръ-юнкера Двора Его Величества—Ивана Борисовича князя Голынскаго». Далѣе слѣдовалъ чуть ли не цѣлый формулярный о службѣ списокъ, изъ котораго можно было узнать, что до послѣдняго времени Иванъ Борисовичъ былъ вице-губернаторомъ въ одной изъ южныхъ губерній, а теперь ожидаетъ виднаго назначенія; очень тщательно были выписаны всѣ ордена, иностранные и русскіе.

Кравцову стало смѣшно отъ такого страннаго презента; онъ хотѣлъ было поблагодарить князя, взять карточку и, конечно,

при первомъ удобномъ случаѣ бросить ее въ печку, но Кравцова остановила мысль, что этотъ старикъ, жестокій и ехидный, безъ малаго полгода смакуетъ, какой онъ простой и добрый и какъ запросто и родовито обращается съ какимъ-то чиновнишкой, у котораго въ довершеніе всего отецъ каторжанинъ.

— Благодарю васъ, князь, за честь, но повѣрьте, что бросить въ печку этотъ, очевидно, ненужный вамъ портретъ, старый Парфенычъ можетъ съ неменьшимъ, чѣмъ я, успѣхомъ. Это во-первыхъ, а во-вторыхъ, я долженъ извиниться передъ вами за свою, быть можетъ, неумѣстную шутку, но, право, я не думалъ, что она произведетъ на васъ такое сильное впечатлѣніе. Отецъ мой—дѣйствительный статскій совѣтникъ и даже имѣетъ звѣзду. Кажется, что несмотря на вашу гуманную теорію индивидуальной отвѣтственности вамъ это будетъ пріятно услышать.

Князь нервно чмокалъ губами и изумленно смотрѣлъ на Кравцова.

— Такъ-съ... значитъ вы того...—спросилъ князь.

— Что того?

— Хрюкающій.

Кравцова взорвала эта дерзость.

— До сихъ поръ я только слушалъ хрюканье въ вашемъ свинарникѣ. Я не знаю, насколько это заразительно. Довольно, князь. Прощайте.

— Значитъ, вотъ вы какой,—задумчиво протянулъ князь.— Будемъ знать: очевидно, негласный масонъ.—

Брезгливое, короткое рукопожатіе, и они разстались.

Тройка. Кучка мужиковъ. Офросимовъ, пришедшій въ ужасъ отъ быстраго разсказа Кравцова о его прощаніи съ княземъ. Наконецъ, послѣднее дружеское цѣлованіе. Прошли ворота, пробѣжала бѣлая изгородь парка, остались позади Ручьевскіе хутора, и потянулось широкое приволье мордовской степи. Жито уродилось богато. Чванно подбоченясь, разошлись во всю ширь унылаго поля приземистые, низкіе снопы. Чистой радостью свѣтилось небо, дружною гурьбою плыли облака, густо дымила пылью дорога. Съ каждымъ оборотомъ колеса въ душѣ Кравцова незамѣтно стиралось воспоминаніе о видѣнномъ и пережитомъ. Позднею ночью пришла тройка на станцію. Изумрудами и рубинами горѣли въ черномъ бархатѣ ночи сигнальные огни. Незамѣтно прошла ночь въ вагонѣ. Утромъ Кравцовъ пріѣхалъ въ городъ и провозился въ отдѣленіи, сдавая дѣла, цѣлыхъ два дня. Но вотъ, наконецъ, и свобода. Жизнь города пьянила Кравцова. Кричатъ пароходы, съ Волги пахнетъ свѣжимъ духомъ

зарѣчныхъ полей. Извощикъ торопится на пристань. Узкій переулокъ, крутой спускъ къ рѣкѣ. Съ Кравцовымъ преувеличенно вѣжливо раскланивается какой-то подозрительный субъектъ въ котелкѣ, въ галошахъ и съ огромнымъ зонтикомъ въ рукахъ. Субъектъ весело улыбался и весело-хитро подмигивалъ. Долго не могъ сообразить Кравцовъ, гдѣ и при какихъ обстоятельствахъ онъ видѣлъ этого страннаго незнакомца; наконецъ вспомнилъ и чуть не вскрикнулъ отъ удивленія. Незнакомецъ былъ никто иной какъ хуторянинъ Персидскій, который свои бутафорскія лапти съ посконной рубахой, по минованіи въ нихъ надобности, смѣнилъ на форменный рыжій котелокъ и утлыя галоши. Кравцова брезгливо повело, и на минуту ему показалось, что сверкающая быстрыми золотыми огоньками рѣка—грязное болото, а чистый воздухъ полонъ зловонія. Но это быстро прошло: загудѣлъ пароходъ, потянулась рѣка, открывая на изгибахъ новые виды. Съ Жигулей пахло медомъ; все залитое золотомъ пылающихъ огней, сверкало широкое алмазное покрывало Волги. Тепло и вольно стало Кравцову, и съ чувствомъ сыновней вѣры онъ понялъ, что народъ, у котораго такая рѣка,—не пропадетъ.

С. Холщевниковъ.

АНТОЛОГІЯ.

I.

Веселый фавнъ, изваянный убого
Пастушескимъ ножомъ,
Межъ двухъ оливъ у моего порога
Ты охраняешь домъ.
Когда заря потонетъ въ синемъ мракѣ
Гирляндой желтыхъ розъ,—
Несу тебѣ я хлѣбъ, вино и маки,
И сыръ домашнихъ козъ.
Храни мой домъ, храни меня и друга:
Жилище отъ огня,
Его—отъ ранъ, страданій и недуга,
Отъ ревности—меня.

II.

Я хлѣбъ и медъ носила Пану въ лѣсъ,
Плела вѣнки домашнимъ нашимъ ларамъ,
И козъ пасла, пока лазурь небесъ
Не крылась пепломъ сѣрымъ за пожаромъ.
Но тѣ часы безпечные прошли,
И въ кругъ заботъ ввела меня Венера:
Я тку холсты и мою на мели,
Знакомы мнѣ въ хозяйствѣ вѣсъ и мѣра.
Зажженъ очагъ... Мой другъ беретъ свирѣль.
За труднымъ днемъ минуты ласкъ лѣнивы,

Но нашъ союзъ скрѣпляетъ колыбель,
Сплетенная изъ вѣтокъ гибкой ивы.

III.

Мы полюбили другъ друга, встрѣчаясь при храмѣ.
Тамъ обручились подъ тѣнью высокаго кедра.
Тамъ на ступеняхъ сидѣли вдвоемъ вечерами,
Слушая музыку ночи, и сосенъ, и вѣтра.
Тамъ, наконецъ, наши клятвы прослушали боги,
Свѣтлые лики склоняя надъ нами съ участьемъ.
Домикъ за храмомъ, далекій отъ людной дороги,
Мы освятили цвѣтами, любовью и счастьемъ;
Горе и смерть не пошли торопливо за нами,
Жертвы богамъ мы приносимъ въ веселой одеждѣ.
Время летитъ... но смѣясь надъ его сѣдинами,
Розы цвѣтутъ, и другъ друга мы любимъ, какъ прежде.

Т. Е—ко.

СѢРЫЙ ВОЛКЪ.

Мы мчались съ тобою, Царевна,
Двѣнадцать томительныхъ лѣтъ.
И вѣтеръ гудѣлъ напѣвно,
И тьма заметала слѣдъ.

Мы мчались на Сѣромъ Волкѣ
По топкимъ и тайнымъ тропамъ,
И древнихъ елей иголки
Шатеръ свой склоняли къ намъ.

Мы слушали травныя были
И сказки неслыханныхъ птицъ.
Вдали, за лѣсомъ, свѣтили
Намъ взгляды краткихъ зарницъ.

Вставали, пугая, видѣнья,
Ихъ Волкъ не боялся одинъ,
Узоръ свой ткали мгновенья,
Изъ блѣдныхъ лунныхъ сѣдинъ.

Я вѣдалъ тогда, что свершаю
Отъ вѣка намѣченный путь,
Что я Царевну спасаю,
Что намъ нельзя отдохнуть.

Но ты все томилась, Царевна.
«Гдѣ-жъ подвигъ?»—шептала ты
То съ нѣжной мольбой, то гнѣвно.
«Отдай мнѣ мои мечты!

«Гулъ жизни чуть слышится дальній...
«Свободу мнѣ, свѣтъ возврати!
«Мнѣ холодно, другъ печальный,
«Съ тобой на лѣсномъ пути.

«Огонь твой меня не согрѣетъ.
«Ты въ пѣсняхъ ждешь новыхъ чудесъ,
«Но пѣсню и пламя развѣетъ,
«Задушитъ унылый лѣсъ».

И вѣтеръ въ вѣтвяхъ напѣвно
Твердилъ: «Отпусти, отпусти»!
Жалѣлъ тебя, свѣтъ—Царевна,
На темномъ лѣсномъ пути.

Жалѣлъ тебя мѣсяцъ полночный,
Жемчужилъ волосъ твоихъ шелкъ.
Молчалъ я и ждалъ. Урочный
Бѣгъ свой замедлилъ Волкъ.

Рѣдѣютъ деревья, рѣдѣютъ,
Открылись просторы полей.
Въ пожарѣ весь воздухъ, и рдѣетъ
Трехгранный полетъ журавлей.

Не чую я волчьихъ движеній
Онъ сталъ неподвижно и ждетъ
И взоромъ задумчивой лѣни
Слѣдитъ журавлиный полетъ.

Какъ сердце тоскуетъ безгнѣвно,
Какъ воздухъ печаленъ и алъ...
Иными путями, Царевна,
Иди ты одна,—я усталъ.

Царевичъ отъ лѣса рожденный,
Иныхъ я не знаю путей.
Здѣсь буду я пѣть, заключенный
Въ сплетенья осеннихъ вѣтвей.

Люблю, но не прежнею мѣрой,
Горю, но вечернимъ огнемъ.
Судьба моя, Волкъ Ты мой Сѣрый,
Съ Тобой я останусь вдвоемъ.

П. Соловьева.

ВЪ ДВОРЯНСКОЙ БЕРЛОГѢ.

Очерки съ эпилогомъ.

I.

— Хотите ѣхать на урокъ въ черноземную глушь?

Я съ радостью ухватилась за предложеніе Натальи Васильевны: давно тянуло въ царство земли, хлѣба, помѣщичьихъ гнѣздъ, старинныхъ дворянскихъ усадебъ. Ужъ очень я зажилась въ Петербургѣ, въ своемъ интеллигентскомъ муравейникѣ, гдѣ все начинало казаться мнѣ «не настоящимъ»: какая-то копія съ жизни, даже копія съ копіи!...

Хотѣлось увидать неподдѣльную Россію, натуральнаго дворянина, подлиннаго крестьянина-хлѣбопашца. Много лѣтъ я уже не заглядывала въ деревенскую даль. Какова-то она теперь, послѣ освободительнаго смерча, потрясшаго всю русскую жизнь?

Предстояло ѣхать въ самую дворянски-крѣпостническую губернію, въ семью отставного полковника Кайсарова, къ его дочери, взрослой барышнѣ.

— Чему я должна учить ее?

— Ну, ужъ этого я не могу вамъ сказать. Съ Кайсаровыми я не знакома. Дѣло идетъ черезъ Опалихиныхъ. Они сообщили мнѣ только, что полковникъ нѣсколько лѣтъ назадъ овдовѣлъ и женился на дальней родственницѣ жены, какой-то захудалой дворянкѣ. Его дочери, вашей будущей ученицѣ, досталось отъ матери два громадныхъ имѣнія. Недавно она вышла изъ-подъ опеки отца. Ни въ какомъ учебномъ заведеніи, повидимому, не училась. Зовутъ ее: Елена Львовна... Вотъ, кажется, все, что я могу сообщить вамъ.

Послѣ предварительныхъ переговоровъ черезъ третьи руки,

я отправилась въ назначенный срокъ къ Кайсаровымъ, проживавшимъ въ одной изъ самыхъ шикарныхъ петербургскихъ гостиницъ.

Было далеко за полдень.

— Еще почиваютъ-съ...

Прождала въ салонѣ гостиницы часа полтора. Наконецъ, лакей повелъ меня въ номеръ въ барышнѣ.

Тамъ былъ ужасающій безпорядокъ. Деньги, закуски, наряды, сласти перемѣшаны въ кучу, распиханы наскоро по столамъ, подоконникамъ, прикрыты кое-какъ газетами, кофточками, развернутыми книгами. Повсюду—букеты, корзины съ цвѣтами, какіе-то футляры, несессеры: точь въ точь у какой-нибудь знаменитой актрисы послѣ бенефиса.

Среди этого хаоса Елена Львовна показалась мнѣ почти смѣшной въ своихъ кружевахъ, съ толстой золотой цѣпью на шеѣ, съ большими висячими жемчужными серьгами, въ какомъ-то необыкновенномъ платьѣ со шлейфомъ. Я сначала даже не обратила вниманія на ея лицо: до такой степени пестрѣло въ глазахъ отъ всѣхъ этихъ блестящихъ бездѣлушекъ, цвѣтовъ, альбомовъ, колоссальныхъ коробокъ изъ-подъ конфетъ...

Вѣяло чѣмъ-то безалаберно-вычурнымъ, показнымъ, грубохвастливымъ... Но когда Елена Львовна заговорила, тонъ ея былъ такой искренній, дѣтски-наивный, взглядъ большихъ глазъ— такой правдивый и грустный, что я сразу ощутила къ ней довѣріе и странное, щемящее участіе.

Оказалось, что она не только правильнаго, но и никакого образованія вообще не получила, такъ какъ «всю свою жизнь», вплоть до смерти матери, прожила въ медвѣжьемъ углу.

— Вотъ теперь папа привезъ въ Петербургъ... Здѣсь— такая пустая жизнь... Эти несносные женишки, Богъ знаетъ, до чего надоѣли!..

Она стала показывать мнѣ цвѣты и подарки, досадуя на навязчивость «женишковъ». Передо мной былъ безхарактерный ребенокъ, жертва въ рукахъ отца и мачехи. Она сама какъ будто стыдилась своей безпомощности и все время посматривала на меня какъ-то вкось, съ кроткой, смущенной улыбкой.

— Господи, какъ я рада, что вы согласны заниматься со мной! Значитъ, рѣшено?

— Да. Теперь остается поговорить съ вашимъ папой... Что онъ скажетъ?

Она вдругъ расхохоталась:

— О!.. Да что же онъ можетъ?

Потомъ какъ будто спохватилась:

— Папа вѣдь—больной и ни во что не вмѣшивается: у него послѣ смерти мамы былъ ударъ...

Въ этомъ внезапномъ смѣхѣ было что-то не дѣтское и не доброе... Тутъ только я замѣтила, что Елена Львовна слегка нарумянена. Все это не вязалось съ тономъ наивнаго ребенка.

Не давая мнѣ опомниться, она предложила считать плату съ сегодняшняго дня и поспѣшно вынула изъ щегольской сумочки сторублевку.

— Зачѣмъ же это?

— Да можетъ быть, вамъ надо купить себѣ что-нибудь на дорогу? Мало ли, какіе расходы...

— Все-таки это слишкомъ много.

— Да вѣдь вамъ придется еще здѣсь проживать...

— Но вы сами говорите, что черезъ недѣлю ѣдемъ?

— Ну, все жъ таки... Мало ли, что можетъ случиться!.. Нѣтъ, ужъ вы возьмите, пожалуйста. Я спокойнѣе буду...

Она такъ упрашивала, такъ обижалась на мой отказъ, что я принуждена была взять деньги.

— Скажите: вы куда теперь поѣдете?

— Куда же мнѣ ѣхать, разъ я договорилась съ вами?

— А вы бы лучше сняли пока дачу: въ Петербургѣ такъ гадко...

— Снимать дачу на недѣлю? Помилуйте!

— Погода, смотрите, какая дивная... Пелагея!

Изъ-за перегородки лѣниво выползла молодая горничная, толстая, курносая, съ лоснящимся лицомъ.

— Вотъ хотите, Пелагея наймете вамъ дачу?.. Вамъ бы гдѣ хотѣлось?

Насилу удалось мнѣ отговорить ее отъ этой затѣи.

Вошелъ полковникъ и, увидавъ меня, воскликнулъ:

— Такая нарядная, а я—въ халатѣ! Pardon!

Впрочемъ, усѣлся безъ всякаго смущенія и заговорилъ сразу обо всемъ тѣмъ любезнымъ, поддразнивающимъ тономъ, какимъ говорятъ съ дамами закоренѣлые ловеласы. Атлетическая фигура—все еще молодцоватая, но лицо—обрюзглое, изрытое отвратительными морщинами.

Появилась полковница въ широчайшемъ пунцовомъ капотѣ: полная, величественная фигура, смахивающая на Екатерину Великую, которую она, повидимому, копировала. Вошла горделиво и плавно, поздоровалась съ величаво снисходительной улыбкой.

— Это —Марья Павловна: будетъ учить Елену уму-разуму... А эта прекрасная особа—Софья Ѳедоровна, моя полковница.

Въ тонѣ Кайсарова прочвучало непонятное глумленіе. Софья Ѳедоровна покраснѣла и отъ замѣшательства поспѣшила заговорить о женскомъ вопросѣ:

— Какъ хорошо, что теперь женщинамъ открывается доступъ въ университетъ!

Полковникъ сдѣлалъ смѣшную гримасу.

— Ну, ужъ, пожалуйста! Елена выйдетъ замужъ и будетъ порядочной женщиной. Всѣ эти курсистки, фельдшерицы и разныя тамъ... Ну, какая же она женщина послѣ того, какъ побываетъ въ анатомическомъ театрѣ со студентами?.. Знаю я ихъ! Подъ видомъ науки—голый развратъ... Да кто же—я говорю о людяхъ нашего круга—кто рѣшится вступить въ бракъ съ подобной женщиной?

Софья Ѳедоровна заступалась. Одно возмущало ее: ихъ туалетъ.

— Юбка—короткая, башмаки—трепаные, на носу—очки... да еще папиросы курятъ. Гдѣ же женственность-то?

Я слушала и думала: «Какъ это они ухитрились отстать ровно на полвѣка?»

Полковникъ все старался свести разговоръ на пикантное, а полковница силились показать мнѣ, что ей не чужды передовыя идеи... Елена Львовна молча смотрѣла на нихъ, и на лицѣ ясно отражалось:

«О!.. ну, и умора же! Вы только послушайте»...

Лакей доложилъ, что коляска подана. Полковникъ грузно поднялся, подалъ мнѣ руку на прощанье...

— Au revoir, Марья... Марья Павловна! Впрочемъ, едва ли придется увидѣться.

— Развѣ вы не поѣдете въ имѣнье?

— Мы съ женой ѣдемъ въ имѣнье, но только въ *свое*... въ свое собственное.

Елена Львовна встрепенулась.

— Какъ! ты хочешь покинуть меня, папа? Какой же ты недобрый!

Софья Ѳедоровна обмѣнялась съ ней молніеноснымъ взглядомъ.

— Что дѣлать, милочка! Надо же Льву Борисовичу похозяйничать у себя... И такъ ужъ дѣла запущены. Ты ужъ—не маленькая... Да къ тому же, съ тобой будетъ Марья Павловна.

Кайсаровъ, осклабясь, расшаркивался передо мной.

— Поручаю мою возлюбленную дщерь вашимъ дружескимъ попеченіямъ.

— Ну, что ты говоришь, папа? Какъ же я буду безъ васъ?.. Да я не могу представить Старожилова безъ тебя и милой Софьи Ѳедоровны...

Она умоляла, они не слушали.

Но едва Кайсаровы скрылись за дверью, лицо Елены Львовны приняло равнодушное выраженіе, по губамъ прошмыгнула лукавая усмѣшка...

— Какъ это, право, жаль!—произнесла она и вдругъ разсмѣялась...

II.

Я вышла изъ вагона на станцію.

— Есть лошади изъ Старожилова?

— Лошади? Нѣтъ.

— Отъ Кайсаровыхъ?

— Никакихъ лошадей нѣтъ.

— Вы навѣрное знаете?

— Были вчера, да уѣхали.

— А ямщики тутъ есть?

— Никакихъ тутъ ямщиковъ...

Мнѣ отвѣчали съ непонятнымъ злорадствомъ. Со всѣхъ сторонъ—угрюмо-насмѣшливые взгляды: «Ну-ка, посмотримъ, какъ ты выпутаешься!»

— Такъ не можете ли достать мнѣ лошадь въ деревнѣ?

— Какія тамъ лошади!

— Да и не доѣхать въ телѣгѣ.

— Дорожки-то у насъ...

— Не больно разъѣдешься!..

Удовольствіе станціонныхъ околышей и бляхъ все возростало. Росло и мое недоумѣніе: «Чему они такъ радуются?»

Нелюдимымъ холодомъ отдавало отъ этихъ деревянныхъ лицъ, отъ грязной, пустой станціи, отъ темнѣющаго за ней поля и даже отъ деревушки, видной вдали. Крыша какого-то почернѣлаго барскаго дома, вздыбившагося надъ деревней, какъ будто угрожала... И во всемъ здѣсь чудилось что-то непривѣтное, тяжело-умышленное... Отчего такъ? Вѣдь—самая обыкновенная, скучная картина!

И вдругъ я вспомнила, что еще за нѣсколько станцій въ вагонахъ и передъ вагонами стали появляться люди съ какимъ-то

особымъ привкусомъ. Одни—въ красныхъ околышахъ, съ кокардами, другіе—въ картузахъ, котелкахъ, но всѣ—молодые, старые, щеголеватые, поношенные—были въ чемъ-то похожи другъ на друга. Разговоръ ихъ пестрѣлъ грубоватыми насмѣшками, неопредѣленными угрозами кому-то, непонятными для меня намеками. А взгляды обыскивали меня и всѣхъ «не своихъ», какъ вотъ и здѣсь, на станціи... Право, я точно попала въ какую-то особенную страну, полную недовѣрія, подвоховъ и злорадства. Или, можетъ быть, я просто устала отъ тѣсноты и духоты въ вагонѣ?

— Нѣтъ ли тутъ у кого-нибудь самовара: чаю напиться?

— Кто жъ вамъ дастъ самоваръ?

— Я заплачу, что слѣдуетъ.

— На то буфетъ есть.

Но буфетъ успѣли закрыть.

— Когда же откроютъ?

— Теперь ждите скораго поѣзда. Можетъ, на ваше счастье, и ямщики подъѣдутъ...

Пошла въ «дамскую». Грязный, пыльный диванчикъ, грязные стулья. На столикѣ — графинъ съ желтой водой. Вѣтеръ свищетъ въ оконца такъ, что вздуваетъ скатерть на столѣ...

Рядомъ съ «дамской»—компанія прасоловъ. Сидятъ за деревяннымъ столомъ, залитымъ пивомъ, пьютъ, горланятъ. Нечистоплотный разговоръ о бабахъ, похвальба разными продѣлками съ куплей, продажей, нагрузкой... И опять—какіе-то зловѣщіе намеки, угрозы въ пространство. У меня—такое ощущеніе, точно черезъ неплотно прикрытую дверь просачивается зловонная грязь.

Не выдержавъ, вышла на платформу. Моросилъ дождь. Пусто, сыро, уныло ..

Укуталась, какъ могла, сѣла на мокрую скамейку—и тутъ только въ первый разъ подумала: «А не напрасно ли я поѣхала къ этимъ Кайсаровымъ?»

Пришелъ скорый поѣздъ. Я машинально смотрѣла на окна вагоновъ и вдругъ замѣтила Елену Львовну. Она стояла въ вагонѣ I-го класса у открытаго окна и, поймавъ мой взглядъ, мгновенно спряталась за занавѣску. Это меня взбѣсило. Я бросилась къ окну.

— Послушайте, Елена Львовна, что это за игра въ прятки?

Она беззвучно хохотала съ видомъ расшалившагося ребенка, но, разсмотрѣвъ мое сердитое лицо, перепугалась.

— Ахъ, извините ради Бога, Марья Павловна, что такъ вышло! Меня вызываютъ къ нотаріусу... въ Москву.

— Во-первыхъ, вы уѣхали изъ Петербурга безъ меня и даже не извѣстили... Во-вторыхъ, прошла не недѣля, а цѣлый мѣсяцъ... Въ третьихъ, обѣщали выслать лошадей — и не выслали... Въ четвертыхъ, увѣряли, что тутъ всегда есть ямщики, а оказывается...

— Да ей-Богу, Марья Павловна...

Носильщикъ съ вещами теребилъ меня:

— Куда прикажете нести?

Съ другой стороны приставалъ сторожъ:

— Барыня, брать билетъ—али?.. Поѣздъ скоро уйдетъ.

— Куда же мнѣ, Елена Львовна, наконецъ, ѣхать: въ имѣнье къ вамъ или назадъ?

— Въ Старожилово! Конечно, въ Старожилово! Вотъ Павелъ съѣздитъ за лошадьми... Павелъ, скачи сейчасъ же верхомъ, вели выслать лошадей. Вотъ тебѣ...

Она сунула сторожу рубль, и онъ опрометью бросился... Пелагея принесла изъ буфета лимонной воды и впопыхахъ совала барышнѣ... Уже раздавались свистки... Я стояла, раздраженная, растерянная.

— Къ кому же я поѣду, если васъ тамъ нѣтъ?

— Я черезъ два-три дня вернусь. Честное слово! Вотъ ей-Богу!

Она перекрестилась.

Поѣздъ ушелъ. Буфетъ опять успѣли запереть...

Оставалось снова сѣсть на скамейку и ждать.

III.

Было совершенно темно, когда мнѣ объявили, что пріѣхали лошади изъ Старожилова.

Отъѣхавъ немного отъ станціи, я уже не различала ничего, кромѣ молчаливой фигуры кучера. Черная земля, черное небо и мокрая сѣть дождя...

Лошади шли шагомъ, неувѣренно, готовыя ежеминутно остановиться.

— Отчего вы такъ ѣдете? Дорога плохая?

Молчаніе.

— Да мы, кажется, не по дорогѣ ѣдемъ?

Отвѣта нѣтъ. Странно...

Всматриваюсь и вижу: кучеръ наклоняется все больше на бокъ.

— Послушайте... Да вы выпили, что ли?

Ни звука. Кучеръ совсѣмъ свисъ съ козелъ... Какимъ чудомъ онъ держится?

— Стойте!.. Вы сами свалитесь въ канаву и меня вывалите!

— Какая канава! Тутъ цѣльная трясина... Безпремѣнно въ нее угодишь.

Голосъ звучалъ неестественно, какъ у чревовѣщателя... Казалось, говорящій сидитъ подъ пролеткой.

— Нешто тутъ проѣдешь на тройкѣ? Тутъ—обрывъ и тамъ—обрывъ... Да здѣсь и днемъ-то костей не соберешь.

— Такъ поворачивайте назадъ! Развѣ можно ѣхать?

Онъ лопочетъ что-то про себя, потомъ смолкаетъ. Лошади продолжаютъ плестись шагомъ... Я тормошу кучера, кричу: «Назадъ! Назадъ!». Онъ мотаетъ головой и мычитъ: очевидно, заснулъ...

— Стойте!.. Проснитесь!.. Проснитесь же!

Гробовое безмолвіе. Пролетка застреваетъ на мѣстѣ, лошади тщетно дергаютъ во всѣ стороны... Чувствую, что все больше накреняюсь; уцѣпилась обѣими руками за облучокъ...

Не вижу ни зги. Только сзади, среди кромѣшной тьмы, блеститъ одинокій огонекъ: это—станція... Какая-то бездонная тишь. Лаетъ вдали одичалая собака, да тяжело и часто дышатъ наши лошади.

Кучеръ виситъ въ воздухѣ и кажется трупомъ. Никакъ не могу понять: почему онъ не падаетъ?..

Свиститъ на просторѣ вѣтеръ, сѣчетъ лицо дробью мелкаго дождя. Дрожу отъ холода и страха, снова принимаюсь расталкивать возницу, но все напрасно... Вылѣзть не могу: рискую утонуть въ грязи. Начинаю взывать о помощи...

Наконецъ, слышу голоса мужиковъ: должно быть, рабочіе со станціи? Они приближаются, всматриваются...

— Дядя Григорій, ты, что ли?

Кучеръ мычитъ во снѣ.

— Проснись, Гришка!.. Очухайся!

Григорій какъ-то странно булькаетъ губами...

— Куда жъ ты, лѣшій, заѣхалъ? Въ колодецъ?

— А ты выводи, выводи лошадей-то...—гнуситъ впросонкахъ кучеръ.

Мужики долго возятся въ темнотѣ съ лошадьми. Слышно, какъ бьютъ ихъ по мордамъ... Лошади фыркаютъ, пятятся, ворочаютъ изъ стороны въ сторону... Но вотъ ихъ вытаскиваютъ

изъ грязи, обводятъ подъ уздцы вокругъ колодца, устанавливаютъ на дорогѣ.

Кучеръ продолжаетъ спать...

— Гришка! Протри зеньки, желтоглазый!..

— Вотъ Соломятинъ всыпетъ тебѣ!

— Измордуетъ его Соломятка, истинный Богъ!

— Эй, Гришка! Соломятинъ ѣдетъ!!

На кучера это производитъ магическое дѣйствіе: встряхивается всѣмъ туловищемъ, подбираетъ возжи, бѣшено хлещетъ кнутомъ лошадей. Онѣ срываются съ мѣста обдаютъ меня грязью, несутся вскачь по изрытой дорогѣ. Насъ провожаетъ хохотъ...

Какъ во снѣ, летѣла я среди черной тьмы, подъ частымъ, липкимъ дождемъ, цѣпляясь то за крылья пролетки, то за спину кучера, думая объ одномъ: «какъ бы доѣхать живой»?

Утратила всякое представленіе о времени и пространствѣ. Пробовала кричать: «Тише, тише!», но Григорій словно обезумѣлъ: яростно нахлестывалъ, гналъ, гикалъ... Пролетку встряхивало, подбрасывало на полъ-аршина; звенѣли и дребезжали всѣ гайки...

Но вотъ я пронеслась мимо какой-то рощи или парка и остановилась у крыльца большого барскаго дома, въ одномъ окнѣ котораго тускло свѣтился огонекъ.

Стая собакъ въ мигъ окружила экипажъ. По ихъ грозному, рыкающему лаю я поняла, что съ ними шутки плохи, и не двигалась до тѣхъ поръ, пока изъ крыльца не вышелъ человѣкъ съ фонаремъ.

— Пожалуйте!

IV.

Увидала себя въ обширномъ, неуютномъ, какъ конюшня, пустомъ залѣ съ колоннами. Въ дальнемъ углу на столѣ горѣла лампа, безсильная разогнать полумракъ этой огромной комнаты.

Передъ столомъ—необъятный, громоздкій диванъ: точь въ точь погребальныя дроги, покрытыя полосатымъ чехломъ. На нихъ возвышался въ турецкомъ халатѣ полковникъ... Вотъ, кого я ужъ никакъ не ожидала встрѣтить!

Онъ показался мнѣ старѣе, чѣмъ въ первый разъ, но все-таки очень импозантнымъ. Въ его грузной, массивной фигурѣ было что-то барственно-властное, какая-то красивая лѣнь, величавая небрежность магната...

— Это съ вами моя дочь за границу ѣздила?—спросилъ онъ, даже не поздоровавшись.

— Она?.. За границу?

— Ну да... А вы и не знали?.. Ха, ха!

Я стояла посреди комнаты, иззябшая, разбитая тряской, въ калошахъ, съ зонтикомъ. Сбѣжавшаяся со всѣхъ сторонъ дворня разглядывала меня съ самымъ беззастѣнчивымъ любопытствомъ, и опять, какъ на станціи, чудилось мнѣ злорадство: «Ну-ка, ну-ка, посмотримъ!»

— Позвольте мнѣ раздѣться.

Кайсаровъ сдѣлалъ двусмысленное лицо.

— Раздѣться?

За спиной у меня кто-то фыркнулъ.

— Гдѣ у васъ передняя?

Полковникъ крикнулъ тѣмъ пелѣпо-громовымъ голосомъ, какимъ кричатъ иногда командиры на смотрахъ:

— Иванъ, что же ты смотришь, мер-рзавецъ? Живо-о?

Рыжеватый парень кинулся стаскивать съ меня кофту, кто-то вырвалъ изъ рукъ зонтъ, кто-то содралъ съ ногъ калоши: какъ будто набросилась шайка грабителей.

Во время этой процедуры появилась Софья Ѳедоровна, также какъ и въ тотъ разъ, въ просторномъ капотѣ, но не пунцовомъ, а свѣтломъ.

— Bonjour!

Съ видомъ царственной особы протянула руку и произнесла томно, параспѣвъ:

— Скажите, гдѣ же теперь Элепъ?

Я изумилась.

— Да развѣ ея не было здѣсь, съ вами?

— Съ нами?.. Ха, ха... Да вы-то видѣли ее?

— Видѣла сейчасъ на станціи.

— На станціи?.. Съ кѣмъ же?

— Съ горничной, кажется.

— Хмъ... «съ горничной»!..

Съ полосатыхъ дрогъ раздалось сердитое:

— Да куда она и за какимъ чортомъ?

— Говоритъ: «къ нотаріусу».

— Вретъ!.. И надолго?

— Обѣщала черезъ два дня вернуться.

— Ну, вретъ, вретъ!

Софья Ѳедоровна подхватила:

— Это все штучки. Будьте покойны: она не пріѣдетъ сюда.

— Да почему же?

— А потому, что мы—здѣсь, т. е., Левъ Борисовичъ и я... Не желаетъ дышать съ нами однимъ воздухомъ.

Я пролепетала растерянно:

— Но вѣдь она сама же упрашивала васъ тогда?.. При мнѣ же...

— Ха, ха!.. А вы и повѣрили?

Видя мое полное недоумѣніе, Кайсаровы заговорили въ перебой:

— Мы нарочно сказали тогда, что ѣдемъ къ себѣ въ имѣніе...

— Только потому она и пожаловала сюда...

— А какъ только прослышала, что мы тоже ѣдемъ, сейчасъ же скрылась...

— Еленка удрала отсюда наканунѣ нашего пріѣзда... Жаловалась она вамъ, что я обобралъ ее во время опеки?

— Ничего подобнаго...

— Убѣждена, что я ее граблю... Да мнѣ чортъ съ ея опекой! Только кляузы да непріятности.

— Но главное: зачѣмъ она объясняется въ любви къ намъ?.. Вѣдь вы помните?

— Никого эта мерзкая дѣвчонка не любитъ... Вся въ матушку! Та тоже, бывало...

Видимо наслаждаясь моимъ недоумѣніемъ, они торопливо выкладывали передо мной, уже безъ всякаго повода и надобности, разныя некрасивыя вещи, которыя обыкновенно не выходятъ за предѣлы семейнаго круга. Долго изливался неряшливый потокъ, насыщенный желчью, закоренѣлой ненавистью, нетерпѣливымъ желаніемъ унизить, уличить, отмстить. Передо мной всплывали интриги, обманы, угрозы, выслѣживанья. У полковника отъ волненія заплетался языкъ: вѣроятно—послѣдствіе удара.

— Извините: я страшно устала... Гдѣ моя комната?

Кайсаровы вдругъ опомнились:

— Нѣтъ, нѣтъ, вы откушайте съ нами!.. Сейчасъ будемъ ужинать.

— Эй, Иванъ, подавай! Жива-а!

Иванъ принялся накрывать на столъ. Ему помогала дѣвочка-подростокъ, босая и поразительно грязная... Подали липнущія къ рукамъ ржавыя вилки, ножи въ пятнахъ и одну на всѣхъ салфетку, которую я приняла было за кухонную тряпку.

Кайсаровы, превратившіеся въ хлѣбосольныхъ хозяевъ, уса-

дили меня съ ласковымъ насиліемъ за столъ. Софья Ѳедоровна извинялась:

— Эленъ увезла всѣ ключи съ собой; поэтому мы, какъ видите—на бивуакахъ... Разумѣется, она захватила ихъ съ собой по разсѣянности.

Полковникъ проворчалъ, придвигаясь къ столу:

— Послѣдняя негодяйка не сдѣлала бы этого...

— А знаешь, мой другъ: не отдала ли она ихъ Липатовнѣ?

— Старая вѣдьма божится, что—нѣтъ...

— Вотъ еще золото—эта Липатовна!.. Ну, могу сказать: умѣла покойная Елена Юрьевна находить себѣ вѣрныхъ собакъ...

И опять полился потокъ злословія. Я старалась не слушать. «Съѣсть чего-нибудь поскорѣй и уйти!»

Столъ покрывали сплошнымъ роемъ мухи. Такого количества я нигдѣ еще не видала... Жутко было смотрѣть на эту ползущую и кишащую массу. Неужели онѣ даже вечеромъ не даютъ здѣсь покою?

Котлеты, изъ которыхъ состоялъ ужинъ, были засушены, пересолены и сдѣланы какъ будто изъ одного луку и перцу. Я попробовала разжевать... На зубахъ заскрипѣлъ песокъ.

— Мы тутъ попросту живемъ,—говорила Софья Ѳедоровна.—Вотъ Иванъ готовитъ намъ каждый день котлеты... Левъ Борисовичъ требуетъ одного: чтобы было какъ можно больше луку и перцу. Онъ ничего лучшаго не желаетъ... Да что же вы не кушаете?

«Иванъ готовитъ»... Я взглянула на его руки, на пиджакъ, точно вываляный въ салѣ...

— Нѣтъ, mercі: я на станціи закусывала...

V.

Дѣвочка привела меня наверхъ въ мою комнату.

Я отшатнулась, вступивъ въ нее: острый запахъ клоповъ ударилъ въ носъ. До сихъ поръ я не подозрѣвала, что вся комната можетъ быть пропитана ихъ ароматомъ... Матреша поспѣшила объяснить мнѣ, что прежде тутъ было клоповъ «до ужасти», а потомъ ихъ заклеили «живьемъ»: очевидно, они разлагались за обоями и отравляли воздухъ.

Комната была маленькая, низенькая, душная. Я тотчасъ же распахнула окно, котораго, повидимому, никогда не открывали.

Стекла были затянуты гирляндами паутины, украшенной десятками высохшихъ мухъ.

Потолокъ и обои, еще довольно чистые, уже начинали покрываться волокнами свѣжей паутины, а съ полу, при каждомъ шагѣ, поднималась пыль.

— А тараканы есть?

Дѣвочка отвѣтила необыкновенно охотно, даже какъ будто радостно:

— Тараканьевъ у насъ до пропасти! Только они—въ людской да внизу, у Софьи Ѳедоровны, потому что она все къ себѣ припираетъ: и варенье, и сахаръ, и рисъ... все до капельки!

— Припираетъ?

— А чтобы не уворовали...

Дѣвочка ушла, а я не безъ страха улеглась на старинную, широкую деревянную кровать, издававшую отчаянный скрипъ.

Едва потушила свѣтъ, какъ клопы принялись жечь лицо и руки. Вскочила, зажгла свѣчку и просидѣла всю ночь у окна...

Невеселыя мысли бились въ головѣ, какъ мухи, запутавшіяся въ паутинѣ. «Зачѣмъ я полѣзла въ эту трущобу?»

Съ какимъ наслажденіемъ вернулась бы я въ свою крошечную комнатку на петербургской сторонѣ! Жизнь трудовой интеллигенціи, обстановка, книги, разговоры—все казалось мнѣ теперь необыкновенно заманчивымъ: такимъ чистымъ, идейнымъ, содержательнымъ...

Но когда забрезжилъ разсвѣтъ и я увидѣла въ окно дорожки сада, просвѣчивающія сквозь предутренній сумракъ, мнѣ стало совѣстно за свое малодушіе. Я сказала себѣ: «Стыдно, Марья Павловна!», легла и тотчасъ же заснула, какъ сурокъ.

VI.

Проснулась поздно. Солнце высоко поднялось и ликующе сіяло, точно хотѣло сказать: «Ничего, ничего,—все хорошо»! Весело искрились стеклянный шкафъ, протянувшійся во всю длину стѣны, и пыльное зеркальце древняго фасона, и эмалированный кувшинъ съ водой; весело блестѣли даже чьи-то голенищи въ шкафу.

Все имѣло праздничный видъ, а больше всего фруктовый садъ подъ окномъ, страшно разросшійся, живописно запущенный.

Бодрая, сошла я внизъ. Въ той же колонной залѣ ждалъ меня самоваръ: серебряный, дивной старинной работы, но весь испещренный зеленовато-грязными подтеками.

Залъ показался мнѣ при дневномъ свѣтѣ еще болѣе унылымъ. Особенно мертвили его колонны, наводившія на мысль о надгробныхъ обелискахъ...

Заслышавъ мои шаги, вошла старуха, костлявая, искривленная, вся въ черномъ. Изъ-подъ темнаго повойника спускались на лобъ пряди сѣдыхъ волосъ. Восковое лицо, неподвижные, остеклянѣвшіе глаза, беззвучные, медленные шаги дѣлали ее похожей на привидѣніе. Казалось, она не вошла, а отдѣлилась отъ стѣны...

Я сразу догадалась, что это—экономка, знаменитая Липатовна, о которой упоминали вчера Кайсаровы. Прозвучалъ замогильный голосъ:

— Чайку прикажете? Господа-то еще почиваютъ...

— Спасибо... А это что у васъ? Черная смородина?

— И, что вы, сударыня! Это—лепешечки... Кушайте на доброе здоровье.

— Простите: я, по своей близорукости, не разсмотрѣла...

— Кушайте, кушайте... Покойная барыня очень ихъ обожали...

Она обмахнула тарелку полотенцемъ: густой рой мухъ поднялся, жужжа, къ верху и снова опустился на лепешки.

— Скотный дворъ тутъ недалечко. Вотъ, по этой причинѣ... И конюшня тоже... Ишь вѣдь, какая сила ихъ налетѣла.

Все чернѣло отъ мухъ, а молочникъ былъ больше похожъ на чернильницу... Опять меня мучила брезгливость. Вспомнила одну свою знакомую эсерку: она на диво мужественно переносила всѣ тюремныя невзгоды и лишенія, но о грязи иныхъ тюремъ всегда говорила съ ужасомъ: «Все могу побороть въ себѣ, а этого—не въ силахъ».

Кое-какъ принудила себя выпить стаканъ пустого чаю.

— Скажите, пожалуйста: какъ пройти въ садъ?

— Погулять хотите? Какъ бы собаки не обезпокоили... Хорошія собаки, чуткія!.. Еще моя покойная барышня—царство ей небесное!—завела... Съ собаками все словно спокойнѣе, а то вѣдь какое время-то было!.. Совсѣмъ было обнаглѣлъ народишко... Ну, да теперь, слава Ти, Господи, опять пошло по старому, по хорошему.

— А были волненія?

— Нѣтъ, насъ-то Богъ миловалъ, а кругомъ что твори-

лось... и-и! Вовсе было господа изничтожились... Ну, да теперь опять силу взяли.

— А у васъ было тихо?

— У насъ народъ—пріученный: покойная барыня моя умѣла въ строгости содержать... Да и Семенъ Данилыча остерегаются.

— Это кто же?

— А управитель здѣшній. Маленько было застрекачились, да Семенъ Данилычъ мигомъ ихъ укоротилъ. Вѣдь онъ у насъ такой: чуть что, сейчасъ руки-ноги обломаетъ... Ну, повадки-то имъ и нѣтъ... галманамъ-то... Теперь—опять порядокъ во всемъ.

Смакуя каждое слово, старуха злорадно повѣствовала о расторопности и энергіи Соломятина въ дѣлѣ успокоенія: «вывихнулъ руку... проломилъ голову... стукнулъ дробью вотъ въ это самое мѣсто... грянулъ о земь»...

Я чувствовала, что съ меня достаточно.

— Какъ же мнѣ пройти въ садъ?

— А вотъ сейчасъ... Матрешка!.. Гдѣ ты тамъ?.. Оглохла?

Вихремъ влетѣла Матреша и остановилась въ перепугѣ: можно было подумать, что ее захватили на мѣстѣ преступленія...

— Чего столбомъ стоишь?.. Захлопала глазищами-то!.. Проводи барышню въ садъ, покажи имъ...

Мы отправились съ Матрешей.

— Ты что такъ перетрусила?

— Да я думала: Ѳекла Липатовна опылилась на меня...

— Собаки-то у васъ злыя?

— Есть—ухъ, лютыя! Лютра—та вразъ съѣстъ...

Пустилась съ радостнымъ оживленіемъ разсказывать о свирѣпости Лютры: «мальчишку лѣтось загрызла... бабу вовсе даже изорвала... лошади морду искровенила»... Все это портило прелесть прогулки.

— А вонъ нашъ садовникъ.

Тощій, вертлявый мужикъ скользнулъ по мнѣ острымъ, точно лезвее ножа, взглядомъ... низко поклонился. Матреша угодливо пропищала:

— Богъ на помочь, Иванъ Демьянычъ! Все ли въ добромъ здоровьѣ?

И прибавила тихонько:

— Ужъ такое-то зелье... не приведи Господи!

Потомъ вдругъ хмыкнула:

— Баринъ-то съ его женой путался.

— Какой баринъ?

— А самъ полковникъ. И съ женой, и съ племянницей... Вотъ такъ ловко!.. Грѣховодники!

Замѣтно было, что она повторяетъ чужія слова...

— Да откуда ты знаешь?

— Отъ мамки слышала... Да кого ни спросите...

— А кто твоя мамка? Гдѣ?

— Аграфена, скотница здѣшняя... А прежде была барской кормилкой: барышню Елену Львовну шпитала...

Глаза дѣвочки вдругъ оторопѣло забѣгали. Навстрѣчу, еще далеко отъ насъ, шелъ великанъ въ поддевкѣ, высокихъ сапогахъ, въ бѣломъ картузѣ, блестящемъ на солнцѣ. Слышно было, какъ хруститъ подъ тяжкими шагами крупный песокъ на дорожкѣ...

— Семенъ Данилычъ...—шепнула Матреша, замирая.

— Чего жъ ты боишься?

— Кто жъ его знаетъ? Дастъ раза,—вотъ и...

Соломятинъ былъ уже близко. Плечистый, загорѣлый, прямой, какъ палка. Походка—солдатская. Грубое, мясистое, румяное лицо. Черты—крупныя, топорныя, красивыя вульгарной красотой: такими рисуютъ иногда богатырей на лубочныхъ картинахъ... Въ одной рукѣ—нагайка, въ другой—бумаги, похожія на счета, которыми онъ помахивалъ, какъ вѣеромъ.

Соломятинъ шелъ увѣренно, высоко задравъ голову, какъ бы готовый раздавить всѣхъ и все на своемъ пути. По шаговъ за пять отъ меня принялъ болѣе скромный видъ, раскланялся... По мнѣ молніей пробѣжалъ обшаривающій взглядъ.

— Что полковникъ? Всталъ?

— Не... не...—залепетала Матреша и отскочила въ сторону, чтобы пропустить управляющаго.

Онъ щелкнулъ ее шутя картузомъ по лицу и прошелъ. Матреша согнулась отъ боли: изъ носу текла кровь...

— За что онъ тебя?

— Такъ... балуется... Картузъ-то жесткій.—Отирая передникомъ носъ, она говорила, замѣтно польщенная:—Проходу не даетъ дѣвкамъ... шутъ гладкій!

— Да что ты болтаешь, Матреша?.. Сколько тебѣ лѣтъ?

— Мнѣ-то? Двѣнадцать. Тринадцатый,—поспѣшила поправиться она.—А можетъ,—и четырнадцатый...

Всмотрѣвшись, я нашла, что Матреша очень миловидна. Она была ужъ не такъ грязна, какъ вчера: заплела косу, перевязала ленточкой, надѣла чистый передникъ. Живые черные глаза сверкали смѣшливымъ лукавствомъ...

— Говорятъ, Соломятинъ—большой драчунъ?

— У! Вразъ убьетъ.

— Какъ же онъ смѣетъ?

— А вотъ такъ... Бьетъ и бьетъ... Намедни у Клима Сухого всее бороду выдергалъ: такъ начисто и отхватилъ... Поди-ка, возьми съ него! Рази его засудишь? Сильный—страсть!.. Одного только Ѳедора не трогаетъ...

— Какого Ѳедора?

— А мужикъ такой: онъ въ родѣ какъ бѣшеный. Ну, его опасается... А то всѣхъ бьетъ... Дѣвкамъ отъ него бѣда-а: ни одной въ честныхъ не оставилъ... Дастъ подъ ножку, а какъ свалилась, тутъ тебѣ и скопчаніе...

Я, просто, опѣшила. Вѣдь совсѣмъ ребенокъ: щупленькая, писклявая, и ногами сѣменитъ, какъ маленькія дѣти,—а рядомъ этотъ степенный, разсудительный тонъ, и старая морщинка на лбу, и такой сознательный, настороженный взглядъ исподлобья... И рѣчи—какъ у человѣка, видавшаго всякіе виды...

VII.

Господа продолжали спать. Сколько же теперь времени? Мои часы стояли: забыла вчера завести...

Пошла по комнатамъ искать часовъ. Десятки ихъ—круглыхъ, четыреугольныхъ, старинныхъ и новыхъ—развѣшены по стѣнамъ, разставлены по каминамъ, столикамъ, мраморнымъ тумбамъ, но ни одни не ходятъ...

— Еще при покойной барынѣ остановились,—пояснила Липатовна.

Самоваръ перешелъ теперь въ столовую: на комфоркѣ возвышался массивный серебряный кофейникъ съ отбитой ручкой.

Стѣны столовой изукрашены причудливыми узорами, шишечками; стекла оконъ—маленькія, разноцвѣтныя. Въ общемъ красивая, стильная комната, но въ потолкѣ—огромная дыра; сквозь нее видны доски и пакля.

Въ красномъ углу—аляповатый образъ, привезенный, по словамъ Липатовны, странницей изъ Іерусалима. Вдѣланъ въ простую желтую раму на подставкѣ, къ которой ведутъ три ступени... Среди дорогой, модной мебели—черная клеенчатая полуразвалившаяся кушетка, топорная работа крѣпостныхъ рукъ; тутъ же—громоздкое лубочное кресло, въ видѣ полукруглой корзины, тяжелое, мучительно-неудобное. Въ стеклянномъ шкафу

перемѣшаны въ одну кучу прелестный старинный сервизъ (даръ императора Павла, какъ я потомъ узнала) и ворохъ безвкусныхъ бездѣлушекъ: все погребено подъ слоемъ пыли и плѣсени. Необъятный буфетъ орѣховаго дерева, величиной чуть не съ избу, переполненъ всевозможной драгоцѣнной посудой, скопленной поколѣніями. Липатовна разыскала таки ключъ и отперла для меня буфетный шкафъ.

Затѣмъ повела меня черезъ арку въ небольшую комнату—фонарь. Круглая, вся въ окнахъ, залитая солнечнымъ блескомъ. Сплошь заставлена крошечными кушетками, пригнанными по изгибу стѣнъ. Среди комнаты—овальный столъ, покрытый бронзой: надъ нимъ свѣшивается съ потолка голубой фонарь...

Стѣны заняты фамильными портретами. Одинъ изъ нихъ сразу приковалъ мое вниманіе.

Молодая женщина, шатенка, почти красавица. Необыкновенно тонкія, правильныя (даже слишкомъ правильныя) черты, большіе голубые глаза подъ прелестными бровями... Но что за странное до жути, загадочное лицо, что за удивительные глаза! Умные, серьезные, даже глубокіе; но въ нихъ что-то ненормальное, какъ будто дикое, лукаво-затаенное: такъ смотритъ дикарь, подстерегающій съ отравленной стрѣлой своего врага или соперника.

— Ну, что? Какова дамочка?

Передо мной стояла Софья Ѳедоровна, наполняя комнату запахомъ духовъ и одеколона.

— Это—покойная мать вашей Элены. Любопытное лицо,—не правда ли?

Не успѣла я поздороваться, а изъ устъ ея уже лился желчный потокъ:

— Слыла за европейски-образованную женщину, а поглядѣли бы вы, какъ она одѣвалась, какъ вела себя, какъ дѣтей воспитывала! Всѣхъ сгноила въ грязи, всѣхъ считала за ничтожество...

Полковница говорила безъ удержу, захлебываясь, не выбирая выраженій. Отъ сановитости ея не осталось и слѣда... Натерпѣлась, должно быть, она въ этомъ домѣ, живя на положеніи бѣдной родственницы!

Наконецъ, она замѣтила, что я разсматриваю портретъ Кайсарова.

— Вѣдь красавецъ? Не такъ ли?.. Если бъ вы могли видѣть его тогда: это—сама жизнь, само веселье! Всякому умѣлъ удовольствіе доставить, и всѣ его любили... А остроуміе какое! Вѣдь душой общества былъ... Всѣмъ милъ, всѣмъ пріятенъ...

Она смотрѣла на портретъ влюбленными глазами, потомъ затуманилась... По лицу пробѣжали тѣни.

— Много онъ женщинъ обманулъ на своемъ вѣку... Это правда... Многихъ обидѣлъ... Ну, да вѣдь натурально: былъ красивъ, обаятеленъ, онѣ сами вѣшались ему на шею. Были, конечно, хорошія, честныя, но большинство—такія негодяйки и развратницы! А онъ... Да вы посмотрите только: вѣдь это орелъ, орелъ!

Я не возражала, но про себя изумлялась: что орлинаго нашла она въ этомъ самодовольномъ, выхоленномъ лицѣ? Наглые глаза на выкатѣ, молодецки закрученные усы, богатырскія плечи, грудь колесомъ, гвардейскій мундиръ... Не это ли производило на женщинъ такое неотразимое впечатлѣніе?

— Разумѣется, онъ обманывалъ жену... Ну, да вѣдь и она третировала его... Бывало, подойдетъ къ ней, поцѣлуетъ руку, а она сдѣлаетъ мину: «Оставь, пожалуйста. Ты знаешь, я терпѣть не могу миндальностей». А то помню: пригласилъ онъ какъ-то меня и гувернантку прокатиться... Возвращаемся— она вышла на крыльцо и говоритъ мужу при насъ же: «А спросили вы у меня, можно ли катать ихъ на моихъ лошадяхъ?» Каково вамъ покажется? Левъ Борисовичъ такъ и сгорѣлъ со стыда... А вотъ еще случай...

Долго она разсказывала про семейную жизнь Кайсаровыхъ, изумляя меня откровенностью. Но вотъ изъ столовой донесся зычный голосъ полковника:

— Давайте же намъ, чортъ побери, кофе!

Софья Ѳедоровна моментально скрылась.

VIII.

Рядомъ съ Кайсаровымъ сидѣлъ, недвижно и прямо, какъ чугунный монументъ, Соломятинъ, держа стаканъ кофе, исчезавшій въ громадной лапѣ.

Управляющій держалъ себя почтительно, но по тону было замѣтно, что Кайсаровы для него не много значатъ. Онъ и бумаги-то принесъ какъ будто для того только, чтобы позабавить отъ нечего дѣлать полковника...

Разговоръ вертѣлся на какихъ-то намекахъ, настолько двусмысленныхъ, что Софья Ѳедоровна то и дѣло останавливала мужа, а Соломятинъ ухмылялся, силясь сдѣлать смущенное лицо. Поминутно слышалось: «кобыла», «подковать», «стреножить»...

Я думала, что дѣло идетъ о лошадяхъ, но скоро убѣдилась, что разговариваютъ о женщинахъ. По губамъ управляющаго блуждала самодовольно-пренебрежительная усмѣшка, а въ глазахъ полковника загоралась временами не то зависть, не то ненависть...

Теперь онъ казался мнѣ рѣшительно противнымъ. Толстыя губы, мясистый подбородокъ, непомѣрно развитая нижняя челюсть придавали лицу грубо-животное выраженіе. На портретѣ оно смягчалось молодостью, свѣжестью, какою-то задорной отвагой, а здѣсь, на этомъ откормленномъ, обрюзгшемъ лицѣ, выступало во всей низменности...

Управляющій ушелъ, самоваръ убрали, и передъ Кайсаровыми разверзлась бездонная пустота праздности, которую нечѣмъ было заполнить. Время проходило въ томъ, что полковникъ придирался то къ женѣ, то къ прислугѣ или разсказывалъ анекдоты, отъ которыхъ мы съ Софьей Ѳедоровной обращались въ бѣгство...

За обѣдомъ принялся дразнить Ивана: увѣрялъ, что горничная Поля, его невѣста, завела романъ съ петербургскимъ лакеемъ и скоро собирается родить; оттого онѣ съ барышней и не ѣдутъ домой... Иванъ блѣднѣлъ, краснѣлъ, но осклаблялся подобострастно; наконецъ, не выдержалъ и сталъ огрызаться. Это развеселило полковника.

— Ха, ха!.. Вотъ хамовье!

Потомъ онъ, безъ всякой причины, накинулся на Матрешу и Пашу, хорошенькаго черноглазаго мальчика, прислуживавшаго за столомъ.

— Видѣть не могу этихъ хамовъ! Прежде не смѣли глазъ на господъ поднять, а теперь стоятъ и глазѣютъ, какъ равные... Мѣста своего не знаютъ, холопы!.. Вѣдь вотъ, посмотришь какъ будто на людей похожи... А душа-то холопская... Нѣтъ, что ни говорите, а изъ хама никогда не выйдетъ пана!

— И слава Богу, что не выйдетъ такихъ пановъ, какъ наши.

— Ого, вонъ вы какъ...

Полковникъ помолчалъ, потомъ хлопнулъ кулакомъ по столу.

— А я вамъ говорю, что не выйдетъ! Не бывать этому!.. Никогда не бывать-съ! Во вѣки вѣковъ!

Послѣ обѣда я вышла въ садъ и, изъ боязни собакъ, прохаживалась вблизи крыльца...

Кто-то ласково взялъ меня подъ руку. Это былъ Кайсаровъ. Лицо маслилось послѣ сытной пищи, спрыснутой виномъ, глаза были благодушно-мечтательны.

.— Вотъ вы жалуетесь, что у насъ много мухъ. А я разскажу вамъ про комаровъ... Курьезная исторія... Гостилъ я, знаете, у своего кума, Жигалова. Завелъ тамъ интрижку съ одной дамочкой... Понимаете: паркъ, соловьи, луна... ну, и все прочее?.. И такъ хорошо мы съ дамочкой настроились: «шепотъ, робкое дыханье, поцѣлуя звукъ»... Поэзія! Вообразите же: все дѣло испортили проклятые комары. Цѣлыя тучи!.. Разнѣжишься, раскроешь объятія,—а тутъ тебя это комарье и въ носъ, и въ щеки, и въ губы... Ха, ха!

Онъ болталъ, какъ ни чемъ не бывало, прижимая по временамъ мою руку къ себѣ. Я старалась отстраниться, но онъ не выпускалъ, твердя на всѣ лады:

— Какъ хорошо сдѣлала Елена, что выписала васъ сюда. Люблю разговоръ съ умной женщиной.

Все больше впадалъ въ лирическое настроеніе:

— Вотъ каждый кустикъ здѣсь напоминаетъ мнѣ о наслажденіи!.. Каждая дорожка тутъ ведетъ въ храмъ любви!.. А ужъ выпито-то было!

Поровнялись съ полуразвалившейся мавританской бесѣдкой.

— Вы еще не были тутъ? Не видали?.. Бесѣдка полна воспоминаній и... мокрицъ. Ха, ха!.. Entrez!

Мы вошли... Я увидала стѣны, покрытыя кругами плѣсени, полъ, проросшій травой, какіе-то грибы по угламъ. Невольной грустью пахнуло въ душу...

Кайсаровъ, кряхтя, опустился на низенькій продавленный диванъ, закурилъ сигару.

— «Вѣкъ юный, прелестный»... Какія тутъ женщины бывали!... Сколько сладкихъ воспоминаній! Да, жилъ, можно сказать, всѣмъ туловищемъ.

Какъ будто забывъ о моемъ присутствіи, Кайсаровъ вспоминалъ вслухъ свои похожденія, одно циничнѣе другого: передо мной прошли обманутыя женщины, опозоренные мужья, насилія, дуэли, скандалы...

Онъ видимо наслаждался, читая въ моемъ лицѣ отвращеніе, и пучилъ на меня глаза съ самымъ беззастѣнчивымъ видомъ: я была для него такая же «хамка», какъ Матреша, и онъ старался по своему подчеркнуть это.

Въ отвѣтъ на мой презрительный взглядъ, вздохнулъ и замѣтилъ элегическимъ тономъ:

— Да, вотъ это была жизнь. А теперь?.. Впрочемъ, что, же я говорю? Передо мной—такая очаровательная женщина...

Я бросилась къ выходу... На дорожкѣ лежала огромная лохматая собака. Кайсаровъ тотчасъ замѣтилъ мое смущеніе, взялъ за руку, потянулъ къ себѣ...

— Вы съ ума сошли, полковникъ!

— Ну, ну, милочка, не упрямьтесь. Вѣдь я—вашъ вѣрный рыцарь...

Выпученные глаза нагло смотрѣли въ упоръ на меня, какъ бы говоря: «Ага, струсила?» Нѣкоторое время мы стояли посматривая съ вызовомъ другъ на друга, и столько ненависти, тупой, непримиримой, было въ его взглядѣ!.. Я поняла, что она относится не столько комнѣ, ничтожной учительницѣ, сколько ко всей интеллигенціи, чужой для него и враждебной...

Потомъ онъ выпустилъ мою руку, сталъ въ дверяхъ, загородивъ выходъ, и, насвистывая, спокойно раскурилъ потухшую сигару.

— Да, вотъ видите, душечка, до чего я дожилъ: приходится вести компанію съ попами, учительницами... Грустно!

Онъ говорилъ объ этомъ мнѣ, учительницѣ, и глядѣлъ такъ, словно передъ нимъ, вмѣсто меня, было пустое мѣсто.

«Ну, хорошо! И я буду разговаривать такимъ же способомъ»...

— То ли дѣло, какъ, бывало, пріѣдетъ сюда кумъ Жигаловъ. Сейчасъ лакея: «Тащи начерно!» Выпьемъ сначала въ кустикахъ, а потомъ здѣсь, въ бесѣдкѣ—столъ, вино, женщины... Эхъ, пожилъ бы я еще такой жизнью!

— Жигаловъ? Знаю: извѣстный мошенникъ, доносчикъ, провокаторъ... Конечно, это—самая подходящая компанія.

Кайсаровъ какъ будто не слышалъ. Смотрѣлъ не на меня, а куда-то черезъ меня, и не спѣша разсказывалъ, что они съ Жигаловымъ продѣлывали въ этомъ саду: какъ ловили «соловьевъ», т. е. дѣвочекъ-подростковъ, разсаженныхъ по кустамъ садовникомъ ради барской потѣхи, какіе грандіозные дебоши устраивали въ городѣ все съ тѣмъ же кумомъ.

— Пожили, шибко пожили! А зло умѣли добромъ покрывать: карбованецъ въ зубы,—и всѣ довольны, всѣ счастливы... Не усмѣхайтесь столь язвительно: вѣдь въ васъ, просто, зависть скребетъ...

— Зависть?!. Къ вамъ?

— Да, да! Потому что мы можемъ и смѣемъ, а у васъ, интеллигентиковъ, еще руки не доросли... да-съ! Вы тамъ

выдумываете себѣ въ утѣшеніе разныхъ сверхчеловѣковъ, а у насъ цѣна этимъ сверхчеловѣкамъ—на пятачокъ пучокъ. У насъ въ каждомъ пальцѣ сидитъ сверхчеловѣкъ, потому что кровь не та... да-съ! Мы, дворяне — господа жизни, были и будемъ; а вы вотъ подите-ка, попоститесь, попитайтесь натощакъ добродѣтелью! Я знаю: вамъ, всѣмъ этимъ разночинцамъ, смерть хочется стать господами,—да нѣтъ, аттанде-съ! Подальше руки!

Съ явнымъ намѣреніемъ уязвить меня, онъ завелъ рѣчь о революціи, окарикатурилъ освободительное движеніе, радовался, что «много всякой дряни перевѣшено: полегче дышать стало!»...

— Я бы этихъ господчиковъ на части рвалъ. Они бы у меня, канальи, на пыткѣ издохли!.. Власти захотѣли? Нѣтъ-съ, жирно будетъ! Знатно мы ихъ высѣкли... Куда лѣзутъ съ суконнымъ рыломъ? Вѣдь все такая бездарность, худосочіе!.. Посмотрите на Жигалова: не чета вашимъ профессорамъ, адвокатамъ и разнымъ Шмулямъ. Остроуменъ, воспитанъ, уменъ... Съ нимъ всю ночь напролетъ не устанешь разговаривать. Все такъ пикантно, интересно... И выпить не дуракъ. Да не по-хамски какъ-нибудь, а съ полетомъ, съ искрой... Жизнь-то пѣнилась, какъ шампанское; а теперь вотъ извольте съ разной шантрапой!..

Я, съ своей стороны, разсказала, какъ наши паны продавали честь, совѣсть, родину, какъ проворовались на войнѣ, какъ грабятъ въ мирное время... Кайсаровъ зловѣще сопѣлъ; короткая шея стала совсѣмъ багровой. Потомъ сдѣлалъ видъ, будто я и не прерывала его, и задумчиво промолвилъ:

— А все потому, что мы черезчуръ великодушны: этихъ «товарищей» и тому подобную шушеру давно бы надо колѣнкой... вотъ такъ!.. чтобы свое мѣсто знали; а мы вотъ терпимъ ихъ, снисходимъ...

Долго мы разговаривали въ такомъ духѣ: каждый самъ съ собой. Кайсаровъ признавался, что его тошнитъ отъ одного слова: «интеллигенція»; я доказывала, что имъ съ Жигаловымъ за всѣ ихъ преступленія давно бы слѣдовало быть на каторгѣ. Онъ увѣрялъ себя, что «для хама нѣтъ ничего святого, завѣтнаго», а я размышляла вслухъ сама съ собой на тему о безпринципности нашихъ «пановъ». Сцену эту, дикость которой я не переставала сознавать, прервала, наконецъ, Софья Ѳедоровна, явившаяся съ извѣстіемъ, что пріѣхали гости.

IX.

Сижу вечеромъ у открытаго окна, любуюсь отблескомъ заката.

Слышу перешептыванье подъ окномъ, осторожное фырканье. Высовываюсь и вижу кучку дворовыхъ на углу дома. Указываютъ пальцами на крыльцо, подталкиваютъ другъ друга, смѣются, зажимая рты...

На крыльцѣ стоитъ Кайсаровъ, осматривается кругомъ изъподъ ладони, потомъ кричитъ:

— Гдѣ же эта дьяволица, Машка? Куда она спряталась?

Отъ кучки дворовыхъ отдѣляется «Антошка», бывшій форейторъ, пожилой, краснопосый, въ длинномъ четырехполомъ сюртукѣ, вываляномъ въ пуху...

— Она, ваше превосходительство, за угломъ ждетъ: стиснется...

— Вотъ дурища!

Полковникъ идетъ на розыски... Вскорѣ изъ-за угла, гдѣ толпится дворня, выходитъ дебелая женщина въ сопровожденіи Соломятина. Она посмѣивается, прикрывая конфузливо ротъ платочкомъ; Соломятинъ ухмыляется въ бороду и дѣлаетъ дворнѣ какіе-то знаки... Дворовые сочувственно подхихикиваютъ.

Парочка идетъ къ крыльцу, затѣмъ скрывается за угломъ. Въ эту минуту полковникъ, успѣвъ обойти домъ, появляется изъ-за угла...

— Да гдѣ жъ она, потаскуха? Машка!.. Корова!..

Дворня таинственно указываетъ ему на уголъ. Кайсаровъ, разразившись бранью, спѣшитъ въ погоню...

Повторяется тотъ же маневръ. Полковникъ ковыляетъ вокругъ дома, выходитъ изъ себя, сыплетъ проклятіями... Дворня чуть не валится со смѣху и продолжаетъ водить барина за носъ.

Наконецъ, Кайсаровъ замѣчаетъ Соломятина, догадывается, въ чемъ дѣло, устремляется въ комнаты, выноситъ ружье.

Управляющій съ Марьей—уже около флигеля. Полковникъ, стоя на крыльцѣ, прицѣливается... Соломятинъ бѣжитъ къ себѣ, тоже выноситъ ружье, тоже прицѣливается.

Такъ стоятъ они другъ противъ друга на приличномъ разстояніи, готовые выстрѣлить. Проходитъ минута, двѣ... У меня замираетъ сердце. Я хочу крикнуть, позвать Софью Ѳедоровну... Но вотъ полковникъ опустилъ ружье... Градъ непристойныхъ ругательствъ летитъ въ управляющаго и въ Марью, спрятавшуюся за дерево... Языкъ у него спотыкается на особенно выразительныхъ словахъ, и это еще больше его бѣситъ. Изъ комнатъ выбѣгаетъ перепуганная Софья Ѳедоровна, беретъ мужа подъ руку, уводитъ...

Кайсаровъ замѣчаетъ меня въ окнѣ, сердито плюетъ.

Въ комнатахъ гремитъ его рыкающій голосъ. Слышны однѣ грозныя гласныя:

— Мерза-а-а... Мо-о-о-рду. Наха-а-а-лъ...

X.

Послѣ разговора въ бесѣдкѣ, Кайсаровъ уже не скрывалъ своей вражды ко мнѣ: при встрѣчахъ не здоровался, смотрѣлъ звѣремъ, поворачивался ко мнѣ спиной.

Чтобы досадить мнѣ, изводилъ Ивана циничными шутками, преслѣдовалъ Матрешу, награждалъ то и дѣло Пашу подзатыльниками, щипками. Только и слышишь, что «пащенокъ» да «паршивецъ»...

За ужиномъ нарочно разыгралъ дикую сцену. Отвѣдавъ отбивную котлету, бросилъ ее на столъ и рявкнулъ:

— Иванъ. Рыжій дьяволъ.

— Что прикажете, ваше превосходительство.

— Приведи сюда подлеца-повара. Тащи его за волосы, негодяя. Жива-а.

Явился поваръ, бритый, облѣзлый, страшно дряхлый, выписанный, по увѣренію Софьи Ѳедоровны, спеціально ради меня.

— Это что, старый песъ?

— Отбивныя, ваше превосходительство...

— Отбивныя?.. Иванъ, приведи собакъ!

Иванъ привелъ. Кайсаровъ началъ накладывать на тарелку одну котлету за другой, все время косясь на меня.

— Отдай собакамъ. Пусть жрутъ.

Собаки, всегда голодныя здѣсь, наваливаются съ жаднымъ ворчаньемъ на лакомое блюдо, а полковникъ злорадно внушаетъ повару:

— Смотри, болванъ! Смотри, старый пьяница!

Поваръ недоумѣло хлопаетъ глазами, потомъ догадывается:

— Ваше превосходительство приказали въ рубленныя класть поболѣ луку и перцу, а что касаемое телячьихъ...

— Вонъ, негодяй!!.

Я рѣшила спускаться внизъ только по утрамъ, когда полковникъ еще почиваетъ. Матреша принесла мнѣ ужинъ въ мою комнату. Послѣ ужина ко мнѣ постучалась Софья Ѳедоровна.

— Скажите, пожалуйста: что такое у васъ со Львомъ Борисовичемъ? Вы такъ нравились ему, а теперь онъ называетъ васъ безбожницей, соціалисткой...

Я сообщила ей про сцену въ бесѣдкѣ.

— А!.. То-то онъ все твердитъ: «Но какъ она смѣетъ? какъ она смѣетъ?». Онъ убѣжденъ, что въ васъ говоритъ, просто-напросто, зависть.

Я невольно расхохоталась! Онъ, и вправду, не допускаетъ мысли о возможности болѣе завиднаго существованія, чѣмъ его грязная, распущенная жизнь!

— Значитъ, въ его мозгу никогда не зарождалось даже смутнаго представленія о чемъ-нибудь болѣе порядочномъ?.

— Не презирайте его: онъ по натурѣ гораздо лучше, чѣмъ кажется... Вы, можетъ быть, не повѣрите, а и у него бывали угрызенія... Онъ самъ иногда чувствуетъ, что не такъ прожилъ жизнь, только ни за что не признается въ этомъ. Ахъ, вы не можете вообразить, что это за дикій человѣкъ!.. Здѣсь, въ деревнѣ, онъ особенно распускается. И, знаете, почему? Въ столицѣ у него—готовыя развлеченія: гулянья, театры, рестораны... Посадятъ его въ коляску и везутъ, развлекаютъ... А тутъ онъ—какъ рыба, выброшенная изъ воды, потому что предоставленъ себѣ. Не знаетъ, что дѣлать съ собой—и бѣснуется... Читать не привыкъ, природы не понимаетъ, думать ему противно... Да и о чемъ думать? Вотъ онъ и придирается. . Да кого ни возьмите изъ здѣшнихъ господъ: посмотрите, какъ они въ столицѣ подбираются! Надѣнетъ мундиръ или фракъ,—и сейчасъ же у него является культурность: и разговоръ приличный, и понятія какъ будто другія... А здѣсь они—на распашку... Ну, да вы сами увидите, что это за азіаты... Увѣряю васъ: Левъ Борисовичъ вовсе не злой. Теперь онъ, конечно, опустился, а прежде... Вѣдь я его съ молодости знаю...

И, слово за слово, она разсказала мнѣ незамѣтно всю свою долголѣтнюю жизнь въ этомъ домѣ, полную неслыханныхъ униженій. Я поняла причину ея откровенности: здѣсь, въ гнѣздѣ Кайсаровыхъ, некому было довѣриться, не съ кѣмъ сказать искренняго слова. Передо мной сидѣлъ намолчавшійся до муки человѣкъ...

Говорила она чуть не шепотомъ, озираясь все время на дверь.—Здѣсь, знаете, привыкли подслушивать подсматривать...

Съ того вечера мы сразу сблизились. Чѣмъ грубѣе нападалъ за это полковникъ на Софью Ѳедоровну, тѣмъ больше она тянулась ко мнѣ: мы обѣ чувствовали себя какими-то заговорщиками. Полковница назначала мнѣ свиданія въ саду, ловила на лѣстницѣ, шмыгала потихоньку въ мою комнату... Ея чувство ко мнѣ походило на обожаніе.

— Знаете: Левъ Борисовичъ терпѣть не можетъ, если женщина говоритъ о чемъ-нибудь серьезномъ. Чуть запнешься — сейчасъ такъ обрѣжетъ... Для него женщина существуетъ только pour plaisir. Отъ нея онъ требуетъ одного темперамента. Чтобы удержать его при себѣ, надо безпрестанно дразнить его чувственность... Что дѣлать? Онъ ужъ такъ воспитанъ, такая среда... Вы — первый и единственный человѣкъ, съ которымъ я такъ говорю.

Наединѣ со мной Софья Ѳедоровна дѣлалась простодушной и мягкой, но при людяхъ по прежнему выступала поступью оперной королевы. Бѣдная полковница, вѣдь она была столько лѣтъ паріей! Къ ней даже прислуга привыкла относиться съ кондачка: надо же какъ-нибудь заставить уважать себя!..

Однажды вечеромъ она сидѣла у меня, разсказывая съ нѣжностью влюбленной о Кайсаровѣ:

— Клянусь вамъ: онъ еще лучшій изъ здѣшнихъ господъ. Въ немъ, по крайней мѣрѣ, душа есть... дикая, мутная, а все-таки душа...

Влетѣла бомбой Матреша.

— Софья Ѳедоровна, баринъ прислалъ за вами. Приказалъ сыскать васъ...

— Скажи, что у меня зубы болятъ. Марья Павловна мнѣ іодомъ мажетъ. Понимаешь?

Матреша помчалась. Скоро мы услыхали внизу звѣриный голосъ полковника:

— Какая Марья Павловна?... Что за птица Марья Павловна?.. Не смѣть служить ей, ходить къ ней! Въ барыни лѣзетъ, а у себя дома, чай, полы мыла?.. Не смѣть звать ее барышней, а то шкуру сдеру!.. А Софьѣ Ѳедоровнѣ скажи: пусть остается тамъ наверху. Можетъ и совсѣмъ ко мнѣ не приходить... Не нуждаюсь!.. Ко всѣмъ чертямъ!

Положеніе мое становилось глупымъ. Елена Львовна не ѣхала и не давала знать о себѣ.

Промучавшись еще нѣсколько дней, я рѣшилась уѣхать съ тѣмъ, чтобы зимой выплатить по частямъ свой авансъ.

По моей просьбѣ, Софья Ѳедоровна написала Соломятину записку, требуя для меня лошадей на станцію. Въ отвѣтъ мы получили безграмотную цидулу: всѣ лошади заняты на полевыхъ работахъ.

Софья Ѳедоровна возмутилась:

— Это—наглая ложь! Упряжныхъ лошадей не пускаютъ подъ работы. Вѣдь мы же ѣздимъ съ Львомъ Борисовичемъ каждый день кататься... Нѣтъ, это все штучки!.. Навѣрно, Эленъ распорядились, чтобы Соломятинъ задержалъ васъ до ея пріѣзда. Ужъ одинъ разъ было такъ: тоже съ учительницей... О, вы не знаете Елены Львовны!

XI.

Я сама отправилась, въ сопровожденіи Матреши, къ Соломятину.

Онъ занималъ во флигелѣ почти роскошную квартиру. Множество мебели всѣхъ эпохъ и стилей загромождало въ безпорядкѣ комнаты, дѣлая квартиру похожей на мебельный магазинъ: очевидно, все это перешло сюда изъ господскаго дома, вмѣстѣ съ пылью и грязью.

Я застала Соломятина въ столовой за гигантскимъ самоваромъ, окруженнымъ горами сластей, печеній, закусокъ и заѣдокъ. Все покрыто, конечно, неизбѣжной тучей мухъ.

Сухарница ажурной работы, подстаканникъ художественной чеканки и рядомъ—уродливая лампа съ пыльнымъ стекляннымъ абажуромъ, трещины котораго замазаны сургучемъ. Чудесный коверъ изъ медвѣжьихъ шкуръ, совершенно не нужный здѣсь,— и остатки сора въ углахъ вмѣстѣ съ забытымъ вѣникомъ. На стѣнѣ — большой образъ какого-то святого съ злымъ, отталкивающимъ лицомъ, окаймленнымъ вѣнчикомъ изъ драгоцѣнныхъ камней; подъ иконой—увѣсистая лампада.

За самоваромъ сидѣла, баюкая ребенка, жена Соломятина, юная, совершенно истощенная блондиночка. Непомѣрно большой животъ, рѣзко выступая подъ голубымъ шелковымъ капотомъ, до крайности безобразилъ молодую женщину. Она застыдилась своего положенія и хотѣла было скрыться, но раздумала и осталась сидѣть, не сводя съ меня напряженнаго, ревниваго, какъ мнѣ казалось, взгляда.

Соломятинъ проявилъ необыкновенную галантность, которая менѣе всего шла къ нему: расшаркивался, благодарилъ за честь, придвинулъ стулъ, потомъ—кресло, самъ смахнулъ съ него пыль.

— Чайку?.. Наливочки?.. Печенья?.. Саша, налей поживѣе... Вареньица?

Мнѣ не давалъ покою тошнотворный запахъ, исходившій

оттуда-то. Окна почему-то не были выставлены, форточки отсутствовали; вентиляторовъ и въ поминѣ не было.

Отказавшись отъ угощенья, я приступила прямо къ дѣлу:

— Отчего вы не хотите дать мнѣ лошадей?

— Выкушали бы чашечку...

— Нѣтъ, merci. Софья Ѳедоровна сказала мнѣ, что лошади здѣсь всегда есть.

— Я съ моимъ превеликимъ удовольствіемъ. Денька два обождите. Сейчасъ свободныхъ лошадей нѣтъ. Безусловно-съ!.. Малинки не прикажете ли? Со сливочками?

Онъ глядѣлъ на меня нагло и весело, жена его тоже какъ будто усмѣхалась исподтишка...

— Словомъ, вы не хотите дать лошадей? Въ такомъ случаѣ я найму въ селѣ телѣгу.

— Наврядъ теперь найдете. Никто не поѣдетъ.

— Почему же однако? Это странно.

— Не поѣдутъ. Могу васъ завѣрить...

И Соломятинъ, какъ бы нарочно, положилъ на столъ свой узловатый кулакъ. Я поняла.

— Ну, видно, придется идти пѣшкомъ на станцію, а потомъ я напишу Еленѣ Львовнѣ...

Соломятинъ засуетился.

— Какъ можно-съ!.. Что вы!! Пѣшкомъ? Природа ваша къ этому не привыкши... Да вы погостили бы: скоро, чай, и Елена Львовна припожалуютъ.

— Она вамъ писала?

— Никакъ нѣтъ-съ... А только что полковникъ долженъ уѣхать въ скорости. Стало быть...

— Значитъ, она ждетъ, чтобы онъ уѣхалъ отсюда?

— Что вы-съ! Зачѣмъ же-съ?.. Конечно, хозяйскій глазъ вездѣ нуженъ: коль скоро родитель уѣдетъ, Елена Львовна волей-неволей...

Ребенокъ захныкалъ: казалось, онъ задыхается подъ толстымъ атласнымъ одѣяломъ.

— Зачѣмъ вы его такъ кутаете?

Соломятина раскрыла одѣяльце, и на меня пахнуло такимъ смрадомъ, что я отступила. Ребенокъ лежалъ, обернутый съ головой въ сальныя, вонючія тряпки...

— Убери!—буркнулъ Соломятинъ.

Команда была такъ выразительна, что мать съ ребенкомъ въ одинъ моментъ исчезли. Хозяинъ проводилъ меня до крыльца, уговаривая слащаво:

— Погостили бы... Право, погостили бы... У насъ—красивое мѣстоположеніе... Такіе есть ландшафты...

Софья Ѳедоровна встрѣтила меня съ письмомъ въ рукѣ.

— Ну, вамъ теперь незачѣмъ уѣзжать отсюда: мы съ мужемъ покидаемъ этотъ домъ... Получили отъ Элень письмо. Вотъ, не угодно ли?

Она подала мнѣ съ злораднымъ видомъ письмо. Елена Львовна писала, какъ она рада, что папа и Софья Ѳедоровна не разсердились за ея невольное отсутствіе, не уѣхали. Такъ отрадно сознавать, что два самыя близкія для нея существа гостятъ подъ кровлей ея родного дома. Въ самыхъ искреннихъ, горячихъ выраженіяхъ она просила ихъ не покидать Старожилова, «отдохнуть хорошенько душой и тѣломъ среди родныхъ полей»... и т. д.

— Ясно, какъ Божій день, что она требуетъ нашего отъѣзда. Ну, что жъ? Съ чужого коня среди грязи долой... Мы завтра же уѣдемъ.

Но проходилъ день за днемъ, а они не уѣзжали. Каждый вечеръ Кайсаровы возвращались откуда-то, недовольные, разстроенные.

Взбѣшенный полковникъ кричалъ на весь домъ, проклиная покойную жену, не обезпечившую его, понося громогласно Елену Львовну, называя Сбитнева, мужа старшей дочери, «хамомъ» и «Искаріотикомъ». Я поняла, что онъ тщетно разыскиваетъ денегъ, безъ которыхъ не можетъ уѣхать...

XII.

Сойдя утромъ въ столовую, я увидѣла тамъ сразу два самовара: одинъ стоялъ на столѣ и нетерпѣливо пыхтѣлъ, другой, пузатый, красный, расхаживалъ по комнатѣ. Повернулся ко мнѣ, шаркнулъ коротенькой ножкой:

— Ежовъ, здѣшній прасолъ и сватъ... Хе, хе! Прошу любить и жаловать.

— Кого же вы тутъ сосватали?

— Кого-съ?.. Да почти всѣхъ здѣшнихъ жительницъ перемарьяжилъ. Куда ни оберись, всѣ женихи моего... какъ сказать?—заводу... Дозвольте стаканчикъ. Дѣло — лѣтнее: сопрѣлъ весь на дрожкахъ-то...

Онъ шумно отдувался, обмахивая платкомъ мѣднокрасное лицо. Низенькая, точно приплюснутая сверху фигура, крохотный, какъ пупырышекъ, носъ, затерявшійся среди пухлыхъ щекъ, маленькіе прелукавые глазки. Я съ трудомъ удерживалась отъ смѣха.

— Говорятъ, вы Марью Львовну просватали?

— А какъ же-съ?.. Было дѣльце. И какъ прелюбопытно вышло-то... Да вотъ я вамъ разскажу...

Прежде, чѣмъ приступить къ разсказу, стряхнулъ со скатерти крошки, накрылъ крышкой растумѣвшійся самоваръ, провелъ потной рукой по волосамъ, выстриженнымъ подъ гребенку... Словомъ, все привелъ въ порядокъ и только тогда началъ степенно, неторопливо, какъ старинный сказочникъ:

— Елена-то Юрьевна, покойная барыня, ухъ, дѣлецъ была! Прямо сказать: неусыпная. А ужъ властвовала какъ... и-и! Что твой губернаторъ... Вотъ и призываетъ меня: «Подавай жениха для Марьи!» Ну, я ужъ знаю: Марья Львовна—барышня полнокровная. Тутъ время терять нельзя... Окромя того, до меня дошелъ слушокъ, что у нея промашка вышла... Ну, а мнѣ что? Благо, приданое даютъ... Съ господиномъ Сбитневымъ я живехонько оборудовалъ... Голодный онъ тогда былъ... Привезъ я жениха,— ну, только не очень-то насъ хорошо приняли: то есть, барыня-то... Презрительная дама была, любила человѣка обидѣть. Мы съ утра до вечера не емши, не ѣмши, просидѣли, хозяйство осматривали, по дому ходили—да съ тѣмъ и отъѣхали. По дорогѣ я ужъ бабочку одну уговорилъ: четыре вареныхъ яйца намъ продать... Мужу она ихъ на ужинъ несла... Да у мужика хлѣбца ломтикъ выпросилъ... Тѣмъ и сыты были съ господиномъ Сбитневымъ... Въ другой разъ какъ пріѣхалъ, Елена-то Юрьевна и смѣется: «Что, говоритъ, Ежовъ, яйца-то нынче дороги стали? Слышала: вы съ мусье Сбитневымъ за четыре яйца 20 копеекъ отвалили»... И все-то она, голубушка, знала: до послѣдней порошинки! А сама смѣется таково ехидно... «Привози, говоритъ, опять: накормлю голоднаго»... Ну, въ другой-то разъ все вышло честь-честью: тутъ и дѣло покончили, и Богу помолились... Елена Юрьевна скоро дѣло вершила, уважали ее за это... Стрѣла-барыня—одно слово! Не давала роздыху ни себѣ, ни другимъ. Гдѣ бы намъ такъ себя укоротить, такъ ожесточить, какъ она? Да нипочемъ!

Онъ уже забылъ о Сбитневыхъ и съ увлеченіемъ вспоминалъ покойную барыню, которая «умѣла каждаго просверлить и вынуть изъ него, что нужно»; восхищался ея дѣловитостью,

властностью. «Всѣ у нея были рабы безотвѣтные, за великую милость считали—ручку поцѣловать... При ней, бывало, не напьешься вотъ такъ чайку съ булочкой, какъ сейчасъ»...

Изъ спальной послышалось оглушительное харканье полковника.

— Никакъ проснулись? Благодарствуйте за чай, за сахаръ.

Онъ опрокинулъ чашку, перекрестился на образъ и пошелъ въ спальную.

— Послушайте!.. Тамъ, можетъ быть, еще не одѣты?

— Ничего, сударыня. Мы здѣсь попросту живемъ...

Передъ обѣдомъ ко мнѣ въ комнату вошелъ Кайсаровъ, веселый, привѣтливый.

— Пойдемте, душечка, обѣдать. Кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ...

Видя мое недовѣрчивое лицо, поспѣшилъ прибавить:

— Я завтра уѣзжаю... Богъ знаетъ, увидимся ли?.. Милости прошу откушать вмѣстѣ съ нами.

Я отправилась внизъ. Софья Ѳедоровна, оживленная, счастливая, тотчасъ же шепнула мнѣ:

— Деньги есть. Завтра ѣдемъ къ себѣ.

За обѣдомъ полковникъ все похлопывалъ Ежова по плечу:

— Спрыски съ тебя, Кузьмичъ.

— Съ васъ могарычъ слѣдуетъ, ваше превосходительство... хе, хе!

XIII.

Утромъ пріѣхалъ батюшка служить напутственный молебенъ.

Мнѣ понравилось его простое, безхитростное лицо, честный, открытый взглядъ мягкихъ сѣрыхъ глазъ, и обидно было смотрѣть, съ какой утонченной брезгливостью относился къ нему Кайсаровъ: говорилъ какимъ-то особеннымъ тономъ глумливаго почтенія, называлъ не иначе, какъ «отецъ іерей» и «преподобный отче».

Подошелъ подъ благословенье, а когда батюшка, благословивъ, отдернулъ руку, онъ замѣтилъ, наслаждаясь его смущеніемъ:

— Не бойтесь, отецъ іерей: я вѣдь только у дамъ цѣлую руки, да и то—у хорошенькихъ.

Послѣ молебна, на который собралась вся дворня, былъ ранній обѣдъ. Къ обѣду подъѣхали Сбитневы, пришелъ Соломятинъ.

Рѣдко случалось мнѣ встрѣчать людей антипатичнѣе Сбитнева: какой-то жадный, плоскій, неистребимо-живучій клопъ, что вопьется въ васъ и не отстанетъ, пока не раздуется! Жена его Марья Львовна, дородная, мясистая блондинка, вылитый отецъ: тѣ же чувственныя губы, толстый подбородокъ, выдавшаяся нижняя челюсть, низкій бѣлый лобъ, широкія плечи... Красивые масляписто-каріе глаза переливались страннымъ, шальнымъ блескомъ. Она не сводила ихъ съ мужа, но трудно было понять: обожаетъ ли она его, или боится, какъ привидѣнія, или остро ненавидитъ? Можетъ быть, и то, и другое, и третье вмѣстѣ.

Минутами я ощущала къ ней неопредѣленную жалость, но стоило ей усмѣхнуться пухлыми красными губами, и во мнѣ уже шевелилось что-то гадливое...

Отъ частыхъ возліяній Кайсаровъ размякъ, даже мнѣ сказалъ нѣсколько грубоватыхъ комплиментовъ. Батюшка, котораго онъ усердно угощалъ виномъ, набрался наконецъ духу:

— А какъ же, ваше превосходительство, съ храмомъ-то намъ быть?

— Что такое, отче?

— Вы знаете: начали строить церковь надъ тѣломъ усопшей Елены Юрьевны, да такъ и не достроили...

— Неужели?!

Полковникъ сдѣлалъ комически-изумленное лицо, какъ будто услышалъ невѣроятную новость...

— Этотъ грѣхъ, отецъ іерей, не простится ни въ семъ вѣкѣ, ни въ будущемъ.

— Вашему превосходительству извѣстно...

— Молитесь хорошенько Богу, преподобный отче Игнатіе, дабы послалъ мнѣ побольше денегъ: тогда въ три дня созижду...

— Хотя бы крестъ утвердили на храмѣ...

— Крестъ, ваше преподобіе, былъ утвержденъ.

— Но онъ упалъ... вотъ уже два года. Такъ и виситъ на боку... Глядѣть жалостно.

— На то, значитъ, Божіе попущеніе.

— Крестьяне, ваше превосходительство, обижаются.

— Крестьяне? Мало, слѣдовательно, драла съ нихъ покойница шкуру. Да вотъ на что лучше: обратитесь къ Онуфрію Ивановичу. Ужъ такое доброе сердце!.. Да и за женой кушъ взялъ. Ха, ха!

Сбитневъ завертѣлся на стулѣ и жидкимъ отъ раздраженія голосомъ заговорилъ о томъ, какъ жестоко онъ былъ обманутъ:

*

покойница дала клятву, что не забудетъ Марью Львовну въ завѣщаніи, и обманула. Сверхъ того, въ духовной ничего не оставлено «на предметъ построенія храма»...

Жена стремительно подхватила:

— Еленѣ все отказано... Она же и церковь вздумала строить... Ну, и пусть позаботится...

Въ обоихъ Сбитневыхъ клокотала злость. Кайсаровы съ удовольствіемъ подливали масла въ огонь. Соломятинъ усмѣхался довольный.

Батюшка сидѣлъ, какъ на иголкахъ. Полковникъ, совсѣмъ развеселясь, одобрительно похлопалъ его по сутулой спинѣ.

— Ну, ну, отче... Я научу васъ, какъ дѣло сдѣлать. Поклонитесь пониже Семену Даниловичу: живо оборудуетъ. Онъ самъ—съ добрую колокольню: и лѣстницы подставлять не нужно.

Проводы были торжественны. Сбѣжалась цѣлая толпа: тутъ и садовникъ съ женой и племянницей, жена Соломятина, прислуга съ Липатовной во главѣ, мужики, бабы, дѣвушки, ребятишки...

На козлахъ сидѣлъ тотъ же кучеръ, что привезъ меня; только теперь онъ былъ трезвъ, осанистъ и украшенъ павлиньимъ перомъ. Тройку подобрали на славу; гривы пестрѣли цвѣтами...

Садовничиха, смазливая баба въ веснушкахъ, поднесла Софьѣ Оедоровнѣ букетъ. Полковникъ, расшалившись, сдернулъ у нея съ головы платокъ. Это было встрѣчено сочувственнымъ хохотомъ толпы. Затѣмъ Кайсаровъ поманилъ племянницу садовника, молодую смуглянку, потрепалъ по щекѣ, далъ какую-то монету. Садовничиха фыркнула на нее, словно окрысившаяся кошка. Въ толпѣ снова заржали.

Иванъ выносилъ вещи въ коляску, а полковникъ, стоя на крыльцѣ, милостиво шутилъ:

— Теперь скоро твоя Пелагея пожалуетъ. Готовь свивальники. А кумой будетъ Марья Павловна.

Софья Оедоровна, разодѣтая, усиленно величавая, дожидалась съ видомъ путешествующей принцессы. Лошади нетерпѣливо позвякивали бубенцами. Садовникъ юлилъ возлѣ коляски, отряхивая пыль, передвигая безъ надобности вещи; даже осмотрѣлъ у лошадей подковы. Наконецъ, Иванъ доложилъ, что все готово, и началось прощанье...

Софья Оедоровна, обнимая меня, прослезилась.

— Ахъ, какъ-то вы будете тутъ съ Эленъ? Вѣдь она—такая странная...

— Не знаю, дождусь ли я ее.

— Будьте покойны: Соломятинъ сегодня же извѣститъ ее депешей, и она прикатитъ.

— Да гдѣ она, наконецъ? Я хоть бы написала ей.

— Ну, ужъ это никому не извѣстно. Адреса въ письмѣ она не дала.

— Нельзя ли по штемпелю опредѣлить?

— Ничего не опредѣлите. Навѣрно послала черезъ третьи руки, чтобы замести слѣды! О, вы еще не знаете ея!

Полковникъ распрощался со всѣми ласково, почти трогательно. Пашу погладилъ по головѣ, Матрешѣ далъ нѣжный подзатыльникъ, Липатовну потрепалъ по плечу и шутливо назвалъ «старой грымзой».

Потомъ протянулъ мнѣ съ радушнымъ видомъ руку.

— Очень сожалѣю, что все такъ случилось. Не поминайте, дружочекъ мой, лихомъ. Разстанемся друзьями!

Вдругъ схватилъ меня въ охапку, обдавая запахомъ вина.

— Ну, скажите: что, что мѣшаетъ намъ любить другъ друга?

Я слышала взрывы хохота, рвалась, бранилась...

Кайсаровъ выпустилъ меня и, очень довольный своимъ фарсомъ, колыхался отъ смѣху: онъ отомстилъ...

Что за гадкое животное!

XIV.

И вотъ я одна въ опустѣломъ домѣ.

Иной разъ по цѣлымъ часамъ—ни звука, точно все кругомъ вымерло... Въ сумеркахъ бываетъ даже жутко: все чудится, будто какія-то тѣни скользятъ вдоль стѣнъ.

Рѣшительно, я становлюсь здѣсь суевѣрной. Временами почти физически ощущаю, какъ «они» кишатъ по темнымъ угламъ, носятся въ воздухѣ незримымъ роемъ.

Начинаю вѣрить въ существованіе психическихъ микробовъ. Отъ духовнаго организма людей отдѣляется эманація, подобно волнамъ эоира, и насыщаетъ собой атмосферу дома. Каждая мѣстность, квартира, семья имѣетъ свой психическій колоритъ, создаваемый таинственными микробами.

Здѣсь, въ этой древней усадьбѣ, эманація скоплялась

много, много лѣтъ. Я вдыхаю ее въ себя, и душу мутитъ то непонятная тоска, то глухое ожесточеніе противъ кого-то, чего-то... А подчасъ точно вдавливаетъ въ землю гнетущее чувство безсилія, и тогда кажется, что жизнь, а особенно наша русская жизнь, навсегда обречена быть такой грубой, бездушной, безобразной. Не могу отвязаться отъ жуткой мысли, что рядомъ съ нами, вкругъ насъ, вверху, внизу—всюду рѣютъ чудовищныя тѣни: онѣ-то и распоряжаются жизнью по своему. Мы рвемся къ свѣту, цѣлые годы, вѣка карабкаемся вершокъ за вершкомъ на кручу, домогаясь воли и простора—а темныя силы незамѣтно, неощутимо плетутъ свою адскую сѣть и въ тотъ мигъ, когда мы видимъ уже первые лучи свѣта, внезапно накрываютъ насъ и тащатъ внизъ, въ темное, тѣсное ущелье.

Чаще всего я испытываю жуткую тревогу въ портретной, гдѣ по вечерамъ стоитъ непрерывный шорохъ отъ таракановъ, проникшихъ сюда изъ людской. Шуршанье и поскребываніе непріятно напрягаютъ нервы. Начинаетъ казаться, что это «они» перешептываются тамъ, на стѣнѣ, шевелясь въ своихъ золоченыхъ рамахъ. Когда какой-нибудь предпріимчивый таракапъ, скользнувъ между стѣной и портретомъ, падаетъ среди тишины съ сухимъ щелканьемъ на полъ, я вздрагиваю всѣмъ тѣломъ и долго еще послѣ этого опасливо озираюсь.

Но эта жуть доставляетъ мнѣ болѣзненное наслажденіе. Часами простаиваю по вечерамъ въ портретной, силясь прочесть въ недвижныхъ лицахъ тайну этого страннаго дома.

Портретъ Елены Юрьевны притягиваетъ къ себѣ сверхъестественной властью. Какъ живые, смотрятъ на меня среди сумерекъ ея глаза, и я, подъ ихъ взглядомъ, вспоминаю проклятія Кайсарова, ненависть Софьи Ѳедоровны, восторженное преклоненіе Ежова.

Все здѣсь еще полно памяти о ней. Имя ея у всѣхъ на устахъ. Я то и дѣло слышу: «Нѣтъ, при покойной барынѣ не такъ водилось»... «Была бы жива барыня, живо скрутила бы»... «Расхорохорился, благо Елены Юрьевны нѣтъ!» Все, даже грызня и лютый лай собакъ, заставляетъ думать о ней.

Однажды я стояла передъ ея портретомъ, силясь уловить въ глазахъ точку, чрезъ которую сквозитъ вся глубина души. Вѣдь у каждаго есть такая точка, этотъ фокусъ индивидуальности, только не легко ухватить его.

— Все нашей матушкой-барыней любуетесь? Красавица была! А ужъ умница-то! Словами не высказать...

Суровыя черты зачерствѣвшаго лица расплывались въ умиле-

нін, въ омертвѣлыхъ глазахъ свѣтился нѣжный огонекъ: такъ иная мрачная, казенно-скучная комната при свѣтѣ лампадки вдругъ покажется уютной. То была Липатовна, но исправленная, смягченная, одухотворенная.

— Вы, кажется, еще у ея матери няней были?

— Какъ же, сударыня, какъ же! Я еще при Людмилѣ Григорьевнѣ состояла. Вотъ ихній портретикъ. Извольте посмотрѣть. Чистый ангелъ была.

Она указала на портретъ молодой женщины. Нѣжное, почти дѣтское лицо, розовыя щеки, невинныя, слегка открытыя губки, кроткіе голубые глаза. Какъ будто чему-то пріятно удивилась, да такъ и осталась на всю жизнь съ полуоткрытымъ ртомъ...

— Десять годковъ мнѣ минуло, какъ меня взяли въ домъ. Приставили ухаживать за барышней. Милочкой ее звали... Бывало, она учится, а я—тутъ же, на скамеечкѣ, у самыхъ ея ногъ. Карандашъ уронитъ,—я должна поднять. Тряпку тоже завсегда имѣла при себѣ: перо почистить, съ доски стереть... Потомъ съ барышней въ пансіонѣ жила. Прежде всякая барышня имѣла свою дѣвушку... Потомъ, когда онѣ домой вернулись, я опять же была при нихъ: и горничной, и вышивальщицей, и портнихой. Выдадутъ съ утра кусокъ матеріи, а къ вечеру чтобы платье было готово... Работали-то не какъ теперь: день-деньской, не пимши, ни ѣмши, шьешь, потомъ барышню одѣваешь. На балъ отправишь да скорѣй сама одѣваешься, потому на балу должна находиться, съ булавками, шпильками разными... Вотъ и стоимъ до свѣту, а на утро надо рано-ранешенько встать да за работу. Такъ и жили... А впослѣдствіи времени, когда Людмилу Григорьевну замужъ выдали, я при нихъ же находилась... Овдовѣла она,—я съ ней горе мыкала... Дочку ея, Елену-то Юрьевну нашу, я чуть что не сама принимала...

Дойдя до Елены Юрьевны, старуха уже не могла остановиться. Эта живая лѣтопись помнила самыя смѣшныя мелочи, самыя ничтожныя детали... Она разсказывала про семейную жизнь Елены Юрьевны, про злыя обиды отъ мужа, и слезы, одна за другой, ползли по старымъ, изрытымъ щекамъ. Передо мной была не «вѣдьма проклятая», какъ называла ее за глаза прислуга, не «песъ сторожевой», а человѣкъ, въ которомъ еще билось сердце, полное чужой горечи, чужихъ обидъ и разочарованій. Видно, и она, какъ Софья Ѳедоровна, намолчалась въ этомъ домѣ, гдѣ, послѣ смерти барыни, жила одинокая, окруженная всеобщей ненавистью...

Съ тѣхъ поръ старуха какъ будто раздвоилась: одна Липа-

товна носится злымъ демономъ по дому, рыча на всѣхъ, стараясь вырвать изо рта прислуги послѣдній кусокъ; другая говорить со мной о покойницѣ барынѣ, и лицо у нея въ эти минуты доброе: грустное и свѣтлое...

XV.

И всѣ въ домѣ, съ отъѣздомъ Кайсаровыхъ, подобрѣли. Странное дѣло: полковникъ ни во что серьезно не вмѣшивался, только ѣлъ, пилъ, спалъ, катался,—но его присутствіе дѣйствовало тлетворно на всѣхъ. Такъ отравлялъ атмосферу разлагающійся трупъ.

Иванъ первый вздохнулъ съ облегченіемъ. Лицо его вдругъ оказалось не глупымъ и совсѣмъ не «хамскимъ». Это—простоватый, но честный и серьезный мужикъ, способный къ глубокой привязанности. Я убѣдилась въ этомъ, когда онъ сталъ разспрашивать меня о своей невѣстѣ. Его безпокоилъ какой-то «капильдимейстеръ», причемъ я такъ и не могла дознаться, кого онъ разумѣетъ»: капельмейстера или капельдинера? Рѣчь шла о лѣтнемъ садѣ губернскаго города...

— Да развѣ Елена Львовна съ Полей не въ Москвѣ?

— Куда тамъ! Давнымъ давно пріѣхали.

— Да вы откуда знаете?

— Я-то ужъ знаю.

— Отчего жъ онѣ не ѣдутъ сюда?

— Съ папенькой не хочутъ...

— Да вѣдь его теперь нѣтъ здѣсь.

— Не вѣрятъ онѣ. Опасаются.

— Чего?

— Прошлымъ лѣтомъ полковникъ вотъ такъ же уѣхалъ, пображничалъ въ городѣ да и опять вернулся... За Полю-то у меня все сердце исполосовалось: ну, какъ она, и взаправду?.. Баринъ-то что про нее разсказывалъ...

Я успокаивала его, какъ могла, и онъ уходилъ отъ меня съ посвѣтлѣвшимъ лицомъ.

Матрешу я застала однажды, къ своему изумленію, за книжкой.

— Да ты, оказывается, грамотная? Я и не подозрѣвала.

— А то какъ же? Знамо, грамотная.

Я заглянула въ книгу: это было старое-престарое «Руководство къ изученію накожныхъ болѣзней».

— Откуда ты откопала?

— А на чердакѣ. Тамъ до пропасти книговъ.

Отобрала у нея «Руководство», отправилась на чердакъ поискать чего-нибудь болѣе подходящаго. Тамъ я наткнулась на цѣлую книжную кашу, состоявшую изъ старинныхъ журналовъ, преимущественно французскихъ, старыхъ приходорасходныхъ книгъ, оракуловъ, лечебниковъ и скотолечебниковъ. А въ углу, подъ грудой негодныхъ лопатъ и хомутовъ, нашла коробъ съ книгами, гдѣ оказалось кое-что интересное и для Матреши, и для меня самой. Теперь днемъ я читаю съ Матрешей (Липатовна великодушно разрѣшила), а по вечерамъ разсматриваю кипу старинныхъ альбомовъ, извлеченныхъ изъ короба.

XVI.

Нѣсколько вечеровъ я прожила былой жизнью, слышала давно умолкшіе голоса, волновалась чужими, забытыми чувствами. Ничто, кажется, не переноситъ до такой степени въ прошлое, какъ разсматриваніе старинныхъ альбомовъ.

Найденные альбомы предназначались, очевидно, не для гостиныхъ, а лежали гдѣ-нибудь въ потайномъ мѣстѣ, пока не были выброшены на чердакъ. Всѣ испещрены рисунками, стихотвореніями, выписанными изъ книгъ, и собственными афоризмами; изрѣдка попадаются коротенькіе дневники.

Одни альбомы, начинавшіе желтѣть, насквозь пропахшіе плѣсенью, принадлежали Людмилѣ Григорьевнѣ. Тамъ все—чувствительные куплеты, сердца, пронзенныя стрѣлами, а позже,—тексты изъ св. Писанія и собственныя мысли Людмилы Григорьевны, гдѣ много наивнаго мистицизма и мало грамотности.

Затѣмъ идутъ альбомы Елены Юрьевны. Дѣвическіе пишатъ автографами ученыхъ и писателей, больше всего—французскихъ, и философскими сентенціями самой Елены Юрьевны, съ налетомъ скептицизма и какого-то шаловливаго пессимизма. Дальше попадаются стихи и выдержки изъ романовъ, а также—собственныя лирическія изліянія...

Позднѣйшіе альбомы, какъ видно изъ надписи, принадлежали уже госпожѣ Кайсаровой. Здѣсь нѣтъ ни стиховъ, ни изліяній, а встрѣчаются чаще всего слѣдующія записи: «Вчера дала Л. Б. 500 рублей. Клянусь, что это—въ послѣдній разъ». «Онъ опять выманивалъ у меня деньги. Что за противная слабость»!. «Хорошо—любить, но еще лучше—ненавидѣть. А быть можетъ,—и любить, и ненавидѣть?». «Какая злая шутка природы:

я, развитая, тонко чувствующая, увлеклась этимъ неучемъ, дикаремъ... Что за пошлая грубость!» Тутъ же мѣстами вкраплены игривыя, а порой и прямо непристойныя импровизаціи Льва Борисовича—все на тему о женщинѣ и мужчинѣ...

Чѣмъ дальше, тѣмъ суше, мрачнѣе, безнадежнѣе становятся настроенія Елены Юрьевны. Подъ конецъ—сплошная ненависть ко всѣмъ и ко всему, отвращеніе къ людямъ, къ жизни, къ себѣ самой... И тутъ же—отчаянная тирада, кончающаяся фразой: «Какъ я завидую матери: она вѣрила слѣпо... въ пустое мѣсто!»

«Пора наконецъ бросить всѣ эти пошлости!» Такъ заканчивается послѣдній альбомъ.

Что она разумѣла подъ этимъ: чувства, которыми когда-то жила, мечты, съ которыми до послѣдняго времени не хотѣла разстаться, или вотъ эти альбомы, куда выливались остатки ея духовной жизни?

Быть можетъ, написавъ послѣднюю фразу, она тутъ же отвернулась съ презрѣніемъ отъ прошлаго и приказала вынести на чердакъ свои альбомы, вмѣстѣ съ любимыми книгами, что такъ жестоко обманули ее?..

Грустно смотрѣть на эти семейныя реликвіи, равнодушно погребенныя въ грязномъ углу на чердакѣ, гдѣ всякій можетъ отрыть ихъ и пустить по рукамъ. Если Елена Юрьевна не позаботилась объ уничтоженіи своихъ интимныхъ записей, то одно изъ двухъ: или она глубоко вѣрила людямъ, прежде всего — своимъ близкимъ,—или глубоко презирала ихъ. Послѣднее, кажется, ближе къ истинѣ...

Близкіе — мужъ, дочери — отвѣтили ей такимъ же презрѣніемъ, хотя и безсознательнымъ: они даже не поинтересовались пошарить на чердакѣ, въ книжномъ углу, заглянуть на эту могилу ихъ семейнаго прошлаго.

Они заглянули только въ духовное завѣщаніе.

XVII.

Вхожу въ прихожую, застаю трогательную сцену: пожилая, черноглазая женщина сидитъ на полу и, положивъ Пашу себѣ на колѣни, ищетъ у него въ головѣ.

Я уже знала, что это—скотница Аграфена, мать Матреши и Паши. По отъѣздѣ Кайсаровыхъ, она частенько забѣгала въ усадьбу, принося сыну баранокъ, или горсть гороха, или молочныхъ пѣ-

нокъ на блюдечкѣ; каждый разъ Липатовна ругала ее за расхищеніе барскаго добра и гнала прочь...

Аграфенѣ на видъ лѣтъ 40. Все еще красива, стройна, несмотря на нѣкоторую грузность. Смуглое, энергичное лицо, показавшееся мнѣ въ первый разъ дико-злымъ, теперь положительно нравилось: сразу видно смѣлую, сильную душу, жестоко отравленную чѣмъ-то.

— Ишь Пашка-то у меня сталъ гладкій!—сказала она, любуясь сыномъ.

Съ отъѣздомъ полковника, мальчикъ въ самомъ дѣлѣ разомъ ожилъ и потолстѣлъ. Бѣгалъ безбоязненно по всему дому, наполняя хмурыя комнаты веселымъ шумомъ, отъ котораго разбѣгались жуткія тѣни.

— Видите: литóй въ меня!.. Хорошо, что—не въ дьявола моего.

— Въ какого дьявола?

— А какъ же? Вѣдь онъ у меня—чиновный, полковничій... Нешто не слыхали? Какъ же, какъ же!.. Барскаго помету.

И опять въ глазахъ мелькнуло что-то дикое, озлобленное. Она замолчала. Я не рѣшилась разспрашивать.

Подъ вечеръ я зазвала къ себѣ Пашу и вымыла ему голову содой... Послѣдствія были изумительны.

Аграфена явилась ко мнѣ, растроганная, чуть не потрясенная:

— Голову моему мальчишкѣ вымыли! Своими руками!.. Не погнушались паршивцемъ?.. Вотъ ужъ милая барышня-то! И откуда такія берутся?

Чужой человѣкъ позаботился о ея ребенкѣ! Что-то сверхъестественное, неслыханное здѣсь... Передъ Аграфеной совершилось чудо: видитъ—и глазамъ не вѣритъ. Я сразу покорила ея сердце...

Но этого мало: сода сдѣлала то, что я тутъ же прослыла за «фершалицу». Ко мнѣ потянулись больные: съ зубами, животами, нарывами... Пришлось засѣсть за чердачные лечебники.

— Да что же вы не обращаетесь въ амбулаторію? Вѣдь у васъ при больницѣ бываютъ пріемы?

— Какъ же! Станутъ тамъ съ народомъ заниматься... Это—для господъ больше.

Не знаю, кто виноватъ, кто правъ, но здѣсь, среди богатыхъ дворянскихъ усадьбъ и земскихъ пунктовъ, народъ чувствуетъ себя, какъ на необитаемомъ островѣ. Усадьбамъ онъ не вѣритъ потому, что тамъ—дворяне; не вѣритъ и земству: тамъ—тоже господа. Ко мнѣ почувствовали довѣріе съ того момента,

какъ я вступилась передъ полковникомъ за «хамовъ»: прислуга слышала и разсказала,.. Кромѣ того, я терпѣливо внимала жалобамъ больныхъ, сама разспрашивала, а въ амбулаторіи на это, разумѣется, нѣтъ времени. Между тѣмъ такіе недуги, какъ «тоска подъ ложечкой», «сердце оборвалось», «въ голову ударяетъ», часто требовали не лекарствъ, а просто — добраго, ободрительнаго слова. Почти у каждой больной (приходили главнымъ образомъ бабы), помимо ея болѣзни, было еще множество заботъ, сокрушавшихъ ее: «надо бы написать письмо, да не знаю, какъ половчѣе»... «мальчишка совсѣмъ отъ рукъ отбился»... «мужъ съ тоски заливать сталъ»—и такъ далѣе до безконечности.

Господи, до чего необходимъ деревнѣ всякій мало-мальски толковый, отзывчивый человѣкъ, внимательно прислушивающійся къ ея нуждамъ и нуждишкамъ! Никогда не приходило мнѣ въ голову, что я, ничего не знающая, неопытная, могу оказаться въ деревнѣ желанной гостьей...

Теперь тепло у меня на сердцѣ, и не пугаютъ ужъ тѣни старой усадьбы. Давно не чувствовала я себя такой бодрой, жизнерадостной... Минутами мнѣ непріятно вспоминать, что вотъ пріѣдетъ моя ученица, встанетъ между мной и этими милыми, простыми людьми...

XVIII.

Однажды вечеромъ Аграфена пришла ко мнѣ, вымыла комнату, все вычистила, выскребла и, между дѣломъ, разсказала свою жизнь.

Мужа ея взяли въ солдаты, и она осталась съ новорожденнымъ сыномъ. Въ это время Елена Юрьевна заболѣла, и Аграфенѣ предложили пойти къ Лелечкѣ въ кормилицы. Добрые люди отговаривали: «Не ходи Аграфена,—спокаешься». Но мать съ отцомъ убѣдили: «По крайности, хоть на избу заработаешь, а ужъ мы твоего мальчишку выходимъ.»

Согласилась Аграфена. Заперли ее съ ребенкомъ въ затхлый чуланчикъ, кормили тухлой солониной да прѣлой пшенной кашей. Лѣтомъ яблоками спасалась: пойдетъ, чѣмъ свѣтъ, въ садъ, паворуетъ да и жуетъ ихъ съ хлѣбомъ...

— Обѣ съ ребенкомъ безпереч хворали... Какъ только у меня Елена Львовна жива осталась?

Долго терпѣла Аграфена, вся изнывала по своему мальчику: «какъ тамъ Васенька мой безъ отца, безъ матери?»

Приходятъ родители, увѣдомляютъ: «Кончился твой Васютка.»

— Ужъ и кричала же я! Знать, тогда и прокляла себя на вѣки вѣковъ: съ тѣхъ самыхъ поръ и пошло... Озлобилась я и ужъ такъ-то осмѣлѣла: ору, ругаю всѣхъ, никакихъ словъ не боюсь. А тамъ и вовсе распущенной стала...

Никакому описанію не поддается тогдашняя разнузданность Кайсарова. Со всѣхъ концовъ везли къ нему бабъ и дѣвокъ... Какъ соберутся, сейчасъ шлетъ къ Липатовнѣ за наливкой, сыромъ, за сладенькимъ...

— Чего чего только не дѣлалъ съ бабами! Знамо, деревенщина... да пьяны-то, да голодныя... да барина-то пуще огня боятся...—Аграфену тошнило отъ такого безчинства: бывало только крестится при видѣ содома. А кончился мальчикъ,—махнула на все рукой.

— Знаете, барышня: и тоска-то грызетъ, и барыня не въ своемъ умѣ поврежденная, и Липатовна—какъ змѣй подколодный, шипучій... да скучища-то да грязнища, да голодъ—куска настоящаго не видишь! А онъ одинъ во всемъ домѣ веселый, и все кругъ его гогочетъ. Ну и тянетъ тебя, ровно въ омутъ. Сойду внизъ, хлопну стаканъ, очумѣю—и пошла чертить...

Овладѣвъ ею, Кайсаровъ тотчасъ же принялся позорить ее и озорничать несказанно.

— У него первое удовольствіе: какъ какую собьетъ, такъ и начнетъ нарочно при всѣхъ измываться. Въ слезахъ потонуть надо, сколько я изъ-за него, злодѣя, сраму вытерпѣла!.. Купаю ребенка, а онъ подойдетъ, облапитъ... Ему спьяну-то что? Я рвусь, рвусь, да и уронила однова Елену Львовну въ ванную. Ужъ и не помню, какъ отходили дѣвочку... А въ другой разъ... Вотъ только говорить зазорно...

Проказы Кайсарова были настолько циничны и нелѣпы, что я усомнилась въ истинѣ: но когда вспомнила, что разсказывала мнѣ въ особенно откровенныя минуты Софья Ѳедоровна, пришлось повѣрить и Аграфенѣ... Казалось, эта простая женщина до такой степени оторопѣла отъ безстыдства барина, что еще и теперь путемъ не опомнилась: вспоминала прошлое, какъ какой-то бредъ или кошмаръ...

— А Елена Юрьевна? Вѣдь она тутъ же была?

— И шуть ее разберетъ!.. Онъ, бывало, кричитъ при всѣхъ: «Грушка, иди ко мнѣ,—рубль дамъ!» А барыня стоитъ въ дверяхъ да смѣется: «Поди, дура, заработай цѣлковый: на полу не подымешь». И ужъ такъ смѣется: что твой лѣшій въ лѣсу!..

Наконецъ, барыня вышла изъ терпѣнья, прогнала Агра-

фену на хуторъ. Стала жить она тамъ тихо, скромно стряпухой при работникахъ. Прошло нѣсколько лѣтъ, вернулся со службы мужъ...

— Я ужъ и думать обо всякихъ глупостяхъ забыла. Только бы Богъ далъ честно вѣкъ скоротать!..

Но ненавистникъ-баринъ вдругъ вспомнилъ. Хотѣлось ли ему надругаться надъ Аграфеной или сдѣлать на зло женѣ. Только присылаетъ на хуторъ лошадей: «Грушку къ барину требуютъ, а то самъ нагрянетъ»...

Испугалась, поѣхала... Вводятъ ее прямо въ барскую опочивальню. Видитъ: полковникъ стоитъ у открытаго окна и молится. «Ну, думаю, быть бѣдѣ... Какъ отмолился, такъ въ тую жъ минуту и облапилъ»...

И начался для Аграфены адъ кромѣшный. Баринъ сталъ приговорять за ней лошадей, а кругомъ кричатъ: «полковница, полковница!»—да свищутъ... Мужъ бьетъ смертнымъ боемъ, пьянствуетъ съ обиды. «А тамъ и вовсе сгибъ».

Родила отъ барина дѣвочку, а ѣсть нечего. Коровы нѣтъ, у матери молоко пропало...

— Ужъ мы съ дѣвчонкой кричали, кричали!.. Пріѣхалъ баринъ. Пьянехонекъ, хохочетъ... Вытащилъ черную корку: «Вотъ тебѣ на зубокъ гостинчику». Народъ потѣшается, а ему и любо... Дѣвчонка померла съ голодухи, а онъ только скалитъ зубы: «Не бойся,—еще родишь»...

Одинокая, всѣми заплеванная, вѣчно тоскующая, Аграфена отводила душу, напиваясь вмѣстѣ съ барином, котораго уже ненавидѣла. Каждое утро молилась на востокъ: «Укороти, Господи, ему вѣка!»

Но полковникъ продолжалъ жить, награждая ее дѣтьми, бранью и пинками подъ пьяную руку. Родилась Матреша, родился Паша. Съ каждымъ ребенкомъ росла въ Аграфенѣ ненависть къ Кайсарову...

Разъ какъ-то, незадолго до смерти Елены Юрьевны, Аграфена, въ ея присутствіи, отчитала полковника: «Всю, какъ есть, срамоту его на ладонкѣ выложила!»... Это такъ понравилось барынѣ, что она взяла ее къ себѣ въ скотницы.

— Ну, да вѣдь она только работой и любила: уборка ли, стирка ли, — все шлетъ за мной. «Это моя Аграфенушка мнѣ спроворитъ». То есть, изнуритъ тебя по-всячески, дохнуть не дозволитъ! И со всѣми такъ-то... Съ кровью деньги выжимала... Вотъ, какова она, Елена Юрьевна!.. Какъ померла, народъ обѣими руками крестился... А вотъ за крестъ ее жалѣютъ. Кто ни

пройдетъ, всякій соболѣзнуетъ... Закопали ее въ чистомъ полѣ одну одинешеньку, и лежитъ покойница тамъ оброшенная...

Опять она, эта фатальная женщина! Всякій разговоръ неизмѣнно кончается воспоминаніями о ней. Обожаютъ, проклинаютъ, благословляютъ, ненавидятъ... Это — ось, вкругъ которой вертится все... Ночью она снится мнѣ, днемъ не даетъ покою.

Я кончила тѣмъ, что принялась всѣхъ и каждаго разспрашивать о ней. Передо мной все больше вырисовывался обликъ Елены Юрьевны, вмѣстѣ съ исторіей барскаго гнѣзда, гдѣ она играла такую видную и печальную роль...

XIX.

Людмила Григорьевна овдовѣла вскорѣ послѣ свадьбы и перенесла весь пламень любви на только что родившуюся Лили. Безпрерывно терзалась страхомъ, какъ бы Богъ не отнялъ у нея и это послѣднее сокровище? «Я люблю Лили до помраченья ума»... писала она въ своемъ альбомѣ... «Лили—мое божество»... «А вѣдь это великій грѣхъ. Въ заповѣди сказано: «не сотвори себѣ кумира»... Боже, смилуйся надъ нами!»

И баловала же Людмила Григорьевна свое нещечко! Всѣ кругомъ—родные, знакомые, приживалки—носили Елену Юрьевну на рукахъ, и дѣвочка привыкла вертѣть всѣми по своему. «Ужъ такъ-то повелѣвала, такъ повелѣвала!—восхищалась Липатовна,—чуть не по ней, сейчасъ ручкой хлопъ тебя по щекѣ. Характерная была, властная!»

Видя въ дочери геніальнаго ребенка, Людмила Григорьевна постаралась дать ей образцовое воспитаніе. Для этого перебралась даже за границу, и тамъ Лили брала уроки у лучшихъ профессоровъ.

Вернувшись въ Россію, Елена Юрьевна оказалась такой образованной, что всѣ боялись ея: «Сейчасъ тебя въ дураки произведетъ». Сухая и надменная, она морщилась отъ страстныхъ ласкъ матери. «Какая мама смѣшная: сентиментальничаетъ, какъ институтка!»

Надъ головой богатой невѣсты носился рой жениховъ, робкихъ, льстивыхъ, до смѣшного пасующихъ передъ европейски образованной барышней. Когда мать спрашивала, боязливо заглядывая въ глаза: «Откройся мнѣ, ангелъ мой, кто тебѣ нравится?» —Лили презрительно оттопыривала губку: «Готтентоты

какіе-то». И мать понимала, что нѣтъ ей равнаго. «Господи, вразуми меня! Пошли для Лили человѣка».

Левъ Борисовичъ Кайсаровъ, гвардейскій офицеръ, славился въ Петербургѣ кутежами и успѣхами у женщинъ. Товарищи любили его, начальство считало «лихимъ» офицеромъ, свѣтское общество ласкало, какъ баловня судьбы. У него была счастливая способность: попадать всякому въ тонъ. «Такъ представился, такъ представился!—говорила Липатовна:—будто во всемъ свѣтѣ лучше его нѣтъ». Довѣрчивые люди твердили: «Кайсаровъ правду рубитъ», а дамы хоромъ восклицали: «Какое благородное сердце!»

Прокутивъ состояніе, Кайсаровъ присоединился къ рою жениховъ, одолѣвавшихъ Елену Юрьевну. Онъ не разговаривалъ съ Лили, какъ другіе, о вопросахъ и «матерьяхъ важныхъ», а терпѣливо и неутомимо ухаживалъ. Ученица Мишле подсмѣивалась свысока надъ «Скалозубомъ» и не щадила его въ своемъ альбомѣ: «Воображаю, сколько купеческихъ вдовъ и дочекъ плѣнилъ этотъ гвардейскій донъ-Жуанъ!» «Смѣшно видѣть, какъ онъ увѣренъ въ своей неотразимости». «Бѣдный, онъ не замѣчаетъ, что умѣетъ только покручивать усы да подбочениваться».

Между тѣмъ Людмила Григорьевна стала прихварывать, спѣшила пристроить дочь и все настойчивѣе спрашивала: «Неужели тебѣ никто не нравится, Лилиша?» Дочь продолжала пожимать плечами, но въ альбомѣ ея уже можно было прочесть: «К. вовсе не такъ глупъ, какъ съ виду кажется». Вслѣдъ за этимъ пошли размышленія на тему: «Дѣйствительно ли умъ и образованіе—самое цѣнное? Не важнѣе ли преданное сердце?»

Наконецъ, она рѣшительно высказалась за Кайсарова: «Онъ все-таки приличнѣе другихъ». Мать, напуганная слухами о его похожденіяхъ, долго отговаривала дочь; наконецъ, рѣшила положиться во всемъ на волю Божію.

Въ то время въ сумасшедшемъ домѣ сидѣлъ священникъ, къ которому свѣтскія дамы ѣздили за предсказаніями. Людмила Григорьевна выбрала изъ дворовыхъ двухъ дѣвушекъ попадежнѣе, дала имъ бумажку съ именами жениховъ, а Льва Кайсарова проставила подъ самый конецъ. Наказала, чтобы записку и карандашъ подали батюшкѣ: кого изъ жениховъ черкнетъ, за того и выдать Лиличку.

Попъ читалъ, читалъ записку, а посланныя все твердятъ: «Вы, батюшка, карандашомъ обозначьте». Какъ дошелъ до «Льва», такъ и заговорилъ: «Левъ? Звѣрь, а не звѣриный... Левъ? Не звѣрь»... Все будто у кого спрашиваетъ, а самъ карандашомъ

чертитъ. Съ тѣмъ и вернулись дѣвушки. Разсказываютъ барынѣ, та и говоритъ: «Буди воля Господня!»

Лили въ первый разъ въ жизни бросилась на шею матери: «Мама, какъ я счастлива!» Но въ альбомѣ записала: «Чувствую, что дѣлаю величайшую нелѣпость. Должно быть, это сильнѣе меня».

Эта замкнутая, холодная съ виду женщина страстно привязалась къ мужу, а онъ, уже потасканный, пресыщенный женской любовью, скоро охладѣлъ къ ней. Да и вообще, семейная любовь была не по немъ: ему нужны были острыя приправы разврата, смѣсь вина съ грязью, скотства — съ утонченностью. Самъ съ гордостью говорилъ, что въ дѣлѣ любви «прошелъ высшую школу. Эти семейныя кулебяки—не для меня»...

Поселившись съ молодой женой въ Старожиловѣ, Кайсаровъ съ первыхъ дней заскучалъ и отъ скуки занялся родственницей жены. Софья Ѳедоровна, почти дѣвочка, наивная, неуклюжая, влюбилась въ него безъ оглядки, смотрѣла его глазами, жила его волей. Избалованному Кайсарову она не нравилась, но привлекала пикантная мысль: съ первыхъ же дней брака обманывать жену, разыгрывать передъ ней съ серьезнѣйшимъ видомъ комедію. Интересно было также посвящать некрасивую дикарку во всѣ тайны разврата, обезличить до послѣднихъ предѣловъ, опозорить до дна...

Въ своей сытой, праздной жизни онъ изобрѣталъ своеобразныя шутки и игры. Сидитъ, напримѣръ, съ женой на диванѣ, воркуя банально-нѣжныя рѣчи, которыя та принимала за искреннія, потомъ мигнетъ Софьѣ Ѳедоровнѣ, и та кидается за нимъ въ кабинетъ, въ садъ, на чердакъ...

— Куда ты, Юрій?

— У насъ, душечка, секретъ: готовимъ для тебя маленькій сюрпризъ...

Скоро и это показалось Кайсарову слишкомъ прѣснымъ. Онъ осложнилъ игру: сталъ обманывать и жену, и Софью Ѳедоровну. Затѣмъ нашелъ, что будетъ еще пикантнѣе, если посвятить Софью Ѳедоровну въ свои новыя похожденія. Та къ этому времени была уже настолько уничтожена, что не посмѣла даже выказать ревности, съѣдавшей ее. И вотъ пошли такія сцены:

Кайсаровъ говоритъ женѣ:

— Что-то мнѣ нездоровится. Душно какъ-то... Надо бы въ городъ къ доктору съѣздить...

Жена подойдетъ, возьметъ его за голову.

— Да, милый,—у тебя какъ будто жаръ...

А онъ подмигиваетъ Софьѣ Ѳедоровнѣ: «Я, дескать, и въ жару до риги доберусь, а тамъ меня давно ждетъ мой докторъ».

Софья Ѳедоровна знаетъ, что ему туда привели женщину, и сочувственно улыбается. «Сама, сама водила: вотъ, до какой степени обожала его!»

Она же сопровождала Кайсарова въ городъ «къ доктору»: Елена Юрьевна была беременна и не могла ѣздить по тряскимъ дорогамъ... Софья Ѳедоровна помогала Кайсарову развлекаться въ городѣ, участвовала съ нимъ въ безобразнѣйшихъ оргіяхъ... Вспоминая объ этомъ черезъ двадцать лѣтъ, она сама становилась въ тупикъ: «Положительно, это было какое-то сумасшествіе любви и страсти!»

Но что всего изумительнѣе: Елена Юрьевна, умная, тонкая женщина, очень долго ничего не подозрѣвала. Мѣшала надменная мысль: можетъ ли онъ меня, умницу, красавицу, промѣнять на кого бы то ни было? Всѣ казались ей такъ ничтожны, несоизмѣримы съ нею... «Эта жалкая Сонечка, кажется, страдаетъ по тебѣ?» Кайсарова очень забавляло оставлять въ дурахъ «ученѣйшую» женщину, гордую превосходствомъ своего ума и развитія. Унизить и потомъ глумиться надъ униженнымъ...

Такъ прошли весна и лѣто и осень. Зимой у Елены Юрьевны родилась первая дочь. Тогда-то и произошла катастрофа, о которой разсказала мнѣ Липатовна:

«Вотъ лежитъ она, моя матушка, послѣ родовъ въ опочивальнѣ, а мы съ горничной сидимъ въ залѣ на полу, волосъ для матрасовъ разбираемъ. И вдругъ видимъ: Антипка—казачокъ у насъ былъ—смотритъ на дверь, пятится, и смѣшно ему. Обернулась: хозяинъ стоитъ въ дверяхъ нагишкой и разные виды Антипкѣ представляетъ... ну, самыя гадости. Мы всѣ такъ и обомлѣли. Видимъ: пьяный онъ да страшный да весь расхлыстанный... И прямо—на горничную. Облапилъ—та визжать... А барыня-то и войди. Какъ глянула, такъ и закатилась»...

Долго пролежала Елена Юрьевна больная. Думали: не выживетъ. Но она встала... только совсѣмъ другимъ человѣкомъ. Къ мужу чувствовала омерзѣніе, дочь возненавидѣла: «Не моя она,—негодяева!»

Перебралась наверхъ, никого къ себѣ не допускала, кромѣ Липатовны... То былъ, кажется, самый ужасный періодъ въ ея жизни. Услышитъ голосъ дочери, бѣжитъ отъ нея внизъ; внизу увидитъ мужа—бѣжитъ опять наверхъ...

Порвать разъ навсегда съ мужемъ, бросить его мѣшала ей опять-таки гордость: начнутъ жалѣть, ахать, а она не выносила

этого. По мнѣнію Софьи Ѳедоровны, она больше всего любила презирать и потому нарочно выращивала въ себѣ презрѣніе къ мужу: «пусть этотъ негодяй живетъ у меня на хлѣбахъ изъ милости; пусть знаетъ и видитъ, какъ я его презираю!..»

А мнѣ кажется, ей было жаль своей первой любви, первой мечты. Все надѣялась—можетъ быть, сама не вѣдая: вдругъ мужъ переродится и наступитъ новая, свѣтлая жизнь?

Кайсаровъ, изъ-за какой-то скандальной исторіи, вынужденъ былъ подать въ отставку. Окончательно поселился въ Старожиловѣ, и началось сплошное безчинство. Первымъ другомъ его сталъ кабатчикъ: онъ нарочно держалъ ситцы, чтобы приманивать для полковника бабъ. Кайсаровъ позорилъ женщинъ, спаивалъ мужей, стравливалъ ихъ и любовался драками. Грубая натура съ каждымъ днемъ развертывалась все шире...

Оргіи расцвѣли особенно пышно, когда къ компаніи присоединился кумъ Жигаловъ, «первый разбойникъ въ уѣздѣ». Услужливый садовникъ сосваталъ для господъ собственную жену, потомъ—племянницу; наконецъ изобрѣлъ для нихъ игру на свѣжемъ воздухѣ: знаменитую «ловлю соловьевъ»...

Изъ разговоровъ съ крестьянами я, къ изумленію своему, узнала, что Кайсарова даже любили «за простоту».

— Просторный онъ... Ему, бывало, только и заботушки, какъ бы деньги съ барыни слямзить да съ бабами прогулять. На денежки жаденъ не былъ—особливо, когда выпьетъ. Всякую копеечку ребромъ ставилъ. Съ нами, мужиками, и пьетъ, и пѣсни оретъ, а то такъ и подерется... Путлявый баринъ, а простой: не брезгунъ...

Послѣ грязной оргіи внизу, Кайсаровъ, пьяный, обезумѣвшій, лѣзъ наверхъ и ломился въ спальню къ женѣ, угрожая нерѣдко револьверомъ. Липатовна умѣла отводить полковнику глаза и прятать барыню... Еленѣ Юрьевнѣ пришлось однажды даже спуститься изъ окна по лѣстницѣ и скрываться всю ночь въ саду подъ кустами...

Истерзанная такой жизнью, она уѣхала съ Липатовной въ Петербургъ. Здѣсь было «разливанное море»: «каждый Божій день по театрамъ, маскарадамъ, а потомъ у себя съ гостями—до зари. Вся земная въ гостяхъ у насъ перебывала»...

Въ самый разгаръ веселья Елена Юрьева получила телеграмму о смерти матери. «Такъ и затряслась вся, голубушка»!

Людмила Григорьевна, пожившъ съ молодыми нѣсколько мѣсяцевъ, разссорилась съ Кайсаровымъ и уѣхала въ свое другое имѣнье, на югъ. Съ тѣхъ поръ не видалась съ дочерью...

Елена Юрьевна тосковала по ней, все хотѣла съѣздить. И вдругъ—нѣтъ матери! «Теперь я, Липатовна, одна, одна во всемъ свѣтѣ!.. Только ты у меня и осталась»...

Уѣхала хоронить мать, устраивать имѣніе. Къ осени вернулась въ Старожилово. Привезла съ собой отъ матери ворохъ вещей и... Соломятина, бѣлобрысаго, безусаго парня.

Липатовна говорила объ этомъ со вздохомъ: «Конечно, на все господская воля». Аграфена же прямо заявляла, что Соломятинъ былъ «барынинъ полюбовникъ»... Кайсаровъ грозился убить и Еньку, и жену, но Елена Юрьевна откупалась деньгами, которыя всегда были нужны полковнику «до апаоемы».

Соломятинъ поселился въ господскомъ домѣ, гдѣ-то подъ лѣстницей, былъ почтителенъ, даже подобострастенъ. Елена Юрьевна называла его «преданнымъ человѣкомъ»... Но Липатовна, ревнуя его къ барынѣ, зорко слѣдила за соперникомъ и выслѣдила.

Енька соблазнилъ дѣвочку, бывшую у Елены Юрьевны на побѣгушкахъ. «Ольгушка-побѣгушка» забеременѣла и, со страху передъ барыней, утопилась въ господскомъ пруду... Липатовна уличила Соломятина, донесла барынѣ, и «преданный человѣкъ» былъ сосланъ въ людскую.

Елена Юрьевна перебралась опять внизъ, къ мужу. Кайсаровъ только что перенесъ жесточайшую бѣлую горячку и сталъ къ этому времени посмирнѣе... Опять какъ будто наладилась семейная жизнь, опять родилась дочь.

Лелечку мать полюбила необычайно нылко. «Вотъ это моя настоящая дочь!» Опять ожила, расцѣла, готовая все забыть, все простить мужу...

Желая обшить дочурку, какъ наслѣдную принцессу, она выписала изъ города за большія деньги лучшую портниху, Катерину Алексѣевну. Эта молоденькая дѣвушка славилась на весь уѣздъ своимъ вкусомъ, «чисто парижскимъ»: никто лучше ея не придумаетъ, не сошьетъ. Умная, обходительная... Всѣ любовались ею.

Кайсаровъ тотчасъ же рѣшилъ соблазнить ее: бралъ кататься, возилъ вмѣстѣ съ Софьей Ѳедоровной въ городъ—по театрамъ, садамъ, гуляньямъ...

Софья Ѳедоровна видѣла, какъ онъ льнетъ къ портнихѣ, но не смѣла заикнуться. А жена днемъ и ночью—съ ребенкомъ: ничего не видитъ, не слышитъ. Только и думаетъ, какую бы еще рубашонку или кофточку понарядней сшить для своей крошки?

Былъ Троицынъ день. Елена Юрьевна отправилась къ обѣднѣ. Она хоть и слыла въ уѣздѣ безбожницей, но въ церковь ѣздила для примѣра крестьянамъ...

Полковникъ, нѣжившійся всегда въ постели до полудня, послалъ за Катериной Алексѣевной лакея:

— Баринъ просятъ на минутку. Экстренное дѣло.

Пошла она къ нему, по выраженію Липатовны, «дѣвкой, а вернулась бабой... Онъ, говоритъ, меня ужасть какъ любитъ и скоро женится на мнѣ».

И началось, по обыкновенію, надругательство. Является лакей, говоритъ при всѣхъ: «Баринъ на сѣновалѣ и вамъ приказываетъ идти къ нимъ». Катерина Алексѣевна вся горитъ со стыда, а бѣжитъ къ нему, дѣлаетъ видъ, что ей очень весело. Долго бойчилась такъ, а полковникъ все придумывалъ: какъ бы ее хорошенько огорошить.

Прибѣгаетъ однажды лакей:

— Поскорѣича къ барину въ кабинетъ.

Бросилась Катерина Алексѣевна—и вдругъ видитъ: полковникъ съ бабой... Закричала не своимъ голосомъ, заметалась въ припадкѣ, а онъ ее за косу:

— Вонъ отсюда, шлюха.—Она кинулась къ барынѣ да все и разсказала...

Липатовна до сихъ поръ не можетъ вспомнить объ этомъ ужасѣ:

— Кормила она, моя матушка, о ту пору ребенка. Какъ услыхала, швырнула дѣвочку, сама опрокинулась на полъ... Молоко, знать, въ головку ей ударило, и стала она въ родѣ какъ не своя...

Бродитъ по дому тѣнь тѣнью, подойдетъ къ окну и начнетъ пальцемъ на стеклѣ писать. Пишетъ-пишетъ, шепчетъ-шепчетъ про себя. Цѣлые часы такъ простаивала... А то вдругъ смѣхъ на нее нападетъ: сидитъ одна и хохочетъ, хохочетъ... Всѣ только ужасаются да крестятся.

Елена Юрьевна лечилась въ Москвѣ, Петербургѣ, за границей... Наконецъ, оправилась; только смѣхъ у нея нехорошій остался. Уставится на кого-нибудь и начнетъ смѣяться: смотритъ, не сводя глазъ, и хохочетъ...

Вернулась она изъ-за границы не прежней Еленой Юрьевной; ее точно подмѣнили. Прежде она любила читать: бывало, до свѣту за книгой; выписывала журналы, зналась кое съ кѣмъ изъ сосѣдей, устраивала у себя, хоть и не часто, вечера и обѣды, одѣвалась со вкусомъ, денегъ не жалѣла, народъ не тѣснила... Теперь,

по выраженію Аграфены, «совсѣмъ кремневой стала, издыхала на деньгахъ».

Всѣ словно умерли для нея, даже любимая Лелечка. Дѣтей держала чуть не въ конурѣ, и сама забилась въ какой-то чуланъ наверху. Встанетъ съ зарей, идетъ на молотилку. Просидитъ тамъ, не вставая, весь день; принесутъ ей молока съ хлѣбомъ,—поѣстъ, а не принесутъ, такъ и не вспомнитъ... А потомъ до ночи толкуетъ со старостой, съ Соломятинымъ, съ покупщиками или сидитъ въ конторѣ за счетами...

Рядъ неурожаевъ помогъ ей закабалить крестьянъ. Десятину скосить стоило 6—8 рублей, а ей за 2—4 рубля приготовятъ и вспашутъ, посѣятъ и свозятъ,—только хлѣба дай. Всѣхъ заморила на работѣ, послѣднія жилы вытягивала... Семья Аграфены не могла выплатить ей долга,—она отобрала у нихъ все, что осенью убрали, а сестеръ ея, подростковъ, взяла къ себѣ на хуторъ—работать изъ-за хлѣба, да работать заставила за десятерыхъ. Всѣ были въ ея глазахъ воры, лѣнтяи, негодяи. Всѣ мужчины казались ей развратниками, всѣ женщины—продажными. Легче было свести дождь съ неба, чѣмъ разжалобить барыню: сердце у нея точно высохло или сгнило. Развеселятся дѣти, пріѣдетъ прислуга въ праздникъ,—она сейчасъ прикрикнетъ или грубо высмѣетъ: «Кого ты нарядами удивить хочешь! Долой все это!.. Я чистюнь не люблю». Когда сестры Аграфены зачахли на непосильной работѣ и мать взяла ихъ съ хутора, Елена Юрьевна не оставила имъ даже рубашекъ: «Нитки своей не дамъ мерзавкамъ»!

Соломятинъ, уже превратившійся изъ Сеньки въ Семена Даниловича, дралъ съ живого и мертваго, и барыня снова называла его «преданнымъ человѣкомъ». Она держалась за него обѣими руками, всячески награждала, понимая, что никто, кромѣ Соломятина, не умѣетъ такъ крѣпко схватить мужика за горло. А въ домѣ неистовствовала Липатовна, охваченная вслѣдъ за барыней страстью выжимать, утягивать, копить... Барыня, Соломятинъ и экономка, эти три паука, дружно и неустанно сплетали беззащитныхъ мухъ.

Сосѣди возненавидѣли Елену Юрьевну; она отвѣчала имъ открытымъ презрѣніемъ. Домъ запустѣлъ... Изрѣдка заѣзжалъ исправникъ по казенной надобности, заходилъ батюшка въ праздникъ съ крестомъ, да и тѣ не знали, какъ выкатиться, потому что Елена Юрьевна никогда не задумывалась обрѣзать человѣка, облить презрѣніемъ.

Съ простымъ народомъ обращалась какъ плантаторъ—съ невольниками. Скажетъ, бывало, священнику:

— А что, батюшка, говорятъ, крѣпостное-то право давно въ Россіи прикончилось?

— Да ужъ давненько, Елена Юрьевна.

— Ну, а у меня оно только начинается...

И зальется своимъ недобрымъ смѣхомъ.

Дѣти боялись ея, какъ пугала. За обѣдомъ сидѣли точно обваренныя, пикнуть не смѣли. Мать прежде сама поѣстъ, потомъ ужъ имъ дастъ. А кормились все съ тухлятинкой да съ гнильцой...

Если нападетъ вдругъ нѣжность, Елена Юрьевна посылаетъ за младшей дочерью и велитъ стоять возлѣ себя. Сама счета сводитъ, съ мужиками по часамъ разговариваетъ, а дѣвочка не смѣетъ уйти. Или ночью разбудитъ ее: изволь сидѣть тутъ, пока она работаетъ...

Шли годы. Росла жадность барыни, ненависть крестьянъ и сосѣдей; накапливалась годами грязь въ домѣ. Казалось, Елена Юрьевна махнула рукой на все, кромѣ мелкихъ и крупныхъ ассигнацій. Даже умываться иногда забывала...

Дѣтей водила въ рваныхъ платьяхъ, грязныхъ чулкахъ, и сама съ утра до ночи—въ грязной юбкѣ, съ нечесаной головой, оборванная, неряшливая...

Одно развлеченіе осталось: ѣздить въ Москву, класть деньги въ банкъ. Возьметъ съ собой свѣчку, работу и вяжетъ въ вагонѣ. Случалось, попадетъ въ Москву вечеромъ: чтобы не платить лишняго за номеръ, остается на вокзалѣ и сидитъ всю ночь въ дамской за работой... Въ Москвѣ питается больше провизіей, захваченной изъ дому, даже когда она успѣетъ попортиться...

Сколько бы времени ни прожила въ гостиницѣ, ни за что не отдастъ бѣлья стирать, а везетъ узелъ съ грязнымъ домой, гдѣ Аграфена даромъ все перестираетъ...

Домъ раскололся на двѣ половины, раздѣленныя непереходимой пропастью. Вверху плели свою паутину барыня съ экономкой и сгнивали въ грязи дочери, безпризорныя, почти неграмотныя; внизу—циникъ-баринъ, попойки, грубое ржаніе Жигалова, бабій визгъ, пьяная ругань...

Кайсаровъ быстро дряхлѣлъ. Соломятинъ, здоровый, ловкій, мало-по-малу переманилъ къ себѣ всѣхъ возлюбленныхъ барина.

И остался полковникъ при одной Софьѣ Ѳедоровнѣ, порядкомъ надоѣвшей ему. Съ досады всласть натѣшился онъ надъ ней. При всемъ честномъ народѣ называлъ «шваброй», разсказывалъ про нея сосѣдямъ, лакеямъ, даже дочерямъ самыя не-

вѣроятныя вещи... Дошло до того, что даже Софья Ѳедоровна не выдержала: сбѣжала.

Еще глуше и безалабернѣе стало въ домѣ. Софья Ѳедоровна, случалось, хоть изрѣдка, хоть мимоходомъ оберегала дѣвочекъ отъ грязи: съ отъѣздомъ ея, положеніе ихъ сдѣлалось прямо ужаснымъ.

Марья Львовна была уже барышней и, какъ любимица отца, проводила время съ нимъ. Полковникъ выпьетъ, размякнетъ и начнетъ повѣрять ей всѣ свои секреты. Чего-чего она не наслушалась, не насмотрѣлась въ ту пору! Всѣ, знавшіе Марью Львовну, вспоминаютъ ее не лестными словами: «Придурковата она была, дурашлива, а ужъ на счетъ «этихъ дѣловъ»— вся въ папеньку: такая-то лютая!». Кончилось тѣмъ, что барышня начала пошаливать не по хорошему. Липатовна первая выслѣдила ея связь съ Соломятинымъ и донесла барынѣ. Та долго не хотѣла вѣрить, Марья Львовна божилась, отпиралась, — «ну, да потомъ все само обозначилось». Липатовна вспоминаетъ такую сцену:

«Допытывалась матушка-барыня у Марьи Львовны, кричала, топала ногами, инда съ лица позеленѣла... А та крестится, клянется: «вотъ разрази меня, ежели что»!..—да вдругъ какъ закатится, и глазки подъ лобъ. Барыня ужаснулись, кричатъ: «Доктора скорѣй! За докторомъ поѣзжайте!» А та очухнулась да и говоритъ: «Нѣтъ, лучше —за повитухой»... Тогда все и стало явственно»...

Соломятинъ разсчитывалъ, что теперь Марью Львовну отдадутъ за него, но барыня только отхлестала его по щекамъ, «а за хама все же таки не выдала».

Даже послѣ такого происшествія, Елена Юрьевна не прогнала Соломятина, опасаясь убытковъ. Повѣнчала дочь со Сбитневымъ, дала въ приданое пустошь да тысячъ десять деньгами и наказала обоимъ на порогъ къ ней не ступать... Даже когда простудилась осенью въ полѣ и лежала больная, не приняла Сбитневыхъ: «Какіе такіе Сбитневы? Не знаю я ихъ и знать не хочу».

Елена Юрьевна на склонѣ лѣтъ стала суевѣрной и до обморока боялась совъ: завидитъ сову—поблѣднѣетъ вся, крестится, машетъ въ ужасѣ руками... Лежала она больная—и вдругъ видитъ: влетѣла въ окошко сова... Вся обмерла, дрожитъ, слова сказать не можетъ...

«На утро захожу къ ней (разсказывала Липатовна), а она, моя голубушка, лежитъ, какъ есть, безъ кровинки въ лицѣ.

«Не встану больше съ постели, Липатовна: смерть приходила за мной». Послала въ городъ за нотаріусомъ, составила завѣщаніе, причастилась и стала отходить. Никого не допустила къ себѣ, кромѣ Лелечки да Липатовны...

Узнавъ, что все оставлено Еленѣ Львовнѣ, Кайсаровъ обезумѣлъ отъ ярости. Кричалъ на всѣхъ перекресткахъ, что отецъ Елены—не онъ, а Соломятинъ, и она, какъ незаконная, не имѣетъ права на наслѣдство. Пробовалъ оспаривать завѣщаніе, доказывая, что покойница была не въ своемъ умѣ, но ничего не могъ подѣлать.

Ограничился тѣмъ, что устроилъ изъ похоронъ жены отвратительное представленіе: вынесъ на помпкахъ граммофонъ и все время игралъ опереточные мотивы. Народъ сбѣжался слушать музыку, смѣхъ стоялъ гуломъ... Кончилось пьяной пляской и оргіей.

Похоронивъ жену, Кайсаровъ рѣшилъ уѣхать къ себѣ въ имѣнье; Елена Юрьевна, вскорѣ послѣ свадьбы, подарила ему клочекъ въ сосѣдней губерніи, купленный нарочно для него... Но отъ огорченія или отъ «волшебныхъ» пилюль, которыя онъ глоталъ во множествѣ, полковника поразилъ ударъ, приковавшій его на многіе мѣсяцы къ креслу.

Вотъ тутъ-то Кайсаровъ впервые узналъ, что такое тоска и жуть. И днемъ, и ночью мучили его страхи, и онъ завывалъ въ забытьи «истошнымъ голосомъ». Заслыша ночью этотъ нечеловѣческій вой, Липатовна бросалась будить лакеевъ, а утромъ звала батюшку со святой водой. Кайсарову все казалось, что ночью блуждаетъ по комнатамъ непримиренная душа покойной, а Липатовна и до сихъ поръ убѣждена въ этомъ...

Какъ только полковникъ сталъ владѣть рукой, сейчасъ же написалъ Софьѣ Ѳедоровнѣ отчаянное письмо. Она примчалась и съ тѣхъ поръ уже не покидаетъ его...

Раздумываю надъ этими двумя женщинами, и обѣ онѣ одинаково поражаютъ меня: какъ Елена Юрьевна закоренѣла въ презрѣніи, такъ Софья Ѳедоровна — въ собачьей преданности человѣку, унизившему ее до послѣднихъ предѣловъ. Предложеніе онъ сдѣлалъ ей въ такой формѣ: «Что подѣлаешь? Не могу безъ женщины... хоть самой завалящей»... И она приняла руку, счастливая, благодарная, почти умиленная...

Н. Тимковскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ВИДѢНІЕ.

Мнѣ снились далекія звѣзды
Холодныхъ пустынныхъ небесъ
И спящій у берега, темный,
Молчаніемъ скованный лѣсъ.
Дымилась надъ спящей рѣкою
Холодная бѣлая мгла.
Воздушнымъ видѣньемъ въ туманѣ
Печальная дѣвушка шла.
Глубокая темная тайна
Въ безумно-печальныхъ очахъ.
Безмѣрная мука застыла
На сомкнутыхъ скорбно устахъ.
— Зачѣмъ такъ безумно печальна,
Какъ ночь одиночества, ты?
Смертельно-блѣдна, какъ снѣгами
Убитые въ полѣ цвѣты?
Кто ты? И откуда, откуда? —
И дрогнули вздохомъ ея
Уста и чуть слышно вздохнули.
Вздохнула:—
Офелія Я.
Вы знаете—принцъ былъ мой милый.-
Вы, можетъ быть, знали его?—
Меня разлюбилъ онъ и кинулъ,
Онъ кинулъ меня... Ничего—
Онъ все-таки милый, мой милый—
Вы знали его?—Онъ всегда
Былъ свѣтелъ и дивно-прекрасенъ.

Его я любила тогда...
А маленькій розовый вересъ
Другъ милый мой маленькій—вотъ,
Онъ славную пѣсенку знаетъ,
Такъ нѣжно, такъ тихо поетъ—
Вы слышите?... Милый, мой милый—
Онъ многихъ, онъ многихъ любилъ,
Но сердцемъ глубокимъ и чистымъ
Меня не забылъ, не забылъ...
Свѣтла и воздушна улыбка
На скорбно-прекрасныхъ устахъ.
Овѣяна нѣжностью тайна
Въ безумно-печальныхъ очахъ.
И руки она простираетъ
Въ порывисто-страстной мольбѣ.
— Мой миленькій розовый вересъ,
Спасибо, спасибо тебѣ!—
Признательно, нѣжно цѣлуетъ
Застѣнчивый, скромный цвѣтокъ,
И вздохъ потрясеннаго сердца
Безмѣрно и скорбно глубокъ.
Растаяли въ бѣломъ туманѣ
Печальные вздохи шаговъ.
Ушла... Не разгадана тайна
Печальныхъ, мучительныхъ словъ.
Безмолвны холодныя звѣзды
Далекихъ пустынныхъ небесъ
И спящій у берега, темный,
Молчаніемъ скованный лѣсъ.

Л. Андрусонъ.

ГЕРЦЕНЪ—ХУДОЖНИКЪ.

I.

Герценъ былъ *натура художественная*, но онъ не былъ призваннымъ художникомъ-беллетристомъ, творцомъ въ искусствѣ. Уже Бѣлинскій, разбирая романъ «Кто виноватъ?» (въ знаменитой статьѣ «Взглядъ на русскую литературу 1847-го года»), указалъ на то, что Искандеръ—не столько художникъ, сколько мыслитель. «Онъ философъ по преимуществу, а между тѣмъ немножко и поэтъ», писалъ великій критикъ.

Великій критикъ не дожилъ до появленія истинно-великаго творенія Герцена—«Былое и Думы». Но если бы оно стало извѣстнымъ ему, то онъ, конечно, вспомнилъ бы и повторилъ (лишь съ нѣкоторыми измѣненіями) слѣдующее, сдѣланное въ той же статьѣ, опредѣленіе художественнаго таланта Герцена: «Онъ (Герценъ) можетъ изображать вѣрно только міръ, подлежащій вѣдомству его задушевной мысли; его мастерскіе очерки основаны на врожденной наблюдательности и на изученіи извѣстной стороны дѣйствительности. Натура воспріимчивая и впечатлительная, авторъ сохранилъ въ памяти своей многіе образы, поразившіе его еще въ дѣтствѣ. Легко понять, что выводимыя имъ лица не суть чистыя созданія фантазіи, это скорѣе мастерски отдѣланные, а иногда и вовсе передѣланные матеріалы, цѣликомъ взятые изъ дѣйствительности. Вѣдь мы сказали, что авторъ больше философъ и только немножко поэтъ...»

Въ «Былое и Думы» мы имѣемъ именно «матеріалы, цѣликомъ взятые изъ дѣйствительности», но «отдѣланные» и «пе-

редѣланные» такъ, что «былое» выступаетъ со всею яркостью художественнаго изображенія, а «думы» блещутъ всею роскошью искрящагося, виртуознаго и бойкаго ума,—качествами, которыя составили силу Герцена, какъ публициста и памфлетиста. И все вмѣстѣ проникнуто тою чарующею задушевностью, тою страстностью отношенія къ вещамъ и людямъ и тою живостью переживаній, которыя были отличительною особенностью натуры Герцена.

Художественное дарованіе Герцена было дарованіемъ *мемуариста*, *мыслителя* и *мечтателя*, который самъ не замѣчаетъ, какъ образъ, взятый прямо изъ дѣйствительности, или мысль, чувство, мечта, ею подсказанныя, ее вызвавшія, вдругъ превращаются въ своего рода художественное созданіе или выливаются въ лирическую импровизацію.

Это—особый даръ, который Бѣлинскій, не зная «Былое и думы», могъ только предугадать по роману «Кто виноватъ» и другимъ беллетристическимъ опытамъ Герцена. Приведу еще одну цитату: «Картины Искандера отличаются не столько вѣрностью рисунка и тонкостью кисти, сколько глубокимъ знаніемъ изображаемой имъ дѣйствительности; онѣ отличаются больше фактическою, чѣмъ поэтическою истиною, увлекательны слогомъ не столько поэтическимъ, сколько исполненнымъ ума, мысли, юмора и остроумія, всегда поражающими оригинальностью и новостью».

Въ «Былое и Думы» это своеобразное дарованіе проявилось во всей своей силѣ и во всемъ своемъ блескѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ обнаружилась здѣсь и его психологическая основа. Чтобы это выяснить, нужно сперва установить правильное понятіе о самой натурѣ Герцена.

II.

Дѣло идетъ о психологіи его ума и чувства.

Начнемъ съ ума. Бѣлинскій называлъ его «мыслителемъ», «философомъ». Эти термины приходится понимать лишь условно. Герценъ, безспорно, былъ умъ, одаренный большою силою мысли и склонный къ философскому раздумью. Но мы не видимъ у него ни творчества идей, ни особаго дара ихъ послѣдовательнаго развитія, ихъ методической разработки. Взамѣнъ того у него былъ другой даръ,—если можно такъ выразиться,—*изображенія* или *живописи идей*. У Герцена всегда были въ за-

пасѣ образы, краски, примѣры, шутки, анекдоты, которыми онъ виртуозно обставлялъ любую мысль, не столько доказывая, сколько «демонстрируя» ее. Нерѣдко случалось ему забывать, что comparaison n'est pas raison... Такой умъ представляется болѣе близкимъ къ художественному, чѣмъ къ философскому.

Здѣсь у мѣста вспомнить то, что писалъ Анненковъ о блескѣ и обаяніи бесѣды Герцена: «Признаться сказать, меня ошеломилъ и озадачилъ, на первыхъ порахъ знакомства, этотъ необычайно подвижный умъ, переходившій съ неистощимымъ остроуміемъ, блескомъ и непонятной быстротой отъ предмета къ предмету, умѣвшій схватить и въ складѣ чужой рѣчи, и въ простомъ случаѣ изъ текущей жизни, и въ любой отвлеченной идеѣ ту яркую черту, которая даетъ имъ физіономію и живое выраженіе. Способность къ помимутнымъ, неожиданнымъ сближеніямъ разнородныхъ предметовъ... была развита у Герцена въ необычайной степени,—такъ развита, что подъ конецъ даже утомляла слушателя. Неугасающій фейерверкъ его рѣчи, неистощимость фантазіи и изобрѣтенія, какая-то безоглядная расточительность ума приводили постоянно въ изумленіе его собесѣдниковъ...» («Воспоминанія и критическіе очерки», ч. III).

Психологическое родство *такого* ума съ умомъ *художественнымъ* не подлежитъ сомнѣнію. Мы скажемъ такъ: Герценъ не былъ *настоящимъ*, призваннымъ художникомъ, но въ складѣ его ума, въ его способѣ мышленія, въ его языкѣ и стилѣ художественные элементы занимали весьма видное мѣсто и были выражены столь ярко, что въ значительной мѣрѣ тормазили развитіе отвлеченнаго мышленія и мѣшали методической, строго-раціональной и критической разработкѣ идей.

Умъ Герцена являлся полною противуположностью ума Бѣлинскаго.

Если въ беллетристикѣ Герценъ былъ не художникъ, а мыслитель, то въ области чистой и прикладной мысли, въ философіи и въ идеологіи, онъ несомнѣнно былъ гораздо больше художникъ, чѣмъ мыслитель.

Такой укладъ умственныхъ силъ какъ нельзя лучше былъ приспособленъ къ созданію великаго творенія, гдѣ образы *былого* воскресали заживо, озаренные *думами* блестящаго, искрометнаго ума.

Но не только *на этомъ* основана сила и обаяніе безсмертныхъ мемуаровъ Герцена. Тамъ сказалось и многое другое, для объясненія чего нужно обратиться къ психологіи *чувствующей сферы* Герцена.

III.

Герценъ былъ натура глубоко и разнообразно *чувствующая*. Необыкновенной и разносторонней одаренности его ума соотвѣтствовало такое же богатство его чувствующей души. Вся гамма чувствъ—личныхъ, общественныхъ, идейныхъ, идеологическихъ и разныхъ другихъ—проходитъ и звучитъ всѣми тонами и полутонами, какъ въ его жизни, такъ и въ его творчествѣ. Рѣдкая мысль, рѣдкій образъ возникали и уходили у него безъ окраски соотвѣтственнымъ чувствомъ, зачастую приподнятымъ до эмоціи и порою даже до аффекта. Онъ обладалъ даромъ грусти и слезъ, даромъ восторга и умиленія, даромъ гнѣва и негодованія. Къ этому присоединялся еще тотъ порядокъ чувствъ, который связанъ съ юморомъ, шуткой, смѣхомъ. И все увѣнчивалось чувствомъ полноты жизни, эмоціями душевнаго богатства.

Психологъ не затруднится отнести Герцена къ *сентиментальному* типу, характеризующемуся тѣмъ, что, такъ сказать, центръ тяжести души находится въ сферѣ чувства, а также и тѣмъ, что процессы мысли отличаются исключительною эмоціональностью. Люди этого склада, если они обладаютъ большимъ умомъ и талантомъ, умны и талантливы не только умомъ, но и чувствомъ; у нихъ нѣтъ признаковъ того, что называется «разсудочностью»; мало у нихъ и «трезвости» мысли, а когда эта «трезвость» и обнаруживается, она не имѣетъ ничего общаго съ безстрастіемъ, съ холодностью ума. «Сердца горестныхъ замѣтъ» у нихъ всегда больше, чѣмъ «ума холодныхъ наблюденій». Они легче очаровываются, чѣмъ разочаровываются,—и ихъ разочарованія не переходятъ въ холодный и безпечальный скептицизмъ.

При большомъ богатствѣ ума и чувства и при извѣстной гармоніи между ними, когда сила ума и сила чувства уравновѣшиваютъ другъ друга, изъ этого «сентиментальнаго» типа выходятъ натуры необыкновенно-цѣльныя и въ высокой степени обаятельныя.

Таковъ и былъ Герценъ.

Чтобы человѣкъ этого типа и склада могъ создать великое произведеніе, равносильное художественному, ему нѣтъ надобности быть непремѣнно *призваннымъ* художникомъ: ему нужно только имѣть большой запасъ искренности и, въ придачу, еще умѣніе выразить яркою, красочною рѣчью сокровища своей души. Тогда онъ создастъ твореніе, которое, не будучи настоящимъ произведеніемъ искусства, окажется значительнѣе, интереснѣе и долговѣчнѣе иныхъ заправскихъ созданій художественнаго творчества.

Герценъ обладалъ даромъ яркой, красочной рѣчи. Скажемъ,—онъ былъ одаренъ огромнымъ литературнымъ талантомъ. Но это выраженіе какъ-то не подходитъ къ языку и стилю Герцена. Скажемъ лучше такъ: это было не то, что принято называть «литературнымъ талантомъ», а нѣчто особое, больше литературнаго таланта, жизненнѣе литературнаго таланта, отъ котораго (по выраженію Тургенева) всегда «воняетъ литературой». Тотъ же Тургеневъ писалъ (въ одномъ письмѣ): «Языкъ его (Герцена), до безумія неправильный, приводитъ меня въ восторгъ... Всѣ эти дни я находился подъ впечатлѣніемъ той (рукописной) части «Былого и Думъ» Герцена, въ которой онъ разсказываетъ исторію своей жены, ея смерть и т. д. Все это написано слезами, кровью: это—горитъ и жжетъ... Такъ писать умѣлъ онъ одинъ изъ русскихъ».

Знаменательно то, что своеобразный стиль Герцена съ наибольшею полнотою и яркостью обнаружился именно въ «Былое и Думы» и также въ его публицистикѣ, а наименѣе ярко—въ его беллетристикѣ. Здѣсь, въ этой послѣдней области, ему по неволѣ приходилось *сочинять*, къ чему онъ не имѣлъ призванія. Напротивъ, въ мемуарахъ и въ статьяхъ публицистическихъ и идеологическихъ, въ политическихъ памфлетахъ *сочинять* было нечего,—тутъ дѣло шло лишь о томъ, чтобы *выявить* въ виртуозномъ словѣ всю силу своей мысли и всю роскошь своихъ чувствъ. Тутъ онъ былъ больше, чѣмъ мастеръ: онъ былъ *творецъ*—художникъ и поэтъ.

Это—творчество особаго рода. Его можно назвать «*натуральнымъ*». Чтобы оправдать этотъ терминъ, нужно, кромѣ вышеуказанныхъ особенностей ума и натуры Герцена, имѣть въ виду еще одну черту, въ высокой степени для него характерную.

Въ другомъ мѣстѣ [1]) я указалъ на то, что Герценъ принадлежалъ къ числу тѣхъ (кажется довольно рѣдкихъ) дѣятелей, которые *живутъ полнотою жизни своего времени*. Это—дѣло не изъ легкихъ. Большинство людей беретъ ту или другую часть изъ массы культурныхъ цѣнностей вѣка и этимъ довольствуется. Зачастую особливою односторонностью развитія отличаются выдающіеся дѣятели—таланты и геніи, выступающіе на томъ или другомъ поприщѣ. Сравнительно немногіе изъ нихъ живутъ полнотою жизни своего времени: для нихъ полнота жизни ограничивается предѣлами ихъ поприща, ихъ профессіи, ихъ дѣятельности. Они—спеціалисты въ наукѣ, въ искусствѣ, въ философіи, въ техникѣ, въ литературѣ, въ политикѣ. Весьма нерѣдко люди

[1]) «Собраніе сочиненій», т. V.

этого типа, связанные съ эпохою, такъ сказать, двумя-тремя нитями, оказываются свободными отъ ея гипноза, и поэтому имъ легче преодолѣвать очарованіе и злобу вѣка и устремлять взоръ въ грядущее. Другое дѣло — натуры, живущія всѣмъ разнообразіемъ интересовъ, задачъ, очарованій и разочарованій своего времени и интенсивно, проникновенно ихъ переживающія: онѣ, въ извѣстной мѣрѣ, загипнотизированы духомъ времени, имъ трудно отрѣшиться отъ внушеній и обольщеній вѣка и представить себѣ грядущее человѣчество, которое будетъ жить другими внушеніями и обольщеніями. По своему они могутъ работать и страдать для будущаго не меньше и не хуже другихъ, расчищая его пути, но они его плохо видятъ и не умѣютъ распознать въ настоящемъ его первыхъ, робкихъ всходовъ.

Таковъ былъ Герценъ. Онъ цѣликомъ жилъ настоящимъ, переживая его съ такою полнотою и интенсивностью, что не будетъ парадоксомъ сказать, что и въ Россіи, и въ Западной Европѣ онъ былъ однимъ изъ тѣхъ, въ душѣ которыхъ бился пульсъ эпохи (1848—1870 г.г.), и бился такъ трепетно, такъ лихорадочно, что мѣшалъ ему распознать, напр., то, что дѣятельность Карла Маркса и Энгельса гораздо знаменательнѣе и симптоматичнѣе для ближайшаго будущаго Европы, чѣмъ дѣятельность Гарибальди и Мадзини, или что будущность Россіи отнюдь не связывается съ судьбами общины и артели.

Отсюда — такъ называемый «романтизмъ» Герцена и другіе уклоны его политической мысли, его идеологіи...

Но объ этомъ мы говорить здѣсь не будемъ. Я выдвигаю указанную особенность Герцена, именно его даръ жить полнотою жизни своего времени, только въ виду важности этой черты для пониманія художественныхъ элементовъ въ его творчествѣ.

Не трудно видѣть, что, если человѣкъ такого уклада возьмется описывать свое время, то оно отразится въ его твореніи, такъ сказать, an sich, какимъ оно въ самомъ дѣлѣ было, въ своемъ Sein, а не въ своемъ Werden, и всѣ краски жизни проявятся на картинѣ такъ непроизвольно, такъ натурально, что, читая, мы, люди другого поколѣнія, другого вѣка, почувствуемъ подлинную правду и очередную «злобу» эпохи.

Такъ это и вышло у Герцена, въ великолѣпной эпопеѣ «Былого и думъ».

Д. Овсянико-Куликовскій.

ИЗЪ ДАЛЬНИХЪ ЛѢТЪ [1]).

ГЛАВА III.

I.

Путешествіе изъ Енисейска въ Томскъ на положеніи *почти* свободнаго человѣка—съ «проходнымъ свидѣтельствомъ», но безъ провожатыхъ - конвоировъ—доставило мнѣ очень большое удовольствіе. Путь этотъ— въ 800 верстъ съ небольшимъ—на хорошихъ сибирскихъ лошадяхъ совершенъ былъ мною въ трое сутокъ съ самыми краткими остановками на уютныхъ сибирскихъ почтовыхъ станціяхъ и съ немного болѣе продолжительными остановками въ трактовыхъ городахъ—Канскѣ и Марінскѣ, въ которыхъ проживали ссыльные.

На четвертыя сутки я былъ уже въ Томскѣ, на квартирѣ моего закадычнаго пріятеля—Ф. В. Волховскаго.

Послѣ послѣдней разлуки моей съ нимъ въ Ялуторовскѣ прошло около 4-хъ лѣтъ. Время это Волховскій провелъ въ захолустнѣйшемъ глухомъ городишкѣ тобольской губерніи—Тюкалинскѣ, гдѣ онъ похоронилъ горячо его любившую и имъ любимую мать, послѣдовавшую за нимъ въ ссылку. Въ этой глухой дырѣ Волховскому приходилось выдержать крайне упорную борьбу за существованіе, но, закаленный безпрерывными и многолѣтними житейскими невзгодами, другъ мой духомъ не падалъ: онъ превратился въ маляра, красилъ полы, писалъ вывѣски, которыми, благодаря ему, украсилась значительная часть школъ тюкалин-

[1]) См. февраль стр. 92.

скаго округа,—словомъ, не брезгалъ самымъ тяжелымъ трудомъ и въ потѣ лица своего зарабатывалъ существованіе свое и своихъ близкихъ, твердо уповая на лучшее будущее. Въ Тюкалинскѣ же Волховскій сблизился съ водворенной тамъ же, ранѣе его осужденной по процессу 50-ти («Большой Московскій процессъ») Александрой Сергѣевной *Хоржевской*. Они полюбили другъ друга, стали скоро мужемъ и женой,—и это значительно скрашивало тяжелое бремя ссылки.

Переселившись въ Томскъ, Ф. В. Волховскій опять воспрянулъ духомъ. Онъ вновь очутился въ родной, симпатичной ему стихіи: онъ вошелъ полноправнымъ членомъ въ составъ редакціи «Сибирской Газеты», получивъ въ полное свое распоряженіе отдѣлы фельетона и литературы.

О возникновеніи этой газеты въ началѣ 1881 г. мнѣ пришлось уже упомянуть. Здѣсь я долженъ подольше на ней остановиться, въ виду той серьезной роли, какую она сыграла для Сибири.

До нея на всю нашу обширную зауральскую окраину существовала одна небольшая еженедѣльная газетка: «*Сибирь*», которую редактировали бывшій педагогъ *Загоскинъ* и племянникъ его, докторъ *М. Я. Писаревъ*. Это была хорошая, честная газета, разрабатывавшая всѣ серьезные вопросы сибирской жизни. Издавалась она въ г. Иркутскѣ и, при тогдашнихъ первобытныхъ путяхъ сообщенія, въ дальніе углы Западной Сибири попадала съ весьма значительнымъ запозданіемъ. Притомъ она обслуживала если не исключительно, то главнымъ образомъ Восточную Сибирь, слегка лишь и поверхностно затрагивая жизнь Западной Сибири.

И вотъ, одинъ изъ наиболѣе энергичныхъ въ то время ревнителей просвѣщенія въ Западной Сибири, *Петръ Ивановичъ Макушинъ*, человѣкъ денежный и съ солиднымъ кредитомъ, изъявилъ готовность примкнуть въ качествѣ оффиціальнаго издателя и отвѣтственнаго редактора къ новому еженедѣльному органу: «Сибирская Газета», которая должна была издаваться въ Томскѣ преимущественно для западно-сибирскаго района группою интеллигентныхъ сибиряковъ, горячо преданныхъ интересамъ обойденной окраины Россіи—Сибири, въ теченіе цѣлыхъ трехсоть лѣтъ обреченной на роль нелюбимой и обижаемой падчерицы. Къ тремъ—такъ сказать—кровнымъ сибирякамъ: *А. В. Адріанову*, *П. П. Макушину* и *И. Г. Муромову*, по ихъ приглашенію, присоединились: сосланный по польскому возстанію 1863 г. *А. М. Войцеховскій*, чиновникъ томской контрольной палаты,

чрезвычайно корректный и щепетильно-честный человѣкъ,—и мой другъ *Ф. В. Волховскій*.

Это было, такъ сказать, редакціонное ядро, къ которому примыкалъ обширный контингентъ сотрудниковъ,—преимущественно, изъ разбросанныхъ по всей Сибири политическихъ ссыльныхъ. Оторванные отъ родины, очутившись вдали отъ всего для нихъ дорогого, они относились къ «С. Г.», какъ къ *своей* газетѣ, и старались служить ей вѣрой и правдой въ качествѣ корреспондентовъ и составителей очерковъ отдѣльныхъ районовъ Сибири, въ которые судьба забросила ихъ помимо воли и желанія. «*Сибирка*» составляла предметъ нѣжной симпатіи сотенъ изгнанниковъ, всячески стремившихся вносить въ нее свою лепту, безбоязненно разоблачавшихъ на ея страницахъ злоупотребленія и насилія мѣстныхъ помпадуровъ и держиморд, хищничества и изощренную эксплоатацію сибирскихъ кулаковъ.

При возникновеніи «Спб. Газ.», участвовалъ въ ней и не мало помогъ своимъ опытомъ и своими практическими совѣтами бывшій редакторъ петербургской либеральной газеты К. Человѣкъ, безспорно, умный и талантливый, съ громадной трудоспособностью, онъ сталъ жертвой своей безпринципности и безхарактерности, и, будучи адвокатомъ, очутился въ Томскѣ, какъ уголовный ссыльный. Здѣсь онъ на первыхъ порахъ велъ труженическій и корректный образъ жизни и примкнулъ также къ «Сибирской Газетѣ». Но онъ скоро разошелся съ главарями послѣдней въ самомъ коренномъ для нихъ вопросѣ—въ вопросѣ о роли уголовной ссылки и о значеніи ея для Сибири. Въ то время какъ первые въ этой ссылкѣ видѣли крупнѣйшее зло для своей родины и одинъ изъ существенныхъ источниковъ ея деморализаціи и развращенія, К. признавалъ *эту* ссылку важнымъ культурно-просвѣтительнымъ началомъ для Сибири, не дѣлая въ этомъ отношеніи никакого различія между нею и *политической* ссылкой, которая дѣйствительно по общему убѣжденію сибирскихъ писателей и сибирскаго общества, сослужила Сибири громадную культурно-просвѣтительную службу. Недаромъ же здѣсь повсемѣстно произносились съ глубокимъ уваженіемъ и даже съ умиленіемъ имена декабристовъ, петрашевцевъ, народниковъ и др.

Когда я прибылъ въ Томскъ, К. уже давно не было въ составѣ редакціи «Спб. Газеты». Фактическимъ редакторомъ послѣдней былъ А. *В. Адріановъ*—молодой натуралистъ, посвятившій себя изслѣдованіямъ пограничныхъ уголковъ Сибири при матеріальномъ содѣйствіи Географическаго Общества. Отдѣломъ

«внутреннимъ» (Русскія извѣстія и пр.) завѣдывалъ бухгалтеръ Томскаго Отдѣленія Государственнаго Банка И. Г. Муромовъ,— человѣкъ въ высшей степени живой и идейный. «Иностранный отдѣлъ» предоставленъ былъ уже упомянутому выше А. М. Войцеховскому, хорошо владѣвшему иностранными языками, живо интересовавшемуся европейской политикой и зорко за ней слѣдившему. Городскую хронику велъ скромный чиновникъ контрольной палаты Пыжновъ. Наконецъ, фельетонъ и беллетристика всецѣло предоставлены были Волховскому, который являлся украшеніемъ газеты.

Спеціальнаго «передовика» въ газетѣ не было. А между тѣмъ чувствовалась потребность въ разработкѣ общихъ вопросовъ соціально-экономическаго характера. Тогда какъ разъ ставилось на очередь усовершенствованіе путей сообщенія въ Сибири, улучшеніе ея судоходства, развитіе ея торговли и промышленности. Прибывъ въ Томскъ, я примкнулъ къ «Сиб. Газетѣ» преимущественно въ качествѣ «передовика», который долженъ былъ давать статьи по экономическимъ и соціальнымъ вопросамъ какъ обще-теоретическаго характера, такъ и въ примѣненіи спеціально къ Сибири. Я всецѣло отдалъ себя этому симпатичному для меня дѣлу и сталъ членомъ тѣснаго редакціоннаго кружка, коллегіально обсуждавшаго всѣ принципіальныя статьи и, вообще, всѣ наиболѣе существенныя стороны своеобразной сибирской жизни.

Первымъ цензоромъ «Сиб. Газ.» былъ томскій губернаторъ М. Надо отдать ему справедливость: онъ много способствовалъ разрѣшенію ея изданія, лелѣя, повидимому, тайную надежду пріобрѣсти въ «С. Г.» свой, такъ сказать, лейбъ-органъ, который популяризировалъ бы его, какъ либеральнаго и талантливаго администратора. Въ этихъ видахъ онъ, вѣроятно, и принялъ цензуру газеты непосредственно въ свои руки. *Красный карандашъ* нѣкоторое время въ его рукахъ бездѣйствовалъ, и редакція работала весело, бодро и съ подъемомъ. Но, увы! Медовому мѣсяцу скоро насталъ конецъ. Не помню, по какому поводу, наканунѣ выхода въ свѣтъ одного изъ номеровъ «Сиб. Газ.», М. заѣхалъ въ редакцію и попросилъ А. В. Адріанова, выбросить изъ номера какую-то замѣтку. Адріановъ предложилъ ему произвести эту операцію лично и зачеркнуть эту замѣтку своей рукой по праву цензора. М. скорбно-патетически отвѣтилъ приблизительно такъ: «знаете, это для меня очень тяжело, я слишкомъ люблю и цѣню печатное слово, и рука моя на него не поднимется»,—и съ тѣмъ уѣхалъ. Номеръ вышелъ, конечно,

съ этой неудобной для губернатора замѣткой. Либералъ-губернаторъ вызвалъ къ себѣ для объясненій Адріанова и сухо-оффиціально, съ нескрываемымъ раздраженіемъ, сказалъ ему: «Что же вы надѣлали? Вѣдь, я же убѣдительно просилъ васъ выбросить эту замѣтку!» Адріановъ резонно отвѣтилъ ему на это: «согласитесь, В. П., если вамъ—губернатору, при обязанностяхъ цензора, тяжело покуситься на печатное слово, то какъ же мнѣ, редактору и журналисту, принять на себя ради любезности такую незавидную роль?!» М. сухо распрощался съ Адріановымъ,—и съ тѣхъ поръ между нимъ и редакціей «С. Г.» установились очень натянутыя и оффиціально-дѣловыя отношенія.

Тѣмъ не менѣе цензурныя условія были, сравнительно, довольно мягкія, какъ при М., такъ и при исполнявшихъ впослѣдствіи обязанности цензоровъ «С. Г.»—предсѣдателѣ томскаго губернскаго правленія *Пѣтуховѣ* и старшемъ совѣтникѣ губ. правленія *Николаевѣ*. Совсѣмъ въ иномъ положеніи очутилась «С. Г.» въ то время, когда, въ отсутствіи губернатора, исправлявшій его должность, управляющій томской казенной палатой Г., цензировалъ газету. Этотъ завзятый реакціонеръ, убѣжденный поклонникъ Каткова, прямо душилъ «Сиб. Газ.»,—придирался къ каждой фразѣ, къ каждому слову. Онъ не ограничивался тѣмъ, что предоставлялъ «красному карандашу» безграничноширокій просторъ, но уснащалъ корректуры самыми непозволительными и даже издѣвательскими замѣчаніями: «держи карманъ», «какъ бы не такъ», «вишь, чего захотѣлъ», «прежде надо знать, а потомъ писать», «это еще посмотримъ» и т. п. При цензированіи одного номера, Г. такъ свирѣпствовалъ, что редакція, въ видѣ протеста, выпустила номеръ съ бѣлой страницей вмѣсто изуродованной передовой, а зачеркнутыя въ другихъ статьяхъ мѣста заполнила строками многоточій. По телеграфному представленію обозлившагося Г. главное управленіе по дѣламъ печати строжайше воспретило редакціи выпускать впредь въ такомъ видѣ номера, требуя, чтобы хирургическія операціи цензуры оставались тщательно скрытыми отъ публики.

Все-таки, повторяю, внѣшнія условія выхода «Сиб. Газ.» были,—въ общемъ и сравнительно,—довольно сносны. Около этого времени цензура провинціальныхъ газетъ (тамъ, гдѣ не было спеціальныхъ цензоровъ) возложена была на вице-губернаторовъ, а въ Сибири—на предсѣдателей губернскихъ правленій, каковымъ въ Томскѣ въ то время состоялъ Пѣтуховъ. Этотъ чиновникъ, не смотря на свое ограниченное образованіе (онъ, кажется, окончилъ лишь семинарію) все-таки любилъ печатное слово и,

всячески оберегая себя отъ отвѣтственности, не позволялъ себѣ излишнихъ придирокъ и безцѣльнаго угнетенія газеты, пуская въ ходъ «красный карандашъ» лишь тогда и въ тѣхъ случаяхъ, когда этого требовало—по его мнѣнію — обереганіе собственной личности, приговаривая обыкновенно при этомъ: «Сибирку я люблю, а шкура моя мнѣ все же ближе». Также относился къ дѣлу и исправлявшій въ его отсутствіи (или при замѣщеніи имъ должности губернатора) старшій совѣтникъ губернскаго правленія Николаевъ. Оба они строго придерживались цензурнаго устава и не считали себя призванными усиливать скорпіоны послѣдняго своими собственными измышленіями. Правда, это не спасало ихъ отъ довольно частыхъ замѣчаній со стороны главнаго управленія по дѣламъ печати, а Николаева однажды хотѣли даже уволить «по третьему пункту», и лишь непосредственное заступничество находившагося тогда въ Петербургѣ губернатора спасло его отъ этой кары. Не могу не замѣтить, что самъ Николаевъ при этой оказіи былъ въ крайнемъ недоумѣніи: «помилуйте», говорилъ онъ намъ совершенно растерянный, «по цензурному уставу я не имѣлъ ни основанія, ни права не пропустить такой статьи, такъ какъ она—сама истина, и право я не знаю, если мнѣ впредь представлена будетъ подобная статья, найду ли я возможнымъ по совѣсти не пропустить ея!..» Въ то «дореформенное время» еще не додумались до того, что руководствоваться слѣдуетъ не совѣстью, не законами, а лишь взглядами «сферъ»...

Словомъ, цензура не лишала «Сиб. Газ.» возможности служить интересамъ Сибири. Газета посильно разрабатывала всѣ насущные вопросы русской жизни вообще и сибирской въ частности. Мы, сотрудники, встрѣчали большую поддержку и ободреніе въ читающей публикѣ: неоднократно, по многимъ поводамъ многіе въ безхитростныхъ и искреннихъ письмахъ выражали намъ свое сочувствіе и свою солидарность. Разоблаченія на страницахъ «Сибирской Газеты» заставляли многихъ уменьшать свои хищническіе аппетиты, сокращать свое самодурство и свой начальственный произволъ...

Смертельнаго, безпощаднаго и сильнаго врага «Сиб. Газ.» встрѣтила въ представителѣ того вѣдомства, которое, призванное оффиціально «просвѣщать», по фатальной ироніи судьбы шло почти всегда въ разрѣзъ со всѣмъ прогрессивнымъ и свободолюбивымъ, рука объ руку съ мракобѣсіемъ и ретроградствомъ: въ профессорѣ Флоринскомъ.

Этотъ ученый, подвизавшійся въ шестидесятыхъ годахъ

на страницахъ радикальнаго «*Русскаго Слова*», съ поворотомъ оффиціальной Россіи на путь реакціи круто повернулъ фронтъ. Когда рѣшено было открыть университетъ въ Томскѣ, Флоринскій, бывшій до тѣхъ поръ профессоромъ въ Казани, былъ назначенъ ректоромъ университета. По его настояніямъ «Сибирская Газета» сначала нѣсколько разъ подверглась временнымъ пріостановкамъ, а потомъ была запрещена навсегда.

Такимъ образомъ, эта газета, сконцентрировавшая около себя почти всѣ интеллигентныя силы Западной Сибири, просуществовала около семи лѣтъ. Воспоминанія о ней и о ея работникахъ принадлежатъ къ числу наиболѣе яркихъ и свѣтлыхъ на пройденномъ мною длинномъ житейскомъ пути. Она не блистала выдающимися талантами, она не была свободна отъ многихъ ошибокъ и промаховъ, но она съ перваго момента своего возникновенія до послѣдняго издыханія была идеально-чиста и безкорыстна. Ея работники смотрѣли на свою миссію, какъ на подвигъ; «Сибирка» была для нихъ святыней и храмомъ, въ который можно вступать лишь молитвенно и колѣнопреклоненно...

Окончательное закрытіе «Сибирской Газеты» послѣдовало въ 1887-мъ году, когда меня въ Томскѣ уже не было, а мѣсто мое въ редакціи замѣщено было разносторонне-образованнымъ и высоко-даровитымъ Дмитріемъ Александровичемъ *Клеменцомъ*, раньше жившимъ въ административной ссылкѣ въ Минусинскѣ. Я долженъ теперь вернуться немного назадъ, къ нѣкоторымъ воспоминаніямъ изъ этого періода пребыванія моего въ Томскѣ

II.

Кромѣ Волховскихъ я засталъ въ Томскѣ, въ составѣ, колоніи политическихъ ссыльныхъ, еще нѣсколькихъ лицъ изъ послѣдней, такъ сказать, формаціи: Степана Васильевича *Мокіевскаго-Зубокъ* и жену его—Надежду (урожд. *Субботину*), Максиміліана Семеновича *Мороза*, Владиміра Петровича *Александрова* съ женой Лидіей (урожд. *Николаевой*) и изъ «каракозовцевъ» Болеслава Петровича *Шостаковича*. Проживали, въ Томскѣ и нѣкоторые изъ сосланныхъ по польскому возстанію, но они, за весьма малыми исключеніями, стояли совершенно въ сторонѣ отъ нашей колоніи. Уже при мнѣ въ Томскъ прибыли сестры *Корниловы*—Любовь Ивановна (по мужу Соловьева) и Александра Ивановна, молодая дѣвушка Марья Николаевна *Прасъцкая*, младшій Морозъ—Иванъ Семеновичъ, князь, Александръ Алексѣе-

вичъ *Кропоткинъ*, *Ульяновы*, *Шульцъ*, *Млодецкій*, «каракозовецъ» Петръ Федоровичъ *Николаевъ* и талантливый журналистъ, бывшій редакторъ журнала «Дѣло», Константинъ Михайловичъ *Станюковичъ*.

Въ отличіе отъ ссыльныхъ, разселенныхъ по мизернымъ сибирскимъ городкамъ (разнымъ Ялуторовскамъ, Тарамъ, Тюкалинскамъ, Ишимамъ и т. п.), проживавшіе въ Томскѣ «политическіе» не чуждались мѣстнаго культурнаго общества и, отнюдь не поступаясь своей политической физіономіей, входили съ послѣднимъ въ тѣсное общеніе, стараясь принимать участіе въ мѣстной культурной работѣ, насколько это не встрѣчало препятствій со стороны власть имущихъ.

Помимо указаннаго уже дѣятельнаго участія въ «Сиб. Газетѣ», товарищи мои по ссылкѣ почти всѣ были членами мѣстнаго *общества попеченія о начальномъ образованіи*. Общество это учреждено было по иниціативѣ Петра Ивановича Макушина (съ его легкой руки подобныя общества вскорѣ возникли во многихъ сибирскихъ городахъ, объединяя всѣ маломальски культурные элементы). Годовой членскій взносъ этого общества былъ настолько невысокъ (*одинъ* рубль), что не трудно было вербовать членовъ и въ средѣ мало-состоятельныхъ людей, и общество было довольно многолюдное. Въ Томскѣ, напр., гдѣ въ мое время населеніе не превышало 40.000 чел. обоего пола или около 8.000 семей, общество попеченія о начальномъ образованіи насчитывало, если память мнѣ не измѣняетъ, около 1000 членовъ,—цифра безспорно очень высокая, если сравнить это общество съ аналогичными обществами въ самыхъ крупныхъ русскихъ городахъ. Благодаря выдающейся энергіи и чисто-американской иниціативѣ его учредителя, на средства этого общества, составлявшіяся, помимо членскихъ взносовъ, изъ сборовъ съ концертовъ, лекцій, спектаклей и т. п. (бюджетъ об-ва въ мое время простирался, если не ошибаюсь, до 8—10.000 р.), пріобрѣтались учебныя пособія для учащихся городскихъ начальныхъ училищъ, снабжались одеждой и завтраками бѣднѣйшіе изъ нихъ, и даже всецѣло содержались одно или два училища. Почти всѣ члены мѣстной колоніи «политическихъ» состояли членами этого общества и принимали въ немъ дѣятельное участіе; если не ошибаюсь, Мокіевскій-Зубокъ состоялъ даже членомъ его совѣта. Обстоятельства, однако, скоро измѣнились. Жандармскому начальству (не обошлось дѣло, кажется, безъ инспированія со стороны вѣдомства «просвѣщенія») такое активное участіе «крамольниковъ» въ просвѣтительномъ дѣлѣ пришлось не по вкусу, и губернаторъ, по

его настоянію, потребовалъ отъ предсѣдателя общества, чтобы всѣ «политическіе» исключены были изъ списка членовъ общества. Макушинъ отказался подчиниться этому требованію, какъ не основанному на уставѣ (такого пункта тогда въ послѣднемъ не было), а предложилъ губернатору, чтобы тотъ самъ (буде находитъ это нужнымъ и согласнымъ съ закономъ) вычеркнулъ этихъ лицъ изъ списка и указалъ бы, кто именно и почему не можетъ оставаться членомъ общества. Дѣло затянулось, губернаторъ колебался, а тѣмъ временемъ «политическіе» сами, во избѣжаніе нежелательныхъ осложненій для симпатичнаго дѣла, вышли изъ состава общества.

Я не могу не остановиться немного на П. И. Макушинѣ, какъ на весьма характерной и своеобразной личности.

Уроженецъ пермскаго края, Макушинъ явился въ Сибирь еще молодымъ студентомъ Духовной Академіи (не окончивъ кажется, курса), въ составѣ членовъ бійской духовной миссіи, въ задачи которой входило обращеніе въ христіанство инородцевъ Алтайскаго края и пограничнаго съ Сибирью района. Однако, дѣятельная, полная кипучихъ силъ натура Макушина не могла удовлетворяться дѣятельностью миссіонера,— и онъ, переселившись въ Томскъ, рѣшилъ посвятить себя дѣлу просвѣщенія на гораздо болѣе широкомъ поприщѣ—въ формѣ распространенія школы и книги. Человѣкъ бѣдный онъ съумѣлъ заинтересовать богатаго томскаго купца Михайлова, и въ компаніи съ нимъ открылъ первый въ Сибири книжный магазинъ, организовавъ при этомъ дѣло такъ искусно, что скоро завоевалъ книжный рынокъ по всей Сибири, снабжая учебными и всякаго рода другими книгами, а также учебными пособіями, и Западную, и Восточную Сибирь, и оставаясь въ теченіе многихъ лѣтъ единственнымъ сибирскимъ книгопродавцемъ. Затѣмъ Макушинъ единолично уже открылъ въ Томскѣ при своемъ книжномъ магазинѣ первую въ Сибирѣ библіотеку для чтенія съ прекраснымъ подборомъ книгъ по всѣмъ отраслямъ знанія. Наконецъ, уже впослѣдствіи Макушинъ открылъ первую обширную частную типо-литографію.

Одновременно съ энергичнымъ распространеніемъ книги, при которомъ, правда, не малую роль играло и стремленіе къ личному матеріальному обезпеченію, Макушинъ всячески работалъ въ пользу развитія школьнаго дѣла и распространенія народнаго образованія (преимущественно, начальнаго) въ городахъ и селахъ Сибири. Съ этою цѣлью и было основано Общество попеченія о начальномъ образованіи, девизомъ котораго было: *«ни одного неграмотнаго»*.

Въ день прибытія моего въ Томскъ я сразу наткнулся на яркій эпизодъ изъ дѣятельности Макушина: по праздничнo разукрашеннымъ улицамъ Томска двигалась обширная процессія въ нѣсколько сотъ дѣтей со знаменами, на которыхъ красовалась симпатичная и краснорѣчивая надпись: «Ни одного неграмотнаго!» Въ дѣтской процессіи находилась и масса взрослыхъ обоего пола. Эта громадная, праздничпо-настроенная толпа направлялась, при торжественныхъ звукахъ впереди шествовавшаго оркестра, къ зданію Городской Думы. Это былъ *школьный праздникъ*, ежегодно устраиваемый Макушинымъ. Такихъ хорошихъ, свѣтлыхъ «праздниковъ» я въ Россіи до тѣхъ поръ не встрѣчалъ и съ великимъ душевнымъ наслажденіемъ принялъ въ немъ сердечное участіе. Чувствовалось, что въ этомъ праздникѣ сошлись во едино и старъ, и младъ, люди разныхъ состояній и званій, и что «школа» въ томскомъ населеніи уже вполнѣ популяризована. И я не могу не констатировать, что самымъ главнымъ ея популяризаторомъ явился именно П. И. Макушинъ. Правда, сибирская почва, на которой работали декабристы, петрашевцы и многіе другіе политическіе изгнанники, въ значительной степени уже была подготовлена для такой пропаганды, но значеніе дѣятельности Макушина нисколько отъ этого не умаляется.

Многіе обвиняли Макушина въ томъ, что онъ всегда и вездѣ преслѣдовалъ личные свои интересы, что, стремясь къ насажденію школъ, къ расширенію контингента учащихся, онъ заботился въ сущности лишь о себѣ, такъ какъ параллельно съ этимъ долженъ былъ расширяться и сбытъ книгъ и пособій, которыми онъ торговалъ съ большими для себя барышами, что онъ эксплуатировалъ при этомъ служащихъ магазина и библіотеки, рабочихъ и наборщиковъ открытой имъ типографіи и т. п. Обвиненія эти, по моему мнѣнію, не основательны. Книжный магазинъ, конечно, открытъ былъ Макушинымъ съ цѣлью извлеченія матеріальныхъ выгодъ, да иначе и быть не могло: компаньонъ его—Михайловъ—безъ этого условія не согласился бы вложить въ дѣло значительную часть своего капитала, а безъ Михайлова немыслимо было бы и самое открытіе магазина. Но Макушинъ былъ весь проникнутъ стремленіемъ къ расширенію образованія въ народной средѣ, и ему, благодаря замѣчательной энергіи и выдающейся иниціативѣ, удалось сдѣлать въ этомъ отношеніи очень многое. Заботы Макушина о расширеніи школьной сѣти, объ улучшеніи положенія учащихъ и учащихся въ начальныхъ училищахъ, были безъ сомнѣнія совершенно безкорыстны и чисто-идейны. Нельзя же допустить, чтобы такой

дѣловой человѣкъ, какъ Макушинъ, сталъ искать фундаментъ для своего матеріальнаго благополучія въ двухъ-трехъ десяткахъ начальныхъ школъ, общій расходъ которыхъ на учебники и учебныя пособія не превышалъ, вѣроятно, 5—6.000 руб. въ годъ! Я пишу эти воспоминанія слишкомъ черезъ 25 лѣтъ послѣ личнаго столкновенія моего въ Томскѣ съ Макушинымъ. Его позднѣйшая дѣятельность и дошедшія недавно до меня газетныя извѣстія о послѣднемъ его шагѣ подтвердили справедливость моего взгляда: Макушинъ предоставилъ въ распоряженіе городскаго управленія капиталъ въ сто тысячъ рублей на учрежденіе въ Томскѣ народнаго университета.

III.

Благодаря либерально-настроенному губернатору М. политическимъ ссыльнымъ въ Томскѣ жилось, сравнительно, довольно вольготно. Полиція «надзоръ» свой осуществляла въ легкой и приличной формѣ, мѣстные обыватели «политическихъ» не боялись и не чуждались, даже добивались знакомства съ ними, въ пріисканіи «занятій» не ставилось имъ никакихъ преградъ, и почти всѣ, нуждавшіеся въ заработкѣ, безъ особаго труда его въ Томскѣ находили.

Такое положеніе вещей не измѣнилось и при новомъ губернаторѣ К.

Это былъ интересный типъ россійскаго помпадура «добраго стараго времени». Неудачный участникъ Крымской кампаніи (въ качествѣ адъютанта при командующемъ арміей), К. впослѣдствіи попалъ въ инспекторы студентовъ Московскаго университета и на этомъ посту пріобрѣлъ въ Москвѣ обширную популярность, которая еще болѣе возросла, когда онъ перешелъ на службу въ министерство внутреннихъ дѣлъ, занявъ постъ московскаго вице-губернатора. По словамъ К., онъ очень неохотно согласился промѣнять постъ московскаго вице-губернатора на постъ томскаго губернатора, такъ какъ Москва для него была то же, что вода для рыбы. Въ Москвѣ, съ большой экспрессіей говорилъ К. всѣмъ, съ кѣмъ только ему приходилось сталкиваться,—«меня всѣ знаютъ; тамъ нѣтъ той бабы, того мужика, которые бы меня не знали. Если бы я сегодня явился въ Москву и вошелъ бы въ любой театръ во время представленія, послѣднее, навѣрное, немедленно пріостановилось бы, такъ какъ я увѣренъ, что всѣ, какъ одинъ человѣкъ закричали

бы: «вотъ Иванъ Ивановичъ пришелъ» и бросились бы наперерывъ пожимать мою руку». Но прибавлялъ онъ съ напущенной важностью, «не могъ я отказать своему Государю, когда онъ, сидя около меня, какъ я сижу теперь около васъ, обратился ко мнѣ съ такими высокомилостивыми словами: «губернаторомъ въ Томскъ я могу назначить только самаго безкорыстнаго и самаго честнаго человѣка. Вы, Иванъ Ивановичъ, именно такой и должны туда поѣхать». Разумѣется, всѣ понимали, что въ этихъ словахъ немало преувеличеній; но всѣ прощали ему его тщеславіе, какъ въ сущности мало для кого вредное.

Этотъ своеобразный администраторъ отличался одновременно и добродушіемъ, и чиновничьей пронырливостью. Самой слабой его стороной была страсть къ популярности, неудержимая страсть къ тому, чтобы о немъ всѣ говорили и писали,—чтобы въ Россіи, а въ особенности въ Москвѣ знали и говорили о его «плодотворной» дѣятельности. Вотъ почему онъ всячески старался заводить тѣсное знакомство съ сотрудниками мѣстныхъ газетъ и въ особенности съ корреспондентами столичныхъ газетъ или съ тѣми, кого онъ такими считалъ, такъ какъ не всѣ, понятно, находили удобнымъ заявлять открыто о своей корреспондентской дѣятельности. Вскорѣ послѣ прибытія своего въ Томскъ, К. пригласилъ, меня къ себѣ, и передалъ мнѣ въ дружескомъ тонѣ «поклонъ» отъ редактора «Русскихъ Вѣдомостей» Соболевскаго, который передъ отъѣздомъ К. изъ Москвы сообщилъ-де ему, что въ Томскѣ корреспондентомъ «Р. В.» состою я, и просилъ его оказывать мнѣ всяческое содѣйствіе, на которое я-де и могу вполнѣ расчитывать. Я ни минуты не сомнѣвался въ томъ, что Соболевскій, котораго лично я вовсе не зналъ и съ которымъ никогда не встрѣчался, этого сказать не могъ, да и не имѣлъ права сказать. К. узналъ о моемъ корреспондированіи такъ сказать домашнимъ способомъ, и ему захотѣлось «задобрить» меня, чтобы я изъ признательности прославословилъ его въ *московской* газетѣ.

Въ отношеніи къ мѣстной администраціи «Сибирская Газета» твердо придерживалась того принципа, чтобы—въ предѣлахъ цензурной возможности—разоблачать ея злоупотребленія и хищническія продѣлки и при этомъ никоимъ образомъ не расхваливать рѣдкихъ и случайныхъ приличныхъ администраторовъ, дабы афишированіемъ исключеній не вводить въ заблужденіе читателей и не сбивать ихъ съ правильной точки зрѣнія. Крайне недовольный тѣмъ, что «С. Г.» удѣляетъ такъ мало мѣста его административной дѣятельности, К. пригласилъ къ себѣ однажды А. В.

Адріанова и обратился къ нему съ упрекомъ.—«Вы вотъ подхватываете всѣ некрасивые поступки чиновниковъ, безпощадно ихъ разоблачаете, а когда администрація дѣлаетъ что-либо хорошее и полезное, вы не считаете нужнымъ поощрить ее на этомъ пути добрымъ словомъ». Адріановъ, со свойственной ему искренностью и прямолинейностью, отвѣтилъ: «наша газета принципіально-оппозиціонная, а разъ мы станемъ изображать администрацію въ хорошемъ и симпатичномъ свѣтѣ, благодаря ея исключительно-рѣдкимъ приличнымъ поступкамъ, мы введемъ въ заблужденіе обывателя, который можетъ подумать, что «С. Г.» идетъ рука-объ-руку съ правительствомъ». Такое прямодушное заявленіе редактора крайне смутило и поразило К., и онъ—при встрѣчѣ со мною въ тотъ же день — съ горечью мнѣ сказалъ: «Что вы скажете на такое заявленіе, а?! *Могутъ подумать*, что его газета не *противъ* правительства! И это онъ говоритъ кому же? Мнѣ—члену этого правительства, представителю самодержавной власти (этимъ «представительствомъ» К. очень гордился и всюду его афишировалъ)! Объясните-ка хоть вы Адріанову, какъ это безтактно съ его стороны объясняться такимъ образомъ съ *губернаторомъ*. Онъ долженъ благословить судьбу, что онъ имѣлъ дѣло съ Иванъ Ивановичемъ, бывшимъ инспекторомъ студентовъ московскаго университета; вѣдь, попади-ка онъ на другого, тотъ не преминулъ бы закрыть за это газету!..»

Въ бытность мою въ Томскѣ я получилъ отъ западно-сибирскаго отдѣла географическаго общества командировку въ алтайскій горный округъ для изслѣдованія тамъ переселенческаго дѣла, при чемъ, по ходатайству отдѣла, К. снабдилъ меня открытымъ листомъ о всяческомъ содѣйствіи ко всѣмъ полицейскимъ, волостнымъ и сельскимъ властямъ этого горнаго округа. Во время пребыванія моего въ г. Бійскѣ, гдѣ я собиралъ кое-какія предварительныя свѣдѣнія, туда пріѣхалъ К., выѣхавшій со своими чиновниками въ губернію для ревизіи. Въ этотъ же день я получилъ отъ него экстренное приглашеніе явиться къ нему. Онъ посвятилъ меня во всѣ подробности своей ревизіи, съ паосомъ разсказывая, какъ его *любитъ* все населеніе, какъ запросто и довѣрчиво повсюду къ нему являются крестьяне и мѣщане со всевозможными просьбами и жалобами, какъ всѣ благодарятъ его за его справедливое и отеческое отношеніе и т. д. Тутъ же онъ предложилъ мнѣ поѣхать съ нимъ на пограничный (съ Монголіей) пунктъ — *Улану*, гдѣ находилась резиденція духовной миссіи. Поѣздка «въ свитѣ» губернатора мнѣ не особенно улыбалась,

но въ интересахъ успѣшности моей командировки я не находилъ удобнымъ отказываться отъ его предложенія, тѣмъ болѣе, что Улана лежала внѣ района моего спеціальнаго изслѣдованія, а посѣщеніе ея представляло для меня большой интересъ. Впрочемъ, въ Уланѣ я пробылъ одни лишь сутки, побывалъ въ нѣкоторыхъ стойбищахъ и отправился въ алтайскую волость...

Вернулся я въ Томскъ недѣли черезъ двѣ-три послѣ окончанія губернаторской ревизіи и, согласно данному слову, посѣтилъ К. Онъ подробно разспрашивалъ меня о дѣятельности администраторовъ біскаго округа, и, узнавъ отъ меня о неблаговидныхъ поступкахъ по отношенію къ крестьянскому населенію одного «засѣдателя» (стан. пристава), распорядился въ тотъ же день по телеграфу объ удаленіи его со службы.

Съ нетерпѣніемъ К. ждалъ появленія въ «Сиб. Газ.» и въ «Русск. Вѣдом.» подробностей о его «благодѣтельной» ревизіи, но я, по понятнымъ причинамъ, отъ этого воздержался, тѣмъ болѣе, что отъ меня не скрыта была и оборотная сторона губернаторской ревизіи. Я слышалъ и отчасти самъ видѣлъ, какъ въ самое страдное время отрывали крестьянъ отъ работъ для починки дорогъ по случаю проѣзда губернатора, какъ по всему пути на всѣхъ станціяхъ держали по нѣсколько дней десятокъ-другой лучшихъ крестьянскихъ лошадей, какъ многихъ угрозами удерживали отъ подачи жалобъ и т. п. Когда прошло нѣсколько недѣль и нигдѣ о благодѣтельной ревизіи не появилось ни слова, К. началъ на меня дуться и относиться ко мнѣ замѣтно сухо. Не долго, впрочемъ, ему приходилось огорчаться невнимательностью къ нему печати: скоро, при его содѣйствіи, въ Томскѣ стала издаваться вторая газета—«Сибирскій Вѣстникъ», явившійся какъ бы лейбъ-органомъ К. и прекрасно восполнявшій по отношенію къ нему пробѣлъ «Сиб. Газеты».

IV.

Въ числѣ политическихъ ссыльныхъ, которыхъ я засталъ въ Томскѣ, находился Степанъ Васильевичъ *Моніевскій-Зубокъ*. Во время оно онъ входилъ въ составъ кружка «чайковцевъ» и былъ на счету «подававшаго надежды». Онъ держалъ себя всегда «на-сторожѣ», но все-таки привлеченъ былъ къ процессу 193-хъ. Оправданный по суду, онъ (какъ и громадное большинство оправданныхъ по этому процессу) подлежалъ водворенію, въ въ административномъ порядкѣ, въ одной изъ сѣверныхъ гу-

берній Европейской Россіи. Однако какъ жениху *Надежды Субботиной,* осужденной по московскому процессу 50-ти на поселеніе въ Сибирь и водворенной въ Томскѣ, ему разрѣшили избрать мѣстомъ жительства Томскъ, гдѣ онъ и обвѣнчался съ Субботиной. Располагая небольшимъ капиталомъ, Мокіевскій-Зубокъ, въ компаніи съ каракозовцемъ Шостаковичемъ, открылъ въ Томскѣ мучной лабазъ для продажи крупчатки, преимущественно изъ паровой мельницы курганскаго купца Смолина. Оба компаньона не лишены были значительной доли житейской «практичности» и «торговой сметки», но ихъ торговое предпріятіе не ладилось, тѣмъ болѣе, что Шостаковичъ ближайшаго участія въ веденіи его не принималъ, будучи всецѣло поглощенъ службой (въ качествѣ бухгалтера) у купца П. Михайлова, а также работой въ городской управѣ (какъ членъ ея) и въ городской думѣ (какъ гласный). Непосредственно завѣдывавшій лабазомъ Мокіевскій-Зубокъ этимъ занятіемъ тяготился и очень охотно скоро съ нимъ разстался, когда получилъ должность секретаря губернскаго статистическаго комитета. Обязанности его были очень несложны, благодаря весьма опытному помощнику, уголовному ссыльному Томасу.

Жена Мокіевскаго-Зубка, послѣ нѣкоторыхъ разочарованій, испытанныхъ ею лично и ея старшей сестрой—Евгеніей, очутилась въ «раскаявшихся» и, по прямотѣ своей натуры, открыто враждебно относилась ко всѣмъ «радикаламъ», къ каковымъ она причисляла почти всѣхъ политическихъ ссыльныхъ.

Сестры Корниловы, также жившія при мнѣ въ Томскѣ, сыграли въ русскомъ освободительномъ движеніи очень замѣтную роль, отдавая родинѣ не только всѣ свои силы, но и довольно значительныя матеріальныя средства. Въ началѣ 70-хъ годовъ онѣ примкнули къ кружку Марка Андреевича Натансона, а затѣмъ были весьма ревностными членами кружка Чайковскаго. Александра Ивановна привлекалась по процессу 193-хъ и была оправдана по суду, что не помѣшало администраціи водворить ее на жительство въ г. Верхотурье, пермской губерніи, куда попала (даже безъ предварительнаго привлеченія къ суду) и старшая ея сестра Любовь Ивановна, тамъ же вышедшая замужъ за учителя реальнаго училища—Соловьева. Когда Александра Ивановна переведена была въ Томскъ, а мужъ Любовь Ивановны назначенъ былъ инспекторомъ томскаго городского ремесленнаго училища, туда переѣхала на жительство и Любовь Ивановна.

Будучи по спеціальности акушеркой, Александра Ивановна нашла работу въ томской городской амбулаторной лѣчебницѣ,

которою завѣдывалъ врачъ Алексѣй Ивановичъ Макушинъ (впослѣдствіи членъ государственной думы), человѣкъ въ высшей степени добропорядочный и трудоспособный. Въ этой же амбулаторіи, въ качествѣ фармацевта, работалъ административно-сосланный Максимиліанъ Семеновичъ *Морозъ*, за котораго Александра Ивановна и вышла замужъ. Обѣ сестры жили крайне скромно удѣляя на помощь другимъ самую значительную часть своихъ доходовъ. Любовь Ивановна—очень сердечно относилась къ ученикамъ ремесленнаго училища, устраивая часто для нихъ праздники и помогая своими средствами наиболѣе нуждающимся изъ нихъ.

Чрезвычайно типичную фигуру въ средѣ томскихъ ссыльныхъ представлялъ князь *Александръ Алексѣевичъ Кропоткинъ*, старшій братъ извѣстнаго и нынѣ еще здравствующаго эмигранта Петра Алексѣевича Кропоткина, съ которымъ они находились въ большой и интимнѣйшей дружбѣ. Оба брата въ началѣ 60-хъ годовъ служили въ Сибири, Александръ Алексѣевичъ, если не ошибаюсь — старшимъ адъютантомъ при начальникѣ штаба войскъ Иркутскаго военнаго округа полковникѣ Кугелѣ, человѣкѣ выдающихся дарованій и просвѣщеннаго образа мыслей. Затѣмъ Александръ Алексѣевичъ, какъ и братъ его, бросилъ военную службу, вернулся въ Европейскую Россію, отдался всецѣло научной дѣятельности и переселился на нѣсколько лѣтъ въ Швейцарію, съ женой — иркутянкой Вѣрой Севастьяновой (урожденной Чайковской).

Александръ Алексѣевичъ былъ типичный ученый. Онъ всецѣло погрузился въ астрономію, съ увлеченіемъ ею занимался, состоя въ постоянной ученой перепискѣ съ самыми выдающимися астрономами Стараго и Новаго Свѣта. Въ Цюрихѣ онъ очень близко сошелся съ проживавшими тамъ эмигрантами, въ особенности съ Петромъ Лавровичемъ Лавровымъ, который привлекалъ къ себѣ всѣ его симпатіи, не столько какъ политическій дѣятель, сколько какъ философъ и ученый. А. А. принималъ участіе въ борьбѣ «лавристовъ» и «бакунистовъ» (примыкая самъ къ «лавристамъ», между тѣмъ какъ жена его очутилась въ средѣ «бакунистовъ», о чемъ А. А. впослѣдствіи не мало разсказывалъ съ траги-комическимъ юморомъ), посѣщалъ разныя собранія и т. п. Вернувшись въ Россію А. А. продолжалъ живую и постоянную переписку съ послѣднимъ, и это разбило всю дальнѣйшую его жизнь. Вслѣдствіе перехваченнаго письма къ нему отъ Лаврова, у Кропоткина произведенъ былъ обыскъ. Ничего предосудительнаго у него не нашли, но Кропоткинъ жестоко оскорбилъ присутствовавшаго при обыскѣ прокурора; когда послѣдній, собирался

уходить, вмѣстѣ съ жандармскимъ офицеромъ, и они протянули на прощанье руку Александру Алексѣевичу, послѣдній со свойственной ему экспансивностью и прямолинейной откровенностью, отвѣтивъ на пожатіе руки жандармскаго офицера, не подалъ руки прокурору, замѣтивъ: — Я могу еще протянуть руку жандармамъ, какъ безсознательно дѣйствующимъ, но Вамъ и вообще прокурорамъ, какъ «сознательнымъ, я не могу подать своей руки». Вполнѣ естественно, что такая «дерзость» безнаказанно сойти не могла, и князь Кропоткинъ, по установившейся практикѣ, въ административномъ порядкѣ высланъ былъ на пять лѣтъ въ Восточную Сибирь и водворенъ въ маленькомъ городкѣ Енисейской губерніи—Минусинскѣ, куда за нимъ послѣдовали и жена его съ двумя сыновьями.

Въ матеріальномъ отношеніи А. А. Кропоткинъ былъ въ ссылкѣ вполнѣ обезпеченъ. Но провинціальная глушь, отсутствіе сколько-нибудь сносной библіотеки и подходящаго общества страшно тяготили Александра Алексѣевича. Большимъ рессурсомъ служилъ для него извѣстный минусинскій музей, на пользу котораго онъ много работалъ совмѣстно съ Дмитріемъ Александровичемъ Клеменцомъ и другими, проживавшими въ Минусинскѣ ссыльными.

Тоска и угнетенное состояніе Кропоткина сугубо усилились, когда ему,—по окончаніи первоначально назначеннаго 5-ти лѣтняго срока ссылки было объявлено, что послѣдняя продлена ему еще на пять лѣтъ. А. А. понялъ, что враги его столь же злопамятны, сколько и сильны, и за нанесенное имъ оскорбленіе будутъ ему мстить до гробовой доски. Онъ совсѣмъ пріунылъ, тѣмъ болѣе что матеріальное положеніе его постоянно ухудшалось; арендаторы его имѣнія, пользуясь отсутствіемъ его хозяина, постоянно сокращали арендную плату и высылали ее крайне неаккуратно. Но къ этому времени, по ходатайству родныхъ его жены, ему разрѣшили переѣхать съ семьей на жительство въ Томскъ, гдѣ я съ нимъ и познакомился.

Это былъ удивительно своеобразный и оригинальный человѣкъ. По убѣжденіямъ своимъ онъ былъ несомнѣнный и безусловный демократъ, но въ то же время онъ инстинктивно до мозга костей проникнутъ былъ сознаніемъ своей родовитости. Не разъ приводилъ онъ меня и другихъ товарищей въ чрезвычайно веселое настроеніе, когда въ пылу раздраженія и полемики съ разными представителями власти онъ принимался доказывать имъ, что они не достойны даже того, чтобы онъ съ ними говорилъ, ибо онъ— «Рюриковичъ». Однажды, А. А. сильно оскорбилъ мѣстнаго присяжнаго повѣреннаго К.; тотъ вызвалъ его на дуэль, но А. А.

самымъ серьезнымъ образомъ замѣтилъ ему, что онъ забываетъ, какое громадное разстояніе между Рюриковичемъ и мелкимъ дворянчикомъ. Въ обращеніи съ мѣстными властями (въ особенности съ жандармскими) Кропоткинъ бывалъ всегда крайне рѣзокъ и неуступчивъ, часто заявляя, что говоритъ съ ними лишь въ силу необходимости и съ великимъ отвращеніемъ.

Въ отношеніи къ колоніи политическихъ ссыльныхъ, князь Кропоткинъ былъ прекрасный и до нельзя корректный и безукоризненный товарищъ, сохраняя всюду и всегда въ сношеніяхъ съ ними образцовое джентельменство. Прибывъ въ Томскъ, Александръ Алексѣевичъ прежде всего сдѣлалъ визиты всѣмъ членамъ колоніи безъ исключенія. Въ Новый Годъ и на Пасхѣ онъ обязательно обходилъ всѣхъ съ визитами, усиленно приглашая къ себѣ всѣхъ. Всегда и во всякое время онъ очень радушно принималъ у себя всѣхъ политическихъ ссыльныхъ, обильно угощая каждаго, всячески стараясь не давать чувствовать своего превосходства въ какомъ бы то ни было отношеніи. «Помогать товарищамъ» Александръ Алексѣевичъ считалъ своимъ первѣйшимъ долгомъ и никогда никому изъ нихъ ни въ чемъ (въ предѣлахъ возможнаго) не отказывалъ.

Кропоткинъ стоялъ очень близко къ редакціи «Сиб. Газ.» и, не принимая въ ней прямого участія, часто посѣщалъ редакціонныя собранія и поддерживалъ самыя близкія и дружескія отношенія ко всѣмъ сотрудникамъ газеты. Еще въ бытность его въ Минусинскѣ, онъ написалъ замѣчательную статью по поводу административной ссылки, доказавъ всю ея несостоятельность и противозаконность. Статья эта, напечатанная въ нѣсколькихъ номерахъ (къ сожалѣнію—не широко распространенной) «Сиб Газеты», не была подписана и мало кто зналъ тогда, кто былъ ея авторомъ. Высшія сферы обратили на нее достодолжное вниманіе, и когда впослѣдствіи «Сиб. Газета» закрыта была навсегда, въ числѣ многихъ обвинительныхъ противъ нея пунктовъ указана и эта «крамольная» статья.

Рѣшившись отправить семью свою въ Россію, Кропоткинъ до окончанія срока ссылки остался въ Томскѣ. Разлука съ семьей сильно подѣйствовала на него. Онъ страшно захандрилъ и затосковалъ. Будущее стало рисоваться ему въ самыхъ мрачныхъ краскахъ. Его все чаще и чаще сталъ пугать призракъ надвигающейся нищеты, такъ какъ оскудѣвшихъ доходовъ, по его мнѣнію, не хватило бы ему на жизнь въ Петербургѣ. Чѣмъ больше приближался срокъ его ссылки, тѣмъ сильнѣе онъ хандрилъ—и,

наконецъ, не совладавъ съ собой, въ припадкѣ отчаянія выстрѣлилъ себѣ въ високъ.

Я жилъ по близости отъ Кропоткина. Мнѣ тотчасъ же дали знать о разразившемся несчастіи. Черезъ нѣсколько минутъ я былъ уже на его квартирѣ, гдѣ засталъ бездыханный трупъ его, не совсѣмъ еще остывшій. Какъ ни велико было наше общее горе, я съ М.-З. прежде всего сняли съ покойнаго А. А. галстухъ, такъ какъ знали, что онъ, какъ казначей кассы для помощи ссыльнымъ, всегда хранилъ въ складкахъ галстуха микроскопически-мелко написанный отчетъ по кассѣ. Спустя нѣсколько минутъ появились и опекавшія Кропоткина власти...

На третій день колонія томскихъ политическихъ ссыльныхъ и редакція «Спб. Газеты» въ полномъ составѣ при большомъ наплывѣ обывательской публики торжественно похоронили на томскомъ кладбищѣ этого человѣка, который навѣрное очень много далъ бы наукѣ, если бы не безсмысленная и жестоко-несправедливая русская дѣйствительность, не щадящая ни знаній, ни таланта...

Бывшій народоволецъ и террористъ (и не рядовой, а генералиссимусъ), а нынѣ состоящій редакторомъ «Московскихъ Вѣдомостей» и крупнѣйшимъ столпомъ нашихъ реакціонеровъ и обскурантовъ, Левъ Тихомировъ, въ первой половинѣ 80-хъ годовъ прошлаго столѣтія (когда онъ числился еще въ спискахъ революціонеровъ) помѣщалъ присылаемыя изъ Парижа публицистическія статьи, подъ псевдонимомъ: «*Кольцовъ*», въ подцензурномъ журналѣ «*Дѣло*». Когда обстоятельство это, послѣ обыска, произведеннаго въ редакціи и конторѣ журнала, обнаружилось, оно признано было вполнѣ достаточнымъ для того, чтобы тогдашняго редактора «Дѣла» запереть въ тюрьму, а затѣмъ и сослать въ административномъ порядкѣ въ Сибирь. Это былъ извѣстный писатель Константинъ Михайловичъ Станюковичъ который при мнѣ и водворенъ былъ на жительство въ г. Томскъ, гдѣ мнѣ пришлось съ нимъ познакомиться и довольно близко сойтись.

Въ ссылку Станюковичъ отправился со всей своей семьей: женой Любовью Николаевной (урожд. Бубновой), тремя дочерьми и сыномъ. Семья эта была на-рѣдкость культурная и въ высшей степени гостепріимная. Любовь Николаевна была отличная музыкантша; Константинъ Михайловичъ отличался чрезвычайной общительностью и былъ, весьма интересный и живой собесѣдникъ, въ распоряженіи котораго всегда имѣлся неисчерпаемый запасъ всевозможныхъ разсказовъ и анекдотовъ изъ зако-

лисной жизни міра петербургскихъ литераторовъ и журналистовъ.

На первыхъ порахъ семья Станюковича держалась на значительной дистанціи отъ колоніи томскихъ политическихъ ссыльныхъ. Самъ Константинъ Михайловичъ, для котораго писательская среда была необходимой стихіей, прежде всего и на первыхъ же порахъ очень близко сошелся съ членами редакціи «Сибирской Газеты», въ томъ числѣ съ Волховскимъ и со мною. Онъ посѣщалъ наши редакціонныя собранія и по нашему предложенію согласился писать для газеты романъ - фельетонъ изъ мѣстной жизни (*«Не столь отдаленныя мѣста»*), въ которомъ задумалъ изобразить характерные типы уголовно-ссыльнаго элемента Сибири. Какъ человѣкъ, привышій къ болѣе или менѣе широкой жизни, Станюковичъ нуждался въ средствахъ. Хотя Любовь Николаевна, вскорѣ по прибытіи въ Томскъ, получила хорошо оплачиваемые уроки по музыкѣ, Константинъ Михайловичъ весьма охотно запродалъ нашей бѣдной газетѣ задуманный романъ за 400 р., съ условіемъ уплаты впередъ всей суммы и съ обязательствомъ доставлять къ каждому номеру («Сиб. Газ.» выходила разъ въ недѣлю — по Воскресеньямъ) по небольшой главкѣ въ теченіе чуть ли не цѣлаго года. Такъ какъ, типографія «Сиб. Газ.» была очень скромныхъ размѣровъ и не важно оборудована, то приходилось приступать къ набору (кромѣ текущаго матеріала) обыкновенно начиная со среды, и Станюковичу поставлено было условіемъ доставлять свою очередную главку не позже четверга. Однако, въ значительномъ большинствѣ случаевъ мнѣ приходилось по пятницамъ съ утра забираться на его квартиру, засаживать его въ кабинетъ на нѣсколько часовъ и просить его при мнѣ же писать эту главку, которая сейчасъ же поступала въ наборъ и къ вечеру отправлялась къ цензору. Такова уже была обычная привычка Станюковича (по его объясненію — вслѣдствіе благодаря одновременной работы для нѣсколькихъ изданій) браться за очередную работу въ самую послѣднюю минуту, когда дальше откладывать уже невозможно. Не безъ большого огорченія я узналъ отъ него, почему такъ скомканъ былъ конецъ одного изъ лучшихъ его романовъ: «Два брата». Онъ жилъ въ Швейцаріи; печатаніе этого романа сильно затянулось. Онъ получилъ телеграмму, въ которой редакція «Дѣла» требовала во что бы то ни стало окончаніе романа непремѣнно въ ближайшей же книжкѣ. Онъ засѣлъ больной за работу, проработалъ безъ отдыха и безъ сна нѣсколько дней подъ-рядъ (смѣняя постоянно холодные компрессы), и кое-какъ выполнилъ

требованіе. А мы — читатели — недоумѣвали, почему такъ неудачно закончился такъ хорошо начатый романъ. Въ томъ и было несчастіе этого безспорно талантливаго и умнаго писателя, что ему приходилось всегда работать второпяхъ, при всякомъ настроеніи. Съ романомъ-фельстономъ: «Не столь отдаленныя мѣста» выходили просто комическіе инциденты. Раза два случалось, что рыжеволосый персонажъ въ одной главѣ оказывался въ другой главѣ брюнетомъ, или персонажъ, фигурировавшій въ одной главѣ подъ однимъ именемъ, появлялся въ другой съ совсѣмъ другимъ именемъ и т. п. Съ этимъ нужно было считаться и тщательно просматривать рукопись. Такая путаница была вполнѣ естественна, такъ какъ предварительнаго плана для романа Константинъ Михайловичъ, насколько я помню, себѣ не составилъ; онъ писалъ одновременно нѣсколько романовъ, а къ тому же рѣдкій вечеръ проводилъ не въ обществѣ за винтомъ, къ которому питалъ большую слабость. Да и общество (какое бы оно не было) для него, какъ для человѣка въ высшей степени экспансивнаго, было крайне необходимо. Я долженъ, однако, замѣтить, что рядомъ съ легкими вещицами, которыя писались на-спѣшку и кое-какъ, прямо на бѣло и даже безъ поправокъ, Станюковичъ въ Томскѣ писалъ и свои «Морскіе разсказы», которые онъ тщательно отдѣлывалъ, перечитывая написанное по нѣсколько разъ въ обществѣ періодически собиравшихся у него политическихъ ссыльныхъ, тщательно выслушивая и взвѣшивая всѣ мнѣнія о прочитанномъ. Константинъ Михайловичъ особенно цѣнилъ тонкія критическія замѣчанія Волховскаго, котораго онъ всегда выслушивалъ съ величайшимъ вниманіемъ, зачастую восхищаясь эстетическимъ чутьемъ этого широко-образованнаго человѣка «Морскіе разсказы» Станюковича считаются по справедливости лучшимъ и наиболѣе обработаннымъ его произведеніемъ. Самъ Константинъ Михайловичъ, когда первыя главы этихъ разсказовъ появились въ «Вѣстн. Европы» и обратили на себя всеобщее вниманіе, неоднократно приписывалъ ихъ достоинства именно тому, что они писались въ ссылкѣ, гдѣ борьба за существованіе все-таки не была для него столь интенсивна, гдѣ онъ могъ хоть немного на чемъ-нибудь сосредоточивать свое несомнѣнное дарованіе и могъ позволить себѣ роскошь передѣлывать и отдѣлывать разныя главы...

Томскъ, благодаря центральному положенію своему «на тракту», представлялъ пунктъ, черезъ который во время навигаціи (единственное сообщеніе въ то время между Тюменью и Томскомъ было тогда пароходное) безпрерывно направлялись въ

Восточную Сибирь разныя «партіи» политическихъ ссыльныхъ и чрезъ который обратно возвращались многіе изъ отбывшихъ срокъ своей ссылки. Въ то «до-конституціонное время» сибирская администрація не относилась еще такъ свирѣпо и съ такой человѣко-ненавистнической злобой къ политическимъ ссыльнымъ, какъ теперь,—и я, какъ и нѣкоторые другіе товарищи, имѣли возможность знакомиться со многими проходившими черезъ Томскъ и оказывать имъ (непосредственно или черезъ посредство слѣдовавшихъ за ними добровольно членовъ семейства) посильную помощь, имѣвшую даже по возможности организованный характеръ. Возвращавшіеся обратно въ Россію черезъ Томскъ почти всѣ тамъ останавливались на болѣе или менѣе короткое время, и рѣдкіе изъ нихъ не посѣщали насъ—томичанъ. Я не могу не вспомнить съ глубокимъ, сердечнымъ удовольствіемъ о возвращавшемся, при мнѣ черезъ Томскъ изъ Якутской области *Владимірѣ Галактіоновичѣ Короленко*, доставившемъ томской колоніи истинное наслажденіе своимъ пребываніемъ въ ея средѣ въ теченіе нѣсколькихъ дней. Онъ былъ тогда еще въ началѣ своей литературной карьеры. Его устойчиво-крѣпкій, какъ изъ гранита высѣченный характеръ еще мало тогда успѣлъ проявиться; далеко впереди еще была защита мультанскому дѣлу, его «Голодный годъ», замѣчательныя статьи о смертной казни и военномъ правосудіи. Но Владиміръ Галактіоновичъ уже былъ широко извѣстенъ своей послѣдовательностью и упорно-твердой убѣжденностью приведшей его изъ сѣверныхъ губерній Россіи (за отказъ отъ присяги Александру III) въ Амгинскую слободу Якутской области, въ которой онъ прожилъ 5 лѣтъ въ компаніи съ Натансономъ и Аптекманомъ. Хотя Короленко въ этой суровой слободѣ занимался хлѣбопашествомъ и шилъ сапоги, но онъ тамъ и писалъ и везъ съ собою «Сонъ Макара». Эту рукопись онъ прочелъ намъ въ полномъ сборѣ нашей колоніи и сотрудниковъ «Сиб. Газеты». Я и теперь, по прошествіи четверти вѣка, живо помню, съ какимъ напряженнымъ и глубокимъ вниманіемъ мы всѣ слѣдили за его мастерскимъ чтеніемъ этого мастерского произведенія, въ какой энтузіазмъ привелъ насъ всѣхъ этотъ чудный «Сонъ Макара», и какъ по окончаніи чтенія у всѣхъ одновременно явилась одна и та же мысль, которая всѣми въ одинъ голосъ (послѣ гробового минутнаго молчанія) выражена была почти въ однихъ и тѣхъ же словахъ: передъ нами восходящее свѣтило, въ Россію возвращается грядущая незаурядная литературная сила. Мы всѣ сердечно поздравляли его и напутствовали его на предстоящіе крупные труды. Особенно великъ былъ восторгъ Волховскаго,

который очарованъ былъ выдающимися красотами этого перваго крупнаго произведенія Короленко. И я, какъ и всѣ, проведшіе эти дни вмѣстѣ съ Владиміромъ Галактіоновичемъ, были счастливы, что наше предчувствіе насъ не обмануло: «Сонъ Макара» черезъ нѣсколько мѣсяцевъ появился въ печати и сразу обратилъ на себя всеобщее вниманіе. Читающая публика встрѣтила его съ не меньшимъ восторгомъ, чѣмъ мы, имѣвшіе счастье познакомиться съ нимъ въ рукописи.

Я долженъ также отмѣтить здѣсь крупную фигуру *Петра Федоровича Николаева*. Это былъ «*каракозовецъ*», осужденный верховнымъ уголовнымъ судомъ въ 1866-мъ году. Отбывъ срокъ каторги на Карѣ и ссылки на поселеніе въ якутской области, Николаевъ, возвращаясь въ Россію, прожилъ нѣкоторое время въ Томскѣ.

Это была богато одаренная (физически и умственно) натура. Его не сломили ни каторга, ни ссылка; въ Томскъ онъ явился еще вполнѣ бодрымъ человѣкомъ, съ большимъ запасомъ физическихъ и духовныхъ силъ. Въ молодости онъ былъ прекрасный пѣвецъ и, сохранилъ въ значительной степени свой голосъ послѣ 20-лѣтнихъ мытарствъ по тюрьмамъ и каторгѣ. Когда онъ, по прибытіи въ Томскъ, пропѣлъ нѣсколько итальянскихъ арій въ прекрасномъ высокомъ зданіи ремесленнаго училища, стекла буквально дрожали...

Во время пребыванія въ Восточной Сибири, Николаевъ принималъ близкое участіе въ издававшейся въ Иркутскѣ «Сибири». Когда я принялся изучать «Сибирь», я прежде всего обратилъ вниманіе на его прекрасныя статьи (подписанныя иниціалами: «П. Н.») объ общинномъ землевладѣніи вообще и о сибирской общинѣ въ частности. Во время пребыванія въ Томскѣ, Николаевъ отъ времени до времени помѣщалъ статьи по экономическимъ вопросамъ въ «Сибирской Газетѣ», работая въ то же время въ архивѣ томской городской думы. По возвращеніи въ Россію, Николаевъ сдѣлался постояннымъ сотрудникомъ «Русской Мысли», принявъ на себя обзоръ журналовъ. .

Воспоминанія мои за время подневольной жизни въ Томскѣ были бы неполны, если бы я не остановился на встрѣчѣ моей съ извѣстнымъ американскимъ писателемъ *Дж. Кеннаномъ*.

Не припомню уже, въ которомъ именно году (кажется, въ 1885-мъ) какъ-то разъ ко мнѣ явился господинъ, съ весьма типичной физіономіей и явнымъ отпечаткомъ иностраннаго происхожденія, и вручилъ мнѣ письмо, адресованное «члену географическаго общества С. Л. Чудновскому». Письмо это написано было въ

Усть-Каменогорскѣ однимъ изъ проживавшихъ тамъ ссыльныхъ Бл.—комъ, случайно встрѣтившимся на Алтаѣ съ этимъ иностранцемъ, который и былъ не кто иной, какъ Кеннанъ.

«Членомъ» географическаго общества я, собственно, не былъ, но незадолго передъ тѣмъ я былъ командированъ западно-сибирскимъ отдѣломъ географическаго общества на Алтай для изслѣдованія положенія переселенческаго дѣла. Политическимъ ссыльнымъ это было извѣстно, и они нашли болѣе цѣлесообразнымъ направить ко мнѣ Кеннана, какъ къ члену ученаго общества.

Это была первая моя встрѣча съ американцемъ и къ тому еще съ столь типичнымъ американцемъ. Кеннанъ уже раньше пробылъ около года въ Россіи (въ качествѣ телеграфиста морского кабеля) и тогда изучилъ русскій языкъ, на которомъ онъ говорилъ очень свободно и очень правильно (даже, можно сказать, подчеркнуто-правильно). Онъ произвелъ на меня очень выгодное впечатлѣніе, хотя пробылъ на этотъ разъ у меня весьма короткое время, смотря, повидимому, на это посѣщеніе, какъ на пробный оффиціальный визитъ (онъ былъ во фракѣ). Я, въ свою очередь, счелъ долгомъ приличія отвѣтить визитомъ въ тотъ же день,—и въ номерѣ гостиницы, гдѣ онъ остановился, столкнулся съ п. д. губернатора, предсѣдателемъ губернскаго правленія, который за нѣсколько минутъ до меня явился также съ отвѣтнымъ визитомъ. Онъ скоро ушелъ, и Кеннанъ счелъ долгомъ извиниться, если встрѣча съ губернаторомъ въ его номерѣ была для меня непріятна, замѣтивъ, что если бы онъ зналъ, что я пріѣду, то принялъ бы П. въ другое время. Я, разумѣется, успокоилъ Кеннана, такъ какъ въ сущности противъ П. лично я ничего не имѣлъ и даже состоялъ съ нимъ въ добрыхъ отношеніяхъ, часто посѣщая его, какъ довольно благожелательнаго цензора «Сибирской Газеты». Кеннанъ познакомилъ меня тутъ же со своимъ спутникомъ, художникомъ *Фростомъ*, который вмѣстѣ съ нимъ командированъ былъ редакціей американскаго журнала: «The Century Magazine» въ Сибирь для изученія сибирскихъ тюремъ и сибирской ссылки, при чемъ на Фроста, состоявшаго въ полномъ распоряженіи Кеннана, возложена была задача готовить всѣ нужныя иллюстраціи.

Кеннанъ очень близко сошелся со мною и съ Волховскимъ. Послѣдній привелъ его въ большой восторгъ превосходнымъ знаніемъ англійскаго языка и основательнымъ знакомствомъ съ англійской и американской изящной литературой. Кеннанъ и Фростъ перезнакомились со всѣми томскими политическими ссыль-

ными. Съ особеннымъ удовольствіемъ посѣщали они домъ Станюковича, такъ какъ и Любовь Николаевна, и старшая дочь, Наталья Константиновна, хорошо владѣли англійскимъ языкомъ, были начитаны въ англійской литературѣ и услаждали ихъ досуги хорошей музыкой, въ признательность за которую американцы, въ свою очередь, знакомили насъ (хотя были и неважные пѣвцы) со многими американскими національными пѣснями, аккомпанируя себѣ на какомъ-то національномъ музыкальномъ инструментѣ, который они возили съ собою.

Во все время своего пребыванія въ Томскѣ Кеннанъ и его спутникъ ежедневно посѣщали насъ, подолгу бесѣдуя съ каждымъ изъ насъ о тѣхъ процессахъ, къ которымъ мы привлекались, о тюрьмахъ, въ которыхъ намъ приходилось мытарствовать по цѣлымъ годамъ, и о разныхъ другихъ сторонахъ печальной русской дѣйствительности, при чемъ очень часто выражали глубочайшее возмущеніе по поводу такихъ фактовъ, которые намъ, россіянамъ, давнымъ-давно уже примелькнулись, какъ самые ординарные и обыденные. Неоднократно они при этомъ негодовали на насъ за то, что мы такъ спокойно и какъ бы равнодушно относились къ такимъ событіямъ нашей жизни, которыя со стороны американцевъ вызвали бы активнѣйшее противодѣйствіе или, по меньшей мѣрѣ, самоубійства..

Одновременно Кеннанъ, благодаря оффиціальнымъ письмамъ и рекомендаціямъ, посѣщалъ томскія тюрьмы, присутствовалъ при отправкѣ арестантскихъ партій и знакомился съ Сибирью по «Спб. Газетѣ», полный комплектъ которой онъ пріобрѣлъ, и по разнымъ сочиненіямъ о Сибири. Не знаю, по собственному ли почину, или по указаніямъ свыше, мѣстныя власти, прикосновенныя къ тюремному и пересыльному дѣлу, предостерегали американскихъ туристовъ отъ знакомства съ политическими ссыльными, предупреждая ихъ, что послѣдніе настроены-де враждебно противъ русскаго правительства и русскихъ властей и склонны изображать русскую жизнь въ тенденціозно-мрачныхъ, невѣрныхъ краскахъ. Предостереженія эти возымѣли, однако, не то дѣйствіе, на какое они были разсчитаны. Американцы, прибывшіе въ Сибирь совершенно непредубѣжденными и даже скорѣе доброжелательно настроенными по отношенію къ русскому административному міру, въ этихъ предупрежденіяхъ почуяли нѣчто такое, что требуетъ съ ихъ стороны сугубо осторожнаго отношенія ко всѣмъ оффиціальнымъ свѣдѣніямъ.

Основательно ознакомившись съ томскими тюремными порядками и съ порядкомъ передвиженія ссыльныхъ партій, Кен-

нанъ сердечно распрощался съ колоніей томскихъ политическихъ ссыльныхъ. Снабженный рекомендательными письмами къ нашимъ друзьямъ, разбросаннымъ до Иркутска и дальше до Забайкалья, онъ двинулся съ своимъ спутникомъ Фростомъ въ дальнѣйшій путь по широкому сибирскому тракту...

Мѣсяца черезъ два или три Кеннанъ, возвращаясь вмѣстѣ съ Фростомъ, провелъ у меня вечеръ. Я былъ пораженъ той перемѣной, которая произошла въ нихъ за это время. Кеннанъ относился уже рѣзко-враждебно къ русскому оффиціальному міру. Онъ положительно содрогался при воспоминаніи о тѣхъ сценахъ, которыхъ онъ насмотрѣлся въ сибирскихъ тюрьмахъ, въ глухихъ пунктахъ ссылки и на Карѣ. Онъ каялся и горько упрекалъ себя за тотъ оптимизмъ, какимъ онъ былъ проникнутъ послѣ перваго посѣщенія Россіи и подъ вліяніемъ котораго онъ позволилъ себѣ полемизировать на страницахъ Times'а со «*Степнякомъ*» (Кравчинскимъ) и обвинять послѣдняго въ тенденціозно-неправильныхъ нападкахъ на русское правительство. Кеннанъ полагалъ, прощаясь со мною, что его святая обязанность, по возвращеніи домой или даже еще съ дороги, по выѣздѣ изъ Россіи, публично покаяться на страницахъ того же Times'а въ своемъ тяжкомъ прегрѣшеніи. Что же касается Фроста, то тотъ за это время совершенно разстроилъ свою нервную систему и производилъ впечатлѣніе не совсѣмъ душевно-нормальнаго человѣка. Ему все мерещилось, что вотъ-вотъ нагрянутъ къ нему русскія власти, произведутъ обыскъ, отберутъ все имущество, запрячутъ въ тюрьму, а—пожалуй—и повѣсятъ...

С. Чудновскій.

ИЗЪ КРЫМСКИХЪ ЭТЮДОВЪ.

Ай-Петри.

(Посвящ. А. М. Соколову).

Мы поднимались на Ай-Петри.
Катились камни изъ-подъ ногъ.
Стремясь, играя, между сосенъ
Кипѣлъ потокъ.

Сіялъ закатъ червонно-алый,
Румяня густо облака,
И, золотясь, шумѣло море
Издалека.

Какъ будто отлитый изъ бронзы
Вознесши строгіе зубцы,
Глядѣлъ Ай-Петри величаво,
Внизъ на дворцы.

Смолою пахло. Изъ лощины
Тянулся медленно туманъ.
Намъ повстрѣчался равнодушный
Худой чабанъ.

Шуршали ящерицы быстро,
Спасаясь въ трещины камней,
Чернѣли муравьи на кучахъ
У прѣлыхъ пней.

Тропа вилась все круче, круче,
Все болѣ ширился просторъ
И упивался высотою
Блуждавшій взоръ.

Александръ Рославлевъ.

НА СНѢЖНОЙ ВЕРШИНѢ.

(*Продолженіе*).

Романъ І. Ц. Геера.

Переводъ съ нѣмецкаго З. Журавской [1]).

XIV.

«Будемъ добрыми друзьями». Слова Абигаиль продолжали звучать въ моихъ ушахъ. На что ей моя дружба? Я шелъ домой отяжелѣвшею походкой.—Что за очаровательное существо! Какая удивительная смѣсь молодости, красоты, фантастичности, жажды свободы и приключеній съ изящной женственностью, добротой, довѣріемъ къ людямъ и чѣмъ-то неопредѣленнымъ, но окружавшимъ ее какъ бы воздушной, непереступаемой чертой. Не столько внѣшняя привлекательность ея приковывала меня, сколько внутреннее богатство души, которое сквозило въ каждомъ ея словѣ, каждомъ взглядѣ. Только внезапный алмазно-жесткій блескъ голубыхъ глазъ вносилъ какую-то загадочную, непонятную и немножко непріятную нотку въ мои воспоминанія о ней. И хотя я угадывалъ въ ней благородную, свободную и прекрасную душу, достойную поклоненія, я собственно не чувствовалъ себя влюбленнымъ въ Абигаиль Даръ.

Но встрѣча съ нею все же немножко уврачевала мою душевную боль отъ ссоры съ Бальмеромъ, а ея увѣренность въ

[1]) См. февраль, стр. 138.

моей побѣдоносной силѣ придала мнѣ мужества. Я облекся въ броню гордаго хладнокровія и дѣлалъ видъ, что не замѣчаю злорадныхъ взглядовъ, которыми другіе служащіе провожали низверженнаго фаворита. Въ тотъ же вечеръ я написалъ письмо Бальмеру, прося его принять меня и позволить мнѣ выяснить нѣкоторые важные для меня вопросы. Я надѣялся на посредничество его умной и доброй жены, но отвѣта не было, и это съ каждымъ часомъ все глубже ранило меня. Я былъ радъ свиданію съ фрейлейнъ Даръ, какъ возможности хоть на часокъ-другой отрѣшиться отъ своихъ тяжелыхъ мыслей.

На этотъ разъ она пришла пѣшкомъ, въ скромномъ выходномъ платьѣ; свѣтло-каштановыя косы были свернуты сзади тяжелымъ узломъ. Съ комической ужимкой она спросила:—Мнѣ не идетъ эта прическа?—Напротивъ, удивительно идетъ!—воскликнулъ я.—Въ лучахъ заката ваши волосы отливаютъ блескомъ пламени. А линія затылка! Какой изумительно гордый и красивый изгибъ шеи...—Достаточно, достаточно!—засмѣялась она звонко и радостно.—Этой старой пѣсни о моихъ физическихъ достоинствахъ я наслушалась вдоволь еще въ дѣтствѣ. Ничего новаго вы мнѣ не скажете. Не безпокойтесь, г. Вильди, я и сама знаю, что я красивый малый.—Взоръ ея сверкалъ лукавствомъ и задоромъ.—Значитъ, я имѣю право идти съ вами рядомъ. Это самое существенное... А теперь, чередъ другой пѣсни, г. Вильди. Пѣсни о вашихъ горахъ, о вашемъ дѣтствѣ. Я такъ же радуюсь этому разсказу, какъ радовалась бы полету, еслибы онъ былъ возможенъ.

Она весело зашагала со мною рядомъ. Сегодня въ ней было что-то мальчишеское, но это скорѣе чувствовалось, чѣмъ было въ глаза. И, хотя я не могъ назваться хорошимъ разсказчикомъ и мнѣ негдѣ было научиться разсказывать связно, она съумѣла заставить меня дать ей полное описаніе нашей долины и моей жизни въ дѣтствѣ. То вопросомъ, то кивкомъ головы, то ласковымъ подбодряющимъ взглядомъ, она все время подстрекала меня. Сами того не замѣчая, мы очутились въ новыхъ кварталахъ города, гдѣ дома были значительно рѣже, и, наконецъ, въ цвѣтущемъ садикѣ при небольшомъ трактирѣ, гдѣ мы были всецѣло предоставлены самимъ себѣ. Время пролетѣло незамѣтно.

— Какъ странно!—неожиданно воскликнула Бигъ Даръ.—Вѣдь, я читала о гибели Зельмата и о томъ, что изъ-подъ развалинъ извлекли живымъ одного только юношу. И вотъ, этотъ юноша сидитъ со мной. Разумѣется, я жалѣла васъ, когда читала объ этой катастрофѣ, но теперь жалѣю несравненно больше.

Это должно быть страшно тяжело—утратить родину.—Она умолкла и задумалась, и съ алыхъ губокъ ея сорвался вздохъ. Мнѣ стало почему-то жутко, но она подняла на меня спокойный взглядъ, полный теплаго участія.—У васъ, по крайней мѣрѣ, была родина. О, какъ я вамъ завидую. Это должно быть такъ прекрасно—имѣть родину! Всѣ поэты воспѣваютъ и восхваляютъ свою родину... А я даже не знаю, что такое родина, что такое—тоска по родинѣ. Я никогда не знала родины и мнѣ не по чемъ тосковать. Не понимаю я ни Одиссея, этого гимна тоски по родинѣ, ни того швейцарца, который кинулся въ воду, заслышавъ альпійскій рожокъ, ни евреевъ, которые, умирая, велятъ положить ихъ ногами къ востоку. Родина—это для меня что-то дивное и непонятное.

Бигъ была неузнаваема: ея беззаботность и веселье исчезли безъ слѣда; глубокая складка легла между красивыми бровями, и эта грустная, серьезная Абигаиль дѣйствовала на меня несравненно сильнѣе, чѣмъ балованная хохотушка, какой я видѣлъ ее минуту назадъ.

— Ваши воспоминанія дѣтства всѣ концентрированы въ одномъ мѣстѣ,—выговорила она задумчиво,—а вотъ мои такъ разбросаны по всему свѣту.

Мнѣ не пришлось даже просить ее разсказывать. Она начала сама:

— Старый споръ о наслѣдствѣ, длительная тяжба заставили моего отца покинуть свою родину, Мексику. Обиженный тѣмъ, что онъ не могъ добиться своихъ правъ, онъ отвернулся отъ практической дѣятельности и увлекся искусствомъ. Въ Германіи онъ обвѣнчался съ молоденькой актрисой, а я впервые помню себя въ Италіи. Но родители мои никогда подолгу не жили не только въ одномъ и томъ же городѣ, но даже въ одномъ и томъ же отелѣ. Хотя споръ о наслѣдствѣ и затягивался, все же средствъ у насъ было достаточно для путешествій; по насъ гоняла по свѣту не столько страсть къ скитаніямъ, сколько ревность отца. Онъ былъ блѣдный, всегда хворалъ, а мать была красавица, цвѣтущая, любительница общества, искусства и остроумной бесѣды. Всѣ, съ кѣмъ она ни сталкивалась, обожали ее. А отецъ ревновалъ, спѣшилъ увезти ее, и мы переѣзжали изъ города въ городъ, изъ края въ край, главнымъ образомъ вертясь около Средиземнаго моря; но иногда заглядывали и въ сѣверныя страны. Въ этихъ вѣчныхъ скитаніяхъ отецъ не далъ развиться своему таланту къ живописи, хотя рисовалъ онъ превосходно, и перомъ, и красками. Послѣ него не осталось почти ни одной закон-

ченной картины: все больше наброски и этюды. Вѣчно въ пути, вѣчно въ отеляхъ—такъ я и росла, между отцомъ и матерью, которые безконечно любили другъ друга, но постоянно ссорились. Оба нѣжно любили и баловали меня, и все же я была въ дѣтствѣ очень несчастлива.

Я молча взглянулъ на нее, какъ бы прося разсказывать дальше, и она съ горечью продолжала:

— Эти вѣчныя скитанія составляли мое несчастье. Только я, бывало, привыкну къ какому-нибудь уголку сада, или мѣстечку на морскомъ берегу и полюблю ихъ, только подружусь съ другими дѣтьми, какъ уже надо ѣхать дальше. Понемногу я и отучилась привязываться къ чему-нибудь и искать друзей—вѣдь, все равно, завязанныя нити разрывались. Впечатлительность притупилась. Мнѣ казалось, что міръ уже не можетъ дать мнѣ ничего новаго; жизнь представлялась мнѣ вѣчной смѣной номеровъ въ гостиницахъ; постояннаго въ ней только и было, что мои родители и наши сундуки, да еще, въ теченіе двухъ-трехъ лѣтъ, моя бонна и потомъ гувернантка, а позже—горничная и гувернеръ, тоже тащившіеся за нами изъ курорта въ курортъ. Я была хорошенькая и умненькая обезьянка, которой всѣ окружающіе льстили; а родители мои воображали меня «вундеркиндомъ». Мать чутко вслушивалась въ каждое мое слово, думая, что я рождена быть поэтессой; отецъ въ каждомъ дѣтскомъ рисункѣ видѣлъ проблески таланта. И оба упускали изъ виду, что душѣ ребенка, чтобъ развиться, прежде всего необходимъ покой и что его хоть иногда надо предоставлять самому себѣ. Васъ поразитъ это, но, знаете, я не разъ ловила себя на мысли, что это, собственно, счастье для меня, что мои родители рано умерли; иначе они своимъ необычайнымъ воспитаніемъ совершенно погубили бы меня, или же толкнули бы меня на самый нелѣпый ранній бракъ. Когда мы съ отцомъ пріѣхали въ Гамбургъ, я была страшно переутомлена, и хотя, конечно, ни городъ, ни институтъ не стали для меня родиной, все же я имъ признательна за то, что они, хоть и поздно, дали мнѣ пережить что-то вродѣ дѣтства, благодаря общенію съ другими ученицами, подростками. Я старше ихъ, но мы прекрасно понимаемъ другъ друга.

Постепенно поблѣднѣвшее личико дѣвушки снова порозовѣло, черты прояснились, исчезла складка между бровями, придававшая лицу выраженіе горькой скорби. Для меня этотъ разсказъ былъ точно ключъ въ разгадкѣ ея натуры и, главнымъ образомъ, ея самостоятельности, которая въ столь ранней

юности не могла не казаться странной. Теперь она мнѣ нравилась еще больше прежняго. Во всемъ, что она говорила, сквозила высокая, пламенная, по своему стремящаяся и борющаяся душа.

Вздохнувъ, она сказала:—Пора домой. Самое лучшее въ этой прогулкѣ были ваши разсказы о горахъ. Это звучитъ волшебной сказкой. Бѣдная ваша мама! Такъ больно думать, что женщина-мать не могла быть счастлива. Мнѣ хочется спросить васъ еще объ одномъ, г. Вильди. Вы говорили, что этотъ воздушный шаръ, проплывшій надъ горами, вы видѣли вмѣстѣ съ дочкой школьнаго учителя. А эта дѣвочка тоже спаслась отъ обвала?

— Передъ моимъ отъѣздомъ въ Гамбургъ мы обручились съ ней,—выговорилъ я, не совсѣмъ увѣренно. Какой-то клубокъ давилъ мнѣ горло, но все же я былъ доволенъ собой, что сказалъ это, и радъ, что въ сумеркахъ не такъ замѣтно, какъ я покраснѣлъ. Я не могъ разглядѣть и того, какое впечатлѣніе это произвело на Бигъ.—Благодарю васъ за сообщеніе,—сказала она съ холодной, спокойной улыбкой.—Это только скрѣпитъ нашу дружбу.—Я проводилъ ее до института, краснваго, внушительнаго зданія, въ одномъ изъ аристократическихъ кварталовъ города.—Въ субботу мы увидимся?—спросилъ я.—Нѣтъ, въ субботу у насъ въ институтѣ ученическій концертъ; я должна быть на немъ; я напишу вамъ, когда мнѣ можно будетъ снова повидаться съ вами.—Стройная, гордая фигура быстрой, легкой поступью подошла къ двери, позвонила и исчезла въ освѣтившемся подъѣздѣ. А меня, на возвратномъ пути, охватилъ страхъ, что она больше не придетъ, что я видѣлъ ее въ послѣдній разъ. Сообщеніе о моей помолвкѣ, видимо, подѣйствовало на нее какъ холодный душъ.

Но еще больше мучило меня то, что Бальмеръ ни словомъ не откликнулся на мою просьбу дать мнѣ объясниться. Унылая недѣля близилась къ концу. Весь день въ субботу у меня было предчувствіе, что что-то должно случиться. Но случилось нерадостное. Передъ вечеромъ «грозный» сталъ обходить свои владѣнія, въ томъ числѣ и склады, приглядываясь къ тому, какъ работаютъ, кое съ кѣмъ обмѣниваясь краткимъ дѣловымъ словцомъ. Дойдя до меня, онъ остановился и сталъ присматриваться къ моей работѣ съ тѣмъ непроницаемымъ видомъ, который составлялъ тайну его власти надъ людьми. Подъ его взглядомъ руки мои начали дрожать. Богъ вѣсть, что мнѣ вообразилось, но только я не выдержалъ и крикнулъ:—Г. Бальмеръ, умоляю васъ, простите меня! Я не выдержу здѣсь

въ складахъ, мнѣ не снести этого униженія.—Но его загадочные глаза остались холодно-спокойны.—Выдержите вы, или нѣтъ, это ваше дѣло,—буркнулъ онъ сердито, сдѣлалъ жестъ рукой, какъ бы пренебрежительно отстраняя меня, и отошелъ; въ его изборожденномъ морщинами лицѣ я прочелъ злорадное удовольствіе, словно онъ для того только и пришелъ, чтобы выказать свое презрѣніе ко мнѣ.

Эта новая обида была нестерпима. Я многое бы далъ за то, чтобы провести этотъ вечеръ съ Абигайлью. Но вѣдь ей надо быть въ концертѣ. Я жаждалъ хотя слова ласки, которое помогло бы мнѣ пережить этотъ мучительный вечеръ и преодолѣть душившую меня злобу. Я побѣжалъ въ гавань, разыскивать добряка Рунгхольта, но оказалось, что онъ ужъ больше тамъ не служитъ. Я пошелъ въ кабачекъ, гдѣ иногда бывалъ съ Леглю, и попробовалъ было читать газеты, но, просидѣвъ надъ ними часа два, не прочелъ ни единой строчки. И вдругъ, слуха моего коснулся знакомый голосъ:—Да вы что, наизусть хотите выучить ихъ? Здравствуйте. Все же пріятно повидаться съ вами.—Это говорилъ Леглю, мой бывшій учитель французскаго языка.—Г. Вильди, что съ вами?—спросилъ онъ съ участіемъ.—Вы должно быть, больны? Ступайте-ка домой.—Но я не захотѣлъ идти домой. Чѣмъ больше я сдерживался, тѣмъ больше тянуло меня хоть какъ-нибудь забыться. Плутъ Леглю съ его колючими шуточками былъ для меня находкой Я пошелъ съ нимъ въ игорный притонъ и снова увидалъ ту же картину, что и полгода назадъ: разгоряченныя лица, стукъ денегъ и костей, жадные женскіе глаза. Самъ я не игралъ: какъ мнѣ ни тошно было, все же въ мозгу моемъ шевелилась мысль, что скоро, можетъ быть, мнѣ понадобятся скопленныя деньги, и надо беречь каждый пфеннигъ.

Одна изъ женщинъ насмѣшливо сказала мнѣ:—Странное мѣсто вы избрали для вашихъ научныхъ размышленій, господинъ философъ!—Я вскинулъ на нее глаза. Но въ эту минуту невидимая рука погасила газъ. Кто-то изъ матросовъ грубо выругался:—Вотъ свинья—хозяинъ!—Между игроками началось движеніе. Чей-то шепотъ предостерегалъ: сидите смирно.—Послышался трескъ взводимыхъ курковъ. Кто-то крикнулъ:—Не трогать денегъ!—На нѣсколько мгновеній воцарилась полная тишина. Затѣмъ дверь распахнулась и грубый голосъ возгласилъ:—Объявляю всѣхъ находящихся въ этомъ помѣщеніи арестованными.—Въ сосѣдней освѣщенной комнаткѣ блестѣли шлемы и мундиры полицейскихъ. Захваченные врасплохъ игроки вор-

чали и ругались; когда снова зажгли газъ, я увидѣлъ блѣдныя растерянныя лица.

Когда, подъ утро, насъ везли подъ стражей по безлюднымъ тихимъ улицамъ, у меня было хуже на душѣ, чѣмъ послѣ зельматской катастрофы. И все же я могъ еще похвастаться, что мнѣ везетъ: допрашивавшіе меня полицейскіе чиновники повѣрили моему заявленію, что я попалъ въ этотъ притонъ случайно и не принималъ участія въ игрѣ. Утромъ въ воскресенье мнѣ сказали:—Можете идти.—Но, какъ цѣпь, обвились вокругъ моей души другія слова:—Имѣйте въ виду, что васъ вызовутъ въ судъ, въ качествѣ свидѣтеля.

Рядомъ съ веселыми прохожими, радовавшимися празднику и чудесной погодѣ, я самъ себѣ казался паріей, отребьемъ человѣчества. Мнѣ мерещилось, что благоуханный майскій вѣтерокъ несетъ мнѣ отовсюду бѣды и несчастья. Я даже не удивился тому, что г-жа Андреезенъ встрѣтила меня съ заплаканнымъ лицомъ.—Господи Іисусе,—вскричала она.—Какія страсти! Какой стыдъ! Какъ мы напугались! Едва мы поднялись съ постели, какъ къ намъ въ домъ шасть двое городовыхъ. И ну выспрашивать о васъ, и ну записывать. Разумѣется, мы увѣряли, что вы усердно занимаетесь своею службой и только изрѣдка позволяете себѣ маленькій кутежъ.—Въ это время пришелъ изъ церкви секретарь Андреезенъ, вылощенный, накрахмаленный, и немного нерѣшительно поздоровался со мной; во взглядѣ его былъ безмолвный, но тяжкій упрекъ. Какъ я завидовалъ теперь этому вѣжливому человѣку, на котораго раньше смотрѣлъ немного свысока! Какимъ чистымъ, въ своей щепетильной порядочности мелкаго бюргера, онъ представлялся мнѣ!

Не зная, что начать, я присѣлъ на край постели. На душѣ у меня было тоскливо. И безумно потянуло вдругъ на родину. Пока живется хорошо, легко не вѣшать голову и на чужбинѣ, но когда почва ускользаетъ изъ-подъ ногъ, хочется бѣжать на родину, какъ ребенокъ къ матери.—Дуглёрли! Дуглёрли!—призывалъ я. О, если бъ склонить голову къ ней на грудь! Тамъ родина тамъ вѣрность, тамъ любовь. Словно каленымъ желѣзомъ жгла меня мысль: «тебя вызовутъ на судъ свидѣтелемъ по грязному дѣлу о мошенничествѣ въ картахъ. Конецъ теперь всѣмъ твоимъ планамъ и надеждамъ. Ужъ послѣ этого Бальмеръ не станетъ держать тебя и въ складѣ»... Поддайся я тогда первому побужденію, я въ тотъ же день уѣхалъ бы на родину. Но я не смѣлъ уѣхать: я обязанъ былъ явиться въ судъ, и уклоненіе отъ этого только навлекло бы на меня новыя

бѣды. Да и какъ вернуться, покрытому стыдомъ и безславіемъ? О томъ ли я мечталъ?.. Я хотѣлъ писать Дуглорѣ, но не хватало духу говорить ей о своемъ позорѣ.

Какъ я обрадовался запискѣ отъ Бигъ Даръ, приглашавшей меня опять туда же, къ Каменнымъ воротамъ!..

Она пришла—сама весна; голубые глаза ея сіяли и искрились радостью.—Я ужъ успѣла соскучиться по васъ. Была на полетѣ Зоммерфельда, но мнѣ недоставало васъ. Идемте же, г. Вильди; я хочу уйти далеко, далеко, и наговориться всласть.

Но я не могъ заставить себя говорить съ ней тѣмъ же веселымъ и непринужденнымъ тономъ. Это, видимо, смутило ее.—Можетъ быть, мнѣ не слѣдовало приходить?—спросила она, понизивъ голосъ.—Говорите всю правду, г. Вильди.

— Вы невѣрно поняли меня, милая Бигъ. Я очень благодаренъ за ваше довѣріе. Мнѣ приходится очень круто.—И я вкратцѣ разсказалъ ей все, что со мной случилось—и о ссорѣ съ Бальмеромъ, и объ игорномъ домѣ, и о своемъ печальномъ возвращеніи изъ участка.

Она слушала внимательно; ласковая улыбка играла на ея алыхъ, какъ спѣлая вишня, губахъ.—Развѣ это ужъ такъ ужасно?—выговорила она ласково.—Да развѣ можно молодому человѣку жить безъ приключеній? Я и не представляла васъ себѣ инымъ. Если бъ я была мужчиной, меня бы тоже тянуло все увидать и все извѣдать; мнѣ только досадно, что и свободнѣйшая дѣвушка все же не такъ свободна, какъ мужчина.—Глаза ея свѣтились задоромъ и жаждой приключеній.

— Но вѣдь это для меня всему конецъ. На другой же день послѣ суда мнѣ придется вернуться обратно въ горы.

Бигъ поблѣднѣла.—О... о!..—вырвалось у нея. —Вѣдь мы едва успѣли немного узнать другъ друга. А я-то мечтала о цѣломъ рядѣ дальнихъ прогулокъ съ вами... Но зачѣмъ же непремѣнно ѣхать домой? Точно въ окнѣ только и свѣту, что вашъ Бальмеръ. Вы говорите объ его власти надъ людьми. Да въ васъ самихъ есть такая власть. Достаточно увидѣть васъ, чтобы питать къ вамъ довѣріе. И Зоммерфельдъ сказалъ, что вы—выдающійся молодой человѣкъ, который съумѣетъ пробить себѣ дорогу въ жизни.—Она даже раскраснѣлась отъ волненія и старанья убѣдить меня.

— Я долженъ вернуться домой,—отвѣтилъ я мрачно.—Это—мой долгъ передъ моей невѣстой.

Бигъ Даръ смущенно смолкла. Нѣкоторое время мы шли молча; потомъ она опять заговорила:—Я не могу себѣ предста-

вить дѣвушку, которая спокойно отпускаетъ милаго въ дальніе края и долгіе годы ждетъ, пока онъ къ ней вернется. Я на это не способна и питаю огромное уваженіе къ вашей невѣстѣ. Но еще больше я удивляюсь вамъ. Вы готовы отречься отъ своихъ надеждъ, отъ всѣхъ своихъ завѣтныхъ плановъ, отъ жизни, которая—вы сами говорите—нравится вамъ, какъ будто возвращеніе домой для васъ что-то неотразимое и неизбѣжное. Очевидно, за этимъ кроется та же великая тайна, къ которой у меня нѣтъ ключа: родина.

Она оборвала рѣчь на полусловѣ. Снова легла между ея бровями мрачная складка, придававшая такую необычную серьезность и необычное очарованіе этой веселой свѣтской дѣвушкѣ.

— Какая я несчастная!—вырвалось у нея.—Передъ вами, по крайней мѣрѣ, есть прямой путь—обратно на родину; а у меня и этого нѣтъ. Впрочемъ, если вы уѣдете изъ Гамбурга, я тоже поѣду въ Мексику. А что будетъ дальше, и сама не знаю. Но не могу же я вѣчно жить въ пансіонѣ для дѣвочекъ-подростковъ. Попробую разыскать Гериту, мою бывшую горничную, которую я очень любила—она теперь живетъ въ Тріестѣ,—и отправлюсь съ ней путешествовать по бѣлу-свѣту.

Не столько изъ любопытства, сколько не зная, что̀ сказать, я спросилъ ее: — А въ Мексику-то вамъ зачѣмъ же ѣхать. Бигъ?

— Донъ Гарсіа Лео Квифортъ, адвокатъ, который былъ повѣреннымъ и завѣдующимъ дѣлами моего отца, зоветъ меня туда. Онъ считаетъ моментъ благопріятнымъ для прекращенія давняго спора между родственниками, путемъ продажи рудниковъ, о которыхъ ведется тяжба. Онъ пишетъ, что радуется возможности довершить дѣло своей жизни, приведя въ полный порядокъ мои дѣла, но въ то же время желаетъ передать документы лично мнѣ, такъ какъ онъ ужъ слишкомъ старъ, чтобы продолжать вести тяжбу: ему ужъ семьдесятъ пять лѣтъ. То есть, пишетъ-то онъ не совсѣмъ такъ, — поправилась она, смѣясь и вдругъ блѣднѣя.—Онъ, собственно, настоятельно совѣтуетъ мнѣ выйти замужъ и хотѣлъ бы вручить документы моему мужу. Но выйти замужъ—это легче сказать, чѣмъ сдѣлать. Конечно, я легко нашла бы мужа, но — но...

Она вскинула на меня глаза. Лицо ея было загадочно. Потомъ она вдругъ задорно, звонко засмѣялась и расправила пальцы.— Вотъ, захоти я только, у меня на каждомъ пальчикѣ повисло бы по жениху, который съ радостью взялъ бы меня, со всѣми моими причудами и недостатками, лишь бы только получить возможность распоряжаться моимъ состояніемъ; но я не чувствую въ себѣ

призванія къ замужеству. Что вы хотите? Я получила такое нелѣпое воспитаніе... Въ томъ возрастѣ, когда другія дѣвочки играютъ въ куклы, я уже умѣла различать мужчинъ. Я была еще совсѣмъ крохотная, отъ земли не видать, а обижалась, когда на мою маму обращали больше вниманія, чѣмъ на меня; въ семь лѣтъ позволяла ухаживать за собой старому семидесятплѣтнему принцу, который ходилъ въ парикѣ и всѣ зубы во рту имѣлъ вставные, но, тѣмъ не менѣе, каждое утро преподносилъ мнѣ букетъ душистыхъ розъ. А въ четырнадцать—я писала сонеты, посвящая ихъ блѣдному, тщедушному юношѣ, который занимался со мной нѣмецкою литературой. И, когда мой отецъ прогналъ его за это, я рѣшила уморить себя голодомъ. И цѣлыхъ полтора дня не ѣла. Право! Я ужъ и не вспомню, сколько глупостей я натворила на своемъ вѣку.

Она лукаво засмѣялась, но тотчасъ опять стала серьезна.

— Вы не повѣрите, г. Вильди, какой несчастной я была въ семнадцать лѣтъ. Мои родители, словно предчувствуя, что они недолговѣчны, всѣ свои помыслы направили на то, чтобъ выдать меня замужъ за какого-нибудь титулованнаго жениха. Раза два дѣло налаживалось; но накапунѣ обрученія я вдругъ начинала капризничать, разбивая всѣ ихъ разсчеты. Мои женихи видѣли во мнѣ хорошенькую обезьянку, которая совсѣмъ не понимаетъ, что хорошо и что дурно; имъ и въ голову не приходило, что у меня можетъ быть душа, жаждущая разумной жизни. Съ тѣхъ поръ мнѣ опротивѣла самая мысль о бракѣ: онъ представляется мнѣ чѣмъ-то вродѣ яблока съ гладкой поверхностью, въ которомъ ужъ навѣрное внутри червякъ. Пріятнаго аппетита—но только не мнѣ, а другимъ! — Она опять задорно засмѣялась.

— Погодите, вотъ придетъ настоящій, тогда вы не то запоете,—засмѣялся я въ отвѣтъ.

Она покраснѣла до корней волосъ; на минуту мы оба смолкли. Чтобы выйти изъ затруднительнаго положенія, Бигъ сказала мнѣ:—Г. Вильди, разскажите же мнѣ о своей невѣстѣ. Мнѣ чрезвычайно любопытно знать, какія дѣвушки вамъ нравятся. Она красива?—Мы сидѣли у опушки сосновой рощи, на скамьѣ изъ мховъ и вереска. Взглядъ Бигъ жадно искалъ моего взгляда.

Зачѣмъ она спрашиваетъ о Дуглорѣ? Что за дѣло этой блестящей свѣтской дѣвушкѣ до скромнаго цвѣточка горъ? Но взглядъ голубыхъ глазъ настаивалъ, и я неохотно выговорилъ: — Не знаю, показалась ли бы мнѣ моя невѣста въ городѣ такой же очаровательной, какой она казалась мнѣ въ рамкѣ нашихъ горъ. Въ

родныхъ долинахъ она казалась мнѣ очень хорошенькой. Она играла на органѣ въ церкви нашего погибшаго селенія. И отблескъ ея чистой, набожной души свѣтился на ея лицѣ, и мнѣ казалась она добрымъ ангеломъ родины, несущимъ людямъ покой и миръ.

Бигъ задумчиво посмотрѣла на меня:—Вы любите набожныхъ женщинъ?

— Въ нашихъ горахъ всѣ набожны; мнѣ нравится въ моей невѣстѣ ея набожность, потому что она идетъ изъ глубины души.

— Въ такомъ случаѣ, ваша невѣста имѣетъ большое преимущество передо мной. Тутъ опять таки въ моей душѣ пробѣлъ, совершенно не заполненный воспитаніемъ. Въ тяжбѣ, отравившей жизнь моему отцу, однимъ изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ былъ его родственникъ-священникъ, и это заставило отца порвать со всѣмъ, что такъ или иначе близко къ церкви. Я росла, какъ дикарка, безъ всякой религіи. Еслибъ не картины, которыхъ много въ католическихъ церквахъ, мнѣ, вѣроятно, и не довелось бы никогда побывать въ Божьемъ домѣ. И въ Гамбургѣ отецъ оставилъ меня только подъ условіемъ, что меня не будутъ наталкивать ни на что религіозное. Я совершенная язычница, и это никогда ужъ не измѣнится; я слишкомъ много читала книгъ, привившихъ мнѣ упорное невѣріе. Что вы на это скажете, г. Вильди?

— Судьба,—отвѣтилъ я.—Но дѣло вѣдь не въ томъ, во что мы вѣримъ, а въ томъ, какъ мы вообще относимся къ нашимъ ближнимъ.

Бигъ покачала головой.—Вы думаете, что доброта къ ближнему можетъ замѣнить религію? Мой отецъ утверждалъ, что ее можетъ замѣнить искусство. Оба вы неправы. Когда мнѣ говорятъ о женщинѣ, вродѣ вашей невѣсты, искренно набожной и полной живой вѣры, мнѣ становится завидно: у нея есть въ жизни опора, которой нѣтъ у меня. Быть сиротой, безъ родины и безъ религіи—это создаетъ какую-то надорванность души. Я, такая гордая, иной разъ очень горько ощущаю это.

Бигъ замѣтно волновалась. Но въ ея горькой исповѣди было величіе души, трогавшее меня больше, чѣмъ ея веселыя улыбки. Жизнерадостная свѣтская дѣвушка не казалась мнѣ такой привлекательной, какъ этотъ печальный другъ, раскрывавшій передо мной язвы своей души, затрогивая самые высокіе вопросы жизни.

— Не думаете ли вы, что вамъ слѣдовало бы быть болѣе благодарной судьбѣ?—спросилъ я на обратномъ пути въ городъ.

— Вы не знаете, какъ тяжело чувствовать себя лишнимъ человѣкомъ,—гнѣвно отвѣтила она. И, взглянувъ ей въ глаза, я увидѣлъ въ нихъ свѣтлую слезу.

Я не могу равнодушно видѣть слезъ. Въ первый разъ я предложилъ ей руку. Она приняла ее съ тихой признательностью. Въ этотъ вечеръ впервые наши совмѣстныя прогулки показались мнѣ опасными. Я чувствовалъ, что мнѣ не легко будетъ вырвать изъ сердца образъ Бигъ. И втайнѣ желалъ, чтобы разлука съ ней стала уже совершившимся фактомъ. И въ то же время часы, которые мы проводили вмѣстѣ, были единственнымъ лучемъ, озарявшимъ мою жизнь. Къ счастью, ждать пришлось недолго. Бѣда не заставляетъ ждать себя. Меня еще разъ пригласили къ слѣдователю, а черезъ нѣсколько дней назначенъ былъ и судъ, на которомъ мнѣ предстояло выступить въ качествѣ свидѣтеля. Я самъ не хотѣлъ больше оставаться на службѣ у Бальмера, теперь, когда мое имя будетъ названо въ газетахъ въ связи съ грязнымъ процессомъ. Къ чему новыя униженія, новыя столкновенія съ «Грознымъ»? Послѣ мучительной борьбы я написалъ своему бывшему благодѣтелю, котораго все еще чтилъ, письмо, въ которомъ сердечно благодарилъ его за его доброту и просилъ отпустить меня.

Прошелъ день. Я получилъ письмо отъ Дуглоры, но еще не прочелъ его; я стоялъ у себя въ комнатѣ и раздумывалъ о многомъ, когда въ дверяхъ появилась голова г-жи Андреезенъ, радостно шептавшей:—Г. Вильди, какая честь! Сама г-жа Бальмеръ пріѣхала къ вамъ. Она ждетъ въ гостиной. Какая честь!.

Взволнованный, я вышелъ въ гостиную. Свѣжее, румяное лицо красивой, милой женщины, въ которой мнѣ всегда чуялось что-то родное, взглянуло на меня серьезно и пытливо, но только на минуту; вскорѣ на немъ вновь расцвѣла улыбка, какъ будто она все-таки рада была увидать меня.—Не даромъ васъ зовутъ Вильди. Вы такой дикій. Что это за манера отрясать прахъ отъ ногъ своихъ у порога моего мужа. Набѣдокурили, обидѣлись, что васъ немного круто осадили, и ужъ сейчасъ домой, и даже не простившись. Что у насъ кровь горячая и безразсудная,—это мы знаемъ по себѣ. Мужъ страшно сердитъ на васъ за этотъ глупый полетъ; онъ, пожалуй, и отпустилъ бы васъ. Но мнѣ это совсѣмъ не нравится. Если мы разойдемся въ ссорѣ, это произведетъ крайне неблагопріятное—и для васъ, и для насъ—впечатлѣніе на родинѣ, въ кругу знакомыхъ ландаммана. И я уговорила мужа. Онъ сознаетъ, что онъ и самъ отчасти виноватъ, что онъ избаловалъ васъ, давалъ вамъ слишкомъ

много карманныхъ денегъ. Короче говоря, мнѣ удалось немного выправить опрокинувшійся возъ: мой мужъ готовъ принять васъ. Въ Гамбургѣ, конечно, вамъ неудобно оставаться. Эта глупая исторія съ американкой очень повредила вамъ въ глазахъ нашихъ знакомыхъ. Но мужъ хочетъ предложить вамъ мѣсто за моремъ.

Я слишкомъ уважалъ эту женщину, которая то материнскн строго, то материнскн ласково журила меня, чтобы отказаться сразу отъ свиданья съ Бальмеромъ; да и разсказать объ арестѣ въ игорномъ домѣ, котораго я теперь глубоко стыдился, мнѣ казалось легче ему, чѣмъ ей. Я обѣщалъ придти, но мнѣ было это очень тяжко, и, когда я шелъ къ патрону, у меня не было никакой надежды устроиться сколько-нибудь сносно у него же.

Предчувствіе не обмануло меня. Разговоръ съ Бальмеромъ былъ прощаньемъ. Я нашелъ его скорѣй удрученнымъ и печальнымъ, чѣмъ сердитымъ.

— Вы, оказывается, опять выкинули новую глупость,— встрѣтилъ онъ меня фразой, произнесенной тѣмъ особеннымъ тономъ, которымъ онъ говорилъ, когда хотѣлъ скрыть свое волненіе.—Я узналъ объ этомъ уже послѣ того, какъ моя жена была у васъ. Молодо-зелено. Я самъ, пожалуй, и могъ бы вамъ простить это—такая вещь съ каждымъ можетъ случиться; но, въ качествѣ дѣльца, я—рабъ приличій. Торговый домъ долженъ быть безупречнымъ отъ хозяина до послѣдняго ученика, чтобы невозможно было подкопаться подъ него. Поэтому я сейчасъ не могу предложить вамъ и того, о чемъ говорила вамъ моя жена. Еслибъ я оставилъ васъ у себя и со временемъ далъ бы вамъ видное положеніе, будьте увѣрены, что услужливые друзья и черезъ десять лѣтъ съумѣли бы откопать тотъ фактъ, что ваше имя было нѣкогда замѣшано въ грязномъ судебномъ процессѣ и выдвинуть его, какъ оружіе противъ васъ самихъ и нашей фирмы. И потому я долженъ васъ уволить.

Этотъ тонъ спокойнаго сожалѣнія смутилъ меня. О, еслибъ онъ тогда поговорилъ со мной также разумно, или хотя бы въ тотъ вечеръ, когда я просилъ у него прощенья, этой проклятой исторіи съ игорнымъ домомъ не случилось бы.—Г. Бальмеръ,—съ трудомъ выговорилъ я,—мнѣ безконечно жаль, что я не оправдалъ вашихъ надеждъ.—Отъ волненія я едва могъ говорить. И для него минута разставанья была не легка, я видѣлъ это. Онъ повернулся къ двери.—Г. Андреезенъ, письмо которое я написалъ ландамману въ Гаузенбургъ, отправлено? — Какъ вы изволили приказать, отправлено. Только что ушло. —Бальмеръ, повидимому, былъ недоволенъ этимъ.—Мнѣ, разумѣется, пришлось увѣдомить ландаммана,—

добавилъ онъ какъ-то глухо, снова повернувшись ко мнѣ,—о томъ, что вы выходите изъ-подъ моей опеки. Итакъ, г. Вильди, съ Богомъ...

Пожатіе руки, и связь между мной и Бальмеромъ была разорвана. Обуреваемый самыми противорѣчивыми чувствами, уходилъ я отъ этого человѣка, который владѣлъ моей душой и мыслями, какъ никто до него, и который теперь все же съ легкимъ сердцемъ отрекся отъ меня, хотя и не безъ борьбы. Мысль объ его письмѣ къ ландамману мучила меня. Что онъ такое написалъ? Что, если мои гамбургскія безрасудства повредятъ мнѣ и тамъ, на родинѣ? Наши горцы такъ строги къ малѣйшимъ уклоненіямъ отъ пути буржуазной добродѣтели. Если тамъ чѣмъ-нибудь замараешь себя, это ужъ пристанетъ на всю жизнь. Крестьяне безпощадны; они не простятъ и не забудутъ, какъ забываютъ въ городахъ, гдѣ одно впечатлѣніе вытѣсняетъ другое. Въ своей тревогѣ я даже не прочелъ письма Дуглоры, которое лежало у меня въ карманѣ. Я чувствовалъ, что долгъ мой написать ей, но этотъ долгъ жегъ меня, какъ огнемъ, и мнѣ стыдно было писать ей о крушеніи всѣхъ моихъ надеждъ. Одно мнѣ было ясно: какъ мнѣ ни тяжко, я долженъ преодолѣть себя, вернуться къ ней и дать ей то тихое счастье, котораго она ждетъ отъ меня. Это—мой долгъ передъ нашей любовью и передъ этой чистой, вѣрной дѣвушкой, столько выстрадавшей изъ-за меня. Я свободенъ, какъ птица. Еще дня два-три въ Гамбургѣ; еще этотъ ужасный судъ—а тамъ я прощусь и съ Бигъ, и съ моими широкими честолюбивыми планами и заживу въ тихихъ горахъ, тихой жизнью селянина. Рѣшиться было не легко. Мнѣ казалось, что я присутствую на собственныхъ похоронахъ.

Чѣмъ ближе день разлуки, тѣмъ больше меня тянуло къ Бигъ; я ни о комъ и ни о чемъ не могъ думать, кромѣ нея: ея дивная красота, ея гордая, свободная душа и блестящій умъ захватили меня сильнѣе, чѣмъ я думалъ, хоть я и не сознавался себѣ въ этомъ. Мысль о близости разлуки, безъ надежды на свиданіе, какъ-то особенно сближала насъ; никогда еще она не была мнѣ такъ духовно близка. «Дуглору ты всю жизнь будешь имѣть съ собою, а Бигъ всего лишь нѣсколько дней»,—шепталъ мнѣ внутренній голосъ. И, спѣша взять отъ жизни, пока можно, то, что она давала мнѣ, я отбросилъ прочь заботу, настолько отбросилъ, что даже не прочелъ и слѣдующаго письма Дуглоры.

О, дивные часы! Какъ памятна мнѣ эта предвечерняя прогулка за городомъ по окрестнымъ деревнямъ. Легкій вѣтерокъ колыхалъ высокую траву, всю усѣянную лѣтними цвѣтами. Косари, мужчины и женщины, въ живописныхъ костюмахъ, привѣтливо кивали намъ; тѣнистые сады и старые крестьянскіе дома

съ соломенными крышами манили зайти отдохнуть. Бигъ восхищалась тѣмъ, какъ я сразу разбирался во всемъ, что видѣлъ, съ навыкомъ человѣка, который жилъ около земли и намѣревается снова вернуться къ ней. Меня забавляло умѣнье Бигъ возиться съ крестьянскими ребятишками, играть съ ними, съ двухъ словъ располагать къ себѣ и внушать довѣріе. Она обожала дѣтей и съ ними забывала обо всемъ, даже обо мнѣ.

— Нѣтъ, это все-таки нехорошо, г. Вильди, — шутила она.—Эти минуты должны быть всецѣло наши. Вѣдь я даже не вправѣ попросить васъ прислать мнѣ вѣсточку, какъ вамъ живется въ вашихъ горахъ; это могло бы встревожить вашу будущую жену. Но все же я хочу дать вамъ кое-что на память о себѣ.—Она вынула изъ кармана фотографическую карточку и протянула ее мнѣ. Изъ небольшого ромбика на меня глянуло ея очаровательное личико въ ореолѣ пышныхъ локоновъ и косъ, ея глаза... Внизу стояла надпись: «Моему дорогому Іосту Вильди—Абигаиль Даръ». Я молча протянулъ ей руку. Она улыбнулась. — Можно, по крайней мѣрѣ, попросить у васъ того же—карточки съ надписью на память? — Завтра, Бигъ. Мы увидимся послѣ суда.—Она кивнула головой. И съ такой нѣжностью въ голосѣ, какой я еще не слыхалъ у нея, сказала:—Желаю вамъ отъ души, чтобы вы съ вашей будущей женой жили очень счастливо. Я должна умереть для васъ; считайте меня какъ бы умершей. Но въ пѣснѣ поется: «Есть день въ году и для усопшихъ». Храните мою карточку тамъ, гдѣ она не сможетъ нарушить душевный покой вашей жены, самое лучшее—въ дуплѣ какого-нибудь дерева въ лѣсу, но разъ въ годъ ходите туда взглянуть на вашего умершаго друга, Бигъ...

— Бигъ, не говорите такъ. Мнѣ нестерпимо больно!— воскликнулъ я, мучительно ощущая боль разлуки.—Вы будете для меня не мертвой, но живой.

Она не рѣшалась взглянуть на меня, потупилась и гладила рукой стебли травы; потомъ все-таки взглянула.

— Іостъ Вильди, а вѣдь это, собственно, несчастье для насъ, что мы съ вами встрѣтились,—прошептала она.—Вѣдь мы не сможемъ забыть другъ друга; все время будемъ тосковать.— Конечно, Бигъ, это несчастье. И мое сердце говоритъ то же.

Она принужденно засмѣялась, какъ бы силясь стряхнуть съ себя тяжесть.—Дайте мнѣ совѣтъ. Скажите, гдѣ еще найти другого такого Іоста Вильди. Я опять вернусь къ своей цыганской жизни и разыщу его, гдѣ бы онъ ни былъ, хоть на концѣ свѣта. Только чуръ: чтобъ онъ не былъ помолвленъ съ

другой дѣвушкой. А съ виду онъ долженъ быть совсѣмъ такой, какъ вы. Такіе же темные, безстрашные глаза, такой же смѣлый лобъ и здоровый, звонкій, какъ золото, смѣхъ, та же первобытная сила, искренность и свѣжесть. И куралесить онъ можетъ еще больше васъ, лишь бы только его сердце было свободно.

— Вы жестоки, Бигъ,—пролепеталъ я, запинаясь.—Вѣдь долженъ же я идти путемъ долга и чести, иначе вы первая презирали бы меня.

Не отвѣчая, она подошла къ кусту шиповника, росшему у дороги, и хотѣла сорвать цвѣтокъ, но не могла достать. Я помогъ ей и нагнулъ вѣтку. Она вдругъ воскликнула:

— Г. Вильди, смотрите. Вонъ тамъ, надъ лугомъ, шаръ Зоммерфельда!

Мы оба слѣдили глазами за шаромъ. Съ алыхъ губокъ Бигъ готова была сорваться просьба, которую я угадывалъ, но медлилъ отвѣтомъ. Она опять мечтала о совмѣстномъ большомъ полетѣ... Она взяла мою руку и, нѣжно сжимая ее, шептала:—Ну, не все ли равно, днемъ раньше или позже вернуться на родину? Вѣдь вы же обѣщали. Помните, вы сказали, что, еслибъ вы были свободнымъ человѣкомъ, вы бы полетѣли. Теперь препятствій нѣтъ.—Дыханіе ея созданныхъ для поцѣлуя губъ опьяняло меня; въ голубыхъ глазахъ было столько нѣжной мольбы...

Я не выдержалъ и обнялъ ея тонкій, какъ тростинка, станъ.

— Хорошо, Бигъ,—летимъ; я полечу съ тобой. Но раньше дай мнѣ поцѣлуй, дивная, дивная женщина. Только съ тобою я узналъ, что такое любовь. Да, я полечу съ тобой въ самое поднебесье; я хочу, чтобъ у меня осталось отъ тебя сильное, красивое, неизгладимое воспоминаніе.

Тоненькая фигурка нѣжно льнула ко мнѣ; алыя губы страстно отвѣчали на мои поцѣлуи.—Я знаю, что это кража, Іостъ,—шептала она, но я не могу, не могу. Я такъ безконечно люблю тебя. Я не могу уйти отъ тебя, какъ отверженная.—Весь міръ потонулъ въ блаженствѣ.

— Бигъ,—вырвалось у меня,—очаровательница, я не могу себѣ представить жизни безъ тебя. Я не могу съ тобой разстаться... Я хотѣлъ бы вѣчно жить съ тобой.

Ея лицо преобразилось счастьемъ; глаза сіяли, какъ солнце.

— Что ты сказалъ?—шептала она, жадно ловя мои слова.

— Что я хотѣлъ бы жить съ тобой всю жизнь—повторилъ я, запинаясь.

— Это ты серьезно говоришь?—допытывалась она, вся дрожа отъ страсти.

— Бигъ, я хотѣлъ бы уѣхать съ тобой,—повторилъ я.

— А я съ тобой,—шепнула она, и безумные поцѣлуи скрѣпили это признаніе.

Не знаю, сколько времени мы стояли такъ, обнявшись, подъ кустомъ шиповника; но, когда мы снова вышли на дорогу, Бигъ, совершенно обезсиленная, разбитая и безвольная, висѣла на моей рукѣ.—Теперь я хотѣла бы умереть въ твоихъ объятіяхъ,—пролепетала она и съ тихимъ рыданіемъ склонила мнѣ на плечо свою прелестную головку.

— И я хотѣлъ бы умереть съ тобой, моя пре-лестная,—шепталъ я, гладя ея пылающія щечки...

Но вдругъ она вырвалась изъ моихъ рукъ. — Ты — ты хотѣлъ бы умереть со мной!—повторила она рѣзко, шипящимъ голосомъ, съ холоднымъ стальнымъ блескомъ въ глазахъ.—Вѣдь ты обязанъ жить—жить для другой.

Жгучая горечь, злая насмѣшка была въ ея голосѣ. Но постепенно она овладѣла собой. И опять заговорила о полетѣ, который мы непремѣнно должны еще разъ предпринять; и этотъ разговоръ о новомъ и блаженномъ днѣ слегка затушевалъ печаль, наполнявшую наши сердца.

Я радъ былъ, когда мы, наконецъ, дошли до города: но только когда мы разошлись, я сознался, какое пламя страсти охватило насъ обоихъ. Мнѣ стало безумно жаль Бигъ, съ ея пылкой и страстной любовью. «Ты не долженъ былъ дать разгорѣться этому огню,—кричалъ мнѣ внутренній голосъ.—Ты не долженъ больше видѣться съ ней, иначе»... Но еще громче плакалъ другой голосъ: «Ты измѣнилъ Дуглёрли—твоей бѣдной, милой Дуглёрли»...

Дальше идутъ дни, о которыхъ мнѣ тяжело писать, и рука моя дрожитъ, касаясь этихъ листковъ...

XV.

«День суда». Хорошее заглавіе. Въ этотъ день я, дѣйствительно, ощутилъ на себѣ дуновеніе судьбы.

Вернувшись отъ Бигъ, я нашелъ у себя дома огромный, съ казенными печатями пакетъ, присланный съ родины. Присѣвъ на уже завязанный чемоданъ, я распечаталъ конвертъ. Чудесная бумага! Пишутъ оба вмѣстѣ—и ландамманъ, и ландратъ. Внезапно я вскочилъ, словно укушенный змѣей. «Ого! Что за гадости написалъ туда обо мнѣ Бальмеръ? Что такое? Распутное поведеніе... Грязная исторія съ шулерской карточной игрой... Скверная бабенка... Дружба съ шулерами вредитъ доброй репутаціи края»... И приписка за подписями ландрата и начальника кан-

тона:—Іосту Вильди предписывается не позже, какъ черезъ три дня послѣ суда, явиться по начальству, въ Гауенбургскую ратушу, подъ угрозой, въ случаѣ неповиновенія, быть разысканнымъ гамбургской полиціей, при содѣйствіи г. Ганса Конрада Бальмера, и доставленнымъ подъ конвоемъ на родину. Дабы отговоркой не служило отсутствіе денегъ на дорогу, Ганса Конрада Бальмера просятъ, за счетъ кантона, выдать оному Вильди билетъ третьяго класса до Гауенбурга. По возвращеніи на родину, Вильди будетъ взятъ подъ опеку, которая, при условіи хорошаго поведенія, можетъ быть и снята, но не ранѣе, какъ черезъ годъ.—Далѣе слѣдовала записка частнаго характера отъ ландаммана: онъ оплакивалъ мое глубокое паденіе и выражалъ надежду, что въ сердцѣ моемъ еще уцѣлѣла искра добра, и я постараюсь доказать это, подчинившись зрѣло обдуманному рѣшенію окружнаго совѣта.

«И это мнѣ, Іосту Вильди?!» Я схватилъ казенную бумагу и письмецо ландаммана, изорвалъ ихъ въ клочки, швырнулъ ихъ на земь и, увидавъ на полу казенную печать моего родного кантона на аккуратно вырѣзанной зубчиками бумажной подкладкѣ, съ изображеніемъ восходящаго солнца, горной ели и старинной аллебарды, наступилъ на нее каблукомъ, раздавивъ сургучъ, разсыпавшійся мелкими песчинками. И въ сердцѣ моемъ что-то трещало, рвалось и разсыпалось въ прахъ, точно такъ же, какъ бумага въ моихъ рукахъ и сургучъ подъ ногами. Обида отравой жгла мнѣ грудь. Такъ неужто же они считаютъ меня негодяемъ, шулеромъ, послѣднимъ мошенникомъ? Развѣ я не работалъ у Бальмера какъ поденщикъ, день-деньской, не покладая рукъ, не сидѣлъ по вечерамъ до поздней ночи за книгами? Что значатъ въ сравненіи съ этимъ одно-два увлеченія, мальчишескія выходки? Вѣдь я же ни на минуту не упускалъ изъ виду моей серьезной цѣли. Нѣтъ, человѣкъ, котораго я видѣлъ въ зеркалѣ, былъ, правда, смертельно блѣденъ, но въ немъ живутъ сила и воля къ жизни, которыя не дадутъ ему погибнуть.

Я нагнулся и подобралъ всѣ до одного клочки разорваннаго пакета. «Это затѣмъ, чтобъ ты не забывалъ тяжкой обиды—чтобы ты никогда больше не тосковалъ по родинѣ». Изъ многихъ мрачныхъ мыслей, нахлынувшихъ на меня, выдвинулась на первый планъ одна: «послѣ такой обиды, у тебя нѣтъ больше родины, и возвращаться туда тебѣ нельзя. Никогда! Никогда!» Мнѣ захотѣлось какъ-нибудь активно проявить это рѣшеніе, сдѣлать его невозвратнымъ. Я схватилъ перо и написалъ ландамману

и ландрату въ Гауенбургъ: «Прошу не ждать меня. Вы сами должны радоваться этому. Вернись я, первымъ дѣломъ я привлекъ бы васъ къ отвѣту передъ всей страной за неслыханное безчестье и не успокоился бы, пока не добился бы возстановленія моей чести и моихъ правъ. Итакъ, я не пріѣду. Бальмеръ въ свой смертный часъ дастъ отвѣтъ Богу за то моральное убійство, которое онъ совершилъ надо мной своимъ письмомъ къ вамъ, единственно ради суетнаго желанія остаться незапятнаннымъ и великимъ въ памяти своей родины. Слишкомъ гордый для того, чтобы сказать хоть слово въ защиту и оправданіе себя, но готовый къ борьбѣ противъ всякаго насилія, Іостъ Вильди».

Хотя на дворѣ была ночь, я стремительно выбѣжалъ съ этимъ письмомъ на улицу; я готовъ былъ ворваться въ домъ Бальмера, стащить его съ постели и крикнуть ему: «Чудовище! Такъ легко тебѣ разбить все счастье человѣка!..» О, какъ я жаждалъ свести съ нимъ счеты!.. Затѣмъ, мысли мои вернулись къ Бигъ. Въ какомъ соблазнительномъ свѣтѣ предсталъ предо мной ея образъ. Одно слово—и эта гордая, благородная душа станетъ моей, и съ ней всѣ блага міра.—Нѣтъ, нѣтъ, только не это. Мнѣ представилось измученное личико Дуглёрли, съ темными скорбными глазами. И мнѣ стало мучительно стыдно страстныхъ поцѣлуевъ, которыми мы утромъ, подъ кустомъ шиповника, обмѣнялись съ Бигъ. «Я хотѣлъ бы всю жизнь прожить съ тобой!» Да, въ тотъ моментъ это было правдой, но лишь потому, что страсть на минуту затуманила сознаніе... «Нѣтъ, нѣтъ, я не измѣню Дуглорѣ. Не покину ея. Покинуть ее—значило бы потерять уваженіе къ самому себѣ, потерять право на то, чтобы послѣ всѣхъ этихъ бурь мнѣ все же улыбнулось счастье. Но какъ же взять Дуглору, когда я твердо рѣшилъ не возвращаться на родину?»

Должно быть, на свѣтѣ дѣйствительно есть сродство душъ, для котораго не существуетъ разстояній. Въ эту ночь я былъ какъ ясновидящій; я зналъ, что и Дуглора ищетъ меня, всѣмъ существомъ своимъ стремится ко мнѣ, ближе мнѣ, чѣмъ когда-либо. Конечно, это была лишь игра воображенія, результатъ самоукоровъ за то, что я, ради Бигъ, предалъ мою первую молодую любовь.

Поутру я отправился въ судъ—давать показанія въ качествѣ свидѣтеля по дѣлу о незаконномъ игорномъ притонѣ и мошеннической игрѣ. Трудный былъ это путь. На воздухѣ туманъ, давившій мою голову, какъ будто разсѣялся; но когда приставъ ввелъ меня въ свидѣтельскую комнату, у меня помутилось въ

глазахъ, и я едва не упалъ. Что за омерзительная компанія отжившихъ юношей и стариковъ, накрашенныхъ женщинъ; среди нихъ, двѣ-три знакомыхъ, нагло кивавшихъ мнѣ; на многихъ лицахъ что-то вродѣ злорадной усмѣшки, — вотъ, молъ, и этотъ свѣжій; полный жизни юноша тоже затесался въ нашу компанію. Отъ времени до времени вызывали одного-двухъ свидѣтелей въ залу суда. А я все сидѣлъ. Время тянулось нестерпимо медленно. Думать? Но даже думать въ этой комнатѣ и въ этомъ обществѣ было какъ-то постыдно. Какъ за якорь спасенія, я ухватился за два письма Дуглоры, которыя за эти дни даже не удосужился прочесть, такъ я одурѣлъ и растерялся. Письма эти были такого содержанія, что на мигъ я позабылъ все окружающее.

«Мой горячо любимый Іостъ», писала бѣдняжка, «я смертельно безпокоюсь о тебѣ. Твое послѣднее письмо ты оборвалъ на полусловѣ, говоря, что почувствовалъ себя нехорошо. И съ тѣхъ поръ ни строчки. Какъ же тутъ не испугаться? Я удивляюсь только одному—что ты не поручилъ кому-нибудь другому извѣстить меня. Эта постоянная тревога совсѣмъ измучила меня: ночью душатъ кошмары; днемъ отъ усталости руки опускаются. Что мнѣ дѣлать? Въ чемъ найти утѣшеніе? Отъ Ц'бинденовъ я ушла. Всѣмъ было жалко, что я ухожу, и въ то же время нельзя было поступить иначе. Они простились со мной очень ласково и сердечно, и г. Ц'бинденъ посулилъ справить мнѣ все приданое, когда я буду выходить замужъ. Я послѣдовала твоему совѣту и поселилась у тѣхъ добрыхъ людей въ Цвейбрюкенѣ, которые пріютили насъ послѣ обвала. Но у нихъ и своихъ рабочихъ рукъ достаточно; лишнія имъ не нужны,—хотя все же, они предлагаютъ мнѣ пожить у нихъ, пока я найду себѣ подходящее мѣсто.

«Милый Іостъ! Они справляются и о тебѣ. Когда я стала разсказывать, какъ устроилась твоя судьба, мнѣ вдругъ безумно захотѣлось побывать въ Зельматѣ, гдѣ мы такъ счастливо жили дѣтьми. По пути туда, среди тишины горъ и въ молитвѣ, я постепенно успокоилась. Мнѣ чудилось: самъ Господь говоритъ со мной и внушаетъ мнѣ мужество—рѣшиться на дальній путь и разыскать тебя въ чужомъ далекомъ городѣ. Если ты боленъ, милый Іостъ, я буду ходить за тобой и вылечу тебя. Тогда ужъ мы и наговоримся съ тобой вдоволь и рѣшимъ, какъ намъ быть съ нашей любовью».

Письмо это встревожило меня. Дуглора хочетъ ѣхать въ Гамбургъ? Что за нелѣпость? Богъ знаетъ, до чего она додумалась!

Но это былъ еще не конецъ.

«Я уже писала тебѣ, милый Іостъ, что Мельхи Хангштейнеръ началъ строить домъ въ Зельматѣ и что ландратъ далъ ему денегъ на постройку. Ты знаешь, я первая говорила, что слѣдовало бы опять начать строиться въ Зельматѣ. Я мечтала, что *мы* это сдѣлаемъ. А сдѣлалъ Мельхи. Домъ весь деревянный, при немъ овинъ и сарай; окна на солнечную сторону, на гору. Мельхи живетъ тамъ съ мальчишкой батракомъ, тремя коровами и молодымъ бычкомъ. Онъ зазвалъ меня къ себѣ обѣдать. И, такъ какъ мы съ нимъ въ дѣтствѣ всегда были добрыми товарищами, я спросила его совѣта—какъ онъ думаетъ, слѣдуетъ ли мнѣ ѣхать разыскивать тебя. Онъ усиленно отговаривалъ меня. Говорилъ, что дорога дальняя, жалко денегъ, да и опасно мнѣ ѣхать одной. И, вообще, говорилъ разныя глупости, стараясь возстановить меня противъ тебя. Но это ему не удалось, и я скоро замѣтила, что это онъ мнѣ ловушку разставляетъ: онъ самъ бы не прочь взять хозяйку въ домъ. И цѣлитъ на меня. Глупецъ! Какъ будто онъ не знаетъ, что я люблю только тебя. Въ три часа я ушла изъ Зельмата. На обратномъ пути меня сначала очень мучили злыя слова Мельхи о томъ, что ты навѣрное здоровъ, какъ рыбка въ Зелахѣ, и не пишешь просто потому, что ты ко мнѣ равнодушенъ; но потомъ я все-таки сама надумалась. Конечно, денегъ жаль—онѣ бы мнѣ пригодились на приданое. Но вѣдь душевный покой дороже денегъ. И потому, между Зельматомъ и Цвейбрюкеномъ, я рѣшила, милый Іостъ, поговорить съ тобой серьезно. О, дорогой мой! Боленъ ты или здоровъ, умоляю тебя, напиши мнѣ. Скажи откровенно, хочешь ты, или не хочешь, чтобы я пріѣхала въ Гамбургъ. Если я не получу отвѣта на это письмо, я окончательно увѣрюсь, что ты серьезно боленъ. И тогда, конечно, тебѣ нуженъ любящій уходъ. Если я что и не такъ сдѣлаю, ты долженъ простить мнѣ—я мѣста себѣ не нахожу: у меня въ душѣ такая тревога, что я не могу больше здѣсь оставаться. Съ неизмѣнной любовью и вѣрностью, твоя Дуглёрли».

На этихъ послѣднихъ словахъ расплылись пятна отъ слезъ.

Я такъ взволновался, что совершенно забылъ, гдѣ я, и вскочилъ со скамьи. Стражникъ, приставленный къ свидѣтелямъ, подозрительно покосился на меня; потомъ шагнулъ впередъ, сдѣлалъ мнѣ знакъ подойти, взялъ у меня письмо, пробѣжалъ пару строкъ и, убѣдившись, что письмо отъ женщины и отношенія къ дѣлу не имѣетъ, такъ же молча отдалъ мнѣ его назадъ. Какъ разъ въ эту минуту приставъ крикнулъ въ дверь: «Іостъ

Вильди!» Наконецъ-то! Меня кидало въ жаръ и въ холодъ, но я, съ виду спокойный, подошелъ къ столу, за которымъ сидѣли судьи.

На скамьѣ подсудимыхъ я увидѣлъ толстяка хозяина, моего пріятеля Леглю, отставного капитана судна съ толстымъ носомъ, похожимъ на картошку, и еще двухъ-трехъ, которыхъ я не зналъ. Эта печальная картина неизгладимо запечатлѣлась въ моей душѣ. Самая процедура допроса не представляла ничего особеннаго. Меня еще разъ заставили разсказать, какъ я попалъ въ эту компанію. На перекрестномъ допросѣ я не сбился, такъ какъ показывалъ только правду, но все же послѣ него я чувствовалъ себя совершенно обезсиленнымъ, словно втащилъ на гору страшную тяжесть. У меня уже начинало темнѣть въ глазахъ, когда послѣ строгаго увѣщанія прокурора — впредь избѣгать дурного общества, раздались, наконецъ, отрадныя слова: «Свидѣтель Вильди, вы свободны. Можете идти».

Увѣщаніе было излишне. Я вынесъ изъ залы суда твердую рѣшимость никогда больше не попадать туда. Выйдя на воздухъ и на свѣтъ, я въ первую минуту ощутилъ почти блаженство отъ мысли, что страшный часъ, котораго я такъ боялся, уже пережитъ. Но тотчасъ же мнѣ вспомнилось, что въ карманѣ у меня еще одно непрочитанное письмо Дуглоры. Что въ немъ? Неужто она не отказалась отъ безумной затѣи ѣхать въ Гамбургъ? Я почти бѣжалъ по широкой аллеѣ роскошнаго парка, спускающагося къ Эльбѣ, отыскивая глазами укромное мѣстечко, гдѣ было бы поменьше гуляющихъ. Я нашелъ такое мѣстечко у зеленой естественной изгороди, обѣгавшей одинъ изъ прудковъ; но, не успѣлъ я присѣсть на скамью, какъ позади меня зазвучалъ лукавый смѣхъ. — Здравствуйте! Вы, конечно, не узнали меня, но, къ счастью, *я* васъ узпала. Ну, что, все обошлось благополучно? Голова, по крайней мѣрѣ, еще сидитъ на плечахъ и очень красиво.—Бигъ нагнулась ко мнѣ и съ нѣжной лаской прижалась щекой къ моей щекѣ; въ ней не осталось и слѣда вчерашней грусти; теперь это было жизнерадостное существо, думавшее только о счастьѣ и наслажденіи.

— Мы вмѣстѣ пообѣдаемъ, а потомъ поѣдемъ къ Зоммерфельду и выработаемъ съ нимъ планъ нашего большого воздушнаго путешествія!—Она смѣялась, какъ ребенокъ, которому хотѣлось бы, чтобъ и другіе были веселы, какъ онъ.—Принесъ ты мнѣ карточку съ милой надписью?

Нѣтъ, о карточкѣ я позабылъ; слишкомъ много было у меня вчера заботъ и огорченій.

— Одну минуту, Бигъ. Дай мнѣ прочесть письмо. — Она сдѣлала очаровательнѣйшую гримаску и отошла, оставивъ меня одного.

«Ты молчишь, милый Іостъ. Значитъ, ты, въ самомъ дѣлѣ, серьезно боленъ. Не даромъ я вижу все такіе дурные сны. Будто ты лежишь въ постели, весь въ бѣломъ, и смотришь на дверь, и говоришь: «Что же это Дуглёрли не идетъ?» Иду, милый Іостъ. Была я у портнихи въ Гауенбургѣ. День былъ какъ разъ базарный, и Мельхи тоже тамъ былъ; онъ пріѣхалъ прикупить себѣ еще бычка. Онъ опять увѣрялъ меня, что я дѣлаю большую глупость, и очень отговаривалъ меня ѣхать; но, видя, что я твердо рѣшилась, она въ угоду мнѣ, сходилъ на вокзалъ и справился, какъ и когда ѣхать. Ему сказали, что во вторникъ въ Гамбургъ ѣдетъ одна крестьянская семья, задумавшая выселиться въ Америку, и, если я завтра утромъ выѣду вмѣстѣ съ ними, то въ среду вечеромъ въ шесть часовъ я буду уже въ Гамбургѣ. Я такъ и сдѣлаю».

«Въ среду вечеромъ, въ шесть часовъ». Такъ вѣдь это сегодня, черезъ нѣсколько часовъ. Я даже не въ состояніи былъ дочитать письмо. Бигъ посматривала на меня съ нетерпѣніемъ и любопытствомъ. И вдругъ вскрикнула: — Іостъ! Что съ тобою? У тебя въ лицѣ ни кровинки.—Я шепнулъ ей одно только слово. Она поняла и, какъ подкошенный цвѣтокъ, опустилась на траву возлѣ меня, робко обняла меня, и прижалась головой къ моей груди; глаза ея наполнились слезами; гордая головка опускалась все ниже и ниже. Страдальческая гримаса обнажила блестящіе бѣлые зубы. Она напомнила мнѣ въ эту минуту раненаго на смерть звѣрька, который и хотѣлъ бы защищаться, но на то не имѣетъ силы. Ломая руки, она шептала:— Такъ значитъ, надо уходить? Все это было только сномъ... Еслибъ хоть еще разъ полетѣть вмѣстѣ! Какъ мнѣ хотѣлось, Іостъ, яснымъ утромъ подняться съ тобой въ тѣ высоты, гдѣ такъ свободно паритъ душа, гдѣ воздухъ такъ чистъ. Въ благодарность за это счастье я готова была стать набожной, какъ твоя невѣста. Но и этого счастья мнѣ не суждено.—Искаженныя уста ея шептали безумныя слова, страшныя проклятія судьбѣ; въ лицѣ была такая удивительная смѣсь страданія, скорби и душевной красоты, что мнѣ жутко было смотрѣть на нее. Меня тянуло къ Бигъ, и въ то же время внутренній голосъ кричалъ мнѣ: «Бойся этой загадочной женщины. Бѣги отъ нея!» Ея узенькіе пальчики цѣплялись за мою руку, глаза впивались взглядомъ въ мои глаза, дрожащія губы молили: —Іостъ!

дно только слово. Правда ли, что тебѣ хотѣлось бы прожить жизнь лучше со мной?

Я чувствовалъ, что это не кончится добромъ, что Бигъ способна наложить на себя руки, если я теперь обману ея надежды. Совѣсть упрекала меня, но я все же сжалъ ея ручки и пролепеталъ:—Да, я предпочелъ бы жить съ тобою, Бигъ.—Она впилась въ мои губы такимъ мучительнымъ и безконечнымъ поцѣлуемъ, что я едва не задохся.—А какъ же съ карточкой?—почти простонала она.—Я не могу жить безъ твоей карточки.—Я пришлю тебѣ карточку, Бигъ,—пообѣщалъ я, чтобъ хоть немного успокоить ее. Мнѣ было до боли жаль бѣдняжку.

Тутъ къ намъ подбѣжала группа играющихъ дѣтей. Волей-неволей пришлось обуздать свои чувства, или, по крайней мѣрѣ, ихъ внѣшнія проявленія. Мы прошлись немного; дойдя до группы деревьевъ, скрывавшихъ насъ отъ любопытныхъ взоровъ, Бигъ замедлила шаги.—Такъ надо, такъ надо,—прошептала она.—Прощай, мой любимый.—Еще разъ впились ея глаза въ мои глаза, какъ будто хотѣли выпить душу изъ тѣла. Съ несказанной нѣжностью она приложила руки къ моимъ щекамъ, робко привлекла меня къ себѣ и прижалась губами къ моимъ губамъ. Долгій, жаркій поцѣлуй, короткое, жгучее: «Прощай!», и Абигаиль скрылась изъ виду.

Что это былъ за тяжкій, трудный, ужасный день! Я совершенно запутался между Абигаилью и Дуглорой, не видѣлъ выхода, чувствовалъ себя совершенно безпомощнымъ, но тѣмъ не менѣе дѣйствовалъ вполнѣ разумно. Вернувшись къ себѣ домой, я заперся въ своей комнатѣ и дочиталъ до конца письмо Дуглоры. Съ чисто мужицкой хитростью Мельхи Хангштейнеръ обставилъ путешествіе Дуглоры такъ, что дома никто, кромѣ него и нея не зналъ, куда и зачѣмъ она ѣдетъ. Во избѣжаніе сплетенъ и насмѣшекъ, если бы ея надежды на меня не оправдались и ей пришлось бы вернуться на родину, онъ распустилъ въ Цвейбрюкенѣ слухъ, будто она нанялась въ услуженіе въ Сантъ-Якобѣ. Нѣтъ, каковъ этотъ Мельхи Хангштейнеръ! Я рѣшилъ принести для Дуглоры всѣ жертвы, какихъ только потребуетъ отъ меня жизнь. Только объ одномъ я молилъ Бога — чтобы встрѣча съ ней не разочаровала меня. Жизнь въ большомъ городѣ, дни, проведенные въ обществѣ Бигъ, научили меня многому, и теперь я прилагалъ къ оцѣнкѣ женщинъ совсѣмъ иной масштабъ, чѣмъ, дома, въ горахъ. Что, если Дуглора покажется мнѣ неинтересной и ничтожной? Какъ я тогда буду бороться съ чарами загадочной, увлекательной, соблазнительной Бигъ? Меня бросало то въ жаръ,

то въ холодъ. Въ утѣшеніе я говорилъ себѣ, что надо было имѣть много душевной силы и любви ко мнѣ, чтобы юной, неопытной дѣвушкѣ, никогда еще не покидавшей родныхъ горъ, рѣшиться на поѣздку въ далекій незнакомый городъ, исключительно ради меня. Разумѣется, это была нелѣпая, безумная затѣя, но я оцѣнилъ ея величіе, и Дуглёрли представлялась мнѣ окруженной ореоломъ мужества и непоколебимой вѣрности. Но все-таки, послѣ всего что было, домой я съ нею не поѣду.

Я вынулъ изъ конверта проѣздной билетъ, присланный мнѣ черезъ Андреезена бывшимъ моимъ хозяиномъ, вложилъ его въ другой конвертъ и надписалъ на немъ: «Съ благодарностью возвращаю г. Гапсу Конраду Бальмеру». Съ вѣжливымъ секретаремъ я простился еще утромъ, а теперь пошелъ попрощаться съ его женой, которая такъ старалась перевоспитать неуклюжаго горца и научить его свѣтскимъ приличіямъ. Она слегка прослезилась. Сбереженія мои почти растаяли благодаря прогулкамъ съ Бигъ, но все же на нѣсколько дней для насъ съ Дуглёрли денегъ еще хватитъ. А тѣмъ временемъ я пріищу работу. Въ скромной, но чистенькой гостиницѣ я заказалъ комнату для своей невѣсты, самъ взялъ номеръ въ другой по сосѣдству, и за четверть часа до прихода поѣзда былъ уже на вокзалѣ.

Поѣздъ съ пронзительнымъ свистомъ остановился у перрона; пассажиры сплетались и расплетались въ мимолетныя, быстро распадавшіяся группы. Вотъ и крестьянская семья, въ которой я, по обличью и костюму, сразу угадалъ своихъ земляковъ, съ кучей узловъ и чемодановъ—отецъ, мать, дѣдушка и двое ребятишекъ; ихъ встрѣчаетъ агентъ общества содѣйствія переселенцамъ. Въ этой же группѣ, спиною ко мнѣ, стройная средняго роста дѣвушка въ дорожномъ платьѣ и сѣрой фетровой шляпѣ. Она держитъ за руку мальчика, словно и она принадлежитъ къ семьѣ. Изъ-подъ сѣрой шляпы спускается на затылокъ тяжелый узелъ красновато-каштановыхъ волосъ. Вотъ она повернула голову. Какой красивый изгибъ шеи! Дуглёрли! Вся кровь во мнѣ кипѣла. Я подошелъ ближе. Дуглёрли, ласково уговаривавшая чѣмъ-то напуганнаго мальчика, не замѣчала меня. Передо мной было дивной свѣжести личико, трогательно прелестное, темные, блестящіе глаза, въ которыхъ свѣтилась чистая, любящая, правдивая душа. Невольно мнѣ подумалось, что эта дѣвушка могла бы одна, безъ провожатыхъ, объѣхать весь свѣтъ—нигдѣ не нашлось бы дерзкой руки и подлыхъ устъ, которыя осмѣлились бы оскорбить ея чистоту.

— Здравствуй, Дуглёрли. Привѣтъ тебѣ!—тихонько оклик-

нулъ я ее. Она радостно вздрогнула, выпустила руку мальчика, вскинула на меня глаза, дрожащимъ голосомъ тихо пролепетала: —Іостъ!—И тотчасъ же робко поникла головкой и съ невыразимой любовью обѣими руками схватилась за мою руку.—Іостъ, не сердись на меня, что я пріѣхала.

Мы наскоро попрощались съ крестьянами, спутниками моей нареченной, и остались одни. Весь этотъ вечеръ прошелъ какъ во снѣ. Мы даже почти не разговаривали. На груди у меня Дуглёрли выплакала все свое горе, повторяя среди рыданій:—Не сердись на меня, Іостъ, что я пріѣхала. Чего только не сдѣлаешь, когда сердце болитъ.—Я гладилъ ее по волосамъ и по лицу, успокаивая ее, какъ ребенка, шепча:—Успокойся, Глёрли; не надо больше плакать—завтра обо всемъ наговоримся. Я благодаренъ тебѣ, что ты ради меня не побоялась дальняго пути. Вотъ увидишь, все устроится. — Іостъ, я ужъ и не знаю, какое ласковое слово сказать тебѣ. Видно, что ты ужъ не боленъ, только блѣденъ немного; но зато какой ты сталъ красивый, изящный, словно аристократъ какой. Только лицо прежнее—милое, милое. И во взглядѣ такая вѣрность и любовь.—Темные глаза Глёрли уже свѣтились радостью. Она успокоилась понемногу, и тяжелый, полный мучительныхъ переживаній день закончился тихимъ, счастливымъ вечеромъ. Дѣтство и юность снова ожили въ моей груди, и журчанье этихъ чистыхъ источниковъ убаюкало мои заботы. Само небо, казалось, благословляло нашу встрѣчу. Отъ Бигъ я сразу, всей душой вернулся къ Дуглорѣ. Что мнѣ Бигъ? Чужая, красивая сказка, прилетѣвшая въ мою жизнь изъ какой-то лазурной дали. Дуглора была для меня живымъ воплощеніемъ моей молодости, душой моей души, ангеломъ родины.

XVI.

И вотъ, насталъ тяжелый день признаній, когда пришлось сказать Дуглорѣ многое, что не легко было сказать.

Подходя къ дому, гдѣ она жила, я еще издали увидѣлъ, какъ она кивала мнѣ головкой изъ окна, свѣжая и ясная. Минута—и я былъ возлѣ нея. — Какъ ты однако, стала красиво одѣваться, Глёрли! — изумленно воскликнулъ я. — И не скажешь, что ты выросла въ горной деревнѣ. Платье простенькое, но какъ оно тебѣ къ лицу! — Ея милое личико озарилось счастливой улыбкой. — Не правда ли, твоя Глёрли кое-чему научилась въ Цвейбрюкенѣ, у Ц'бинденовъ? — Надѣвая шляпку съ большими

полями, красиво отдѣланную, она весело болтала: — Эта шляпа очень дорого стоила, но мнѣ хотѣлось принарядиться для тебя.— Серьезная и торжественная, полная тихой радости, шла она рядомъ со мной по шумнымъ и люднымъ улицамъ, мало интересуясь новой для нея жизнью большого города. Свѣжее личико глядѣло изъ-подъ шляпки весело и довѣрчиво, но все же эти два года оставили на немъ свой слѣдъ. Дуглора уже не казалась ребенкомъ, какъ въ то время, когда мы разстались съ ней; передо мною была молодая женщина, рано созрѣвшая, испытавшая горе; большіе, блестящіе глаза ея смотрѣли съ упованіемъ и страстной нѣжностью на обѣтованную землю ея любви. Взоръ ихъ молилъ: «разскажи!» Всѣмъ существомъ она напряженно ждала... — Развѣ тебѣ не надо сегодня идти на работу, Іостъ? — неожиданно спросила она. И, чѣмъ глуше улицы мы выбирали, тѣмъ серьезнѣе становилась наша бесѣда.

Въ тихомъ по утрамъ Зоологическомъ саду, шагая взадъ и впередъ по усыпаннымъ гравіемъ дорожкамъ, я разсказалъ моей невѣстѣ всю правду. — Домой мнѣ нельзя возвращаться. Ландамману и совѣту извѣстно о моей ссорѣ съ Бальмеромъ. Въ ихъ глазахъ онъ во всемъ правъ, а я во всемъ виноватъ. Они приказываютъ мнѣ вернуться,—а я, наперекоръ имъ, не вернусь. Я уже унизился однажды передъ Бальмеромъ и ничего не добился, и съ тѣхъ поръ поклялся больше не унижаться. О нѣтъ! Передъ гауенбургцами я не стану ползать на колѣняхъ. Да и что пользы. Все равно, разъ ужъ я возбудилъ недовѣріе къ себѣ, мнѣ житья не будетъ на родинѣ. Изъ Гауенбурга это пойдетъ по деревнямъ... Знаю я, какъ у насъ живется въ такихъ случаяхъ. Никто тебѣ отъ сердца руки не подастъ, никто не взглянетъ ласково; всѣ чураются, словно зачумленнаго. Нѣтъ, въ такой атмосферѣ я жить не могу.

— Іостъ, но что же такое случилось? Почему ты не можешь вернуться на родину съ гордо поднятой головой? Развѣ ты, въ самомъ дѣлѣ, сдѣлалъ что-нибудь дурное? — Сквозь набѣгавшія слезы на меня пытливо глянули ея испуганные глаза. О, еслибъ я могъ ей во всемъ сознаться!.. Я разсказалъ ей о томъ, какое я сгоряча письмо написалъ ландамману.

Она поникла головкой. — О, какъ это печально! Какъ ужасно! Ты возсталъ противъ властей. Такъ поступаютъ только отпѣтые люди. Іостъ, умоляю тебя, помирись съ родиной. Нехорошо человѣку жить безъ родины...

Блѣдное, измученное личико, пугливая мольба въ слегка нѣвучемъ голосѣ — все это мучительно хватало за сердце; но

сдѣланнаго измѣнить было нельзя. Всѣ мои старанья пропадали даромъ; чистая душа Дуглоры была чужда всякой казуистики. Она замолкла, ушла въ себя; за обѣдомъ не дотронулась до пищи. Сидѣла молча, блѣдная, съ полными слезъ глазами, видимо, борясь съ собой. У меня самого съ каждой минутой становилось тяжелѣе и тяжелѣе на душѣ, и я обрадовался, какъ избавленію, когда она попросила меня свести ее на пристань, такъ какъ она обѣщала придти проводить своихъ спутниковъ, уѣзжающихъ въ Америку.

— Дуглора, — нерѣшительно выговорилъ я,—я тоже подумаю объ Америкѣ. Почему бы намъ съ тобой не переселиться туда? За океаномъ мы нашли бы новую родину.

Вся кровь сбѣжала съ ея лица; глаза испуганно раскрылись.—Нѣтъ, Іостъ, это разбило бы мое сердце. — Дрожь пробѣжала по всему ея тѣлу.

Я чувствовалъ себя совершенно растерянным и подавленнымъ навалившимся на меня бременемъ жизни. Молча дошли мы до пристани. Огромный переселенческій пароходъ уже разводилъ пары; на палубѣ его и около него суетились озабоченные, торопливые люди. Усталой, тяжелой поступью подошли и наши земляки.—Вотъ, семьдесятъ лѣтъ прожилъ въ горахъ, а теперь ѣду умирать гдѣ-то за моремъ, — скрипучимъ голосомъ жаловался Дуглорѣ старикъ-дѣдъ. — Лучше бы ель на меня свалилась и задавила меня. Все легче бы было. Не надо было бы и ѣхать, еслибъ мой сынъ больше думалъ о домѣ... — Вокругъ старика, словно вокругъ кряжистаго стараго дуба, какъ птички въ бурю, жались внучата; родители ихъ уныло складывали свои пожитки и передавали ихъ матросамъ.

Наконецъ-то, наконецъ, пробило пять! Густой дымъ повалилъ изъ трубы, окутавъ и набережную, и рейдъ, и залитыя солнцемъ крыши города; матросы, гремя цѣпями, убирали сходни; раздались прощальные выстрѣлы, и пароходъ величаво отдѣлился отъ пристани.

Это прощаніе совершенно обезсилило Дуглору. — Отведи меня въ мою гостиницу, — попросила она и тяжело оперлась на мою руку.—Бѣдные, бѣдные люди!..—шептала она отъ времени до времени на обратномъ пути, горько вздыхая. — Нѣтъ, Іостъ, объ Америкѣ нечего и думать—тамъ намъ съ тобою не жить.

Въ своей комнаткѣ, старомодной и чистенькой, Дуглора дала волю слезамъ. Она страстно обняла меня и зарыдала:— О, Іость, какой ужасъ! Какъ я страшно несчастна! Іостъ, не

уходи отъ меня, останься со мной!—Все тѣло ея вздрагивало и тряслось, словно въ предсмертной агоніи; судорожно сжимая мои руки, она шептала: — Милый Іостъ, можетъ быть, мнѣ лучше вернуться домой, ни единой душѣ не сказавъ, гдѣ и зачѣмъ я была... Но нѣтъ, нѣтъ, я не могу оставить тебя! Я такъ огорчаю тебя, а тебѣ и безъ того трудно приходится... Но вѣдь ты мой, мой милый Іостъ?.. — Это звучало совсѣмъ по дѣтски.

Ея дрожащіе пальцы гладили меня по щекѣ; голосъ пѣвучей жалобой вливался мнѣ въ ухо. Самъ до глубины души потрясенный и несчастный, я привлекъ Дуглору къ себѣ на грудь и на ея робкія ласки отвѣчалъ горячими поцѣлуями. Безнадежная скорбь и вспыхнувшая страсть закружили насъ въ какомъ-то вихрѣ; молодость взяла свое. Страданья и муки потонули въ жаркихъ объятіяхъ... И въ эту ночь любви не было у насъ ни раздумья, ни сомнѣній, ни просьбъ, ни отказовъ—лишь полное единеніе тѣлъ и душъ. И не было въ нашемъ сближеніи ни дерзанія, ни легкомыслія, а лишь неудержимая потребность полной близости юной четы, которая знаетъ, что она — одна въ цѣломъ свѣтѣ и нѣтъ у нея ничего, кромѣ своей любви и огня въ горячей юной крови.

— Іостъ, что мы надѣлали? Мнѣ стыдно передъ Богомъ и передъ людьми,—шептала Дуглора, вся исходя нѣжностью.— Но, гдѣ бы ты ни жилъ, я буду съ тобой; и, если ты умрешь, я умру съ тобою; и, если поѣдешь въ Америку, я поѣду съ тобой. Только бы не разставаться съ тобою! Ты—моя родина; я твоя вѣрная жена и не покину тебя до послѣдняго вздоха.

Сколько нѣжныхъ, сладостныхъ словъ сказано было, сколько высокихъ и святыхъ чувствъ изжито въ эту короткую лѣтнюю ночь!..

* * *

Далеко за полночь, разбитый и печальный, я бросилъ перо. Ни третьяго дня, ни вчера я не могъ писать. Что пользы бередить старыя раны? Не знаю, закончу ли я эту исповѣдь; не знаю, что я съ ней сдѣлаю, когда она будетъ закончена.

Если эти листки когда-нибудь попадутъ тебѣ въ руки, милый Гансъ Штюпци, умоляю тебя, не осуждай Дуглору, не бросай въ нее камнемъ, не говори, что она «пала». Постарайся понять. Она томилась жаждой, какъ Агарь въ пустынѣ—жаждой любви. И вдругъ, изъ сыпучихъ песковъ передъ нею брызнулъ источникъ. Какъ могла она не напиться? Не чело-

вѣческій, а божескій законъ давалъ ей на то право. Для жаждущихъ нѣтъ запретныхъ источниковъ. А Дуглора такъ жаждала счастья, такъ мало видѣла его въ своей жизни!

Я самъ не могу осудить себя за эту ночь. Когда, сраженная нежданнымъ ударомъ, моя невѣста, рыдая, лежала на моей груди, я могъ отдать ей только всего себя; меньшее было бы постыднымъ безсердечіемъ.

Впрочемъ, у Ганса Штюнци свои тяжелыя заботы. Вчера онъ телеграфировалъ мнѣ, что Мельхи пригласилъ гостить къ себѣ, и повидимому надолго, того самого скототорговца, Бенингера изъ Цвейбрюкена, который заглядывается на Готлобу, подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ, Мельхи все хвораетъ и не можетъ, какъ слѣдуетъ, самъ смотрѣть за хозяйствомъ—на самомъ же дѣлѣ, чтобы дать ему возможность по вечерамъ по своему, мужиковато ухаживать за Готлобой.

Боюсь, что моей дѣвочкѣ живется не легко. Старикъ, очевидно, хочетъ насильно выдать ее замужъ. Какъ бы онъ злорадствовалъ и торжествовалъ, еслибъ это ему удалось! Но нѣтъ, мой бѣдный Гансъ, не бойся: Готлоба не изъ тѣхъ, кто промѣняетъ счастье жизни на чечевичную похлебку. Она чутьемъ умѣетъ цѣнить и понимать людей—и я спокоенъ.

Неправда. Я не такъ спокоенъ, какъ мнѣ хотѣлось бы. О, какая тоска сидѣть здѣсь, зарытымъ въ снѣгу, лишеннымъ возможности дѣйствовать! Я рвусь, какъ левъ изъ клѣтки. Хоть бы скорѣй весна!.. Тише, тише, успокойся, мятежное сердце. Возьмись опять за перо—не то пропадешь здѣсь съ тоски и тревоги на этой снѣжной вершинѣ.

XVII.

Яркое солнце свѣтило надъ крышами. «Спи, Глёрли, спи, любовь моя! Отдохни и отъ слезъ, и отъ счастья...» Я поцѣловалъ мою милую; она сквозь сонъ улыбнулась мнѣ, не размыкая рѣсницъ, ощупью нашла мою руку и поцѣловала мнѣ пальцы. Это было благословеніе, напутствіе... Съ порога я оглянулся на нее. Да, бѣдное дитя, ты можешь улыбаться во снѣ. Я иду искать себѣ работы, намъ обоимъ — хлѣба, счастья, солнца и радости жизни. Іостъ Вильди не такой ужъ негодный бездѣльникъ, какимъ воображаютъ его себѣ въ нашемъ кантонѣ. Каждая капля его крови принадлежитъ его любви и его долгу.

Городъ уже шумѣлъ, какъ муравейникъ; на улицахъ было

дѣловито суетливо и людно. У всѣхъ, шнырявшихъ между этими высокими каменными клѣтками, была своя цѣль, свое мѣсто въ жизни, своя работа и свой кусокъ хлѣба. Этому огромному городу нужно такое множество рабочихъ рукъ—неужто-жъ я въ немъ не сыщу себѣ работы? На службѣ у Бальмера я пріобрѣлъ столько самыхъ разнообразныхъ знаній, что нимало не сомнѣвался въ успѣхѣ. Я выписалъ изъ газетъ всѣ публикаціи и адреса агентствъ, которыя оказываютъ помощь въ пріисканіи занятій—и началась охота за мѣстами.

Я бѣгалъ съ утра до вечера, отъ Альтоны до Гогенфельде, обходя дома и фирмы, у которыхъ думалъ найти работу, и каждый разъ убѣждался, что первое впечатлѣніе было самое благопріятное. Но, какъ только начинались разспросы о томъ, гдѣ я служилъ раньше, участіе и доброе отношеніе быстро исчезали. «Очень жаль, но уволеннаго фирмой Бальмеръ мы взять къ себѣ не можемъ. Еслибъ вы представили хотя рекомендацію отъ прежняго хозяина.»—Или: «Іостъ Вильди? Гдѣ я слыхалъ это имя? И очень недавно».—А внимательно читавшіе газеты и запомнившіе мое имя изъ отчетовъ о процессѣ, съ укоризной говорили:—«Какъ вы осмѣлились явиться къ намъ»? Неужели вы думаете, что у насъ прибѣжище для опороченныхъ людей»?

Удрученный и разочарованный, вернулся я къ Дуглорѣ. Она кинулась мнѣ навстрѣчу. Сама она не выходила весь день, боясь заблудиться въ чужомъ городѣ. Она робѣла, едва смѣла поднять на меня глаза, но въ ея застѣнчивомъ взглядѣ свѣтилось такое ясное счастье. Понемножку она разговорилась.—Я сама себя не понимаю, Іостъ,—смѣялась она.—Съ чего это я вчера такъ испугалась и разогорчилась? Сегодня во мнѣ одно только чувство—радость, что я съ тобою, у тебя и что мы больше не разстанемся. Дастъ Богъ, все будетъ хорошо.

Все ея отчаяніе миновало, уступивъ мѣсто блаженному покою и довѣрію. Мнѣ не хотѣлось разсказывать ей о своихъ неудачахъ.

На другое утро, я опять вышелъ на поиски работы, но уже не съ такой увѣренностью. Путь мой лежалъ черезъ многія улицы, гдѣ мы гуляли съ Бигъ. Что, если я встрѣчу ее?—Нѣтъ, нѣтъ, только не это.

Дуглора и Бигъ. Ихъ даже нельзя сопоставлять. Это такіе же контрасты, какъ день и ночь. Дуглора—словно ясный день въ горахъ, когда высокія ели стоятъ недвижно, не шелестя вершинами, а въ долинахъ и на высотахъ распускаются скромные душистые цвѣты. Бигъ—словно ночь, въ таинственномъ лонѣ своемъ хранящая и солнца, и звѣзды,—ночь тѣмъ болѣе

загадочная, чѣмъ богаче ея звѣздный уборъ. У Дуглоры душа—какъ прозрачный горный ручей, въ которомъ виденъ на днѣ каждый камушекъ; Бигъ—это море, гдѣ на каждомъ шагу тайна.

Но мысли эти скоро былъ вытѣснены дневными заботами. И этотъ день принесъ мнѣ одни разочарованія. Находились только такія мѣста, которыя взять можно только съ отчаянія.

Я сбѣгалъ на товарную пристань и разыскалъ тамъ двухъ-трехъ знакомыхъ, съ которыми мнѣ случалось имѣть дѣла при погрузкѣ товаровъ Бальмера, въ томъ числѣ моего пріятеля Юнга Рунгхольта, который, оказывается, самъ завѣдывалъ теперь экспедиціей маленькой верфи. Въ нѣсколькихъ словахъ я выяснилъ ему мое положеніе и крайнюю необходимость для меня поскорѣе найти работу. Коренастый, приземистый морякъ съ широкимъ, загорѣлымъ лицомъ выслушалъ меня добродушно и сочувственно.—Да, да. Я, бывало, частенько завидовалъ вамъ, г. Вильди—какъ вамъ повезло. А вотъ, теперь оказывается—не очень-то повезло. И мѣста нѣтъ. И невѣста пріѣхала. Понятное дѣло, надо найти работу.—Онъ даже взволновался, насколько это доступно было его флегматической натурѣ, пошелъ въ свою контору и черезъ полчаса вернулся ко мнѣ съ предложеніемъ взять мѣсто помощника кочегара на грузовомъ каботажномъ пароходѣ. Ему, видимо, почти совѣстно было предлагать мнѣ такую черную работу, но моя гордость на время совершенно улетучилась; я искренно поблагодарилъ его за хлопоты и сказалъ, что мнѣ надо сперва обсудить это съ моей невѣстой.

— Приходите съ отвѣтомъ послѣ-завтра утромъ, да и невѣсту приведите, въ Оттензенъ, къ моему зятю, садовнику,—дружески пригласилъ меня Рунгхольтъ.—Кстати, тамъ, около нихъ, есть одна изба, предназначаемая на сломъ. Вы бы могли снять ее за грошъ. Съ зятемъ и съ сестрой вы пріятели, а невѣстѣ вашей послѣ горъ все же въ зелени больше понравится, чѣмъ въ городѣ.

Это доброе, дружеское отношеніе ободрило меня, и когда я, не безъ тревоги, разсказалъ Дуглорѣ о предложеніи взять мѣсто кочегара, она принялась обсуждать всѣ шансы за и противъ, такъ умно и дѣловито, что у меня сердце радовалось.—Мнѣ будетъ страшно скучно безъ тебя, когда ты будешь уѣзжать,—шептала она,—но я такъ люблю тебя, что вынесу все.—Въ воскресенье утромъ мы вмѣстѣ побывали у обѣдни, настроившей Дуглору торжественно и ясно. Въ Гамбургѣ пѣли тѣ же церковныя пѣснопѣнія, что и въ нашихъ родныхъ горахъ, и теперь Гамбургъ казался ей ужъ не такимъ чужимъ. И въ садоводствѣ ей понрави-

лось. Мы мирно провели вечеръ за кружкой пива, въ бесѣдѣ съ Рунгхольтомъ, садовникомъ и его женой.

— Правда, я только черезъ пятое въ десятое понимаю, что они говорятъ,—шептала она мнѣ, улыбаясь,—но лица и улыбки у нихъ такія добрыя, что я ужъ вижу: они хорошіе люди.— Разговоръ нашъ кончился тѣмъ, что мы съ Дуглорой поселились въ бывшей крестьянской избѣ, примыкавшей къ садоводству — зеленому островку среди новыхъ кирпичныхъ зданій. Я принялъ мѣсто кочегара на грузовомъ буксирномъ пароходѣ, а Дуглора взялась помогать въ работѣ садовнику съ женой.

Разумѣется, мѣсто кочегара, тяжелая работа среди нестерпимой жары, было лишь переходной ступенью къ лучшему. У меня, снова была подъ ногами твердая почва и честно заработанный кусокъ хлѣба для себя и Дуглоры. Что за бѣда, что у меня ломило руки и плечи отъ тяжелыхъ мѣшковъ съ углемъ, что я весь обливался горячимъ потомъ и отъ этого такъ исхудалъ, что съ меня валилось платье? Тяжкій трудъ смѣняли счастливые дни, когда пароходъ нашъ возвращался въ Гамбургъ, и мнѣ удавалось провести часокъ-другой, а то и цѣлый вечеръ съ моею милой. Ласковое прикосновеніе ея милой руки стирало съ чела слѣды заботъ; подъ ея болтовню я забывалъ объ усталости.

— Я ужъ начинаю немного понимать по здѣшнему,—разсказывала она.—И они, кажется, мною довольны и всегда ласковы со мной. Смотри, теперь и у насъ въ комнатахъ цвѣты. Ну, развѣ это не чудесная работа? А все-таки, Іостъ, какъ я страшно соскучилась по тебѣ, какъ обрадовалась твоему возвращенію! — Она застѣнчиво и нѣжно прижималась ко мнѣ, подставляя закрытые глаза подъ мои поцѣлуи.

— А по горамъ ты не тоскуешь, Глёрли? — спрашивалъ я, гладя ея волосы.

— Немножко, все-таки, тоскую, — тихонько призналась она,—съ этимъ ужъ ничего не подѣлаешь. Сначала я храбрилась, Іостъ, но дня черезъ три меня такая тоска взяла... Я написала Мельхи Хангштейнеру большое письмо. Вѣдь ты не сердишься на меня за это, мой любимый?

Это было мнѣ непріятно; и я немного насмѣшливо замѣтилъ: — Однако, въ твоемъ сердцѣ Мельхи все-таки отведенъ теплый уголокъ.

Дуглора покраснѣла. — Разумѣется, я ничего не чувствую къ Мельхи, кромѣ большого уваженія за то, что онъ рѣшился поселиться въ Зельматѣ, и признательности за то, что онъ не хочетъ предоставить зайцамъ, серпамъ, лисицамъ, совамъ и орламъ

тѣ мѣста, гдѣ прошли наше дѣтство и юность. Такъ утѣшительно думать, что по вечерамъ въ Зельматской долинѣ снова загорается хоть одинъ огонекъ.

— Пусть будетъ такъ, Дуглора. Собственно говоря, мы должны быть благодарны Мельхи еще и за то, что онъ такъ безкорыстно помогъ тебѣ собраться въ путь.

Дуглора просіяла.—Ну, конечно. И надо же кого-нибудь имѣть на родинѣ, кто бы отъ времени до времени сообщалъ намъ, что дѣлается въ родныхъ горахъ. Безъ всякой связи съ мѣстами, гдѣ прошла вся молодость, невозможно жить. Я, по крайней мѣрѣ, не могу. Издали родина кажется еще прекраснѣе. Ты знаешь, я такъ ясно помню всю Зельматскую долину—каждое деревцо, каждый кустикъ, и въ горахъ, и надъ Зелахомъ. Иной разъ работаешь въ саду—и вдругъ почудится вдали тихій звонъ колоколовъ нашей церкви, засыпанной обваломъ... Звонъ такъ и плыветъ по воздуху, и солнце будто свѣтитъ надъ деревней, и я вижу всѣхъ нашихъ дорогихъ усопшихъ...

Мнѣ даже жутко стало—такъ горѣли и сверкали темные глаза моей милой, когда она начинала говорить о родинѣ.

— Но вѣдь ты же не уйдешь отъ меня, Дуглёрли?

— Господь съ тобою, Іостъ, — улыбалась она, стыдливо лаская меня. — Что ты такое говоришь? Вѣдь я же тебѣ сказала, что моя родина—теперь съ тобой. О, Іостъ, еслибъ намъ только скопить денегъ, чтобъ повѣнчаться. Я теперь только объ этомъ и мечтаю. Мнѣ такъ страшно стыдно...—Она не договорила и спрятала личико на моемъ плечѣ.

— Глупенькая, — ласково стыдилъ я ее, но она совсѣмъ застыдилась и смутилась. — Еслибъ хоть одинъ человѣкъ узналъ объ этомъ, я умерла бы отъ стыда.

— Дуглора,—молвилъ я,—завтра я уѣзжаю на пять дней. Будь умницей—потерпи немножко. Когда я вернусь, мы купимъ кольца и обручимся, какъ слѣдуетъ. Все-таки мы зарабатываемъ кое-что. Ужъ на кольца-то хватитъ.

— Да-да-да. О ты, мой милый, славный Іостъ! — Она, ликуя, кинулась мнѣ на шею.—О, какъ я буду беречь это кольцо и радоваться на него.

Я самъ любовно мечталъ о томъ вечерѣ, когда мы пойдемъ съ Глёрли гулять и покупать обручальныя кольца—какой это будетъ славный отдыхъ отъ жары и пыли... Лишь изрѣдка меня смущало, что моя будущая жена не можетъ оторваться душой отъ родины. Быть можетъ, она тосковала еще сильнѣе, чѣмъ показывала; быть можетъ, она принадлежала къ тѣмъ жен-

щинамъ, которыя, какъ моя мать, всѣми корнями сидятъ въ родной землѣ и не могутъ жить вдали отъ родины. Все время я сокрушался о Глёрли и мечталъ, какъ я окружу ее любовью и комфортомъ, и съ каждой пристани, гдѣ останавливался пароходъ, спѣшилъ послать ей вѣсточку съ привѣтомъ.

И все же, меня не покидала мучительная тревога за Абигаиль. Я обѣщалъ прислать ей карточку—и не могъ это исполнить Каждая мысль о Бигъ казалась мнѣ преступленіемъ по отношенію къ Дуглорѣ.

Въ первый разъ мнѣ пришлось уѣхать такъ надолго, и я тѣмъ радостнѣй спѣшилъ домой, что Рунгхольтъ, встрѣтившій меня на пристани, сказалъ мнѣ, что онъ надѣется устроить меня на мѣсто писца въ конторѣ; оно черезъ мѣсяцъ освободится, такъ какъ человѣкъ, занимающій его теперь, долженъ идти въ солдаты. Я уже совсѣмъ истомился на своей тяжелой кочегарской работѣ и такъ радовался отдыху и встрѣчѣ съ милой.

Но Дуглора вышла мнѣ навстрѣчу какая-то нерадостная, вялая, словно больная; голосъ у нея былъ испуганный и, какъ только мы остались одни, она разрыдалась. — О, Іостъ, какая мука! Какой ужасъ! — Ласки мои она безвольно принимала, не отвѣчая на нихъ. — Но что съ тобой, Дуглора? Что случилось? Почему ты такая разстроенная? — Долго она не хотѣла сказать, что огорчило ее. Наконецъ пролепетала:—Письмо отъ Мельхи.— Можно мнѣ прочесть? — Она нерѣшительно вынула изъ кармана смятое письмо. Съ болью въ душѣ и съ возростающимъ негодованіемъ я пробѣжалъ его глазами. Написанное неуклюжимъ почеркомъ и съ ошибками, оно гласило:

«Милая Дуглора, я думалъ, ты скоро вернешься домой. И очень удивляюсь, что ты не вернулась. И письму твоему удивляюсь. Здѣсь много говорятъ объ Іостѣ, но только дурное. Я ѣздилъ недавно по дѣламъ въ Гауенбургъ: надо было расплатиться окончательно за постройку дома да еще прикупить кой-что изъ посуды. И въ трактирѣ въ Цвейбрюкенѣ мнѣ сказывали, будто Іостъ сидитъ въ кутузкѣ за фальшивую игру въ кости».

— Подлые клеветники! — воскликнулъ я. Дуглора, плакавшая у стола, закрывъ лицо руками, простонала: — Другое, другое больнѣе. — Я сталъ читать дальше, и письмо ходуномъ ходило въ моихъ рукахъ. «Отъ ландаммана я тоже слышалъ кое-что о Іостѣ. Онъ говоритъ, что за фальшивую игру Іостъ благополучно отдѣлался—только фонаремъ подъ глазомъ, а по суду его оправдали; но, помимо этого, онъ натворилъ еще хорошихъ

дѣлъ, за которыя Бальмеръ и прогналъ его. Онъ, оказывается, леталъ на воздушномъ шарѣ, да еще и не одинъ, а съ любушкой. Ландамманъ говоритъ, что это, должно быть, послѣдняя дрянь. Про это и въ газетахъ было—онъ самъ читалъ въ газетѣ. Значитъ, Іостъ нашелъ себѣ другую; оттого я и дивлюсь твоему письму. Совѣтъ приказывалъ ему вернуться, но онъ, понятно, не вернулся, такъ какъ у него совѣсть нечиста. Если бъ онъ теперь вернулся, ему пришлось бы круто: наши власти шутить не любятъ. Оттого онъ и собирается съ тобой въ Америку. Думается мнѣ, все-таки, что не слѣдуетъ мнѣ никому говорить, что ты уѣхала къ нему; а то еще и о тебѣ невѣсть чего наплетутъ изъ-за твоего Іоста. Не показывай ему моего письма. Но тебѣ я про все написалъ, чтобъ ты одумалась и не вѣрила слѣпо всему, что онъ тебѣ плететъ. Ой, остерегись, Дуглора. Не погуби себя въ конецъ».

— Мельхи — негодяй! — гнѣвно воскликнулъ я. — Зачѣмъ ему понадобилось отравить нашу любовь!

Дуглора еще пуще разрыдалась. — О, Іостъ! Мельхи честный человѣкъ. Онъ не желалъ мнѣ зла. Не письмо ужасно, а то, что ты, дѣйствительно, одно время забылъ обо мнѣ для другой. Эта мысль жжетъ меня, какъ огонь. Іостъ, Іостъ, Іостъ! Не знаю, какъ я теперь буду жить. Я тебѣ скажу всю правду. Въ тотъ вечеръ, когда пришло это несчастное письмо, я такъ призывала тебя. Мнѣ казалось: вотъ-вотъ ты издалека крикнешь мнѣ: «Все это неправда про другую». И, когда мнѣ въ карманѣ попались твои ключи, я не выдержала и пошла наверхъ, въ твою комнату. Я думала: мнѣ легче станетъ, когда я прижмусь лицомъ хоть къ твоему платью. Но тамъ, за обложкой молитвенника, который я дала тебѣ въ Зельматѣ, я нашла карточку, на которой было написано: «*Абигаиль-Даръ своему Іосту Вильди*».—О, это жестоко, Іостъ. Это жестоко!

Рыданія заглушили ея слова. У меня у самого было на душѣ страшно тяжело.

Я ни слова не сказалъ ей объ Абигаиль и надѣялся, что хоть эта чаша минуетъ мое бѣдное любимое дитя.

Не успѣлъ я опомниться, какъ услыхалъ за дверью голосъ садовницы: «Г. Вильди здѣсь Юргъ, у своей невѣсты». Очевидно, ко мнѣ пришелъ Рунгхольтъ. Нельзя же было показать ему Дуглору всю въ слезахъ,—я повелъ его къ себѣ наверхъ.

— Да я и здѣсь могу сказать. Къ сожалѣнію, я принесъ вамъ непріятное извѣстіе—непріятное и для васъ, и для фрейлейнъ Имоберштегъ, такъ какъ оно лишаетъ васъ двухъ дней отдыха,

на которые вы разсчитывали. Завтра, въ восемь часовъ, вы уже должны быть на службѣ, на кораблѣ, который отправляется въ Голландію. И на этотъ разъ поѣздка займетъ дней десять.

О нѣтъ! Въ такомъ состояніи оставить Дуглору невозможно. «Я не поѣду» Такова была моя первая мысль. Но Рунгхольтъ настаивалъ и уговаривалъ, добавляя, что онъ проситъ меня объ этомъ, какъ о личной ему услугѣ. — Наши служащіе, какъ нарочно, расхворались, или усланы въ другое мѣсто; мы поставлены въ очень затруднительное положеніе; выручите насъ.—Дуглора не меньше меня испугалась разлуки, но, тѣмъ не менѣе, настаивала на томъ, чтобы я согласился. — Нельзя намъ, Іостъ, отказывать Рунгхольту. Онъ такой хорошій, добрый, и такъ помогъ намъ.

Въ этотъ вечеръ мы все-таки сходили въ городъ и купили кольца, по счастью, о которомъ мы мечтали, не было и въ поминѣ. Я изводилъ себя самоукорами; Дуглора льнула ко мнѣ съ мучительной нѣжностью. — О, Іостъ! Какъ я, помнишь, говорила въ Цвейбрюкенѣ, такъ и вышло. Ты красивъ и нравишься женщинамъ, и у тебя у самаго горячая кровь. Охъ, лучше, пожалуй, было бы мнѣ не пріѣзжать сюда; но, разъ ужъ я пріѣхала, я не могу вернуться. Вѣдь ты меня любишь больше, чѣмъ ту, другую? Не могу я разстаться съ тобой! Не правда ли, Іостъ, вѣдь, мы скоро уѣдемъ въ Америку?

Прижавшись другъ къ другу, мы бродили въ толпѣ, высыпавшей на улицу, пользуясь теплымъ, лѣтнимъ вечеромъ, и я шепталъ Дуглорѣ слова любви и утѣшенія, вкладывая въ эти слова всю свою душу. И вдругъ—Абигаиль! Она, повидимому, еще до того, какъ я замѣтилъ ее, нѣкоторое время шла за нами и глядѣла на насъ, не сводя глазъ. Я никогда еще не видѣлъ ее такъ просто одѣтой—ее почти можно было принять за простолюдинку. Выраженіе лица ея было измученное и тревожное. Голубые глаза безъ словъ кричали мнѣ: «Портретъ, портретъ!» Ужасъ сковалъ мои члены. Я не выдержалъ и кивнулъ Бигъ, словно умоляя ее, чтобъ она, молча, прошла мимо.

Но въ это мгновеніе и Дуглора увидала ее, вся вздрогнула и испуганно прошептала: — Это она, Іостъ. Это она! Что ей нужно отъ насъ?

Но Бигъ уже исчезла. Я готовъ былъ проклясть ее за эту встрѣчу. Дуглора, окончательно разбитая, повисла на моей рукѣ и беззвучно прошептала: — Она любитъ тебя, безумно любитъ. Оттого она и смотрѣла на тебя, не сводя глазъ. Я страшно боюсь ея. — Она вся дрожала, какъ осиновый листикъ. Я едва

довелъ ее домой, до садоводства. И весь вечеръ она просидѣла у окна, нагнувшись впередъ и сложивъ руки на колѣняхъ—совсѣмъ какъ тогда, въ Цвейбрюкенѣ, наканунѣ моего отъѣзда въ Гамбургъ.

— Она безумно любитъ тебя, — повторяла она снова и снова, — но я не могу уступить ей мѣста. Не могу, Іостъ.— Голосъ ея звучалъ надтреснуто, какъ разбитый колокольчикъ.— Какъ трудно сказать тебѣ это... Но, мнѣ кажется, что я скоро буду матерью. Нѣтъ, навѣрно, я еще не знаю; пока, это только предчувствіе. Мой Іостъ, не покидай меня!.. — Она прошептала это почти беззвучно, спрятавъ головку у меня на груди; но это признаніе такъ взволновало насъ обоихъ, такъ всколыхнуло наши души, что мы снова слились въ одно цѣлое, забыли о Бигъ и на нѣсколько часовъ къ намъ вернулось безоблачное счастье.

Нестерпимо трудно мнѣ было на другое утро покинуть Дуглору и уѣхать отъ нея на цѣлыхъ десять дней. Послѣ клеветническаго письма Мельхи и этой встрѣчи съ Бигъ ей особенно нужна была моя близость, утѣшеніе и поддержка. Она видѣла, какъ мнѣ на этотъ разъ тяжка была разлука, и подъ освѣжающимъ утреннимъ дождикомъ, смѣнившимъ теплый вечеръ, она проводила меня до самой набережной, гдѣ стоялъ мой пароходъ. Мы утѣшали другъ друга напоминаніемъ, что теперь ужъ намъ недолго жить въ разлукѣ; когда я получу мѣсто писца, намъ не придется разставаться на цѣлыя недѣли. Она точно не могла рѣшиться выпустить мою руку; и самъ я медлилъ, пока машинистъ не окликнулъ меня, говоря, что давно пора приступить къ работѣ.

Поднимаясь по узенькой желѣзной лѣсенкѣ, ведущей въ помѣщеніе для котловъ, я обернулся еще разъ взглянуть на Дуглору, послать ей послѣдній прощальный привѣтъ. Въ своей дорожной шляпкѣ и сѣромъ дорожномъ плащѣ, она стояла на набережной, такая блѣдная, усталая. Послѣдняя улыбка, послѣдній взглядъ любви и ободренія,—и черный адъ поглотилъ меня.

Грязная работа среди нестерпимой жары, передъ огнедышащими, ненасытными пастями печей, съ двумя помощниками изъ отребьевъ человѣчества, развлекавшимися грубыми шутками и непристойной бранью, была мнѣ тягостнѣе, чѣмъ когда-либо; тоска по Дуглорѣ и тревога за нее съ каждымъ часомъ росли. Изъ Роттердама, мѣста первой нашей остановки, я послалъ ей ласковое, нѣжное письмо. И здѣсь же исполнилъ свое обѣщаніе, данное Бигъ Даръ—послалъ ей свою фотографію съ послѣднимъ прости. Даже и этихъ строкъ мнѣ не хотѣлось писать; я сдѣ-

лалъ это только для того, чтобы сдержать слово и положить непостыдный конецъ нашей дружбѣ и краткой любви. И вздохнулъ свободнѣе, сдавъ письмо на почту.

Я понималъ, что Бигъ хотѣлось хоть разъ взглянуть на мою будущую жену; но теперь, Бога ради, пусть же и она пойметъ, что мимолетный сонъ любви разсѣялся, и не становится больше поперекъ дороги мнѣ и Дуглорѣ. Хоть она и страстно меня любитъ, она все же слишкомъ благородна, чтобы портить мои отношенія съ той, чьи права на мое сердце были болѣе давняго происхожденія и болѣе крѣпки. Но зачѣмъ же она осталась въ Гамбургѣ, зачѣмъ не ѣдетъ въ Мексику, какъ собиралась? Хоть бы она ужъ уѣхала, наконецъ! Она вошла въ мою жизнь, какъ сказка. Я готовъ былъ посвятить ей доброе и чистое воспоминаніе и молить Бога, чтобъ онъ послалъ ей красивую и радостную жизнь — но каждымъ фибромъ своей души я принадлежалъ теперь Дуглорѣ.

Въ Роттердамѣ, старинномъ живописномъ городѣ, меня ждала большая непріятность. Пароходу по телеграфу отданъ былъ приказъ зайти въ нѣсколько попутныхъ городовъ, гдѣ раньше не предполагалось остановокъ. Разумѣется, Дуглору извѣстятъ объ этомъ, Рунгхольтъ не преминетъ сдѣлать это,— но это опять новая проволочка, дней на десять, если не больше. Какъ только пароходъ приставалъ къ пристани, я бѣжалъ на почту, справиться, нѣтъ ли вѣсточки отъ моей милой.—Ничего. Ни признака жизни. Тревога совсѣмъ измучила меня; къ морской болѣзни, одолѣвшей меня, присоединилась лихорадка; я слегъ и на обратномъ пути не въ состояніи былъ исполнять свои обязанности кочегара; море и корабль представлялись мнѣ теперь какимъ-то страшнымъ кошмаромъ. Мнѣ казалось, я никогда ужъ больше не увижу Гамбурга и Дуглоры. Наконецъ пароходъ нашъ вошелъ въ устье Эльбы; вдали виднѣлся низкій берегъ; еще два-три томительныхъ часа, и мы были въ Гамбургѣ.

Спускаясь по сходнямъ на берегъ, я шатался отъ слабости и лихорадки. На набережной мнѣ повстрѣчался Рунгхольтъ. Его голубые глаза оглядѣли меня сострадательно. Но я сразу накинулся на него съ разспросами:—Ну, какъ моя невѣста? Здорова она?

Съ какимъ-то страннымъ сожалѣніемъ онъ покачалъ огромной головой.

— Развѣ вы еще не знаете? — выговорилъ онъ, запинаясь. Я впился въ него напряженнымъ взглядомъ.—Развѣ у васъ не вышло ссоры съ фрейлейнъ Имоберштегъ въ тотъ вечеръ,

какъ я приходилъ звать васъ на новый рейсъ? Моя сестра убѣждена была, что вы разссорились. — Его спокойствіе возмутило меня. — Да говорите же, въ чемъ дѣло! — крикнулъ я. — Моя невѣста захворала? — Онъ уперся руками въ бока и кивнулъ головой. — Да, что-то въ этомъ родѣ. Затосковала. Пришлось свезти ее въ больницу. Такъ что она не живетъ ужъ больше у моей сестры и зятя.—Въ какую больницу? — допытывался я съ возрастающей тревогой. — Да ея и тамъ ужъ больше нѣтъ теперь... Погодите—этому ужъ девять дней...—Да что же? Умерла она, что ли?—Онъ покачалъ головой. — Нѣтъ. Когда моя сестра пошла навѣстить ее, оказалось, что она уѣхала на родину. Тоска по родинѣ. Въ этомъ была и вся ея болѣзнь. Не всѣ приживаются на чужбинѣ. За ней пріѣзжалъ какой-то родственникъ и увезъ ее—три дня тому назадъ.

Какъ истый сѣверянинъ, Рунгхольтъ хранилъ невозмутимое спокойствіе, но въ голосѣ его звучало глубокое сочувствіе. Я не въ силахъ былъ выговорить ни слова, и лишь тупо прислушивался къ звуку его голоса; слова его казались мнѣ совсѣмъ безсмысленными. Помню только холодный потъ на лбу и сильную руку Рунгхольта, поддерживавшую меня...

Въ себя я пришелъ уже въ больницѣ.

XVIII.

Вѣтра нѣтъ, но снѣгъ идетъ, не переставая, огромными хлопьями. А тамъ внизу, въ Зельматѣ, бушуетъ буря въ сердцахъ. Гансъ Штюнци телеграфируетъ мнѣ: «Готлоба убѣжала отъ отца ко мнѣ въ школу и сейчасъ еще здѣсь. Онъ хотѣлъ насильно обручить ее съ Бенингеромъ. Вся въ слезахъ, она пришла ко мнѣ и проситъ тебя, ради ея покойной матери, телеграфировать Хангштейнеру, отговорить его. Она говоритъ, что лучше убѣжитъ изъ дому и изъ Зельмата, но не пойдетъ замужъ за немилаго».

Что же мнѣ отвѣтить? Подумавъ, я, черезъ Ганса, послалъ Хангштейнеру такую телеграмму:

«Къ Рождеству мнѣ, одинокому отшельнику горъ, хотѣлось бы имѣть подарокъ—счастье двухъ дѣтей, которыя мнѣ дороги. Гони ты къ чорту своего скототорговца. Я самъ иду къ тебѣ сватомъ и прошу у тебя руки Готлобы для моего юнаго друга, Ганса Штюнци. Если ты согласишься, я обезпечу его настолько, что ему наплевать будетъ на ваше паршивое учительское мѣсто. Пусть годика два поживетъ безъ всякихъ обязательствъ и по-

учится, а затѣмъ пусть пристроится къ какому-нибудь крупному инженерному предпріятію. Денегъ у него на это хватитъ; и приданое Готлобы я также беру на себя. Справься въ банкѣ въ Санктъ-Якобѣ, гдѣ хранятся мои капиталы; тамъ тебѣ подтвердятъ, что денегъ у меня достаточно, чтобы осуществить мои обѣщанія. Я выполню, ихъ, какъ только стаетъ снѣгъ и возстановится почтовое сообщеніе съ Фейерштейномъ. Пока, прошу твоего отвѣта и согласія».

Какъ горяча была признательность бѣдныхъ дѣтей! Какъ они ликовали! О, я знаю, они съумѣютъ сломить сопротивленіе стараго упрямца.

Но мнѣ не нужно благодарности. Я дѣлаю это въ память Дуглоры, которой я мечталъ усыпать розами жизненный путь—и надѣлъ ей на голову мученическій вѣнецъ. Богу извѣстно, сколько самъ я выстрадалъ изъ-за этого. Если мнѣ теперь удастся сгладить путь двумъ любящимъ сердцамъ—о, я желалъ бы, чтобъ была вѣчная жизнь тамъ, надъ звѣздами, и чтобъ Дуглора могла порадоваться на счастье нашего ребенка!

Нашего ребенка. Въ своей исповѣди я еще не дошелъ до этого. Но это вырвалось у меня подъ наплывомъ боли воспоминаній о томъ, какъ измученная дѣвушка, съ растерзанной душой, убѣдившись въ неисправимой дряпности своего Іоста, нося подъ сердцемъ залогъ любви, уѣхала изъ Гамбурга. Бѣдная, бѣдная!

. . . . . .

Ну, вотъ извольте радоваться! Сообщеніе прервано—какъ разъ въ тотъ моментъ, какъ я съ напряженной тревогой ждалъ отвѣтной депеши отъ Ханштейнера. Я отрѣзанъ отъ Зельмата и отъ міра.

Сегодня зимній солнцеворотъ. И вмѣстѣ съ тѣмъ, одинъ изъ самыхъ унылыхъ дней, какіе я когда-либо переживалъ на Фейерштейнѣ. Съ самаго утра я напрасно пытаюсь вызвать искорку на аппаратѣ, напрасно дрожащими пальцами стучу по клавишамъ. Словно умершую любовь пытаешься воскресить и стучишься въ сердце безъ отвѣта, и безотрадно повторяешь самому себѣ: «Мертво, мертво». Я готовъ заплакать съ досады. И цѣлый часъ я обдумывалъ громовое письмо, которое я пошлю господамъ метеорологамъ, съ бюрократической тупостью упорно отказывающимъ мнѣ въ проведеніи подземнаго кабеля... Но кто же доставитъ это письмо по назначенію?.. Ну погодите же. Только бы дождаться весны. Весной я ставлю ультиматумъ: либо давайте кабель, либо я бросаю мѣсто. Теперь ужъ выяснено, что проволока обрывается какъ разъ тамъ, гдѣ не ожидаешь, и обез-

печить отъ неожиданностей можетъ только подземный телеграфный кабель. Въ третій разъ уже я переживаю эту отрѣзанность отъ міра, но такъ рано никогда еще не прерывалось сообщеніе. Захотѣлось одиночества — такъ вотъ, получай. Грызи себя, сколько хочешь.

Вчерашняя тишина въ воздухѣ смѣнилась страшной бурей. Снѣгъ залѣпилъ окна, темнитъ комнату... сквозь замерзшія стекла ничего не видно. Я нѣсколько часовъ подрядъ возился, очищая мои инструменты отъ снѣжной пыли, которую нанесло черезъ окошко. Напрасный трудъ; завтра придется дѣлать то же самое. Буря такъ завываетъ, словно цѣлая рать адскихъ силъ носится вокругъ моей хижины. Крики, вопли, стоны. Словно кто-то грозный и страшный стучится въ окна и въ дверь и требуетъ, чтобъ его впустили. Я знаю, кто это. Это смерть. Сидя у огня, который я жгу съ утра до ночи, я философствую и съ болью въ сердцѣ думаю объ одинокой смерти, которая ждетъ меня. Думаю и о бѣдномъ послѣднемъ человѣкѣ, который когда-нибудь будетъ ходить по остывшей, погасшей землѣ... можетъ быть, въ такую же мятель... падать, подниматься и снова падать— до послѣдняго вздоха... И тогда всему конецъ. Надеждамъ, ожиданіямъ, горю и радости, славѣ и стыду человѣчества. Къ чему же тогда все?..

Я, заживо погребенный метеорологъ горной обсерваторіи, все же счастливѣй послѣдняго человѣка. Я могу отогрѣть свою душу хоть возлѣ звѣриной души. Когда я сегодня печально сидѣлъ надъ мертвымъ аппаратомъ, ко мнѣ подошелъ мой шпицъ Снѣжокъ, виляя хвостомъ, положилъ голову мнѣ на колѣни и посмотрѣлъ на меня своими умными глазами, словно говоря: «Я знаю, господинъ, что тебѣ плохо. И меня такъ огорчаетъ, что ты тоскуешь». А галка, Пюкъ, несмотря на свое сломанное крыло, вскарабкалась на мое плечо и, ласкаясь, терлась головкой объ мою щеку. Я тихонько свиснулъ, и мышенокъ Ми прыгнулъ ко мнѣ на ладонь и сталъ грызть орѣхъ. Разговаривая съ моимъ трилистникомъ, я понималъ того узника, который убилъ своего тюремщика, когда тотъ раздавилъ прирученнаго имъ паука.

Какъ-то рѣшитъ Хангштейнеръ? Послѣднія вѣсти отъ Ганса были такія. Старикъ не ожидалъ моего сватовства и страшно обозлился на меня. Гансу онъ велѣлъ убираться къ чорту, объявивъ, что отвѣта не будетъ. Напрасно Готлоба на колѣняхъ молила его со слезами лучше отпустить ее въ Санктъ-Якобъ, въ услуженіе—онъ и слышать не хочетъ...

Это была послѣдняя вѣсточка отъ Ганса Штюнци. Когда же я узнаю дальнѣйшее? Боюсь, что моему юному герою не удастся и на новый годъ добраться до меня. Слишкомъ снѣжная эта зима. А Хангштейперъ радуется перерыву сообщеній — это ослабляетъ его суевѣрный страхъ передо мной; онъ навѣрное говоритъ себѣ, что, разъ я не подаю признаковъ жизни, значитъ, я не могу налетѣть на него орломъ со своего горнаго гнѣзда.

Если я узнаю весной, что онъ злоупотребилъ своимъ отцовскимъ правомъ и насильно выдалъ замужъ Готлобу, я не знаю, что я сдѣлаю. Нѣтъ, на это онъ не рѣшится несмотря на всю свою ненависть ко мнѣ. Онъ изъ тѣхъ людей, для которыхъ дороже всего на свѣтѣ деньги. И потому онъ не можетъ не питать ко мнѣ почтенія. Притомъ онъ живетъ все время въ тайномъ страхѣ, что я нарушу обѣщаніе, данное Дуглорѣ, и обнаружу передъ всѣми подлогъ, который онъ учинилъ двадцать лѣтъ тому назадъ. Его узурпаторскія права должны отступить на задній планъ передъ моимъ естественнымъ правомъ. *Должны.*

Я замечтался, положивъ перо, и мнѣ представилось: Готлоба съ Гансомъ, рука объ руку, идутъ по усѣянному цвѣтами лугу, въ ясный майскій день. И вдругъ, буря завыла бѣшенѣе прежняго. Стѣны обсерваторіи дрожали и тряслись, словно вотъ-вотъ ее снесетъ, какъ карточный домикъ. И въ завываньяхъ бури мнѣ явственно слышался женскій плачъ и жалобный голосъ: «Іостъ, впусти меня, только на четверть часа. Мнѣ холодно, Іостъ».—Абигаиль?—Я былъ такъ возбужденъ, что мнѣ мерещилось: это она стоитъ, босая, едва одѣтая, съ распущенными волосами, и молитъ впустить ее. Дрожа всѣмъ тѣломъ, я распахнулъ дверь.—Никого. Только темень и буря... А я все-таки не могу отдѣлаться отъ мысли, что она, плача, прошла мимо моей хижины.

Милая Абигаиль, войди и сядь у моего огня. Я не хочу вспоминать о томъ, что лучшій алмазъ изъ вѣнца твоей любви уже выпалъ, когда ты подошла къ ложу покинутаго и больного и сказала ему: «Я люблю тебя—живи». Буду думать только о томъ, какъ ты выходила меня, какъ милосердная самаритянка.

Послѣ необъяснимаго бѣгства Дуглоры я, впервые въ жизни, тяжко заболѣлъ. Въ мозгу моемъ словно кипѣла расплавленная сѣра, и я не помню многаго, что со мной въ это время было; но одинъ моментъ помню ясно.

Мнѣ снился страшный сонъ. Снилось, будто я блуждаю по роднымъ горамъ, въ родныхъ долинахъ; но всѣ, кто бы ни встрѣтился со мной, кричатъ мнѣ: «Это Іостъ Вильди, убійца Дуглоры Имоберштегъ». Изъ долины я, задыхаясь, съ неимовѣрными усиліями карабкаюсь на Фейерштейнъ; но на вершинѣ его стоятъ люди и кричатъ мнѣ: «Прочь, прочь! Ступай въ Гауенбургъ. Тамъ тебя повѣсятъ передъ ратушей. У тебя на совѣсти Дуглора Имоберштегъ». И всюду, куда бы я ни шелъ, я встрѣчалъ зельматцевъ, которые кричали мнѣ: «Убійца»! и гнали меня въ Гауенбургъ. А я хотѣлъ бѣжать отъ казни и противъ воли подходилъ все ближе, ближе...

Въ этотъ страшный кошмаръ ворвался мужской, мягкій голосъ: «Увѣряю же васъ, фрейлейнъ, что паціентъ нашъ выздоравливаетъ. Я разрѣшу вамъ посидѣть возлѣ него, но разговаривать съ нимъ нельзя». Тутъ у меня впервые мелькнула сознательная мысль, что я лежу больной и что это, должно быть, голосъ доктора. Я хотѣлъ открыть глаза—и не могъ; но все же слышалъ, какъ докторъ ушелъ изъ комнаты, и мягкая, прохладная женская рука коснулась моего горячаго лба, и чьи-то слезы—не мои—падали на мои разгоряченныя щеки. Спасительная мысль: «Дуглора жива. Она со мною». Радость дала мнѣ силу разомкнуть тяжелыя вѣки.

Увы! возлѣ меня была Бигъ, а не Дуглора. Я разочарованно вновь закрылъ глаза и почувствовалъ на губахъ своихъ нѣжный поцѣлуй. Но такъ какъ поцѣлуй этотъ исходилъ не отъ Дуглоры, я остался равнодушнымъ. Мнѣ хотѣлось сообразить: откуда же взялась Бигъ? Но мозгъ мой слишкомъ ослабъ, чтобы соображать. Я снова задремалъ и проспалъ, должно быть, до слѣдующаго дня, такъ какъ, пробудившись, самъ уже почувствовалъ, что болѣзнь уступаетъ мѣсто выздоровленію. Слабость и усталость все же были такъ велики, что, полежавъ минутку съ открытыми глазами, я скоро опять захотѣлъ спать. У моей постели сидѣла Бигъ; но это была уже не веселая свѣтская дѣвушка, а серьезная, скорбная женщина съ незнакомымъ мнѣ скорбнымъ лицомъ, съ темными кругами подъ глазами—слѣдами горя, заботы и безсонныхъ ночей.—Какъ ты нашла меня? Откуда ты узнала, что я боленъ?—спросилъ я, но въ голосѣ моемъ не было радости.

Кровь прилила къ ея блѣднымъ щекамъ.—Прости мнѣ, Іостъ,—прошептала она,—я не могла дольше вынести неизвѣстности, разузнала, гдѣ ты поселился, побывала въ садоводствѣ, и мнѣ сказали, что ты, бѣдненькій, принужденъ былъ взять

мѣсто кочегара, что невѣста твоя стосковалась по роднымъ горамъ и уѣхала домой, а ты лежишь больной въ госпиталѣ. Я пошла навѣстить тебя, нашла тебя въ отвратительной общей палатѣ и попросила перевести тебя сюда, такъ какъ одному лучше лежать и уходъ здѣсь лучше. Ты былъ очень серьезно боленъ, Іостъ; въ теченіе нѣсколькихъ дней врачи боялись за твою жизнь. Но какъ ты мраченъ! какъ угрюмъ и печаленъ твой взглядъ!

— Зачѣмъ они не дали мнѣ умереть?—вырвалось у меня со стономъ.

— Тебѣ непріятно, что я здѣсь, съ тобой?—грустно спросила Бигъ. Я не отвѣтилъ. Она растерялась, огорчилась, хотѣла уйти—и не ушла. Тѣмъ временемъ глаза мои снова закрылись; сквозь сонъ я чувствовалъ ея слезы на своихъ щекахъ и робкіе поцѣлуи на рукѣ и на лбу. Затѣмъ она ушла.

Бигъ въ эти минуты была для меня совершенно безразлична. Какъ только я приходилъ въ сознаніе, мысли мои стремились къ Дуглорѣ. Мнѣ было непонятно ея бѣгство. Я скорѣе понялъ бы, если бъ Дуглора, рѣшивъ, что она ошиблась во мнѣ, утопилась бы въ Эльбѣ, чѣмъ то, что она вернулась въ Зельматъ. Дѣвушка, почувствовавшая себя матерью, не уходитъ отъ отца своего будущаго ребенка, не несетъ свой позоръ съ чужбины на родину. Дуглора не хуже меня знаетъ, какъ сурово и жестоко относятся наши крестьяне къ дѣвушкѣ, которая приживетъ ребенка до замужества. Нѣтъ, такъ безразсудно она поступить не могла. Ея бѣгство, при данныхъ обстоятельствахъ, имѣло въ себѣ что то невѣроятное, необъяснимое. Правда ли, что она уѣхала домой! Тогда, значитъ, она убѣдилась, что предчувствіе материнства обмануло ее? Кто можетъ сказать! И какой же это родственникъ пріѣзжалъ за нею? Мельхи? Я терзался, проклиналъ судьбу, зачѣмъ она вырвала меня изъ когтей смерти, и выздоровленіе мое подвигалось очень туго.

Въ одно изъ воскресеній меня навѣстили Рунгхольтъ съ своей сестрой, садовницей. Они застали у меня Бигъ и немало дивились, что за мною ухаживаетъ такая «аристократка». Когда она ушла, я вкратцѣ разсказалъ моимъ друзьямъ, кто она и какъ мы съ нею подружились. «Эге, вотъ оно, значитъ, въ чемъ дѣло», замѣтилъ Рунгхольтъ, съ лукавствомъ, котораго я не предполагалъ въ немъ. «Двѣ медвѣдицы въ одной берлогѣ не уживутся. Значитъ, оттого и уѣхала фрейлейнъ Имобершгегъ: изъ-за фрейлейнъ Даръ». Садовница заспорила, доказывая, что имъ и встрѣтиться-то было негдѣ, такъ какъ Дуглора выходила только въ церковь по воскресеньямъ, а въ прочіе дни

безвыходно сидѣла дома; писемъ, кромѣ моихъ, она не получала; фрейлейнъ Даръ впервые пришла купить цвѣтовъ, когда я уже лежалъ въ госпиталѣ. Слѣдовательно, предположеніе Рунгхольта совершенно неосновательно. Тутъ я впервые узналъ подробности объ отъѣздѣ Дуглоры. Въ первую субботу послѣ моего отъѣзда она получила первое мое письмо и очень обрадовалась ему; въ воскресенье пошла къ обѣднѣ и вернулась, вся дрожа отъ озноба, хотя день былъ жаркій. Садовница позвала доктора. На другой день докторъ велѣлъ перевезти Дуглору въ больницу. Она уже тогда говорила, что хочетъ ѣхать домой и потомъ, когда ей полегчаетъ, напишетъ мнѣ и объяснитъ причины. На недѣлѣ у садовницы не нашлось свободнаго времени, чтобъ навѣстить свою жиличку; а въ слѣдующую субботу къ нимъ пріѣхалъ на извощикѣ какой-то незнакомый, который отрекомендовался родственникомъ Дуглоры и сказалъ, что онъ пріѣхалъ за ея вещами.

— По нѣмецки онъ говорилъ такъ странно и почти такъ же непонятно, какъ и сама фрейлейнъ Имоберштегъ; и самъ былъ такой грубоватый, неуклюжій—сейчасъ видно, что крестьянинъ,—разсказывала садовница.

— А лицо въ веснушкахъ? — освѣдомился я.—Все въ веснушкахъ; брови бѣлесыя, а волосы, какъ ленъ.—Какъ ни казалось мнѣ это страннымъ, теперь я уже не могъ сомнѣваться, что Дуглору увезъ Мельхи Хангштейнеръ. Садовница предупредила незнакомца, что въ воскресенье хочетъ навѣстить Дуглору, но тотъ, должно быть, ея не понялъ, и когда она, на слѣдующій день, пошла въ больницу, Дуглоры она уже не застала: она уѣхала съ незнакомцемъ.

Но почему же, за что Дуглора такъ обидѣла меня? Я просилъ Рунгхольта написать ей, что я лежу больной и умоляю ее, ради самого Господа, объяснить мнѣ, почему она такъ поступила. Нѣсколько дней спустя, когда мнѣ самому разрѣшили писать, я написалъ старику пастору въ Цвейбрюкенъ, прося увѣдомить меня, гдѣ находится подруга моего дѣтства и какъ ей живется. О томъ, что она была въ Гамбургѣ, я не упомянулъ.

Бигъ приходила ко мнѣ каждый день, клала на одѣяло зеленую вѣтку и ставила свѣжія розы въ вазочку на окнѣ. Что было бы со мной, одинокимъ, всѣми покинутымъ, на чужбинѣ, безъ ея любви и заботы! Ей я былъ обязанъ тѣмъ, что не лежу въ общей палатѣ, а пользуюсь исключительно заботливымъ уходомъ врача и сидѣлки. Быть можетъ, ей я обязанъ и жизнью. Но я не чувствовалъ къ ней благодарности—скорѣй сердился на нее за то, что

выздоравливаю и принужденъ начать жизнь сначала. Я замыкался въ упорномъ и мрачномъ молчаніи, считая себя неудачникомъ, котораго навсегда покинуло счастье; необъяснимое бѣгство Дуглоры было явнымъ подтвержденіемъ этого.

Но въ глубинѣ души мнѣ было жалко Бигъ. Она была слишкомъ горда, чтобы вымаливать у меня благодарность или нѣжныя слова; но я зналъ, что она страдаетъ, возмущается моимъ отношеніемъ къ ней, готова уйти и не уходитъ лишь потому, что сердце ей не позволяетъ. Насъ раздѣляла пропасть, и я не умѣлъ перекинуть черезъ нее мостикъ. Наоборотъ, иной разъ мной овладѣвало злое желаніе—теперь, когда Дуглора покинула меня, порвать и съ Бигъ. Но постепенно упорство мое смягчалось. Я позволялъ ей сидѣть возлѣ меня и съ удовольствіемъ слѣдилъ за ея высокой, гибкой, какъ тростинка, фигурой, изящной и красивой. Я невольно любовался умнымъ и гордымъ, теперь поблѣднѣвшимъ лицомъ, смѣлымъ очеркомъ лба и носа, роскошными свѣтло-каштановыми волосами, мягко завивавшимися на вискахъ и ниспадавшими тяжелымъ узломъ на затылокъ, какъ любуются хорошо написанной картиной. Настоящей сердечной симпатіи къ ней я не чувствовалъ, и глухіе проблески ея негодованія, дрожь униженія, пробѣгавшая по ея лицу, когда я на милый, дружескій вопросъ угрюмо ворчалъ что-то невнятное, мало меня трогали. Я, пожалуй, даже не взволновался бы, еслибъ Бигъ въ одинъ прекрасный день перестала ходить ко мнѣ: она была для меня, какъ небесная лазурь и зелень деревьевъ. Когда мнѣ разрѣшили ежедневно на часокъ вставать, и я впервые подошелъ къ окну, небо и деревья показались мнѣ безцвѣтными: у меня почти не было желанія выйти на воздухъ.

— Хочешь, я почитаю тебѣ, Іостъ?—почти съ отчаяніемъ спросила меня однажды Бигъ.

Она стала читать, и «Ночная пѣснь странника» нашла откликъ въ моей душѣ:

Ach, ich bin des Treibens müde!
Was soll all das Schmerz und Lust?
Süsser Friede,
Komm, ach komm in meine Brust!

Точно кто-то коснулся меня волшебнымъ жезломъ. Я попросилъ Бигъ прочесть еще что-нибудь. Лицо ея просвѣтлѣло. Она читала мнѣ вслухъ почти цѣлый часъ и на другой день опять. И съ тѣхъ поръ ужъ каждое утро приходила съ книгой. И имена по-

этовъ, и произведенія ихъ были для меня новы. Цѣлый невѣдомый міръ красивыхъ звуковъ и красивыхъ мыслей раскрылся предо мною. Тонкое чутье помогало Бигъ выбирать для меня именно такія книги, отъ которыхъ мнѣ становилось легче на душѣ. Читала она превосходно, какъ будто изливая собственныя чувства. Голубые глаза и поблѣднѣвшее личико преображались, загораясь огнемъ вдохновенія; гибкій голосъ умѣлъ найти соотвѣтствующій оттѣнокъ для каждаго оттѣнка мысли. Я слушалъ задумчиво—и въ сердцѣ, которое казалось мнѣ окаменѣвшимъ, просыпалась и расцвѣтала весна.

Съ тихой радостью Бигъ застѣнчиво шептала:—Какъ я рада, что я могу хоть что-нибудь сдѣлать для тебя, Іостъ!

И я съ благодарной улыбкой, протянулъ ей руку.

Какъ разъ въ это время, когда я началъ уже оживать, съ родины пришли два письма. Цвейбрюкенскій пасторъ, не спѣшившій съ отвѣтомъ, сообщалъ, что «Дуглора Имоберштегъ живетъ въ Цвейбрюкенѣ и недавно обручилась съ Мельхіоромъ Хангштейнеромъ изъ Зельмата; вчера женихъ съ невѣстой были у меня и просили поскорѣй обвѣнчать ихъ. По всей вѣроятности, Дуглора Имоберштегъ сама отвѣтила бы вамъ на вашъ запросъ, но Мельхіоръ Хангштейнеръ рѣшительно былъ противъ этого. Къ великому и сердечному моему огорченію, вы своимъ легкомысленнымъ поведеніемъ, слухи о которомъ дошли и сюда, оттолкнули отъ себя всѣхъ на родинѣ, даже своихъ товарищей дѣтства. Шлю вамъ поклонъ и пожеланіе, чтобы Господь, пославшій вамъ болѣзнь во искупленіе, послалъ вамъ и силы для новой, лучшей жизни».—Другое письмо было отъ Мельхи.—«Такъ какъ пасторъ упрашивалъ меня отвѣтить тебѣ, я дѣлаю это, хотя мы съ Дуглорой рѣшили впредь не отвѣчать на твои письма—самъ ли ты ихъ будешь писать, или поручать это другимъ. Дуглора, которая умерла бы въ Гамбургѣ изъ-за твоего гнуснаго отношенія къ ней, еслибъ я, не пожалѣвъ расходовъ, не привезъ ее сюда, отнынѣ не имѣетъ съ тобой ничего общаго. Если ты вздумаешь еще писать, письма твои мы будемъ сжигать нераспечатанными. Ясно тебѣ сказано: оставь насъ въ покоѣ. У тебя вѣдь есть другая. Смотри, чтобъ у тебя хватило денегъ содержать дѣтей этой другой». Письмо заканчивалось грубой бранью,

«Дѣтей этой другой». Меня поразила эта фраза, но я не умѣлъ найти въ ней смыслъ. Мельхи написалъ ее, должно быть, просто для того, чтобы побольнѣе уязвить меня. Я долго горько плакалъ, уткнувшись въ подушку, переживая мысленно всю исторію моей любви къ Дуглорѣ—наше радостное, невинное дѣтство, и первыя

вспышки болѣе пылкаго чувства, и всю нашу борьбу ради того, чтобы соединиться, и все до того момента, какъ она проводила меня на пристань. Я мучился и терзался, силясь понять и осмыслить—и не могъ понять. Никогда Дуглора не заговаривала со мной о разлукѣ; всегда рѣчь шла лишь о совмѣстной жизни. И вдругъ—это почти предательское бѣгство дѣвушки, насквозь пропитанной вѣрностью, эта неожиданная помолвка съ Мельхи... Я ломалъ себѣ голову и ничего не могъ понять.

Но человѣческой природѣ свойственно силою воображенія перебрасывать мостики даже туда, куда, казалось бы, немыслимо попасть, и придумывать объясненія даже необъяснимому. Мнѣ казалось, что я начинаю понимать Дуглору. Она ошиблась въ своихъ предположеніяхъ относительно своего материнства и, убѣдившись, что ошиблась, убоялась Америки и туманнаго, неопредѣленнаго будущаго. Вѣдь въ глубинѣ души ей ненавистна была мысль о переселеніи; она всѣми корнями своей души была связана съ родиной. Она согласилась ѣхать со мною только изъ любви ко мнѣ. Но любовь ея была подорвана открытіемъ, что въ Гамбургѣ я все же былъ до извѣстной степени невѣренъ ей. Я уѣхалъ надолго; она затосковала, растерялась, излила свое настроеніе въ письмѣ къ Хангштейнеру, которому она вѣрила и котораго почти любила за то, что онъ первый сталъ насаждать новую жизнь на мѣстахъ, дорогихъ ей по воспоминаніямъ дѣтства. И подъ впечатлѣніемъ этого письма, въ груди человѣка, который безнадежно любилъ Дуглору и терзался ревностью къ ненавистному Іосту Вильди, всколыхнулась жалость, проснулось мужество, мало ему свойственное. Онъ сдѣлалъ то, чего врядъ ли кто могъ бы отъ него ожидать—раскошелился, поѣхалъ въ Гамбургъ и предсталъ передъ больной Дуглорой, въ качествѣ героя, жертвующаго всѣмъ, чтобы освободить несчастную изъ рукъ дряннаго человѣка, на котораго невозможно положиться. Въ борьбѣ, которая произошла въ душѣ Дуглоры, побѣдилъ тотъ, кто могъ предложить ей семейный очагъ на родинѣ, и остался побѣжденнымъ легкомысленный мальчишка, для котораго не была святою даже его первая любовь.

Я жестоко упрекалъ себя за то, что не съумѣлъ сберечь моего чистаго, благоуханнаго горнаго цвѣтка и, по собственной винѣ и волѣ злой судьбы, принужденъ былъ уступить его тому самому Мельхи Хангштейнеру, котораго я всегда считалъ далеко ниже себя. И это было больно, больно. Но въ своемъ самоуниженіи я не винилъ Дуглору, не винилъ даже Хангштейнера. Я желалъ звѣздочкѣ моей юности только одного—чтобъ она и дальше про-

должала свѣтиться чистымъ, нѣжнымъ свѣтомъ, чтобы въ родной долинѣ зажили сердечныя раны, нанесенныя ей далекимъ, чуждымъ городомъ, и, благоговѣйно прощался съ Дуглорой, прощаясь вмѣстѣ съ тѣмъ и съ родиной, которую, казалось мнѣ, я никогда больше не увижу.

Быть можетъ, Бигъ, изъ ревности, какъ-нибудь обидѣла Дуглору? Вопросъ этотъ, впервые поставленный простодушнымъ Рунгхольтомъ, несмотря на возраженія его сестры, продолжалъ терзать меня, мѣшалъ мнѣ по настоящему полюбить Абигапль; но у меня не хватало духу заговорить съ ней откровенно о своемъ смутномъ подозрѣніи. Она была такъ самоотверженно добра ко мнѣ, что я не рѣшался оскорбить ее вопросомъ, въ которомъ, въ какую бы осторожную форму я ни облекъ его, все же звучало бы недовѣріе къ ней.

Наконецъ, докторъ разрѣшилъ мнѣ выписаться изъ больницы.

Какъ же быть теперь, когда я, хоть и противъ воли, все-таки остался жить и принужденъ опять бороться съ жизнью? Съ чего начать?

Бигъ полулежала въ креслѣ, уронивъ на колѣни книгу, которую она мнѣ передъ тѣмъ читала вслухъ; въ лицѣ ея была гордость, печаль, безнадежность; тонкіе пальчики, первно барабанившіе по ручкѣ кресла, выдавали ея волненіе. Голубые глаза смотрѣли на меня, настойчиво требуя отвѣта. И послѣ долгой паузы, я заговорилъ: — Милая Бигъ! Бываютъ еще чудеса на свѣтѣ. Такое чудо доброты свершилось надо мною. Чудо твоего милосердія. Ты, избалованная, свѣтская дѣвушка, покинула тотъ кругъ, гдѣ ты жила, чтобы ухаживать за мной, бездомнымъ бѣднякомъ, почти загубленнымъ, всѣми покинутымъ. Какъ мнѣ благодарить тебя?

Прекрасное лицо ея зардѣлось краской жаркаго ожиданія. Въ голубыхъ глазахъ свѣтилось глубокое чувство; словно два солнца, благостно, любовно и въ то же время пламенно, смотрѣли на меня.

Но я медлилъ выговорить слово, котораго она ждала.

Она прижала руки къ раскраснѣвшемуся личику; между пальцевъ ея потекли слезы. — Бигъ! — шепнулъ я, ласково пытаясь отвести ея руки отъ лица; но она только крѣпче прижала ихъ къ пылающему лбу, щекамъ и глазамъ. И съ гнѣвомъ вскрикнула: — Неужели тебѣ больше нечего сказать мнѣ? Почему ты прежде, тогда, утромъ, говорилъ иначе?— Горькимъ стономъ измученной души вырвались у нея эти слова.

Они всколыхнули мою душу. Я снова любилъ эту дѣвушку.

Скрестивъ руки на груди, послѣ тягостнаго молчанія, я выговорилъ мягко и серьезно:

— Бигъ, скажи мнѣ только одно: «да» или «нѣтъ». Можешь ли ты забыть, что у меня была другая нареченная, Дуглора Имоберштегъ? Не будетъ ли это воспоминаніе стоять, какъ врагъ, между твоею и моей любовью?

Она не сразу отняла руки отъ лица, словно раздумывала; потомъ посмотрѣла на меня серьезно, кротко, почти набожно, и тихо, но отчетливо выговорила: «Нѣтъ, Іостъ». Взоры наши встрѣтились и на мигъ потонули одинъ въ другомъ. Смутное подозрѣніе и неизвѣстность, какъ бремя, свалились съ моей души.—Тогда не будемъ больше говорить о Дуглорѣ Имоберштегъ. А теперь, Бигъ, если ты готова избрать меня своимъ спутникомъ жизни, это—единственное, что мнѣ кажется еще желаннымъ.—И, подавленный своимъ волненіемъ и властью минуты, я опустился передъ ней на колѣни.

Наступило молчаніе. Руки ея тянулись ко мнѣ и искали моихъ; губы шептали:—Ты не знаешь, какъ безумно я люблю тебя.—Бигъ привлекла меня къ себѣ; я не противился, и губы наши слились въ горячемъ поцѣлуѣ. Едва слышно я шепталъ:—Бигъ—моя единственная отрада.

Внезапно руки ея упали безжизненно вдоль тѣла. Съ тоской уставившись въ одну точку, она тяжело вздохнула и вдругъ зарыдала, словно эта минута принесла ей не счастье, а горе. Я могъ объяснить эти слезы только тѣмъ, что ей жаль отдать мнѣ свою цвѣтущую, яркую жизнь.—На что мнѣ эта жизнь?—рыдала она.—Еслибы ты ничего не сказалъ, я отбросила бы ее отъ себя, какъ ненужную ветошь. Но теперь я, пока жива, буду тебѣ вѣрной женой.

Она судорожно сжимала мои руки... И сейчасъ, на старости лѣтъ вспоминая все, я не съумѣю сказать, кто меня больше любилъ—Дуглора или Абигаиль...

Еще немного дней, и пришло время, когда голубое небо ужъ не казалось мнѣ давящимъ и низкимъ, и деревья, уже расцвѣтившіяся яркими красками осени, казались прекраснѣй, чѣмъ весной, и міръ былъ вновь полонъ сіянія и блеска. Порой, сквозь яркій свѣтъ, доносилось до меня словно тихій вздохъ, словно звонъ колокольчиковъ, который меня баюкалъ въ дѣтствѣ, словно легенда, скользящая вдоль ограды кладбища: «Была нѣкогда деревня, которая звалась Зельматомъ. Въ этой деревнѣ жила дѣвушка, которая звалась Дуглёрли»... Но стоило зазвенѣть серебристому смѣху Бигъ, и колокольчики, легенда и вздохи стихали.

(Продолженіе слѣдуетъ).

НАЧАЛО РУССКО-АНГЛІЙСКАГО СБЛИЖЕНІЯ.

Ближайшее знакомство русскихъ съ англійскими порядками восходитъ къ началу освободительной эпохи, открывшейся реформами Александра II. Политическія условія, повидимому, не были благопріятны для сближенія обѣихъ націй, только что враждовавшихъ между собою на морѣ и сушѣ. И то взаимно уважительное отношеніе, которое сказалось въ недавнемъ обмѣнѣ рѣчей между русскимъ генераломъ, вспоминавшимъ о воинской доблести англичанъ въ сраженіи подъ Балаклавой, и англійскимъ, закончившимъ свою рѣчь выраженіемъ увѣренности, что англичане будутъ воевать бокъ о бокъ съ русскими, разумѣется, въ то время, о которомъ идетъ теперь рѣчь, было бы немыслимо. Англія продолжала оставаться хитрымъ Альбіономъ, что не мѣшало однако интересоваться ея общественнымъ укладомъ даже въ большей степени, чѣмъ политическимъ, постановкою въ ней высшаго преподаванія, ея судомъ присяжныхъ, ея мѣстнымъ самоуправленіемъ и въ частности мировымъ институтомъ, наконецъ, ея наукой и литературой. Передо мной лежатъ журналы 1860, 1861 и 1862 г.: «Русскій Вѣстникъ» и «Современникъ». Они переполнены статьями объ Англіи. Каждый изъ этихъ журналовъ облюбовалъ извѣстную сторону англійской жизни и старается ввести своего читателя въ намѣченный имъ кругъ идей и фактовъ. «Русскій Вѣстникъ» всего болѣе захваченъ аристократическими основами англійскаго самоуправленія и классическимъ образованіемъ, получаемымъ въ англійскихъ университетахъ. Я нахожу въ немъ статью объ Оксфордѣ Вольскаго, проведшаго тамъ цѣлый годъ. Она даетъ подробный отчетъ объ ученой и педагогической дѣятель-

ности старѣйшаго англійскаго университета; въ ней указана та характерная черта англійскаго преподаванія, что лекціи играютъ въ немъ второстепенное значеніе, такъ какъ англичане не слишкомъ высоко цѣнятъ вліяніе живого слова на юношество и предпочтеніе отдаютъ коллегіальной системѣ; лекціи же въ коллегіяхъ не похожи на наши—онѣ состоятъ въ чтеніи и разборѣ классическихъ, математическихъ и другихъ книгъ, требуемыхъ на экзаменѣ; причемъ Вольскій увѣряетъ, что студенты читаютъ, переводятъ до тѣхъ поръ, пока почти заучиваютъ наизусть (?). Эти скорѣе уроки, чѣмъ лекціи, читаются такъ называемыми туторами. Туторы обыкновенно исправляютъ, объясняютъ, задаютъ вопросы, толкуютъ съ каждымъ о томъ, что онъ хочетъ читать про себя. На профессорскія лекціи смотрятъ какъ на дополненіе къ собственнымъ занятіямъ и «урокамъ» туторовъ. Оригинальной чертой Оксфордскаго университета Вольскій признаетъ коллегіальную дисциплину. Въ большей части европейскихъ университетовъ студентъ предоставленъ собственному чувству долга и контролю законовъ своей страны. Не такова система въ англійскихъ университетахъ; признавая, что одного образованія недостаточно для будущей дѣятельности юноши, они берутъ на себя обязанность воспитывать его. Англійскій студентъ считается несовершеннолѣтнимъ и не пользуется свободой. Онъ подчиненъ множеству правилъ, ограниченъ въ своихъ движеніяхъ, стѣсненъ въ своей дѣятельности, подвластенъ коллегіальному и университетскому начальству въ сферѣ частной и общественной жизни. Существенная разница между континентальными и англійскими университетами заключается въ томъ, что первые ограничиваются образованіемъ и развитіемъ одной только умственной стороны человѣка, между тѣмъ какъ вторые преимущественное вниманіе обращаютъ на сторону нравственную и стараются воспитывать людей политическихъ, способныхъ съ честью участвовать въ управленіи одной изъ лучшихъ странъ міра. («Русскій Вѣстникъ» 1861 г., стр. 544—597).

Той же темѣ объ университетахъ «Русскій Вѣстникъ» посвятилъ и другую обширную статью нѣсколько лѣтъ спустя, въ 1864 г. Статья эта переводная; она написана корреспондентомъ Каткова, мистеромъ Роу, и озаглавлена: «Воспоминанія бывшаго студента». Въ ней, между прочимъ, высказано сочувственное отношеніе къ той власти, какой пользуются выбранные коллегіями прокторы, на обязанности которыхъ лежитъ надзоръ за поведеніемъ и нравственностью студента. Авторъ съ симпатіей относится къ тому, что, когда задумано было провести желѣзную дорогу

до Оксфорда, университетское начальство рѣшительно высказалось противъ этого проекта на томъ основаніи, что онъ студентамъ облегчитъ возможность ѣздить въ Лондонъ съ безнравственными цѣлями. Университетскія власти имѣютъ право не допускать въ предѣлахъ университетскаго округа никакихъ сценическихъ представленій и зрѣлищъ и не дозволять студентамъ посѣщать ихъ. («Русскій Вѣстникъ» 1864 г., стр. 499—551).

Поднималъ «Русскій Вѣстникъ» также вопросъ о системѣ мѣстнаго управленія въ Англіи и рѣшалъ его въ положительномъ смыслѣ, цѣня не меньше Гнейста даровое отправленіе земельнымъ сословіемъ (джентри) нелегкой службы мирового судьи, не обращая достаточнаго вниманія на сословный характеръ, характеръ благопріятствованія землевладѣльческимъ интересамъ, какой получаютъ англійское законодательство, англійская административная и судебная практика, вслѣдствіе преобладающаго вліянія землевладѣльческаго класса столько же въ парламентѣ, сколько и въ мѣстномъ управленіи. Извѣстный академикъ Безобразовъ, авторъ надѣлавшей немало шума статьи: «Аристократія и интересы дворянства», являлся на страницахъ «Русскаго Вѣстника» обычнымъ интрепретаторомъ основъ англійскаго самоуправленія. «Русскій Вѣстникъ» печаталъ также статьи объ англійской журналистикѣ и ея исторіи. Онъ помѣстилъ переводъ короткаго очерка англійскихъ представительныхъ учрежденій, написанный Гнейстомъ, извѣстнымъ сторонникомъ того взгляда, что англійская свобода, представительное устройство и мѣстное самоуправленіе неразрывно связаны съ аристократическимъ строемъ англійскаго общества и преобладающимъ значеніемъ, какое крупное и мелкое землевладѣніе играетъ какъ въ мировомъ институтѣ, съ его полицейски-административными и судебными функціями, такъ и въ парламентѣ, гдѣ землевладѣльческіе интересы находятъ защиту не въ одной палатѣ перовъ, составленной изъ крупныхъ земельныхъ собственниковъ, но и въ палатѣ общинъ, членами которой являются въ значительномъ числѣ тѣ же землевладѣльцы.

Журналъ Каткова не переставалъ интересоваться какъ постановкой высшей и средней школы въ Англіи, такъ и аристократическими основами ея мѣстнаго самоуправленія, и ея парламентской системы. Многимъ, и мнѣ въ томъ числѣ, памятны статьи объ Итонской школѣ, въ которой въ то время не были еще отмѣнены тѣлесныя наказанія, и загорѣвшуюся полемику по поводу возможности положительнаго отношенія къ такимъ воспитательнымъ пріемамъ. Мое поколѣніе зачитывалось также въ

общемъ прекрасными статьями одного изъ дѣятелей судебной реформы, М. И. Заруднаго, объ общественномъ строѣ и мѣстномъ самоуправленіи въ Англіи, вышедшими впослѣдствіи отдѣльнымъ томомъ. Статьи эти до передачи Гнейста въ лекціяхъ проф. Градовскаго были для русскаго общества однимъ изъ источниковъ ознакомленія съ одной изъ интереснѣйшихъ сторонъ англійскаго государственнаго строя, въ такой же степени, въ какой переведенная съ нѣмецкаго на русск. яз. книга Миттермайера о судѣ присяжныхъ раскрыла природу и судьбу этого института въ самый моментъ введенія присяжныхъ въ русское судопроизводство.

Итакъ, руководящій органъ нашихъ либераловъ, съ 1863 г. превратившихся въ націоналистовъ-обрусителей и кончившихъ защитою неограниченной монархіи и консервативныхъ стремленій, появившихся во второй половинѣ царствованія Александра II и въ началѣ царствованія Александра III, славословили Англію за дворянскіе землевладѣльческіе устои ея политическихъ порядковъ и приводили ихъ въ связь съ постановкой въ ней средней и высшей школы на началахъ классицизма и строгаго дисциплинарнаго наблюденія за учащимися въ закрытыхъ заведеніяхъ или коллегіяхъ. Одновременно журналъ, выражавшій собою credo наиболѣе передовыхъ кружковъ нашей интеллигенціи,—я разумѣю «Современникъ»,—приковывалъ вниманіе своихъ читателей къ тому походу противъ вѣковыхъ началъ аристократической Англіи, какой повела въ серединѣ XIX столѣтія школа радикаловъ-утилитаристовъ, съ Джономъ Стюартомъ Миллемъ во главѣ, а въ области изящной словесности—рядъ писателей-обличителей угнетенія низшихъ классовъ англійскаго общества. Диккенсъ и Джоржъ Эліотъ появлялись въ переводахъ на страницахъ «Современника», а въ критическомъ отдѣлѣ журнала можно было не разъ встрѣтить сочувственную оцѣнку ихъ литературной дѣятельности съ точки зрѣнія достигаемой ею яркой постановки соціальнаго вопроса. Въ приложеніи къ «Современнику» печатались не только, въ сокращенномъ видѣ, «Разсказы изъ исторіи Англіи» Маколея, вводившіе русскаго читателя въ подробности той борьбы, какую парламенту пришлось выдержать со Стюартами изъ-за упроченія конституціоннаго строя и необходимыхъ вольностей; но тамъ же появлялся и переводъ извѣстнаго трактата Милля о политической экономіи, съ обширными примѣчаніями Чернышевскаго, восполнявшаго, а иногда и критиковавшаго взгляды того изъ ортодоксальныхъ экономистовъ Англіи, который болѣе другихъ готовъ былъ пойти на встрѣчу нѣкоторымъ требованіямъ соціализма и постоянно считался съ пред-

лагаемой имъ критикой такъ называемыхъ экономическихъ законовъ. Въ «Современникѣ» (1860 г., т. 84, статья Михайлова) разрабатывался также вопросъ объ эмансипаціи женщинъ и объ ихъ политическомъ равноправіи съ мужчинами—вопросъ, поднятый тѣмъ же Джономъ Стюартомъ Миллемъ въ его извѣстномъ сочиненіи объ эмансипаціи женщинъ.

«Современникъ» не оставлялъ безъ вниманія и вопросы мѣстнаго самоуправленія въ Англіи. Между «Современникомъ» и «Русскимъ Вѣстникомъ» возникла даже полемика по вопросу о мировой юстиціи и самоуправленіи въ Англіи. Она велась въ теченіе всего 1860 года; въ «Современникѣ» въ ней участвовалъ извѣстный профессоръ конституціоннаго права въ Россіи Борисъ Утинъ. «Русскій Вѣстникъ» отстаивалъ главнымъ образомъ то положеніе, что вся система англійской свободы основана на началахъ мѣстнаго самоуправленія и что мировая юстиція «не есть въ конституціи какая-либо мелкая подробность, которую можно вынуть и положить по произволу», а напротивъ, благодаря ей и самый парламентъ имѣетъ въ Англіи то значеніе, какого не могутъ достигнуть континентальные парламенты, опирающіеся на бюрократію. Утинъ, соглашаясь съ значеніемъ самоуправленія для Англіи, критиковалъ аристократическій характеръ мировой землевладѣльческой юстиціи и настаивалъ на необходимости отмѣтить серьезное значеніе, какое судъ присяжныхъ имѣетъ для англійской конституціи. «Поклонники мировой юстиціи изъ-за сильной симпатіи къ англійскимъ землевладѣльческимъ классамъ упустили изъ виду—писалъ Утинъ,—остальные классы населенія и болѣе всего полюбили тотъ судъ, который англійскіе землевладѣльцы творятъ всему населенію». Утинъ отмѣчалъ, что со второй половины XVIII в. стала расти суммарная юрисдикція мировыхъ судей. Судъ мировой, скромно существовавшій возлѣ суда общаго и присяжнаго, сталъ расширять кругъ своего дѣйствія благодаря парламентамъ, на ходъ которыхъ оказали вліяніе тѣ же землевладѣльческіе классы. Къ этому росту Утинъ относился отрицательно. Столь же враждебно было его отношеніе и къ концентраціи земельной собственности въ рукахъ аристократіи. «Во времена Адама Смита,—писалъ онъ,—въ Англіи считалось 200.000 поземельныхъ владѣльцевъ; нынѣ считается 35.000». Энергично отстаивалъ Утинъ то положеніе, что антагонизмъ между общественными группами становится возможнымъ тогда, когда одной изъ этихъ группъ—землевладѣльцамъ предоставленъ судъ надъ другими группами. Присяжный судъ тѣмъ и хорошъ, что онъ составляется изъ людей выбранныхъ безразлично изъ возможно большаго числа группъ.

Государственные порядки Англіи привлекали къ себѣ вниманіе не одной журналистики; приблизительно въ то же время они стали входить въ преподаваніе на юридическихъ факультетахъ. Создана была каоедра государственнаго права важнѣйшихъ европейскихъ державъ. Въ Петербургѣ первыя лекціи по этому предмету прочитаны были не въ университетѣ, а въ лицеѣ, тогдашнимъ его профессоромъ Ивановскимъ. Одинъ изъ слушателей этихъ лекцій, Григорій Николаевичъ Вырубовъ, подарилъ студенческую запись ихъ моему учителю, профессору Каченовскому, который въ свою очередь передалъ ихъ мнѣ. Борисъ Утинъ первый открылъ въ университетѣ курсъ по государственному праву Англіи и другихъ европейскихъ державъ, въ самомъ началѣ 60-хъ годовъ. Въ Москвѣ англійское государственное право входило въ преподаваніе и Б. Чичерина, какъ профессора государственныхъ наукъ, и Ѳ. Дмитріева, какъ занявшаго каоедру сравнительной исторіи права. Въ Харьковѣ, за невозможностью найти подготовленнаго спеціалиста, чтеніе лекцій по государственному праву европейскихъ державъ поручено было профессору международнаго права Д. И. Каченовскому. Я былъ въ числѣ его слушателей и могу засвидѣтельствовать, что онъ весьма добросовѣстно отнесся къ возложенной на него обязанности. Въ основу его преподаванія положено было солидное знакомство съ англійской литературой по исторіи конституціоннаго права въ Англіи. Такъ какъ въ это время еще не было книгъ Стебса, Гардинера и Лекки, то главнымъ авторитетомъ оставался Галламъ, съ его «Средними Вѣками» и «Конституціонной исторіей Англіи». Для послѣднихъ ста лѣтъ, отъ 1760 по 1860 г., Галлама восполнялъ двухтомный трудъ Эрскина Мея о «Парламентской исторіи». Каченовскій черпалъ свои данныя преимущественно изъ этихъ двухъ сочиненій. Съ современнымъ строемъ представительныхъ учрежденій въ родинѣ парламентаризма онъ знакомилъ насъ на основаніи новой въ то время книги Гомершама Кокса. Много мѣста отводилъ Каченовскій въ своемъ преподаваніи и системѣ мѣстнаго самоуправленія, съ которою онъ знакомилъ на основаніи англійскихъ и бельгійскихъ сочиненій по этому вопросу, въ частности—по статьямъ, собраннымъ въ одинъ томъ Кобденскимъ клубомъ,—и на основаніи той анкеты, которая произведена была бельгійскими ученымъ Фиско и Ванстретеномъ. Къ Гнейсту Каченовскій относился съ нѣкоторой критикой, въ виду его явно аристократическихъ пристрастій. Это не мѣшало тому, что мы всѣ съ горячностью набрасывались на книги берлинскаго профессора, пріобрѣвшаго на континентѣ Европы—далеко, однако, не въ Англіи,—репутацію

лучшаго знатока англійскихъ порядковъ. Теперешній профессоръ СПБ. университета И. И. Кауфманъ первый снабдилъ меня книгами Гнейста по мѣстному самоуправленію и по центральной администраціи въ Англіи. Онѣ снабжены были имъ безчисленными помѣтками, сдѣланными краснымъ и синимъ карандашемъ, и свидѣтельствовали о самомъ добросовѣстномъ изученіи г. Кауфманомъ цѣлыхъ четырехъ томовъ въ 600, 700 стр. каждый. Одновременно теперешній предсѣдатель думской бюджетной комиссіи, М. М. Алексѣенко, клалъ въ основу своей диссертаціи объ англійскихъ финансахъ необыкновенно близкое знакомство съ сочиненіями Гнейста. Всеобщее увлеченіе книгами перваго, какъ тогда говорили, спеціалиста по англійскому государственному праву сообщилось всему второму поколѣнію профессоровъ, призванныхъ преподавать государственное право важнѣйшихъ европейскихъ державъ. Градовскій далъ въ своемъ курсѣ очень талантливое резюме работъ Гнейста. Что касается до меня, то я цѣлый годъ провелъ въ Берлинскомъ университетѣ, посѣщая шесть разъ въ недѣлю лекціи Гнейста какъ по государственному праву Англіи, такъ и по исторіи германскихъ государственныхъ учрежденій; въ этихъ послѣднихъ лекціяхъ едва ли не интереснѣйшую сторону составляли параллели съ развитіемъ политической жизни Англіи. Только послѣ того, какъ я переселился въ эту страну на цѣлыхъ два года и познакомился съ Стебсомъ, котораго я засталъ въ Оксфордѣ такъ называемымъ королевскимъ профессоромъ новой исторіи и который за мою бытность въ Лондонѣ отпечаталъ второй и третій томы своего капитальнаго труда, въ меня стало вкрадываться сомнѣніе въ томъ, чтобы работа Гнейста дѣйствительно была произведена на основаніи первоисточниковъ. При ближайшемъ разсмотрѣніи оказалось, что исторія мѣстнаго самоуправленія написана имъ на основаніи немногихъ очень извѣстныхъ книгъ, своего рода словарей въ руководство мировымъ судьямъ. Они принадлежатъ одинъ Пуру, другой—Арчибольду. Къ этимъ словарямъ Гнейстъ прибавилъ древнѣйшіе печатные трактаты о мировомъ институтѣ и докладъ, сдѣланный по рукописнымъ источникамъ директоромъ центральнаго архива въ Лондонѣ Томасомъ Дуфусомъ Гарди. Стебсъ не скрылъ отъ меня, что находитъ всю историческую часть трудовъ Гнейста слабо документированной и посовѣтовалъ мнѣ въ предпринятыхъ мною работахъ обращаться непосредственно къ архивному матеріалу. Когда книги Гнейста наконецъ были переведены на англійскій языкъ,—что было уже въ мое время,—то онѣ далеко не произвели того ошеломляющаго впечатлѣнія, какое выпало имъ въ удѣлъ въ Германіи. Англи-

чанс могли сослаться на собственныхъ ученыхъ, какъ Стебсъ, Гардинеръ и Лекки, которые несомнѣнно ближе стоятъ къ источникамъ. Что же касается до догмы англійскаго государственнаго права, то она несомнѣнно болѣе оригинально построена тѣми изъ англійскихъ юристовъ, которые, какъ Гернъ, Дайси и Эпсонъ, дали фактическое обоснованіе мыслямъ, впервые высказаннымъ геніальнымъ Беджготомъ, одно время редакторомъ «Экономиста». Беджготъ первый увидѣлъ въ парламентаризмѣ самоуправленіе англійскаго общества и окончательно порвалъ съ теоріей политическихъ противовѣсовъ, этимъ отголоскомъ ученія Монтескье, воспринятаго Блекстономъ и де-Лольмомъ.

Во всякомъ случаѣ Гнейсту русскій читатель, интересующійся англійскими порядками, обязанъ выясненіемъ того положенія, что англійская свобода въ меньшей степени зависитъ отъ системы раздѣленія властей и политическихъ противовѣсовъ, какъ думали Монтескье и де-Лольмъ, чѣмъ отъ замѣны централизаціи и бюрократіи мѣстнымъ самоуправленіемъ и широкой самодѣятельностью землевладѣльческаго класса. Къ этому положенію Гнейстъ прибавилъ еще одно—то самое, которое Дайси впослѣдствіи удачно выразилъ словами: «господство закона», т. е. возможность обжалованія передъ общегражданскими судами должностныхъ дѣйствій всякихъ агентовъ власти, помимо опроса и разрѣшенія ихъ начальства.

Не всѣ, впрочемъ, профессора исторіи и догмы государственнаго права испытали на себѣ всеопредѣляющее вліяніе Гнейста. Многіе искали руководительства у французскихъ, если не у англійскихъ государствовѣдовъ. Лабулэ едва ли не былъ еще болѣе популяренъ у насъ, чѣмъ Гнейстъ. Стоитъ заглянуть въ недавно появившуюся переписку Михаила Матвѣевича Стасюлевича съ проф. Куторгой, чтобы вынести то впечатлѣніе, что Лабулэ одно время былъ настоящимъ властителемъ думъ для оставленныхъ при каѳедрѣ молодыхъ ученыхъ.

«Благодаря лекціямъ Лабулэ,—пишетъ Стасюлевичъ,—я въ настоящее время совершенно проникнутъ англійской и сѣверо-американской доктриной по вопросамъ администраціи и самоуправленія. Лабулэ въ каждую лекцію въ разныхъ формахъ повторяетъ намъ одну и ту же идею: напрасно правительства говорятъ народамъ: «Спите спокойно, мы за васъ сдѣлаемъ все: и города построимъ и въ нихъ университеты, заведемъ фабрики, устроимъ флотъ и проведемъ дороги». Что же отъ всего этого происходитъ? Правительство съ каждымъ годомъ усиливаетъ централизацію: жизнь государственная исчезаетъ въ провинціяхъ и

сосредоточивается въ одной столицѣ, а отъ этого положеніе правительства дѣлается все затруднительнѣе, а затѣмъ одинъ шагъ и до политической смерти... Я совершенно согласенъ съ Лабулэ и думаю, что всякое государство, гдѣ администрація беретъ на себя даже пережевываніе пищи и ведетъ себя, какъ кормилица съ новорожденнымъ, государство, въ которомъ правительство называютъ кормильцемъ и благодѣтелемъ, необходимо останется въ дѣтскомъ состояніи» [1]) (письмо изъ Парижа, отъ 1-го марта 1858 г.).

Даже при знаніи англійскаго языка русскіе подготовляющіеся профессора предпочитаютъ знакомиться съ англійскими порядками не въ Англіи, а во Франціи и Германіи. Къ тому, разумѣется, можно найти рядъ причинъ, хотя бы ту, что преподаваніе права производится въ Англіи не столько въ университетахъ, сколько въ адвокатскихъ школахъ и носитъ въ нихъ характеръ скорѣе разбора спорныхъ случаевъ и усвоенія классическихъ рѣшеній, чѣмъ систематической передачи основныхъ началъ.

Въ перепискѣ Стасюлевича можно найти намекъ на это. «Познакомиться съ общественнымъ и политическимъ бытомъ Англіи, — пишетъ онъ изъ Лондона Куторгѣ 26 апрѣля 1857 г.,—весьма трудно. У англичанъ нѣтъ той централизаціи, какая имѣется на континентѣ, у нихъ нѣтъ даже Свода Законовъ... Чтобы понять общественную жизнь англичанина, нельзя прочесть только какую-нибудь книгу; нужно почти родиться и вырости въ Англіи [2])».

Откуда бы ни черпали молодые россіяне свои свѣдѣнія объ англійскихъ порядкахъ, они рѣдко когда оставались на стадіи неограниченнаго англоманства. Передовая печать, во главѣ которой стоялъ «Современникъ», раскрывала имъ глаза на узко-аристократическія основы англійскаго парламентаризма и на чудовищное неравенство между землевладѣльческими слоями общества, всецѣло захватившими власть въ свои руки, и обездоленнымъ крестьянствомъ.

Въ перепискѣ Кавелина съ Стасюлевичемъ наглядно выступаетъ эта пессимистическая нота въ оцѣнкѣ англійскаго конституціонализма. Приведу цѣликомъ одно интересное письмо. Оно указываетъ намъ на тѣ причины, по которымъ англоманство Каткова не встрѣчало сочувствія даже въ средѣ сотрудниковъ «Русскаго Вѣстника», къ которымъ одно время принадлежалъ Каве-

[1]) «М. М. Стасюлевичъ и его современники», т. I, стр. 277—278.
[2]) Ibid., стр. 255, 256.

линъ. Письмо относится, правда, къ позднѣйшей эпохѣ, когда Катковъ ясно доказалъ свою способность примирить пристрастіе къ свободолюбивой Англіи съ проповѣдью неограниченнаго самовластія для Россіи.

28-го января 1880-го года Кавелинъ защищаетъ точку зрѣнія одного своего пріятеля о томъ, что у насъ прошлое совсѣмъ не такое, какъ у Западной Европы, и что поэтому и рѣшенія должны быть нѣсколько иными.

«Развѣ это не такъ?—пишетъ Кавелинъ.—Я говорю, нигдѣ въ мірѣ европейскомъ крестьянскій элементъ не является такимъ громаднымъ и по своей громадности такимъ многозначительнымъ факторомъ, какъ у насъ. Слѣдовательно, продолжаю я, рѣшеніе государственныхъ и общественныхъ задачъ будетъ у насъ непремѣнно иное, чѣмъ въ Европѣ... Старая славянофильская партія окончательно провалилась, потому что она формулировала свои идеалы по даннымъ Московскаго государства, перешедшимъ въ вѣчность. Но и Катковъ провалился, потому что формулировалъ свои идеалы по аристократической Англіи [1])».

Мы разсмотрѣли пока одну сторону интересующаго насъ вопроса: отношеніе русскихъ къ изученію англійскаго быта. Спросимъ себя теперь: въ какой степени русскій бытъ привлекалъ къ себѣ интересъ англичанъ и какъ знакомство съ нимъ въ ихъ средѣ подготовило до нѣкоторой степени то сближеніе, котораго мы являемся свидѣтелями. Мнѣ придется, отвѣчая на эти вопросы, черпать не разъ въ моихъ собственныхъ воспоминаніяхъ; но не ими одними будетъ вызвано все дальнѣйшее мое сообщеніе. Недавно вышли въ Лондонѣ воспоминанія и переписка Ольги Алексѣевны Новиковой, съ которой мнѣ пришлось познакомиться въ Лондонѣ въ то самое время, когда, подъ вліяніемъ тяжелой потери, ею понесенной въ лицѣ брата Николая Кирѣева, убитаго во время войны, предпринятой Сербіей при участіи русскихъ добровольцевъ изъ-за освобожденія Болгаріи, началась ея доселѣ продолжающаяся дѣятельность, всецѣло направленная къ укрѣпленію добраго согласія съ націей, которую не безъ основанія считали долгое время сторонницей Турціи.

Я прибылъ въ Лондонъ съ рекомендаціей отъ Тургенева и Григорія Николаевича Вырубова. Это открыло мнѣ возможность посѣщать воскресныя собранія Люиса и его гражданской жены Джоржъ-Эліотъ. Въ ихъ домѣ мнѣ пришлось познакомиться съ

[1]) «Стасюлевичъ и его современники въ ихъ перепискѣ», т. II-ой, стр. 147—148.

Бэджготомъ и Мэномъ, съ кружкомъ англійскихъ позитивистовъ, въ числѣ которыхъ заслуженной извѣстностью уже пользовался одинъ изъ самыхъ смѣлыхъ публицистовъ Англіи 70-хъ годовъ, Фредерикъ Гаррисонъ. Письмо Тургенева сблизило меня съ Рольстономъ, авторомъ двухъ книгъ о русской народной литературѣ, книги о сказкахъ и книги о былинахъ. Рольстонъ одно время завѣдывалъ русскимъ отдѣломъ въ библіотекѣ Британскаго музея. Его переписка съ Тургеневымъ, доселѣ неотпечатанная, перешла въ обладаніе Онѣгина, извѣстнаго знатока Пушкина. Рольстонъ принадлежалъ къ числу горячихъ сторонниковъ Россіи; когда по случаю возстанія герцеговинцевъ, распространившагося и на Болгарію, поставленъ былъ вопросъ объ освобожденіи славянъ, и въ Россіи сказалось весьма понятное движеніе въ пользу сербовъ и черногорцевъ, рѣшительно принявшихъ сторону угнетенныхъ единовѣрцевъ, Рольстонъ въ числѣ первыхъ рѣшился выступить противъ теченія, благопріятнаго туркамъ, со своими общедоступными лекціями по русской исторіи. Я посѣтилъ первую изъ нихъ и нашелъ въ аудиторіи, среди многочисленныхъ слушателей, и весь кружокъ, собиравшійся у Джоржъ-Эліотъ, начиная съ нея самой. Другимъ центромъ русскихъ симпатій вскорѣ сдѣлался домъ извѣстнаго историка Фримана, автора «Нормандскаго завоеванія Англіи», призваннаго незадолго передъ тѣмъ занять каѳедру исторіи въ Оксфордскомъ университетѣ. Въ своей перепискѣ съ теперешнимъ редакторомъ «Review of Reviews», Фриманъ, въ 1877-мъ году, указывалъ на то обстоятельство, что задолго до выступленія Гладстона въ пользу сближенія съ Россіей, онъ и его друзья стояли уже рѣшительно на ея сторонѣ. Фриманъ получалъ свои свѣдѣнія о томъ, что творилось на Балканахъ, изъ вполнѣ достовѣрнаго источника. Его дочь была замужемъ за Эдвардсомъ, нынѣ извѣстнымъ археологомъ, удачно производившимъ раскопки на островѣ Кипрѣ и обогатившимъ науку невѣдомымъ ей дотолѣ доэллинскимъ періодомъ культуры и гражданственности. Въ то время, о которомъ теперь идетъ рѣчь, Эдвардсъ былъ консуломъ въ Бѣлградѣ. Семья Фримана не только состояла въ постоянной перепискѣ съ дочерью и зятемъ, но и сама не разъ посѣщала отдѣльныя части Турціи и Греціи. Мнѣ пришлось встрѣтиться съ Эдвардсомъ годъ спустя въ Оксфордѣ, куда я призванъ былъ къ чтенію лекцій; но его предшествовавшая дѣятельность, какъ консула, мнѣ хорошо была извѣстна по разсказамъ Пассека, одно время служившаго въ томъ же Бѣлградѣ при нашей миссіи и часто посѣщавшаго домъ Эдвардса. Когда Владиміръ Соловьевъ ввелъ меня въ салонъ Ольги Алексѣевны Новиковой на Бондъ-

Стритѣ, въ аристократическомъ кварталѣ Лондона, я нашелъ въ ея маленькой гостиной небольшой кружокъ людей съ очень большими именами, объединяемыхъ дружбою не къ одной только хозяйкѣ, но и къ ея великой родинѣ. Въ осенніе мѣсяцы у камина обыкновенно грѣлся Кинглекъ, извѣстный авторъ книги о Крымской войнѣ, разоблачившій многія нестроенія англійской арміи и породившій не у одного читателя сомнѣніе въ томъ, что эта война дѣйствительно была нужна для его родины. Не мало также перебывало въ салонѣ госпожи Новиковой членовъ англійскаго духовенства. Ея братъ, недавно умершій генералъ Кирѣевъ, былъ въ числѣ немногихъ людей въ Россіи, раздѣлявшихъ надежду, что старо-католическое движеніе, во главѣ котораго стояли епископъ Штросмайеръ, извѣстный нѣмецкій проповѣдникъ Делингеръ и на дняхъ скончавшійся отецъ Гіацинтъ Луазо, можетъ повесть къ соединенію съ православіемъ отпавшихъ отъ католицизма ревнителей старовѣрія. На старокатолическое движеніе обращено было вниманіе и въ Англіи, при чемъ въ ней одновременно поставленъ былъ и вопросъ о томъ, не возможно ли болѣе тѣсное общеніе англійской церкви съ православной, какъ удержавшей древнѣйшую традицію вселенскаго христіанства и отрицающей въ то же время главенство папы. Въ недавно отпечатанныхъ «Матеріалахъ къ исторіи старо-католическаго вопроса въ Россіи», я нахожу слѣдующія подробности о дѣятельности Кирѣева. Съ самаго начала старо-католическаго движенія Кирѣевъ отдалъ ему свои симпатіи. Онъ принималъ участіе уже въ Мюнхенскомъ конгрессѣ 1871 г. Съ тѣхъ поръ до самой смерти онъ оставался вѣрнымъ другомъ старо-католиковъ. Глубоко убѣжденный въ ихъ правотѣ и горячо желая единенія ихъ съ православною церковью, онъ не разъ настаивалъ на нравственномъ долгѣ православныхъ идти на встрѣчу ревнителямъ старо-вселенской церкви на западѣ и дать давно ожидаемый ими утвердительный отвѣтъ на просьбу объ общеніи съ православіемъ. Епископъ старо-швейцарскихъ католиковъ не даромъ писалъ ему: «Я не знаю никого, кто бы больше васъ обнаружилъ симпатіи къ нашему дѣлу и оказалъ ему больше услугъ». Ольга Алексѣевна во многомъ раздѣляла взгляды брата. Немудрено, поэтому, если не одни старо-католики, но и тѣ изъ членовъ англиканскаго духовенства, которые искали соединенія съ православіемъ, охотно посѣщали госпожу Новикову, ища сближенія и съ тѣми русскими, которые, какъ Владиміръ Соловьевъ, еженедѣльно приходили провесть у нея два, три часа

подрядъ. Среди этихъ англійскихъ духовныхъ оказалось немало ревнителей освобожденія православныхъ христіанъ въ Турціи. Кромѣ англичанъ и русскихъ, можно было встрѣтить въ салонѣ Ольги Алексѣевны и иностранцевъ: австрійскій посолъ при англійскомъ дворѣ Бейстъ, извѣстный противникъ прусской политики, съ которымъ Ольга Алѣксѣевна была еще знакома въ Вѣнѣ, гдѣ братъ ея мужа стоялъ во главѣ нашей миссіи, очень часто показывался въ ея салонѣ. Разговоръ касался вопросовъ европейской политики и ея отношенія къ завязывавшейся борьбѣ православныхъ славянъ съ Турціей. Недалеко было уже то время, когда русскіе добровольцы, слѣдуя примѣру другого брата Ольги Алексѣевны, Николая Кирѣева, вмѣстѣ съ генераломъ Черняевымъ поспѣшатъ на помощь сербамъ и пойдутъ на освобожденіе болгаръ. За дурнымъ урожаемъ 1874 г. послѣдовало, какъ извѣстно, со стороны турокъ безпощадное выбиваніе налоговъ и повинностей съ герцеговинскихъ крестьянъ. Такъ какъ подати уплачивались плохо, то сборщики, встрѣчая противодѣйствіе со стороны населенія, потребовали военныхъ командъ. Крестьяне-герцеговинцы бѣжали въ горы и, пользуясь здѣсь тайной поддержкой черногорцевъ, съ успѣхомъ отражали нападенія турокъ, стремившихся привесть ихъ къ повиновенію. Вѣсть объ успѣшномъ возстаніи Герцеговины скоро разнеслась среди славянскихъ народностей Балканскаго полуострова. Въ Босніи появилась банда инсургентовъ; патріоты въ Болгаріи стали думать о возстаніи, Сербія и Черногорія не прочь были оказывать поддержку герцеговинцамъ. Въ русскомъ народѣ сталъ пробуждаться національно-религіозный энтузіазмъ; въ Москвѣ организованы были славянскіе комитеты. Въ Австріи министръ иностранныхъ дѣлъ Андраши принялъ на себя инициативу дипломатической ноты, требовавшей отъ Турціи признанія свободы вѣроисповѣданій, реформъ въ налогахъ и въ управленіи и созданія смѣшанной комиссіи изъ мусульманъ и христіанъ, которая бы наблюдала за введеніемъ намѣченныхъ реформъ. Нота не заключала въ себѣ намека на принятіе державами какихъ-либо принудительныхъ мѣръ по отношенію къ Турціи и довольствовалась подачей совѣтовъ. Одобренная Бисмаркомъ и Горчаковымъ, она разослана была другимъ державамъ и принята ими благосклонно. Англійскій кабинетъ, въ лицѣ лорда Дэрби, также оказалъ ей поддержку. Въ февралѣ 1876 года султанъ выразилъ письменное свое согласіе на 4 изъ 5 пунктовъ ноты, но обѣщанныя реформы остались на бумагѣ, въ связи съ чѣмъ въ началѣ мая вспыхнуло возстаніе въ Болгаріи. Турецкое прави-

тельство признало возможнымъ заявить о его усмиреніи въ концѣ того же мѣсяца. Три императора сочли нужнымъ обмѣняться взглядами по восточному вопросу, и въ Берлинѣ послѣдовало совѣщаніе, въ которомъ приняли участіе и министры иностранныхъ дѣлъ: Горчаковъ, Бисмаркъ и Андраши. Совѣщаніе вынесло новый меморандумъ, установившій минимумъ реформъ для умиротворенія Балканъ. Англійское общественное мнѣніе отнеслось нѣсколько подозрительно къ союзу трехъ императоровъ и отказалось присоединиться къ меморандуму. 24 мая англійскій флотъ отправленъ былъ въ Бискайскую бухту, не въ далекомъ разстояніи отъ Константинополя. Между тѣмъ въ Турціи слѣдовали событія за событіями. 30 мая Абдулъ-Азисъ былъ низложенъ, а 4 іюня его нашли мертвымъ въ отведенной ему темницѣ-дворцѣ. Турки продолжали усмирять возстаніе, оффиціально считавшееся законченнымъ, и обращались къ такимъ актамъ дикости и жестокости, что изъ Константинополя Берингъ и Эдвинъ Персъ считали нужнымъ въ своихъ рапортахъ и депешахъ говорить о «неистовствахъ», находившихъ косвенную поддержку въ ихъ правительствѣ. 29 іюня сербскій князь Миланъ Обреновичъ и князь черногорскій Николай объявили войну Турціи. Въ числѣ первыхъ добровольцевъ въ Сербію явился братъ Ольги Алексѣевны Новиковой, Николай Кирѣевъ; подъ именемъ Хаджи-Гирея онъ получилъ командованіе бригадой. Въ телеграммахъ европейскихъ газетъ не разъ упоминалось имя этого таинственнаго иностранца, одѣтаго, подобно Скобелеву, въ бѣлое платье. Недолго продолжалась, однако, его геройская дѣятельность. Госпожа Новикова была на лѣченіи въ Маріенбадѣ, когда ей пришлось прочесть въ газетахъ телеграмму: Хаджи-Гирей убитъ, это Николай Кирѣевъ. Телеграмма получила подтвержденіе въ оффиціальномъ сообщеніи князя Милана. Оно говорило о смерти доблестнаго и рыцарскаго воина, павшаго на полѣ сраженія за вѣру и правду. Его смерть, прибавляетъ правитель Сербіи, будетъ вѣчнымъ соединительнымъ звеномъ съ нашими сѣверными братьями.

Смерть Кирѣева произвела впечатлѣніе не въ одной Россіи. Извѣстный историкъ Фриманъ посвятилъ ей нѣсколько страницъ въ своей книгѣ «Россія и Англія». Кинглекъ предпослалъ въ предисловіи къ шестому изданію своей исторіи Крымской войны нѣчто вродѣ похвальнаго слова погибшему энтузіасту. Въ числѣ лицъ, поспѣшившихъ выразить свое сочувствіе Ольгѣ Алексѣевнѣ, мы находимъ извѣстнаго историка Лекки и лучшаго въ настоящее время знатока Россіи въ Англіи, Донельда Мекензи-Уоллеса. Книга его въ это время еще не успѣла появиться,

но въ широкихъ кругахъ, какъ англійскаго, такъ и русскаго общества, было уже извѣстно, что для написанія ея онъ провелъ нѣсколько лѣтъ въ семьѣ русскаго священника, гдѣ и научился хорошей русской рѣчи, а затѣмъ жилъ въ Ярославлѣ и Москвѣ, работая въ библіотекѣ Демидовскаго лицея и входя въ тѣсное общеніе съ видными дѣятелями и писателями, какъ славянофильскаго, такъ и западническаго лагеря.

Смерть Кирѣева сдѣлала свое дѣло: она усилила ненависть къ туркамъ въ той средѣ, изъ которой выходили русскіе добровольцы. Въ своей книгѣ о Россіи Мекензи-Уоллесъ пишетъ о Николаѣ Кирѣевѣ слѣдующее: «Кирѣевъ храбро велъ своихъ солдатъ въ Зайчаръ и палъ смертельно сраженный турецкой пулей; тѣло его, какъ говорятъ, звѣрски было изувѣчено турками. Впечатлѣніе, произведенное его смертью на низшіе классы въ Россіи, было, можетъ быть, сильнѣе, чѣмъ въ средѣ знавшихъ его людей. Она пріукрашена была народной фантазіей и вызвала въ людяхъ страсть, долго дремавшую». Когда г-жѣ Новиковой снова пришлось вернуться въ Лондонъ, она невольно сдѣлалась центромъ симпатій для всѣхъ сторонниковъ освобожденія турецкихъ славянъ и противниковъ турецкофильской политики консервативнаго кабинета Дизраэли. Послѣ того, какъ Макъ-Гаханъ обнародовалъ извѣстія о звѣрствахъ, произведенныхъ турками въ Болгаріи, благопріятное славянамъ движеніе стало захватывать собою въ Англіи демократическую среду. Такъ какъ парламентъ не былъ въ сборѣ, то политическимъ и литературнымъ дѣятелямъ пришлось взять на себя починъ въ дѣлѣ созданія благопріятнаго для Россіи и славянъ настроенія. Въ числѣ людей, открыто высказывавшихся противъ турокъ и за Россію, мы находимъ Джона Брайта, бывшаго союзника Кобдена, также друга Россіи, и упомянутаго уже нами историка Фримана. Чтобы провѣрить правильность слуховъ, сообщенныхъ Макъ-Гаханомъ въ «Daily News», англійское посольство командировало Беринга. Берингъ вполнѣ подтвердилъ содержаніе письма, напечатаннаго Макъ-Гаганомъ. Описавъ въ своемъ рапортѣ церковь, въ которой 1000 христіанъ были сожжены живыми, улицы, на которыхъ валялись человѣческіе трупы, варварское избіеніе младенцевъ, Берингъ прибавилъ: «Ахмеду-Ага и его людямъ суждено было совершить самое гнусное преступленіе изъ тѣхъ, которыя запятнали собою наше столѣтіе. За свою доблесть онъ получилъ орденъ Меджидіе». Въ числѣ людей, на которыхъ эти разоблаченія турецкихъ жестокостей произвели потрясающее впечатлѣніе, былъ и Гладстонъ. Онъ далъ выраженіе своимъ чувствамъ въ брошюрѣ о

«болгарскихъ ужасахъ». Она разошлась въ десяткахъ тысячъ экземпляровъ и вызвала у многихъ представленіе, что именно Гладстону принадлежитъ починъ благопріятнаго къ Россіи движенія. Въ письмѣ отъ 21 апрѣля 1878 г. Фриманъ не скрываетъ своего чувства досады, что самъ онъ и его единомышленники слывутъ въ этомъ отношеніи не болѣе, какъ послѣдователями Гладстона. «Не говоря о членахъ парламента Брайтѣ, Кобденѣ, лордѣ Греѣ,—пишетъ онъ,—многіе, напримѣръ Эльтонъ, Коксъ и я, еще въ 1854 г. говорили о Россіи то же, что говоримъ и теперь, но никто не хотѣлъ насъ слушать. Мы повторяли то же въ 1866 г. по поводу возстанія въ Критѣ. И въ настоящее время я работалъ на пользу славянъ и Россіи прежде Гладстона; то же надо сказать о многихъ другихъ. Мы конечно рады,—прибавлялъ Фриманъ,—такому союзнику, какъ Гладстонъ: онъ въ извѣстномъ смыслѣ лидеръ, но далеко не въ томъ, будто внушилъ намъ свои взгляды, такъ какъ мы раньше его ихъ исповѣдывали». Гладстонъ заканчивалъ свою брошюру словами: «старый слуга королевы и страны, я умоляю своихъ соотечественниковъ сдѣлать все возможное для того, чтобы наше правительство приложило стараніе къ упраздненію турецкой администраціи въ Болгаріи: сарты и мудиры, бамбаши и юзбаши, каймаканы и паши, должны убраться изъ страны, которую они опустошили и осквернили. Нѣтъ преступника въ европейскихъ тюрьмахъ и каннибала на южныхъ островахъ, гнѣвъ котораго не закипѣлъ бы при разсказахъ о томъ, что творили турки». Выступленіе Гладстона съ его брошюрой и рѣчью, сказанной на митингѣ въ Блекгисѣ 9 сентября 1876 г., создали въ Англіи довольно сильное теченіе противъ Турціи и въ пользу Россіи. Оно приняло двоякое направленіе. Одни стали настаивать на томъ, чтобы Англія за одно съ Россіей озаботилась освобожденіемъ балканскихъ славянъ; другая группа, болѣе многочисленная, довольствовалась отказомъ правительства отъ союза съ Турціей. Къ этой группѣ присоединились, разумѣется, и всѣ пацифисты или поборники мира.

Если перваго министра Дизраэли можно было считать поборникомъ политики союза съ Турціей, то Гладстонъ стоялъ во главѣ людей благопріятныхъ Россіи, а Брайтъ выражалъ въ парламентѣ чувства тѣхъ, кто не желалъ вмѣшиваться въ распрю турокъ съ славянами и православными и предоставлялъ рѣшеніе ея самимъ заинтересованнымъ. Теченіе, намъ благопріятное, сказалось въ сентябрѣ на митингѣ, собранномъ въ Дарлингтонѣ. Это былъ единственный митингъ, высказавшійся рѣшительно въ пользу совокупнаго дѣйствія Россіи и Англіи въ восточномъ

вопросѣ. Стэдъ, издававшій въ это время небольшую газету: «Шотландское эхо», распространенную въ сѣверной части Англіи, агитировалъ съ успѣхомъ въ пользу поддержки балканскихъ христіанъ и вступалъ въ обмѣнъ мыслей съ Гладстономъ по восточному вопросу. Въ октябрѣ 1876-го года Гладстонъ, по возвращеніи изъ сѣвера Англіи, въ письмѣ къ Ольгѣ Ал. Новиковой передавалъ въ немногихъ словахъ впечатлѣнія, вынесенныя имъ изъ своей поѣздки. «Я никогда въ жизни не встрѣчалъ столь рѣзко выраженнаго народнаго сочувствія. Оно проникло во всѣ классы общества и повсемѣстно. Съ грустью убѣждаюсь, однако, что британское правительство пользуется вліяніемъ нашей страны для того, чтобы противодѣйствовать желанію народа освободить угнетенныхъ славянъ». Гладстонъ давалъ себѣ также правильный отчетъ въ томъ, что въ верхнихъ слояхъ англійскаго общества туркофильское направленіе было преобладающимъ, и только утѣшалъ своего корреспондента, говоря, что эти upper ten thousands и ранѣе относились безразлично или враждебно и къ реформѣ парламента, и къ освобожденію негровъ, и къ отмѣнѣ хлѣбныхъ законовъ, и къ упраздненію штемпельнаго сбора съ издателей газетъ, и къ объединенію Италіи. Однако все это свершилось, несмотря на ихъ оппозицію. Въ свою очередь Фриманъ въ перепискѣ съ Новиковой, въ октябрѣ 1876 г., напоминалъ, что уже двадцать лѣтъ онъ борется противъ недовѣрія и недружелюбія къ Россіи, и въ настоящее время его внутреннее чувство протестуетъ противъ всякой войны Англіи съ нами. Одновременно Фриманъ писалъ, что война съ Россіей была бы войной противъ тѣхъ, кто вооружился за правое дѣло. Мы не желаемъ,—прибавлялъ онъ,—видѣть расширенія предѣловъ Россіи; но если по винѣ нашего правительства намъ предстоитъ выборъ между увеличеніемъ русской державы и рабствомъ Болгаріи и другихъ возставшихъ государствъ, то намъ лучше помириться съ первымъ зломъ, чѣмъ со вторымъ. Фриманъ выступалъ и въ Экзетерѣ, и въ Манчестерѣ съ защитой той же точки зрѣнія; слушатели устраивали ему каждый разъ овація, «убѣдившія его въ томъ, что значительная часть англійскаго народа настроена противъ войны съ Россіей». Несмотря на то, что императоръ Александръ II въ бесѣдѣ съ англійскимъ посломъ лордомъ Лофтусомъ отрицалъ всякое желаніе присоединить Константинополь, глава кабинета на обѣдѣ въ Гильдхолѣ у лорда-мэра Лондона, не упоминая прямо ни о Турціи, ни о Россіи, употребилъ выраженіе, которое было принято повсюду за прямую угрозу по адресу послѣдней. «Англія—сказалъ онъ,—не станетъ спрашивать ни у

кого позволенія предпринять два, три похода, и вообще воевать до тѣхъ поръ, пока не восторжествуетъ справедливость». «Не очень пугайтесь рѣчи лорда Биконсфильда», писалъ 14 ноября г-жѣ Новиковой Гладстонъ. «Я все же сохраняю надежды на миръ». 12 дней спустя послѣ произнесенія Биконсфильдомъ упомянутой рѣчи императоръ Александръ II мобилизировалъ часть арміи и наши войска стали сосредоточиваться въ Бессарабіи.

Англійскій кабинетъ рѣшилъ послать маркиза Сольсбери на конференцію, собиравшуюся въ Константинополѣ для рѣшенія восточнаго вопроса. Гладстонъ считалъ такой выборъ удачнымъ, говоря: «Сольсбери—не рабъ Дизраэли. Онъ, правда, рѣзокъ на словахъ, но настоящій джентльменъ; онъ замѣчательно уменъ, не увѣренъ въ себѣ, стоитъ выше всего мелочного, не имѣетъ Дизраэлевскихъ предубѣжденій, обладаетъ мужествомъ и стойкимъ характеромъ». Одновременно Гладстонъ сообщалъ о томъ, что раскольники или диссиденты въ Ливерпулѣ—сильные противники турокъ, и устроили ему, поэтому, восторженный пріемъ. Не въ столицѣ, а въ сѣверной части Англіи, возникло и то движеніе, послѣдствіемъ котораго былъ митингъ, собравшійся въ Джемсъ-Голлѣ для протеста противъ туркофильской политики министерства, митингъ, извѣстный въ исторіи подъ названіемъ «восточнаго конгресса», на которомъ впервые выступили наружу симпатіи къ русскимъ лучшихъ представителей англійской литературы, науки и независимой печати. Мысль о созваніи такого митинга зародилась въ средѣ либеральной ассоціаціи въ Шеффильдѣ. Она встрѣтила поддержку въ Дарлингтонѣ, а также въ Лидсѣ, Брадфордѣ, Манчестерѣ, Ливерпулѣ и Бирмингамѣ. Рѣшено было созвать подобіе національной конференціи, на которой были бы представлены особыми уполномоченными всѣ вышеупомянутые города. Движеніе стало распространяться и на другія мѣстности. Когда делегація Шеффильда прибыла въ Лондонъ, она встрѣтила здѣсь поддержку со стороны многихъ государственныхъ дѣятелей. Въ Девонширскомъ клубѣ въ Лондонѣ рѣшено было, что инціативу созыва конференціи беретъ на себя столица. Въ циркулярахъ, разосланныхъ по странѣ, предметомъ конференціи признано было освобожденіе Босніи, Герцеговины и Болгаріи отъ непосредственнаго подчиненія Турціи. Къ устроителямъ конференціи примкнули и нѣкоторые лорды. Одно обнародованіе списка членовъ предстоящаго собранія уже произвела глубокое впечатлѣніе. На основаніи его Стэдъ вправѣ былъ въ отпечатанной имъ статьѣ сказать: «Мы обезпечили себѣ содѣйствіе наиболѣе знаменитыхъ поэтовъ, философовъ, бо-

гословъ и историковъ нашего времени». И дѣйствительно, къ проекту конференціи примкнули и Томасъ Карлэйль, и Фрудъ, и Фриманъ, и Тревеліанъ, и поэтъ Теннисонъ; во главѣ же политическихъ дѣятелей, поддерживавшихъ идею конференціи, стояли Гладстонъ и Брайтъ.

Ко времени открытія конференціи прибыли изъ Болгаріи будущіе политическіе дѣятели Цанковъ и Балабановъ. Я встрѣтился съ ними у Рольстона и охотно предложилъ служить имъ переводчикомъ произнесенныхъ на митингѣ рѣчей. Ни тотъ, ни другой не владѣли англійскимъ языкомъ. Послѣ митинга мы провели съ часъ времени въ кафе на Риджентстритѣ, и я передалъ имъ сжато, кажется—на французскомъ языкѣ, которымъ Балабановъ владѣлъ недурно, важнѣйшее изъ того, что было сказано ораторами. Въ книгѣ, посвященной Стэдомъ біографіи О. А. Новиковой, приведены въ извлеченіи многія изъ рѣчей, произнесенныхъ на достопамятномъ собраніи. Оно открылось словами герцога Вестминстерскаго, принявшаго на себя роль предсѣдателя. Рукоплесканіями было принято заявленіе, что Англія не рѣшится воевать изъ-за Турціи. Опредѣливъ задачу конференціи, герцогъ Вестминстерскій сказалъ, что самъ онъ готовъ идти далѣе намѣченныхъ задачъ. «Великіе интересы человѣчества выше интересовъ чисто англійскихъ». Чтобы Англія по прежнему могла служить человѣчеству, необходимо, чтобы ея флотъ и армія были посланы въ Босфоръ не противъ Россіи, а для того, чтобы сдерживать Турцію. Въ томъ же духѣ говорили и Джорджъ Кембель, бывшій губернаторъ Бенгала, и священникъ Дентонъ, авторъ книги о Сербіи и сербахъ, и извѣстный романистъ Антоній Троллопъ, и слѣпой профессоръ политической экономіи Фосетъ, извѣстный популяризаторъ Милля и будущій членъ кабинета Гладстона, и историкъ Тревеліанъ, родственникъ Маколея. «Станете ли вы воевать за свободу и самостоятельность Содома?—сказалъ историкъ Фриманъ, разумѣя подъ Содомомъ Турцію.—Намъ лучше бы потерять Индію, чѣмъ произнесть одно слово неправды. Пойдете ли вы воевать за варвара?» 3000 голосовъ отвѣтили: «нѣтъ». Важнѣйшимъ моментомъ митинга былъ разумѣется тотъ, когда толпа увидѣла всходящаго на эстраду Гладстона. Тысячи человѣкъ встали со своихъ мѣстъ и устроили ему шумную овацію. Многіе махали платками или шляпой, другіе голосили, что есть мочи. Внезапно все смолкло, и Гладстонъ былъ въ состояніи произнесть свою полуторачасовую рѣчь. Описавъ съ большимъ чувствомъ страданія, вынесенныя болгарами отъ «невозможныхъ турокъ» (the unspeakable turks), Гладстонъ обратился къ толпѣ съ вопросомъ,

что же надо дѣлать и, не пускаясь въ подробности, заявилъ, что надо начать съ ограниченія суверенитета Турціи въ славянскихъ провинціяхъ. Безъ этого всѣ реформы окажутся не болѣе, какъ обманомъ. Но чтобы добиться ограниченія турецкаго суверенита, необходимо вмѣшательство какого-либо иностраннаго государства. Россію надо судить такъ, какъ Англія сама желала бы быть судима. Соперничать съ Россіей мы можемъ, но только въ любви къ христіанскому населенію. Гладстонъ вспомнилъ, что было сдѣлано Англіей въ министерство Каннинга для греческаго возстанія. «И теперь,—сказалъ онъ,—намъ необходимо послѣдовать примѣру Каннинга и войти въ дружеское общеніе съ Россіей, чтобы избавить славянскіе народы отъ владычества Порты». Въ 8 ч. вечера была вынесена единогласная резолюція конференціи, благопріятная автономіи славянъ и русскому вмѣшательству. Уходя съ митинга, Гладстонъ предложилъ руку О. А. Новиковой и довелъ ее до входа въ ея отель. Присутствовавшіе увидѣли въ этомъ какъ бы символъ общенія Англіи съ Россіей. Можно сказать, что на митингѣ въ Сенъ-Джемсхголлѣ положено было начало тому счастливому сближенію, плоды котораго мы увидѣли сравнительно недавно. Вотъ почему въ моемъ обращеніи къ англійскимъ гостямъ на банкетѣ, устроенномъ членами обѣихъ палатъ, я позволилъ себѣ напомнить имя того, кто, какъ я выразился, первый заговорилъ о болѣе тѣсномъ общеніи между нашими двумя націями: имя Вильяма Гладстона. «Я имѣлъ счастье услышать изъ его устъ ту знаменитую рѣчь, которую вашъ великій старикъ произнесъ почти наканунѣ русско-турецкой войны,—сказалъ я.—Гладстонъ имѣлъ мужество признать, что наши усилія, направленныя къ освобожденію славянъ и православныхъ, были искренни. Онъ утверждалъ это еще тогда, когда большинство англичанъ относились къ намъ съ недовѣріемъ, когда Россія слыла въ его родинѣ за медвѣдя». Я могъ бы привесть въ подтвержденіе сказаннаго слѣдующее изъ моихъ воспоминаній. Кажется годъ спустя, во время новой поѣздки въ Англію, мои лондонскіе друзья провели меня въ число временныхъ членовъ извѣстнаго литературнаго клуба Атэней. Пользуясь правами гостя, я однажды обѣдалъ за общимъ столомъ съ Фосетомъ и помогалъ слѣпому старику справиться съ нелегкой задачей поднесенія пищи ко рту. Во время обѣда къ Фосету подошелъ одинъ изъ членовъ парламента и сталъ ему говорить о надеждѣ смять русскаго медвѣдя. Фосетъ прервалъ его и шутя представилъ ему меня, какъ члена дружественной Англіи націи. Положеніе нашего неожиданнаго

собесѣдника оказалось труднымъ, и онъ не разъ извинялся передо мною за свою невольную невѣжливость.

Въ числѣ надежныхъ друзей, оказавшихъ со временемъ большіе услуги дѣлу нашего сближенія съ Англіей, надо назвать автора лучшаго сочиненія о Россіи, упомянутого мною выше Мекензи-Уоллеса. Въ перепискѣ г-жи Новиковой съ Гладстономъ я нахожу подъ 1876 г. упоминаніе о его книгѣ. Новикова шлетъ ее Гладстону съ своей рекомендаціей, настаивая на томъ, что въ ней сказано все существенное о ея родинѣ. Книга Мекензи-Уоллеса вѣроятно не въ меньшей степени содѣйствовала упроченію къ намъ добрыхъ чувствъ англійской націи, чѣмъ сдѣлала эта по отношенію къ Франціи книга Анатоля Леруа-Болье: «Имперія царей и русскіе». Сочиненіе Мекензи Уоллеса въ его первомъ изданіи знакомило англійскую публику съ неоффиціальной Россіей, съ бытомъ крестьянства и приходскаго духовенства, съ мірскимъ землевладѣніемъ, съ торговымъ и ремесленнымъ людомъ городовъ, съ земствомъ и дворянскими учрежденіями, съ раскольниками самыхъ различныхъ толковъ, начиная со старообрядцевъ и оканчивая тѣми, которые представляютъ разновидность хорошо извѣстныхъ въ Англіи протестантскихъ сектъ. Обширные отдѣлы книги посвящены этнографіи пастушескихъ племенъ Россіи и колонизаціи южныхъ степей. Переходя къ руководящимъ сферамъ, Уоллесъ даетъ характеристику и западничества, и славянофильства. Реформы Александра II, отпущеніе крестьянъ на свободу, введеніе новыхъ судовъ съ присяжными и состязательнымъ процессомъ занимаютъ рядъ главъ. Все сочиненіе заканчивается длиннымъ разсужденіемъ о причинахъ и ходѣ постепеннаго расширенія русской державы, въ связи съ чѣмъ разсматривается и восточный вопросъ. Послѣднія строки указывали, въ какомъ смыслѣ и при какихъ условіяхъ долженъ быть рѣшенъ этотъ вопросъ. Авторъ высказывался за автономію отдѣляющихся отъ Турціи славянъ и выражалъ пожеланіе, чтобы въ рѣшеніи восточнаго вопроса Англія шла рука въ руку съ Россіей. «Поле для дѣятельности обѣихъ націй и для удовлетворенія ихъ законнаго честолюбія слишкомъ обширно для того, чтобы имъ вступать изъ-за его раздѣла въ гибельное для обоихъ единоборство. Нельзя, конечно, предвидѣть, что не встрѣтится поводовъ къ разногласію, но надо приложить все стараніе къ тому, чтобы не признать воображаемыхъ интересовъ за настоящіе, а для этого намъ прежде всего нужно узнать Россію, такъ какъ это устранитъ многія недоразумѣнія и избавитъ насъ отъ ненуж-

ныхъ столкновеній. Что можетъ быть ужаснѣе, чѣмъ война, вызванная непониманіемъ другъ друга». Книга, начатая въ 1870-мъ году поѣздкой въ Россію и пребываніемъ въ ней въ теченіе шести лѣтъ подрядъ, вышла впервые въ январѣ 1877 г.; съ тѣхъ поръ она перепечатывалась нѣсколько разъ. Дешевое и популярное изданіе вышло въ 1886-мъ году, съ предисловіемъ, написаннымъ авторомъ въ Индіи и сообщившимъ впервые нѣкоторыя подробности о его прошломъ. Мекензи Уоллесъ сообщаетъ, что предложеніе напечатать книгу о Россіи сдѣлано было извѣстной англійской фирмой Касселей не ему, а Рольстону. Послѣдній, не желая писать популярнаго сочиненія, «съ великодушіемъ, не особенно распространеннымъ въ литературныхъ кругахъ, весьма энергично рекомендовалъ издателямъ молодого никому еще неизвѣстнаго конкурента. «Книга моя,—пишетъ Уоллесъ,—встрѣтила несравненно болѣе дружный пріемъ, чѣмъ я могъ ожидать». На разстояніи немногихъ недѣль вышло и разошлось нѣсколько изданій. Сочиненіе было перепечатано въ Америкѣ, а переводы появились въ Италіи, Франціи, Германіи, Швеціи, Даніи, Россіи, Хорватіи, Венгріи и Турціи. Изданіемъ книги не ограничились услуги, оказанныя намъ Мекензи-Уоллесомъ. Во время русско-турецкой войны онъ согласился быть корреспондентомъ Таймса изъ Россіи и попалъ, разумѣется, въ весьма трудное положеніе. Въ Англіи его заподозривали въ пристрастіи къ нашему отечеству, въ Россіи—въ обнародованіи свѣдѣній, которыя считали нужнымъ скрывать отъ иностранцевъ. Мекензи-Уоллесъ не выдержалъ и уѣхалъ изъ Россіи. Онъ провелъ долгіе годы въ странствованіи по Египту, написалъ о немъ цѣлую книгу и приглашенъ былъ затѣмъ въ Индію въ качествѣ секретаря лорда Дефрина. Позднѣе мы встрѣчаемъ его сопровождающимъ принца Уэльскаго, теперешняго короля, въ его поѣздкѣ въ Австралію. Немудрено, если въ виду его обстоятельнаго знакомства съ Россіей и довѣрія, какимъ онъ пользовался у короля Эдуарда VII, Мекензи-Уоллесу суждено было сыграть выдающуюся роль при заключеніи недавнихъ соглашеній между англійскимъ и русскимъ правительствомъ. Я видѣлъ его на засѣданіяхъ первой и обѣихъ послѣдующихъ Думъ, всегда крайне заинтересованнымъ всѣми переживаемыми нами кризисами. Недавно онъ снова былъ въ нашей средѣ, и я имѣлъ возможность въ тостѣ, провозглашенномъ за англійскую націю, упомянуть его имя въ числѣ тѣхъ немногихъ, которые подготовили наше сближеніе. «Счастливая перемѣна въ отношеніи къ намъ широкихъ круговъ англійскаго общества,—сказалъ я, и этими словами

я позволю себѣ закончить и этотъ очеркъ,—лежитъ въ томъ, что англичане узнали, каковы мы въ дѣйствительности; этимъ мы обязаны Мекензи-Уоллесу и тѣмъ, кто является продолжателемъ начатаго имъ дѣла. Такихъ продолжателей я вижу занимающими каѳедру въ недавно основанномъ Ливерпульскомъ университетѣ; онъ уже сдѣлался главнымъ очагомъ ознакомленія англичанъ съ русскимъ языкомъ и литературой, русской исторіей и политикой. «Русское обозрѣніе», созданное профессоромъ Пэрсомъ при участи Мориса Беринга, насколько можно судить по вышедшему уже первому номеру, сдѣлается настоящимъ кладеземъ точныхъ и обстоятельныхъ свѣдѣній о моемъ отечествѣ. Мы, конечно, только выиграемъ отъ болѣе близкаго знакомства съ нами англичанъ; вѣдь они всегда относились съ полной симпатіей къ тѣмъ, кто искренно и серьезно стремится къ осуществленію высокихъ идеаловъ: религіозныхъ, общественныхъ и политическихъ. Всѣ кто знакомъ съ нашей исторіей и кто читалъ нашихъ великихъ прозаиковъ—Тургенева, Достоевскаго и Толстого, не можетъ не видѣть, что мы неизмѣнно продолжаемъ бороться за то, въ чемъ мы видимъ спасеніе для всего человѣчества. Найдутся люди, особенно изъ тѣхъ, кто живетъ день за днемъ, которымъ наше поведеніе покажется фантастичнымъ. Вѣдь мы постоянно озабочены свободой, общественной справедливостью и общимъ благополучіемъ, часто безъ всякаго отношенія къ тому, насколько печальная дѣйствительность отвѣчаетъ нашимъ усиліямъ. Но вѣдь, поступая такъ, мы только продолжаемъ старую традицію англійскихъ мечтателей и утопистовъ XVII и XVIII вѣковъ. Это не помѣшало имъ положить основу могущественной имперіи, владѣющей колоніями во всѣхъ частяхъ свѣта, имперіи, являющейся оплотомъ свободы и піонеромъ въ дѣлѣ научнаго, техническаго и соціальнаго прогресса. Куда бы въ наши дни ни отправился англичанинъ, онъ всюду находитъ въ основѣ недавнихъ общественныхъ и политическихъ реформъ идеи, впервые брошенныя въ обращеніе въ Англіи. Сѣмена, посѣянныя въ британской почвѣ, дали обильную жатву въ различнѣйшихъ частяхъ свѣта». Съ тѣхъ поръ, какъ были сказаны эти слова они нашли новое подтвержденіе въ быстромъ торжествѣ началъ самопомощи и самоуправленія въ той странѣ, которая всегда считалась оплотомъ старины. Если китайская республика и вызвана къ жизни распространеніемъ американскихъ идей, то самыя эти идеи въ свою очередь зародились впервые въ Англіи и проникли въ Новый Свѣтъ вмѣстѣ съ тѣми сектами передового протестантизма, къ числу которыхъ принадлежали англійскіе пуритане и индепенденты. Весь міръ покрылся въ наши дни

монархіями и республиками, въ разной только мѣрѣ стремящимися къ осуществленію англійскаго идеала самоуправленія общества и къ обезпеченію какъ отдѣльной личности, такъ и добровольнымъ союзамъ, широкой свободы самоопредѣленія. Дальнѣйшее сближеніе нашего отечества со страною, имѣющей изъ всѣхъ европейскихъ государствъ наибольшіе интересы въ Азіи и пользующейся въ ней, поэтому, и наибольшимъ вліяніемъ, въ такой же степени послужитъ обезпеченію мира на Дальнемъ Востокѣ, въ какой болѣе тѣсное знакомство съ англійской политической жизнью можетъ сдѣлаться условіемъ органическаго развитія нашихъ учрежденій. Говоря это, я имѣю, разумѣется, въ виду не простое заимствованіе, а приспособленіе давно испытанныхъ англійскихъ порядковъ къ той демократической средѣ, какую представляетъ собою наше отечество. Исторія послѣднихъ пятидесяти лѣтъ показала, что представительная система, мѣстное самоуправленіе и парламентаризмъ нисколько не связаны съ аристократическими устоями и примиримы съ ростомъ народоправства. Демократическая Англія, съ которою послѣдовало наше сближеніе, легко можетъ указать намъ тотъ путь, какимъ должно пойти дальнѣйшее развитіе нашихъ учрежденій въ интересахъ одновременнаго торжества свободы, гражданскаго равенства и прочнаго порядка, обезпечиваемаго однимъ главенствомъ права.

Максимъ Ковалевскій.

ПОВѢСТЬ ГЛИНЯНАГО ЧЕРЕПКА.

(Письмо изъ Рима).

На столѣ передо мной лежитъ осколокъ обожженной глины—черепокъ грубой античной амфоры, принесенный мною съ прогулки по окраинамъ Рима. О, это не цѣнный антикъ! Милліоны такихъ черепковъ образуютъ цѣлую гору въ кварталѣ Тестаччо; ими крыты, вмѣсто черепицъ, крыши одноэтажныхъ домиковъ, ими усыпано плохо содержимое шоссе. Но этотъ маленькій черепокъ—краснорѣчивѣе многихъ мраморныхъ статуй, съ почетомъ погребенныхъ въ стѣнахъ музеевъ античной скульптуры. Тѣ говорятъ объ одной эпохѣ, перейденной, забытой, вновь воскресшей, чтобы вновь кануть въ лету; мой черепокъ говоритъ о многихъ вѣкахъ, начиная съ императорскаго Рима и кончая нашими днями. Тѣ говорятъ лишь о красотѣ и искусствѣ,—онъ вплетаетъ въ свою повѣсть бытъ римскаго народа отъ Христа до нашихъ дней, бытъ, котораго этотъ черепокъ, рожденный гдѣ-нибудь въ Испаніи или Греціи, удостоился стать молчаливымъ свидѣтелемъ. Лѣтъ десять тому назадъ онъ уже вдохновилъ одного римскаго соціолога на кропотливый трудъ по изученію жизни городской бѣдноты, населяющей кварталъ Тестаччо. На-дняхъ этотъ изслѣдователь, Доменико Орано издалъ первый томъ своего труда, занявшій около тысячи страницъ [1]). Это только начало! Тотъ, кто откроетъ невзначай эту непомѣрно толстую книгу, отпрянетъ назадъ, испуганный сносками на архивные документы и статистическими таблицами, изъ которыхъ и состоитъ почти весь томъ. Но тотъ, кто знаетъ старинный кварталъ, кто былъ на закатѣ у желѣзнаго креста на верху горы, благоговѣйно снимая шляпу предъ могилой Шелли на недалекомъ клабищѣ, кто чуялъ дыханье Рима Вѣч-

1) Domenico Orano. «Come vive il popolo a Roma. Saggio demografico sul quartiere Testaccio».—Pescara, 1912.

наго о Римѣ новомъ,—тому не мало скажутъ сухія изысканія и таблицы книги Орано: многое напомнятъ, многое освѣтятъ и окрасятъ неблекнущими цвѣтами великой вѣковой мозаики, которая зовется исторіей. И въ нестромъ, фантастическомъ разсказѣ глинянаго черепка онъ услышитъ тогда строгій голосъ очевидца судебъ и свидѣтеля поколѣній.

О чемъ же повѣствуетъ скромный осколокъ?

Не о личной исторіи, нѣтъ. Лишь намекомъ говоритъ онъ, что нѣкогда былъ частью огромной глиняной амфоры съ толстыми, грубыми стѣнками и безъ всякаго рисунка. Изъ отдаленной колоніи эта глиняная бочка несла драгоцѣнное вино или масло—дань великому Риму-завоевателю. Корабль, нагруженный амфорами, простившись съ моремъ въ Остіи, вступилъ въ желтыя воды Тибра и остановился въ узкой гавани, прямо противъ Палатинскаго холма. Въ тѣ времена—времена пышной имперіи—на мѣстѣ молчаливаго, бѣднаго, невзрачнаго квартала Тестаччо ключемъ кипѣла жизнь. Тысячи рабовъ отъ зари до заката разгружали корабли, пришедшіе изъ колоній, перенося товары сначала въ Emporium, оттуда въ богатѣйшіе доки Hortea. Кромѣ вина и масла, тѣ же корабли везли въ міровую столицу все, что было лучшаго въ колоніяхъ, не забывая и о глыбахъ драгоцѣннаго мрамора; цѣлыя горы камня африканскаго, паросскаго, прекраснаго «сеттебази», «навонадзетто», «базистро», «писаннаго мрамора», были навалены на набережной, отъ которой къ самой водѣ спускалась обширная бѣлая мраморная лѣстница. Среди этой роскоши и богатства затерялась грубая красно-желтая амфора. Рабы отнесли ее въ складъ, гдѣ ея кристальное вино скоро было розлито по амфорамъ меньшаго размѣра. Теперь она лишь напрасно загромождала складъ, и тѣ же рабы, разбивъ ее для удобства, снесли грубые обломки на окраину складовъ, присоединивъ къ уже лежавшей здѣсь огромной кучѣ глиняныхъ осколковъ. Было ближе и проще бросить черепки въ Тибръ; но консулъ строго запретилъ дѣлать это, чтобы не заваливать дна гавани. Такъ на окраинѣ коммерческаго порта выросла гора разбитыхъ амфоръ, которой суждено было на много вѣковъ явиться свидѣтельницей былого торговаго величія Рима, гора живая и по сейчасъ, открывающая со своей вершины видъ на царственныя албанскія горы, на поля Кампаніи, на загородныя муниципальныя постройки Рима нынѣшняго, на кварталы рабочей бѣдноты. Рядъ легендъ окружилъ эту гору; много ученыхъ ломали надъ ней головы, роясь въ ея черепкахъ, кое-гдѣ поросшихъ травой и звенящихъ подъ шагомъ. И народъ прозвалъ ее пренебрежительнымъ именемъ monte Testaccio [1]).

1) Testa—голова, черепокъ; окончаніе—„ассіо“—уничижительное.

Здѣсь, лежа въ грудѣ другихъ такихъ же ничтожныхъ черепковъ, прибывшихъ со всѣхъ концовъ свѣта, осколокъ глиняной амфоры вѣкъ за вѣкомъ наблюдалъ, какъ росло и падало величіе Вѣчнаго города, какъ культура смѣнялась культурой и прежній рабъ обратился въ современнаго пролетарія. Палъ императорскій Римъ—и ростъ горы остановился. Жизнь кругомъ стала замирать; исчезли корабли въ загрязнившемся портѣ, стали рушиться стѣны складовъ; никто не являлся за глыбами мрамора. На цѣлый рядъ вѣковъ единственнымъ властнымъ хозяиномъ подъ-авентинской равнины было время, единственнымъ гостемъ—пастухъ. Пилигримы, вереницей потянувшіеся на поклоненіе базиликѣ святого Павла, видѣли лишь остатки крѣпкихъ сооруженій Эмпоріума, куски камней, вросшихъ въ землю и покрывшихся зеленью, да низкую и мрачную пирамиду Кая Цестія, бѣлѣвшую въ развалинахъ авреліевыхъ стѣнъ, какъ бѣлѣетъ она и посейчасъ. Рука времени закрыла землей и зазеленила травой останки торговаго величія міровой столицы. Въ зелени рѣдкихъ садовъ и виноградниковъ выростали простые и строгіе храмы христіанскому Богу,—безъ роскоши, безъ дорогихъ мраморныхъ статуй. Но и ихъ камни также были свидѣтелями прошлаго; подкрѣпляли раньше они фасады языческихъ храмовъ и величественныхъ дворцовъ. Ни сношенія Рима съ Восточной имперіей, ни всесвѣтное торжество католицизма не могли пробудить авентинскую равнину отъ глубокаго сна, и седьмой вѣкъ засталъ ее такой же забытой и заброшенной, слившейся съ остальной римской Кампаніей, въ даль которой она глядѣла глазами своего вѣрнаго сторожа—Черепичной горы. Кто поставилъ этотъ аскетическій желѣзный крестъ на вершинѣ горы? Исторія молчитъ о томъ, и только на планахъ XVШ-го вѣка начинаетъ изрѣдка отмѣчаться этотъ крестъ, у подножія котораго Пуссэнъ ловилъ на полотно краски заката. Этотъ черный крестъ укрѣпилъ за горой обязательство быть станціей для католическихъ пилигримовъ, шедшихъ въ Римъ или покидавшихъ Вѣчный городъ; сюда же ходили религіозныя процессіи, тогдашняя строгость которыхъ гармонировала съ угрюмостью горы и спокойствіемъ открывающихся съ нея видовъ.

Но вотъ оживляется разсказъ античнаго черепка. Пришелъ десятый вѣкъ—золотой и свободный вѣкъ римской коммуны, любопытный вѣкъ, когда римскіе папы короновали германскихъ императоровъ, а императоры ссылали папъ, выкалывали имъ глаза, отрѣзали носъ и языкъ и въ такомъ видѣ водили по улицамъ (папа Іоаннъ XVI). Не забудьте, что въ тотъ моментъ приближался конецъ міра—1000 годъ отъ Рождества Христова. Въ эти смутныя времена римскій народъ требовалъ papem et circenses, а папы, коммуна и

знатныя фамиліи старались создать на пышныхъ празднествахъ непрочныя симпатіи. Начиная съ десятаго вѣка гора Тестаччо и прилегающая къ ней мѣстность пріобрѣтаютъ великую славу «полей народа римскаго», которая остается за ними на нѣсколько вѣковъ.

И вотъ что видѣлъ тогда осколокъ амфоры на «поляхъ народа римскаго».

Въ воскресенье передъ великимъ постомъ, въ этотъ послѣдній, самый пышный день карнавала, все поле вокругъ горы окружено сплошной цѣпью конныхъ солдатъ. Съ ночи начинаетъ стекаться народъ, и тѣ, кто пришелъ раньше, спѣшатъ занять позиціи, удобныя для наблюденія: стѣны и башни воротъ св. Павла, пирамиду Кая Цестія, склоны Авентина. Для аристократіи отведены особыя мѣста, и къ назначенному часу блестящая толпа придворныхъ уже сіяетъ тамъ блескомъ одеждъ, драгоцѣнныхъ перьевъ и камней. Со стороны Капитолія раздается первый ударъ колокола, и одновременно оттуда выходитъ пышная процессія коммунальныхъ властей и ихъ семействъ, знаменосцевъ и представителей кварталовъ. Каждый кварталъ украсилъ свою аллегорическую колесницу, за которой идетъ толпа его «jocatores» и «lusores»—участниковъ предстоящихъ игръ. Прислали своихъ «гладіаторовъ» и окрестные города, не смѣя противиться приказу папы и Рима. Блескъ парчевыхъ и атласныхъ костюмовъ, громъ трубъ и барабановъ, колыханье знаменъ и штандартовъ, крики толпы, сдерживаемой войсками,—и кортежъ приближается къ «полямъ народа римскаго». Сенаторъ, завѣдующій празднествомъ, подходитъ къ черепичной горѣ и водружаетъ на ея склонѣ знамя города Рима. Это—сигналъ къ началу игръ.

На плоской вершинѣ горы Тестаччо уже заготовлены красныя колесницы, запряженныя дикими быками; внутри колесницы—дикіе кабаны, наглухо запертые, но не связанные.

По новому сигналу служители отпускаютъ быковъ и гонятъ ихъ по крутому склону горы прямо на огромную толпу молодежи, вооруженной шпагами. Въ дикомъ бѣгѣ рушатся колесницы, освобождая кабановъ, и все смѣшивается въ одну кровавую массу людей и звѣрей. Каждый изъ игроковъ спѣшитъ добыть себѣ шпагой хотя бы кусокъ мяса, такъ какъ того, кто оставался безъ добычи, ждетъ позоръ. Шпагами и руками убиваютъ, рѣжутъ, рвутъ на части свергнутыхъ съ горы животныхъ, и побѣдители несутъ окровавленные куски мяса, шкуры, внутренностей къ трибунамъ публики и въ даръ своимъ женамъ: безъ этого подарка жена не дѣлитъ ложе съ мужемъ въ праздникъ св. Панкраціо! Но льется здѣсь не одна кровь звѣрей, немало раненыхъ людей подбираютъ на

полѣ сраженія, а кое-кто изъ молодежи не прочь въ моментъ общаго озвѣренія свести старые счеты съ соперникомъ.

Окончилась бойня—и на широкомъ лугу начинаются бѣга на призы. Гарцуютъ на лучшихъ коняхъ самые ловкіе наѣздники, стараясь на всемъ скаку снять призъ, надѣтый на остріе воткнутаго въ землю копья. За лучшихъ коней—призы золотой и серебряный. Третій, шелковый призъ—за самый быстрый бѣгъ кобылицы.

До самаго вечера идутъ игры на зеленомъ, уже окрашенномъ кровью лугу. Порою невинная игра переходитъ въ кровавое побоище, за которымъ жадными глазами слѣдитъ публика. Порою атлетическія упражненія перемѣшиваются въ антрактахъ съ забавами: вмѣсто звѣрей выпускаютъ на лугъ толпу евреевъ и гоняютъ ихъ, пока не наскучитъ. Такъ, для забавы народа римскаго, скатили однажды съ горы стараго еврея, заколоченнаго въ бочку съ гвоздями.

На чьи средства устраивались игры въ воскресенье карнавала? Законъ и обычай установилъ, что расходы должны оплачивать евреи въ видѣ откупа отъ печальной участи личнаго участія въ играхъ. И предки тѣхъ евреевъ, что и сейчасъ еще живутъ близъ Тестаччо въ старомъ Гетто, въ теченіе шести вѣковъ оплачивали развлеченья римскихъ гражданъ, внося ежегодно въ городскую кассу 1130 фіориновъ; послѣдніе 30 фіориновъ—въ память 30 сребренниковъ, за которые былъ преданъ Христосъ. Даже Сикстъ V, освободившій евреевъ въ 1586-мъ году отъ всѣхъ тяготъ, не смѣлъ снять съ нихъ этой традиціонной контрибуціи. Изъ года въ годъ, шесть столѣтій, гора Тестаччо была свидѣтельницей и участницей карнавальныхъ забавъ и игръ, и самымъ пышнымъ ихъ расцвѣтомъ были XIV и XV вѣка. Затѣмъ слава ихъ начала меркнуть, и въ серединѣ XVI вѣка, при папѣ Львѣ X, въ эпоху возродившагося язычества, римскій народъ въ послѣдній разъ видѣлъ пышныя зрѣлища на своихъ поляхъ. Гора Тестаччо вновь погрузилась въ свой вѣковой сонъ.

Опять проходятъ вереницы лѣтъ надъ чернымъ крестомъ, вѣнчающимъ ея вершину. Кто разскажетъ ея грезы? Какъ прежде мимо нея проходили полчища готовъ, лангобардовъ, сарациновъ, норманновъ, неспособныя нарушить ея дремоту, какъ прежде борьба папъ съ императорами и кровавыя распри аристократическихъ фамилій не выводили ее изъ безстрастія,—такъ и теперь, отдыхая отъ буйныхъ игрищъ на еврейскія деньги, она ничѣмъ не отмѣчена исторіей вплоть до эпохи первой французской республики. Трудна думать, чтобы такого традиціоннаго мѣста увеселеній не посѣтила, напримѣръ, знаменитая «дама барокко», спеціалистка по изы-

сканнымъ развлеченіямъ, шведская королева Христина, для которой папы и римская знать обращали весь Римъ въ сплошное карнавальное зрѣлище. Но и объ этомъ молчитъ исторія горы Тестаччо...

Но вотъ однажды осенью гора проснулась. Неужели должны вернуться къ жизни ея glorie passate? Ея окрестности наполнились людьми, головы которыхъ были украшены виноградными листьями. Въ центрѣ поля воздвигли пышное, кричащее, разукрашенное легкое зданіе; вокругъ него разбросали палатки со значками римскихъ кварталовъ. Все поле наполнилось народомъ, загремѣли оркестры въ разукрашенныхъ виноградомъ палаткахъ, и изъ центральнаго зданія двинулась толпа комическихъ масокъ. Республика не хочетъ кровавыхъ зрѣлищъ; вмѣсто нихъ народу показываютъ миѳологическія басни въ лицахъ, живыя иллюстраціи историческихъ событій, забавныя пантомимы, а оркестры поочередно играютъ патріотическіе гимны и народныя пѣсни. Послѣ полудня въ палаткахъ заготовлены столы, въ каждой—на сто человѣкъ. Во имя братскаго единенія гражданъ Рима, въ каждой палаткѣ долженъ быть за столомъ представитель каждаго квартала города; въ центральной палаткѣ «исполнительной власти» также приготовленъ столъ для гражданъ. Только половина обѣдающихъ на полѣ оплачиваетъ расходы; остальная половина участниковъ угощенья избирается по жребію, во имя новыхъ принциповъ равенства и братства, и угощается за общественный счетъ. За внѣшнимъ порядкомъ смотрятъ стражи и солдаты; но можетъ ли республика забыть о нихъ, низведя ихъ на степень простыхъ прислужниковъ веселья? Нѣтъ, вслѣдъ за гражданами, на общественный же счетъ, готовятся столы и для воиновъ. Къ вечеру столы убираются, и центральный павильонъ открывается для танцевъ. Никто да не входитъ въ него, не украсивъ себя виноградными листьями. Вакхическій праздникъ vendemmia, праздникъ винограднаго сбора, требуетъ, чтобы даже экипажи, подъѣзжающіе къ полямъ, украшены были золотистыми листами виноградной лозы.

Это было послѣднимъ пробужденіемъ духа античнаго веселья. Наступали иныя времена, отмѣченныя духомъ практической сметки и пренебреженія къ историческимъ идилліямъ. Новыя поколѣнія не оставили безъ вниманія гору Тестаччо, но ихъ вниманіе не было данью уваженія къ этому историческому памятнику. Однажды гора проснулась отъ грубаго удара пушечнаго ядра. Невдалекѣ отъ нея расположились «бомбардьеры»—особая учебная артеллерійская команда, устроившая пороховой складъ внутри пирамиды Кая Цестія. Черепичная гора показалась имъ удобной цѣлью для учебной стрѣльбы, и за много лѣтъ они успѣли выбить въ ней широкое

углубленіе. Позже пришелъ къ ней сметливый человѣкъ, выкопалъ пещеру въ ея склонѣ и сдѣлалъ здѣсь винный складъ. Ни у кого другого не было такого прохладнаго хранилища вина! Вся созданная изъ разбитыхъ черепковъ, не пересыпанныхъ землей и мусоромъ, гора держала внутри погреба постоянную низкую температуру. Благой примѣръ вызвалъ подражаніе, и скоро у подножья горы выросъ рядъ погребовъ съ оптовыми складами вина; кое-кто изъ виноторговцевъ, въ нарушеніе приказа коммуны, продавалъ вино и распивочно. Черепки пошли на постройку внѣшнихъ зданій погребковъ и домиковъ ихъ владѣльцевъ: античными черепками покрывались крыши, ими были усыпаны дворики, изъ нихъ складывались прочные заборы. Эти винохранилища существуютъ и по сей часъ. И для мощенья улицъ пользовались тѣми же черепками, благо они были неистощимы.

Однако и въ болѣе позднія времена римское населеніе вспоминало въ ясные весенніе дни monte Testaccio.

По воскресеньямъ ея склоны не разъ расцвѣчивались группами горожанъ, захватившихъ съ собой незамысловатый завтракъ. Вечеромъ здѣсь раздавалось пѣніе, горѣли костры, иной разъ завязывались ссоры, обогащая городскую хронику разсказами о ловкихъ coltellate. По ночамъ здѣсь также виднѣлись уединенныя фигуры, безпокоившія полицію: это были преступники, скрывающіеся отъ правосудія, революціонеры, избѣжавшіе папскихъ разгромовъ; иногда—женщины, промыслъ которыхъ въ этихъ поэтическихъ мѣстностяхъ вызвалъ даже особый запретительный папскій эдиктъ.

Блестящей военной страничкой заканчивается исторія горы Тестаччо. Былъ 1849-ый годъ; французы осадили Римъ, сгустивъ свои силы близъ св. Павла. Батареи защитниковъ Рима выросли на Авентинскомъ холмѣ и на горѣ Тестаччо. Трудно было втаскивать на крутые склоны горы тяжелыя пушки; пришлось нарушить ея спокойствіе саперной лопатой и устроить наверху, у креста, удобную для батареи площадку. 5 іюня съ вершины горы грянули пушки въ сторону св. Павла. Почти мѣсяцъ вѣрный сторожъ Рима отстаивалъ его независимость; ядра непріятелей превращали въ пыль осколки древнихъ амфоръ, и 3 іюля генералъ Карлъ де Велланъ, поборовъ героизмъ защиты, вошелъ въ городъ во главѣ французовъ.

Объ этой военной заслугѣ Черепичной горы вспомнили много позже. Лишь четыре года тому назадъ Народный домъ квартала Тестаччо испросилъ у коммуны разрѣшеніе почтить память геройской защиты Рима, воздвигнувъ на вершинѣ горы мраморную колонну. За четыре года къ работамъ не приступлено, и это даетъ слабую на-

дежду, что и въ будущемъ гора останется увѣнчанной только мрачнымъ и строгимъ желѣзнымъ крестомъ, такъ идущимъ къ ея молчаливой угрюмости, и нелѣпое созданье рукъ современнаго архитектора не нарушитъ ея выдержаннаго стиля.

Къ серединѣ XIX-го вѣка мѣстность близъ горы Тестаччо еще во многомъ сохраняла свой первоначальный видъ «полей народа римскаго». Нѣсколько церковныхъ садовъ, виноградниковъ, огородовъ, пороховой складъ, кладбище и рѣдкіе остатки античныхъ сооруженій—вотъ и все, что было на мѣстѣ нынѣшняго рабочаго квартала. Подъ зеленью полей и огородовъ лежали мраморы и павшія стѣны, современники античнаго черепка и былого величія римской имперіи. Кое-кто изъ частныхъ владѣльцевъ производилъ за личный счетъ и въ личную пользу раскопки на своихъ участкахъ; есть слѣды и документы раскопокъ еще XV-го вѣка, и есть указанія, что среди находокъ были чрезвычайно цѣнныя въ археологическомъ отношеніи. Но только въ 1868-мъ году приступлено было къ серьезнымъ изысканіямъ, неожиданно прерваннымъ черезъ два года, когда савойскія войска пробили брешь въ стѣнѣ у porta Pia, и пала папская власть. За два года успѣли извлечь изъ земли, не считая мелочей, свыше 1200 мраморныхъ глыбъ, греческой, фригійской, нумидійской и египетской породы, по большей части неотдѣланныхъ; найдено немало статуй, вазъ, предметовъ торговаго и домашняго обихода, часть которыхъ поступила въ музеи, а часть разослана папой Піемъ IX въ даръ разнымъ лицамъ въ Италіи и за границей. Но, похищая изъ земли все цѣнное, тогдашніе археологи мало заботились о сохраненіи античныхъ развалинъ, какъ не заботятся о нихъ и современные. Въ данный моментъ отъ Эмпоріума остались лишь ничтожные куски, никѣмъ не охраняемые; пирамида Кая Цестія, хотя и имѣющая хранителя, совсѣмъ запущена; ради новой линіи желѣзной дороги снесено почти 200 метровъ прекрасныхъ авреліевыхъ стѣнъ; грязная харчевня примкнула къ аркѣ Санъ-Ладзаро; скрытъ на половину землей бастіонъ Сангалло, надъ которымъ возвышается домикъ съ погребами для овощей. Новая, скромная, бѣдная, печистоплотная жизнь облѣпила и заглушила жизнь античную и средневѣковую и грозитъ уничтожить ее совсѣмъ.

Въ этомъ безпорядочномъ нагроможденіи вѣковъ и культуръ, много своеобразной красоты и глубокаго смысла; тѣмъ и хорошъ Римъ что въ немъ старый камень живетъ не только въ прошломъ, но и нынѣ, что сейчасъ трехлѣтній мальчуганъ бѣгаетъ въ немъ по плитамъ, уложеннымъ рабами времени цезарей. Но то, что прекрасно въ глазахъ дилетанта-поклонника Рима, то на глаза археолога должно вызвать слезы. Къ ужасу художника, археологъ сдираетъ

плющъ, обвившій античную колонну. «Онъ украшаетъ ее!»—кричитъ негодующій художникъ. «Онъ разрушаетъ ее!»—невозмутимо отвѣчаетъ ему археологъ. Они оба правы. Правъ былъ великій пейзажистъ Пуссэнъ, считая Римъ развалинъ, Римъ забитыхъ плющемъ камней и синеватыхъ далей мечтой и раемъ художника, его второй родиной и землей обѣтованной. Но правъ по своему и Корадо Риччи, нынѣшній попечитель римскихъ древностей, мечтающій снести съ античнаго камня наслоенія позднѣйшихъ вѣковъ, очистить его, окружить рѣшеткой и въ этомъ видѣ сохранить отъ дальнѣйшаго разрушенія. Оба они, на разстояніи двухъ съ половиной вѣковъ, поднимались на вершину Тестаччо и смотрѣли вокругъ, одинъ—въ сторону горъ, другой—въ сторону города, одинъ—поэтъ, другой—знатокъ архивовъ и поклонникъ музея.

Близъ Черепичной горы, совсѣмъ рядомъ съ пирамидой Кая Цестія, есть старое протестантское кладбище. И со склона Тестаччо черепокъ античной амфоры видѣлъ, какъ на это кладбище несли тѣло великаго англійскаго поэта, утонувшаго на итальянской Ривьерѣ. У самой стѣны Аврелія, между высокими кипарисами, лежитъ скромная мраморная плита на могилѣ Шелли. На томъ же кладбищѣ похоронены другой знаменитый англичанинъ—Китсъ, русскій художникъ Брюлловъ и много другихъ, любившихъ Италію и Римъ. Кладбище это уже насчитываетъ полтора столѣтія существованія.

Но тотъ, кто вздумаетъ теперь пройти на кладбище или подняться къ желѣзному кресту горы Тестаччо, уже не увидитъ прежняго покоя и запустѣнія въ историческомъ кварталѣ.

Съ того момента, какъ Римъ фактически сталъ столицей Третьей Италіи, кварталъ Тестаччо сдѣлался предметомъ особаго вниманія коммуны. Рѣшено было возродить здѣсь торговые склады и положить начало индустріальному центру Рима. Судоходность прилегающей части Тибра, близость желѣзной дороги, дешевизна мѣста—все это являлось благопріятнымъ показателемъ для новаго проекта. Въ повѣсть глинянаго черепка не могутъ входить горячіе дебаты въ стѣнахъ Капитолія. Достаточно сказать, что черезъ пятьдесятъ лѣтъ мѣстность стала неузнаваемой. Къ ней, конечно, не вернулось прежнее величіе торговаго порта; лишь тяжелыя и грубыя казенныя постройки боенъ, газометра, торговыхъ складовъ, центральной электрической станціи говорятъ о монументальномъ строительствѣ современниковъ. Но всѣ эти постройки перекинулись по ту сторону горы, на прежнихъ же мѣстахъ, закрывъ античныя развалины, выросли улицы невысокихъ и небогатыхъ домовъ, занявшія площадь между Палатиномъ и берегомъ Тибра. Не осуществилось и намѣреніе коммуны создать кварталъ здоровыхъ и дешевыхъ домовъ для рабочаго на-

селенія; вмѣсто нихъ тутъ же нагромоздились доходные дома, въ которыхъ и ютится, въ грязи и крайней нищетѣ, рабочій людъ Рима. Нижніе этажи заняты мелочными лавочками, трактирами, молочными и мастерскими; узкія темныя лѣстницы, грязныя до послѣдней степени, ведутъ въ верхніе этажи, гдѣ жилье современныхъ рабовъ вытѣснило все свободное пространство и весь воздухъ для дыханія. Ни садовъ, ни чистыхъ дворниковъ при домахъ, ни сквера по близости, ни фонтановъ, которыми такъ богатъ остальной Римъ. Кварталъ грязи и бѣдноты—вотъ во что обратились «поля народа Римскаго». И только неизмѣннымъ скелетомъ прошлаго доминируетъ надъ всѣмъ кварталомъ monte Testaccio—гора изъ античныхъ черепковъ, чудовищное созданіе императорскаго Рима. Но и она уже теряетъ свой видъ. Прежде видная отовсюду, теперь она какъ-то затерялась среди жилыхъ построекъ, какъ затерялось и иновѣрческое кладбище; и отъ этого она кажется еще угрюмѣе и непривлекательнѣе.

Для этой новой жизни, паслонившейся на старыя преданія, потребовался и новый поэтъ. Такимъ поэтомъ квартала Тестаччо и явился упомянутый мною выше соціологъ-соціалистъ Доменико Орано. Быть можетъ странно называть поэтомъ автора на первый взглядъ сухого статистическаго изслѣдованія. Но въ свой трудъ Доменико Орано вложилъ столько вниманія къ историческому прошлому квартала и столько нескрываемой любви къ его нынѣшнему обитателю, что, прежде чѣмъ явиться изслѣдователемъ, авторъ встаетъ передъ нами пѣвцомъ своего квартала.

Кто населяетъ кварталъ Тестаччо? Спросите римскаго буржуа—и онъ отвѣтитъ вамъ пренебрежительнымъ: «всякій сбродъ». Онъ, быть можетъ, прибавитъ: «самый опасный сбродъ»! Не тамъ ли свила себѣ гнѣздо анархія? Не тамъ ли ютятся самые рѣшительные забастовщики и непримиримые антиклерикалы изъ рабочаго класса? Не тамъ ли такъ часты кровавыя схватки, участниковъ которыхъ послѣ тщетно разыскиваетъ полиція? «Самый непріятный кварталъ!»—непремѣнно скажетъ вамъ римскій буржуа и подтвердитъ кивкомъ головы комиссаръ полиціи. Возникшій въ 1883-мъ году, кварталъ Тестаччо за тридцать лѣтъ успѣлъ сдѣлаться не только однимъ изъ самыхъ грязныхъ и жалкихъ, но и самымъ первымъ въ спискѣ неблагонадежныхъ.

Но вотъ, лѣтъ двѣнадцать назадъ былъ основанъ въ кварталѣ Тестаччо дѣтскій пріютъ, которому было дано громкое имя «Roma». Секретаремъ, а вскорѣ и предсѣдателемъ комитета пріюта былъ избранъ Доменико Орано. Этотъ дѣятельный человѣкъ въ короткое время организовалъ здѣсь «комитетъ школьныхъ завтраковъ»—учрежденіе, раздающее ежедневно, при поддержкѣ коммуны, около 1000 пор-

ціи супа,—профессіональную женскую школу, пріютъ «Анита Гарибальди», народную библіотеку, концертный залъ, школьный кинематографъ, амбулаторію, «Народную школу гражданскаго воспитанія», «Комитетъ экономическаго и нравственнаго преуспѣянія квартала Тестаччо», «Залъ завтраковъ для бѣдныхъ матерей, кормящихъ грудью», безплатную раздачу молока бѣднымъ квартала и т. п. Интересуясь физическимъ и нравственнымъ развитіемъ воспитанниковъ и маленькихъ кліентовъ этихъ учрежденій, Доменико Орано пришелъ къ убѣжденію, что нельзя слѣдить за развитіемъ дѣтей, не зная близко и хорошо среды, въ которой они рождаются и живутъ. Могъ ли онъ не замѣтить, что семья зачастую разрушаетъ то вліяніе, которое могла бы оказать на воспитанниковъ самая образцовая школа? «Нужно отдалить дѣтей отъ вліянія дурной среды, изолировавъ школу отъ семьи»,—сказали бы иные педагоги.—«Нужно поднять авторитетъ школы до высоты, отрицающей вліяніе семьи»,—сказали бы другіе.—«Нужно сначала изучить семью»,—рѣшилъ Доменико Орано, и приступилъ къ этому изученію немедленно. Но, начавъ анкету среди семей своихъ кліентовъ, онъ понялъ, что лишь ими ограничить свою задачу невозможно. И вотъ, постепенно онъ расширилъ рамки своего первоначальнаго проекта, отдавшись съ рвеніемъ ученаго соціолога и общественнаго дѣятеля дѣлу подробнѣйшаго изслѣдованія быта бѣднѣйшаго изъ римскихъ кварталовъ. При сотрудничествѣ нѣсколькихъ преданныхъ дѣлу лицъ, онъ лично обошелъ большую часть доходныхъ домовъ, заселенныхъ бѣднотой, спрашивалъ жильцовъ объ условіяхъ ихъ жизни, о квартирной платѣ, о заработкахъ, о пищѣ, о здоровьѣ, житейскихъ привычкахъ, семейныхъ отношеніяхъ, умственныхъ запросахъ. Онъ измѣрялъ стѣны, опредѣлялъ количество кубическихъ метровъ воздуха, осматривалъ посуду, бѣлье, носильное платье, заглядывалъ въ кладовыя и отхожія мѣста, не упускалъ изъ виду ни лампады предъ иконой, ни цѣлости оконныхъ стеколъ. Онъ бесѣдовалъ съ привратниками, кабатчиками, полицейскими, одновременно роясь въ архивахъ коммуны, въ томахъ древней и средневѣковой исторіи, въ художественныхъ и археологическихъ изданіяхъ. Все, отъ прошлаго до настоящаго, отъ пирамиды Кая Цестія и черепка monte Testaccio—до стоптанныхъ башмаковъ кліентки дешеваго публичнаго дома должно было послужить ему для всесторонняго ознакомленія съ прошлымъ и настоящимъ бытомъ квартала Тестаччо. Его работа не носитъ строго ученаго характера; но, исполненная съ любовью и добросовѣстностью серьезнаго изслѣдователя, она не только даетъ разработанный матеріалъ для ознакомленія съ историческимъ кварталомъ, но и подводитъ фундаментъ подъ будущее болѣе полное обслѣдованіе быта всей

римской бѣдноты, если только найдется для такого колоссальнаго труда столь же преданный исполнитель. И поэтому правъ Доменико Орано, давъ первому тому своего изслѣдованія титулъ: «Какъ живетъ народъ въ Римѣ».

Къ какому же заключенію пришелъ Доменико Орано? Согласенъ ли онъ съ отзывомъ римскаго буржуа объ обитателяхъ Тестаччо, какъ объ «опасномъ сбродѣ?»

Такое мнѣніе — великій предразсудокъ, — отвѣчаетъ онъ римскому буржуа. Предразсудокъ, созданный и внушаемый главнымъ образомъ полиціей, которая всякое пробужденіе политическаго сознанія въ простомъ народѣ готова истолковать, какъ проявленіе опаснаго бунтовского духа. Но если въ обитателяхъ квартала Тестаччо ярче проявляется духъ протеста противъ авторитета власти, этотъ духъ, врожденный римскому народу и всегда въ немъ могучій, растетъ и разгорается здѣсь подъ вліяніемъ вѣчныхъ насилій полицейскихъ агентовъ, обращающихъ свое изощренное вниманіе на рабочій кварталъ не ради общественной безопасности, а изъ партійно-политическихъ соображеній.

Нѣтъ,—говоритъ намъ Орано,—народъ, несмотря ни на что, гораздо лучше, чѣмъ мы о немъ привыкли думать. И его реальная жизнь весьма отличается отъ фикціи, созданной о ней кабинетными соціологами и философами. Народъ, это—сырой матеріалъ высокой цѣнности, въ которомъ скрыта неисчерпаемая энергія; изъ него вырабатываются герои и преступники, гиганты и пигмеи, чудовищные пороки и высокія доблести.

Въ кварталѣ Тестаччо народное сердце бьется быстрѣе, такъ какъ здѣсь живутъ простолюдины, духъ которыхъ непокоренъ отъ природы, дѣйствія которыхъ импульсивны, рѣшенья быстры; они сентиментальны въ любви, жестоки въ ненависти, горды въ жестахъ и презрительны къ опасности; они одинаково склонны къ дружбѣ и къ мести, къ пожатію руки и къ поножевщинѣ Если до ихъ сознанія уже доходитъ, что ихъ жизнь стоитъ въ противорѣчіи съ прогрессомъ знаній, техники и гигіены,—то должны ли мы удивляться, что въ нихъ еще ярче разгорается духъ ненависти къ обществу, которое все еще основано на принципѣ господства немногихъ надъ массой и политическая организація котораго олицетворяется для народа въ авторитетѣ попа и карабиньера? Развѣ не поясняетъ это, почему анархистская пропаганда находитъ въ кварталѣ Тестаччо такъ много адептовъ? «Въ безпорядочномъ сожитіи половъ, въ вынужденномъ сожительствѣ здоровыхъ съ сифилитиками и туберкулезными, старыхъ съ молодыми, я понялъ,—говоритъ Орано,—таинственную драму этого народа,

которому государство преподноситъ правила морали и санкціи наказаній, оставляя его жить въ постоянно ухудшающихся экономическихъ условіяхъ, все болѣе его порабощающихъ. Народъ, который страдаетъ и работаетъ, часто не имѣетъ постели для отдыха, квартиры, въ которой нашли бы защиту отъ насильниковъ его дочери, воздуха для дыханія! Безъ поднятія экономическаго благосостоянія тщетно думать о воспитаніи и тщетно надѣяться на духовное возрожденіе рабочихъ слоевъ населенія!»

Эти послѣднія слова сказаны не напрасно. Римской общественной прозорливости не чужда философическая дальнозоркость благотворительныхъ дамъ, морализирующихъ народъ при помощи нравоучительныхъ популярныхъ книжекъ.

Въ Римѣ, напримѣръ, организовалось (нынѣ, къ счастью, уже угасло) общество, включившее съ свой составъ рядъ титулованныхъ особъ и задавшееся цѣлью ни больше ни меньше, какъ объяснять матерямъ, женамъ и мужьямъ изъ «простого народа» ихъ обязанности и правила нормальнаго жизненнаго уклада. Не знаю, было ли бы это дѣйственно, но думаю, что сильно бы поразился античный черепокъ горы Тестаччо, если бы съ вершины этой горы раздался голосъ благотворительной дамы, вѣщающій населенію квартала такія истины: «пить вино вредно», «курить табакъ вредно», «жена должна любить мужа и пришивать ему пуговицы», «дѣтей слѣдуетъ умывать всякій разъ, какъ они грязны, мѣняя имъ и рубашечку», «кушать нужно питательное, жить въ чистой и просторной квартирѣ окнами на югъ» и т. п. А вѣдь именно эту мораль, въ формѣ лекцій въ рабочихъ кварталахъ, собирались читать члены «общества морализаціи римскаго населенія». Не напоминаетъ ли это вамъ проектъ этикетки на водочныя бутылки: «вино—ядъ»?

Къ какимъ же выводамъ привела анкета, устроенная Доменико Орано среди населенія квартала Тестаччо? Къ выводамъ, въ общемъ весьма печальнымъ. Собственно разработка анкеты еще не закончена; именно второй томъ сулитъ намъ наиболѣе интересныя данныя о бытѣ Тестаччо, поскольку можно судить по отнесенному къ нему матеріалу—«семья, мораль, проституція, трактиръ, религіозность, политическія партіи, преступность, образованіе и воспитаніе». Первый томъ даетъ разработанныя таблицы лишь о квартирахъ рабочихъ, заработкахъ и пауперизмѣ, но и въ немъ не мало любопытныхъ данныхъ. Не останавливаясь на цифрахъ, я скажу лишь, что, изслѣдователь Тестаччо нашелъ здѣсь крайнюю сгущенность населенія въ квартирахъ. Встрѣчаются помѣщенія въ одну комнату, въ которой живутъ 10-16 жильцовъ; въ квартирахъ въ три комнаты умѣщаются 25—28 человѣкъ. Во всемъ кварталѣ

нашлось лишь 19 счастливцевъ, имѣющихъ каждый по особой комнатѣ, да 62 супружескихъ четы, располагающихъ комнатою для двоихъ. Но не только комнаты — даже постели не составляютъ здѣсь обычно предмета индивидуальнаго пользованія, такъ какъ сплошь и рядомъ одна большая, матримоніальная постель служитъ для ночного отдыха отцу, матери, взрослымъ и маленькимъ дѣтямъ. Ради экономіи пускаются въ комнату и посторонніе жильцы, которыхъ отъ взрослыхъ дочерей отгораживаютъ коленкоровой занавѣской. Говоря проще, каждая квартира вмѣщаетъ столько жильцовъ, сколько ихъ можетъ помѣститься, не давя другъ друга на смерть; на одного жильца въ общемъ приходится 1,75 кубическихъ метровъ воздуха. Кварталъ Тестаччо расположенъ близъ самаго Тибра, ночныя испаренія котораго опасны; поэтому на ночь окна всегда запираются даже и лѣтомъ. Впрочемъ, таковъ вообще обычай итальянцевъ. Можно представить себѣ воздухъ въ небольшой и низкой комнатѣ, гдѣ спитъ десятокъ взрослыхъ и дѣтей! Полиція, которой частенько приходится являться подъ утро въ кварталы мѣстной бѣдноты, при входѣ прежде всего бросается къ окнамъ и распахиваетъ ихъ, чтобы не задохнуться. Но обоняніе рабочаго люда не столь деликатно! Кровати стоятъ въ кухнѣ, въ корридорчикахъ, даже въ отхожихъ мѣстахъ, если они просторны. По свидѣтельству изслѣдователя, въ одной кухнѣ онъ нашелъ живущей семью изъ 8 человѣкъ—отецъ, мать и шестеро дѣтей; защитить себя отъ насѣкомыхъ они не могли, но хлѣбъ, оставшійся на утро, спасали отъ таракановъ, завертывая его въ носильное платье.

Итальянская плодовитость извѣстна; эта раса не имѣетъ ничего общаго со своей латинской сестрой—Франціей и плодится съ полной добросовѣстностью. Въ этомъ отношеніи кварталъ Тестаччо не является исключеніемъ, но зато даетъ исключительно высокую цифру дѣтской смертности. Однако проблема дѣторожденія настолько практически важна, что ставятъ ее передъ собой и рабочіе. И вотъ, Орано констатируетъ любопытное явленіе или наблюденіе: эпидемію абортовъ, начавшуюся и растущую за послѣдніе годы среди женъ рабочихъ, конечно—абортовъ при помощи знахарки, опытной сосѣдки и домашними мѣрами. Для Италіи, еще во многомъ патріархальной, такое явленіе чрезвычайно знаменательно. Оно даже сенсаціонно, и я помню цѣлую полемику, возникшую по поводу данныхъ, опубликованныхъ Орано въ газетной замѣткѣ задолго до выхода его книги. «Вы оскорбляете итальянскую мать!»—кричали по адресу изслѣдователя титулованные морализаторы, готовые спорить противъ цифръ. Одинъ извѣстный врачъ, имѣвшій кліентокъ и въ бѣдномъ кварталѣ, гордо заявилъ печатно, что къ нему никогда ни

одна popolana не обращалась за помощью въ абортѣ. «Тѣмъ хуже—отвѣтилъ ему Орано,—это лишь подтверждаетъ мои свѣдѣнія о томъ, что бѣдныя матери Тестаччо обходятся безъ врачебной помощи, тогда какъ для богатыхъ римлянокъ находятся услужливые спеціалисты!» Рабочее населеніе Тестаччо вообще не привыкло обращаться къ врачебной помощи, развѣ въ самыхъ исключительныхъ случаяхъ; къ такимъ случаямъ, по свидѣтельству книги, не относятся ни туберкулезъ, ни воспаленіе легкихъ. Роль врачей, какъ и роль профилактической гигіены, играютъ пока главнымъ образомъ иконы: Санта Лучіа—отъ болѣзни глазъ, Санта Аполлоніа—по части зубовъ, Санъ Теодоро—по дѣтскимъ недугамъ, Санъ Гаэтано—отъ холеры и т. п. Въ нужныхъ случаяхъ имъ зажигаютъ лампадки... Это, впрочемъ, далеко не указываетъ на религіозность населенія, являясь не болѣе какъ практическимъ полуязыческимъ пріемомъ умиротворенія источниковъ зла, невѣдомо откуда приходящаго...

Я не задаюсь цѣлью извлекать изъ книги Орано характерныя черточки бѣдной жизни рабочаго населенія. Что новаго могутъ сказать намъ самыя подробныя таблицы? Что городскую бѣдноту коситъ туберкулезъ? Что мыло здѣсь въ небольшомъ расходѣ? Что ежедневная порція молока—одна двадцатая литра на жителя? Что панацеей для всѣхъ золъ и бѣдъ рабочаго является кабачекъ и дешевое опьяненіе ужасными «національными» ликерами? Что нужда рабочаго родитъ богатство ростовщика, отъ непомѣрной корысти котораго —30% совершенно обычны,—итальянскій законъ никого не ограждаетъ? Но все это — каждодневное и повсемѣстное явленіе! Кварталъ Тестаччо не хуже и не лучше другихъ рабочихъ кварталовъ европейскихъ столицъ, и мы бы прошли мимо него, если бы не было на лицо одного обстоятельства, выше мною отмѣченнаго: вѣдь именно этотъ историческій кварталъ явился избранникомъ римской коммуны! Вѣдь это она рѣшила создать и, рѣшивъ, создала людской муравейникъ на «поляхъ римскаго народа!» Вѣдь значительная часть домовъ, населенныхъ рабочими семьями, спеціально для рабочихъ и выстроены подъ протекторатомъ коммуны, во исполненіе ея грандіознаго плана: создать въ мѣстности Тестаччо центральный, индустріальный районъ Рима и зону здоровыхъ и гигіеническихъ квартиръ для рабочаго населенія. И вотъ—результаты! Коммуна проектируетъ теперь много реформъ. «Когда государство и коммуна осуществятъ эти реформы,—пишетъ Орано, — экономическія условія квартала измѣнятся. Возможно, что семьи рабочихъ въ силу постепеннаго вздорожанія квартирныхъ цѣнъ эмигрируютъ одна за другой въ иные, болѣе удаленные кварталы, и «Тестаччо рабочій» исчезнетъ, уступивъ мѣсто «Тестаччо буржуазіи». Какія безотрадныя

строки и какія вѣрныя! Въ одномъ ли Римѣ наблюдается, что санитарное оздоровленіе извѣстной части города идетъ не на пользу его настоящаго населенія, а на пользу будущаго, такъ какъ данное населеніе бываетъ вынуждено передвинуться на новыя мѣста, куда еще не забралась эта аристократическая гостья—гигіена! Въ переводѣ на римскій языкъ и примѣнительно къ данному моменту усиленнаго домостроительства въ Римѣ, это означаетъ, что рабочее населеніе сушитъ своими тѣлами сырые новые дома, а высушивъ—отдастъ ихъ буржуазіи, выселяясь дальше къ окраинѣ для осушки новыхъ доходныхъ палаццо. «Сушить дома» — ходячее итальянское выраженіе. Но, оказывая буржуазіи эту услугу, рабочее населеніе оставляетъ ей и память по себѣ: микробъ туберкулеза, застрявшій въ подсохшихъ стѣнахъ!

Чувствую, что мнѣ пора откровенно признаться въ своей маленькой стратегической хитрости. Нынѣшняго читателя не такъ легко заманить на обозрѣніе статистическихъ страницъ, да еще касающихся заграничной жизни, и я потщился соблазнить его безхитростнымъ и легкимъ повѣствованіемъ черепка античной амфоры. Но я спѣшу исправиться и вернуться къ горѣ Тестаччо. Она представляется мнѣ однимъ изъ интереснѣйшихъ памятниковъ древности. Невзрачная, угрюмая, неряшливая, лишенная признака художественности, она подобна сфинксу, загадочному свидѣтелю прошлаго, молчащему о будущемъ. Она видѣла богатство и роскошь, политическій и экономическій расцвѣтъ древней римской имперіи, и сама родилась, какъ продуктъ отбросовъ этого величія. Она знаетъ, что это величіе было основано на порабощеніи человѣка человѣкомъ, на рабствѣ, которое не могло быть вѣчнымъ. Пало оффиціальное рабство, какъ пало язычество. И вотъ въ средневѣковомъ, христіанскомъ, папскомъ Римѣ та же гора была участницей кровавыхъ потѣхъ, въ которыхъ роль прежнихъ паріевъ-рабовъ заняли евреи, проклятые религіей милосердія; ихъ дѣлали посмѣшищемъ толпы, объектомъ ея дурныхъ инстинктовъ; ихъ скатывали въ бочкахъ съ Черепичной горы; на ихъ же деньги шесть столѣтій подъ рядъ устраивали игрища. И все это—въ угоду толпѣ прежнихъ рабовъ, сочувствіе которой было тогда рѣшающимъ для непрочныхъ панъ и борющихся фамилій. Затѣмъ прежніе рабы побѣдили на моментъ: былъ краткій мигъ хотя бы внѣшняго торжества принциповъ свободы, равенства и братства, мигъ братскихъ трапезъ на «поляхъ народа римскаго». Рушилось и это, какъ рушилось все прошлое. На зарѣ развитія техники и капитализма романтическіе художники спѣшили запечатлѣть на полотнѣ античныя развалины, увитыя зеленымъ плющемъ. Наступило новое время напряже-

нія силъ, безумной траты энергіи, расцвѣта новыхъ идей, тоже утопическихъ, но уже облеченныхъ плотью и оформленныхъ въ программы. Казалось—грядетъ свѣтлая эра человѣчества, поработившаго воздухъ и солнечный свѣтъ, заставившаго природу служить себѣ—въ отмѣну прежняго порабощенья человѣка человѣкомъ. И что же? Вокругъ Черепичной горы, вѣрнаго стража столицы свободной и объединенной третьей Италіи, выросли невзрачныя, наскоро слѣпленныя зданія, пріютившія творцовъ національнаго богатства—рабочихъ, съ ихъ семьями. И лишь тогда поняла ясно Черепичная гора, что смѣна вѣковъ, государствъ, владыкъ, правительствъ привела лишь къ узаконенію прежняго откровеннаго рабства на новыхъ началахъ: на началахъ скрытаго экономическаго насилія. И ей, незнакомой съ хитрыми соціальными науками, должно казаться страннымъ и непонятнымъ, въ чемъ же собственно прогрессъ? Прежніе рабы, сгибая спину, носили мраморъ, воздвигая прекрасные храмы языческимъ богамъ, создавая памятники искусства, до сихъ поръ противостоящіе времени и святотатственной рукѣ человѣка. Нынѣшніе рабы строятъ лишь неуклюжія и громоздкія казармы, чтобы осушить ихъ своими тѣлами и передать ихъ богатымъ людямъ. Пусть нынѣшній рабъ зовется гордымъ именемъ civis romanus; но въ чемъ же разница? Легче его трудъ? Выше его награда? Или бичъ нищеты ласковѣе бича надсмотрщика?

Такъ скептически, пусть нелогично, мыслитъ угрюмая Черепичная гора, крестоносецъ рабочаго квартала, свидѣтель вѣковой исторіи Вѣчнаго города. Ей суждено простоять еще долго и многаго быть безмолвнымъ свидѣтелемъ. Быть можетъ думы ея просвѣтлѣютъ, быть можетъ—станутъ еще угрюмѣе. Пока же лишь ничтожную частичку ея мыслей повѣдалъ намъ въ своей безхитростной повѣсти глиняный осколокъ античной амфоры, лежащій на моемъ столѣ...

М. А. Осоргинъ.

КЛЭРДЖИМЕНЫ.

(Письма изъ Лондона).

Разница между интеллигентными и не интеллигентными людьми основывается не на дипломѣ высшаго учебнаго заведенія и не на знаніи вообще, а на наличности другихъ потребностей и запросовъ, кромѣ шкурныхъ, и на отсутствіи разлада между идеаломъ и поступками. Пусть эти запросы, вслѣдствіе умственной темноты и заби-

тости, будутъ дики на взглядъ культурнаго европейца; но важно, чтобы они были. Важно, чтобы поступки соображались съ убѣжде ніемъ. Вотъ почему неграмотный прямолинейный послѣдователь самой грубой секты, оставляющій ради нея все то, что такъ дорого крестьянину, можетъ быть названъ интеллигентнымъ человѣкомъ, тогда какъ господинъ съ двумя университетскими дипломами, выполняющій дѣло, которому не можетъ сочувствовать («надо же какънибудь добывать хлѣбъ!»), будетъ человѣкъ неинтеллигентный. Что такое счастье, по понятію *средняго* интеллигентнаго человѣка, не Прометея? Счастье, это—разумное удовлетвореніе своихъ потребностей,—объяснялъ когда-то Гольбахъ. Счастье заключается въ возможности проявленія своей индивидуальности. Счастье въ томъ, чтобы отъ меня зависѣло заниматься тѣмъ дѣломъ, которое я люблю. Теперь представимъ себѣ, что человѣкъ вынужденъ всю жизнь заниматься дѣломъ, въ которое онъ не только не можетъ вложить свою индивидуальность, но въ которое онъ и не вѣритъ. Тутъ—драма, тѣмъ болѣе страшная, чѣмъ сильнѣе развита у человѣка совѣсть и чѣмъ серьезнѣе дѣло, въ которое утрачена вѣра. Въ наше время врядъ ли кто можетъ переживать такую сильную душевную драму, какъ *культурные* служители установленнаго культа. Мнѣ хочется набросать въ этомъ письмѣ нѣсколько портретовъ знакомыхъ англійскихъ клэрджимэновъ, пережившихъ драму. Извиняюсь заранѣе, если эти портреты будутъ набросаны самыми общими штрихами.

Когда-то на религіозныя сомнѣнія наталкивались только исключительные по калибру своего ума священники. Передъ скептикомъ лежали и лежатъ четыре пути: онъ можетъ или сложить съ себя санъ (чему раньше почти не бывало примѣра), или оставаться механическимъ исполнителемъ обрядовъ, глумясь надъ ними и надъ вѣрующими, или исполнять обряды, постоянно переживая глубокія страданія отъ сознанія своей нерѣшительности, или, наконецъ, онъ можетъ пытаться найти какое-нибудь примиреніе, хотя бы и призрачное, между вѣрой и разумомъ. Въ исторіи литературы есть знаменитый человѣческій документъ, показывающій глубокія страданія, переживаемыя священникомъ, утратившимъ вѣру и остающимся въ лонѣ церкви. Я говорю, о завѣщаніи Жана Мелье, приведенномъ впервые у Вольтера [1]). Жанъ Мелье былъ всю жизнь деревенскимъ священникомъ въ Шампаньи. Вышелъ онъ изъ крестьянъ. Въ приходѣ его очень любили и уважали за доброту, великое безкорыстіе и праведную жизнь. Онъ скончался въ 1733-мъ году, на пятьдесятъ пятомъ году. Жанъ Мелье оставилъ «за-

1) Oeuvres complètes de Voltaire (изд. 1875 г.), т. VI, стр. 536—556.

вѣщаніе», объемистую тетрадь, въ которой излагалъ свое міровоззрѣніе глубокаго скептика. Въ предисловіи къ «завѣщанію» несчастный священникъ проситъ прощенія у своихъ прихожанъ за то, что проповѣдывалъ имъ «ложь, которую ненавидѣлъ въ глубинѣ души». «Я видѣлъ и узналъ заблужденія, тщеславіе, злоупотребленія, безуміе и злость людскую; я ненавидѣлъ этихъ людей, но не смѣлъ имъ сказать этого при жизни; зато я выскажусь по крайней мѣрѣ хоть послѣ смерти. И съ этой цѣлью я написалъ мой трудъ, чтобы всѣ тѣ, которые прочтутъ его, могли узнать истину... Вы знаете, братья мои, мое безкорыстіе. Я не продалъ вѣру ради низкихъ интересовъ. И если я посвятилъ себя профессіи, столь противоположной моимъ убѣжденіямъ, то не изъ жадности... Я повиновался моимъ родителямъ. Я открылъ бы вамъ правду, если бы только смѣлъ... Вы можете засвидѣтельствовать, что я никогда не унижалъ священническаго сана вымоганіями за требы... Я торжественно заявляю, что презиралъ тѣхъ невѣрующихъ священниковъ, которые смѣялись надъ простотой и слѣпотой народа, дававшаго имъ деньги за молитвы. Какъ часто огорчало меня, что я не могъ помочь вамъ въ такой степени, какъ хотѣлъ бы. И не доказывалъ ли я вамъ всей моей жизнью, что мнѣ доставляетъ большее удовольствіе давать, чѣмъ брать? Всѣми силами удерживалъ я васъ отъ пустосвятства. Только въ самомъ крайнемъ случаѣ говорилъ я вамъ про наши несчастные догматы. Вѣдь надобно же было мнѣ дѣйствовать, какъ священнику! Но какъ сильно страдалъ я, когда бывалъ вынужденъ проповѣдывать вамъ благочестивую ложь, которую ненавидѣлъ въ глубинѣ души. Какъ презиралъ я мой санъ, а въ особенности суевѣрную мессу и связанныя съ нею дѣйствія, которыя надо выполнять торжественно, чтобы вызывать ваше благочестіе! Какія угрызенія совѣсти причиняло мнѣ ваше легковѣріе! Тысячу разъ я хотѣлъ провозгласить правду и раскрыть вамъ глаза, но каждый разъ меня удерживалъ страхъ, который заставилъ меня молчать до самой смерти».

«Завѣщаніе» доказываетъ, что въ первой половинѣ XVIII вѣка даже совершенно исключительные умы должны были пройти длинную дорогу, раньше чѣмъ добраться до первыхъ сомнѣній. Скептики того времени должны были сами приготовить каждый кирпичъ, чтобы построить зданіе ихъ сомнѣнія. Жанъ Мелье, напр., необходимо было долго вчитываться въ евангеліе, чтобы открыть то, что теперь можно найти въ любой критической исторіи Библіи. Во времена Жана Мелье евангельскіе тексты не были еще подвергнуты такому тщательному изслѣдованію, какъ въ XIX вѣкѣ, которое обнаружило несомнѣнно вставленныя позднѣе мѣста. Впро-

чемъ, могли ли бы такія мѣста поколебать вѣру, если даже страшныя катастрофы, передъ которыми въ смущеніи останавливались нѣкоторые, находили объясненіе? Вольтеръ, напр., по поводу гибели Лиссабона написалъ поэму, въ которой есть такіе стихи:

Direz-vous en voyant cet amas de victimes:
Dieu s'est vengé; leur mort est le prix de leurs crimes?
Quel crime, quelle faute ont commis ces enfants
Sur le sein maternel écrasés et sanglants?

(«Вы скажете при видѣ груды жертвъ:—Господь наказалъ ихъ; смерть ихъ является платой за преступленіе?—Но какое преступленіе, какой грѣхъ совершили эти дѣти, лежащія, раздавленныя и окровавленныя, у материнской груди?»). «Невѣрное разсужденіе—пишетъ по поводу этихъ стиховъ Жозефъ де Местръ.—Мы видимъ здѣсь отсутствіе вдумчивости и анализа. Конечно, въ Лиссабонѣ погибли дѣти, какъ погибли они въ Геркуланумѣ или еще раньше во время потопа. Когда Господь караетъ какое-нибудь общество за грѣхи, которые оно совершило, оно исправляется такъ, какъ мы въ подобныхъ случаяхъ. Предположимъ, что городъ возмутился, вырѣзалъ всѣхъ представителей короля, заперъ ворота и защищается. Королевскія войска берутъ городъ штурмомъ. Государь не только лишаетъ мятежный городъ всѣхъ привилегій, но велитъ разрушить его до основанія. Никто вѣдь не осудитъ этого распоряженія на томъ основаніи, что въ городѣ могутъ быть невинные? Не будемъ смѣшивать двухъ вещей. Городъ наказанъ потому, что онъ совершилъ преступленіе. Не сдѣлай онъ этого, городъ не пострадалъ бы. Вы меня спросите, почему невиновные пострадали вмѣстѣ съ преступниками? Это другой вопросъ, на который я не обязанъ отвѣчать. Признай я даже, что ничего не понимаю, справедливость перваго тезиса, т. е. что городъ наказанъ за преступленіе, остается незыблемой. Я могъ бы еще прибавить, что государь не могъ поступить иначе, какъ истребить невинныхъ вмѣстѣ съ виноватыми» [1]).

Итакъ, во времена Жана Мелье средній умъ былъ застрахованъ отъ сомнѣній. Въ XX-мъ вѣкѣ на нихъ очень трудно не натолкнуться. Доказательствомъ можетъ служить исторія моего знакомаго Макъ-Мэпуса. Передъ нами серьезный, никогда не улыбающійся человѣкъ лѣтъ сорока. При встрѣчѣ съ нимъ бросаются въ глаза широкій лобъ, характерный изгибъ рта и квадратный подбородокъ. На картинахъ Рибейры, у аскетовъ, восторженно прижимающихъ къ груди черепъ, можно видѣть такія лица. Теперь Макъ-Мэпусъ—писатель; но лѣтъ семь тому назадъ онъ носилъ сутану и на-

[1]) *Joseph de Maistre*, «Les soirées de Saint-Pétersbourg».

зывался отцомъ Гіацинтомъ. Онъ былъ католическимъ патеромъ, пламенно вѣровавшимъ. Только въ глубинѣ Ирландіи возможна еще въ наше время такая сильная, средневѣковая вѣра. И вотъ, однажды по дѣламъ отецъ Гіацинтъ пріѣхалъ изъ своего глухого Фойчеса въ Лондонъ, отправился утромъ хлопотать о дѣлѣ. Ему велѣли явиться черезъ четыре часа. Не зная, чѣмъ наполнить время, онъ отправился въ Британскій музей и сперва съ простымъ любопытствомъ бродилъ мимо изображеній крылатыхъ быковъ съ человѣческими головами, громадныхъ каменныхъ жуковъ, обломковъ колоннъ въ видѣ стебля лотоса и плитъ съ непонятными надписями. Отецъ Гіацинтъ посмотрѣлъ на безконечные глиняные цилиндры и плитки съ клиновидными письменами, на купчія крѣпости, запродажныя записи и торговыя росписки, выданныя 35 вѣковъ тому назадъ въ Ниневіи или въ Вавилонѣ, и пошелъ дальше. Затѣмъ хожденія по безконечнымъ заламъ съ образчиками культуры, раздѣленными десятками вѣковъ, утомили вниманіе священника. Онъ шелъ, не останавливаясь, передъ витринами, какъ вдругъ нѣчто поразило его вниманіе. Священникъ остановился передъ улыбающейся, почернѣвшей статуей Будды, у котораго на шеѣ висѣлъ крестъ. Рядомъ стояла витрина съ древне-буддійскими монетами, отчеканенными за много вѣковъ до Рождества Христова. И на этихъ монетахъ выбита была та форма креста, которая называется свастикой или гаммадіаномъ. Изъ буддійской залы отецъ Гіацинтъ попалъ въ одну изъ египетскихъ залъ. И тутъ смущеніе его было еще болѣе велико. Онъ увидѣлъ статую женщины съ младенцемъ на лѣвой рукѣ. Въ вытянутой внизъ правой рукѣ женщина держитъ изображеніе креста съ кольцомъ вверху. По надписи отецъ Гіацинтъ узналъ, что статуя изображаетъ богиню Изиду, съ младенцемъ Горосомъ на рукахъ. Въ семинаріи священника учили, что крестъ былъ въ древности орудіемъ жестокой и позорной казни; поэтому для язычниковъ онъ представлялъ предметъ ужаса и отвращенія, и только съ тѣхъ поръ, какъ Христосъ освятилъ его своею смертію, онъ сдѣлался символомъ искупленія человѣческаго рода и предметомъ почитанія для всѣхъ христіанъ. Теперь передъ смущеннымъ отцомъ Гіацинтомъ было неопровержимое доказательство, что въ Индіи и въ Египтѣ крестъ, за долго до Христа, былъ тоже почитаемымъ символомъ. Иначе какъ бы онъ попалъ на шею Буддѣ и въ руки Изиды? И отецъ Гіацинтъ уже съ опредѣленной цѣлью сталъ обходить залы, въ которыхъ собраны обломки сгинувшихъ культуръ. Въ древне-мексиканскомъ отдѣлѣ священникъ нашелъ вазу, украшенную крестами и отвратительнаго идола съ тѣмъ же символомъ на шеѣ. Въ римскомъ отдѣлѣ отца Гіацинта поразила статуя Діаны (копія) съ длин-

нымъ крестомъ, какъ съ посохомъ, въ рукахъ. Изображеніе креста священникъ нашелъ на предметахъ, представляющихъ древне-галльскую культуру. Было несомнѣнно, что разные народы имѣли этотъ священный символъ за много вѣковъ до того, какъ онъ былъ принятъ новымъ культомъ. Но если это такъ, то что означалъ этотъ символъ? Почему онъ такъ дорогъ былъ мексиканцамъ и галламъ, египтянамъ и индусамъ? Отецъ Гіацинтъ чувствовалъ, что приближается къ какой-то страшной пропасти, но не могъ не идти къ ней и воспользовался первымъ случаемъ, чтобы получить отпускъ на мѣсяцъ въ Лондонъ. Здѣсь онъ началъ работать въ библіотекѣ Британскаго музея. Мало-по-малу туманъ, покрывающій неизвѣстность, началъ разсѣиваться. Отецъ Гіацинтъ увидалъ, что исторію человѣчества, съ тѣхъ поръ какъ оно появилось на землѣ, можно раздѣлить на двѣ эпохи: до изобрѣтенія способа добыванія огня и послѣ него. Человѣчество облекло величественными легендами процессъ добыванія огня и считало священнымъ снарядъ для добыванія его, т. е. двѣ перекрещенныя палки. Свастика—это уже усовершенствованный снарядъ, съ ручками для болѣе удобнаго вращенія. Первые поэты періода, предшествовавшаго эолитическому, символизировали процессъ добыванія огня: тлѣющее отъ тренія дерева надо раздуть, требуется *дыханіе*, вошедшее въ отверстіе между брусками; чтобы оттуда появился огонь, или *сынъ* дыханія, возносящійся потомъ вверхъ. И отца Гіацинта поразили древне-христіанскіе кресты, на которыхъ *агнецъ* ставился на мѣстѣ перекрещенія. *Agnus* — вѣдь это по созвучію съ *Ignis* (огонь)! Изученіе сравнительной исторіи религій натолкнуло отца Гіацинта на другое страшное открытіе. Многія легенды культа и его символистика оказывались перенесенными изъ другихъ культовъ, которые или исчезли уже, или держатся еще въ Индіи. Съ ужасомъ отецъ Гіацинтъ узнавалъ легенды про бѣгство Изиды съ новорожденнымъ Горосомъ, про боговъ Индіи, приносившихъ себя въ жертву ради человѣчества. Моральное ученіе, безконечно трогавшее отца Гіацинта своею чистотою, тоже оказывалось коллективнымъ трудомъ человѣчества... Отецъ Гіацинтъ пережилъ страшную душевную бурю. Въ результатѣ явилось превращеніе католическаго патера въ мистера Макъ-Мэнуса. Теперь онъ литераторъ. Его спеціальность—исторія религій. Онъ перевелъ на англійскій языкъ «Міровую загадку» Геккеля. Книга эта въ Англіи вызвала страстную (и пристрастную) критику. Большею частью выступали противъ Геккеля священники. Такова, напр., критика свящ. Тритэма: «Геккель и его загадки» (Haeckel and his riddles) и крайне запальчивая брошюра Тэскера; «Разрѣшилъ ли Геккель загадки»? (Does Haeckel solve the

riddles?). Мистеръ Макъ-Мэнусъ отвѣтилъ англійскимъ критикамъ Геккеля обстоятельнымъ трактатомъ, замѣчательнымъ какъ убѣдительностью, такъ и ясностью мысли. Онъ одинъ изъ главныхъ участниковъ «Раціоналистической лиги», издающей по баснословно дешевой цѣнѣ ($16^1/_2$ коп.) такія книги, какъ «Происхожденіе видовъ», «Міровая загадка», «Эволюція идеи о божествѣ» (Грэнтъ-Аллена), лекціи Гексли, «Апологія Агностика» (сэра Лесли Стифена), «Происхожденіе религій» (Лэнга), «Мѣсто человѣка въ природѣ» (Гексли) и т. д. Въ «Церковномъ Ежегодникѣ» [1]), въ которомъ помѣщены догматы всѣхъ безчисленныхъ англійскихъ сектъ, я нахожу также статью Макъ-Мэнуса о томъ, каковы задачи *Раціоналистической лиги*. «Цѣль наша—споспѣшествовать свободѣ мысли и изслѣдованія въ области этики, теологіи и философіи; содѣйствовать введенію системы свѣтскаго образованія, дабы подготовить молодежь, умственно и морально, къ соціальной жизни; печатать и распространять даромъ или за деньги книги, брошюры и періодическія изданія, содѣйствующія освобожденію умовъ. Раціонализмъ можетъ быть опредѣленъ какъ философская система, принимающая главенство разума надъ всѣмъ, устанавливающая философію и этику, основанныя на опытѣ и не признающая ни произвольныхъ предположеній, ни непостигаемыхъ авторитетовъ». «Большая часть религіозныхъ догматовъ можетъ быть принята только тогда,—продолжаетъ мистеръ Макъ-Мэнусъ,—когда мы отрѣшимся отъ главенства разума... Члены Раціоналистической лиги убѣждены, что умственное и нравственное приспособленіе человѣка къ соціальной жизни можетъ быть достигнуто безъ руководства со стороны клэрджимэновъ и безъ вѣры въ сверхъестественное существо». Къ Раціоналистической лигѣ принадлежатъ теперь около 1500 человѣкъ. Въ числѣ членовъ мы находимъ англичанъ и иностранцевъ съ міровыми именами: тутъ Брандесъ, Геккель, Фёрниваль, Леонардъ Гексли, проф. Вестермаркъ и др.

Теперь представлю вамъ другого усомнившагося клэрджимэна, скончавшагося въ прошломъ году. Звали его мистеръ Кармайкель (фамилія измѣнены мною). Жанъ Мелье и отецъ Гіацинтъ—дѣти народа: отецъ одного былъ французскій крестьянинъ, отецъ другого—крестьянинъ ирландскій. Мистеръ Кармайкель, какъ всѣ священники англиканской церкви, вышелъ изъ верхне-средняго класса. У насъ въ Россіи и въ католическихъ странахъ деревенскій священникъ неизмѣримо бѣднѣе городского. Деревенскій батюшка или кюрэ—иногда крайне

[1]) Yearbook of the Churches.

забитое нищетой и духовнымъ начальствомъ существо. Въ Англіи какъ разъ наоборотъ. Такъ какъ въ деревенскіе священники идутъ младшіе сыновья помѣстной титулованной аристократіи, то «ректоръ» (настоятель) обыкновенно живетъ въ «mansion», имѣетъ карету и верховыхъ лошадей. И когда помѣщикъ осенью устраиваетъ охоту на лисицъ, на которую, по старинному обычаю, званымъ гостемъ является каждый изъ округи, у кого есть верховая лошадь,—«ректоръ» выѣзжаетъ на отличномъ конѣ, сопровождаемый собаками. Охота на лисицъ въ Англіи—зрѣлище любопытное. Какъ только собаки выгонятъ лису и она, распустивъ «трубу», пускается стрѣлой, за ней, съ удалымъ кликомъ: «тали-го-о!» «тали-го-о!» мчится вся кавалькада, не разбирая канавъ, живыхъ изгородей и турникетовъ. Мужчины въ красныхъ фракахъ и дамы въ черныхъ и красныхъ амазонкахъ, какъ кентавры, перескакиваютъ черезъ всѣ преграды. Часто охота кончается паденіемъ съ лошади и тяжелыми переломами костей. И впереди кавалькады, непосредственно за сквайромъ, мчится «ректоръ», выкликая что есть силы въ легкихъ: «тали-го-о! тали-го-о-о!»

Городской священникъ (англиканской церкви), обыкновенно младшій сынъ богатаго негоціанта, судьи или адвоката съ громадной практикой. Будущій клэрджимэнъ долженъ непремѣнно кончить Оксфордскій или Кэмбриджскій университетъ, для чего требуется, на наши деньги, не меньше 1800—2000 руб. въ годъ. Мистеръ Кармайкель кончилъ курсъ въ Оксфордѣ. Макъ-Мэпусъ—высокій, сухощавый, очень серьезный, никогда не улыбающійся человѣкъ. Кармайкель былъ коротенькій человѣкъ, съ сильной наклонностью къ округленію и тѣмъ не менѣе подвижный, какъ кусокъ калія, брошенный въ воду. Макъ Мэпусъ и теперь, въ черной визиткѣ, смотритъ переодѣтымъ монахомъ-траппистомъ; онъ любитъ больше всего одиночество. Кармайкель былъ человѣкъ общительный, живой, цѣнитель хорошей остроты. Ставъ священникомъ, онъ получилъ назначеніе въ Москву, въ мѣстную англиканскую церковь. За пятилѣтнее пребываніе въ Россіи Кармайкель выучился одному слову: «сапоги», съ которымъ обращался утромъ къ горничной. Слово это онъ произносилъ «сапàги». Его ухо никакъ не могло уловить разницу между словами «сапàги» (сапоги) и «собаки». Пять лѣтъ прошло, какъ пять дней. Мистеръ Кармайкель служилъ въ церкви, писалъ проповѣди, а въ свободное время, какъ въ Оксфордѣ, игралъ въ «крокетъ» или въ «гольфъ» (для футбола онъ былъ уже слишкомъ грузенъ). И вотъ Кармайкелю попалась книга Геккеля: «Эволюція человѣка». Сначала священникъ, никогда не читавшій книгъ по естественной исторіи, путался въ терминологіи, но, вслѣдствіе знанія греческаго языка,

неизмѣримо быстрѣе, чѣмъ «сапѣги», усвоилъ слова «монера», «металиризмъ», «планоцпты», «гипофизисъ», «энтодермъ», «дистелеологія» и т. д. «Эволюція человѣка» произвела на Кармайкеля, какъ онъ самъ мнѣ разсказывалъ, потрясающее впечатлѣніе. Онъ зналъ, конечно, что теперь англиканская церковь не относится къ критикѣ Библіи такъ непримиримо, какъ въ пятидесятыхъ годахъ, когда конклавъ десяти тысячъ клэрджимэновъ предалъ проклятію книгу священника Темпля: «Essays and Reviews». Кармайкель зналъ, конечно, что послѣ Лайелля и Дарвина пришлось очень много выбросить за бортъ. Англиканская церковь не могла также закрыть глаза на новѣйшія критическія изслѣдованія Ветхаго и Новаго завѣта. Широко образованные епископы не могли отдѣлаться простымъ презрительнымъ пожатіемъ плечъ, когда появились такіе труды, какъ напр. «The First Easter Dawn», Чарльса Тёрнера Горхэма. По поводу тѣхъ книгъ, которыя лежатъ въ основѣ культа, Горхэмъ писалъ: «Онѣ являются компиляціями, сдѣланными авторами, личность которыхъ, неизвѣстная намъ, не гарантируетъ правдивость того, что авторы показываютъ. Книги эти носятъ безчисленные слѣды крайней небрежности и недостаточнаго знанія фактовъ. Онѣ содержатъ миѳическій элементъ и свидѣтельствуютъ о томъ, что авторы были люди суевѣрные... Мы имѣемъ дѣло съ неизвѣстными писателями, которые въ трудно опредѣлимую эпоху, въ вѣкъ невѣжества и легковѣрія, записали преданія, зародившіяся неизвѣстно какъ и гдѣ... Мы знаемъ, что книги являются плохо выполненной компиляціей и что отрывки небрежно соединены вмѣстѣ» [1]). И такъ какъ всѣ эти тезисы неопровержимо доказаны, то епископамъ надо было сдѣлать что-нибудь. И вотъ, англиканская церковь, наружно отстаивая все свое ученіе въ цѣломъ, устами нѣкоторыхъ своихъ представителей провозгласила многое символами и восточными метафорами. Кармайкель зналъ все это; но ему казалось, что основныя начала культа не тронуты. Послѣ прочтенія «Эволюціи человѣка» Кармайкель убѣдился, что нельзя сохранить въ цѣлости зданіе, если весь фундаментъ разрушенъ. Клерджимэнъ понялъ, что самаго зданія уже не существуетъ, а есть только или иллюзія, или что-нибудь худшее. Кармайкелю говорили постоянно, что англиканская церковь примирила вѣру съ разумомъ. Ему указывали на книгу Ньюмана Смита [2]), какъ на солидный опытъ построенія вѣры на научномъ базисѣ. И когда Кармайкелъ обратился къ книгѣ Ньюмана Смита, онъ убѣдился, что авторъ только играетъ словами и научными терминами,

1) «The Fisrt Easter Dawn», стр. 16—18.

2) «Through Science to Faith».

утверждая, что теперь законъ эволюціи наконецъ перешелъ рубежъ органической жизни. Теперь, поэтому, человѣкъ, дойдя путемъ эволюціи отъ протоплазмы до положенія царя природы, будетъ эволюціонировать и дальше, т. е. станетъ безсмертнымъ. Вѣдь дѣйствіе закона эволюціи,—говоритъ Ньюманъ Смитъ,—не можетъ остановиться!

Когда старое міровоззрѣніе Кармайкеля рухнуло и онъ выработалъ себѣ новое, онъ нашелъ невозможнымъ для себя оставаться священникомъ. Онъ сложилъ санъ, хотя такимъ образомъ, прекращался источникъ дохода (около 5-ти тысячъ руб. въ годъ). У Кармайкеля было около 3 тысячъ рублей. Съ этими деньгами, забравъ жену и дѣтей, онъ поѣхалъ въ Іену, чтобы доучиваться подъ руководствомъ Геккеля. Я познакомился съ Кармайкелемъ позднѣе, въ Лондонѣ, гдѣ онъ состоялъ на службѣ при Дарвиновскомъ музеѣ. Бывшимъ священникомъ написанъ рядъ монографій, какъ «The Comparative Morphology of the Galeodidae», «Studies in Retina» и т. д., слишкомъ спеціальныхъ для того, чтобы я могъ оцѣнить ихъ. Теперь передо мною только что вышедшая посмертная книга его: «Нѣкоторые незамѣченные раньше факторы эволюціи», являющаяся результатомъ двадцати-лѣтнихъ изысканій въ области біологіи. До послѣдняго времени основной единицей въ біологіи считалась клѣточка. Полагается, что каждый организмъ состоитъ изъ сѣти клѣточекъ. Кармайкель, изучая ретину животныхъ, пришелъ къ заключенію, что она составлена изъ единицъ болѣе простыхъ, чѣмъ клѣточка. Въ своей книгѣ оно выясняетъ, какъ группируются «колоніями» эти «прото-клѣточки» и пытается намѣтить начало соціологіи въ біологіи.

До сихъ поръ мы видѣли клэрджимэновъ, ушедшихъ изъ церкви. Посмотримъ теперь на остающихся въ ней.

Аріосто съ поразительной для того времени смѣлостью изобразилъ религіозный фанатизмъ и нетерпимость въ видѣ страшнаго звѣря.

«Questa bestia crudele uscì del fondo
Dell'inferno».

(«Этотъ жестокій звѣрь выползъ изъ глубины ада»). «И вотъ, увидали, какъ изъ темнаго лѣса выходитъ звѣрь, отвратительный на видъ, жестокій и свирѣпый. Уши у него были какъ у осла, голова и зубы—какъ у волка, зачуявшаго добычу, когти—какъ у льва, а туловище и хвостъ,—какъ у лисицы. Звѣрь этотъ обрыскалъ Францію, Италію, Испанію, Англію, а потомъ и весь свѣтъ. И всюду онъ загрызъ тысячи людей... Отъ звѣря некуда было схорониться.

Стѣны и ворота падали отъ его дыханія. И звѣрь, наконецъ, потребовалъ себѣ божескихъ почестей. И до нашего времени звѣрь этотъ все растетъ, — продолжаетъ Аріосто, — становясь все злѣе и злѣе. Царство его еще будетъ продолжаться долго».

«Farà strage crudel, nè sarà loco
Che non quasti, contamini ed infetti» [1]).

(«Онъ надѣлаетъ страшныя опустошенія. Не будетъ на землѣ мѣста, котораго онъ не осквернитъ, не разоритъ и не отравитъ»). Къ великому несчастью, пророчество итальянскаго поэта оправдалось. Въ свое время звѣрь съ волчьими зубами и лисьимъ хвостомъ былъ и въ Англіи. Здѣсь въ его присутствіи вырѣзали въ XII вѣкѣ еврейскія общины въ Норичѣ, Эдмонсбери, Стэмифордѣ и Іоркѣ. Здѣсь пылали костры, зажженныя Маріей Кровавой для протестантовъ, и здѣсь же потомъ протестанты устраивали облаву на католиковъ, какъ на волковъ. Звѣрь *былъ* въ Англіи; онъ ознаменовалъ свое пребываніе здѣсь какъ и всюду, грудами растерзанныхъ тѣлъ, сожженными и разгромленными городами и глубокой ненавистью національности противъ національности. Къ великому счастью для Англіи и къ несчастью для другихъ странъ, звѣрь, «вышедшій изъ самой глубины ада», давно уже направилъ свой бѣгъ, какъ говорятъ, на востокъ.....

Теперь на англійскихъ церковныхъ конгрессахъ не слышны болѣе рѣчи, проникнутыя слѣпой нетерпимостью и глубокой ненавистью къ чужому мнѣнію. Англійскіе священники—люди культурные, прежде всего. И такъ какъ, чтобы удержаться, они могутъ разсчитывать *только* на свой авторитетъ, а не на содѣйствіе полиціи, то имъ надо считаться съ послѣдними завоеваніями разума и заботиться о примиреніи (хотя бы внѣшнемъ) между вѣрой и разумомъ. Говорю, конечно, не объ исключеніяхъ, о которыхъ скажу дальше нѣсколько словъ. И чтобы сдѣлать религію пріемлемой для разума, англійскіе священники выбрасываютъ иногда очень многое. Теперь, напримѣръ, громадное вліяніе на умы англійской молодежи имѣетъ краснорѣчивый священникъ, магистръ Кэмпбелль, основатель такъ-называемой «новой теологіи». Кэмпбелль проповѣдуетъ въ своей церкви пантеизмъ и критически относится ко *всѣмъ* параграфамъ regula fidei, формулированнымъ на іерусалимскомъ соборѣ. «Новая Теологія» не признаетъ, напр., догмата искупленія. Жизнь человѣка кончается съ его смертью. Царство Божье—на землѣ. Оно наступитъ тогда, когда всѣ люди станутъ братьями. Вотъ почему обязанность каждаго вѣрующаго,—говоритъ «Новая Теологія»,—стремиться къ

[1]) «Orlando Furioso», Canto XXVI.

искорененію неправды и насилія человѣка надъ человѣкомъ, къ возстановленію справедливости. Каждый дѣйствительно вѣрующій,— учитъ Кэмпбелль,—долженъ быть борцомъ за освобожденіе массъ. Въ «Церковномъ Ежегодникѣ» епископъ Горъ признаетъ новое ученіе «въ высшей степени важнымъ движеніемъ». «Кэмпбелль остановился на рядѣ вопросовъ, давно занимавшихъ насъ, — говоритъ епископъ, — ясно формулировалъ ихъ и сдѣлалъ достояніемъ массъ». И тотъ же епископъ Горъ въ недавней рѣчи, произнесенной въ Caxton Hall, требуетъ, чтобы служители церкви и вѣрующіе во главу угла поставили «соціальныя реформы», а не механическую обрядовую религію. «Меня постоянно поражаетъ то, что многіе усердные посѣтители церкви категорически отказываются признавать свои соціальныя обязанности,—говоритъ епископъ.— Почему это такъ? Чѣмъ обусловливается эта слѣпота ума и сердца? Часто я старался найти объясненіе факта, но не могъ. И теперь я вынужденъ только констатировать явленіе. Если вамъ надо осуществить въ жизни какую-нибудь соціальную реформу, то приходится обращаться къ помощи атеистовъ, потому что если вы обратитесь къ усернымъ посѣтителямъ церкви, они скажутъ: «не наше дѣло». Иногда я пытался угадать процессъ мысли у этихъ религіозныхъ людей. Они говорятъ, вѣроятно: Христосъ не былъ соціальнымъ реформаторомъ». И князь англиканской церкви доказываетъ, что Іисусъ Христосъ *былъ* соціальнымъ реформаторомъ. «Вспомните грозныя слова Христа о богачахъ, отъ которыхъ (т. е. отъ словъ) всѣ современные владѣльцы незаработаннаго приращенія должны были бы содрогнуться. Христосъ сказалъ, что блаженны неимущіе. Но развѣ бѣдняки въ древней Галилеѣ имѣли что-нибудь общее съ забитымъ населеніемъ нашихъ трущобъ? Конечно нѣтъ. Бѣдняки, о которыхъ говоритъ Христосъ, были зажиточными ремесленниками и рыбаками, какъ апостолы, являвшіеся хозяевами собственныхъ предпріятій. Христосъ основалъ церковь, т. е. братство всѣхъ людей. Если вы скажете мнѣ; «я не хочу политики; мнѣ нужна только чистая религія», я отвѣчу вамъ: «именно, дѣйствуя такимъ образомъ, вы являетесь страшными революціонерами; проходя спокойно мимо соціальной неправды, творящейся у васъ на глазахъ, вы переворачиваете міръ вверхъ дномъ» Епископъ, дальше, рисуетъ страшную картину страданія массъ. «Милліоны рабочихъ въ Англіи живутъ на рубежѣ нищеты. Легкій толчокъ можетъ сбросить ихъ въ пропасть безработицы. Неужели вы думаете, что Христосъ спокойно смотрѣлъ бы на все это, явись Онъ теперь среди насъ». Служитель церкви долженъ быть всюду, «гдѣ трудно дышится, гдѣ горе слышится». Гдѣ неправда, тамъ онъ долженъ стать на сторонѣ оби-

женнаго, все равно, имѣетъ ли передъ собою экономическій или политическій гнетъ». Такъ учитъ епископъ Горъ.

И мнѣ припоминается одинъ случай. Вообще говоря, очень не трудно затронуть людей «до глубины сердца». Для этого требуется только знаніе нѣсколькихъ довольно примитивныхъ пріемовъ и умѣнье пользоваться ими. Неизмѣримо труднѣе затронуть людей *до глубины кармана*, т. е. такъ, чтобы они, послушавъ оратора, сейчасъ же пришли на помощь къ страдающимъ. Француза, напр., очень не трудно тронуть «до глубины сердца», такъ какъ онъ реагируетъ немедленно (пылкими словами) на трогательную рѣчь. Но тронуть француза *до глубины кармана* ужасно трудно; если онъ и полѣзетъ туда, то обыкновенно, самое большее, за десятью сантимами. Въ мірѣ теперь, вѣроятно, нѣтъ другой націи, кромѣ англичанъ, которая ставила бы *всегда* знакъ равенства между двумя формами «троганья». И если англичанинъ тронутъ, онъ поспѣшитъ на помощь немедленно. И съ какою щедрою помощью! Въ Арменіи, напр., вырѣзали часть населенія. Что обывателю Іорка, напр., до армянъ? Но сейчасъ же образуется въ Іоркѣ комитетъ, который въ нѣсколько дней собираетъ въ Англіи десятки тысячъ рублей. Когда англійскіе квакеры въ 1891-мъ году узнали про голодъ въ Россіи, они въ самое короткое время собрали только между собою 800.000 руб. и послали ихъ съ мистеромъ Бруксомъ. Англичане и теперь пришли бы на помощь голодающимъ, но изъ какихъ-то соображеній лондонская пресса замалчивая все непріятное для русскаго правительства, замалчиваетъ также и голодъ. *Times* говоритъ только о блестящемъ финансовомъ положеніи Россіи, о сведеніи бюджета съ громаднымъ излишкомъ, о геніальной земельной реформѣ П. А. Столыпина, которую можно поставить рядомъ съ освобожденіемъ крестьянъ...

Въ 1904-мъ году англичанка, попавшая, какъ туристка, въ одинъ изъ самыхъ сѣверныхъ городовъ Европейской Россіи, случайно узнала отъ знакомаго англійскаго консула про систему административной ссылки и про тяжелое матеріальное положеніе ссыльныхъ. «Изгнанія безъ суда и слѣдствія» поразили англичанку. Она возвратилась въ Лондонъ и стала разсказывать про систему знакомымъ, вызывая у нихъ сомнѣнія. Въ концѣ концовъ, черезъ знакомыхъ, г-жа Н. (такъ мы назовемъ англичанку) обратилась съ письмомъ ко мнѣ. «Правда ли, что въ Россіи ссылаютъ людей безъ суда и слѣдствія, по одному подозрѣнію въ политическомъ преступленіи?» спросила она меня. Я отвѣтилъ, что правда. «Значитъ правительство, по простому подозрѣнію, безъ суда, можетъ разорить человѣка, оторвавъ его отъ дѣла и загнавъ на далекую

окраину?» Такъ писала мнѣ г-жа Н. во второмъ письмѣ. Я отвѣтилъ, что самъ пять лѣтъ провелъ въ Средне-Колымскѣ, Якутской области, хотя до сихъ поръ точно не знаю, въ чемъ меня обвиняли; конкретнымъ corpus delicti были двѣ переданныя брошюрки. Послѣ того, какъ я отправилъ мой отвѣтъ, прошло два мѣсяца. Однажды я получаю письмо съ просьбой явиться, въ качествѣ «эксперта» по административной ссылкѣ, къ извѣстному общественному дѣятелю. То есть меня просили сдѣлать докладъ на «drawing room meeting». Изъ письма я узналъ, что сформировался уже англійскій комитетъ для помощи административно сосланнымъ. Въ спискѣ членовъ комитета были все извѣстныя въ Англіи имена. Я опоздалъ только на три минуты, но когда я пришелъ, предсѣдатель былъ уже за столомъ. Меня смутило не только то, что я опоздалъ, но и еще одно обстоятельство. Предсѣдатель былъ въ сутанѣ и въ высокихъ гетрахъ, т. е. я по платью узналъ въ немъ епископа. Онъ сказалъ нѣсколько словъ, смыслъ которыхъ былъ тотъ, что служитель церкви не можетъ и не долженъ устраняться отъ жизни. Какъ теперь помню то смущеніе, которое овладѣло мною, когда мнѣ надо было говорить. Ораторъ, обыкновенно, начинаетъ: «Mister Chairman, ladies and gentlemen!» (г. предсѣдатель, милостивыя государыни и милостивые государи). И я сразу никакъ не могъ рѣшить, надо ли сказать: «Mister Chairman» или «My lord»...

Еще одинъ типъ клэрджимэна. Онъ—настоятель одной изъ двухъ церквей нашего округа. Въ другой церкви настоятелемъ состоитъ маленькій, сморщенный, сгорбленный Маѳусаилъ, не признающій никакихъ завоеваній разума. «Все обстоитъ какъ раньше»,—говоритъ онъ. Въ досужее время онъ пишетъ комментаріи къ «Чудесамъ Неба» и къ «Аду» Сведенборга. Вотъ и теперь предо мною лежитъ тоненькая книжечка, сочиненная священниками, изъ которой приведу нѣсколько выдержекъ: «Занятія ангеловъ на небесахъ не могутъ быть ни перечислены, ни описаны подробно, потому что этимъ занятіямъ нѣтъ числа... На небесахъ, какъ и на землѣ, существуютъ безчисленныя формы общественной службы, потому что и тамъ имѣются церковныя, гражданскія и домашнія дѣла». Любопытствуетъ ли кто узнать, гдѣ обрѣтается человѣкъ послѣ смерти? Старенькій клерджимэнъ и это доподлинно знаетъ. «Міръ, въ которомъ пребываютъ духи только что умершихъ людей, не небо и не адъ, а промежуточное пространство между ними. Отсюда духъ умершаго человѣка, спустя нѣкоторое время или судя по заслугамъ, возносится на небо, или низвергается въ адъ». Года два тому назадъ г. Стэдъ установилъ правильное почтовое сообщеніе съ міромъ, въ которомъ

витаютъ духи. Журналистъ этотъ разыскалъ на томъ свѣтѣ свою пріятельницу, нѣкую Джулію, и назначилъ ее почтмейстеромъ. Вы являетесь въ контору (на этомъ свѣтѣ), платите гинею и заявляете, кого вы желаете разыскать на томъ свѣтѣ. Дальнѣйшее надо предоставить редактору *Review of Reviews* и дѣвицѣ Джулін. Мистеръ Стэдъ, когда онъ не занятъ восхваленіями русскаго начальства, собираетъ письма къ нему Джулін съ того свѣта и издаетъ ихъ отдѣльнымъ сборникомъ. Въ послѣдней тетради *Review of Reviews* заявляется, что теперь уже нѣтъ больше тайнъ загробной жизни, такъ какъ всѣ онѣ раскрыты. Только вотъ г. Стэдъ расходится въ одномъ существенномъ пунктѣ съ моимъ пріятелемъ, клэрджимэномъ-Маѳусаиломъ. Джулія, по видимому, никакъ не можетъ найти, гдѣ помѣщается адъ, и существованіе его, поэтому, подвергается сомнѣнію. Старый же клэрджимэнъ, основываясь на показаніяхъ Сведенборга, приводитъ чуть ли не географическую широту и долготу ада. «Адъ раздѣленъ на разные кланы; отсюда слѣдуетъ, что есть нѣсколько адовъ». Авторъ можетъ дать самыя подробныя свѣдѣнія не только объ адскихъ жителяхъ, но и о свойствахъ адскаго огня,

А на разстояніи пяти минутъ ходьбы отъ церкви св. Маріи-въ которой настоятелемъ состоитъ Маѳусаилъ, находится церковь св. Михаила, настоятель которой объявляетъ рай, адъ и загробную жизнь только символами. И Робинсонъ (такъ зовутъ клэрджимена), и Маѳусаилъ принадлежатъ къ англиканской церкви.

Reverend Робинсонъ—соціалистъ. Есть значительная разница между англійскими и, скажемъ, русскими соціалистами, принадлежащими къ среднимъ классамъ. Русскій соціалистъ въ теоретическомъ спорѣ можетъ дать десять очковъ впередъ англійскому; но въ вопросахъ чисто практическихъ англійскій соціалистъ дастъ смѣло сто очковъ впередъ русскому. Reverend Робинсонъ, вѣроятно, въ спорѣ о теоріи цѣнности, о рентѣ и т. д. не могъ бы потягаться съ самымъ среднимъ русскимъ интеллигентнымъ соціалистомъ, твердо запомнившимъ Каутскаго и пять-шесть переводныхъ брошюръ. За то Робинсонъ самымъ детальнымъ образомъ изложитъ вамъ, какой соціалистическій законъ можно провести немедленно. Онъ войдетъ въ мельчайшія подробности, которыя тщательно продумалъ. Онъ приведетъ цѣлый рядъ цифръ, добытыхъ имъ не изъ брошюрокъ, а изъ синихъ книгъ и отчетовъ королевскихъ комиссій. На каждое возраженіе у Робинсона готовъ отвѣтъ, предвидѣнный заранѣе. Священникъ можетъ вамъ изложить законопроектъ о немедленной націонализаціи желѣзныхъ дорогъ или проектъ государственнаго страхованія, построенный на пропорціональномъ обложеніи незаработаннаго приращенія.

Мнѣ приходилось нѣсколько разъ бывать въ церкви св. Михаила на проповѣдяхъ Робинсона. Очень часто онъ выбираетъ политическія, экономическія, художественныя или литературныя темы. Я слышалъ, напримѣръ, проповѣдь о мистеріи «Чудо», поставленной теперь Максомъ Рейнгардтомъ въ «Олимпіи». Въ прошломъ году свящ. Робинсонъ произнесъ большую и интересную проповѣдь на тему: «Толстой какъ величайшій христіанинъ». Проповѣдникъ началъ съ того, что «русскій пророкъ, по причинѣ своей геніальности, величественности своего ученія и глубокой искренности, переступилъ преграды національности и теперь обращается не къ одному народу, а ко всему человѣчеству». «Теперь многіе заявляютъ себя христіанами, но у всѣхъ поступки радикально расходятся съ вѣрой. Толстой поступалъ такъ, какъ училъ». «Какъ и Галилеянинъ, Толстой высоко цѣнилъ трудящихся людей. И въ этомъ отношеніи русскій пророкъ сходился вполнѣ съ Рёскинымъ, который въ шестьдесятъ седьмомъ письмѣ «Fors Clavigera» говоритъ: «Физически невозможно, чтобы религіозное познаніе и чистая мораль существовали у классовъ, не зарабатывающихъ въ потѣ лица хлѣбъ насущный». Трудящіеся люди! Ваши заботы были заботами великаго русскаго пророка. Ваши проблемы были его проблемами. Въ самомъ дѣлѣ, одно время онъ думалъ, что страданія человѣчества можно облегчить частной благотворительностью, но быстро убѣдился, что такая помощь, вмѣсто пользы, приноситъ только вредъ».

Крупная широкоплечая фигура священника Робинсона очень эффектна, когда онъ проповѣдуетъ.

Пора кончать. Цѣлью моихъ замѣтокъ было показать, какъ, подъ вліяніемъ времени, клэрджимэны въ Англіи или уходятъ изъ церкви, не находя возможнымъ примирить свои сомнѣнія съ догматами, или выбрасываютъ многое за бортъ, сохраняя этическое ученіе. Эти священники настоятельно повторяютъ, что церковь не имѣетъ права отворачиваться отъ страшныхъ вопросовъ, выдвинутыхъ современными формами производства. Мы имѣемъ нѣсколькихъ Маусанловъ, въ родѣ настоятеля церкви св. Маріи, которые зажмурили глаза на все. Но вообще девизомъ англійскихъ священниковъ можетъ служить двустишіе Вольтера:

«Moins de dogme et plus de vertu,
Voilà le culte véritable».

Діонео.

ПИСЬМО ИЗЪ КОНСТАНТИНОПОЛЯ.

Въ комнатѣ пусто и неуютно. Невольно чувствуется, что раньше здѣсь была другая обстановка, болѣе подходившая и къ самому хозяину въ красной фескѣ на бритой головѣ, и къ этимъ оставшимся отъ прошлаго фантастическимъ и яркимъ коврамъ, настоящей ручной работы изъ Смирны. Теперь, вмѣсто широкихъ турецкихъ диванов, вѣнскіе стулья уныло вытянулись въ рядъ, такіе чуждые возлѣ обитыхъ коврами стѣнъ. На письменномъ столѣ домашній телефонъ (городского все еще не позволяютъ проводить изъ боязни «заговора», какъ и при Абдулъ-Гамидѣ!), парижскія бездѣлушки стиля модернъ, слоновой кости ножикъ съ изображеніемъ растрепанной головы Медузы и нѣсколько послѣднихъ книгъ новѣйшихъ представителей французскаго декадентскаго Парнаса.

Хозяинъ читаетъ мнѣ вслухъ свои собственные стихи. Широкое, изрытое оспой лицо, безъ бровей, съ маленькими карими глазами, свѣтится авторскимъ увлеченіемъ. Но, какъ и очень многіе авторы, читаетъ онъ очень скверно. Кромѣ того, научившись въ долголѣтнемъ изгнаніи свободно писать и говорить по-французски, онъ сохранилъ въ полной неприкосновенности то ужасное «восточное» произношеніе, которое преслѣдуетъ иностранца по всему Левантинскому побережью. Музыка стиха исчезаетъ для меня совершенно. Приходится слѣдить поневолѣ лишь за содержаніемъ.

— Посвящается памяти Бетховена!—объявляетъ мой любезный хозяинъ и тутъ же дѣлаетъ необходимое по его мнѣнію маленькое «à parт»: — Бетховенъ—это знаменитый композиторъ...

Чтеніе продолжается.

— Эпитафія Макбету!—слышу я спустя нѣкоторое время. Широкій пояснительный жестъ въ мою сторону: Макбетъ—это главный герой знаменитой трагедіи англійскаго писателя Шекспира... Размышленія на могилѣ Виктора Гюго... Викторъ Гюго—авторитетнымъ тономъ начинается неизбѣжное объясненіе и т. д. Я смотрю въ открытое окно. Тамъ смутно видѣнъ изгибъ далеко исчезающаго въ сумеркахъ меланхолическаго Босфора. Кое-гдѣ загораются огни на противуположномъ темномъ и высокомъ берегу. Одинокій минаретъ сосѣдней мечети рѣзко чернѣетъ на фонѣ поблѣднѣвшаго вечерняго неба...

По иронiи судьбы квартира моего амфитріона какъ разъ напротивъ тюрьмы, въ которой онъ нѣкогда сидѣлъ при печальной и кровавой памяти султанѣ Абдулъ-Гамидѣ. Только это было очень давно, много лѣтъ тому назадъ. Тогда Джеветъ-бей не былъ еще однимъ изъ первыхъ поэтовъ современной молодой Турціи, а лишь основывалъ кружокъ восторженныхъ и горячихъ патріотовъ, поклявшихся освободить родину отъ ведущаго ее къ гибели позорнаго режима. Кружокъ этотъ принялъ названіе «Комитета Union et Progrès». Но существовать ему пришлось не долго. Вслѣдствіе нескромности одного изъ заговорщиковъ полиція напала на вѣрный слѣдъ. Въ одну ночь было арестовано въ Константинополѣ нѣсколько сотъ членовъ новой организаціи. Создался первый младотурецкій процессъ. Въ числѣ прочихъ Джеветъ-бей послѣ долгаго тюремнаго заключенія былъ сосланъ въ Триполитанію, турецкую Сибирь тогдашняго гамидовскаго режима, гдѣ лучшіе люди страны безплодно гибли среди песковъ пустыни. Джеветъ-бею удалось бѣжать. Врачъ по образованію и человѣкъ обладающій большимъ состояніемъ, онъ немедленно вошелъ въ высшіе литературные и общественные круги Лондона, Вѣны и Парижа. Переселившись потомъ въ Женеву, онъ началъ издавать революціоннаго направленія журналъ и сгруппировалъ вокругъ себя турецкую эмиграцію того времени. Комитетъ «Union et Progrès» возродился за границей. Развѣтвленія его широко раскинулись по всей Турціи, гдѣ особенно энергично работалъ другъ Джевета, знаменитый докторъ Назимъ. Султанъ снова обезпокоился. Время было глухое.

— Ликвидируйте ваши дѣла,—прислалъ сказать въ Женеву Абдулъ-Гамидъ,—и я за это обязуюсь провести рядъ требуемыхъ вами реформъ и амнистирую всѣхъ политическихъ заключенныхъ.

Мнѣнія заграничныхъ руководителей младотурокъ раздѣлились. Одни, болѣе умѣренные, съ Джеветъ-беемъ во главѣ, совѣтовали взять, что добровольно даютъ, и потомъ уже думать о дальнѣйшемъ. Другіе, вдохновителемъ которыхъ являлся докторъ Назимъ, наоборотъ, настаивали на продолженіи борьбы безъ принятія какихъ бы то ни было условій. Джеветъ-бей и его приверженцы восторжествовали. Изданіе женевскаго журнала было прекращено, революціонныя организаціи распущены: первые младотурки повѣрили на слово заманчивымъ обѣщаніямъ султана. Но Абдулъ-Гамидъ остался вѣренъ самому себѣ. Правда, съ вернувшимся въ Константинополь Джеветомъ и его друзьями онъ ничего не сдѣлалъ, но такъ же не сдѣлалъ ровно ничего ни для выполненія обѣщанныхъ реформъ, ни для амнистіи политическимъ заключеннымъ. Прошло нѣсколько лѣтъ. Новые люди, а изъ прежнихъ все тотъ же докторъ Назимъ,

встали во главѣ тайнаго комитета; произошелъ государственный переворотъ, вчерашніе узники и изгнанники сегодня очутились у власти, давнишнія завѣтныя мечты Джевета осуществились, хотя и при помощи другихъ людей, а самъ онъ за это время успѣлъ выдвинуться въ первые ряды турецкой молодой интеллигенціи, какъ плодовитый и трудолюбивый ученый и поэтъ. Одинъ перечень его переводовъ, научныхъ и поэтическихъ трудовъ занялъ бы цѣлую страницу. Онъ съ одинаковой легкостью пишетъ какъ на французскомъ, такъ и на родномъ своемъ языкѣ. Теперь въ его домѣ литературный и интеллектуальный центръ Константинополя, и онъ пригласилъ сегодня нѣсколькихъ наиболѣе выдающихся своихъ друзей, чтобы показать мнѣ, по его собственному выраженію, «nos grands esdrits de l'Orient et nos jeunes fronts inspirés»...

Съ произведеніями самого хозяина я былъ знакомъ уже раньше. Съ ними случилась та же неизбѣжная при данныхъ условіяхъ метаморфоза, которую пришлось испытать на себѣ и правящему нынче обновленной Турціей Комитету «Единенія и Прогресса». Когда Джеветъ-бей боролся за лучшее будущее турецкаго народа, имъ было написано не мало красивыхъ страницъ, захватывавшихъ читателя если не своею талантливостью, то по крайней мѣрѣ искренностью и простотой. Тогда и полюбили его такіе же, какъ и онъ, скорбящіе о судьбахъ родины турецкіе патріоты; тогда же впервые ему дали оставшееся за нимъ съ тѣхъ поръ почетное имя «нашего національнаго поэта». Въ тотъ моментъ онъ слѣдующими словами опредѣлялъ самого себя и ищущихъ вмѣстѣ съ нимъ для Турціи дороги изъ мрака къ свѣту: «наша цѣль—спасеніе человѣчества... Въ блескѣ нашихъ глазъ угадывается ожидающая насъ участь. Мы растемъ среди добровольнаго страданія».

Но боровшіеся въ тѣ грустные и сѣрые годы безвременья были одиноки. «Когда черная ночь стучится къ тебѣ въ двери—кто захочетъ узнать: улыбаешься ли ты или рыдаешь?»—спрашиваетъ Джеветъ-бей въ одномъ изъ своихъ сонетовъ.—«Не все ли равно для судьбы? Равнодушная, она проходитъ мимо тебя. Гигантъ, давящій ничтожнаго муравья, его не замѣчая»... И мало-по-малу отчаяніе охватываетъ усталое сердце. Невольно глаза обращаются туда, гдѣ живетъ за неприступными стѣнами предполагаемый виновникъ всего ужаса жизни, всѣхъ ея обманутыхъ надеждъ и ожиданій. Но, увы! и онъ тоже несчастенъ въ своемъ роскошномъ дворцѣ!.. И онъ, властелинъ милліоновъ безотвѣтныхъ рабовъ, наслѣдникъ Пророка и тѣнь Аллаха на землѣ, какъ жалкій рабъ мечется передъ грознымъ призракомъ надвигающагося неизбѣжнаго.—«Ночь смотритъ на него своими бездонными очами. И чудится ему, что въ нихъ мелькаютъ

кровавые отблески его же собственныхъ преступленій. Комары душатъ его въ одинокой постели. Приносящій людямъ отдохновеніе Морфей приноситъ ему ночью только тоскливыя мученья. Тянутся безконечные часы. Чутко молчитъ безсонная тишина. Утренняя заря загорается на востокѣ, но она будитъ въ немъ лишь новыя угрызенія совѣсти... Съ отравленной душой онъ бросается, утомленный на постель, но подушка его измятая отъ безсонницы, кишитъ шипящими змѣями, и нѣтъ ему и не будетъ ни отдыха, ни покоя!..»

Новое время принесло съ собой новыя пѣсни. Кошмары пережитаго какъ будто исчезли при свѣтѣ наступившаго для обновленной Турціи яснаго утра. Джеветъ-бей настроилъ свою лиру на мажорный ладъ. Теперь, послѣ сверженія прежняго режима, все возможное было, по его мнѣнію, достигнуто; пора, значитъ, почить на лаврахъ отъ трудовъ своихъ и заняться исключительно лишь искусствомъ для искусства». Но онъ упустилъ при этомъ изъ виду одно маленькое обстоятельство, которое все же имѣетъ весьма большое значеніе: собственнаго своего «чистаго искусства» въ Турціи нѣтъ и никогда не было, такъ что волей-неволей пришлось выписывать его у чужихъ людей изъ-за границы. Чужеземныя растенья очень быстро завяли въ неподходящей для нихъ турецкой почвѣ, или дали чахлые, блѣдные, на самихъ себя непохожіе ростки. Когда Джеветъ писалъ свои прежнія, полныя горя и негодованія стихотворенія на «гражданскіе мотивы», когда муза его откликаясь сочувственнымъ эхомъ на страданья турецкаго народа, являлась дѣйствительно «музой мести и печали»—тогда въ его подчасъ наивной поэзіи билъ ключемъ живой и свѣжій родникъ истиннаго творческаго вдохновенья. Но поэтъ періода мятущихся исканій младотурецкой интеллигенціи и поэтъ ея современнаго періода, когда она «уже нашла» и больше ей ничего не нужно,—два совершенно различныхъ человѣка, и второй—уже не прежній художникъ, а робкій и слабый подражатель наиболѣе нелѣпыхъ и извращенныхъ французскихъ и итальянскихъ литературныхъ модернистовъ. Даже заглавія новыхъ его произведеній поражаютъ своей ненужной вычурностью и стремленіемъ «вящe изломиться». Тутъ есть «проклятыя четверостишія и осиротѣлые сны», «обжоги души» чередуются съ «райскими огнями и адскими розами»; собственные свои стихи авторъ съ внезапной скромностью называетъ «хилыми, какъ жизнь, но мощными и горькими, какъ смерть», и такъ далѣе въ томъ же родѣ... Чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ—и въ своихъ позднѣйшихъ произведеніяхъ Джеветъ-бей заботится лишь о томъ, чтобы поразить воображеніе читателя какимъ-нибудь новымъ, небывалымъ еще эпитетомъ, совер-

шенно недопустимой по грамматическимъ правиламъ перестановкой словъ, изысканностью формы, хотя бы и въ ущербъ содержанью. Сюжеты его стихотвореній тоже мѣняются. О Турціи, турецкомъ народѣ, страданья и идеалы которыхъ такъ недавно еще были его собственными страданьями и идеалами, больше уже ни полъ-слова. Теперь начинаютъ воспѣваться «лира, женщина и музыка»—три кита, на которыхъ авторъ строитъ свое новѣйшее міросозерцаніе, при чемъ лира полагается лишь для «эротическихъ пѣсенъ», женщина—въ видѣ красивой и пріятной для времяпровожденія бездѣлушки, а музыка—для «самозабвенія и погруженія въ Нирвану»... Странное впечатлѣніе производятъ стихотворенія «мирнаго» періода литературнаго творчества Джеветъ-бея. Если бы на заголовкѣ каждой книги не стояло явно турецкое имя, если бы въ предисловіяхъ французскіе знатоки Ближняго Востока не описывали въ лестныхъ выраженіяхъ біографію автора, съ указаніемъ мѣста его рожденія гдѣ-то въ центрѣ Малой Азіи, можно было бы подумать, что всѣ эти «палитры бездны», «эпитафіи Макбету» и т. п. написаны на берегахъ Сены однимъ изъ начинающихъ, но подающихъ уже надежды членовъ какого-нибудь парижскаго клуба «des poétes modernistes indépendants»..

Вообще въ настоящій моментъ въ Константинополѣ, въ его болѣе или менѣе интеллектуальныхъ кругахъ, царитъ исключительно французская литература. О литературахъ другихъ странъ, въ особенности сѣверныхъ, знаютъ только по наслышкѣ, а о нѣкоторыхъ не знаютъ ровно ничего. Кнутъ Гамсунъ, напримѣръ, для турецкаго интеллигента абсолютно незнакомое имя. Изъ русскихъ писателей читали Толстого и Тургенева, а весьма многіе лишь слыхали о ихъ существованіи, но за недосугомъ не успѣли съ ними ознакомиться поближе... Но и изъ французской литературы далеко не классики, не Викторъ Гюго, не Анатоль Франсъ или Гюи де-Мопассанъ являются «властителями думъ» турецкаго молодого поколѣнья. Для «избранныхъ» любимѣйшіе авторы—Поль Верленъ, Ростанъ, для остальной публики—«божественные, несравнимые и очаровательные академики» Пьеръ Лоти, Поль Бурже, Марсель Прево и парижскіе бульварно-уголовные романисты.

Пьеръ Лоти особеннымъ успѣхомъ пользуется въ гаремахъ, гдѣ, впрочемъ, лавры его раздѣляетъ въ равной степени и Поль Бурже, преимущественно «великосвѣтскаго» періода его литературной дѣятельности. Послѣ прогремѣвшаго романа Пьера Лоти «Les Desenchantées», несмотря на его явное убожество въ изображеніи психологическихъ переживаній героевъ и героинь и абсолютное незнаніе дѣйствительной жизни турецкаго гарема, нѣтъ сейчасъ въ

Константинополѣ турецкой женщины «изъ общества», для которой этотъ романъ не былъ бы настольной книгой. Секретъ успѣха очень простъ: воспитанныя съ дѣтства на французской литературѣ, константинопольскія «ханумъ» всего меньше желаютъ быть похожими на самихъ себя; ихъ идеалъ—изящныя, такъ тонко чувствующія, такъ элегантно изъясняющіяся на отборнѣйшемъ литературномъ языкѣ парижскія виконтессы. Поль Бурже съ береговъ далекой Сены прислалъ имъ въ желтенькихъ книжечкахъ точныя описанія недосягаемыхъ на берегахъ Золотого Рога идеаловъ. А Пьеръ Лоти внезапно взялъ да выкинулъ изъ своего «турецкаго» романа турецкихъ настоящихъ женщинъ, замѣнивъ ихъ виконтессами изъ Поля Бурже. Естественно, что для скучающихъ и рвущихся мечтой въ Парижъ затворницъ современнаго гарема было очень лестно найти у себя, въ своей средѣ, такія же глубокія психическія переживанія, такія же тонкія и аристократическія чувства какъ и у описанныхъ Полемъ Бурже великосвѣтскихъ парижанокъ. На самомъ дѣлѣ жизнь турецкой женщины по прежнему груба и безотрадна. Реформы младотурокъ въ этой области коснулись только «чирчака», — верхняго покрывала, которое надѣвается при выходѣ на улицу. До реформы вуаль «чирчака» была болѣе прозрачной, такъ что можно было свободно дышать и лицо не казалось герметически закупореннымъ въ частую, черную сѣтку. Теперь вуаль приказано дѣлать еще гуще, и несчастныя женщины, выходя куда-нибудь по дѣламъ, принуждены окончательно задыхаться отъ жары и духоты въ своихъ «чирчакахъ», дѣлающихъ ихъ похожими на неуклюжіе двигающіеся фіолетовые, черные и синіе мѣшки. Дальше чирчака дѣло не пошло. Гаремная обстановка осталась безъ всякихъ измѣненій, хотя самого гарема въ прежнемъ значеніи этого слова больше почти не существуетъ. Новыя экономическія условія, вздорожаніе жизни и т. д. позволяютъ теперь имѣть больше одной жены только очень богатымъ людямъ. Немалую роль играетъ при этомъ и полное исчезновеніе женскаго національнаго костюма. Только на улицѣ турецкая женщина изъ общества имѣетъ видъ безформеннаго и безобразнаго мѣшка. Придя домой и сбросивъ ненавистный чирчакъ, она ничѣмъ не отличается отъ любой своей западно-европейской товарки. Послѣднія парижскія моды немедленно привозятся въ Константинополь—тѣ же «jupes entravées, тѣ же бальныя платья съ открытымъ декольте; на вечернемъ пріемѣ у жены какого-нибудь паши, можно вообразить себя среди собравшихся безъ мужского общества героинь Марселя Прево или иного бытописателя парижскаго «beaumonde'a. Французскій языкъ преобладаетъ. Но если всѣ похожи здѣсь на великосвѣт-

скихъ парижанокъ, то времяпровожденіе ихъ показываетъ все же, что берега Босфора отсюда не далеко! Каждая входящая женщина, если пріемъ происходитъ у жены человѣка, въ общественномъ или іерархическомъ отношеніи стоящаго выше ея мужа, обязана, наклонившись до земли, поцѣловать у хозяйки кончикъ платья. Въ мужскомъ обществѣ этотъ раболѣпный обычай сохранился только въ видѣ не лишеннаго извѣстнаго изящества «символическаго жеста»: при встрѣчѣ два турка поспѣшно опускаютъ внизъ правую руку, какъ бы поднимая съ земли прахъ отъ ногъ своего знакомаго, затѣмъ дѣлаютъ видъ, что цѣлуютъ этотъ прахъ и прикладываютъ его ко лбу. Но подобный церемоніалъ продѣлывается лишь по отношенію лицъ высокопоставленныхъ; лица одинаковаго соціальнаго положенія обыкновенно ограничиваются простымъ прикладываньемъ правой руки къ губамъ и къ фескѣ. Женщины же обязаны строго придерживаться старинаго этикета. Такимъ образомъ, мечтающая походить на виконтессу Поля Бурже молодая турчанка, въ узкой и неудобной «jupe entravée» послѣдняго парижскаго фасона, должна при посѣщеніи какой-нибудь пріятельницы, у которой мужъ—паша или придворный, униженно кланяясь искать губами ея платье. Хозяйка иногда этого не допускаетъ, приглашая вновь пришедшую даму занять мѣсто, опять-таки по чину ея мужа, но безъ рабскаго лобызанія. Въ оффиціальномъ собраніи гостьи обыкновенно молчатъ. Ихъ обносятъ конфектами и прохладительными напитками, но всѣ, отдавая должную дань угощенью, въ то же время непріязненно смотрятъ въ глаза хозяйки. Когда послѣдняя дѣлаетъ какой-нибудь дамѣ знакъ, та, въ особенности если мужъ ея не успѣлъ особенно выдвинуться на поприщѣ чиновъ и отличій, поспѣшно поднимается и въ скромной позѣ ждетъ перваго хозяйскаго слова для начала разговора.

Существованіе современной турчанки «изъ общества» полно такого рода безсмысленныхъ и нелѣпыхъ противорѣчій. О положеніи женщинъ изъ низшихъ классовъ не приходится и говорить! Тамъ всецѣло властвуютъ «хаджи», съ ихъ деспотическими толкованіями корана, и всякій мужъ—неограниченный владыка у себя въ домѣ. Но характерно, что при разговорахъ съ европейскими женщинами турчанки очень рѣдко жалуются на свою долю. Большею частью онѣ какъ будто гордятся тѣмъ, что имъ приходится сидѣть взаперти, быть игрушкой въ рукахъ мужчины—«У насъ на Востокѣ другіе нравы, чѣмъ у васъ»—обычный отвѣтъ на разспросы любопытствующей иностранки;—«мы своимъ положеніемъ довольны»...

Напрасно было бы вѣрить подобнымъ утвержденіямъ. Вообще, на Востокѣ трудно, а часто и абсолютно невозможно добиться

правды; «гяуръ» всегда останется въ глазахъ правовѣрнаго существомъ низшаго порядка, передъ которымъ совсѣмъ не нужно раскрывать свою душу... Масса тяжелыхъ и скрытыхъ драмъ происходитъ въ Константинополѣ за глухими и неприступными стѣнами современнаго гарема. Особенно мучительно надѣвать «чирчакъ» и изъ болѣе или менѣе свободнаго человѣка превращаться въ безсловесную рабыню дѣвочкамъ-подросткамъ въ возрастѣ 14—15 лѣтъ, такъ какъ до этого періода онѣ имѣютъ право выходить на улицу съ открытыми лицами, а также женамъ турецкихъ студентовъ и чиновниковъ, прожившимъ нѣкоторое время въ Западной Европѣ. Да и въ самой Турціи, гдѣ первоначальное образованіе всецѣло находится въ рукахъ у французскихъ монахинь, дѣти усваиваютъ себѣ чисто европейскіе взгляды на многія вещи. Тѣмъ труднѣе и мучительнѣе потомъ, по возвращеніи въ семью, процессъ разрушенія заложенныхъ въ школѣ принциповъ. Французскихъ школъ въ странѣ болѣе пяти тысячъ. Въ нихъ ежегодно воспитывается нѣсколько десятковъ тысячъ турецкихъ мусульманскихъ дѣтей обоего пола. Преподаваніе ведется на монастырскій католическій манеръ: маленькихъ турокъ и турчанокъ заставляютъ зубрить наизусть «Credo», священную исторію и т. п. По утрамъ и по вечерамъ общая молитва. Родители-мусульмане, скрѣпя сердце, принуждены ввѣрять первоначальное воспитаніе своихъ дѣтей «гяурамъ», въ надеждѣ потомъ при помощи муллъ и хаджъ, наверстать потерянное для изученія корана время. Желающихъ проходить общеобразовательныя науки безъ закона Божія въ эти школы не принимаютъ. Первоначальное же образованіе въ странѣ, несмотря на увѣренія младотурокъ, поставлено изъ рукъ вонъ плохо; поэтому французскіе католическіе монастыри и въ обновленной Турціи по прежнему остаются единственными разсадниками просвѣщенія.

Объ отрицательныхъ сторонахъ монастырскаго воспитанія говорить, конечно, не приходится. Турецкая дѣвушка, по окончаніи школы, изъ одной нездоровой атмосферы переходитъ въ другую—въ гаремъ, гдѣ немедленно же начинаютъ вытравлять изъ ея еще не сложившагося, полу-дѣтскаго міросозерцанія внушенныя ей монахинями «гяурскія» понятія и замѣнять ихъ «правовѣрнымъ пониманіемъ жизни и ея задачъ». Современная турецкая женщина изъ общества воспитывается между двухъ религій. Отставъ отъ одной и не пристав къ другой, она на всю жизнь остается глубоко индифферентной вообще къ какому бы то ни было исканію идеала, ибо въ раннемъ дѣтствѣ ее сначала учатъ, что все святое и возвышенное для ея родителей—фальшь и ложь въ глазахъ ея учителей, а затѣмъ родители доказываютъ, съ фактами и цифрами въ рукахъ,

что все, чему ее учили въ школѣ—ложныя выдумки «собакъ-гяуровъ». Съ опустошенной душой, въ душной обстановкѣ домашнихъ сплетень, подъ раздражающимъ и дразнящимъ воображеніе вліяніемъ французской бульварной литературы вступаетъ турецкая дѣвушка въ монотонную и сѣрую полосу своего гаремнаго существованія. У нея нѣтъ ни общественныхъ интересовъ, ни даже развлеченій, ибо нельзя же назвать развлеченіемъ поѣздки по пятницамъ въ каикѣ, въ исключительно женскомъ обществѣ, на такъ называемыя «аззатскія сладкія воды»... Театръ для турецкой женщины—недоступное мѣсто, предметъ неясныхъ и не сужденныхъ когда-нибудь сбыться мечтаній. Въ Смирнѣ, въ памятные дни свободъ, когда и женщина въ Турціи попробовала-было поднять несмѣло голову и оглядѣться вокругъ, толпой разъяренныхъ фанатиковъ было зарѣзано нѣсколько турчанокъ, явившихся открыто, на глазахъ у всѣхъ, брать билеты въ театральной кассѣ. Съ заходомъ солнца турецкая женщина должна быть уже дома. Теперь, послѣ усиленныхъ разъясненій комитета «Union et progrès», что сверженіе прежняго режима отнюдь не означаетъ проведеніе какихъ бы то ни было европейскаго характера реформъ, любой «хамялъ», носильщикъ съ Золотого Рога, имѣетъ право заставить первую встрѣтившуюся на улицѣ женщину изъ высшаго турецкаго общества опустить вуаль, если по случаю жары она захочетъ немного освѣжить разгоряченное лицо. Турецкая женщина не можетъ выходить изъ дома въ сопровожденіи мужчины, будь то мужъ ея, братъ, женихъ, или старикъ-отецъ. Недавно еще толпа Константинопольской черни изорвала «чирчакъ» на женщинѣ, шедшей по улицѣ Стамбула вмѣстѣ со своимъ мужемъ-офицеромъ, и избила его самого. Младотурки, воспитанные въ Западной Европѣ, для своихъ женщинъ оказались такими же деспотами, какъ и мужчины предыдущаго поколѣнья. Замѣчательно, что во всей поэзіи Джеветъ-бея лишь одно единственное стихотвореніе изъ цѣлаго ряда сонетовъ посвящено какой-то очевидно случайно подвернувшейся соотечественницѣ. Но «Фатьма» этого сонета съ такимъ же точно правомъ могла бы называться «Маріей-Лунзой» или «графиней В.», ибо, кромѣ того, что она «ходитъ по зеленой лужайкѣ и рветъ цвѣты», авторъ ничего о ней спеціально-турецкаго не сообщаетъ. Такое же пренебреженіе къ своимъ женщинамъ и полное нежеланіе заглянуть поглубже въ ихъ своеобразный и совершенно отличный отъ западно-европейскаго міръ, Джеветъ-бей, какъ и прочіе оторвавшіеся отъ родной почвы турецкіе современные поэты, обнаруживаетъ въ переведенной имъ самимъ съ турецкаго на французскій языкъ, якобы «быто-описательной» повѣсти «Золотая Месть», гдѣ онъ пытается дать картину ту-

рецкихъ гаремныхъ нравовъ. Героиню повѣсти, маленькую нищую, подбираетъ изъ жалости добродѣтельный чиновникъ. У него въ гаремѣ сирота растетъ вмѣстѣ съ его дѣтьми. Но вотъ малютка заболѣваетъ заразительной дѣтской болѣзнью—и жена добродѣтельнаго чиновника выталкиваетъ ее опять на улицу, изъ боязни заразы для своихъ дѣтей. Бѣдную дѣвочку подбираетъ тоже нищая, но очень добрая старушка. Она выростаетъ и распускается въ пышную красавицу. Натурально, ее сейчасъ же замѣчаетъ мѣстный «каймаканъ» (губернаторъ) и, влюбившись въ нее, беретъ ее себѣ въ жены. Прежняя нищая стала знатной барыней, а прежняя барыня, жена добродѣтельнаго чиновника, послѣ смерти мужа стала нищей. Узнавъ объ этомъ, молодая жена каймакана идетъ къ старухѣ, одинокой и всѣми покинутой, и великодушно даритъ ей полный кошелекъ золота.— «Золотая месть!» — шепчетъ старуха, догадавшись, что передъ ней та самая нищенка, которую она когда-то, больную и безпомощную, выгнала изъ своего дома. И послѣ того умираетъ, чѣмъ и заканчивается повѣсть. Друзья автора говорили мнѣ, что въ молодой турецкой литературѣ «Золотая Месть»—своего рода перлъ въ литературномъ и стилистическомъ отношеніяхъ. Про достоинство повѣсти на турецкомъ языкѣ судить не берусь; на французскомъ же она производитъ комичное и досадное впечатлѣніе слащавой сентиментальностью тона и напыщенно-возвышенными діалогами дѣйствующихъ лицъ, которыя, начиная съ подобранной на улицѣ нищенки и кончая губернаторомъ, всѣ говорятъ однимъ и тѣмъ же витіеватымъ и грамматически безупречнымъ языкомъ. «Золотая Месть» —яркій показатель того, какъ далеки отъ окружающей ихъ реальной жизни младотурецкіе интеллектуальные верхи, и какъ имъ трудно и неудобно спускаться внизъ, гдѣ въ гущѣ оставшихся безъ измѣненія прежнихъ политическихъ и соціальныхъ пережитковъ недавняго прошлаго мучаются живые, не выдуманные для стилистическихъ упражненій люди...

Обѣщавшіе придти сегодня къ Джеветъ-бею «великіе умы Востока и вдохновенныя головы» заставили себя немного подождать. Первымъ явился юркій, смуглый, развязный, съ болтающейся на фескѣ черной кисточкой, знаменитый константинопольскій адвокатъ и президентъ одного младотурецкаго клуба. За нимъ вышелъ высокій, молчаливый и грузный богачъ-коммерсантъ, извѣстный въ городѣ меценатъ, покровительствующій «чистому искусству». Меценатъ сѣлъ въ кресло и, сложивъ огромныя руки на животѣ, только мимикой принималъ участіе въ завязавшемся разговорѣ. Когда къ нему обращались съ какимъ-нибудь вопросомъ, онъ утвердительно или отрицательно кивалъ головой, но на лицѣ его все время было выраже-

ніе живѣйшаго вниманія. Иногда изъ толстыхъ губъ его вырывалось какое-то странное чмоканье. Это означало, насколько я могъ понять, высшую степень изумленья передъ тѣмъ, что говорилось.

Адвокатъ на первыхъ порахъ рѣшилъ быть вѣжливымъ съ заѣзжимъ «московитомъ».

— Васъ поразили сонеты Джеветъ-бея, неправда ли?—спросилъ онъ меня послѣ обычныхъ на Востокѣ взаимныхъ любезностей по поводу знакомства.—Ахъ Ростанъ, Ростанъ!—восторгался мой собесѣдникъ.—Какой это магъ и волшебникъ... Вы видѣли его Шантеклера? Не правда ли—потрясающая сила?.. — Ваши писатели?—нѣсколько времени спустя говорилъ онъ мнѣ, играя золотой цѣпочкой на жилетѣ.—Конечно, я не отрицаю... Но все же... И притомъ: кто у васъ? Tolstoï... Tourgheneff? Очень мало... хотя, разумѣется, то, что есть, весьма даже недурно!..

— А Достоевскій?—скромно поинтересовался я.

— Connais pas!—отрѣзалъ знаменитый адвокатъ и закурилъ папиросу.

— Вотъ сегодня за то вы услышите послѣднее стихотвореніе Дженябъ-Шахабеддинъ-бея—утѣшилъ меня хозяинъ.—Это нашъ національный геній. Подобнаго ему еще не появлялось въ турецкой литературѣ съ самаго начала ея существованья.

— Изумительный талантъ!—подтвердилъ адвокатъ.

Черезъ нѣсколько минутъ, въ сопровожденіи двухъ или трехъ молодыхъ поэтовъ «изъ начинающихъ», пришелъ Шахабеддинъ. Турецкій «національный геній» еще совсѣмъ молодой человѣкъ, съ живыми черными глазами, насмѣшливымъ ртомъ и самоувѣреннымъ видомъ. Онъ, повидимому, уже привыкъ къ атмосферѣ всеобщаго преклоненья.

— Геніальный поэтъ современной Турціи!—представилъ его мнѣ хозяинъ. Но столь лестная рекомендація не смутила Шахабеддина.

— Васъ интересуетъ наша поэзія?—пропуская безъ вниманія привычные для его уха эпитеты, спросилъ меня онъ.—Но вѣдь она очень недавняго происхожденія... Всѣ мы—питомцы французскаго Парнасса. Собственно говоря, настоящій толчекъ развитію турецкаго національнаго искусства данъ нашимъ милымъ хозяиномъ и отчасти мной...

Я попросилъ его прочесть его послѣднее стихотворенье сначала по-турецки, чтобы дать понятіе о музыкѣ стиха, и потомъ перевести его на французскій языкъ. Поэтъ охотно исполнилъ мою просьбу. Сознаюсь, что съ внѣшней стороны стихотвореніе мнѣ совершенно не понравилось. Обиліе свистящихъ и придыхательныхъ

звуковъ въ турецкомъ языкѣ дѣлаетъ его мало пригоднымъ для ритмическаго размѣра. Насколько хороши въ звуковомъ отношеніи рѣчи парламентскихъ ораторовъ, гдѣ странно и рѣзко, точно угрожая чему-то, въ хаотическомъ безпорядкѣ вырываются всѣ эти свисты, шипѣнья и придыханья, настолько ихъ дикій характеръ мѣшаетъ гибкости и звучности стиха. Содержаніе послѣдняго произведенія «національнаго генія» слѣдующее: поэтъ обращается къ самому Аллаху, но не со смиренной молитвой, какъ раньше, въ годы покорности передъ волей неба, а съ дерзкимъ и смѣлымъ вызовомъ.—Кто ты такой?—спрашиваетъ Аллаха современный турецкій Манфредъ.—Какое ты имѣешь право карать насъ и судить? Если мы всѣ плохи, такъ это потому, что ты вѣдь самъ насъ вылѣпилъ нѣкогда изъ праха!..

— А что скажутъ на это ваши муллы и хаджи?—спросилъ я поэта, когда онъ окончилъ чтенье.

— Ничего не скажутъ!—отвѣтилъ онъ, пожимая плечами.

— Но вѣдь, если я не ошибаюсь, ваше духовенство строго слѣдитъ за тѣмъ, чтобы всѣ правовѣрные ни на іоту не отступали отъ корана. А вы въ вашемъ стихотвореніи поднимаете бунтъ противъ самого Аллаха?

— Наше духовенство слишкомъ невѣжественно, чтобы съумѣть прочитать и понять то, что я пишу и печатаю!..—И «національный геній» обновленной Турціи немедленно разъяснилъ мое недоумѣнье. Поэтическій и вообще литературный турецкій языкъ настолько далекъ отъ обыкновеннаго, разговорнаго языка, что къ нему нужно спеціально привыкать для его усвоенія и пониманія. Всѣ абстрактныя понятія заимствованы въ немъ изъ арабскаго, а персидскій языкъ служитъ для выраженій чисто поэтическихъ и описательныхъ, когда въ турецкомъ не хватаетъ подходящихъ словъ. Такимъ образомъ и самъ Шахабеддинъ, и его друзья пишутъ для немногихъ избранныхъ—«верхнихъ 500 человѣкъ!», по его же собственному опредѣленію.

— Мы слишкомъ ушли впередъ отъ прочей массы,—закончилъ Шахабеддинъ,—чтобы эти люди могли намъ въ чемъ-нибудь помѣшать. Помимо того, мы сами по себѣ, они тоже... Мы живемъ своей собственной, интеллектуальной, недоступной для нихъ жизнью. Мы—авангардъ, они — армія, грядущая гдѣ-то позади въ грязи и темнотѣ...

— Но что же, собственно, дѣлается вами, какъ представителями столь необходимой для Турціи интеллектуальной силы,—спросилъ его я,—если вы и по языку, и по идеямъ, и по традиціямъ совершенно чужды вашему народу?

Шахабеддинъ посмотрѣлъ на меня съ нескрываемымъ изумленіемъ.

— Для народа? Да развѣ мы должны себя унизить до него?..

Постепенно разговоръ сдѣлался общимъ. Изъ всѣхъ высказанныхъ по поводу поднятаго вопроса мнѣній особенно характернымъ мнѣ показалось мнѣніе самого хозяина. Онъ находитъ, что современное положеніе Турціи ничего ненормальнаго собой не представляетъ. Нынѣшніе правители — всѣ люди въ высшей степени свободомыслящіе, нѣкоторые даже атеисты; но для народа, для черной и некультурной массы они должны показывать себя совсѣмъ съ другой стороны. Напримѣръ, на дняхъ еще, они запретили печатаніе сдѣланнаго Джеветъ-беемъ перевода съ французскаго научной исторіи ислама, дабы не раздражать патріотизмъ и религіозныя чувства низшаго духовенства изображеніемъ Магомета и первыхъ халифовъ въ видѣ обыкновенныхъ историческихъ лицъ. «И я согласился съ доводами цензурной комиссіи, гдѣ сидятъ, между прочимъ, мои лучшіе друзья,—заявилъ Джеветъ-бей въ видѣ послѣдняго аргумента.— Нельзя иначе: наше суевѣріе, наше невѣжество, всѣ отрицательныя стороны нашей народной и политической жизни складывались вѣками. Вѣками же онѣ должны теперь разрушаться... Мы свое дѣло сдѣлали: дали первый, необходимый толчокъ, который вывелъ Турцію изъ ея прежняго гипнотическаго состоянія. Дальнѣйшее— вопросъ завтрашняго дня. А мы хотимъ жить не только завтра, но и сегодня... сейчасъ!

Шахабеддинъ-бей скоро ушелъ, такъ какъ у него было спѣшное дѣло. «Начинающіе» юноши послѣдовали за нимъ. Изъ другихъ гостей остались только адвокатъ, его молчаливый пріятель и одинъ разслабленный, еле цѣдящій слова сквозь зубы молодой человѣкъ, крайне разочарованнаго вида — типъ Чайльдъ Гарольда въ фескѣ. Его мнѣ представили, какъ перваго въ Турціи стилиста.

— Форма—все!.. Содержаніе не важно...—цѣдилъ тягучимъ голосомъ молодой стилистъ.—Мы одиноки. Но намъ толпы и не нужно!..

По его предложенію всѣ присутствующіе, за исключеніемъ меня и мецената, занялись сочиненіемъ четверостишій, въ которыя обязательно должна была войти какая-нибудь фраза, прочитанная наугадъ изъ Энциклопедическаго Словаря. Лакей въ европейскомъ сюртукѣ, но въ «бабушахъ» (цвѣтныхъ туфляхъ безъ задковъ) на босую ногу, разносилъ въ крохотныхъ чашечкахъ дымящійся кофе. «Cher maître!»—слышалось поминутно изъ-за стола, гдѣ три красныя фески низко наклонились надъ листками почтовой бумаги. Наибольшій успѣхъ выпалъ на долю хозяина.—«Сегодня вы

превзошли самого себя, дорогой учитель!»—воскликнулъ адвокатъ. Мы начали прощаться.

На улицахъ, темныхъ, грязныхъ и кривыхъ, въ непрерывно движущейся интернаціональной и пестрой толпѣ, шныряли мальчишки-разносчики, выкрикивая вечернія газеты. Сегодняшній день былъ знаменателенъ въ исторіи обновленной Турціи: вся парламентская оппозиція комитету «Union et Progrés», до сихъ поръ разрозненная и безсильная въ своихъ отдѣльныхъ выступленіяхъ, объединилась въ одну компактную массу, крѣпко спаянную общей ненавистью къ младотуркамъ. Сюда вошли и явные реакціонеры, и тѣ, кто называетъ себя въ Турціи либералами, и представители различныхъ нетурецкихъ національностей, не желающихъ отказываться ни отъ своей религіи, ни отъ своего историческаго прошлаго во имя нивеллирующихъ идей комитета. Не слѣдуетъ забывать, что въ послѣдней попыткѣ низверженнаго султана (въ апрѣлѣ 1909-го года) возстановить старый порядокъ вещей принимали участіе также и либеральные элементы, думавшіе впослѣдствіи обратить начавшееся противъ младотурокъ движенье въ свою пользу. Но армія тогда была еще на сторонѣ комитета; Абдулъ-Гамидъ проигралъ игру, отошли временно въ сторону и оппозиціонеры. Теперь вся прежняя исторія начинается сначала. Македонія глухо и грозно волнуется. Уже появились первые предвѣстники надвигающейся бури: болгарскія банды снова открыто выступаютъ съ оружіемъ въ рукахъ противъ турецкихъ гарнизоновъ. Кровавыя стычки повторяются почти каждый день въ различныхъ мѣстахъ Монастырскаго вилайета.

Албанія ждетъ выполненія обѣщанныхъ и не исполненныхъ реформъ. Но терпѣніе албанцевъ уже истощается. Триполитанія—несомнѣнно разъ навсегда отрѣзанный ломоть. Война съ итальянцами поддерживается больше для «фасону» и, главнымъ образомъ, для возможнаго отдаленія непріятной минуты, когда, послѣ заключенія мира, нужно будетъ дать странѣ отчетъ о потерѣ еще новой части имперіи, вмѣстѣ съ Босніей и Герцеговиной являющейся своего рода memento mori грозящаго Турціи окончательнаго развала. Раньше съ общественнымъ мнѣніемъ церемониться особенно не стали бы, но теперь, когда малѣйшая неудача комитета комментируется оппозиціей на всѣ лады и каждая критика правительственныхъ ошибокъ находитъ себѣ живѣйшій откликъ въ народныхъ массахъ—но невольѣ приходится дѣйствовать очень осторожно. Прежняя дипломатія, безъ измѣненій доставшаяся по наслѣдству новому режиму, состояла исключительно въ системѣ выжиданія и лавированія среди постоянно сталкиваю-

щихся между собой въ Константинополѣ экономическихъ и политическихъ интересовъ различныхъ европейскихъ державъ. «Грызитесь другъ съ дружкой, невѣрныя собаки!—усмѣхался себѣ въ бороду турецкій высокопоставленный дипломатъ,—а мы потомъ изъ вашей вражды извлечемъ для себя пользу!..» Но въ настоящій моментъ заинтересованныя въ турецкихъ дѣлахъ великія державы, пришли, повидимому, къ вполнѣ опредѣленному соглашенію. Былъ моментъ, когда хищно протянутые со всѣхъ сторонъ къ разлагающейся Турціи «бронированные кулаки» и просто цѣпкія руки, какъ будто въ нерѣшительности остановились. Къ всеобщему изумленію, «больной человѣкъ» неожиданно всталъ на ноги, «взялъ одръ свой» и бодрымъ, увѣреннымъ шагомъ направился къ выходу изъ безнадежнаго, казалось, историческаго тупика. Тогда невольно посторонились и дали ему дорогу обступившіе его со всѣхъ сторонъ европейскіе наслѣдники. Добыча могла, повидимому, ускользнуть изъ рукъ! Всѣ жившіе въ Турціи въ памятные дни провозглашенія конституціи говорятъ, что трудно повѣрить, до какой степени патріотическое воодушевленье охватило тогда все населеніе огромной Оттоманской имперіи, такой различной и нестрой въ безчисленныхъ своихъ частяхъ, вѣками насилія и религіозныхъ распрей раздѣленной на враждебные лагери. Но магическое слово «свобода» и связанныя съ нимъ надежды на новую и лучшую жизнь невольно увлекли всѣхъ, безъ различія религіи и соціальнаго положенія, къ совмѣстной и дружной работѣ. Перемѣна режима являлась тогда для Турціи единственной возможностью самосохраненія. Европа устала напрасно и безплодно ждать. На ревельскомъ свиданіи была рѣшена уже безъ участія заинтересованныхъ лицъ автономія Македоніи, и это послужило первымъ сигналомъ къ выступленію молодой Турціи противъ приведшей ее на край пропасти гамидовской политической системы. Изъ гостей, совѣта которыхъ иногда спрашиваютъ и къ помощи которыхъ всегда готовы обратиться, чужіе люди готовились окончательно перейти на положеніе фактическихъ хозяевъ страны. Турецкіе патріоты поняли грозившую опасность и своевременной операціей успѣли ее предотвратить. Но если самъ Абдулъ-Гамидъ и исчезъ за крѣпкими затворами уединенной салоникской виллы Аллатини, духъ его по прежнему витаетъ надъ обновленной Турціей въ политикѣ ея новыхъ вождей. Очутившись волею судьбы у высшей власти, младотурки немедленно смѣшали самихъ себя съ руководившей ими нѣкогда идеей. — «Хуріетъ» (свобода) и конституція въ Турціи — это мы! — поспѣшили заявить авторы столь удачно совершившагося государственнаго переворота. Критика мла-

дотурецкаго комитета превратилась, такимъ образомъ, въ глазахъ правительства въ критику турецкаго освободительнаго движенія вообще. Въ интересахъ сохраненія и укрѣпленія новаго строя было запрещено разбирать дѣйствія вставшихъ во главѣ его лицъ. Создалась атмосфера «свободно развязанныхъ рукъ», внѣ всякаго общественнаго контроля. Ею сейчасъ же воспользовались всевозможные любители ловить рыбу въ мутной водѣ, принявшіеся подъ флагомъ якобы дальнѣйшаго развитія и укрѣпленія въ странѣ конституціонныхъ началъ а также подъ предлогомъ борьбы съ реакціонерами, устраивать собственные свои дѣла. Постепенно всѣ искренніе и честные люди изъ прежняго состава младотурецкой партіи были вынуждены или отказаться отъ политики, не желая работать въ однихъ рядахъ съ нахлынувшими въ лагерь побѣдителей демагогами и темными дѣльцами, или же мало по малу встать въ открытую оппозицію комитету.

А людей-то какъ разъ и было очень мало у младотурокъ! Въ особенности—людей государственныхъ. Вчерашніе телеграфисты, народные учителя и скромные, беззавѣтно преданные интересамъ родины армейскіе офицеры сегодня, получивъ въ свое завѣдываньо огромный и сложный государственный аппаратъ, абсолютно не знали, что съ нимъ дѣлать? Волей-неволей пришлось обратиться за помощью къ искушеннымъ въ административной и дипломатической практикѣ перебѣжчикамъ отъ прежняго режима. Снова на самыхъ важныхъ и отвѣтственныхъ постахъ появились все тѣ же знакомыя гамидовскія физіономіи—Хаккы-паша... Кіамиль... Сандъ — хитрые и опытные царедворцы, десятки лѣтъ служившіе Абдулъ-Гамиду и его капризамъ, теперь же ставшіе исполнителями предначертаній новыхъ хозяевъ положенія. И постепенно все пошло опять по старому; перемѣнились только этикетки.

Характернѣйшую картину «гамидовщины» въ обновленной Турціи представляетъ собой грозящій затянуться до безконечности процессъ по поводу убійства извѣстнаго въ Константинополѣ журналиста Зекки-бея. На скамьѣ подсудимыхъ Мустафа-Назимъ, братъ младотурецкаго депутата Дервишъ-бея, который ознаменовалъ свое первое появленіе въ залѣ парламентскихъ засѣданій тѣмъ, что далъ пощечину одному изъ лидеровъ оппозиціи, Исмаилъ-Кемаиль-бею, глубокому старику, не имѣвшему съ нимъ никакихъ личныхъ счетовъ. Дервишъ-бей далъ эту пощечину, что называется, «принципіально»!..

Мустафа-Назимъ—организаторъ преступленія. Фактическій исполнитель его—черкесъ Ахметъ. Послѣдній на всѣ вопросы судей неизмѣнно отвѣчаетъ одно и то же: «Я ничего не знаю... Спросите Мустафу-Назима. Онъ вамъ скажетъ лучше меня!»

Зекки-бей, предательски убитый изъ-за угла, былъ редакторомъ оппозиціонной газеты «Cherah». Блестящій и глубокій знатокъ финансовыхъ вопросовъ, онъ все время велъ отчаянную борьбу съ политикой министра финансовъ Джавидъ-бея, постоянно дѣлая все новыя, документально основанныя разоблаченья по поводу хищеній въ министерствѣ. Получаемыя имъ угрожающія письма и «дружескіе совѣты» отъ близкихъ къ комитету лицъ не производили на него должнаго впечатлѣнія. Наконецъ Зекки-бей открылъ и опубликовалъ на страницахъ своей газеты всю закулисную сторону послѣдняго турецкаго займа, заключеннаго въ Германіи Джавидъ-беемъ. Оказалось, что заемъ былъ заключенъ на болѣе чѣмъ странныхъ условіяхъ: больше половины обозначенной въ договорѣ съ нѣмецкими финансистами суммы Турція была обязана вернуть обратно Германіи секретнымъ образомъ, въ видѣ ряда немедленныхъ правительственныхъ заказовъ для нуждъ арміи и флота различнымъ германскимъ фирмамъ, и кромѣ того «Deutsche Bank» въ Константинополѣ удерживалъ за собой часть таможенныхъ доходовъ въ качествѣ гарантіи уплаты долга. Посредники по заключенію займа получили баснословныя суммы «за комиссію». Вскорѣ послѣ этого разоблаченья на тайномъ засѣданіи комитета «Union et Progrès» Джавидъ-бею было предложено подать въ отставку и больше уже ни въ какомъ случаѣ не занимать никакихъ министерскихъ постовъ. Спустя нѣкоторое время Зекки-бей былъ убитъ.

Изъ показаній свидѣтелей выясняются многія детали внутренней жизни младотурецкихъ организацій. Прежде всего—почти въ каждомъ мало-мальски значительномъ городѣ или мѣстечкѣ имѣется развѣтвленіе главнаго, засѣдающаго въ Салоникахъ комитета. При этихъ провинціальныхъ комитетахъ есть особыя «боевыя дружины», назначеніе которыхъ—собирать съ мѣстнаго населенія «доброхотныя даянія» на патріотическія цѣли и устранять, по мѣрѣ надобности, нежелательныхъ комитету лицъ. Такъ напримѣръ, сидящій сейчасъ на скамьѣ подсудимыхъ черкесъ Ахметъ, въ качествѣ члена младотурецкой боевой дружины мѣстечка Серресъ, убилъ одного крестьянина. Преступленіе это, благодаря покровительству полиціи и высшихъ властей, осталось безнаказаннымъ.

Посредниками между отдѣльными комитетами обыкновенно служатъ особые «разъѣздные» офицеры. Такой офицеръ военной службой не занимается и состоитъ всецѣло въ распоряженіи комитета. Получаетъ онъ ежемѣсячно жалованье въ размѣрѣ отъ 30 до 50 турецкихъ фунтовъ (фунтъ=23 франкамъ) и имѣетъ еще кромѣ того разные побочные доходы. Особенно прибыльнымъ является собираніе пожертвованій на усиленіе флота съ богатыхъ землевладѣль-

цевъ, преимущественно изъ бывшихъ сторонниковъ павшаго режима. Всѣ чиновники, состоящіе членами младотурецкой партіи, обязаны отдавать каждый мѣсяцъ 10% своего жалованья на нужды комитета. На флотъ, особенно въ моментъ патріотическаго народнаго подъема послѣ объявленія конституціи, собраны большія деньги. Тогда давали всѣ, до несчастныхъ, зарабатывающихъ адской работой какихъ-нибудь 10—15 копеекъ въ день портовыхъ грузчиковъ включительно. Но флота покамѣстъ еще нѣтъ. Правда, куплено у Германіи нѣсколько предназначавшихся тамъ на сломъ за старостью и негодностью броненосцевъ; только заплатить за нихъ по восточной халатности позабыли. Теперь Германіей на нихъ наложено дружественное «veto», на случай если бы ихъ хотѣли пустить противъ итальянцевъ.—«Сперва заплатите, а уже потомъ сможете распоряжаться нашими, покамѣстъ, кораблями противъ нашихъ же компаньоновъ по тройственному союзу»,—сказалъ великому визирю Санду германскій посолъ въ Константинополѣ Маршаллъ фонъ-Бибершгейнъ.

Допрашивать свидѣтелей по дѣлу Зекки-бея приходится съ большимъ трудомъ. Многіе упорно молчатъ или же дѣлаютъ заявленія вродѣ слѣдующаго:—Уведите сперва отсюда подсудимыхъ—тогда мы будемъ говорить...

— Почему же вы не хотите говорить въ ихъ присутствіи?—спрашиваетъ судья.

— Потому что они могутъ сообщить о нашихъ показаніяхъ въ комитетъ,—откровенно сознается свидѣтель.

Одинъ изъ свидѣтелей, Муслимъ-бей, отправляясь въ судъ, составилъ предварительно духовное завѣщаніе, такъ онъ былъ увѣренъ, что его непремѣнно убьютъ. Другой свидѣтель, армейскій капитанъ Хаджи Али-бей, показанія котораго дали очень много цѣннаго матеріала для выясненія темнаго дѣла, на послѣднемъ засѣданіи принесъ оффиціальную жалобу на то, что послѣ первыхъ своихъ показаній онъ былъ задержанъ и посаженъ въ темный карцеръ, гдѣ его пытали и угрожали смертью, если онъ будетъ продолжать показывать противъ подсудимыхъ.,.

Такъ же, какъ и Зекки-бей, по мановенію невѣдомой руки были убиты стѣснявшіе финансовыя операціи комитетскихъ дѣятелей журналисты изъ оппозиціоннаго лагеря Гассанъ-Фемп-бей и Ахмедъ-Самимъ-бей. Злѣйшій врагъ искусственной «оттоманизаціи» немусульманскихъ народностей Турціи, греческій митрополитъ города Гревены, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ жизнью заплатилъ за свои политическія «заблужденія». Убійцы, какъ и въ большинствѣ случаевъ, остались неразысканными. По поводу убійства Гревен-

скаго митрополита въ парламентѣ былъ сдѣланъ оппозиціей и депутатами-греками запросъ, но, по обыкновенію, ничего изъ этого не вышло.

— «Есть отчего спрятаться у себя дома и никуда не показывать носу,—меланхолически писалъ въ одномъ изъ номеровъ теперь прекратившейся по распоряженію правительства оппозиціонной газаты «Alemdas» ея «внутренній обозрѣватель».—Совсѣмъ не время теперь, взявъ зажженный фонарь въ руки, пойти показывать среди темноты дорогу къ истинѣ. Тѣ, что стрѣляютъ, сами прячутся въ тѣни, чтобы удобнѣе было цѣлить на свѣтъ. Бацъ—и готово! Прощай разбитый въ дребезги фонарь, прощай неосторожный развѣдчикъ... Это, можетъ быть, въ другихъ какихъ-нибудь странахъ отъ столкновенія противоположныхъ идей загораются искры свѣта. У насъ же въ Турціи такія столкновенія сопровождаются обычно лишь очень мѣткимъ выстрѣломъ изъ револьвера»...

Было бы ошибкой думать, что оппозиціонные элементы страны, сорганизовавшись въ единую партію «либеральнаго соглашенія», представляютъ собой нѣчто цѣлое, воодушевленное одной патріотической идеей. Идея у нихъ, положимъ, есть—но она скорѣе чисто личнаго свойства. «Подвинься, чтобы я могъ сѣсть на твое мѣсто!»—вотъ единственная, общая всѣмъ членамъ новой партіи мысль по отношенію къ младо-турецкому комитету. Въ остальномъ они глубоко различны между собой. Каждый тянетъ въ свою сторону. Примкнувшіе къ либераламъ реакціонеры будутъ преслѣдовать свои задачи; либералы, которые, кстати сказать, въ Турціи только называются этимъ именемъ, но на самомъ дѣлѣ представляютъ собой тѣхъ же младотурокъ, только понявшихъ, что насильно «отуречить» всю разноплеменную турецкую имперію невозможно — пойдутъ тоже особымъ путемъ. Греки и болгары будутъ готовиться къ осуществленію давнишней, завѣтной мечты: первые станутъ стремиться къ Македоніи какъ «къ бульвару греческой свободы», вторые—къ той же самой Македоніи, но уже какъ къ «естественному продолженію единоплеменной Болгаріи»... Въ окончательномъ счетѣ столкновеніе между всѣми этими разнородными элементами неизбѣжно. Сверхъ того, имъ каждому по отдѣльности и всѣмъ вмѣстѣ предстоитъ «послѣдній рѣшительный бой» съ младотурками, которые, повидимому, не особенно расположены допускать ихъ къ участію въ дѣлахъ государственнаго управленія.

Какъ бы то ни было, но обновленная Турція послѣ медоваго мѣсяца упоенія конституціонными гарантіями и точно съ неба свалившимся «новымъ строемъ», сидитъ теперь по прежнему у стараго разбитаго корыта. По прежнему похаживаютъ вокругъ нея

временно исчезнувшіе, но снова потомъ появившіеся европейскіе «оцѣнщики», въ ожиданіи интересующаго ихъ историческаго аукціона. «Молодецкій» набѣгъ Италіи на беззащитную и далекую провинцію безъ крѣпостей, безъ соотвѣтствующаго гарнизона, повидимому, былъ первымъ пробнымъ шаромъ... Въ ближайшемъ будущемъ должны быть еще новые и, можетъ быть, даже интересные сюрпризы. По увѣренію турецкаго оппозиціоннаго журнала «Mecheroutiette», извѣстный знатокъ Ближняго Востока, французскій ученый Викторъ Берарь, уже шесть мѣсяцевъ тому назадъ составилъ карту «приблизительнаго» раздѣла Турціи между великими державами, при чемъ по модной теперь теоріи «компенсаціи» всѣ получатъ причитающіяся имъ доли, сообразно степени испытанныхъ ими по винѣ имперіи «Тѣни Аллаха на землѣ» политическихъ и экономическихъ заботъ и огорченій.

Живущая послѣднія тридцать лѣтъ исключительно внѣшними займами, тратящая изъ своего ежегоднаго бюджета въ 300 милліоновъ франковъ 100 милліоновъ на уплату по долговымъ обязательствамъ, Турція, хотя бы и обновленная въ младотурецкомъ пониманіи этого слова, въ настоящій моментъ фактически и безъ того уже почти вся въ рукахъ иностранцевъ. Здѣсь нѣтъ фабрично-заводской національной промышленности; бюджетъ общественныхъ работъ находится еще въ зачаточномъ состояніи. Все тѣ же нѣмцы, французы, англичане проводятъ въ странѣ желѣзныя дороги, строятъ мосты, набережныя, отели. Это они продаютъ ей военные корабли и боевые матеріалы, учатъ ея солдатъ, реорганизуютъ армію... За то иностранцамъ въ Турціи — первое мѣсто. Умопомрачительныя по доходности концессіи на эксплуатацію природныхъ богатствъ получаются предпріимчивыми культуртрегерами съ помощью во время даннаго вліятельному сановнику соотвѣтствующаго его служебному положенію «бакшиша». Страна продается и оптомъ, и въ розницу. Во многихъ случаяхъ продажу эту не стѣсняются производить совершенно открыто... Одни французы вложили здѣсь въ различныя предпріятія больше 3 милліардовъ франковъ. За ними идутъ нѣмцы, со своей Багдадской желѣзной дорогой и неуклоннымъ «Drang nach Osten». А тамъ еще австрійцы, итальянцы, англичане... Все ближе и неизбѣжнѣе стягивается вокругъ несчастной, богатой возможностями, но нищей способами ихъ выполненія страны желѣзное кольцо европейскаго промышленнаго капитала. Теперь на Турцію устремлены жадные взоры интернаціональныхъ искателей новыхъ рынковъ для сбыта залежавшихся товаровъ. Марокко, Персія, Египетъ почти уже проглочены. Занавѣсъ подни-

мается надъ послѣднимъ актомъ міровой трагедіи, которой названіе—конецъ Оттоманской имперіи...

И невольно приходитъ на память сравненіе между современнымъ Константинополемъ и прежней Византіей. Тогда ждали «ихъ», были больше заняты послѣдней домашней ссорой «базилевса» съ его вѣнценосной супругой, или вчерашней дракой въ циркѣ, чѣмъ врагами, стоявшими у самыхъ воротъ столицы. Теперь ждутъ «они»... Черныя тучи собрались отовсюду на горизонтѣ, враги стоятъ у самыхъ воротъ. Но не о единодушной и дружной защитѣ родины думаютъ потомки гордыхъ побѣдителей Византіи! Какъ и много сотенъ лѣтъ тому назадъ, неизмѣнной осталась въ современномъ Константинополѣ все та же прежняя обстановка. Тогдашніе побѣдители рѣшаютъ поглощающіе всѣ ихъ мысли важные вопросы: какой великій визирь спихнетъ другого съ его кресла въ Высокой Портѣ и съумѣетъ ли, наконецъ, младотурецкій комитетъ расправиться со своими противниками изъ партіи «либеральнаго соглашенія»?.. Роли съ теченіемъ времени перемѣнились. Возможно, что вчерашніе побѣдители не сегодня-завтра окажутся въ подготовленной для нихъ исторіею новой роли побѣжденныхъ!..

А. Деренталь.

КООПЕРАТИВНЫЙ СБЫТЪ И ПЕРЕРАБОТКА ПРОДУКТОВЪ СЕЛЬСКАГО ХОЗЯЙСТВА.

I.

Россія, являясь страною сельскаго хозяйства, со слабымъ развитіемъ фабрично-заводской промышленности, выступаетъ на міровомъ рынкѣ въ качествѣ поставщика прежде всего и главнымъ образомъ продуктовъ сельскаго хозяйства. Въ 1909 г. изъ всѣхъ предметовъ, вывезенныхъ изъ Россіи, 65,89% (т. е. почти $^2/_3$ всего вывоза) составляли жизненныя припасы, на 900,3 мил. рублей, въ томъ числѣ хлѣбъ на 748,2 мил. рублей, что составитъ 54,7% всего вывоза, т. е. больше половины; масла коровьяго вывезено на 48,4 мил. рублей (3,5%), яицъ—на 62,2 мил. рублей (4,5%). Яицъ было вывезено въ 1909 г. 2.845.000 штукъ. Такого виднаго мѣста въ нашемъ экспортѣ яйца достигли не сразу, а путемъ постояннаго завоеванія, оттѣсняя другіе предметы экспорта на задній планъ. За

послѣднее время яйцамъ въ вывозѣ приходится играть довольно видную роль; въ 1909-мъ году, напримѣръ, изъ Россіи вывезено яицъ больше нежели нефти, нежели ржи, нежели овса. Вотъ почему въ послѣднее время въ обществѣ пробуждается интересъ къ птицеводству, а среди ученыхъ агрономовъ и хозяевъ-практиковъ подни маются вопросы объ ускоренной перевозкѣ яицъ по желѣзнымъ дорогамъ, о способахъ храненія яицъ въ теченіе болѣе продолжительнаго времени и о кооперативномъ сбытѣ ихъ. Главная часть экспорта яицъ уходитъ въ Великобританію, Германію и Австро-Венгрію. За послѣднее пятилѣтіе чрезвычайно энергично развился экспортъ въ Великобританію. Увеличился экспортъ въ Австро-Венгрію, въ Данію, но далеко не въ такой степени. Въ 1909-мъ году на долю Англіи, Германіи и Австро-Венгріи пришлось 88,2% общаго экспорта яицъ, на долю прочихъ государствъ лишь 11,8%. Одна Великобританія импортировала нашихъ яицъ на сумму 25,8 мил. руб. или 41,6% общаго нашего экспорта; на долю Германіи пришлось 26,6%, на Австро-Венгрію—20,6%. Среднія экспортныя цѣны на яйца (за тысячу штукъ) въ означенныхъ государствахъ:

Годы.	Австро-Венгрія.	Великобританія.	Германія.
1907	18 р. 85 к.	22 р. 64 к.	19 р. 07 к.
1908	18 » 78 »	23 » 62 »	20 » 27 »
1909	18 » 36 »	25 » 82 »	20 » 78 »

Таблица эта краснорѣчиво говоритъ, какъ невыгодно для насъ экспортировать яйца въ Австро-Венгрію и Германію и, наоборотъ, какъ высоко стоятъ цѣны для экспорта въ Великобританію. Итакъ, развитію яичнаго экспорта въ Великобританію можно только радоваться. Но если мы перенесемся въ Великобританію и узнаемъ, за что въ Лондонѣ принимаютъ наши яйца, то придется свой преждевременный восторгъ значительно сократить. Оказывается, въ 1909-мъ году на лондонскомъ рынкѣ наши яйца расцѣнивались на 10—15 рублей за тысячу штукъ дешевле другихъ сортовъ; самой высокой цѣной оплачиваются французскія яйца, за ними идутъ датскія, итальянскія, русскія же яйца—самыя дешевыя. Репутація нашихъ яицъ въ Лондонѣ крайне плоха; не выдумка, а, къ сожалѣнію, прискорбная дѣйствительность, что мало-мальски несвѣжее яйцо уже называется въ Лондонѣ «русскимъ» [1]). Причина недоброкачественности русскихъ яицъ кроется главнымъ образомъ въ неорганизованности крестьянъ, сбывающихъ яйца скупщикамъ. Русскій

[1]) См. статью П. Ефимова въ № 1 журнала «Птицевѣдѣніе и Птицеведеніе».

производитель за 1900—1909 годы потерялъ отъ продажи яицъ черезъ скупщиковъ, по подсчету г-жи О. Морозовой, 126.990.000 руб. А если къ этому прибавить прямые убытки отъ вращающихся на заграничныхъ рынкахъ плохихъ нашихъ яицъ, то получится сумма въ 203.151.000 рублей [1]).

За послѣдніе годы земства и весьма немногочисленныя общественныя организаціи сдѣлали много для улучшенія птицеводства, и кое-что для организаціи сбыта яицъ. Учрежденное въ 1890-мъ году въ Москвѣ Россійское Общество сельскохозяйственнаго птицеводства или, точнѣе, его 44 отдѣла, разбросанные по всей россійской имперіи, занимаются почти исключительно пропагандой раціональнаго птицеводства, путемъ устройства выставокъ, лекцій, курсовъ и безплатной раздачи племенной птицы и яицъ крестьянамъ и сельскимъ хозяевамъ вообще. Такъ, одинъ только Костромской отдѣлъ роздалъ въ 1909 г. крестьянамъ до 2.000 яицъ племенныхъ куръ. Россіенскій отдѣлъ Ковенской губерніи, существующій съ 1897-го года, имѣетъ свое торговое бюро. Вятскій отдѣлъ посредничаетъ съ земствами по выпискѣ, разсылкѣ и раздачѣ населенію племенной птицы. Саратовскій отдѣлъ имѣетъ показательную станцію промысловаго птицеводства. Рязанскій отдѣлъ, кромѣ раздачи племенной птицы населенію, производитъ закупку и продажу яицъ. Кишиневскій отдѣлъ имѣетъ свой разсадникъ племенной птицы. Кутаисскій отдѣлъ организовалъ птичникъ для метизаціи яицъ и раздавалъ птицу народнымъ училищамъ. Туркестанскій отдѣлъ производилъ инкубацію птицъ. Кромѣ 44 отдѣловъ Россійскаго Общества имѣется еще 4 самостоятельныхъ мѣстныхъ обществъ птицеводства въ Астраханской, Вологодской, Казанской и Лифляндской губерніяхъ, но о ихъ дѣятельности почти ничего неизвѣстно.

Крайне мало заботятся отдѣлы объ организаціи кооперативнаго сбыта яицъ. Почти также мало этимъ занимаются сельскохозяйственныя общества и товарищества. Въ Харьковской, Полтавской, Воронежской, Курской и Кіевской губерніяхъ, являющихся самыми крупными поставщиками яицъ, налаживается кооперативный сбытъ ихъ. Сергѣевское сельскохозяйственное общество Полтавской губ. продаетъ яица своихъ куръ. Подобянское потребительное общество Уманьскаго уѣзда, Кіевской губерніи, организовало черезъ посредство своей лавки сбытъ яицъ. Яйца принимаются за товары по существующимъ цѣнамъ и продаются скупщикамъ.

Итакъ, въ Россіи почти нѣтъ спеціальныхъ кооперативовъ для

---

[1]) О. Морозова. Положеніе яичной торговли въ Россіи. Харьковъ, 1911 г., стр. 17 и 28.

сбыта яицъ, да теперь едва ли и практично было бы выдѣлять, какъ рекомендуетъ А. Е. Кулыжный [1]), особыя яичныя товарищества. Также обстоитъ дѣло и съ кооперативнымъ сбытомъ меда. Помимо Русскаго Общества пчеловодства (учрежденнаго въ 1891-мъ году), раіонъ котораго охватываетъ всю Россію и которое имѣетъ въ Петербургѣ 4 магазина для продажи меда и пчеловодныхъ принадлежностей, въ Россіи, по списку сельскохозяйственныхъ обществъ къ 1 января 1908 года, значилось 127 (съ отдѣленіями) мѣстныхъ обществъ пчеловодства, изъ коихъ 6 прекратили свою дѣятельность, 4 перемѣнили свой уставъ на уставъ сельскохозяйственныхъ обществъ и одно расширило свой раіонъ. Остановимся на тѣхъ обществахъ, которыя особенно проявили свою дѣятельность въ смыслѣ сбыта меда.

Первое въ этомъ отношеніи мѣсто занимаетъ *Казанское общество пчеловодства*, учрежденное въ 1904-мъ году. На годичномъ собраніи 6 февраля 1910 года была окончательно выработана инструкція для вновь открываемой лавки-бюро и утвержденъ расходъ въ суммѣ 300 рублей. По инструкціи средства лавки образуются изъ ассигнованій общества, изъ займовъ, дѣлаемыхъ обществомъ, изъ паевыхъ взносовъ членовъ общества и прочихъ поступленій. Размѣръ пая—10 рублей. Количество паевъ неограниченное. Чистая прибыль отъ операцій лавки распредѣляется слѣдующимъ образомъ: $^1/_4$ идетъ на пай, $^1/_4$ пайщикамъ же за куплю и продажу товара, $^1/_4$ обществу пчеловодства и $^1/_4$ на дополнительное вознагражденіе администраціи и служащихъ въ лавкѣ. Дефицитъ, если таковой будетъ, покрывается изъ средствъ общества. Паи членовъ гарантированы средствами общества. Ближайшій надзоръ за лавкой лежитъ на особой комиссіи изъ 5 лицъ.

1 марта лавка-бюро общества пчеловодства была открыта и съ первыхъ же дней начала бойко торговать медомъ, отчасти за наличныя деньги, отчасти съ разсрочкой платежа. Къ началу торговли лавка располагала слѣдующими оборотными суммами: 300 рублей отъ общества, 370 рублей частныхъ паевъ и 100 рублей залога прикащика, а всего 770 рублей. Количество частныхъ паевъ до конца года увеличилось на 190 рублей. На первыхъ порахъ лавка работала съ очень скромнымъ запасомъ товара. Отсутствіе достаточнаго запаса заставляло значительно переплачивать за него, почему и доходъ отъ продажи въ первые мѣсяцы былъ незначительный. Въ августѣ и сентябрѣ, чтобы обезпечить лавку большимъ количествомъ

[1]) А. Е. Кулыжный. Деревенскія товарищества по продажѣ яицъ. Полтава, 1911 г.

товара по рыночной цѣнѣ, было взято въ ссудо-сберегательномъ товариществѣ 200 рублей и подъ вексель 300 рублей. На очереди стоитъ изысканіе новыхъ оборотныхъ средствъ, въ видѣ ли займовъ, или привлеченія новыхъ пайщиковъ, или увеличенія размѣра паевъ. Чистая прибыль за годъ составила только 56 рублей, т. е. по 64 копѣйки на пай, или 6,4% годовыхъ на капиталъ. Но на паи распредѣляется лишь $^1/_4$ часть прибыли, т. е. въ данномъ году 14 рублей, что даетъ 16 копѣекъ или 1,6% годовыхъ. Другая четверть распредѣляется на куплю-продажу пайщиковъ. При продажѣ товара пайщиковъ на 2.656 руб. 2 коп. и при покупкѣ ими на 308 руб. 74 копѣйки приходится по $^1/_2$ копѣйкѣ на 1 рубль. Имѣя въ виду, что лавка работаетъ первый годъ, да еще не полный, и тѣмъ не менѣе дала, хотя и небольшой, чистый доходъ, нельзя не признать, что дѣятельность лавки превзошла ожиданія общества, которое при учрежденіи ея даже считалось съ возможнымъ убыткомъ въ первый годъ отъ 200 до 300 рублей. Въ настоящее время [1]), судя по ходу дѣлъ, можно разсчитывать на увеличеніе доходности въ ближайшемъ же году до 300 рублей.

Приведемъ еще нѣсколько другихъ болѣе мелкихъ случаевъ кооперативнаго пчеловодства. Пчеловоды Камышловскаго уѣзда, Пермской губерніи, въ мартѣ 1909-го года организовали въ селѣ Пышминскомъ артельную пасѣку по договору, примѣнительно къ напечатанному въ календарѣ извѣстнаго пчеловода Красноперова за 1905-ый годъ. Не считая затратъ на покупку пчелъ, пчеловодныхъ принадлежностей и наемъ пчеловода, пасѣка въ первый же годъ своего существованія не только оправдала всѣ расходы, но и дала чистаго дохода $2^1/_2$ пуда меда, по $3^1/_2$ фунта на каждый пай.

При Ашапскомъ и Уинскомъ сельскохозяйственныхъ обществахъ, Пермской губерніи, имѣются пасѣки, причемъ второе изъ нихъ насчитываетъ теперь у себя до 50 семей пчелъ. Пасѣка этого общества поставлена въ общемъ хорошо, имѣетъ собственный мшанникъ для зимовки пчелъ и значительное количество пчеловодныхъ принадлежностей. За время своего существованія пасѣка оказала вліяніе на окружающихъ пчеловодовъ, которые начали заводить у себя рамочные ульи и вообще стали прибѣгать къ новымъ пріемамъ пчеловодства. Съ меньшимъ успѣхомъ ведется пчеловодство при Ашапскомъ обществѣ, гдѣ число пчелъ очень невелико: около 10 семей. Въ настоящее время учреждается новая пчеловодная артель при Южно-Осинскомъ сельскохозяйственномъ обществѣ. Повидимому, артель съ первыхъ же шаговъ хочетъ поставить дѣло на

[1]) А. Хабачевъ. Общественная организація торговли продуктами и принадлежностями пчеловодства. Казань, 1911 г.

широкую ногу», привлекая значительное количество членовъ даже изъ города. Чрезвычайное Осинское земское собраніе постановило обратить въ членскіе взносы раньше ассигнованный капиталъ въ 150 рублей на заведеніе пасѣки при земской фермѣ.

Изъ отчета Гадячскаго (Полтавской губерніи) общества пчеловодства и садоводства за третій годъ его существованія (1907 г.) видно, что число членовъ возросло до 129 и общество продолжало работать надъ улучшеніемъ мѣстнаго садоводства и пчеловодства. Общество возбудило ходатайство о преобразованіи его въ уѣздное сельскохозяйственное общество, съ отдѣлами пчеловодства, садоводства и шелководства. Это преобразованіе состоялось въ 1908 г.

Съ апрѣля 1900-го года въ селѣ Ощепковѣ Пермской губерніи начала свои дѣйствія артель крестьянъ-пчеловодовъ. Число членовъ артели 21. Для веденія пасѣчнаго хозяйства приглашенъ артельный пчеловодъ, основательно знакомый съ правильнымъ пчеловодствомъ. Шалинское общество пчеловодовъ, въ Темниковскомъ уѣздѣ Тамбовской губерніи, устроило правильную пасѣку, складъ для продажи ульевъ, пчелъ и сельскохозяйственную библіотеку. Членами общества могутъ быть лица, занимающіяся или интересующіяся пчеловодствомъ. Наконецъ, артельнымъ пчеловодствомъ занимается Княжегорское сельскохозяйственное общество, Курмышскаго уѣзда, Симбирской губерніи, открытое въ 1902 г. Оно устроило образцовый пчельникъ на паяхъ и въ первый же годъ оно пріобрѣло 40 ульевъ Дадана.

Въ Ростовскомъ уѣздѣ Ярославской губерніи, по берегамъ озера Неро, крестьяне не сѣютъ хлѣбовъ и занимаются сплошь огородничествомъ. Въ настоящее время тамъ имѣется до 150.000 грядъ съ горошкомъ, корнеплодами, капустой и лекарственными травами. Овощи служатъ предметомъ торговли. Лѣтомъ сюда сверхъ мѣстныхъ скупщиковъ являются заѣзжіе предприниматели «варить горошекъ». Горошекъ скупается въ сыромъ видѣ по 4-15 коп. фунтъ и съ разными соусами варится въ банкахъ. Много горошка сушится. Русско-японская война дала сильный толчокъ сбыту сушеныхъ корнеплодовъ и капусты. Затѣмъ наступило нѣсколько угнетенное состояніе для сбыта сушеныхъ овощей. Въ 1909 г. въ помощь огородникамъ былъ назначенъ въ Ростовскій уѣздъ, по ходатайствамъ ростовскаго земства и общества сельскаго хозяйства, инструкторъ по технической переработкѣ плодовъ и овощей, А. Я. Мерингъ. Онъ занялся организаціей сбыта и производства продуктовъ на кооперативныхъ началахъ и улучшеніемъ техники производства. Раньше сбытомъ сушеныхъ овощей были обезпечены лишь около 10 человѣкъ крупныхъсушильщиковъ, остальные же сушильщики, числомъ болѣе 80, принуждены были продавать товаръ скупщикамъ

и крупнымъ сушильщикамъ. Цѣны были сбиты конкуренціей; не было разсчета заботиться о качествѣ товара. При помощи инструктора ростовскимъ огородникамъ представилась возможность сбывать сушеные овощи для московскаго интендантства. Пришлось заботиться и о качествѣ товара. Инструкторомъ организованы въ ростовскомъ пріозерьѣ 6 товариществъ по сбыту овощей для войскъ. На первый разъ товарищества дѣйствовали безъ уставовъ, по одному лишь договору съ интендантствомъ. Снятъ былъ подрядъ на поставку «сушки» для супа и борща въ количествѣ 15.000 пудовъ, на сумму 123.250 рублей. Начались разъѣзды инструктора по сушилкамъ. Всюду давались указанія о томъ, какъ лучше сдѣлать товаръ, направить сушилку. Къ 1 декабря 1909 г. весь товаръ былъ принятъ интендантствомъ и найденъ удовлетворяющимъ войсковымъ потребностямъ. Въ 1910 г. дѣлу помогло уѣздное земство. Когда для оборудованія новыхъ сушильныхъ заведеній и найма рабочихъ на огороды потребовался кредитъ, ростовское земское собраніе уполномочило управу выдать интендантству ручательство за задатки интендантства сушильщикамъ въ размѣрѣ половины стоимости подряда, въ суммѣ 200.000 рублей, съ тѣмъ, чтобы впредь до погашенія задатка всѣ суммы, слѣдующія артелямъ отъ интендантства, проходили черезъ кассу управы. Въ количествѣ 38.500 пудовъ сушеныхъ овощей для супа, борща и щей подрядъ артелей сушильщиковъ былъ успѣшно выполненъ и въ 1910-мъ году. Интендантскія цѣны на «сушку»—щи 11 рублей, борщъ 5 руб. 25 коп., супъ 7 рублей за пудъ—вдвое превышали рыночныя цѣны на товаръ.

Въ 1910 г. образовалась новая Ангеловская артель. Число артельщиковъ возросло почти въ три раза, до 223 человѣкъ. Всѣ артели приняли уставъ, утвержденный земствомъ. Артелямъ въ 1910-мъ году предоставленъ военнымъ вѣдомствомъ подрядъ на поставку 17.500 пудовъ картофельнаго супа по 7 рублей, 12.000 пудовъ борща по 8 рублей 25 коп. и 9000 пудовъ щей по 11 рублей за пудъ, всего 38.500 пудовъ смѣсей сушеныхъ овощей на сумму 320.500 рублей. Подрядъ заключенъ артелями безъ торговъ, съ правомъ полученія черезъ земскую управу 160.250 рублей задаточныхъ денегъ. За двѣ недѣли до срока весь интендантскій подрядъ былъ артелями успѣшно выполненъ и сданъ. Въ основу устава артели для сбыта сушеныхъ овощей положенъ уставъ артельныхъ маслодѣленъ, а также внесены изъ «положенія о трудовыхъ артеляхъ» статьи, опредѣляющія обезпеченіе обязательствъ артели круговой порукой и мотивы штрафованія и исключенія членовъ изъ артели. Добавлены условія ручательства земства за задаточныя

деньги и нѣкоторые пункты, вызываемые спеціальными задачами артели. Вся исполнительная хозяйственная часть находится въ рукахъ завѣдующаго. Управленіе, контролированіе завѣдующаго и остальныя обязанности принадлежатъ правленію, состоящему обычно изъ 4—5 членовъ, считая въ томъ числѣ и предсѣдателя. Ревизію артели производятъ учетчики (числомъ три). Вопросы большой важности рѣшаются на общихъ собраніяхъ артели, которыя собираются раза два въ мѣсяцъ. Всѣ должностныя лица избираются закрытой баллотировкой. Получаютъ вознагражденіе они не во всѣхъ артеляхъ. Техническое наблюденіе за дѣятельностью артелей ведется правительственнымъ инструкторомъ переработки плодовъ и овощей. Управа контролируетъ счетоводство артели и расходованіе полученныхъ артелью при посредствѣ земства задатковъ.

Артели за два года своего существованія оказали сильное вліяніе на ростъ овощно-сушильнаго промысла. Изъ всѣхъ 243 сушильныхъ заведеній, зарегистрированныхъ къ январю 1911-го года, только двадцать находятся внѣ артелей. Площадь огородничества возрасла соразмѣрно съ увеличеніемъ площади сушильныхъ ситъ. Но одному интендантскому подряду 1910-го года потребовалось сырыхъ овощей около полумилліона пудовъ. Замѣтно также техническое усовершенствованіе производства: значительное число сушилокъ улучшены, вмѣсто желѣзныхъ введены оцинкованныя сѣтки на ситахъ, качество товара также повысилось. Среди артельщиковъ растетъ кооперативное сознаніе. Кто занимается скупкой сушеныхъ овощей, тотъ долженъ выйти изъ состава артели. Это положеніе проводится по всѣмъ артелямъ, чтобы въ нихъ могли участвовать только тѣ сушильщики, интересы которыхъ не расходятся съ задачами артелей [1]).

Раньше Ростовскихъ артелей, въ 1904 г., сушеные овощи общества сельскихъ хозяевъ въ Минскѣ получили большой сбытъ на театрѣ военныхъ дѣйствій. Недавно въ мѣстечкѣ Пріоркѣ близъ Кіева открылось потребительное общество, въ составъ котораго вошли, главнымъ образомъ, огородники. Въ недалекомъ будущемъ, если дѣла общества пойдутъ хорошо, оно предполагаетъ организовать сбытъ овощей на кооперативныхъ началахъ, для чего въ Кіевѣ предполагается открыть собственную кооперативную овощную лавку, и черезъ посредство Кіевскаго союза потребительныхъ обществъ организовать сбытъ маринованныхъ томатъ и другихъ консервовъ.

Мѣстныхъ обществъ садоводства въ Россіи 26, но только ничтожная часть ихъ приступаетъ къ сбыту. Садоводы эксплуатируются

[1]) См. интересный докладъ А. Я. Меринга на Московскомъ областномъ съѣздѣ дѣятелей агрономической помощи 21-28 февраля 1911 г.

скупщиками и арендаторами не менѣе огородниковъ. Мало того: въ послѣдніе годы во многихъ мѣстахъ укоренился обычай сдачи садовъ «въ цвѣту», что крайне вредно, такъ какъ этимъ подрывается стремленіе къ техническимъ улучшеніямъ, превращая занятія плодоводствомъ, по выраженію одного садовода, «въ какую-то лотерейную игру». Кооперація въ области садоводства задается цѣлью бороться съ вредителями, закупать нужныя орудія и припасы, обновлять сады, не спѣша продавать урожай на товарищескихъ началахъ, устроить консервную фабрику, холодильникъ, выдержать вино и т. д. Нѣкоторыя изъ этихъ задачъ, особенно сбыть и производство вина, уже выполняются немногими существующими въ Россіи товариществами садоводовъ. Таково, напр., учрежденное въ 1898-мъ году нѣмецкими колонистами села Ольгина, Александровскаго уѣзда Ставропольской губерніи и распространяющей свои дѣйствія на Ольгинскую волость товарищество «Фрамъ». Центромъ его торговой дѣятельности служитъ село Ольгино; кромѣ того оно имѣетъ отдѣленіе въ с. Романовкѣ и склады виноградныхъ винъ во всѣхъ селеніяхъ Ольгинской волости На 1 января 1906 года въ составѣ этого товарищество числилось 62 пайщика, изъ которыхъ за каждымъ было записано по одному вполнѣ оплаченному паю (50 рублей). Не смотря на ограниченность имѣвшихся у товарищества средствъ, оно въ теченіе года сдѣлало оборотъ на сумму свыше 150 тыс. руб. Чистая прибыль составила 2.078 руб. 85 коп.

Въ 1905 г. Кутаисское сельскохозяйственное товарищество «Колхида» закончило пятый отчетный годъ. Къ концу этого года оно состояло изъ 149 членовъ, которымъ принадлежало 197 паевъ (по 10 рублей). Имѣя своимъ центромъ г. Кутаисъ, товарищество открыло агентства во многихъ селеніяхъ Кутаисской губерніи. Средства товарищества «Колхида» по балансу на 31 декабря 1905 года составляли: паевой капиталъ 1.844 рубля, запасный — 1.535 руб. 40 коп. и амортизаціонный — 4.099 руб. 51 коп. Кредитъ товарищества опредѣлился въ отчетномъ году въ суммѣ 125.610 руб. 92 коп., изъ которыхъ къ 1 января 1906 года оставалось неуплаченными 90.820 руб. 71 коп. Кромѣ капиталовъ, товарищество имѣло собственное недвижимое имущество, общею стоимостью въ 6.877 руб. 51 коп., и необходимое для его заведеній оборудованіе и матеріалы на сумму 6.617 руб. 56 коп. Торговая дѣятельность товарищества заключалась въ операціяхъ съ шелковичной греной, коконами, хлопкомъ и его сѣменами, съ виноградным виномъ, которое оно получало для продажи исключительно отъ товарищества «Кахетія», съ саженцами тутовыхъ и фруктовыхъ деревьевъ, съ виноградной лозой и средствами леченія ея болѣзней и съ разными

полевыми и огородными сѣменами. Общая валовая прибыль товарищества опредѣлилась въ суммѣ 6.369 руб. 45 коп.

Дзенгелевское кредитное товарищество, Кіевской губерніи, приступило къ организаціи совмѣстнаго сбыта свеклы на сахарные заводы. Порядокъ при этомъ установленъ такой: члены заявляютъ товариществу, что они обсѣменятъ извѣстную площадь свеклы и доставятъ урожай въ мѣсто, указанное товариществомъ; товарищество, на основаніи этихъ заявленій, заключаетъ съ заводами контракты на поставку большихъ партій. Заводъ заранѣе вноситъ товариществу часть денегъ въ счетъ заказа, а товарищество выдаетъ деньги членамъ сообразно со взятыми ими на себя обязанностями. Первоначально товарищество взяло на себя 2 заказа: одинъ въ 40.000 берковцевъ по 1 руб. 80 коп., другой тоже на 40.000 берковцевъ по 1 руб. 60 коп.; заключено, кромѣ того, предварительное соглашеніе на поставку урожая съ 500 десятинъ. Помимо непосредственной пользы отъ такой организаціи поставки свеклы, товарищество принесло крестьянамъ выгоду уже тѣмъ, что цѣна на крестьянскую свеклу съ 1 руб. 20 коп. поднялась до 1 руб. 80 коп.

Еще болѣе новое явленіе представляютъ собою кооперативы крахмальнаго производства. Въ Костромскомъ уѣздѣ есть 3 волости: Шунгенская, Черпозаводская и Коряковская, которыя, вслѣдствіе мѣстныхъ условій, разводятъ на своихъ поляхъ одинъ только картофель. Весь урожай прямо съ поля перевозился на заводы частныхъ предпринимателей, ставившихъ на первый планъ свои интересы въ ущербъ интересамъ поставщиковъ, т. е. старались заплатить за картофель какъ можно дешевле. Такъ какъ крестьянамъ съ картофелемъ дѣваться было некуда, они принуждены были доставлять картофель по той цѣнѣ, которую назначатъ заводчики. Подъ вліяніемъ такого положенія у крестьянъ возникла мысль устроить свой заводъ на паяхъ. Саметское общество сельскаго хозяйства, Шунгенской волости, просило департаментъ земледѣлія отпустить ему изъ меліоративнаго фонда ссуду въ 15.000 рублей на постройку завода, но получило отказъ. Затѣмъ на той же мысли остановились и крестьяне села Шунги. Они стали усиленно обсуждать проектъ устройства своего картофеле-терочнаго завода. Рѣшено было часть средствъ добыть паями, а часть занять у болѣе состоятельныхъ лицъ. Сначала за дѣло принялась группа лицъ въ 20—30 человѣкъ, но вскорѣ къ нимъ примкнула почти полсвина села Шунги и часть крестьянъ изъ сосѣднихъ селеній; кромѣ того, довольно много паевъ взяли костромскіе капиталисты и интеллигенція, сочувствующіе этому дѣлу. Чтобы ограничить вліяніе отдѣльныхъ лицъ, въ договоръ были введены два параграфа: во-первыхъ, число паевъ на одно лицо огра-

ничено десятью; во-вторыхъ, каждый членъ товарищества, сколько бы онъ паевъ ни взялъ, имѣетъ въ собраніи только одинъ голосъ. Договоръ этотъ былъ разработанъ на предварительномъ собраніи 12 апрѣля 1909 года и засвидѣтельствованъ у нотаріуса. Къ 1 сентября заводъ товарищества былъ уже построенъ, и началась пріемка картофеля. Первоначально населеніе относилось къ заводу недовѣрчиво, но когда крестьяне увидѣли, что за картофель уплачиваютъ очень аккуратно, при пріемкѣ не обмѣриваютъ, отношеніе рѣзко измѣнилось. За время работы принято картофеля 16.852$^1/_2$ четверти и изъ нихъ выработано 34.608 пудовъ сырого крахмала, проданнаго за 34.129 руб. 18 коп. Валовой доходъ завода 4.001 руб. 64 коп. За картофель заводъ платилъ въ 1910 г. по 1 руб. 70 коп. за четверть, т. е. столько же, сколько и на другихъ заводахъ, но послѣ окончанія операцій доплатилъ еще по 10 копѣекъ на четверть. Эта доплата, по мнѣнію правленія, укрѣпитъ въ населеніи довѣріе къ заводу. По примѣру Шунгенскаго товарищества до сихъ поръ учреждены 5 кооперативныхъ заводовъ по переработкѣ картофеля на крахмалъ. Изъ новыхъ кооперативовъ два принимаютъ болѣе чѣмъ по 20.000, одинъ—13.000 четвертей картофеля. Такимъ образомъ, на сравнительно небольшой территоріи деревня съумѣла менѣе чѣмъ въ 2 года съорганизовать капиталы въ общей сложности до 80.000 р. Очевидно, что такія средства не могли сразу притечь изъ деревни. Ихъ надо было привлечь при помощи кредита. И дѣйствительно къ сентябрю прошлаго года 4 кооператива имѣли «своего» капитала 23.800 рублей, что равнялось только 30% всей стоимости заводовъ. Все остальное было создано при помощи кредита. Условія кредита были довольно неблагопріятны, и его приходилось доставать изъ большого числа источниковъ. Заводы кооперативовъ подвѣдомственны фабричной инспекціи, такъ какъ число наемныхъ рабочихъ достигаетъ 22—24 (въ 2 смѣны). Договоръ, легшій въ основаніе перваго кооператива, съ самыми небольшими поправками принятъ другими кооперативами. Основныя черты слѣдующія: 1) средства кооператива состоятъ изъ займовъ и десятирублевыхъ паевъ; 2) вся сумма паеваго капитала не можетъ превышать 10.000 рублей = 1000 паевъ; (послѣдній по времени возникновенія кооперативъ — Яковлевскій — расширилъ этотъ предѣлъ до 1500 паевъ); 3) черезъ 3 года отъ начала существованія кооператива онъ долженъ приступить къ погашенію паевъ; 4) болѣе десяти паевъ одинъ членъ имѣть не можетъ, имѣя на общихъ собраніяхъ при всякомъ числѣ паевъ 1 голосъ; 5) кооперативъ принимаетъ картофель какъ отъ членовъ, такъ и отъ не-членовъ; 6) не-членамъ онъ уплачиваетъ ту цѣну, которая уплачивается частными заво-

дами; членамъ, кромѣ того, онъ платитъ изъ чистыхъ остатковъ добавочные 6% годовыхъ на пай; 7) кооперативъ ведетъ торговлю и оказываетъ кредитъ преимущественно для членовъ. Къ сентябрю 1910 г. въ 4 кооперативахъ участвовало 705 дворовъ изъ 52 селеній; въ одномъ районѣ члены-поставщики составляютъ 37% всѣхъ дворовъ тѣхъ же селеній, въ другомъ—10% [1]).

Въ заключеніе отмѣтимъ примѣненіе кооперативнаго начала въ нетронутыхъ до сихъ поръ областяхъ.

«Въ 1906 г.—пишетъ П. Мигулянинъ—въ селѣ П-скомъ, Богодуховскаго уѣзда Харьковской губерніи, хорошо уродилось льняное сѣмя. Нѣкоторые крестьяне продали 1800 пудовъ сѣмени по 1 руб. 5 коп., да провозъ обошелся по 15 копѣекъ съ пуда, въ 270 рублей, значитъ, наличными получили 1.620 рублей. А одинъ крестьянинъ этого села, г. Борозда, созвалъ своихъ односельчанъ и началъ совѣтовать имъ устроить маслобойный заводъ, самимъ выжимать сѣмя, чтобы продавать масло. Многіе махнули рукой и ушли, а 18 болѣе зажиточныхъ да смышленныхъ крестьянъ согласились, взялись за дѣло. Набралось у нихъ вмѣстѣ тоже 1800 пудовъ сѣмени. Переработали сѣмя въ 36 дней по 50 пудовъ въ день. Работали смѣнами по 4—5 человѣкъ. Масла получили 540 пудовъ, т. е. по 12 фунтовъ съ пуда сѣмени. Осталось еще для скармливанія скоту 1260 пудовъ жмыховъ, которые представляютъ хорошій кормъ и цѣнятся по 40 копѣекъ за пудъ. Масло продали цѣлой партіей сообща по 3 руб. 40 коп. за пудъ. Выручили за масло 1.835 рублей, да за провозъ по 15 копѣекъ съ пуда, истратили 81 рубль, значитъ деньгами получили 1.755 рублей, а если прибавить сюда жмыхи, то получится 2.259 рублей, не считая стоимости завода, который обходится весьма дешево и котораго стоимость надо разложить на 10 лѣтъ» [2]).

Еще болѣе выгодно было бы, если бы русскіе крестьяне учреждали товарищества для обработки и сбыта льна, что уже намѣчается въ Ярославской губерніи и отчасти осуществлено Яропольскимъ кредитнымъ товариществомъ въ Московской губерніи.

Среди различныхъ отраслей промышленности нашего сѣвера видное мѣсто занимаетъ смолокуреніе. Имъ занимаются, главнымъ образомъ, въ трехъ уѣздахъ: Вельскомъ и Сольвычегодскомъ Вологодской губерніи и Шенкурскомъ, Архангельской губерніи. Смолокуреніемъ въ названныхъ уѣздахъ промышляютъ до 5000 крестьянскихъ семействъ. Названные три уѣзда являются глав-

[1]) Подробности объ этихъ кооперативахъ находятся въ интересной работѣ г. Н. Макарова: «Новая кооперація», Кострома 1911.

[2]) Газета Кіевскаго Управленія по дѣламъ мѣстнаго хозяйства отъ 10 апрѣля 1910 года, стр. 11—12.

ными поставщиками смолы на міровой рынокъ черезъ Архангельскій портъ. Главнымъ потребителемъ ея является Англія. Однако, прежде чѣмъ попасть на Лондонскій рынокъ, смола должна перейти черезъ нѣсколько посредническихъ рукъ, у которыхъ, само собой разумѣется, одно желаніе: дешевле купить и дороже продать. Все это невыгодно отражается на интересахъ производителей — крестьянъ. Такъ напримѣръ, въ 1900 г., смола въ Лондонѣ стоила около 8 руб. 92 коп. за бочку; скупщики же платили на мѣстахъ крестьянамъ по 2 руб. 60 коп. за бочку. Доставка до Архангельска, пошлина, нагрузка, провозъ до Лондона и др. расходы стоили 2 руб. 70 коп. съ бочки. Слѣдовательно, разница въ суммѣ 3 руб. 62 коп. попадала въ карманы посредниковъ: скупщиковъ и перепродавцевъ. Такое явленіе не могли не замѣтить многіе изъ смолокуровъ; нѣкоторые начали подумывать о томъ, нельзя ли какъ-нибудь обойтись безъ посредниковъ. Въ 1901 г. три общества: Верхнесуланское, Благовѣщенское и Попонаволоцкое попытались организовать *артельный сбытъ своей смолы*. Но имъ пришлось сразу встрѣтиться съ крупнѣйшимъ препятствіемъ — недостаткомъ средствъ на доставку товара до Архангельска и провозъ оттуда въ Англію. Дѣло въ томъ, что скупщики закупаютъ смолу у крестьянъ зимой, иногда даже до начала ея производства, и тогда же даютъ задатки на нее. Большинство смолокуровъ бываетъ, такимъ образомъ, закабалено у скупщиковъ, и своихъ средствъ на доставку смолы, хотя бы до Архангельска, не имѣетъ. Немного помогло имъ удѣльное вѣдомство. Управленіе Вельскаго удѣльнаго округа выдало артелямъ подъ залогъ смолы ссуду, на которую смолокуры сами доставили смолу въ Архангельскъ, а оттуда сами же отправили ее въ Лондонъ. Для доставки смолы въ Лондонъ и продажи ея тамъ они послали отъ себя довѣреннаго. Несмотря на то, что артельный сбытъ смолы былъ новшествомъ, несмотря на неопытность лицъ, взявшихся за это дѣло, все-таки удалось выручить за смолу не дешевле той цѣны, которую давали скупщики. Въ теченіе первыхъ трехъ лѣтъ артельное дѣло не клеилось; то недоставало средствъ, то недоставало опыта и знаній и отъ этого происходили ошибки. Мало - по - малу оно налаживалось и въ 1906 г. достигло очень хорошихъ результатовъ. Сами смолокуры оцѣпили преимущества артелей, и количество какъ артельщиковъ, такъ и сбываемыхъ чрезъ посредство артелей товаровъ съ каждымъ годомъ возрастало. Артели устанавливали одинаковыя цѣны по своему району и заставили скупщиковъ конкурировать съ ними. Скупщики скоро почувствовали опасность; они видѣли въ артеляхъ свою гибель и старались всѣми способами провалить артельныя начинанія. Не желая

лишиться своихъ поставщиковъ смолы, они платили имъ такую же цѣну, какъ и артели, давали деньги въ уплату за смолу впередъ, поили водкой и т. п. Но все-таки имъ пришлось уступить артелямъ. Многіе изъ нихъ, сознавая, что конкурировать съ артелями невозможно, благоразумно сами отошли отъ смоляного дѣла. Такъ продолжало развиваться артельное дѣло до 1906-го года. Въ продолженіе шести (1901—6 г.) лѣтъ удѣльное вѣдомство оказывало матеріальную помощь смолянымъ артелямъ, выдавая ссуды подъ залогъ товара. Но въ 1906 г. названное вѣдомство выдачу ссудъ прекратило и смоляныя артели оказались опять безъ средствъ. Скупщики ожили и стали предлагать небывало низкія цѣны за смолу. Смолокуры не могли имъ противиться за отсутствіемъ средствъ. Но все-таки артельное дѣло нельзя назвать павшимъ. Мало-по-малу смолокуры начинаютъ изыскивать для своихъ оборотовъ средства. Особенно полезную услугу имъ оказываютъ кредитныя товарищества, которыя въ послѣднее время получаютъ довольно широкое развитіе и на Сѣверѣ. Надо полагать, что когда въ районѣ каждой смоляной артели будетъ функціонировать кредитное товарищество, дѣятельность самой артели оживится. Она будетъ имѣть возможность достать средства для своихъ оборотовъ и не будетъ нуждаться ни въ чьей помощи. Артели тогда не будутъ въ зависимости отъ удѣльнаго вѣдомства. Такое явленіе уже наблюдается и въ настоящее время. *Гдѣ есть кредитныя товарищества, тамъ артели успѣшно продолжаютъ свою дѣятельность* и почти окончательно вытѣснили скупщиковъ. Весной 1909-го года артели продали смолу по цѣнѣ на 60 копѣекъ дороже той, которую давали скупщики.

Возрождаются вновь рыболовныя артели. Такъ въ 1905-мъ году организовались большое Новгородское рыболовное товарищество (съ райономъ въ 4 волости) и Новинское, въ дельтѣ рѣки Ловати. Въ 70-хъ годахъ рыболовныхъ товариществъ въ Новгородской губерніи было 46, но съ уменьшеніемъ земской помощи этимъ кооперативнымъ организаціямъ количество товариществъ сократилось.

Кулейское общество потребителей Новгородской губерніи составилось изъ крестьянъ-рыбаковъ, промышляющихъ главнымъ образомъ ловлей и приготовленіемъ снѣтковъ на Бѣлоозерѣ. Общество это основано въ 1902 г. и съ тѣхъ поръ успѣшно развивается. Состоитъ оно исключительно изъ крестьянъ. Кромѣ лавки съ предметами потребленія, общество занялось доставкой своимъ членамъ сѣтей для рыбной ловли, а съ прошлаго года принялось и за сбытъ снѣтковъ, доставляя ихъ черезъ Московскій Союзъ другимъ союзнымъ потребительнымъ обществамъ. При обществѣ устроена библіотека-читальня.

Изъ предыдущаго изложенія мы видимъ, въ какой обширной области уже существуетъ кооперативный сбытъ продуктовъ сельскаго хозяйства. Къ сожалѣнію, проникнуть во многія отрасли сельскаго хозяйства кооперативный сбытъ еще не успѣлъ. При отсутствіи спеціальныхъ товариществъ для сбыта, уставъ коихъ былъ опубликованъ только недавно, за сбытъ берутся сельско-хозяйственныя общества, кредитные кооперативы и потребительныя общества. При малой дифференціаціи и недостаткѣ руководителей противъ этого едва ли можно что возразить. Типъ универсальной кооперація, занимающейся всѣмъ, въ деревнѣ умѣстенъ на всѣхъ ступеняхъ развитія. Уставъ сельско-хозяйственныхъ обществъ особенно приспособленъ къ выполненію самыхъ разнообразныхъ функцій.

Кооперативная переработка продуктовъ—явленіе еще болѣе новое, чѣмъ сбытъ ихъ. Народилось пока главнымъ образомъ производство масла, крахмала и сушки овощей. Слѣдовало бы обратить вниманіе на консервированіе овощей и фруктовъ, на кооперативную обработку и сбытъ льна. Такимъ образомъ можно было бы поднять очень важную для Россіи культуру льна.

В. Тотоміанцъ.

КРИТИЧЕСКІЕ НАБРОСКИ.

Есть нѣчто общее и какъ бы роковое въ литературной судьбѣ наиболѣе прославленныхъ нашихъ писателей послѣднихъ двухъ десятилѣтій. Съ быстротою и рѣшительностью, какія не выпадали на долю даже истиннымъ корифеямъ русской литературы предшествующей поры, возносятся они на вершину извѣстности не только всероссійской, но и европейской, лѣтъ пять-шесть купаются въ лучахъ славы, а затѣмъ всеобщій интересъ къ ихъ твореніямъ съ такой же быстротою и рѣшительностью потухаетъ, хотя производительность ихъ, поощренная недавними успѣхами, отнюдь не понижается количественно.

Царствованіе Леонида Андреева было непродолжительно. На этихъ же страницахъ мнѣ не разъ приходилось обращаться къ невеселому дѣлу—отмѣчать, какъ яркія проявленія недюжиннаго таланта все чаще и чаще уступали мѣсто ремесленной работѣ, надуманной, вычурной, вымученной. Тяжело было видѣть, какъ истинное

дарованіе тратится на рыночныя подѣлки, какъ трясина всасываетъ живую душу,—и вотъ теперь съ горечью приходится внести въ свою лѣтопись безотрадное: «свершилось». Печать безнадежнаго художественнаго паденія лежитъ на послѣднемъ романѣ Леонида Андреева: «Сашка Жегулевъ».

Авторъ «Повѣсти о семи повѣшенныхъ» снова обратился къ трагическимъ явленіямъ, выросшимъ на почвѣ нашего освободительнаго движенія. На этотъ разъ онъ остановился на тѣхъ анархическихъ, первобытныхъ формахъ протеста, которыя воплотились въ разбойничьихъ шайкахъ типа «лѣсныхъ братьевъ». Но если въ первой «Повѣсти» писатель принялъ въ свое сердце реальную боль живой дѣйствительности и, художественно побѣдивъ ее, сумѣлъ конкретный фактъ возвести въ «перлъ созданія», вскрыть его всечеловѣческую, вѣчную сущность, то теперь онъ воспользовался реальнымъ фактомъ только какъ трамплиномъ для прыжка въ область произвольной фантастики. Это—излюбленный методъ Ѳедора Сологуба, который не любитъ жизни и принципіально утверждаетъ, что конкретное содержаніе не только не можетъ дать ничего цѣннаго, но наоборотъ—только уведетъ отъ красоты и правды. Надо оторваться отъ дѣйствительности, подмѣнить ее «творимой легендой»—и тогда только обрѣтемъ «все, чего намъ *здѣсь* недоставало». И вступивъ на эту пагубную тропинку, Андреевъ, вѣроятно и самъ того не замѣчая, поддался вліянію Сологуба даже въ стилѣ. Его романъ написанъ необычнымъ для него языкомъ,—пряно-сентиментальнымъ, соединяющимъ съ себѣ характерные уклоны Сологубовскаго языка, но безъ его неоспоримаго достоинства: безъ той блѣдной и тонкой музыкальности, секретъ которой знакомъ только Сологубу. И не только въ методѣ, не только въ стилѣ, но и въ нѣкоторыхъ эпизодахъ сюжета сказалось вліяніе того же источника. Попробуйте, напримѣръ, сравнить конецъ повѣсти Сологуба «Старый домъ» и заключительныя страницы «Сашки Жегулева». Совпаденіе несомнѣнное. Герой Сологуба, мальчикъ-террористъ, повѣшенъ. Три женщины—его мать, сестра и бабушка—баюкаютъ себя мечтой, что онъ живъ, и топятъ свое неисцѣлимое горе въ полубезумномъ самообманѣ. У Андреева герой, мальчикъ-разбойничающій революціонеръ, разстрѣлянъ. Три женщины—его мать, сестра и невѣста,—баюкаютъ себя мечтой, что онъ скрылся въ Америку и вгрою обмана помогаютъ другъ другу нести скорбь.

Въ эту канву Сологубовской разслабленности Андреевъ вплетаетъ нѣкоторые элементы, заимствованные изъ собственныхъ прежнихъ произведеній, и еще нѣчто отъ Достоевскаго. Слышатся отзвуки то сложныхъ переживаній «Іуды», предающаго любимаго учи-

теля, то скорби Саваоа изъ «Саввы», когда развертываются трепетныя настроенія Колесникова, предающаго Сашу на духовное пропятіе. Въ настроеніи, которое чистаго, именно чистаго, Сашу заставляетъ запятнать свою душу послѣдней грязью и преступностью, во имя выполненія какой-то высшей правды, вспоминается идея «Тьмы», которая тоже утверждаетъ, что «стыдно» оставаться чистымъ. Конечно, Петръ Степановичъ Верховенскій изъ «Бѣсовъ» Достоевскаго, съ своей идеей «Ивана-Царевича», объяснилъ Андрееву популярность легендъ о гдѣ-то скрывающемся красавцѣ-разбойникѣ, мстящемъ насильникамъ за ихъ неправду и возстановляющемъ поруганную въ жизни справедливость. Можно бы и еще указать рядъ аналогичныхъ литературныхъ параллелей, но и приведенныхъ достаточно, чтобы понять, какимъ способомъ приготовлено новое произведеніе Леонида Андреева и опредѣлить степень его художественной и идейной цѣнности и самостоятельности.

Зажило погребаетъ себя и другой божокъ недавняго прошлаго, Арцыбашевъ, впрочемъ и прогремѣвшій-то въ свое время не по заслугамъ. Послѣ талантливыхъ, но не очень замѣченныхъ разсказовъ, послѣ вызывающаго «Санина», этотъ писатель, казалось, вступилъ «Рабочимъ Шевыревымъ» на стезю вдумчивой и серьезной художественной работы; но онъ не удержался на ней, и напечатанное въ прошломъ году начало его новаго большого романа: «У послѣдней черты» пришлось отмѣтить, какъ несомнѣнный и большой шагъ Арцыбашева назадъ. Теперь, въ 7-мъ и 8-мъ сборникахъ «Земли», появился конецъ этого романа. Если въ первой части были еще просвѣты, были не безъ чуткости намѣченные, но недостаточно разработанныя и въ фальшивую перспективу поставленныя интересныя психологическія задачи, то вторая и послѣдняя часть уже совершенно подобна пустынѣ Аравійской, скучной и безплодной. Есть еще одно различіе между двумя частями: въ первой авторъ далъ весьма большое число весьма подробныхъ описаній того, что дѣлаетъ обольстительный мужчина съ приходящими къ нему женщинами, и описалъ сравнительно небольшое количество смертей; во второй части авторъ ограничился весьма немногими описаніями обольстительнаго времяпрепровожденія, за то съ неимовѣрно широкой щедростью высыпалъ неимовѣрное количество смертей, и при томъ самоубійствъ, такъ что въ концѣ концовъ истребилъ чуть не всѣхъ поголовно своихъ героинь и героевъ, — чего впрочемъ нельзя было не ожидать съ первыхъ же страницъ, ибо очевидно въ этомъ неудержимомъ самоистребленіи и лежитъ центральная идея всего романа. Но какъ ни старается авторъ поразить читателя ужасомъ, глубокими идеями, пламенными страстями, читатель, закрывая романъ, невольно вспо-

минаетъ ту его страницу, на которой жалкій и бездарный казначейскій писецъ Рысковъ тоскуетъ: «Ни любви, ни вѣры, ни мыслей, ни отчаянія,—только муть какая-то»...

И такъ же, какъ въ послѣднемъ романѣ Андреева, непріятно поражаетъ у Арцыбашева широкая система заимствованій. Воть ужъ подлинно человѣкъ беретъ свое добро вездѣ, гдѣ его найдетъ,—и у себя, и у другихъ. Незаурядное явленіе въ лѣтописяхъ литературы представляетъ въ этомъ отношеніи добросовѣстно отмѣченная одобрительная автоцитата въ главѣ XVI-ой: «У писателя Арцыбашева есть разсказъ «О великомъ знаніи»... полуфантастическій, иронический разсказъ... Тамъ у него нѣкій человѣкъ продалъ душу чорту за то, чтобы знать все... И узналъ... И на другой же день пошелъ, засунулъ голову въ помойную яму и тамъ издохъ!.. Арцыбашевъ не говоритъ, почему, что онъ узналъ?.. Но вѣдь это такъ и есть, такъ и должно быть». Жаль только, что авторъ лишь въ этомъ мѣстѣ счелъ нужнымъ сдѣлать ссылку. Если бы онъ соблюдалъ такую же добросовѣстность при каждой автоцитатѣ, что ему пришлось бы довольно часто ссылаться на свои прежнія писанія и даже на предыдущія страницы этого же самаго романа... Вслѣдъ за указанной одобрительной автоцитатой идутъ двѣ страницы разсужденій Наумова, объ источникѣ которыхъ г. Наумовъ умалчиваетъ, хотя указать его совсѣмъ не трудно: это очень близкій, только совершенно обезцвѣченный пересказъ одного мѣста изъ исповѣди Ивана Карамазова брату Алешѣ въ трактирѣ. Послушайте, въ самомъ дѣлѣ: «Допустимъ, что когда разверзнутся небеса, и самъ Господь Саваоѳъ предстанетъ передъ нами во всей славѣ своей, и узнаемъ мы все, то тутъ-то и обнаружится такой смыслъ, какого мы и не предчувствовали, такія цѣли, о которыхъ слабымъ своимъ человѣческимъ умомъ и предполагать не могли, и тутъ сразу все разъяснится и наступитъ полное, хотя и совершенно безцѣльное, но фактическое блаженство... Но на что же оно намъ «тогда»?.. Вѣдь я человѣческимъ разумомъ отъ него отказываюсь!.. Я здѣсь, пока я живъ и есть именно Я, отказываюсь отъ этого запоздалаго блаженства» и т. д. Это говоритъ у Арцыбашева нынеперъ Наумовъ. А у Достоевскаго Иванъ Карамазовъ съ гораздо большей яркостью, искренностью и болью говоритъ объ евклидовскомъ, ограниченномъ умѣ человѣка, которому не дано постигнуть закона, ведущаго человѣка черезъ бездну страданій къ осаннѣ второго пришествія, и, не примиряясь съ этимъ оскорбляющимъ путемъ, спѣшитъ «заранѣе отказаться отъ грядущей гармоніи и билетъ на входъ почтительнѣйше возвратить». Неужели Наумовъ, не читая «Братьевъ Карамазовыхъ», самостоятельно дошелъ до такого разительнаго совпаденія?..

Нѣсколько выше, на стр. 46 тотъ же инженеръ Наумовъ столь же развязно подвергаетъ экспропріаціи старца Зосиму, разсуждая отъ своего лица о вселенской гармоніи, въ которой «все связано, все находится въ зависимости отъ другого, и даже самые тайники моей мысли—все только звенья одной неразрывной цѣпи. Толчокъ здѣсь долженъ отозваться на противоположномъ концѣ пространства и времени». Это, конечно, мысли Зосимы о вселенскомъ всеединствѣ: «Все какъ океанъ, въ одномъ концѣ тронешь, въ другомъ отзывается». Остается только предоставить самому Арцыбашеву отвѣтить передъ своей художественной совѣстью, какимъ образомъ въ одной и той же психикѣ могутъ рядомъ уживаться идеи Ивана объ евклидовскомъ умѣ и цѣликомъ упраздняющія ихъ прозрѣнія старца Зосимы. Другой герой Арцыбашева, купецъ Арбузовъ, не отстаетъ отъ служащаго у него инженера Наумова въ свободномъ отношеніи къ чужому художественному творчеству и приписываетъ своему знакомому товарищу прокурора буквально такія же отвратительно жестокія издѣвательства надъ публичными женщинами, какими потѣшались герои «Записокъ изъ подполья» и нѣкоторые другіе аналогичные типы у Достоевскаго. Арбузовъ, очевидно, не принимаетъ во вниманіе того чувства неловкости, которое овладѣваетъ всѣми присутствующими, когда въ обществѣ какой-нибудь господинъ начинаетъ разсказывать ходячій анекдотъ, предпославъ ему замѣчаніе: «А вотъ какой случай вышелъ вчера со мной», или «съ однимъ моимъ близкимъ пріятелемъ»...

У Льва Толстого есть, среди другихъ, одинъ необычайно яркій художественный пріемъ: подмѣтивъ у своего героя или героини одну характернѣйшую физическую деталь, повторять ее неоднократно съ извѣстными варіантами, такъ что въ концѣ концовъ у читателя невольно закрѣпляется обликъ дѣйствующаго лица въ самомъ выразительномъ своемъ, глубоко индивидуальномъ проявленіи. Это нѣчто вродѣ Вагнеровскихъ лейтъмотивовъ. Таковы завитки волосъ у Анны Карениной на затылкѣ, ея манера легко носить свое полное тѣло, близорукость Пьера Безухова и т. п. Этотъ пріемъ, повидимому, понравился Арцыбашеву, и онъ широко примѣнилъ его къ нѣкоторымъ своимъ фигурамъ, только обезцвѣтивъ его совершенно и доведя до карикатуры. Глава VI-я, стр. 45: «Краузе странно пошевелилъ бровями»; стр. 46: «Краузе пошевелилъ бровями»; стр. 47: «Краузе пошевелился и поднялъ брови»; стр. 48: «Краузе пошевелился безпокойно»; стр. 49: «онъ только молча шевелилъ бровями» и т. д. Въ гл. VIII-й корнетъ Краузе, оставшись одинъ (въ VI-й главѣ онъ шевелится и шевелитъ бровями передъ Наумовымъ), продолжаетъ съ такимъ же упор-

ствомъ предаваться тому же занятію. Стр. 58: «Краузе тоскливо пошевелился»; стр. 58: «Краузе опять пошевелился»; стр. 61: «Краузе недоумѣло пошевелилъ бровями»; стр. 64: «онъ недоумѣвающе пошевелилъ бровями»,—и такъ далѣе до безконечности. Вотъ какъ использовалъ Арцыбашевъ уроки великаго писателя земли русской...

А въ самыхъ послѣднихъ строкахъ своего романа Арцыбашевъ не побрезговалъ позаимствоваться у Леонида Андреева резиновой галошей, но и съ ней распорядился весьма неумѣло. Въ «Повѣсти о семи повѣшенныхъ», тоже на послѣдней страницѣ, есть такая деталь: казнь уже совершена, мѣсто казни опустѣло, и только на снѣгу валяется галоша одного изъ казненныхъ. Арцыбашевъ повѣсилъ свою послѣднюю жертву, студента-идеалиста Чижа «на вѣшалкѣ, рядомъ съ его коротенькой шинелью. Пара маленькихъ галошъ, старыхъ и рваныхъ, стояла на полу возлѣ». Насколько мнѣ извѣстно, самоубійцы никогда не вѣшаются на вѣшалкѣ, и по очень понятной причинѣ: вѣшалка обыкновенно приколачивается не такъ высоко, чтобы можно было, закинувъ на нее петлю, не достать ногами до пола, и притомъ прилаживается не такъ крѣпко, чтобы не сломавшись или не сорвавшись могла выдержать, тяжесть взрослаго человѣка...

Съ высотъ литературнаго Олимпа спускаюсь въ болѣе скромную среду, и тутъ нахожу нѣсколько книжекъ, непритязательныхъ и искреннихъ, а потому въ полной мѣрѣ заслуживающихъ вниманія читателя. Прежде всего отмѣчу сборникъ разсказовъ трагически скончавшагося этимъ лѣтомъ въ Парижѣ молодого поэта Виктора Гофмана: «Любовь къ далекой». О мягкихъ, красивыхъ стихотвореніяхъ его я когда-то уже писалъ и характеризовалъ его, какъ лирика деликатно-нѣжной любви, какъ чуткую поэтическую душу, полную жажды чистыхъ и кроткихъ радостей, чуткую къ красотѣ въ природѣ, въ жизни, въ людяхъ, неприспособленную къ грубости, безобразію и грязи, но брошенную въ адъ городского содома, въ липкую атмосферу меблированныхъ комнатъ. Когти Молоха-города калѣчатъ такія кроткія души. Порывы къ чистому, нѣжному счастью въ нихъ живы, но право на это счастье и возможность взять его отняты у нихъ. И томятся онѣ подъ бременемъ своей раздвоенности, одинаково неспособныя вознестись на небо и удовлетвориться пресмыканіемъ въ тинѣ повседневности.

Изъ этого круга настроеній не выходятъ и разсказы Виктора Гофмана. Это все та же жалобная, хотя и мужественно сдержанная лирика. Вотъ онъ вспомнилъ «тонкую дѣвушку съ подвижнымъ станомъ и лучисто-строгими глазами». Я любилъ ее, какъ только можно любить цвѣтокъ, ласково, бережно, и восхищенно. Я любилъ

ее, какъ цвѣтокъ, вблизи котораго я снова чувствовалъ себя близкимъ къ природѣ, какъ цвѣтокъ, у котораго можно учиться гармоніи и красотѣ. Ея душа была открыта всѣмъ звукамъ, всѣмъ запахамъ, всѣмъ голосамъ и лучамъ цвѣтущаго лѣта, и когда я смотрѣлъ въ ея глаза, стараясь проникнуть сквозь нихъ въ глубь ея ароматной души, мнѣ казалось, что и я дѣлаюсь цвѣткомъ, что душа моя раскрывается, принимаетъ теплые лучи, что душа моя расцвѣтаетъ... Проходили годы. Я забылъ дѣвушку, похожую на цвѣтокъ, обѣщавшую мнѣ возрожденіе и новую близость къ природѣ». Неправда—не забылъ: онъ именно къ ней рвется, именно ее ищетъ во всѣхъ этихъ случайныхъ сближеніяхъ съ случайными женщинами, именно отчаявшись ее найти, съ грустнымъ спокойствіемъ отдается потоку жизни, безконечно далекой отъ цвѣтовъ, и отъ дѣвушекъ, похожихъ на цвѣты. «И снова во всемъ этомъ мнѣ явственно видѣлась чья-то сознательная, упорная воля, не считающаяся съ моимъ счастьемъ и моими страданіями, сурово направляющая меня по ею избранному, непонятному и чуждому мнѣ пути. И снова я чувствовалъ себя жалкимъ, раздавленнымъ. Въ отчаяніи я понималъ свое безсиліе и все же хотѣлъ сопротивляться, хотѣлъ кричать въ лицо глухому, ломающему мою жизнь чудовищу слова послѣдняго отчаянія и возмущенія. Но я усталъ, я былъ безсиленъ, и я долженъ былъ уснуть»... И онъ уснулъ послѣднимъ сномъ—среди царственнаго города, самаго типичнаго изъ всѣхъ городовъ...

Печать интимности лежитъ на сборникѣ крохотныхъ разсказовъ О. Боголюбовой: «Сказки усталаго сердца». Это, говоря словами Пушкина, повидимому, плодъ

Ума холодныхъ наблюденій
И сердца горестныхъ примѣтъ.

Содержаніе сборника опредѣляется первымъ разсказомъ: «Въ музыкальномъ магазинѣ», гдѣ авторъ своимъ индивидуальнымъ путемъ приходитъ къ выводу, близко напоминающему извѣстную параллель Гамлета между флейтой и душой человѣка: «Почему мы можемъ отдавать долгіе годы на то, чтобы овладѣть душой инструмента, можемъ такъ бережно относиться къ нему, почему такъ развязно смѣло, грубыми руками беремся за струны тѣхъ божественныхъ скрипокъ и віолончелей, которыя зовутся душами человѣческими?!.» И далѣе передъ читателемъ развертывается цѣлая цѣпь выхваченныхъ прямо изъ жизни коротенькихъ эпизодовъ, очерченныхъ мягкой, но увѣренной рукой, своеобразной манерой, умѣющей отбросить прочь всѣ детали обстановки, времени, облика, дѣйствую-

щихъ лицъ и въ нѣсколькихъ словахъ выпукло, часто не безъ юмора, поставить передъ читателемъ то, по чему скользитъ обыкновенно «развязная» манера междучеловѣческихъ отношеній, и что чуткое, а потому и неизбѣжно усталое сердце писательницы беззлобно отмѣтитъ. Вотъ характерный примѣръ и литературной манеры, и психологическаго содержанія разсказовъ г-жи Боголюбовой:

«Третьяго дня я искала тебя по всему городу, чтобы передать тебѣ вѣтку мимозы. Я взяла ее съ того новогодняго ужина, гдѣ мнѣ было такъ исключительно хорошо, гдѣ меня окружали трогательное вниманіе и поклоненіе.

«Въ тотъ вечеръ я всею душою была только съ тобою.

«Я не нашла тебя нигдѣ и написала, прося придти за цвѣтами.

«Ты не пришелъ и не отвѣтилъ ни слова.

«И я до сихъ поръ не знаю ничего... не знаю даже, получилъ ты мое письмо, или нѣтъ.

«Незадолго до этого я какъ-то отослала тебѣ съ разсыльнымъ твою забытую у меня палку.

«И ты былъ тронутъ вниманіемъ, тотчасъ отвѣтилъ и благодарилъ очень нѣжно...»

Изъ огромнаго количества сборниковъ стихотвореній, которые мнѣ пришлось просмотрѣть за послѣднее время, настоящую литературную цѣнность представляютъ только два, оба принадлежащіе уже признаннымъ поэтамъ: «Зарево Зорь», К. Бальмонта, недавно уже отпраздновавшаго 25-ти-лѣтіе своей литературной дѣятельности, и «Ночные часы», Александра Блока. Послѣ ряда мудреныхъ мексиканскихъ и т. п. книгъ, Бальмонтъ опять запѣлъ по былому,—какъ поетъ птица какъ звенитъ ручей. Иногда выливается у него чистая музыка, которая прежде всего плѣняетъ непосредственно слухъ, независимо даже отъ вложеннаго въ нее психологическаго переживанія.

Съ сердцемъ ли споришь ты? Милая! Милая!
Съ тѣмъ, что нѣвуче и нѣжно не спорь.
Сердце я. Греза я. Воля я. Сила я.
Вмѣстѣ одѣнемся въ зарево зорь.

Вмѣстѣ мы встрѣтили свѣты начальные,
Вмѣстѣ одѣнемся въ черный покровъ,
Но не печальные, будемъ зеркальные
Въ заревѣ зорномъ мерцающихъ сновъ.

Другой разъ эта музыка осложняется очаровательной игрой изобильныхъ, богатыхъ, причудливо ассоціирующихся образовъ:

— Отчего у тебя голубые глаза?
— Оттого, что когда пролетала гроза,
Были молніи рдяны и сини,
Я смотрѣла на пляску тѣхъ синихъ огней,
И на небо, что все становилось синѣй,
А потомъ я пошла по пустынѣ,
Предо мной голубѣлъ и синѣлъ звѣробой,
Колокольчикъ сіялъ и звенѣлъ голубой,
И пришла я въ нашъ домъ на ступени,
А надъ ними ужъ ночь, голубѣя, плыла,
И Весна королевой лазури была,
И душисто синѣли сирени.

А иногда, въ порывѣ вдохновенія, блеснетъ передъ поэтомъ глубокая, вѣщая правда о жизни и смерти, какъ въ стихотвореніи «Благовѣстіе» (оно довольно длинное, такъ что ограничиваюсь отрывками, хотя и жалко разрывать эту драгоцѣнную ткань):

Кто думаетъ, что въ Мірѣ слитомъ
Есть пропасть смерти, тотъ слѣпецъ.
Кто думаетъ, что быть убитымъ
Конецъ есть жизни, тотъ слѣпецъ.
Вѣка ходилъ я полемъ взрытымъ
И изъ колосьевъ плелъ вѣнецъ.
. . . . . .
Но тьма и ужасъ нисхожденья
Есть восхожденіе вадеждъ.
. . . . . .
Что это правда, сердце знаетъ,
И голосъ мой поетъ звеня.

Кто думаетъ, что, умирая,
Онъ умираетъ, тотъ слѣпецъ.
Кто думаетъ, что жизнь, сгорая,
Не ворогится, тотъ слѣпецъ.
Я былъ въ Аду, и въ жаждѣ Рая
Изъ свѣжихъ травъ плету вѣнецъ.

О «Ночныхъ часахъ» Александра Блока пока не буду говорить: уже начало выходить полное собраніе его стихотвореній, и когда оно закончится, лучше будетъ дать цѣльную, законченную характеристику этого оригинальнаго дарованія.

С. Адріановъ.

НОВОЕ НАУЧНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗДАНІЕ.

Профессоръ М. А. Мензбиръ. Зоогеографическій атласъ, съ объяснительнымъ текстомъ. Рисунки художника В. А. Ватагина. Изданіе М. и С. Сабашниковыхъ. Москва 1912 г. Цѣна 16 рублей.

Это изданіе обязано своимъ существованіемъ рѣдко счастливому сотрудничеству ученаго и художника: — ученаго, извѣстнаго въ области изученія географическаго распредѣленія животныхъ, и художника, получившаго основательное зоологическое образованіе и приложившаго свой талантъ къ изученію животныхъ въ ихъ формахъ, физіономикѣ, движеніяхъ и повадкахъ и посѣтившаго съ этой цѣлью лучшіе зоологическіе сады Европы. Возникъ этотъ атласъ слѣдующимъ образомъ. Профессоръ Мензбиръ уже давно задался мыслью составить для своего университетскаго курса коллекцію картинъ, которая давала бы полное представленіе о животномъ мірѣ въ его естественной обстановкѣ. Для ея осуществленія представился рѣдкій случай, когда въ числѣ его учениковъ оказался талантливый художникъ В. А. Ватагинъ. Для составленія таблицъ г. Ватагинымъ были изготовлены многочисленные этюды и наброски наиболѣе типическихъ звѣрей и птицъ въ наиболѣе характерныхъ положеніяхъ и движеніяхъ. Затѣмъ на общемъ совѣщаніи ученаго и художника подвергся обсужденію самый мудреный вопросъ о выборѣ наиболѣе удачныхъ изображеній и ихъ *возможно* естественной группировкѣ,—самый мудреный потому, что, вынужденное ограниченнымъ числомъ картинъ, это небывалое *rendez-vous* разнообразныхъ формъ неизбѣжно вноситъ элементъ искусственности и только сочетаніе научнаго и художественнаго такта можетъ свести его на *minimum*. Вторая трудность заключалась въ томъ, чтобы связать все въ одно общее цѣлое наиболѣе вѣрной обстановкой и подходящимъ освѣщеніемъ. Бѣглаго взгляда на этотъ альбомъ—названіе, болѣе соотвѣтствующее изящному исполненію атласа—достаточно, чтобы убѣдиться, какъ успѣшно справились съ своей трудной задачей оба участника. Когда были окончены акварельные оригиналы, зародилась мысль о ихъ воспроизведеніи для печати (въ уменьшенномъ размѣрѣ) извѣстнымъ трехцвѣтнымъ способомъ, въ которомъ за послѣдніе годы сдѣлала такіе успѣхи московская типографія т—ва Кушнарева.

Подъ умѣлымъ руководствомъ ученаго и благодаря искусной кисти художника мы въ какой-нибудь часъ или два дѣлаемъ любопытнѣйшее кругосвѣтное путешествіе. Передъ нами проходятъ не только знакомыя картины лѣсовъ и степей, но и рѣдкіе уголки дѣвственной природы, которые, по мѣткому выраженію Гукера, «ставъ въ послѣднее время достояніемъ обыкновеннаго туриста, именно въ силу этого обстоятельства грозятъ скоро перейти въ область исторіи». Весь обширный матеріалъ, помѣщающійся на тридцати таблицахъ, распредѣленъ въ системѣ, предложенной Уоллесомъ, т. е. разбитъ на шесть географическихъ областей, подраздѣляющихся на двадцать три подъобласти.

Передъ нами послѣдовательно проходятъ картины: скалистаго побережья западной части Средиземнаго моря, съ населеніемъ вымирающей уже мартышки; лѣса и альпійскіе луга Кавказа съ ихъ зубрами, вепрями и турами; берега Каспійскаго моря съ его пестрымъ птичьимъ населеніемъ; своеобразная жизнь побережья Аральскаго моря, дающая художнику прекрасный случай показать одну изъ тѣхъ картинъ защитной окраски, съ которыми такъ наглядно знакомятъ извѣстныя коллекціи, собранныя въ Дарвинскомъ «hall'ѣ» Кенсингтонскаго музея. Далѣе мы поднимаемся на плоскогорья центральной Азіи, съ ихъ дикой лошадью Пржевальскаго, и снова спускаемся въ Уссурійскій край, съ его тиграми, чтобы черезъ Сибирскую тайгу и тундру, послѣднюю съ цѣлымъ потокомъ переселяющихся леммнговъ, забраться на берегъ Ледовитаго океана, съ бѣлымъ медвѣдемъ и многочисленнымъ лѣтнимъ птичьемъ населеніемъ. Таковы картины развертывающейся передъ нами *Палеарктической* области, охватывающей всю Европу, часть Сѣверной Африки и бо́льшую часть Азіи. Затѣмъ мы переносимся въ область *Эѳіопскую*, съ ея подъобластями Сахарской, Западной, Капской и Мадагаскарской. Въ первой передъ нами проходятъ слоны, носороги, бегемоты и многочисленныя антилопы. Западная подъобласть представлена зеленой зарослью тропическаго лѣса, съ его антропоморфными горіллами, и шимпанзе. Капская область возвращаетъ насъ на открытую травянистую равнину, съ небольшими перелѣсками: акацій и разнообразными травоядными зебрами, квагами, жирафами и парящимъ въ воздухѣ орломъ-пересмѣшникомъ, котораго художникъ эффектно освѣтилъ багряными лучами заката. На Мадагаскарѣ мы снова въ темной заросли тропическаго лѣса, оживленной на этотъ разъ обществомъ различныхъ лемуровъ, замѣняющихъ здѣсь обезьянъ.

Къ югу отъ азіатской части палеарктической области, занимая юго-восточную часть азіатскаго материка и часть Малайскаго Архипелага, протянулась область *Индо-Малайская*. Она очень удачно пред-

ставлена сценой изъ лѣсной подъобласти Индіи: на заднемъ планѣ, въ чащѣ, какъ тѣни, движутся слоны, въ густой джунгли крадется тигръ, мартышки прыгаютъ съ дерева на дерево, а на первомъ планѣ красуется павлинъ. Двѣ другія, также лѣсныя сцены характеризуютъ особенности блещущаго красками населенія птицъ Бирмано-Китайской подъобласти и Малайской островной съ ея своеобразными обезьянами и маки (только орангъ-утангъ вызываетъ нѣсколько скептическое отношеніе своимъ почти мефистофельскимъ нарядомъ).

Покончивъ со старымъ свѣтомъ, наши руководители переносятъ насъ въ новый, и сначала въ Сѣверную *Неоарктическую* область, съ ея тремя подъобластями—сѣверной, западной и восточной. Особенно удачно изображеніе прерій дальняго запада, со стадомъ бизоновъ, словно бѣгущихъ отъ тѣснящей ихъ культуры. Настроеніе картины поддерживается эффектнымъ сумеречнымъ освѣщеніемъ; невольно вспоминаются ихъ близкіе родичи на нашемъ западѣ—зубры, влачащіе свое жалкое существованіе благодаря подачкамъ казеннаго сѣна. Хороша картина сѣверной или Канадской области, представленная волнистою, хорошо орошаемою равниной съ разнообразнымъ населеніемъ. Восточная область, представленная роскошнымъ лиственнымъ лѣсомъ, съ изящнымъ виргинскимъ оленемъ на первомъ планѣ, заканчиваетъ обзоръ сѣверо-американскихъ формъ.

Средняя и южная Америка объединяются въ одну область *Неотропическую*. Ея Гвіано-Бразильская подъобласть представлена одной лѣсной и одной рѣчной сценой. Въ первой среди широколиственной тропической заросли мы видимъ двухъ типическихъ представителей неполнозубыхъ—муравьѣда и лѣнивца, и подвижное населеніе игрунокъ и плосконосыхъ обезьянъ. Вторая переноситъ насъ куда-нибудь на берега Амазонки или Оринноко: въ зеленой чащѣ великолѣпный ягуаръ подкарауливаетъ пришедшихъ на водопой тапировъ, а легкіе ясавы и солнечная цапля разгуливаютъ по плавучимъ листьямъ-подносамъ Викторіи, на которыхъ туземныя прачки, какъ говорятъ, смѣло сажаютъ даже своихъ дѣтей. Картина *средне-американской* области, своимъ лѣснымъ ландшафтомъ напоминающая предшествующія, въ своемъ населеніи представляетъ черты и сѣверной, и южной области. *Патагонская* область, занимающая южную оконечность и западную полосу материка, представляетъ плоскогорье съ характернымъ американскимъ населеніемъ: ламой, пумой, шиншилой, американскимъ страусомъ, кондоромъ и др. Наконецъ, островная *Антильская* подъобласть поражаетъ насъ безлистными деревьями, облетѣвшими, но не отъ морозовъ, какъ у васъ, а отъ палящаго солнца, отъ котораго пожелтѣли и виднѣющіеся вдали пальмы. По голымъ вѣтвямъ порхаютъ блестящіе колибри и другія ярко-

окрашенныя мелкія птицы, между тѣмъ какъ мелкіе грызуны и насѣкомоядныя ютятся въ высокой, спаленной травяной растительности.

Покончивъ съ Америкой, дѣлаемъ скачекъ въ Австралію, съ присоединенной къ ней, оторванной отъ остальныхъ малайскихъ острововъ знаменитой Уоллессовской линіей (глубокаго океана), *Папуасской* подъобластью (Новая Гвинея и др.). Выступающіе на первомъ планѣ ехидна, казуаръ и лазящія по деревьямъ древесныя кенгуру объясняютъ намъ, почему зоогеографы отдѣляютъ эти острова отъ общаго Малайскаго архипелага и включаютъ ихъ въ Австралійскую область. Красующаяся своимъ легкимъ воздушнымъ опереніемъ райская птица и розовые какаду даютъ намъ въ то же время понятіе о самыхъ характерныхъ формахъ этой подъобласти. Типическая *Австралійская* область представлена одной открытой равнинной сценой и другой лѣсной; на первомъ планѣ выжженной солнцемъ равнины мы видимъизвѣстныхъ *утконоса* и *ехидну*; въ качествѣ представителей двуутробокъ выступаютъ кенгуру и сумчатый волкъ, а птицы представлены громадной эму. Подъ свѣтлой сѣнью дающаго мало тѣни австралійскаго лѣса встрѣчаемъ другихъ, менѣе общезнакомыхъ представителей двуутробокъ, а также знаменитаго чернаго лебедя, такого же какаду и легкаго, стройнаго лирохвоста. Наконецъ, въ темной зелени широколистныхъ папоротниковъ Новой Зеландіи выступаетъ передъ нами своеобразная форма совинаго попугая, попугая нестора и киви. Этимъ завершается наше путешествіе à vol d'oiseau по всему земному шару; но, конечно, придется вернуться не одинъ разъ прежде чѣмъ мы вполнѣ ознакомимся съ какими-нибудь 350 представителями животнаго міра, разбросанными на этихъ 30 художественныхъ листахъ.

Нѣсколько словъ объ ихъ исполненіи, съ точки зрѣнія общаго ландшафтнаго впечатлѣнія и съ точки зрѣнія жизненности отдѣльныхъ животныхъ образовъ,которые должны дополнять мертвенныя впечатлѣнія, выносимыя изъ знакомства съ музейскими чучелами. Конечно, болѣе всего удались художнику тѣ картины, которыя болѣе знакомы и ему самому, и обыкновенному зрителю: лѣса, равнины и морскія побережья умѣренной полосы (отмѣтимъ особенно таблицы II, IV, V, VII, IX, X, XIX, XX). Болѣе значительныя трудности представили богатые красками и роскошью растительности тропическіе ландшафты. Здѣсь наиболѣе удачными и по общему впечатлѣнію на зрителя, и по отношенію къ основной задачѣ, слѣдуетъ признать тѣ, гдѣ ландшафтъ и особенно растительность представляютъ легкій, стушевывающійся задній планъ, нѣчто вродѣ искуснаго фона, на которомъ отчетливо выступаютъ актеры сцены—животное населеніе. Менѣе удачными приходится признать тѣ случаи, гдѣ крупныя подробности

растительныхъ формъ, выдвигаясь на первый планъ, какъ бы соперничаютъ съ животными, отвлекаютъ часть вниманія зрителя, не дозволяя въ то же время художнику отвести имъ болѣе вниманія безъ ущерба для основной задачи [1]). Съ защищаемой точки зрѣнія отмѣтимъ таб. VIII, XVI, XVII, XXVI, XXVII, XXIX, XXX. Неудачными на мой взглядъ можно признать только XIII и XIV; на первой останавливаетъ на себѣ вниманіе тяжелый, «замученный» задній планъ, представляющійся какой-то живой картиной, зрителями которой является веселая компанія шимпанзе, а на второй, на первомъ планѣ, неестественно яркая, декоративно набросанная Викторія рѣзко контрастируетъ съ тщательно выписаннымъ, хотя и на второмъ планѣ, ягуаромъ.

Главный успѣхъ художника, конечно, зависитъ отъ подвижности его фигуръ: всѣ онѣ живутъ, бѣгутъ, крадутся, порхаютъ, а рядомъ съ этимъ, гдѣ нужно, не упущены самыя тщательныя подробности ихъ безконечно разнообразной одежды. Стоитъ указать на общаго знакомца — медвѣдя, изображеннаго въ смѣломъ ракурсѣ въ три четверти сверху и сзади—но эта, казалось бы, безформенная масса полна движенія и щеголяетъ каждымъ волоскомъ своей шубы; на разнообразныя варіаціи того же основного мотива подкрадывающейся къ своей жертвѣ большой кошки (тигръ, ягуаръ, пума и т. д.); на блестящій колоритъ фазановъ и павлиновъ и легкое разлетающееся по вѣтру опереніе райской птицы. Но обязанность критика—хотя бы для того только чтобы показать, что онъ внимательно отнесся къ своей задачѣ,—выискивать и недостатки. Невольное удивленіе вызываютъ два изображенія кенгуру (XXVIII) въ почти одинаковыхъ спокойныхъ позахъ. Всякій, видавшій ихъ на волѣ, даже не будучи импрессіонистомъ, выноситъ прежде всего впечатлѣніе какихъ-то гигантскихъ прыгающихъ блохъ. А здѣсь передъ нами какія-то жалкія существа, наглядно показывающія, какъ не-

[1]) Невольно вспоминается единственная въ своемъ родѣ коллекція акварелей миссъ Нортъ (North), занимающая цѣлый отдѣльный павильонъ въ ботаническомъ саду Кью (болѣе 800 листовъ). Художница - ботаникъ болѣе 15 лѣтъ путешествовала по всему земному шару, зарисовывая все, что только могла, прямо на мѣстахъ; въ Бразиліи, напримѣръ, она прожила нѣсколько недѣль одна, въ дѣвственномъ лѣсу, вдали отъ всякаго жилья. Въ этой обширной коллекціи можно ясно установить два типа, двѣ задачи: изображеніе облика извѣстнаго растенія съ едва набросаннымъ фономъ окружающей обстановки и общую ландшафтную физіономику большихъ совокупностей растительныхъ формъ, съ изрѣдка лишь выдѣляющимся на первомъ планѣ экземпляромъ, на которомъ должно сосредоточиться вниманіе зрителя. На сколько мнѣ извѣстно, ничего изъ этой замѣчательной коллекціи не появилось въ печати.

удобно имъ справляться съ своими неумѣренно развитыми задними конечностями. Вѣдь съумѣлъ же художникъ справиться съ той же кинематической задачей, показавъ самую суть организаціи южноамериканскихъ неполнозубыхъ на неуклюже передвигающемся по землѣ муравьѣдѣ и развязно качающемся на сучкѣ лѣнивцѣ. Правда, въ настоящемъ случаѣ ему пришлось бы совершенно измѣнить топографію своего ландшафта; но въ этомъ и преимущество свободнаго художника передъ фотографомъ, даже когда этотъ послѣдній пользуется телеобъективомъ. Этими краткими замѣчаніями ограничивается наша критика.

Изданіе это можетъ разсчитывать на широкое распространеніе. Высшимъ предѣломъ его будетъ высшая школа—университетъ, особенно когда профессоръ Мензбиръ издастъ обѣщанныя имъ «*Основы зоологической географіи*». Низшимъ предѣломъ будетъ начальная школа и семья; здѣсь опредѣляющимъ обстоятельствомъ явится цѣна изданія. Высока ли она или умѣренна? Нѣмецъ въ такихъ случаяхъ обыкновенно говоритъ: es kostet viel Geld, aber es ist nicht teuer. Но русскій человѣкъ, хотя въ общемъ и болѣе тароватый, не любитъ раскошеливаться на книги, предпочитая ими пользоваться отъ хорошаго человѣка, благо онъ настолько глупъ, что «бросаетъ» деньги на книги. Впрочемъ, настроеніе нашего книжнаго рынка трудно угадать; говорятъ, что въ настоящее время съ дорогой книгой дѣла стоятъ даже устойчивѣе, чѣмъ съ дешевой. Какъ бы то ни было, издатель поступитъ благоразумно, если поскорѣе позаботится объ отпечатаніи объяснительнаго текста на иностранныхъ языкахъ; въ Германіи и особенно въ Англіи это прекрасное изданіе, вѣроятно потребовавшее значительныхъ затратъ, могло бы найти вѣрный сбытъ.

К. Тимирязевъ.

ИЗЪ ГОЛОДНАГО КРАЯ.

Дружно бѣгутъ лошади по ледяному шоссе Волги. И хотя рѣка спрятана подъ снѣжнымъ покровомъ, хотя кажется она длинной, бѣлой степью, но, такъ же какъ лѣтомъ отъ воднаго простора, вѣетъ и теперь отъ снѣжной шири спокойствіемъ, величавой тишиной. Солнце отражается на снѣгу миріадами синихъ, красныхъ, зеленыхъ сверкающихъ искръ, какъ будто ледяная степь щедро по-

сыпана порошкомъ изъ драгоцѣнныхъ камней. Щемитъ глаза отъ праздничнаго сіянья. Далеко вдаль, теряясь въ бѣлесомъ горизонтѣ, вьется темная ниточка дороги. А по ней вереницами ползутъ обозы. Много ихъ, безъ конца. Ямщикъ, ворча, ежеминутно сворачиваетъ, то давая дорогу встрѣчнымъ обозамъ, то обгоняя попутные. Плетутся шаршавыя, заиндевѣвшія лошаденки; лохматые верблюды медленно шагаютъ на длинныхъ ногахъ, качая размѣренно и плавно маленькой головой на гусиной шеѣ. Какъ и лѣтомъ, Волга служитъ большой дорогой для городовъ и для тысячъ селеній, инстинктивно жавшихся къ ней съ давнихъ временъ. Ровная, гладкая дорога. А рядомъ тянутся высокіе горбы приволжскихъ холмовъ. Изволь-ка ѣхать черезъ нихъ, нырять въ овраги, карабкаться на вершины!.. Вмѣстѣ съ ручьями, естественно сливается къ спокойному, ровному лону рѣки и людская жизнь. И невольно думается, что близость спокойной, широкой, многоводной рѣки должна была отразиться, изъ поколѣнья въ поколѣнье, на психикѣ прибрежнаго населенія. Въ обычныхъ желтыхъ овчинныхъ тулупахъ или въ черныхъ и коричневыхъ чапанахъ, туго стянутыхъ кушакомъ, лежатъ мужики на встрѣчныхъ возахъ или медленно, широко шагаютъ рядомъ съ мохрястыми лошаденками. И когда они поворачиваютъ къ намъ запорошенныя морозомъ бородатыя лица и съ лѣнивымъ, спокойнымъ любопытствомъ смотрятъ на насъ, то представляется, будто въ этихъ голубыхъ, синихъ и сѣрыхъ глазахъ отражается Волга съ ея привычной медлительностью, спокойствіемъ, плавностью, съ ея ширью, лѣнивой мощью и дремотными грезами.

Вотъ плетется на встрѣчу длинный обозъ, нагруженный мѣшками съ мукой. Кладь цѣнная. На каждомъ возу на нѣсколько сотъ рублей, по нынѣшнимъ дорогимъ цѣнамъ на хлѣбъ. А возчики шагаютъ кучкой возлѣ передняго воза, похлопываютъ себя кнутами по поламъ тулуповъ и благодушно, безпечно разговариваютъ, не оглядываясь. Длинная лента возовъ позади тянется безъ призору. Лошади, полуослѣпленныя морозомъ, устало тычутся то въ одну сторону дороги, то въ другую. Воза, выскакивая изъ колеи, накреняются. Мѣшки съ мукой навсаютъ, грозя паденіемъ. И одинъ уже упалъ. Возы медленно удаляются отъ него, а онъ бѣлымъ пятномъ свѣтлѣется на темной, укатанной колеѣ.

Мой ямщикъ, нѣмецъ-старикъ, взволновался.

— Эй! Мѣшокъ потеряли!—кричалъ онъ, пріостановивъ лошадей, обернувшись и махая кнутомъ.

— Эй! Эй!—стали мы оба зычно кричать,—мѣшокъ потеряли, Эй!..

Мужики не оглядывались. Видно было, какъ они, лѣниво по-

махивая кнутами, медлительно шагали и, должно быть, вели тотъ же благодушный, неторопливый разговоръ. Обозъ удалялся.

— Какъ же такъ?—озадаченно говорилъ нѣмецъ, поворачивая ко мнѣ сѣдое, небритое лицо,—не бросать же?

Онъ устремилъ глаза на мѣшокъ, какъ бы загипнотизированный имъ, и сталъ нервно заворачивать лошадей. Кажется, старика томилъ соблазнъ подхватить мѣшокъ въ свои сани и привезти домой въ качествѣ счастливой находки.

Но съ другой стороны медленно подползалъ новый обозъ, и впереди его мужикъ успокоительно махалъ намъ кнутомъ.

Мы поѣхали своей дорогой, а отъ встрѣчнаго обоза передній бородатый, запорошенный морозомъ возница спокойнымъ, добродушнымъ голосомъ крикнулъ намъ:

— Подберемъ! Подберемъ! Это наши—изъ Волскаго! [1]).

И снова обозъ за обозомъ. Обгоняемъ попутныхъ, сворачиваемъ для встрѣчныхъ. Плетутся шаршавыя лошаденки, покачиваются степные корабли-верблюды, которые зимой, вѣроятно, вполнѣ искренно принимаютъ Волгу за привычную степь. И такъ же спокойно, съ лѣнивымъ, дремотнымъ любопытствомъ оглядываютъ насъ съ возовъ полулежащіе мужики въ желтыхъ тулупахъ и черныхъ чапанахъ.

Гладь, ширь, тишина. И мерещится, будто улавливаешь общій тонъ приволжской жизни, широкой, неторопливой, мечтательной. Вспоминаю слѣдующее: на всемъ протяженіи отъ Саратова до Хвалынска (а потомъ и дальше, отъ Сызрани до Самары), когда я спрашивалъ о голодающихъ селахъ, мнѣ говорили:

— Въ приволжскія села не слѣдуетъ заѣзжать. У нихъ благополучно. У нихъ промыслà на Волгѣ, торговля, разная работенка. Въ приволжскихъ селахъ особой нужды не встрѣтите.

О нѣкоторыхъ селахъ говорили:

— Ну, это приволжское селенье, богатое.

И послѣ этого пріятно было думать, что прибрежное населенье не напрасно любитъ свою Волгу: отъ нея, видимо, повышается уровень не только духовной, но и матеріальной жизни.

А все же ѣду я въ Хвалынскъ, городъ хотя и приволжскій, но захудалый, обѣднѣвшій почти до безнадежности. Когда-то цвѣлъ онъ въ прямомъ и фигуральномъ смыслѣ. Цвѣлъ хлѣбной торговлей и цвѣлъ яблоновыми садами, знаменитыми по всей Волгѣ. Торговля пала, сады высыхаютъ. Въ довершеніе бѣды и Волга, какъ бы охладѣвъ къ хирѣющему городу, отходитъ отъ него, нанося къ его бе-

[1]) Мѣстные жители почему-то городъ Вольскъ называютъ «Волскай». Должно быть, для благозвучности.

регу островки и песчаныя мели. Пароходныя пристани лѣтомъ принуждены спускаться версты на три ниже города. Одной-то Волги, впрочемъ, какъ торговой дороги, все равно недостаточно для города при нынѣшней усложняющейся жизни. Изъ десяти городовъ Саратовской губерніи девять связаны со всей Россіей желѣзными дорогами. Одинъ Хвалынскъ оставленъ прозябать въ тихой глуши. Чтобы попасть въ Хвалынскъ, мнѣ, напримѣръ, пришлось ѣхать къ нему изъ Вольска 80 верстъ на лошадяхъ. Двадцатый вѣкъ не любитъ такого медленнаго, устарѣлаго темпа жизни. Поэтому Хвалынскъ не только захирѣлый, но и забытый городъ. Вспоминаютъ о немъ рѣдко, вѣсти изъ него доходятъ скудныя. Въ Саратовѣ одно только хорошо знаютъ, что въ Хвалынскомъ уѣздѣ «всегда плохо», а въ неурожайные годы безусловно хуже, чѣмъ въ другихъ уѣздахъ. И я ѣхалъ сюда съ печальной увѣренностью, что увижу здѣсь нужду въ обостренной формѣ.

Бѣжитъ наша пара, позвякивая бубенцами, по тихимъ, безлюднымъ улицамъ городка. Какая мирная заводь жизни! Страннымъ кажется здѣсь воспоминаніе о большихъ городахъ, съ ихъ автомобилями, вереницами экипажей, трамваями, бѣгущей толпой, грохотомъ, лязганьемъ. Здѣсь не видно даже ни одного извозчика. Да и кого, куда возить? Тишь, безлюдье. Дремлетъ городокъ, пропуская мимо себя годъ за годомъ, десятилѣтіе за десятилѣтіемъ.

Немного странное несоотвѣтствіе въ населеніи между городомъ и уѣздомъ: Хвалынскъ заселенъ великороссами и главнымъ образомъ старообрядцами, а въ уѣздѣ болѣе половины населенія инородцы—татары, мордва, чуваши. Преобладаютъ татары: ихъ насчитываютъ отъ 40 до 50 процентовъ всего населенія. И они же придаютъ особенно мрачный тонъ уѣзду. И вообще-то живется здѣсь крестьянамъ не весело: земля выпахана, истощается оврагами, оскудѣваетъ подпочвенными водами. Почти ежегодно недородъ слѣдуетъ за неурожаемъ, неурожай за недородомъ. Но хуже всего среди татаръ. Цынга, брюшной тифъ почти не переводятся у нихъ, а въ голодовки, конечно, всѣ болѣзни разливаются по татарскимъ селеньямъ широкимъ потокомъ. Въ Хвалынскѣ о татарахъ говорятъ съ оттѣнкомъ мрачнаго ожесточенія:

— Вѣчно у нихъ цынга. Сами въ сущности виноваты. Безпечный, лѣнивый народъ. Они на полномъ надѣлѣ, по шести десятинъ на душу. Земли у нихъ гораздо больше, чѣмъ у русскаго населенія. А живутъ въ десять разъ хуже. Безтолковый народъ.

А все же разговоръ снова и снова обращается къ татарамъ, когда рѣчь идетъ о тяжеломъ положеніи уѣзда. И помощь всякаго рода направляется въ первую очередь къ татарамъ. Ничего не по-

дѣлаешь: цынга, тифъ... Въ этомъ тайна человѣческой жалости. Татаръ готовы укорять даже за цынгу, какъ за какую-то привилегію, ихъ на словахъ какъ будто презираютъ, почти ненавидятъ. А фактически жалость льетъ и льетъ сюда всякаго рода помощь.

Въ земской управѣ разсказали мнѣ, что въ татарскія села уже отправлены два спеціальныхъ врачебныхъ отряда для оказанія населенію лечебно-питательной помощи. Будетъ вскорѣ открытъ третій пунктъ, тоже для татаръ. Русскія села оставлены безъ этой помощи. Вышло это совершенно естественно, такъ какъ печальныя, угрожающія вѣсти о голодовкахъ идутъ главнымъ образомъ изъ татарскихъ селъ, а думать о повсемѣстной, широкой помощи населенію совершенно невозможно по неимѣнію средствъ.

Въ земской управѣ настроеніе угнетенное.

— Двадцать пять лѣтъ я около земскаго дѣла,—говорилъ одинъ собесѣдникъ—а такой путаницы никогда не было. На общественныя работы израсходовали четыреста тысячъ...

— Въ землю зарыли,—саркастически поясняетъ другой собесѣдникъ.

— Ну, все равно. Но главное, работы были съ осени. Теперь пріостановлены. Будутъ ли, нѣтъ ли—неизвѣстно. Намъ не шлютъ денегъ изъ Саратова, въ Саратовъ не шлютъ изъ Петербурга. Тамъ, видите ли, вверху-то, колебанье. Усомнились въ общественныхъ работахъ. Думаютъ, не вернуться ли къ прежнему способу: къ ссудамъ, пособіямъ на кормежку и обсѣмененіе. Но, пока колеблются да раздумываютъ, время идетъ. Вотъ теперь половина января, середина зимы, а уѣздъ почти безъ всякой помощи. Тяжелое положенье. Никогда ничего подобнаго не было.

И онъ замолчалъ, мрачно насупившись.

Снова широкій просторъ Волги, залитый бѣлымъ солнечнымъ сіяніемъ. Вялой рысцой плетутся замухрышныя лошаденки. Смотрю на нихъ съ сожалѣньемъ и сомнѣньемъ: «Вынесутъ ли поѣздку по Хвалынскому уѣзду?»

Нанялъ я возчика на весь кругъ поѣздки, посуточно, для удобства. Если-бы можно было предвидѣть, какое выйдетъ изъ этого неудобство!..

Пожилой ямщикъ съ худымъ лицомъ, съ усталыми, добрыми глазами и чахлой бороденкой сидитъ въ полъ-оборота, жалуется. Онъ изъ хвалынскихъ мѣщанъ, старообрядецъ. Занимается земледѣліемъ и садами.

— Чего ужъ не плохо,—пѣвучимъ голосомъ говоритъ онъ,—

вотъ какъ плохо, вплоть до нѣльзя дошли. Что въ уѣздѣ, что въ городу—одно. Сѣменовъ не собрали.

Хвалынскъ—въ сущности полудеревня, такъ какъ многіе мѣщане «крестьянствуютъ»: пашутъ и засѣваютъ. Нити жизни, поэтому, у нихъ въ значительной степени общія съ уѣздомъ, и за полтора дня, проведенные мною въ Хвалынскѣ, пришлось слышать довольно много грустныхъ рѣчей о неурожаѣ. О томъ же пространно, отъ наболѣвшей души, всю дорогу говоритъ ямщикъ.

— Лошаденки-то сморились,—продолжаетъ онъ жалобнымъ, покорнымъ тономъ.—Знамо дѣло, какіе нынче корма-то. Отъ соломы не поскачешь. Заплатилъ вонъ за нихъ въ третьемъ годѣ сто двадцать, а теперь по красненькой не дадутъ.

И, замахнувшись кнутомъ, онъ крикнулъ высокимъ теноромъ...

— Н-но, барчаты! Замечтались!..

По гладкой Волгѣ шаршавыя «барчаты» кое-какъ бѣжали. Но когда въѣхали мы въ село Ершовку и стали карабкаться на склоны высокихъ приволжскихъ холмовъ, мы вкусили начало нашихъ долгодневныхъ мученій отъ горемычныхъ лошадей. Онѣ дѣлали два-три шага и останавливались, тяжело дыша. Ямщикъ хлесталъ ихъ кнутомъ, дергалъ возжами и кричалъ на нихъ то съ одной стороны, то съ другой: лошади съ натугой дѣлали два-три шага и снова надолго останавливались, понуря головы.

— Что же это такое, а?—въ отчаяніи бормоталъ ямщикъ, проваливаясь и прыгая въ снѣгу около лошадей,—вотъ ужъ чего сроду не было. Господи помилуй, отчего это?

И онъ, забѣгая впередъ, съ изумленіемъ и тревогой глядѣлъ на морды понурыхъ лошадей. И вдругъ яростно вопилъ на нихъ, дергая за узду:

— Ну, дьяволы! Ну! Чего вы!..

А потомъ, ослабѣвъ, бормоталъ мягкимъ теноркомъ:

— Царица Небесная! Да что же это? Ну, лебедушки, ну, милыя, карабкайтесь!..

Выбившись изъ силъ, съ отчаяньемъ обращался ко мнѣ:

— Какъ же теперь быть, а? Что будемъ дѣлать?

— Ну, пускай постоятъ, отдохнутъ.

А онъ опять съ недоумѣніемъ ходилъ вокругъ лошадей, заглядывая въ ихъ мутные, тоскующіе глаза, какъ будто передъ нимъ были кровные рысаки, которые упрямятся отъ неизвѣстной причины.

— Должно быть, загорѣлись. Не иначе, какъ загорѣлись,—бормоталъ онъ въ раздумьи. И съ внезапной рѣшимостью выхватилъ изъ бокового, внутренняго кармана большой складной ножъ, распрямилъ его, захватилъ у лошади прядь гривы, отрѣзалъ и, подбѣжавъ къ коренному, сталъ совать ему въ ноздри пучекъ волосъ.

Коренникъ фыркалъ, моталъ головой, дергался въ оглобляхъ, но санки остановились на мѣстѣ.

Бились мы на горѣ около часу, то подвигаясь сажени на двѣ, то снова надолго примерзая къ мѣсту. И у меня было довольно времени, чтобы, наблюдая эту маленькую иллюстрацію, раздумывать о той великой бѣдѣ, которую вноситъ въ неурожайныя деревни истощеніе скота. Съ какой мукой, надрывомъ, завязая часами въ снѣгу, сотни, тысячи крестьянъ бьются со своими ослабшими лошаденками, везя какую-нибудь кладь, выволакивая сухое бревнышко изъ лѣсу, свозя сѣно или снопы съ поля. А весной? Какая ужъ пахота или бороньба, когда зачахшая лошадь будетъ останавливаться на каждомъ шагу, задыхаясь, вздымая костлявые бока. А на владѣльцевъ такихъ лошадей, пожалуй, будутъ еще смотрѣть, какъ на счастливцевъ, потому что у многихъ скотъ до того времени падетъ отъ безкормицы или будетъ проданъ за безцѣнокъ...

— Перепрягу я ихъ, а?—вопросительно говорилъ измученный ямщикъ,—перепрягу, попробую, а?

Онъ торопливо распрягъ лошаденокъ, и, пока онъ путался на морозѣ и въ снѣгу среди постромокъ, возжей, ремней, лошади неподвижно, со смиренной тоской, стояли, опустивъ головы.

Перепряжка какъ будто подѣйствовала. Выбрались на вершину холма, гдѣ встрѣтилъ насъ яростный, леденящій вѣтеръ, взметавшій снѣжную пыль. Затрусили по бѣлой, волнистой равнинѣ.

Ну вотъ, наконецъ-то, село Благодатное. Въ Хвалынской земской управѣ посовѣтовали мнѣ начать съ него. Село это—русское, и обостренной нужды въ немъ не отмѣчено; но здѣсь живетъ участковый врачъ, отъ котораго можно было получить полезныя указанія о всемъ примыкающемъ къ селу районѣ.

Немедленно направился я въ больницу. Но—увы,—врачъ только что уѣхалъ въ Хвалынскъ. Пріемная была густо заполнена больными. Татары съ воспаленными, полуслѣпыми глазами, плачущія дѣти, чахлыя, несчастнаго вида женщины. Въ сосѣдней коморкѣ, куда заглянулъ я, пріотворивъ двери, два фельдшера въ бѣлыхъ балахонахъ, сумрачно нахмуривъ брови, возились съ обнаженной ногой какого-то мужика. Большая, бѣлая ступня была поднята кверху передъ самой дверью; на ней медленно, судорожно шевелились грязные пальцы.

Потолкался я среди этой унылой, молчаливой, убогой толпы и вышелъ съ тѣмъ подавленнымъ, тягостнымъ чувствомъ, которое неизбѣжно является, когда въ массѣ людей видишь только убожество, нищету, хворь...

На взъѣзжей квартирѣ за самоваромъ состоялась бесѣда съ нѣсколькими крестьянами.

— Бывали неурожаи,—говорилъ черный, лохматый мужикъ съ матовымъ лицомъ и мрачными глазами,—ну, нѣтъ, ну, нѣтъ, этакого не было.

— Чего ужъ,—продолжалъ русый, сѣдоватый съ широкой бородой крестьянинъ, — выйдешь на загонъ, поплачешь и домой. Блеститъ будто-бы на полѣ-то, а оглянешься, нѣтъ ничего.— Сѣменовъ не собрали.

— Лошадь продалъ—проѣлъ, корову—проѣлъ,—перечислялъ мрачный, черный мужикъ и, видимо, ожесточался, вспоминая и представляя себѣ нарастающую бѣду.

— Вонъ въ Самарской губерніи, говорятъ, выдаютъ способье,— вопросительно говорилъ онъ мнѣ.—Объ насъ-то, знать, забыли.

— Тамъ, сказываютъ, всѣмъ кряду выдаютъ,—сказалъ третій мужикъ,—и бѣдняющимъ, и которые богатые...

— Богатый-то скорѣй твово добьется!..

— Правда, что богатаго поправляютъ, а бѣдняющаго на нѣтъ сводятъ,—съ сумрачнымъ сарказмомъ пояснилъ черный мужикъ.

— На тридцаткѣ сидимъ. Подъ дворомъ, подъ усадьбой. Въ полѣ-то ничего. А банку вонъ за тридцатку семнадцать рубликовъ подай.

— Амбарушки вонъ ужъ на горѣ продаютъ. Лошаденокъ-то проѣли...

— Весной-то какъ будемъ, не придумаешь. Аль и на обсѣменье не будутъ выдавать?

Въ такомъ безнадежномъ, печальномъ тонѣ шла длинная бесѣда. Нужда, нищета, безпомощность...

— А цынги и тифа нѣтъ у васъ?—спросилъ я.

— Этого нѣтъ. Не слыхать,—неохотно отвѣчали мужики.

Здѣсь, какъ и вездѣ въ русскихъ селахъ, крестьяне не склонны были ложно преувеличивать бѣду, не соблазнялись разсказывать, что у нихъ уже развиваются голодныя болѣзни—тифъ и цынга. А можетъ быть, не умѣя различать болѣзни, они не придавали имъ значенія.

— А вотъ у татаръ, говорятъ, цынга,—сказалъ я.

Мужики промолчали. Только черный мужикъ, послѣ паузы, сумрачно пробурчалъ:

— Сроду у нихъ цынга.

И мнѣ показалось, что на лицахъ крестьянъ отразилось недоброжелательство къ татарамъ, о которыхъ заботятся больше, чѣмъ о нихъ, для которыхъ шлютъ муку и особыхъ докторовъ.

Смутную неловкость чувствовалъ и я передъ ними, такъ какъ мое главное вниманіе тоже нетерпѣливо устремлялось къ татар-

скимъ селеніямъ, и передъ ожидаемыми картинами острой нужды горестные разговоры моихъ собесѣдниковъ казались ослабленными.

Хорошо ли это или плохо, что, не разбирая сословій и національностей, большое горе заслоняетъ меньшую бѣду, отвоевывая себѣ и вниманье, и жалость, и сочувствіе людей?

Размышляя объ этомъ, торопился я въ татарскія села.

Въѣзжаемъ въ селенье Вязовый Гай. Обычный видъ: безлюдныя улицы, приземистыя избы, заваленныя навозомъ и снѣгомъ, глиняныя мазанки. Но надъ сѣрыми пятнами домовъ поднимаются здѣсь и тамъ стройные минареты, и уже чувствуется иной, не русскій, тонъ жизни. Проѣзжаемъ мимо страннаго отгороженнаго поля, усѣяннаго крупными камнями. Оно примыкаетъ прямо къ сельской улицѣ. Это—татарское кладбище, и вонъ, въ дальнемъ, верхнемъ углу его темнѣется кучка людей, совершающихъ печальный обрядъ погребенія.

Минутъ черезъ десять на взъѣзжей квартирѣ меня окружаютъ татары, искательно и торопливо выслушивающіе меня. Они уловили въ моихъ словахъ, что я «по случаю неурожая», и это уже окрыляетъ ихъ смутной надеждой. Молодой татаринъ, данный мнѣ въ провожатые, поспѣшно ведетъ меня черезъ все длинное село къ студенту-фельдшеру. А изъ дворовъ выбѣгаютъ татары и безпокойно смотрятъ намъ въ слѣдъ.

Студентъ разбиралъ на столѣ, когда мы пришли, кучку табличекъ, вѣдомостей, ордеровъ, списковъ. Настроеніе его показалось мнѣ не только бодрымъ, но даже отчасти побѣдно-воинственнымъ. Голодные и больные, когда онъ пріѣхалъ въ село, кинулись къ нему, какъ къ спасителю. И помощь отъ него, дѣйствительно, была спасительная, явная. Понятно было его бодрое возбужденіе, и простительно, если онъ нѣсколько преувеличивалъ свою роль.

— Тифъ—онъ, знаете, бурно начинается,—почти весело говорилъ студентъ,—но если оказать своевременно помощь, то протекаетъ легко.

И онъ ознакомилъ меня въ общихъ чертахъ съ основами лечебно-питательной помощи. Это—скудный ручеекъ, допущенный до голодающихъ. Раньше, въ прежніе годы, была и правительственная помощь, и земская, и отъ Краснаго Креста, и частно-благотворительная. Теперь, сдѣлавъ сначала опытъ съ общественными работами, оставили въ серединѣ зимы голодныя села безъ всякой помощи. Казенной поддержки нѣтъ, общественная не допущена. Проникла сюда, благодаря энергіи отдѣленія народнаго здравія при губернской управѣ, только лечебно-питательная помощь. По буквѣ казенныхъ правилъ

и по казенному разрѣшенію это—такая помощь, которая можетъ оказываться только заболѣвшимъ отъ голодовки (тифознымъ, цынготнымъ).

Студентъ объяснилъ мнѣ, что теперь въ селѣ 18 тифозныхъ. Они-то, въ сущности, и заслужили разрѣшенную привилегію на лечебно-питательную помощь. Но, разумѣется, повальную нужду большого села нельзя ограничить такой микроскопической помощью. Рамки помощи, во-первыхъ, расширяются для членовъ той семьи, гдѣ окажется тифозный больной. Необходимо всю семью подкормить, чтобы болѣзнь не получила немедленнаго распространенія. Во-вторыхъ, помощь выдается полубольнымъ, ослабленнымъ явнымъ недоѣданіемъ. Затѣмъ выдаются горячіе приварки школьникамъ.

Мы пошли въ обходъ села, и по пути студентъ показалъ мнѣ кухню съ котлами, гдѣ приготовляютъ горячую пищу для раздачи порціями больнымъ и полубольнымъ.

Едва мы двинулись по улицѣ, какъ со дворовъ стали выбѣгать татарки, старики-татары и махать намъ съ умоляющимъ призывомъ руками.

— Зайди, пожалуста! Суды адя (иди)! Суды!..—кричали они.

— Теперь ужъ я привыкъ,—съ улыбкой объяснялъ студентъ,—а въ первые дни прямо терялся: только пойдешь въ обходъ, со всѣхъ сторонъ кричатъ, во всѣ стороны тащутъ.

Студентъ велъ меня прежде всего къ тифознымъ больнымъ, которымъ выдается помощь горячей пищей, хлѣбомъ, чаемъ, сахаромъ.

Вошли въ низкую избенку, обмазанную снаружи глиной. Полутемь внутри, кислый «нерусскій» запахъ. Рваныя дѣтишки молча жмутся около кровати. Два-три мальчика съ круглыми шлычками [1]) на головѣ. Оголенность, нищета, холодное уныніе въ избѣ. На кровати, заваленная тряпьемъ, лежала больная дѣвочка—тифозная. Худая, болѣзненная татарка въ выцвѣтшемъ, замазанномъ платьѣ съ широкими рукавами глядѣла на студента безпокойными, умоляющими глазами.

— Ашарга́ (пищу) спасибо давалъ! Спасибо!—искательно бормотала она.

И еще что-то много и быстро говорила она по-татарски съ тоскливой, тревожной жестикуляціей.

— Семеро, баетъ,—кратко перевелъ татаринъ-проводникъ,—семеро дѣти. Хлѣба, чаю проситъ.

---

[1]) «Тюбетейка»—на языкѣ казанскихъ татаръ, а здѣсь этотъ обязательный головной уборъ называется «кепечъ».

— Бельмимъ (не знаю) по-русски!—жалостно улыбалась татарка, безпокойно блестя карими глазами.

Студентъ пріоткрылъ тифозную. Она, видимо, безъ сознанія, въ больномъ жару, лежала, уткнувшись лицомъ въ грязную подушку.

Изъ-за перегородки, открывая уголокъ потрепанной занавѣски кто-то наблюдалъ насъ чернымъ, блестящимъ глазомъ.

— Дѣвка тамъ,—равнодушно пояснилъ проводникъ.

Въ этой жалкой обстановкѣ все еще держался старый восточный обычай—не показывать дѣвушку постороннимъ взорамъ.

— Спасибо! Благодаримъ!—приниженно кричала намъ на прощанье татарка.

На улицѣ поджидало насъ нѣсколько татаръ и татарокъ, которые хоромъ кричали:

— Адя! Суды адя! Зайди пожалуста! Бульно хворый!..

Съ особеннымъ жаромъ влекла насъ къ своей избѣ одна не старая татарка.

— Чатыри дѣти. Мужикъ пѣтъ. Не пивши, не ѣвши,—лепетала она ломанымъ языкомъ,—адя!..

— Ну, что же, зайдемъ?—предложилъ студентъ.—У нея тоже есть тифозный.

Въ глиняной, полутемной хатѣ стоялъ нездоровый, промозглый воздухъ. На кровати подъ одѣяломъ стонала въ бреду дѣвочка. На широкой лавкѣ, покрытой дырявой сѣрой кошмой лежали, ногами вмѣстѣ, а головами въ разныя стороны два мальчика въ грязныхъ рваныхъ рубашовкахъ. Они глядѣли на насъ тускло, безъ любопытства.

— Скотина былъ—продалъ. Корова былъ—продалъ,—быстро разсказывала татарка,—чужой тутъ. Меня никто не жалѣетъ. Изъ Старой Зеленовки пришелъ замужъ. Никакой родной тутъ нѣтъ. Мужикъ померъ. Плохо. Ашаргà нѣтъ.

— Ты, вѣдь, получаешь?—съ неудовольствіемъ перебилъ ее студентъ.

— Спасибо. Мало. Прибавка надо,—быстро, искательно заговорила татарка.—Хворый. Совсѣмъ хворый. Лихорадка!—указывала она на вторую дѣвочку, которая показала на кровати изъ-подъ тряпья разгоряченное лицо.

Студентъ началъ осматривать дѣвочку, освидѣтельствовалъ ея языкъ; поставилъ термометръ.

— Нѣтъ у нея никакой лихорадки, — недружелюбно сказалъ онъ.

— А зачѣмъ она покраснѣлъ такъ. Горячій,—жалобно сказала татарка.

Довольно долго ходили мы изъ избы въ избу. Картина вездѣ сходная. Тѣсныя, полутемныя избенки, очень часто съ земляным поломъ. Чахлыя дѣти, изможденныя женщины, старики. Очень много больныхъ трахомой, съ воспаленными, потускнѣлыми глазами, съ выпавшими рѣсницами и гнойными вѣками. Хрипятъ въ бреду подъ рваными одѣялами или подъ грудой тряпья тифозные больные. Желтыя, печальныя лица дѣтишекъ молчаливо встрѣчаютъ и провожаютъ насъ въ каждой избѣ. Но, такъ какъ попадали мы, по большей части, въ домишки, гдѣ получалась (благодаря «тифозной привилегіи») помощь, и такъ какъ вездѣ намъ вслѣдъ раздавались восклицанья: «Спасибо! Ашарга давалъ! Спасибо!» то все же въ общемъ получалось впечатлѣніе, будто острая нужда здѣсь значительно смягчена. И бодрый, чуточку хвастливый видъ студента казался естественнымъ.

И только когда на взъѣзжей квартирѣ обступила меня толпа поджидавшихъ татаръ, доброе впечатлѣніе отъ лечебно-питательной помощи сильно съузилось.

Сѣдыя головы въ тюбетейкахъ окружили меня кольцомъ, десятки паръ глазъ глядѣли съ тревожнымъ вопросомъ.

— Какъ же теперь, ваше благородіе!—вразъ говорило нѣсколько гортанныхъ голосовъ,—будутъ способье давать? Почему ничего нѣтъ?

— А у васъ, вѣдь, столовую открыли,—сказалъ я.

Нѣсколько секундъ они молча, озадаченно смотрѣли на меня. Потомъ раздалось нѣсколько недоумѣвающихъ голосовъ:

— Гдѣ столовый? Какой столовый?

— Это который умираютъ!—саркастически сказалъ одинъ старикъ.

— Чего столовый!—опять заговорили хоромъ,—фунтъ даютъ, ежели хворый. Нѣтъ ничего. Ничего нѣтъ, шабра спроси.

— Бульно нуждающій. Чего калякать [1]), отъ силы выходятъ.

— Останную лошадь проѣдаютъ. Этакого не помнимъ, голодны годъ были, такого не было.

— Продовольствіе давали. Теперь нѣтъ ничего. Хоть бы ссуднаго давали.

— Пятьсотъ дворовъ. Можа, десять не нуждающій.

— Этотъ столовый—ничего толку нѣтъ. Для дровъ—давай, пекарь—давай. Мукой бы лучше давали.

— Мука ржаная рупь сорокъ. Гдѣ взять?

— Деньги бы были, богаты бы были. Чего толковать.

---

[1]) Калякать—говорить.

Изъ этого сбивчиваго, шумнаго разговора постепенно выяснилось, что нужда въ селѣ чрезвычайно большая; полуголодное существованіе влачатъ сотни семействъ, а лечебно-питательная помощь выдается лишь немногимъ «счастливцамъ», заполучившимъ брюшной тифъ. Именно какъ на «счастливцевъ», судя по мрачному раздраженію, съ которымъ говорили татары о тифозныхъ домахъ и о столовой для нихъ, устанавливался въ селѣ взглядъ на больныхъ. И понятной дѣлалась та безпокойная искательность, съ которой на улицѣ татары и татарки ловили студента, увлекали въ избы и увѣряли его, что въ дому лежатъ тяжелые больные. Болѣзнь оказывалась чѣмъ-то въ родѣ преміи, отгоняющей на время призракъ голодной смерти.

Старая Лебежайка—большое мордовское село. Въ немъ ночевалъ я. Но такъ какъ меня предупреждали, что это довольно зажиточное село и что здѣшняя мордва—«хозяйственный» народъ, то детальный осмотръ села не входилъ въ мой планъ. На всякій случай, однако, я зашелъ къ мѣстному фельдшеру Онъ встрѣтилъ меня сумрачный, разстроенный, и взволнованно заговорилъ о голодныхъ. Но разсказывалъ онъ не о своемъ селѣ, а о сосѣднихъ селеньяхъ: Бахтеевкѣ (татары) и Чувашской Кулаткѣ (чуваши). Онъ только что пріѣхалъ оттуда.

— Такое плачевное положеніе, просто бѣда,—говорилъ онъ, видимо потрясенный.—Вчера обходилъ я Бахтеевку и Чувашскую Кулатку. Есть такіе, что лежатъ въ брюшномъ тифѣ по 10, по 12 дней, а мы ихъ только что нашли. Вотъ и рядомъ, а не видимъ, не знаемъ. Вчера на этихъ татаръ насмотрѣлся—просто до слезъ. Живетъ, напримѣръ, представьте, одна семья, въ какомъ-то амбарушкѣ. Холодъ, грязь. Жена припадочная, самъ въ тифу, дѣти хворыя. Явное дѣло, отъ недоѣданья. Что я сдѣлаю? Пока пишу врачу, пока онъ пишетъ въ управу, пока что... умретъ.

И въ волненьи ходя по комнатѣ, нервически поправляя кожаный поясъ на синей блузѣ, этотъ пожилой, сѣдоватый человѣкъ повторялъ разстроенно:

— Умретъ, умретъ!..

Онъ, какъ узналъ я потомъ, тридцать первый годъ фельдшерствуетъ въ этомъ участкѣ. Видѣлъ онъ и голодовки, и всякія эпидеміи, и ежедневную крестьянскую нужду. Должны бы, казалось, притупиться нервы. Однако, и его потрясло. Онъ говорилъ почти въ отчаяніи:

— Врачи замучились, фельдшера замучились. Осаждаютъ насъ, а что сдѣлаешь? Пишемъ въ управу, пишемъ въ Саратовъ. Тамъ

комиссіи, подкомиссіи. А они не ждутъ. Какія тутъ лекарства? Ихъ кормить надо. Тутъ еще эти рубрики. Если подходитъ къ рубрикѣ лечебно-питательной помощи, пришлютъ немножко. А они вотъ не подходятъ. Просто голодные. А завтра у нихъ и тифъ, и что угодно. Самые очаги заразы—эти Бахтеевка, Чувашская Кулатка. Всегда. Грязно, нищенски живутъ. Да и наша Старая Лебежайка, какъ холера или что, такъ первое здѣсь.

О своемъ селѣ онъ, впрочемъ, заговорилъ въ болѣе спокойномъ тонѣ.

— Нужда, конечно, и здѣсь большая. Недоѣданье, истощеніе. Наканунѣ вспышки эпидеміи. Ну, а пока все-таки до этого не дошло, какъ въ Бахтеевкѣ. Мордва—трудолюбивый народъ. У нихъ запасы есть: картофель, капуста. Только бы мукой поддержать. Именно всего лучше мукой. Столовыми злоупотребляютъ очень, и обзаведенье дорого стоитъ. Лучше бы мукой.

Такъ какъ лошади ждали меня у воротъ на улицѣ, то я рѣшилъ немедленно ѣхать въ Бахтеевку и Чувашскую Кулатку. Взглянувъ въ окно, я увидѣлъ, что возлѣ саней стоятъ нѣсколько мужиковъ. И еще медленно подходили съ обоихъ концовъ улицы. Взглянулъ въ окно и фельдшеръ.

— Ну, вотъ,—сказалъ онъ,—ужъ собираются. Услыхали. Каждый день вотъ этакъ кучками ко мнѣ приходятъ. Просто бѣда. Измучился, на нихъ глядя.

Когда вышелъ я на улицу, толпа мужиковъ, молча, выжидательно на меня глядѣвшая, разомъ сняла шапки. Мелкій снѣгъ начинавшейся вьюги обсыпалъ ихъ кудлатыя головы.

Настойчиво, нѣсколько разъ, просилъ я ихъ надѣть шапки. Не сразу, неохотно, поодиночкѣ надвинули они на головы мохнатыя шапки. Одинъ сѣдой старикъ упорствовалъ. Вѣтеръ развѣвалъ его широкую, сивую бороду и сѣдыя пряди волосъ на головѣ. Снѣгъ щедро сыпался сверху. Онъ твердо и упрямо стоялъ, держа въ рукахъ рваную, ушастую шапку.

— Надѣнь, дѣдушка,—сказалъ я, насильно надѣвая на него шапку,—надѣнь, простудишься.

Онъ поглядѣлъ на меня съ нѣкоторымъ укоромъ и старческимъ голосомъ произнесъ:

— Мы простуды не боимся. Мы голоду боимся.

И всѣ они заговорили, поочереди и вмѣстѣ:

— До вашей милости, заступитесь!..

— Дошли до того... Хуже некуды. Похлопочи, батюшка...

— Кого просить—не знаемъ. Писать, что ли, кому надо?

Тяжело было, какъ всегда, объяснять, что я посторонній

человѣкъ и ничего не могу сдѣлать. Они не понимали или не вѣрили и продолжали разсказывать о своей нуждѣ, умолять о помощи.

— Скотину кормить нечѣмъ. Подыхаетъ скотина.

— Коровъ-то вонъ на веревкѣ подвѣшиваютъ. А то упадетъ и не встанетъ. Шабровъ зовемъ подымать.

— Неужели способья не будетъ? Куды же дѣнемся?

— Заступитесь, ваше благородіе!..

Подъ градомъ этихъ просьбъ, умоляющихъ и тоскливыхъ фразъ мы-было двинулись впередъ, но черезъ дорогу торопливо бѣжали еще пять-шесть мужиковъ, и одинъ изъ нихъ, заросшій черными волосами, громко, рѣшительно кричалъ:

— Постойте! Постойте! Погодите!..

И, подбѣжавъ, онъ сорвалъ шапку съ головы и, задыхаясь, сталъ поспѣшно говорить:

— Мы до васъ... къ вашей милости, ваше благородіе... Заступитесь... Пропадаемъ...

Объяснилъ ему, что я ничего не могу сдѣлать, что я ѣду по своимъ дѣламъ.

— По своимъ дѣламъ?—упавшимъ голосомъ повторилъ онъ.

Ему какъ будто непонятно было, какія могутъ быть «свои дѣла», когда село охвачено голодовкой. И, видимо принявъ мой отвѣтъ за дипломатическій уклонъ, онъ вмѣстѣ съ другими началъ снова перечислять горести и бѣды деревни. И когда, отъѣхавъ на нѣсколько саженъ, я оглянулся, то увидѣлъ, что вся толпа, опять безъ шапокъ, молча смотрѣла намъ вслѣдъ, а вѣтеръ, налетая, обдавалъ непокрытыя сѣдыя, русыя, черныя головы снѣжной пылью.

Плетемся вялой рысцой. Дорога вьется черезъ волнистое поле. Справа гряда высокихъ холмовъ. Вѣтеръ оголилъ ихъ до-черна. И по темнымъ склонамъ начинающаяся вьюга гонитъ свѣжій мелкій снѣжокъ. Словно дымъ или бѣлый густой паръ, быстро несется онъ по холмамъ снизу вверхъ и на вершинахъ вздымается къ небу бѣлыми струйками. Странное, красивое зрѣлище!.. Горы кипятъ и дымятся снѣжнымъ паромъ. Холодная жертва холодному небу...

Но не весело съ нашими лошаденками. Отдохнувъ за ночь, онѣ бѣгутъ кое-какъ версты три четыре. А потомъ останавливаются, плетутся шагомъ, снова останавливаются. И бѣдный ямщикъ опять охаетъ, прыгаетъ около нихъ, дергаетъ, хлещетъ кнутомъ, выпрягаетъ, перепрягаетъ...

Приползаемъ съ грѣхомъ пополамъ въ Бахтеевку. Сѣрыя пятна домовъ. Два минарета выдѣляются среди нихъ. Находимъ старосту,

и онъ суетливо бросаетъ свои дѣла, чтобы вести меня по больнымъ и голоднымъ. Идемъ изъ избы въ избу. Картины тягостныя, несравненно тяжелѣе, чѣмъ въ Вязовомъ Гаѣ. Сюда не дошла еще никакая помощь.

Въ тѣсной избенкѣ съ расхлябанными, въ трещинахъ полами жмутся дѣти, женщины. На нарахъ, укрытая рваной шалью, на посланномъ замызганномъ тулупѣ, прижалась къ печкѣ татарка. Желтое лицо, слезящіеся глаза съ покорной печалью. Хрипло дышитъ. У нея, по словамъ старосты, тифъ.

— По-русски не можетъ,—разсказываетъ онъ за нее,—это все сирота. Шесть человѣкъ. Отецъ померъ въ холеру.

На нарахъ на кошмѣ подъ сѣрой рваной шалью закопошился кто-то. Тонкій, жалобный стонъ слабо раздался изъ-подъ тряпья.

— Тоже хворый,—сказалъ староста, поднимая уголъ шали и показывая воспаленное лицо дѣвочки, бывшей, очевидно, въ безпамятствѣ.

— Много хвораютъ, кряду, — уныло говорилъ староста:—съ голоду. Народъ голодный!.. Нельзя ли столовой бы, ваше благородіе, открыть?

Во второй избѣ такое же запустѣнье, оголенная бѣдность. Навалено на нарахъ тряпье, грязныя подушки въ ситцевыхъ наволочкахъ.

— Мать вчера умерла,—пояснялъ староста: — вотъ хворый остался.

И онъ вынесъ изъ-за печки полуголаго мальченку съ тощими, костлявыми ноженками, съ худенькой, желтой шейкой. Ребенокъ испуганно, молча глядѣлъ на насъ черными глазами.

Худая, болѣзненная татарка, укутанная платкомъ, въ ситцевомъ платьѣ съ широкими рукавами и въ татарскомъ рваномъ кафтанчикѣ безъ рукавовъ, жалобно глядѣла на насъ. Около нея жалась кучка дѣтей.

— Два жена у него было,—разсказывалъ о хозяинѣ староста,—вотъ остался хозяйка еще. Мужикъ есть одинъ. На сторонѣ, на работу ушелъ. Не шлетъ ничего четвертый мѣсяцъ,—переводилъ онъ отвѣты татарки, которой передавалъ мои вопросы.

Татарка, видимо, ничего не понимала по-русски и только безпомощно, жалобно переводила съ меня на старосту воспаленные, трахомные глаза.

Еще избушка, глиняная, въ два тусклыхъ окна. Внутри полно дѣтишекъ. Мальчики въ тюбетейкахъ и рваныхъ рубашенкахъ. Дѣвочки въ замызганныхъ платьишкахъ. Всѣ грязныя, худыя, больного вида. Одинъ ребенокъ совсѣмъ хворый. Лежитъ укрытый тряпьемъ на нарахъ, лицо желтое, восковое.

— Малàй (мальчикъ)—указываетъ на него татарка-мать и что-то объясняетъ по-татарски.

— Поносъ идетъ,—переводитъ староста,—мужикъ на работу ушелъ. Одинъ. Ушелъ съ осени. Ничего не шлетъ. Извѣстья нѣтъ. Все продали. Козы нѣтъ, ничего нѣтъ. Этакій годъ, никогда не было.

И двѣ татарки стоятъ возлѣ и вторятъ за нимъ, жалобно покачивая головой:

— Ахъ-ля-ля!.. Ахъ-ля-ля...—И что-то говорятъ печальное, унывное на своемъ гортанномъ языкѣ.

Маленькій мальчикъ вдругъ начинаетъ испуганно плакать. И одна изъ женщинъ ласково трогаетъ его за руку, успокоительно приговаривая нѣжнымъ голосомъ:

— Тыми, тыми [1])!..

На улицѣ все гуще сыплетъ снѣгъ. Метель гонитъ вдоль улицы бѣлыя колонны хлопьевъ. Мы ходимъ изъ избы въ избу, облѣпленные снѣгомъ. И наша группа постепенно увеличивается. Отъ двора къ двору переходитъ съ нами растущая толпа татаръ и татарокъ, поджидаетъ насъ и дальше идетъ, съ надеждой и мольбой всматриваясь въ заѣзжаго человѣка.

Во всѣхъ избахъ больные, полубольные, истощенныя дѣти, печальныя женщины, старики съ трахомными, гнойными глазами. Кое-гдѣ показываютъ опухшія десна и жалобно говорятъ: «Цынга». Въ нѣкоторыхъ избахъ тяжело дышать отъ кислаго воздуха. Въ очень многихъ дворахъ совсѣмъ нѣтъ старшихъ: они ушли на работу или по міру. И нельзя понять, какимъ образомъ живутъ эти брошенныя на всю зиму женщины, дѣти, ветхіе старики. Немудрено, что хрипятъ въ бреду на нарахъ и на холодныхъ печахъ подъ тряпьемъ тифозные больные. Помощь еще не дошла до нихъ, и они могутъ неслышно гаснуть, умирать...

О чувашахъ мнѣ въ Хвалынскѣ говорили, что они въ уѣздѣ живутъ такъ же грязно, бѣдно, некультурно, какъ и татары, гораздо хуже мордвы и русскихъ.

Въ Чувашской Кулаткѣ довольно долго сидѣлъ я въ избѣ старосты, поджидая, пока его искали по селу. На полу, устланномъ сѣномъ, бродили черныя ягнята и время отъ времени тоненько, протяжно блеяли. Сынъ старосты, вѣроятно—изъ вѣжливости, переловилъ ихъ и въ охабкѣ перетаскалъ куда-то въ сѣни. Озабоченно ходила по избѣ старуха въ одной посконной рубахѣ на костлявыхъ плечахъ. Рубаха по старинному украшена вышивкой на плечахъ.

---

[1]) Не плачь.

Внизу около плечъ красныя вставки. На поясѣ придѣланъ висячій карманъ. Въ тишинѣ звенѣлъ сыпучій звукъ веретена, и временами за перегородкой сквозь дверь виднѣлась рука женщины съ вертящимся въ воздухѣ веретеномъ. Парень, перетаскавъ ягнятъ, сѣлъ у окна и сталъ большимъ гребнемъ расчесывать русую голову. Говорили они между собой все время по-чувашски. Бытъ, въ общемъ, по внѣшнему виду сходенъ съ русскимъ крестьянскимъ, только, вѣроятно, побольше задержавшій въ обычаяхъ и въ костюмѣ отзвуковъ старины.

Съ прибывшимъ старостой пошли мы по избамъ. Мятель уже намела сугробы на улицахъ, и сверху все сыналось, сыпалось. Пожилой, сухопарый староста легко и быстро прыгалъ въ своихъ валенкахъ черезъ сугробы.

— Очень нуждающіе, — разсказывалъ онъ на ходу, — каждое утро слезами обливаются.

— Вотъ хворай, вотъ хворай и этотъ хворай, трое,—указывалъ онъ, вводя меня въ первую избу, на старуху и двухъ мужиковъ, лежавшихъ подъ тулупами и чапанами—двое на лавкахъ и одинъ на полу.—У всѣхъ троихъ тифъ, горячка. Фельдшеръ вчера сказалъ. Онъ приложилъ градусникъ вонъ энтому, 39 градусовъ, говоритъ у него. А семья семь человѣкъ.

Изба уныло поблескивала голыми деревянными стѣнами, на длинной палкѣ грудой висѣли рубахи, портки.

— Выдавали изъ гамазея три пуда—вотъ и весь хлѣбъ,—объяснялъ староста.

— Нѣтъ, нѣтъ. Какой хлѣбъ,—простоналъ старикъ.

— Обидно ужъ—все время изъ лавки, курамъ покупали,—сказалъ съ полу изъ-подъ овчиннаго тулупа черный мужикъ, болѣзненно обнажая зубы.

Старуха стонала, закрывъ глаза.

Во второй избѣ было тѣснѣе и темнѣе. Тяжелый, душный запахъ встрѣтилъ насъ. На печкѣ шевелилась баба съ ребенкомъ въ отрепьяхъ. На лавкѣ около печки сидѣлъ блѣдный мальчикъ съ русыми волосами и мрачно, исподлобья глядѣлъ на насъ.

— Вотъ у него,—показалъ староста,—поносъ кровавый, говоритъ.

Чахлый чувашинъ топтался возлѣ пожилой, съ бѣльмомъ на глазу. Худая женщина съ землистымъ лицомъ сползла съ печки и подошла къ люлькѣ, гдѣ лежалъ укрытый тряпьемъ ребенокъ.

— Живутъ, сбираютъ по міру,—объяснялъ староста.

— Сбиралъ, ходилъ въ Лебежайку,—сиплымъ голосомъ подтвердилъ кривой хозяинъ,—наспу домой дошелъ. Ходить-то слѣпой,

плохо вижу. Двѣ дѣвочки, наши, въ Еременѣ сбираютъ. Одна-то слѣпая, а другая ведетъ ее. И одеженки-то нѣтъ—пошли, худой кафтанишка. Вонъ погода. Идти-то мнѣ нельзя, въ Лебежайку хотѣлъ.

Сипло бормоталъ и топтался передъ нами, чахлый, оборванный. А семья у него семь человѣкъ. Больные, полуслѣпые.

Въ третьей избѣ тоже больные, слѣпые, кривые, чахлые. Старая женщина охаетъ, жалуется съ печки:

— Сердце болитъ. Жаръ.

Около нея жмутся двое-трое дѣтей.

— А мужъ ея слѣпой,—объясняетъ староста, — годовъ ужъ десять.

— По міру пошелъ,—охая, говоритъ женщина.

— Семья восемь человѣкъ,—продолжаетъ староста,—старикъ слѣпой съ шабромъ пошелъ. Насбираетъ, продастъ, письмо пришлетъ иль деньги.

— Давно не писалъ,—стонетъ женщина, — восьмую недѣлю. Ничего не слыхали.

— Въ Саратовъ хотѣлъ идти аль въ Ставропольскую губернію,—сказалъ кривой мальчикъ въ красной рубахѣ, въ лаптяхъ и въ посконныхъ заплатанныхъ портканхъ.

И вотъ, пока этотъ слѣпой добытчикъ ходитъ гдѣ-то за сотни верстъ, собирая куски и копѣйки, семья ждетъ, больная, полуголодная.

Зашли мы въ ту избу, хозяинъ которой ушелъ по міру со слѣпымъ старикомъ. Въ избѣ пятеро дѣтишекъ-заморышей и чахлая женщина. Она разлилась длинной жалобной рѣчью:

— Вотъ ужъ второй мѣсяцъ и слуху нѣтъ, гдѣ самъ-то. И холодомъ, и голодомъ погибаемъ. Восейкось ходила до самой ночи, просила хоть бы пудикъ муки. Были годы, да ужъ не нынѣшніе. Умирать, знать, нечего дѣлать. Хоть бы самъ дома былъ—какъ-нибудь, какъ-нибудь. А теперь и самъ-то безъ вѣсти пропалъ. Знать, ужъ согрѣшили передъ Богомъ. Вотъ у этого,—схватила она за руку одного мальчика,—зубы у него что-то. Раскрой ротъ!

Мальчикъ показалъ опухшія десны.

Зашли еще въ три-четыре избы. Случайно ли такъ вышло или вообще, дѣйствительно, у чувашъ особенно плохо, но мнѣ показалось, что положеніе у нихъ едва ли не хуже, чѣмъ у татаръ. Главное—обиліе слѣпыхъ, кривыхъ, полуслѣпыхъ, калѣкъ, больныхъ, истощенныхъ. Тутъ уже не одна голодовка нынѣшняго года, а послѣдствіе какого-то вырожденія или долгой жизни въ ужасающихъ условіяхъ.

— Дворовъ у насъ всего 430,—объяснялъ староста,—изъ нихъ, можетъ быть, пятьдесятъ отъ силы наберется, которые могутъ прокормиться, а остальные всѣ, какъ эти.

Мятель заваливаетъ дорогу сыпучими буграми, сыплетъ на насъ густыя струи снѣга, бьетъ въ лицо острой снѣжной пылью. Лошади то идутъ, то останавливаются.

— Но! барчаты!—поощрительно покрикиваетъ ямщикъ, но онѣ слабо поддаются на его комплименты. Безконечно долго плетемся и все же пріѣзжаемъ въ Старую Кулатку.

Это—большое татарское село. Сюда назначенъ цѣлый отрядъ лечебно-питательной помощи — изъ врача, студента, фельдшера и фельдшерицы.

— Вонъ докторъ живетъ, въ кабакѣ,—показалъ мнѣ татаринъ черезъ улицу изъ взъѣзжей квартиры.

Врачъ снималъ коморку на верху надъ винной лавкой. Въ селѣ не было ни одной подходящей квартиры. Здѣсь и нашелъ я молодого врача-кавказца. Онъ находился въ селѣ со своимъ отрядомъ всего съ недѣлю, и впечатлѣнія у него были свѣжія.

— Страшная нужда,—разсказывалъ онъ.—Мы дѣлали подворный обходъ. 500 дворовъ ничего не имѣютъ, совершенно; прямо ужасно. Есть брюшной тифъ, недавно начался. Гингивита (опуханіе десенъ) масса. Страшное истощенье, анемія. Какъ выйдешь, хватаютъ на всѣ стороны.

Онъ сейчасъ же весьма охотно пошелъ со мной по селу, чтобы показать бѣднѣйшія избы.

На печкѣ сидѣли рядышкомъ ветхій старикъ со слезящимися глазами и ветхая старушка, слѣпая. Въ тѣсной, грязной избѣ копошилось много дѣтей.

— Я слѣпой, смерть близко, — шамкала старуха, услышавъ нашъ приходъ,—скажи, два сирота, восемь человѣкъ, дѣти. Ничего нѣтъ. Пожалыста, хлѣбъ кусочка нѣтъ. Смерть близко, сейчасъ.

И старикъ вторилъ ей:

— Всю ночь вотъ такъ сижу. Спать не даютъ. Въ Севастополѣ былъ, двадцать пять лѣтъ служилъ. Въ Польшѣ былъ, три года стояли.

— Ашаргà нѣтъ. Сердце трясется, голова болитъ,—плакалась старуха.

— Сдѣлай милость, заставь Бога молиться...

— Тѣло болитъ,—говорила и мотала головой на печи старуха,—спать не даетъ. Какъ начну кашлять, вотъ суды комокъ.— Хрипло кашляетъ и плюетъ на полъ.

Въ другой глиняной хибаркѣ старый татаринъ, дряхлый, съ чахлой, сѣдой бороденкой, кашляя, слѣзаетъ съ печи и скребетъ себѣ голую, костлявую грудь.

— Съ голоду... Ядà нѣтъ. Мука нѣтъ,—бормочетъ онъ и смотритъ на насъ, не видя, тусклыми, полуслѣпыми глазами.

Въ избѣ темно. Полъ земляной. Молодая женщина закрываетъ лицо рукой. Оборванныя дѣтишки. Голь, нищета.

— Ваше благородіе, суды! — кричатъ намъ на улицѣ, — суды адя!..

Въ избенкѣ холодъ, дымъ. На печкѣ четверо дѣтей. На кровати чахлый старикъ, завернутый рваннымъ овчиннымъ тулупомъ.

— Матери юкъ (нѣтъ), — говоритъ онъ, хрипло кашляя,—все сирота. Шесть внукъ, шесть. Лошадь два были—все ѣли. Нѣтъ скотины, ничего нѣтъ.

Нары голыя, печка голая. Нищета начисто все оголила.

А старикъ, кашляя, бормочетъ, словно въ бреду:

— Богъ кормитъ... Какъ жить будемъ... На мизги (мечеть) поѣдемъ... Болѣсть нѣтъ, голодъ. Прямо надо говорить.

— Атàй (отецъ) у нихъ въ магазей ушелъ, — поясняетъ посторонній, вошедшій съ нами молодой татаринъ.

Такія же картины и въ слѣдующихъ избахъ. Жалобы, тоскливое унынье, трахомные, воспаленные глаза у большинства татаръ, чахлыя, грязныя дѣти, стонущіе подъ тряпьемъ больные...

Мы прошли къ студенту-фельдшеру. И онъ, и фельдшерица поселились у мѣстнаго лавочника, причемъ студентъ жилъ и спалъ въ одной комнатѣ со всѣмъ мужскимъ элементомъ семьи лавочника, а фельдшерица въ другой комнатѣ — со всѣми дѣвицами и женщинами той же семьи. Оба были довольны, что удачно устроились. Въ селѣ долженъ быть постоянный фельдшеръ, но его уже два мѣсяца нѣтъ.

— Ни одинъ фельдшеръ не живетъ,—разсказывалъ студентъ,— поживутъ около мѣсяца и уѣзжаютъ. Живого человѣка нѣтъ—тоска.

— Больница постоянная здѣсь намѣчена,—говорили дальше— но татары требуютъ, что бы не было креста въ больницѣ и чтобы персоналъ былъ мусульманскій.

Разсказывали по этому поводу о слѣпомъ подчиненіи татаръ мулламъ, о безпечности и лѣни татаръ, о низкой культурѣ быта, о нищетѣ и грязи, въ которой они живутъ всю жизнь.

— Въ русскихъ деревняхъ картофель, капуста есть, а тутъ — ничего. Одна салмà любезная—нащиплятъ тѣста, напускаютъ въ воду и хлебаютъ. Нѣтъ ни огородовъ, ни настоящаго хозяйства. Если урожай—пьютъ безъ конца чай съ кренделями, ходятъ другъ

къ другу въ гости. Сядутъ на корточки на полу, самоваръ—на лавку, балакаютъ и угощаются. Въ томъ и время проходитъ. Безпечны, какъ дѣти. Избы любятъ топить, если дрова есть, жарко.

— Нѣтъ, знаете, — съ воодушевленіемъ воскликнулъ студентъ,—нужно сюда къ веснѣ агронома исхлопотать. Онъ ихъ подтолкнетъ, огороды научитъ разводить.

И ему, по молодости лѣтъ, казалось, что вѣковыя черты кочевого племени, попавшаго въ историческій плѣнъ чуждаго русскаго деревенскаго быта, можно исправить чрезвычайно быстро посредствомъ агронома или умной книжки.

Студентъ и весь отрядъ, впрочемъ, вообще горѣли бодростью. Засталъ я ихъ въ хорошую минуту. На слѣдующій день они открывали столовую, и передъ ними лежали списки, ярлыки, вѣдомости, черновыя смѣты.

— Завтра, Господи благослови,—быстро и весело говорилъ студентъ, разбираясь въ бумажкахъ,—начнемъ выдавать горячій приварокъ. Сначала полтораста порцій, потомъ двѣсти. Ну, а тамъ наладимся, до 800 дойдемъ. А то и до тысячи!

— Нужда въ сущности повальная,—говорилось дальше,—поголовное истощеніе. Больны чуть ли не всѣ кряду. Анемія, катарры желудка, чесотка, вообще кожныя болѣзни, экзема, воспаленіе уха—у дѣтей послѣ кори. А главное—глаза. До 80% больны трахомой, почти всѣ. Обходишь дворы, ужасъ беретъ.

Изъ разсказовъ этихъ близкихъ наблюдателей выходило, что татарскія селенья сплошь находятся въ какомъ-то зловѣщемъ вырожденіи или вымираніи. Скорѣе—вырожденіи, въ смыслѣ здоровья, а не вымиранія, такъ какъ плодовитость остается у нихъ большая. Въ каждой семьѣ обиліе дѣтей, даже у пожилыхъ и старыхъ родителей.

Грустно еще то, что, по опыту многихъ лѣтъ, татары убѣдились, насколько иной разъ тяжкія болѣзни могутъ быть выгодны (какъ ни странно это звучитъ): за эти повальныя болѣзни (особенно эпидемическія) ихъ жалѣютъ, къ нимъ шлютъ докторовъ, лекарства, муку, открываютъ столовыя.

— Татары уже привыкли, избаловались. Много лѣтъ чуть ли не кряду имъ помогаетъ и земство, и казна, и Красный Крестъ. Многіе притворяются или преувеличиваютъ свои болѣзни. Увѣряютъ, что у нихъ цынга, ложатся подъ тулупъ и стонутъ.

Эти дѣтскія, неумѣлыя хитрости, конечно, легко извинить, такъ какъ общая бѣдность несомнѣнная и ужасающая. Да и чего притворяться больными, когда и безъ того всѣ почти поголовно хворые. Суть лишь въ томъ, что есть «привилегированныя» бо-

лѣзни. Кормятъ и лечатъ за голодныя болѣзни—цынгу, тифъ. И вотъ, самый изможденный татаринъ, полуслѣпой отъ трахомы, скрюченный ревматизмомъ или чахлый отъ анеміи, старается симулировать цынгу или тифъ, потому что первыхъ болѣзней недостаточно. Простительная хитрость!..

Еще одну черточку сообщили о татарахъ: они любятъ баню, часто топятъ ее, иногда раза два-три въ недѣлю. Но баня у нихъ не для чистоты: они любятъ париться, сидѣть въ парномъ жару. А бѣлье никогда почти не мѣняютъ. Рубашку, какъ надѣваютъ новую, такъ и носятъ, пока не истлѣетъ на тѣлѣ. Бани топятся по черному, дымныя, грязныя.

И мнѣ, при этихъ разсказахъ, все казалось, что татары въ русскомъ быту инстинктивно цѣпляются къ тому, что хоть смутно можетъ напомнить древній кочевой бытъ съ лѣнивымъ лежаньемъ около костровъ или на горячемъ степномъ солнцѣ. Вотъ и тутъ, вмѣсто степи, сидятъ они на корточкахъ на земляномъ полу тѣсной избы и пьютъ безъ конца горячій чай или часами распариваютъ себя въ жаркой банѣ. И нагрѣтая кровь тепло льется въ разслабленномъ тѣлѣ, пробуждая смутныя, далекія грезы...

Во время нашего длиннаго разговора подъѣхалъ хвалынскій санитарный врачъ. Онъ разъѣжаетъ изъ села въ село, узнавая на мѣстѣ о голодающихъ, и шлетъ затѣмъ телеграммы въ Саратовъ, испрашивая помощь. Жизнь у него нелегкая.

— День-два въ недѣлю живу въ Хвалынскѣ, а остальное время въ разъѣздахъ,—говорилъ онъ, улыбаясь.

Ночуетъ на взъѣзжихъ квартирахъ, а эти учрежденія въ Хвалынскомъ уѣздѣ весьма унылы. Эту ночь мы ночевали вмѣстѣ съ нимъ въ Старой Кулаткѣ, а въ пять часовъ утра, когда было еще темно, онъ помчался дальше. На его примѣрѣ, какъ и на примѣрѣ всѣхъ врачей и студентовъ, работающихъ въ уѣздѣ, лишній разъ можно было убѣдиться, что не легкій трудъ несетъ сельская интеллигенція.

Второй день играетъ буранъ.

Свѣжей бѣлизной одѣлись поля. Дорога еле мерещится подъ заносами. Мутной мглой завѣсился горизонтъ. Низко спустилось потускнѣвшее небо. И полчищами мчится колючій, раздробленный снѣгъ. Вѣтеръ хлещетъ въ морды лошадей, слѣпитъ имъ глаза, вздуваетъ гривы и хвосты, засыпаетъ санки потоками снѣга.

— Но, лебедушки! Но, но, милыя! — пѣвучимъ, охрипшимъ теноркомъ покрикиваетъ облѣпленный снѣгомъ благодушный, выбивающійся изъ силъ ямщикъ.

Ползем шагомъ. Останавливаемся, застревая въ сугробахъ.

— Да но! Дьяволы, прости Господи! Но! Лодыри!—теряя хладнокровіе, кричитъ возница.

Бѣдный, онъ работаетъ и волнуется за эту поѣздку больше своихъ горемычныхъ лошаденокъ. Соскакивая ежеминутно, прыгаетъ, тащитъ за оглоблю, нащупываетъ валенками и кнутовищемъ дорогу, выводитъ на колею сбивающихся лошадей...

Пріѣзжаемъ въ Старый Мостякъ. Большое татарское село. Здѣсь работаютъ студентъ и фельдшерица. Положеніе тяжелое. Есть тифозные. Гингивитъ, трахома, истощеніе отъ недоѣданія, какъ во всѣхъ татарскихъ селахъ.

— Очень плохо,—озабоченно говорилъ студентъ.—Разрѣшаютъ кормить только больныхъ, а тутъ не столько больныхъ, сколько голодныхъ. Мы не въ состояніи всѣхъ накормить. Я высчиталъ, что, если класть на каждаго по 5 копѣекъ въ день, то нужно 153 руб. ежедневно. А мнѣ отпущено всего пока 40 рублей, и я на нихъ существую съ 22 декабря (по 14-е января). Что же тутъ сдѣлаешь? Для школьниковъ пока еще нѣтъ приварка. Нужда большая. Муллы представили списки: почти всѣ ученики—нуждающіеся, сплошь. Напримѣръ, изъ 59 мальчиковъ только трое отмѣчены состоятельными. Изъ 56 дѣвочекъ—одна. У всѣхъ истощеніе, малокровіе.

Мы взяли съ нимъ лошадь и поѣхали по селу. Мятель кружила, мела. По обѣимъ сторонамъ улицы къ домамъ навѣвало снѣжные холмы. Но татары, видимо, зорко слѣдили за студентомъ. Изъ дворовъ выскакивали татарки, татары, махали намъ руками, кричали что-то. А когда мы вылѣзали изъ саней и пробирались черезъ сугробы къ домамъ, нашему провожатому (старостѣ) тревожно кричали со всѣхъ сторонъ:

— Кая барасымъ (куда идешь)? Адя суды!... Пожалыста, адя!..

Выйдя изъ первой избы, мы нашли поджидавшую насъ группу изъ трехъ-четырехъ человѣкъ. Послѣ второй-третьей избы она выросла до 10—15, а потомъ все густѣла, и, сидя въ какой-либо избенкѣ, мы слышали рокотъ разговора снаружи, перебранку, крики. Въ одномъ мѣстѣ началъ наскакивать на насъ въ припадкѣ желчнаго отчаянія сухопарый, пожилой, болѣзненнаго вида татаринъ.

— Куды идешь! Куды идешь!—съ надрывомъ кричалъ онъ студенту.—Чего ко мнѣ не заходишь? Каждый день жду. Не слушай старосту. Онъ тебя ведетъ, ведетъ... не знай, куды. Заходи, пожалыста. Сдѣль милость. Бульно хворый, умирать надо.

— Ну, зайдемъ, зайдемъ,—благодушно успокаивалъ его студентъ.

И снова длинная вереница хрипящихъ въ тифозномъ бреду,

кашляющихъ, слѣпыхъ, полуслѣпыхъ стариковъ, чахлыхъ женщинъ, плачущихъ дѣтей. Кое-гдѣ раскрывались картины примитивной хитрости.

— Зайди, пожалыста! Бабай (дѣдъ) хворый! Горячка.

И тащутъ насъ въ убогую землянку. На нарахъ подъ рваннымъ тулупомъ стонетъ старикъ. Студентъ осматриваетъ его, ставитъ термометръ и, разсматривая потомъ его, качаетъ неодобрительно головой.

— Ашарга!..—стонетъ старикъ.

— Ну, вотъ, этакъ и скажи,—говоритъ студентъ,—попросту ѣсть хочешь. Никакой у тебя горячки нѣтъ.

— Ѣсть нечего! Ѣсть нечего!—жалобно подхватываютъ татаринъ и татарка. А дѣти начинаютъ громко плакать.

— Тими, тими (не плачь)!—утѣшаетъ студентъ какого-нибудь обмазаннаго заморыша и, разстроенный, записываетъ семью въ свою книжку.

Въ одной избенкѣ картина оказалась исключительной. Въ лачугѣ развалилась печка. Глина и обломки кирпичей валялись на полу. Холодъ и сырость стояли въ полутемной избѣ. Семья жила такъ уже нѣсколько недѣль, такъ какъ слѣпой, больной старикъ-хозяинъ не въ состояніи былъ самъ починить печь, а денегъ на починку, разумѣется, не было. Худая, кашляющая женщина держала на рукахъ замотаннаго въ тряпье ребенка. Два мальчика въ отрепьяхъ стояли возлѣ. А на печкѣ, среди обломковъ кирпича и глины, ползалъ голый, измазанный грязью ребенокъ. Онъ испуганно, при видѣ насъ, всхлипывалъ и метался на четверенькахъ, какъ звѣрекъ, отъ одной стѣны печки къ другой. Пыль, соръ и камешки сыпались изъ-подъ него, и казалось, что онъ того и гляди свалится внизъ на груду грязныхъ кирпичей. Одинъ изъ вошедшихъ татаръ подхватилъ голаго ребенка на руки и поставилъ его около матери на нары.

— Почему кысымъ (дѣвочка) безъ рубашки?—спросилъ студентъ.

— А! гляди вотъ какой!—пришелъ вдругъ въ возбужденіе вошедшій съ нами татаринъ, очевидно, сосѣдъ,—гляди! Вотъ гляди!

И онъ быстро, судорожно раскрывалъ у одного изъ мальчиковъ рваный кафтанъ. Подъ нимъ оказалось голое тѣло.

— Ничего нѣтъ. Рубашка нѣтъ!—воскликнулъ татаринъ.

— Ну, вотъ, какъ тутъ отказывать,—говорилъ студентъ, выходя изъ избы.—Заплачешь, свое отдашь. А подъ рубрику лечебно-питательной помощи они не подходятъ.

Къ вечеру этого дня хотѣлось мнѣ попасть въ село Старый

Атлашъ. Мы выѣхали. Буранъ разыгрался сильнѣе. Вихрями снѣга встрѣтило насъ на околицѣ. Проселочная дорога, куда лежалъ намъ путь, была завалена безъ слѣда. Еле маячили жидкія вѣхи. Лошади лѣзли цѣликомъ. Черезъ версту пути отъ нихъ валилъ уже паръ.

— Эхъ, хватишь тутъ горя,—бормоталъ ямщикъ, не рѣшаясь, громко выразить неудовольствіе. Лошади погружались по брюхо въ снѣгъ и останавливались, тяжело дыша. Онъ соскакивалъ съ козелъ и, утопая по поясъ, лѣзъ по сугробамъ, нащупывая кнутовищемъ твердый грунтъ накатанной дороги.

Проползли еще съ версту. Навстрѣчу попались два воза, нагруженные кулями съ углемъ.

— Эй, мужики!—крикнулъ ямщикъ,—какъ дорога?

— Благо [1]). Пропадете, замерзнете,—говорилъ мужикъ, ведя въ поводу замученную, мокрую лошадь,—насилу пробились въ лѣсу, въ дубравѣ. Совѣтуемъ не ѣздить.

Нѣсколько минутъ ѣхали мы молча. Лошади снова, завязнувъ въ сугробѣ, стали. Вѣтеръ хлесталъ имъ снѣгомъ въ глаза, взметывалъ гривы.

— Какъ же быть-то?—нерѣшительно сказалъ ямщикъ, повернувъ ко мнѣ обмерзшее съ добрыми, покорными глазами лицо.—Доѣдемъ ли?

Я раздумывалъ. Вечеръ близко, лошаденки дрянныя, буранъ не утихаетъ. А возвращаться не хочется. «По традиціи,—думалъ я,—во всѣхъ устныхъ и печатныхъ разсказахъ бываетъ такъ: добрые люди говорятъ: «Эй не ѣздите, замерзнете!» А неблагоразумные ѣдутъ и замерзаютъ. Неужели нарушить традицію и поступить благоразумно?».

Ямщикъ молча, выжидательно глядѣлъ на меня.

— Ну, ладно,—сказалъ я,—вернемся.

Онъ, обрадовавшись, быстро сталъ повертывать. Вѣтеръ дулъ теперь въ спину, и лошадямъ стало легче. А можетъ быть, они инстинктомъ поняли, что возвращаются къ близкой деревнѣ. Везли онѣ теперь хоть не рысью, но старательно.

— Ну, вотъ,—крикнулъ я, поровнявшись съ возами,—послушались, вернулись!

Мужикъ повернулъ красное замороженное лицо и освѣтился радостной улыбкой.

— И доброе дѣло!—сказалъ онъ, сочувственно мотая головой,—прошлый годъ чуть не замерзли мы въ этомъ мѣстѣ.

И вотъ, отогрѣваюсь я на взъѣзжей квартирѣ въ томъ же Ста-

[1]) Благо—плохо.

ромъ Мостякѣ. Унылая, грязная татарская изба. Нестарая татарка, у которой сзади на косѣ побрякиваютъ привязанныя серебряныя монеты, подаетъ намъ самоваръ, смотритъ добрыми услужливыми глазами. За перегородкой кто-то удушливо кашляетъ, бормочетъ, харкаетъ и плюетъ на полъ.

— Хворый мужикъ. Бяда,—поясняетъ, грустно качая головой, татарка.—Плохо, мужикъ нѣтъ. Я молодой катынъ (жена) это. Старый катынъ померъ.

Къ вечеру иду я на квартиру студента и фельдшерицы. Они встрѣчаютъ радостными восклицаніями.

— Вы на взъѣзжей?—говорятъ они, — ну, этого нельзя. Тамъ хозяинъ тифозный.

У нихъ оказывается маленькая радость: только что получено письмо отъ женщины-врача, завѣдывающей отрядомъ въ Старомъ Атлашѣ; извѣщаетъ, что она завтра привезетъ для столовой 300 рублей.

— Ну, теперь отлично!—ликуетъ студентъ.—будутъ приварки для учениковъ, столовую на 400 человѣкъ расширимъ. Ну, я очень доволенъ! Очень доволенъ. А то сорокъ рублей...

Вечеромъ мы ходили глядѣть, какъ занимаются въ татарскихъ школахъ. Еще на улицѣ слышенъ изъ избы хоръ кричащихъ дѣтскихъ голосовъ. Входимъ внутрь. Дѣвочки сидятъ на полу, передъ ними низенькіе сундучки или нѣчто въ родѣ приземистыхъ наръ. На нихъ лежатъ книжки. А дѣвочки во весь голосъ и всѣ вмѣстѣ кричатъ каждая свой урокъ. Гортанный, странный крикъ, какъ у встревоженныхъ грачей. Для насъ онѣ пропѣли въ унисонъ и довольно музыкально, но тѣми же рѣжущими, кричащими голосами, какую-то молитву.

Въ мужской школѣ также на полу сидѣло человѣкъ 60 мальчиковъ. Передъ ними лежали на низкихъ партахъ книжки, и они такимъ же разноголосымъ, неистовымъ хоромъ кричали свои уроки. Спѣли и они намъ, довольно стройно, какую-то молитву.

— Здѣсь удивительные школьные порядки,—разсказывалъ студентъ.—Занятія начинаются у нихъ съ восьми часовъ утра. Въ полдень перерывъ для обѣда. Потомъ занимаются до пяти. Еще перерывъ для ужина. А затѣмъ снова собираются, занимаются весь вечеръ и здѣсь же на полу, въ повалку ночуютъ. Завтра съ утра—опять тоже. Чуть ли не круглыя сутки. Чему это они учатся?

Не понимая, смотрѣли мы на кучу мальчугановъ, которые исподлобья осматривали насъ. Учатся, выростаютъ, болѣютъ, умираютъ. Рядомъ съ нами живутъ, а чуждый, неизвѣстный бытъ съ какими-то глубокими, внутренними, вѣковыми вліяніями. Задумчиво

вышли мы на улицу. Пустынно. Вдали темной, узкой тѣнью тянется къ небу минаретъ. Чужой, особый міръ... А русскій студентъ все же какъ разъ на мѣстѣ здѣсь, со своимъ горячимъ сердцемъ и теплой жалостью...

На утро часа четыре тащимся мы до Стараго Атлаша. До него всего 12 верстъ, но дорогу замело, завалило вчерашнимъ бураномъ. Всю дорогу ямщикъ прыгалъ около лошадей, кричалъ, понукалъ, утопалъ въ снѣгу. Въ Старый Атлашъ пріѣхалъ онъ мокрѣе лошадей и немедленно побѣжалъ въ лавочку за какимъ-то «бальзамомъ», который сейчасъ же выпилъ изъ чайнаго стакана.

И здѣсь совершали мы съ женщиной-врачемъ обходъ дворовъ. И картины тѣ же. Хилое населенье, тифъ, голодовка, трахомные слѣпые, кривые.

Доктору, какъ и фельдшерицамъ, приходится не только принимать больныхъ въ амбулаторіи и дѣлать осмотры на дому, но еще покупать крупу, муку, мясо, возиться съ устройствомъ столовой, раздавать порціи, провѣрять нуждающихся.

И все же татары ворчатъ.

— Чего, ваше благородіе,—жаловался мнѣ на взъѣзжей старикъ-татаринъ,—больныхъ только кормятъ. А есть—по три дня неѣвши сидять. Сидятъ—плачутъ. А скоро, пожалуй, холера будетъ.

Женщину-врача поражаетъ невѣроятное обиліе всякаго рода больныхъ, истощенныхъ и хилыхъ среди татаръ. Она склонна считать главной причиной этого вырожденіе.

Всѣ временныя мѣры борьбы, поэтому, кажутся здѣсь слабыми, ничтожными. Но какія же возможны радикальныя мѣры? Неожиданной наивностью прозвучало у той же женщины-врача, когда она горячо сказала:

— Нѣтъ, здѣсь непремѣнно нужно организовать какія-нибудь кустарныя мастерскія. Надо дать заработокъ населенію. Особенно женщинамъ. Онѣ въ страшной кабалѣ.

Требуются, разумѣется, не палліативы, а глубокія измѣненія жизни этого народца, гибнущаго отъ рокового вырожденія. И спасенье, вѣроятно, не только въ матеріальномъ, хотя бы капитальномъ улучшеніи быта, но еще, можетъ быть, важнѣе—въ измѣненіи, въ оздоровленіи и въ примѣненіи къ новымъ условіямъ жизни національной психики татаръ.

Интеллигентные работники неизбѣжно должны, въ концѣ концовъ, чувствовать здѣсь угнетающую безпомощность.

И даже мнѣ, случайному наблюдателю, все тягостнѣе было продолжать поѣздку по татарскимъ селамъ (Старый Атлашъ, Сред-

няя Терешка, Мансуровка). Съ невольнымъ облегченіемъ выѣзжалъ я, наконецъ, къ русскимъ селамъ. Здѣсь, хотя и тяжело, но не такъ безвыходно.

Но, прощаясь съ татарскимъ райономъ, вдругъ вспоминаешь: «А вѣдь татары, все же, благодаря своему тяжкому положенію, отвоевываютъ себѣ главную часть общественной помощи». Большая бѣда затѣняетъ меньшую. Теряется тонкость наблюденія, не различаются сложные, оттѣнки общенародной бѣды. Въ Хвалынскомъ уѣздѣ, такъ же, какъ и въ Саратовскомъ, многія села оставлены въ грустномъ, совершенно безпомощномъ положеніи, и только потому, что въ нихъ голодная бѣда не вылилась еще въ «привиллегированныя» болѣзни. Очень это плохо, если отзывчивость пробуждается только на цынгу, на тифъ и на рѣзкія, внѣшнія проявленія голодовки.

И. Жилкинъ.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Военныя дѣйствія въ Средиземномъ морѣ.—Раздраженіе въ Европѣ и патріотическій энтузіазмъ въ Италіи.—Итальянскій парламентъ и право войны.—Парламентскія дѣла въ Германіи.—Графъ Эренталь.—Китайская республика. Грандіозная забастовка въ Англіи.

Отдѣльные эпизоды итальянской войны противъ Турціи возбуждаютъ по временамъ тревогу въ Европѣ и указываютъ въ то же время на ненормальность общаго международнаго положенія. Небольшая итальянская эскадра появилась 24-го (11) февраля у береговъ Сиріи и потребовала сдачи двухъ турецкихъ военныхъ судовъ, мирно стоявшихъ въ гавани Бейрута; не получивъ отвѣта на свое требованіе, итальянцы потопили оба судна и своей бомбардировкою причинили городу значительныя поврежденія, причемъ пострадали, конечно, и жители. Значительная часть западно-европейской печати выражаетъ свое негодованіе по поводу такого рода нападеній на беззащитные торговые порты въ предѣлахъ Средиземнаго моря; дипломаты болѣе или менѣе мягко протестуютъ вообще противъ перенесенія военныхъ дѣйствій въ другія области Турціи, кромѣ сѣверо-африканскихъ.

Само собою разумѣется, что военныя дѣйствія въ Средиземномъ морѣ, какъ и захваты нейтральныхъ судовъ для контроля и преслѣ-

дованія контрабанды, нарушаютъ весьма важные и крупные интересы культурныхъ націй, подвергая опасности весь ходъ мирныхъ торговыхъ сношеній въ юго-восточной Европѣ; но Италія не скрываетъ, что она ведетъ войну съ опредѣленною завоевательною цѣлью, и великія державы не возражали противъ этой войны въ принципѣ. Италія хочетъ заставить Турцію отказаться отъ всякихъ правъ на Триполи и примириться съ фактомъ присоединенія этой территоріи къ итальянскимъ владѣніямъ; потому она и стремится нанести туркамъ чувствительные удары,—а нанести эти удары возможно лишь въ европейской или азіатской Турціи, такъ какъ въ сѣверной Африкѣ фактически не существуетъ ни турецкой власти, ни турецкихъ вооруженныхъ силъ. Чтобы побѣдить противника, надо настигнуть его въ мѣстѣ его пребыванія, и трудно сказать что-нибудь противъ итальянскихъ попытокъ воевать съ турками тамъ, гдѣ они еще господствуютъ. Италія пользуется только своимъ законнымъ правомъ войны, отыскивая и разстрѣливая непріятельскія военныя суда въ гаваняхъ турецкихъ приморскихъ городовъ,—и всѣ теперь видятъ и чувствуютъ, что примѣненіе этого права войны на практикѣ несовмѣстимо съ общими культурными и экономическими интересами народовъ, не участвующихъ въ войнѣ. Какъ оказывается на дѣлѣ, итальянское предпріятіе относительно Триполи касается не однихъ итальянцевъ и турокъ, но и англичанъ, и французовъ, и австрійцевъ, и нѣмцевъ, причиняя значительный вредъ всѣмъ этимъ націямъ. Не слѣдуетъ ли отсюда заключить, что постороннія націи имѣютъ право протестовать противъ чужихъ воинственныхъ предпріятій, хотя бы направленныхъ противъ одной лишь Турціи?

Рядомъ съ несомнѣнною противоположностью интересовъ между воюющею страною и другими государствами, замѣчается столь же рѣзкая противоположность настроенія. Тогда какъ военныя дѣйствія Италіи осуждаются почти во всей остальной Европѣ, вызывая въ ней чувства раздраженія и неудовольствія, они служатъ, напротивъ, предметомъ гордости и радостнаго патріотическаго подъема среди итальянцевъ. Никогда еще итальянское правительство не испытывало такого тріумфа въ парламентѣ, какъ при обсужденіи триполійскаго вопроса въ засѣданіяхъ палаты депутатовъ и сената, съ 22-го по 24-ое февраля (нов. ст.). Министерство Джолитти внесло въ палату законопроектъ о подтвержденіи декрета 5-го ноября 1911-го года, которымъ объявлена была верховная власть Италіи надъ Триполи и Киренаикою. Посвященныя этому вопросу засѣданія приняли съ самаго начала характеръ какого-то національнаго торжества. Парламентъ былъ въ полномъ сборѣ и горячо привѣтствовалъ министра-президента; послѣ каждаго заявленія повторялись восторженные воз-

гласы въ честь Италіи и короля, въ честь арміи и флота. Президентъ палаты Маркора говорилъ о всегдашней и единодушной готовности итальянцевъ ко всякимъ жертвамъ для величія и славы отечества. Предложеніе выразить арміи и флоту сочувствіе и признательность отъ имени парламента было поддержано продолжительною овацією: всѣ депутаты вскочили со своихъ мѣстъ и долго не могли успокоиться отъ восторга. Министры военный и морской благодарили палату въ трогательныхъ выраженіяхъ. Среди общаго патріотическаго возбужденія выслушана была краткая рѣчь Джолитти о декретѣ 5-го ноября, для разсмотрѣнія котораго избрана комиссія изъ 21-го члена.

На слѣдующій день, въ засѣданіи 23-го февраля, комиссія представила свой докладъ, которымъ заранѣе одобрила всѣ военныя и финансовыя мѣры, какія будутъ признаны необходимыми для доведенія начатаго дѣла до благополучнаго конца. Одинъ изъ руководителей соціалъ-демократической партіи, депутатъ Биссолати, объяснилъ, что хотя онъ первоначально возражалъ противъ сѣверо-африканской экспедиціи, тѣмъ не менѣе онъ полагаетъ, что его партія не можетъ чувствовать иначе, чѣмъ вся нація; онъ «своимъ итальянскимъ сердцемъ преклоняется передъ мужественными борцами на морѣ и на сушѣ, героизмъ которыхъ способствовалъ возвышенію нравственнаго достоинства Италіи въ цѣломъ мірѣ». Онъ признаетъ, что «Италія никогда не могла бы допустить занятія Ливіи (т. е. Триполи и Киренаики) какою-либо другою націею», и что данное предпріятіе «не только было одобрено народомъ, но и вынуждено его пламеннымъ воодушевленіемъ». Правда, онъ не увѣренъ въ цѣлесообразности декрета и будетъ вотировать противъ него; но ни онъ, ни его друзья «не станутъ дѣлать затрудненія правительству въ этотъ торжественный моментъ, и ни при какихъ обстоятельствахъ они не оставятъ высшихъ интересовъ отечества безъ надлежащаго вниманія». Другой представитель соціалъ-демократіи, депутатъ Турати, при шумныхъ возгласахъ протеста, высказался противъ экспедиціи, утверждая, что для страны нужна колоніальная политика труда, а не вооруженнаго насилія. Депутатъ Барцилаи говорилъ отъ имени республиканской группы, что «триполійская война была неустранимою историческою необходимостью для Италіи», и что «парламентъ не можетъ уже уничтожить декретъ, освященный пролитою кровью итальянскихъ героевъ». Правительства «приходятъ и уходятъ, но Италія должна существовать и будетъ существовать постоянно». Умѣренный соціалистъ Энрико Ферри надѣется, что одобреніе декрета позволитъ правительству провести возвѣщенныя демократическія, хозяйствен-

ныя и политическія реформы. Парламентъ, по словамъ Ферри, «настоящимъ голосованіемъ торжественно подкрѣпитъ свое новое направленіе». Министръ-президентъ Джолитти, отвѣчая отдѣльнымъ депутатамъ, заявилъ, что ни одна держава не стѣсняла дѣйствій Италіи, и «если Италія отчасти ограничивала кругъ своихъ военныхъ мѣропріятій, для избѣжанія серьезныхъ замѣшательствъ, то она дѣлала это по своей свободной и никѣмъ не внушенной иниціативѣ, руководствуясь своими собственными интересами». Выслушавъ всѣ эти рѣчи и объясненія, палата одобрила декретъ 5-го ноября 1911 г. большинствомъ 423 противъ 9 голосовъ. Провозглашеніе этого результата голосованія опять-таки сопровождалось патріотическою манифестаціею.

Въ такомъ же повышенномъ настроеніи обсуждался вопросъ и въ верхней палатѣ 24-го февраля. Въ числѣ сенаторовъ присутствовали и члены королевской фамиліи, герцоги Аостскій и Генуэзскій, которымъ сдѣлана была овація. Герцогъ Аостскій сказалъ нѣсколько теплыхъ словъ, возбудившихъ общій энтузіазмъ. Возгласы въ честь короля и Савойскаго дома не прекращались. Министръ-президентъ внесъ принятый наканунѣ палатою депутатовъ законопроектъ и предложилъ избрать комиссію, которая могла бы въ тотъ же день представить свой докладъ. Назначенная вслѣдъ затѣмъ комиссія единогласно признала, что законопроектъ принадлежитъ къ числу такихъ, которые не нуждаются въ обсужденіи, а должны быть одобрены всѣми съ воодушевленіемъ. Единодушно принята формула, которою «сенатъ, какъ истолкователь чувствъ страны, одобряетъ законопроектъ безъ преній». Закрытымъ голосованіемъ декретъ утверждается всѣми присутствовавшими 202 сенаторами. Въ заключеніе министръ-президентъ Джолитти сопоставилъ великое триполійское предпріятіе съ великимъ дѣломъ національнаго объединенія Италіи, завершившимся полвѣка тому назадъ.

Очевидно, просвѣщенные представители итальянской націи совершенно не раздѣляютъ взглядовъ остальной Европы на итальянскую войну съ Турціею. Они видятъ славные подвиги тамъ, гдѣ иностранцы находятъ лишь грубое злоупотребленіе силою надъ слабымъ или отсутствующимъ противникомъ. Они превозносятъ завоевательную колоніальную политику, которую другіе сурово осуждаютъ по отношенію къ Италіи. Глубокій антагонизмъ интересовъ и настроенія между Италіею и остальными культурными государствами не составляетъ случайности. Такой же антагонизмъ существуетъ между каждою націею, затѣявшею какое-либо воинственное предпріятіе, и сосѣдними мирными народами. Французы и англичане, подвергающіе рѣзкой критикѣ колоніальную предпріимчивость Ита-

ліи, сами впадали въ тѣ же воинственныя увлеченія относительно Марокко. Если хотя бы въ мысляхъ допускалась возможность истребительной войны изъ-за марокккскихъ притязаній отдѣльныхъ державъ, то нельзя удивляться и патріотическому воодушевленію Италіи, успѣвшей наложить свою руку на Триполи. Чѣмъ Триполи хуже Марокко? Бывшія турецкія провинціи, переименованныя итальянцами въ Ливію, представляютъ для Италіи такое же существенное пріобрѣтеніе, какъ Марокко для Франціи и Боснія для Австро-Венгріи. Всѣ передовыя націи съ одинаковою легкостью поддаются воинственнымъ порывамъ, обѣщающимъ вѣрный успѣхъ, и въ этихъ случаяхъ внезапно, съ неодолимою силою, всплываютъ наружу традиціонныя чувства и понятія, связанныя съ идеями войны и побѣды. Общественное мнѣніе, печать и народное представительство рукоплещутъ всякому удачному завоевательному предпріятію собственной страны и осуждаютъ такія же предпріятія другихъ странъ. Гдѣ же тутъ мѣсто для широкаго движенія и развитія пацифизма? Движеніе въ пользу прочнаго и постояннаго мира между народами имѣетъ успѣхъ только до тѣхъ поръ, пока оно не сталкивается съ требованіями и условіями милитаризма. Если страна тратитъ значительную часть народныхъ средствъ на содержаніе арміи и флота, то она естественно желаетъ пользоваться своими вооруженными силами и извлекать изъ нихъ какую-нибудь реальную выгоду для государства. Съ одной стороны, изъ года въ годъ затрачивать массу средствъ на достиженіе и поддержаніе боевой готовности арміи и флота, а съ другой стороны, обрекать всѣ эти усилія на безплодіе, значило бы вести политику, построенную на непримиримомъ внутреннемъ противорѣчіи. Это коренное противорѣчіе между постоянными вооруженіями государствъ и мирными культурными интересами народовъ не устраняется никакими логическими доводами; оно можетъ ослабѣть и исчезнуть только при соотвѣтственной реформѣ учрежденій и порядковъ, связанныхъ съ милитаризмомъ.

При существующихъ условіяхъ международнаго положенія надежными гарантіями мира могутъ считаться только отдѣльныя соглашенія между державами, имѣющими поводы къ соперничеству и взаимному недовѣрію. Англо-германская полемика изъ-за Марокко настолько обострила отношенія между Англіею и Германіею, что съ обѣихъ сторонъ должна была чувствоваться потребность серьезнаго поворота въ обоюдной политикѣ. Первый шагъ въ этомъ направленіи сдѣланъ былъ британскимъ правительствомъ. Англійскій военный министръ, лордъ Хольденъ (Haldane), отправился въ Берлинъ для «обмѣна мыслей» съ нѣмецкими государственными людьми, имѣлъ 8-го февраля (нов. ст.) продолжительное совѣщаніе съ имперскимъ

канцлеромъ, фонъ-Бетманъ-Гольвегомъ, бесѣдовалъ съ статсъ-секретаремъ иностранныхъ дѣлъ Кидерленъ-Вехтеромъ и подготовилъ почву для соглашеній по нѣкоторымъ колоніальнымъ вопросамъ, признаваемымъ наиболѣе спорными и щекотливыми. Одновременно и англійскіе министры, премьеръ Асквитъ и сэръ Эдуардъ Грей, заговорили въ своихъ рѣчахъ о желательности лучшихъ, довѣрчивыхъ отношеній между обѣими націями; съ своей стороны и Бетманъ-Гольвегъ въ имперскомъ сеймѣ отозвался съ похвалою о попыткѣ лорда Хольдена содѣйствовать взаимному сближенію путемъ свободныхъ неоффиціальныхъ переговоровъ. Если дѣйствительно будутъ выработаны основы англо-германскаго компромисса, по образцу существующей англо-русской сдѣлки, то это будетъ крупный реальный успѣхъ, гораздо болѣе существенный, чѣмъ кажущіяся идейныя завоеванія пацифизма.

Въ Германіи нѣсколько улеглось волненіе, вызванное поразительнымъ торжествомъ соціалъ-демократіи на выборахъ въ имперскій сеймъ. Правительство въ лицѣ Бетманъ-Гольвега отнеслось сравнительно спокойно къ пораженію своихъ союзниковъ и сторонниковъ; оно дѣлало даже видъ, что въ сущности ничего особеннаго не случилось. Въ тронной рѣчи, прочитанной императоромъ Вильгельмомъ II при открытіи германскаго парламента 7-го февраля (25-го января), вовсе не упоминалось ни о результатахъ избирательной кампаніи, ни объ усиленіи соціалъ-демократіи, а говорилось только о предстоящихъ соціальныхъ и финансовыхъ реформахъ.

«Цѣль моей дѣятельности,—заявляетъ германскій императоръ,—заключается въ томъ, чтобы неизмѣнно сохранить крѣпкій строй имперіи и государственнаго порядка, увеличить благосостояніе народа во всѣхъ его слояхъ и сословіяхъ, поддерживать и возвысить силу и вліяніе націи». Указавъ на дальнѣйшее развитіе соціальнаго законодательства въ прежнемъ духѣ, тронная рѣчь признаетъ вообще, что «развитіе не останавливается». За обѣщаніями разныхъ желательныхъ улучшеній слѣдуютъ, конечно, неизбѣжные военные законопроекты, мотивируемые тѣми же старыми, всегда повторяемыми резонами: «Процвѣтаніе нашихъ мирныхъ дѣлъ и предпріятій внутри страны и за морями зависитъ отъ того, останется ли имперія достаточно могущественною, чтобы во всякое время оберегать и ограждать свою національную честь, свои владѣнія и свои справедливые интересы въ мірѣ. Поэтому на мнѣ постоянно лежитъ обязанность заботиться о томъ, чтобы оборонительная сила нѣмецкаго народа сохранялась и крѣпла на сушѣ и на морѣ. Законопроекты, направленные къ этой цѣли, подготовляются и будутъ внесены вмѣстѣ

съ предложеніями относительно способовъ покрытія добавочныхъ расходовъ. Помогите исполнить эту высокую задачу—говорится далѣе въ тронной рѣчи,—и вы окажете великую услугу отечеству». Остается только неяснымъ, почему военное могущество, признававшееся достаточно грознымъ годъ тому назадъ, оказывается теперь уже недостаточнымъ, требующимъ дальнѣйшаго прироста и дальнѣйшихъ затратъ. Этотъ прогрессивный ростъ вооруженій и военнаго бюджета выставлялся обыкновенно какъ продуктъ соотвѣтственнаго роста военныхъ силъ и средствъ другихъ народовъ, но подобныхъ ссылокъ въ данномъ случаѣ не сдѣлано, и германское военное вѣдомство расширяетъ свои требованія въ силу стихійнаго развитія милитаризма, независимо отъ соображеній о соперничествѣ и внѣшней безопасности. Предъявляя новыя военныя требованія безъ достаточныхъ къ тому мотивовъ, правительство въ то же время дѣлаетъ успокоительныя заявленія относительно иностранной политики имперіи. «Въ пользу готовности мирно улаживать международные споры, когда это соотвѣтствуетъ достоинству и интересамъ Германіи, мы представили новое доказательство заключеніемъ соглашеній съ Франціею. Наряду съ соблюденіемъ нашихъ союзныхъ связей съ австро-венгерскою монархіею и съ королевствомъ Италіей,—заключаетъ тронная рѣчь,—моя политика стремится къ сохраненію дружественныхъ отношеній со всѣми державами на почвѣ взаимнаго уваженія и доброжелательства. Полагаясь на здоровую силу нѣмецкаго народа, я съ довѣріемъ взираю на будущность имперіи, помимо борьбы текущаго дня».

Общій тонъ оффиціальнаго обращенія Вильгельма II къ новому рейхстагу можетъ быть названъ примирительнымъ. Правительство съ философскимъ оптимизмомъ смотритъ на ростъ оппозиціоннаго настроенія въ странѣ и на совершившіяся перемѣны въ распредѣленіи и группировкѣ парламентскихъ партій; оно не пугается успѣленія соціалъ-демократіи и не думаетъ о какихъ-либо искусственныхъ мѣрахъ противодѣйствія этому стихійному росту народной оппозиціи. Неудовольствіе высшихъ придворныхъ сферъ не идетъ далѣе чисто-внѣшнихъ проявленій, болѣе или менѣе мелочныхъ и безцѣльныхъ. Такъ какъ первою по численности партіею въ имперскомъ парламентѣ является уже не центръ, а соціалъ-демократія, то послѣдняя, въ силу установившейся традиціи, получила право на первое мѣсто въ составѣ президіума; но постъ президента связанъ съ соблюденіемъ оффиціальныхъ и придворныхъ обычаевъ, къ которымъ соціалъ-демократы всегда относились отрицательно. Возникъ интересный вопросъ, какъ выйдутъ партіи изъ этого затрудненія. Престарѣлый вождь нѣмецкой соціалъ-демократіи, Августъ Бебель, находилъ вполнѣ возможнымъ, чтобы президентъ, избран-

ный изъ ея среды, оффиціально представился императору, какъ это требуется по принятому порядку, и чтобы онъ даже предлагалъ въ парламентѣ въ нужныхъ случаяхъ установленный привѣтственный возгласъ, такъ какъ въ сущности эти внѣшнія формальности ни къ чему не обязывали бы партію; другіе возставали противъ такого свободнаго толкованія существующей практики и признавали болѣе цѣлесообразнымъ отказаться отъ права на избраніе президента изъ соціалистовъ. Особенно безпокоились по поводу этихъ колебаній крайней лѣвой національ-либералы; они рѣшились отдать свои голоса представителю католическаго центра, Шпану, который и былъ избранъ президентомъ; постъ перваго вице-президента достался все-таки соціалъ-демократу Шейдеману, а вторымъ вице-президентомъ избранъ національ-либералъ Пааше. Однако Шпанъ заявилъ, что не можетъ засѣдать въ президіумѣ рядомъ съ соціалистомъ изъ наборщиковъ, и категорически отрекся отъ двусмысленнаго положенія, навязаннаго ему національ-либералами; тогда же отказался и національ-либералъ Пааше отъ должности вице-президента, такъ что единственнымъ представителемъ президіума оказался соціалъ-демократъ, которому и приходилось временно исполнять предсѣдательскія обязанности. И надо сказать, что, по общему мнѣнію, онъ вполнѣ умѣло и корректно справился съ своею трудною и щекотливою задачею. Въ засѣданіи 14 (1)-го февраля приступлено было къ выборамъ, и почетная роль президента выпала на долю виднаго дѣятеля свободомыслящей партіи, семидесятилѣтняго берлинскаго депутата Кемпфа; вторымъ вице-президентомъ избранъ также свободомыслящій, Генрихъ Дове. Такимъ образомъ временный президіумъ имперскаго сейма, подлежащій переизбранію черезъ мѣсяцъ, состоитъ изъ двухъ передовыхъ прогрессистовъ и одного соціалъ-демократа; за нихъ подавали голоса свободомыслящіе, соціалъ-демократы и отчасти также національ-либералы, тогда какъ правые и центръ демонстративно уклонялись отъ участія въ голосованіи. Президіумъ, въ составѣ президента Кемпфа и второго вице-президента Дове, выразилъ желаніе представиться императору, но Вильгельмъ II, къ удивленію многихъ, отказалъ въ просимой аудіенціи, вѣроятно въ виду неполноты состава этого президіума, за отсутствіемъ въ немъ перваго вице-президента. Незаслуженная обида, нанесенная президіуму въ данномъ случаѣ, весьма чувствительно задѣла всѣ парламентскія партіи, кромѣ соціалъ-демократической, и произвела вообще тягостное впечатлѣніе даже среди умѣренныхъ и консервативныхъ группъ. Однако, эти вспышки неудовольствія пройдутъ, и со временемъ придворныя сферы поневолѣ привыкнутъ къ тому обстоятельству, что непріятные

для нихъ соціалъ-демократы образуютъ могущественнѣйшую народную партію германскаго парламента.

Въ вѣнскихъ газетахъ отъ 17 (4)-го февраля, одновременно съ извѣстіемъ о смерти графа Эренталя, появился рескриптъ на его имя, съ выраженіемъ сожалѣнія о необходимости согласиться на его увольненіе въ отставку по разстроенному здоровью. «По этому случаю—пишетъ императоръ Францъ Іосифъ,—я считаю долгомъ увѣрить васъ въ неизмѣнномъ довѣріи не только къ вашей особѣ, но и къ политикѣ, которую вы съ осмотрительною иниціативою преслѣдовали при трудныхъ обстоятельствахъ и которая обезпечиваетъ вамъ почетную и прочную память». Эти выраженія признательности и «продолжающейся благосклонности», вмѣстѣ съ актомъ пожалованія брилліантовъ къ большому кресту ордена св. Стефана, были доставлены графу Эренталю на смертномъ одрѣ, когда онъ лежалъ безъ сознанія, во время начавшейся уже агоніи. Если при дворѣ не имѣли точныхъ свѣдѣній о дѣйствительномъ состояніи министра двора и иностранныхъ дѣлъ, то нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что и публика, и печать объясняли его болѣзнь закулисными интригами приближенныхъ наслѣдника престола, эрцгерцога Франца-Фердинанда, единомышленниковъ бывшаго начальника главнаго штаба Конрада фонъ-Гетцендорфа. Всякія сплетни и догадки о причинахъ ухода графа Эренталя съ министерскаго поста неожиданно окончились уходомъ его изъ жизни.

Графъ Алоисъ Лекса фонъ-Эренталь не отличался ни глубокимъ умомъ, ни искусствомъ тонкаго дипломата, ни изобрѣтательностью въ сферѣ международныхъ комбинацій, ни ораторскими, ни иными талантами. Его ежегодные политическіе обзоры въ делегаціяхъ носили на себѣ оттѣнокъ сухой канцелярской дѣловитости и были гораздо менѣе интересны, чѣмъ доклады и рѣчи его предмѣстниковъ. Подвергаясь часто нападкамъ и обвиненіямъ со стороны оппозиціи, онъ обыкновенно терялся и не находилъ матеріала для отвѣта; такъ онъ не съумѣлъ опровергнуть документальныя указанія профессора Масарика на неблаговидные и даже преступные пріемы австрійскихъ дипломатическихъ агентовъ съ цѣлью созданія уликъ противъ хорватскихъ патріотовъ, обвиняемыхъ въ измѣнническихъ сношеніяхъ съ сербскимъ королевствомъ. Графъ Эренталь прославился лишь благодаря своему близкому знакомству съ Россіею, съ русскими министрами и дипломатами; это знакомство позволило ему вести австрійскую политику на Балканахъ безъ всякаго риска, при постоянномъ довѣрчивомъ содѣйствіи русскихъ друзей. Не даромъ онъ значительную часть своей дипломатической службы провелъ въ Петербургѣ; съ 1877-го до 1883-го года онъ состоялъ при здѣшнемъ

австрійскомъ посольствѣ, съ 1888-го до 1894-го года былъ совѣтникомъ въ этомъ посольствѣ, съ 1899 г. занималъ здѣсь постъ посла до назначенія министромъ иностранныхъ дѣлъ на мѣсто графа Голуховскаго въ октябрѣ 1906-го года. Съ нашимъ дипломатомъ, позднѣе министромъ, А. П. Извольскимъ, онъ сблизился еще во время своего трехлѣтняго пребыванія въ Букарештѣ, въ качествѣ посланника при румынскомъ дворѣ, въ 1895 — 1898 гг. Съ 1907-го года онъ подготовлялъ свои наступательные желѣзнодорожные и культурные планы на Балканахъ, въ сентябрѣ 1908-го года имѣлъ свои знаменитыя секретныя совѣщанія съ А. П. Извольскимъ въ замкѣ Бухлау, принадлежащемъ графу Берхтольду въ Моравіи, и, вывѣдавъ намѣренія и предположенія русской дипломатіи, поспѣшилъ осуществить проектъ формальнаго присоединенія Босніи и Герцеговины къ австрійскимъ владѣніямъ. Оказалось, что Россія, въ лицѣ ея министра, сама дала Эренталю эту блестящую мысль и обѣщала способствовать ея исполненію, если вѣнскій кабинетъ съ своей стороны окажетъ намъ содѣйствіе въ пересмотрѣ конвенціи относительно Дарданеллъ и Босфора. Наша дипломатія почему-то готова была тогда на всякія уступки въ ущербъ славянству, чтобы добиться ненужнаго намъ открытія турецкихъ проливовъ для будущаго черноморскаго военнаго флота. Эренталь не преминулъ воспользоваться этимъ настроеніемъ нашего министра иностранныхъ дѣлъ, поставивъ его въ невозможность формально возражать противъ аннексіи. Дальнѣйшее извѣстно: Австро-Венгрія потребовала поддержки отъ Германіи, и графъ Пурталесъ отъ имени императора Вильгельма II напомнилъ Россіи о существованіи военнаго австро-германскаго союза, въ силу котораго австрійцамъ будетъ предоставлена полная свобода дѣйствій на Балканахъ. Россія тотчасъ отказалась отъ начатой дипломатической кампаніи и безпрекословно подчинилась австрійскимъ требованіямъ. Съ тѣхъ поръ баронъ Эренталь, возведенный въ графы лѣтомъ 1909-го года, пріобрѣлъ славу австрійскаго Бисмарка и занялъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду государственныхъ дѣятелей Европы. Онъ умеръ на 58-мъ году жизни. Преемникомъ его въ министерствѣ является графъ Леопольдъ Берхтольдъ, также хорошо изучившій нашу дипломатію и наше свѣтское общество въ бытность свою посломъ въ Петербургѣ.

Въ Китаѣ формально провозглашена республика. Три декрета, обнародованные 12-го февраля (30-го января) отъ имени малолѣтняго богдыхана по распоряженію вдовствующей императрицы, сообщаютъ народу объ отреченіи династіи и устанавливаютъ условія перехода къ новому порядку вещей. Въ силу старинныхъ преданій

«тронъ всегда разсматривался, какъ публичное наслѣдіе, и если теперь Провидѣніе чрезъ посредство народнаго большинства желаетъ ввести республику для общаго блага, то этому нельзя противиться». Главою правительства остается Юаншикай, а населеніе должно сохранить полное спокойствіе, отказавшись отъ племенной вражды между манчжурами, китайцами, монголами и магометанами. Во второмъ декретѣ излагаются условія обезпеченія членовъ императорской фамиліи, причемъ за богдыханомъ остается титулъ манчжурскаго императора. Третій декретъ имѣетъ характеръ прощальнаго, успокоительнаго воззванія къ чиновникамъ и простымъ обывателямъ, съ настойчивымъ совѣтомъ избѣгать волненій и безпорядковъ и надѣяться на будущее подъ неизмѣннымъ покровительствомъ неба. Юаншикаю предоставлено вступить въ соглашеніе съ представителями южныхъ и центральныхъ провинцій, въ видахъ скорѣйшей организаціи Китая на новыхъ началахъ. Всѣ возставшія области, имѣющія своихъ делегатовъ въ Нанкинѣ, признали Юаншикая президентомъ республики, съ согласія бывшаго временнаго правителя, Сенъ-ятъ-сена, добровольно отказавшагося отъ своихъ полномочій. Номинально Юаншикай можетъ считаться полновластнымъ диктаторомъ Китая, но пока онъ долженъ еще лавировать и вести тонкую дипломатію, чтобы не допустить возстанія отдѣльныхъ китайскихъ генераловъ, располагающихъ болѣе или менѣе значительными отрядами регулярныхъ войскъ. Солдатскіе бунты, возникшіе въ разныхъ мѣстахъ и сопровождавшіеся уличными безпорядками и грабежами въ Пекинѣ, вызываютъ весьма важный и щекотливый для новаго правительства вопросъ о возможномъ вмѣшательствѣ иностранныхъ державъ для защиты интересовъ ихъ подданныхъ въ Китаѣ. По почину Соединенныхъ Штатовъ заинтересованныя державы согласились дѣйствовать, въ случаѣ надобности, не иначе какъ коллективно; но такое вмѣшательство, если оно окажется необходимымъ, можетъ подвергнуть сомнѣнію дальнѣйшее независимое существованіе китайской республики.

Въ Англіи началась грандіознѣйшая забастовка каменноугольныхъ рабочихъ при совершенно исключительныхъ обстоятельствахъ, придающихъ ей огромное принципіальное значеніе. Дѣло идетъ не о разрѣшеніи какого-нибудь спеціальнаго конфликта между рабочими и хозяевами, а о выясненіи самостоятельныхъ правъ рабочихъ на участіе въ урегулированіи условій труда и вознагражденія. Рабочіе требуютъ болѣе значительной минимальной платы за подземную работу въ шахтахъ, независимо отъ колебаній доходности производства для хозяевъ; они устанавливаютъ также извѣстныя нормы постепеннаго повышенія платы для малолѣтнихъ рабочихъ, начиная

съ четырнадцатилѣтняго возраста. Капиталисты, съ своей стороны, настаиваютъ на томъ, что заработная плата должна зависѣть отъ производительности труда и можетъ повышаться только при соотвѣтственномъ увеличеніи продуктивности рабочаго; вмѣстѣ съ тѣмъ они предлагаютъ признать установленный размѣръ платы не подлежащимъ измѣненію въ теченіе двухлѣтняго срока, начиная съ іюля 1912-го года. Рабочія организаціи дѣйствуютъ съ поразительною методичностью и спокойствіемъ; чувство увѣренности въ своемъ правѣ и сознаніе полной солидарности всей массы трудящихся замѣчаются во всѣхъ переговорахъ съ представителями каменноугольныхъ владѣльцевъ.

Примирительныя усилія посредническаго бюро не имѣли успѣха, и рабочіе назначили срокомъ забастовки 22-е февраля; затѣмъ, по настоянію правительства, они допускали отсрочку для дальнѣйшихъ попытокъ соглашенія, при руководящемъ участіи премьера Асквита, который формально обратился къ обѣимъ сторонамъ съ предложеніемъ, отъ имени всего министерства, предоставить ему посредническую роль для предупрежденія угрожающей катастрофы. Остановка каменноугольной промышленности въ Англіи парализовала бы всю экономическую жизнь страны и была бы великимъ испытаніемъ не только для рабочаго класса и для владѣльцевъ каменноугольныхъ шахтъ, но и для всей фабрично-заводской дѣятельности, и для жизненныхъ интересовъ всего населенія. Поэтому правительство приняло на себя задачу разрѣшить опасный кризисъ при помощи законодательной власти, если хозяева не согласятся добровольно сдѣлать необходимыя уступки, справедливость которыхъ признана министрами. Федерація каменноугольныхъ рабочихъ насчитываетъ 610 тысячъ членовъ, которые всѣ безъ изъятія участвуютъ въ объявленной забастовкѣ; въ кассѣ ея имѣется болѣе двадцати милліоновъ рублей на наши деньги, такъ что рабочіе могутъ свободно выдержать нѣсколько недѣль, а такого срока болѣе чѣмъ достаточно для разоренія многихъ промышленныхъ предпріятій въ Англіи. Забастовка постепенно распространялась по районамъ, согласно заранѣе составленному плану, и къ 17-му февраля (1-го марта) въ ней участвовало уже болѣе милліона человѣкъ; къ ней примыкали и родственныя категоріи рабочихъ другихъ областей производства,— и все это колоссальное движеніе развивается въ строго-законныхъ безусловно корректныхъ, такъ сказать, парламентарныхъ формахъ. Съ одной стороны, милліоны трудящихся массъ, вырабатывающихъ своимъ тяжелымъ трудомъ все промышленное богатство Англіи, а съ другой—горсть капиталистовъ и землевладѣльцевъ, эксплуатирующихъ это богатство по праву хозяевъ, безъ всякаго вниманія

къ насущнымъ интересамъ націи и государства. Оттого даже самые холодные и консервативные умы невольно проникаются мыслью о неизбѣжности перехода такихъ предпріятій, какъ каменноугольное дѣло, въ распоряженіе государства. Косвенно эта мысль сказывается уже въ нѣкоторыхъ рѣшеніяхъ и заявленіяхъ министерства Асквита.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

— С. Подъячевъ. Разсказы. Спб. Ц. 1 р. 25 к.

Имя автора малоизвѣстно въ литературѣ. Съ сборникомъ онъ выступаетъ впервые. Тѣмъ пріятнѣе отмѣтить свѣжесть и яркую изобразительность его разсказовъ. Въ нихъ чувствуется несомнѣнный беллетристическій талантъ и вдумчивое, серьезное отношеніе къ жизни. Авторъ разсказываетъ лишь о томъ, что ему хорошо знакомо—о жизни деревни, но раскрываетъ эту жизнь съ интересной и значительной стороны. Это—не сырая передача впечатлѣній, какъ у большинства повѣствователей о деревнѣ, а художественное обобщеніе ихъ.

Есть еще одна черта, которая выгодно выдѣляетъ разсказы г. Подъячева изъ обширной теперь литературы о деревнѣ. Въ свои наблюденія авторъ не примѣшиваетъ тенденціозности. Онъ не закрываетъ глазъ на отрицательные стороны деревенской жизни и происходящій тамъ глубокій разладъ. Но онъ и не растерпвается отъ мрачныхъ впечатлѣній, не выноситъ безотрадныхъ приговоровъ, какъ напр. г. Родіоновъ или И. А. Бунинъ. Какъ ни страшенъ общій кровавый фонъ, на которомъ авторъ рисуетъ свою пеструю, содержательную картину, онъ не подавляетъ. Господствуетъ не фонъ, а самая картина, полная жизни и движенія. Не чувствуется унынія и въ авторѣ. Напротивъ, его какъ будто возбуждаетъ эта борьба враждебныхъ стихій въ деревнѣ и столкновеніе непримиримыхъ началъ.

Авторъ интересно намѣчаетъ не два, а цѣлыхъ три поколѣнія въ современной деревнѣ, далекихъ по духу, противоположныхъ по интересамъ. Прежде всего, выступаетъ глубокая рознь между «отцами» и «дѣтьми». Первые, это — хозяйственные мужички, воспитанные въ повиновеніи начальству, въ раболѣпствѣ передъ помѣ-

щикомъ. Идеалъ такого мужичка — кулачество; въ головѣ у него тьма, онъ боится города и всѣхъ его новшествъ, проникающихъ въ деревню черезъ молодое поколѣніе; указъ 9-го ноября скорѣе ему по душѣ, такъ какъ укрѣпляетъ его власть среди домашнихъ, даетъ возможность «куражиться» надъ наслѣдниками. «Захочу, все продамъ, ничего вамъ не оставлю!» — повторяетъ онъ съ хвастовствомъ при каждомъ удобномъ случаѣ. У хозяйственныхъ мужичковъ глубокое недоброжелательство къ молодому поколѣнію. Для нихъ оно — «сволочь», «забастовщики», для которыхъ «ни царя на землѣ, ни Бога на небѣ». «Забастовщики» платятъ той же монетой и глубоко презираютъ отцовъ за ихъ рабскія чувства. У г. Подъячева молодое поколѣніе выступаетъ безъ хулиганскаго облика, неизбѣжнаго, кажется, у другихъ повѣствователей. Но оно изображается безъ всякой идеализаціи. Это—люди болѣе сложные, затронутые новыми вѣяніями, тяготѣющіе къ городу и культурѣ, но слабые. Окружающій мракъ и жестокость среды отняли у нихъ крылья, лишили устойчивости. Какъ и въ разсказахъ С. В. Аникина, молодые люди занимаютъ у г. Подъячева какое-то промежуточное мѣсто: отъ старой жизни отстали, а къ новой не пристали.

Совсѣмъ особенная статья — «дѣды», изображаемые авторомъ колоритно и не безъ юмора. Они одинаково далеки и отъ «забастовщиковъ», и отъ хозяйственныхъ мужичковъ. Не по сердцу имъ вся эта новая жизнь, воцарившаяся послѣ воли: полуголодная и безпокойная. «Волю» дѣдъ не цѣнитъ ни въ грошъ и вздыхаетъ по тѣмъ временамъ, когда хоть и «драли», но хлѣбушка было вдоволь и въ семьяхъ царилъ строгій порядокъ, подчиненіе младшихъ старшимъ... Невѣстка, язвительно отвѣчающая на попреки свекра бунтарскимъ: «мало что было, да проѣхало!»—не можетъ не казаться дѣду страшилищемъ, порожденіемъ ада.

День и ночь въ этихъ пестрыхъ крестьянскихъ семьяхъ идетъ борьба между представителями разныхъ поколѣній, ругань и потасовки, нерѣдко съ кровавыми, даже смертельными исходами. Мелодрамой авторъ немножко злоупотребляетъ, и это ослабляетъ впечатлѣніе его талантливыхъ разсказовъ. Въ одномъ изъ нихъ отецъ забиваетъ своего сына на смерть («Разладъ»), а въ другомъ та же участь постигаетъ «отца», хозяйственнаго мужичка Агапа («Семейное торжество»), и только въ третьемъ разсказѣ, «У старовѣровъ», дѣйствіе кончается сравнительно благополучно—кровавымъ побоищемъ безъ смерти.

Всѣ три довольно объемистыхъ разсказа сборника интересны. Если автору и можно поставить что-нибудь въ укоръ, то развѣ чрезмѣрный реализмъ народной рѣчи, изобилующей оглушительными

ругательствами и сквернословіемъ. Если бы этотъ «реализмъ» нѣсколько смягчить, художественная правда не пострадала бы...

Е. Колтоновская.

— П. Е. Щеголевъ. Пушкинъ. Очерки. Спб., 1912.

Очерки извѣстнаго пушкиниста П. Е. Щеголева, собранные въ настоящей книгѣ, печатались въ спеціальномъ изданіи: «Пушкинъ и его современники» и въ нѣкоторыхъ журналахъ. Интересъ къ Пушкину въ послѣдніе годы замѣтно ожилъ; мы имѣемъ рядъ работъ, изслѣдующихъ его біографію и творчество со всей возможной детальностью и научной добросовѣстностью. Въ ряду этихъ работъ очерки г. Щеголева занимаютъ видное мѣсто, какъ по тщательности обработки, такъ и по интересу затрагиваемыхъ имъ моментовъ и разыскиваемыхъ матеріаловъ. Первый изъ очерковъ: «Зеленая лампа» посвященъ обществу, къ которому примыкалъ Пушкинъ передъ своей ссылкой на югъ и которое было освѣщено Бартеневымъ и Анненковымъ, какъ оргіастическое. Обращаясь къ анализу произведеній Пушкина, написанныхъ въ этотъ періодъ, и архивныхъ данныхъ, г. Щеголевъ убѣдительно опровергаетъ старую легенду и устанавливаетъ какъ составъ кружка, такъ и связь его съ знаменитымъ «Союзомъ благоденствія», въ качествѣ «вольнаго общества» при «Союзѣ». Пушкинъ не былъ членомъ «Союза», но «Зеленая лампа», невѣдомо для него, какъ и для большинства ея членовъ, повидимому, направлялась, въ своихъ собраніяхъ и литературныхъ бесѣдахъ, «Союзомъ». Слѣдующая обширная статья, подъ заглавіемъ: «Утаенная любовь Пушкина», опровергаетъ красивую гипотезу, выдвинутую г. Гершензономъ, о «сѣверной любви», увезенной Пушкинымъ на югъ и долго питавшей втайнѣ его вдохновеніе: любви къ княгинѣ М. А. Голицыной. Выставляя недоказанность гипотезы г. Гершензона, г. Щеголевъ, на основаніи анализа черновыхъ рукописей Пушкина, устанавливаетъ съ убѣдительностью, что «утаенной любовью» поэта была нераздѣленная страсть его къ Маріи Николаевнѣ Раевской, впослѣдствіи княгинѣ Волконской, женѣ декабриста. Очеркъ: «Амалія Ризничъ въ поэзіи Пушкина» опредѣляетъ циклъ стихотвореній, ею навѣянныхъ. Статья «Императоръ Николай I и Пушкинъ въ 1826 г.» представляетъ только начало болѣе обширной работы объ отношеніяхъ этихъ лицъ; здѣсь опровергаются ходячія представленія о благосклонности Государя къ Пушкину. Сюда же примыкаетъ и слѣдующая статья: «Пушкинъ въ политическомъ процессѣ 1826—28 гг. Наконецъ,

заключительная статья: «Дуэль Пушкина съ Дантесомъ»—только отрывокъ цѣлаго изслѣдованія на ту же тему. Въ книгѣ много сырыхъ матеріаловъ, но, какъ матеріалы, они неизмѣнно интересны и важны для изученія великаго поэта. Обѣщанныя авторомъ книги, отъ которыхъ въ настоящій сборникъ вошли начала и отрывки, будутъ, конечно, встрѣчены историками литературы и всѣми, изучающими Пушкина, съ живѣйшимъ интересомъ.

— В. И. Туманскій. Стихотворенія и письма. Редакція, біографическій очеркъ и примѣчанія С. Н. Брайловскаго. Спб., 1912.

С. Н. Брайловскій, которому принадлежитъ изслѣдованіе о «Пушкинской плеядѣ», далъ весьма тщательное первое полное собраніе стихотвореній и писемъ одного изъ членовъ «плеяды», Василія Ивановича Туманскаго. Имя его сплетено съ біографіей Пушкина столь привлекающей пынѣ изслѣдователей. Многія изъ писемъ Туманскаго неизмѣнно цитируются ими, какъ напр. характеристика одесскаго общества во времена Пушкина, разсказъ о свиданіи съ Пушкинымъ и его женой вскорѣ послѣ женитьбы. Весьма широко образованный, съ большимъ интересомъ къ литературѣ и искусству, сотрудникъ журналовъ двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ, поддерживавшій близкія отношенія съ многими замѣчательными дѣятелями литературы (въ томъ числѣ и съ декабристами), Туманскій былъ симпатичной и незаурядной личностью. Незаурядны и нѣкоторые мотивы его элегической лирики, напр., рядомъ съ вѣчной грезою о югѣ, эта «Мысль о сѣверѣ»: «Безъ роскоши солнца, безъ нѣги твой край; народъ твой съ природой въ борьбѣ; но крѣпость и волю даруетъ борьба, но духъ возвышаетъ она». Письма Туманскаго къ С. Г. Туманской (Милорадовичъ) характерны, какъ выраженіе отвлеченныхъ духовныхъ интересовъ «просвѣщенныхъ особъ» той поры, обмѣнивающихся въ перепискѣ размышленіями о чувствительности души, о любви, дружбѣ, искренности, сладости воспоминаній и т. п. Нѣкоторые стихи Туманскаго ошибочно приписывались Пушкину (напр. «Моя любовь»). Вообще Туманскій, какъ типическій во многихъ отношеніяхъ человѣкъ и писатель тридцатыхъ годовъ, заслуживаетъ того вниманія, которое оказано ему составителемъ собранія его произведеній. Г. Брайловскій задавался цѣлью, при исчерпывающей полнотѣ, удовлетворить и научнымъ требованіямъ, и желаніямъ простыхъ любителей отечественной литературы. И это, безспорно, ему удалось. Кромѣ тщательно провѣреннаго текста и обильныхъ примѣчаній, не выходящихъ, однако, за предѣлы безусловно необходимаго, къ собранію стихотвореній и писемъ Туман-

скаго приложены его біографія, весьма подробная, библіографическіе обзоры прозаическихъ произведеній и переводовъ Туманскаго и литературы о немъ, нѣсколько цѣнныхъ указателей и нѣсколько иллюстрацій. Книга издана очень изящно, и насколько можно судить безъ подробной свѣрки текста и стихотвореній съ первоисточниками, изданіе сочиненій Туманскаго, по типу вполнѣ соотвѣтствующее «академической библіотекѣ русскихъ писателей», не уступаетъ ей и по достоинствамъ редакціи. Можно только пожалѣть, что въ аналогичномъ видѣ до сихъ поръ изданы весьма немногіе не только второстепенные писатели, но даже первоклассные дѣятели русскаго слова. Изданіе, правда, не полное; оно не включаетъ прозаическихъ произведеній Туманскаго. Очень претендовать на это не приходится; значеніе Туманскаго, какъ прозаика, еще менѣе велико, чѣмъ скромная его роль въ качествѣ одного изъ членовъ «плеяды».

— С. Я. Надсонъ. Проза. Дневникъ. Письма. Изд. Литературнаго фонда. Спб. 1912.

Въ январѣ исполнилось двадцатипятилѣтіе смерти Надсона. Оно совпало съ 25-мъ изданіемъ его стихотвореній, которыя разошлись уже въ количествѣ слишкомъ полутораста тысячъ экземпляровъ. Читатели, очевидно, прощаютъ поэту всѣ холодно указываемые критиками недостатки его поэзіи ради чего-то, покоряющаго впечатлительныя сердца. Этотъ внутренній пафосъ Надсона заключается въ прелести его стиховъ, какъ необычайно искренняго выраженія «тревоги юныхъ силъ». Такъ опредѣлена его поэзія—и очень удачно—въ статьѣ П. Я., предпосланной сборнику, изданному Литературнымъ фондомъ. Надсонъ въ литературѣ нашей въ психологическомъ отношеніи въ точности воспроизводитъ знакомый всѣмъ образъ Ленскаго и дорогъ намъ, какъ у Пушкина «пѣвецъ невѣдомый, но милый, воспѣтый имъ съ такою дивной силой». «Вольнолюбивыя мечты, духъ пылкій и довольно странный, всегда восторженная рѣчь», и даже «кудри черныя до плечъ»... «Негодованье, сожалѣнье, ко благу чистая любовь, и славы сладкое мученье въ немъ рано волновали кровь»... «И музъ возвышенныхъ искусства, счастливецъ, онъ не постыдилъ: онъ въ пѣсняхъ гордо сохранилъ всегда возвышенныя чувства, порывы дѣвственной мечты и прелесть важной простоты». Романтикъ двадцатыхъ-тридцатыхъ годовъ, Ленскій «пѣлъ любовь, любви послушный, и пѣснь его была ясна»... Воспѣтыя Ленскимъ «разлука и печаль, и нѣчто, и туманна даль»—все это найдется и у Надсона,—конечно, въ преображенномъ видѣ не-

опредѣленнаго, но возвышеннаго гражданскаго идеала и отвращеній къ Ваалу. И въ довершеніе сходства Надсонъ, какъ Ленскій, «пѣлъ поблеклый жизни цвѣтъ, безъ малаго въ осьмнадцать лѣтъ». Но то, что у стараго романтика было напускнымъ разочарованіемъ, у Надсона было трагическимъ ожиданіемъ скораго конца. Сборникъ, изданный Литературнымъ фондомъ, вводитъ въ интимную жизнь Надсона и можетъ дать много дальнѣйшихъ чертъ для указанной нами параллели. Дневникъ отроческихъ и первыхъ юношескихъ лѣтъ Надсона, статьи его въ прозѣ, посвященныя текущимъ явленіямъ литературы, письма—все рисуетъ его въ равной степени, какъ кристально чистую душу, много страдавшую, неизмѣнно искреннюю и обаятельную въ ея вѣчномъ стремленіи къ идеальнымъ цѣнностямъ жизни. Съ любовью редактированный и изящно изданный, съ отличными иллюстраціями, сборникъ Литературнаго фонда является прекраснымъ вѣнкомъ на могилу поэта.

Ч. В—скій.

— Александръ Бенуа. Путеводитель по картинной галлереѣ Императорскаго Эрмитажа. Спб. Цѣна въ перепл. 2 руб.

Отъ Петра Великаго до нашихъ дней то собраніе картинъ, которое сдѣлало петербургскій Эрмитажъ одною изъ богатѣйшихъ въ мірѣ сокровищницъ живописи, непрерывно растетъ и растетъ. Въ 1910 г. въ его составъ вошла пріобрѣтенная у П. П. Семенова-Тянъ-Шанскаго коллекція голландцевъ, замѣчательная уже полнотою подбора. Хотя составители эрмитажнаго собранія руководствовались исключительно эстетическими побужденіями, притомъ большею частью случайными, что оставило въ немъ рядъ замѣтныхъ пробѣловъ, тѣмъ не менѣе двухсотлѣтнее накопленіе картинъ привело къ тому, что Эрмитажъ сталъ во многихъ отношеніяхъ вѣрной и полной исторіей европейской живописи въ ея лучшихъ образцахъ. Конечно, невозможно обойти эрмитажное собраніе при изученіи исторіи живописи, но внимательное знакомство съ его богатствами само по себѣ можетъ дать, помимо эстетическаго наслажденія, много знаній по данной отрасли искусства. А. Н. Бенуа, въ которомъ счастливо соединяются заправскій ученый, тонкій цѣнитель прекраснаго и мастеръ литературнаго стиля, подъ скромнымъ названіемъ «путеводителя» далъ не только необходимое каждому посѣтителю Эрмитажа руководство, но и настоящій курсъ исторіи европейской живописи XV—XVIII вѣковъ, написанный живо и увлекательно. Община св. Евгеніи издала книгу въ удобномъ портативномъ фор-

матѣ, съ множествомъ ясныхъ и четкихъ автотипій и красочнымъ воспроизведеніемъ одной картины Рафаэля, по баснословно дешевой цѣнѣ. Самые широкіе и разнообразные круги будутъ рады этой умной пзящной и необходимой книгѣ.

Н. Л.

— С. И Солнцевъ. Заработная плата, какъ проблема распредѣленія. С.-Петербургъ, 1911.

Въ предисловіи авторъ отмѣчаетъ неудовлетворительность традиціонной постановки ученія о распредѣленіи и, въ частности, ученія о заработной платѣ. Ученіе это должно быть разработано «въ иной совершенно постановкѣ, чѣмъ это дѣлалось въ политической экономіи начиная съ Ад. Смита и до нашихъ дней». Исходя пзъ этого взгляда, сложившагося подъ вліяніемъ идей Штольцмана и Туганъ-Барановскаго, г. Солнцевъ утверждаетъ, что проблема распредѣленія— это проблема дѣлежа общественнаго дохода между общественными классами. Вопросъ о томъ, сколько получаетъ отдѣльный капиталистъ, землевладѣлецъ или рабочій, не входитъ въ составъ этой проблемы. Даже вопросъ объ абсолютныхъ размѣрахъ доходовъ отдѣльныхъ классовъ не представляетъ особаго интереса для теоретика. Все вниманіе его должно быть сосредоточено на выясненіи относительныхъ долей отдѣльныхъ общественныхъ классовъ.

Проблему распредѣленія можно значительно упростить, если свести весь общественный доходъ къ двумъ элементамъ: къ трудовому и нетрудовому доходу. Соединеніе прибыли и поземельной ренты въ одну группу, столь характерное для многихъ теорій распредѣленія, представляется г. Солнцеву въ высшей степени важнымъ, потому что проблема распредѣленія можетъ быть сведена такимъ образомъ къ проблемѣ двухъ долей. Чтобы опредѣлить, какъ измѣняется нетрудовой доходъ, достаточно знать, какъ измѣняется заработная плата. Ученіе о заработной платѣ является, слѣдовательно, ключемъ къ общей теоріи распредѣленія. Содержаніе послѣдней сводится г. Солнцевымъ къ двумъ законамъ: закону обратной зависимости между долями общественнаго дохода и закону паденія доли рабочихъ въ общественномъ доходѣ. Первый законъ гласитъ, что увеличеніе относительной доли рабочаго класса въ общественномъ доходѣ непремѣнно должно уменьшить относительную долю владѣльцевъ средствъ производства. Господствующая въ политической экономіи школа не признаетъ, по мнѣнію г. Солнцева, этого закона. Это совершенно невѣрно. Обратная зависимость между абсолютными размѣрами тѣхъ и другихъ доходовъ часто отрицалась; многіе указы-

вали, что при повышеніи производительности труда одновременно увеличиваются и заработная плата, и прибыль. Но никто никогда не думалъ отрицать, что если принять сумму дохода, приходящуюся этимъ двумъ классамъ, за единицу, то относительная доля одного класса можетъ увеличиться только на счетъ доли другого. Это столь же очевидно, какъ то, что, при раздѣленіи яблока на двѣ части одна часть не можетъ увеличиваться, не уменьшая другой. Не очень большую честь оказываетъ г. Солнцевъ Рикардо и раннимъ англійскимъ соціалистамъ, когда важнѣйшую ихъ заслугу видитъ въ открытіи такого закона. На самомъ дѣлѣ Рикардо не ограничивается этимъ, а говоритъ, что абсолютные размѣры заработной платы и прибыли, если измѣрять ихъ по трудовой стоимости, находятся въ неустранимомъ антагонизмѣ другъ съ другомъ.

Что касается второго закона, то здѣсь г. Солнцевъ заявляетъ себя рѣшительнымъ сторонникомъ теоріи относительнаго обнищанія. Относительная доля рабочихъ въ общественномъ доходѣ должна, думаетъ онъ, съ развитіемъ общества неуклонно понижаться. Законъ этотъ находитъ подтвержденіе «какъ въ дедуктивно-теоретическихъ положеніяхъ, такъ и въ индуктивныхъ данныхъ». Что касается дедуктивнаго доказательства, то оно, по нашему мнѣнію, не особенно содержательно. Относящіеся сюда аргументы разсѣяны по всей книгѣ и не отличаются ясностью. Авторъ указываетъ, главнымъ образомъ, на несовмѣстимость повышенія органическаго строенія общественнаго капитала съ повышеніемъ доли рабочихъ. Если съ развитіемъ общественнаго хозяйства доходъ капиталистовъ увеличивается только абсолютно, а относительно уменьшается, то надо допустить, «что накопленіе капиталовъ происходитъ медленнѣе роста суммы заработныхъ платъ».

На самомъ дѣлѣ мы видимъ какъ разъ обратное. Развитіе хозяйства всегда сопровождается повышеніемъ органическаго строенія капитала, а это возможно только при усиленномъ накопленіи. Изъ этой необходимости усиленнаго накопленія капитала, по мнѣнію г. Солнцева, слѣдуетъ, что доля капиталистовъ должна расти не только абсолютно, но и относительно. Это разсужденіе г. Солнцева представляется намъ мало убѣдительнымъ. Непонятно, почему одинъ абсолютный ростъ дохода капиталистовъ, котораго не отрицаетъ и Солнцевъ, не можетъ обезпечить достаточнаго накопленія капитала, а для этого необходимо и увеличеніе относительной доли капиталистовъ. Изъ неизбѣжнаго, въ силу техническаго прогресса, усиленнаго накопленія капитала можно, пожалуй, заключить, что доходъ капиталистовъ долженъ абсолютно увеличиваться, но нѣтъ никакихъ основаній выводить отсюда необходимость относительнаго

увеличенія доли капиталистовъ и паденія доли рабочихъ. Г. Солнцевъ думаетъ, что расширеніе производства обусловлено для капиталистовъ повышеніемъ нормы эксплоатаціи рабочихъ. Расширеніе производства при той же самой нормѣ прибавочной цѣнности «не имѣло бы достаточныхъ экономическихъ основаній для предпринимателей-капиталистовъ». Съ этимъ мы также не можемъ согласиться. Не говоря уже о томъ, что при той же или падающей нормѣ прибавочной цѣнности поводомъ для расширенія производства можетъ служить увеличеніе абсолютныхъ размѣровъ прибыли, даже паденіе абсолютныхъ размѣровъ прибыли всего класса капиталистовъ не уничтожаетъ стимула къ расширенію производства. Расширеніе производства исходитъ отъ отдѣльныхъ капиталистовъ, а имъ нѣтъ никакого дѣла до того, какъ измѣняется доходъ всего ихъ класса. Для нихъ важна ихъ собственная прибыль—а доходъ отдѣльнаго капиталиста можетъ увеличиваться и тогда, когда доходъ всего класса падаетъ. Въ этомъ случаѣ отдѣльные капиталисты будутъ увеличивать свое производство въ разсчетѣ на то, что имъ удастся захватить часть дохода другихъ капиталистовъ.

Кромѣ изложенія собственной теоріи, г. Солнцевъ даетъ подробный критическій разборъ теорій другихъ авторовъ. Эта часть работы представляется намъ наименѣе удачной. Даже изложеніе взглядовъ критикуемыхъ авторовъ оставляетъ желать многаго. Образцомъ точности г. Солнцева въ передачѣ чужихъ взглядовъ можетъ служить изложеніе теоріи Тюнена. Тюненъ, по мнѣнію г. Солнцева, «сводитъ проблему распредѣленія къ проблемѣ дѣлежа вновь созданнаго продукта между двумя основными классами общества: капиталистами и рабочими. Смитовская идея трехчленнаго раздѣла у Тюнена не находитъ себя приложенія. Подобно Рикардо, Тюненъ приходитъ къ идеѣ двухъ долей, на которыя распадается чистый общественный доходъ. Раздѣлъ общественнаго дохода происходитъ лишь между двумя претендентами». Здѣсь г. Солнцевъ смѣшалъ двѣ вещи: доходъ предѣльнаго, работающаго при наихудшихъ условіяхъ предпріятія и доходъ всего общества. Доходъ предѣльнаго предпріятія у Тюнена, какъ и у Рикардо, дѣлится на двѣ доли—прибыль и заработную плату,—но весь общественный доходъ и у того, и у другого экономиста дѣлится на три части. Стройная и блестяще изложенная теорія Кларка становится у г. Солнцева неузнаваемою. Особенно туманно изложена теорія вмѣненія и возраженіе противъ нея г. Солнцева (стр. 165 и слѣд.). Основная идея этой теоріи сводится къ тому, что доля продукта, которую надо отнести на счетъ труда каждаго отдѣльнаго рабочаго, опредѣляется увеличеніемъ производства, получаемымъ благодаря затратѣ труда предѣльнаго

рабочаго. Этой основной идеи Кларка г. Солнцевъ совершенно не отмѣчаетъ; когда онъ излагаетъ, почему, по мнѣнію Кларка, рабочій классъ не можетъ претендовать на весь продуктъ производства, онъ ограничивается однимъ указаніемъ на то, что съ увеличеніемъ затраты труда уменьшается производительность и первыхъ единицъ труда. Невѣрно, что Кларкъ, по собственному признанію, заимствуетъ принципъ предѣльной производительности у Тюнена (стр. 167). Кларкъ утверждаетъ какъ разъ обратное; въ предисловіи къ своей книгѣ онъ говоритъ, что при созданіи своей теоріи онъ не былъ знакомъ съ работой Тюнена. Намъ совершенно непонятно, какъ могъ г. Солнцевъ усмотрѣть въ указаніи Лексиса на значеніе, для установленія заработной платы, количества основнаго капитала, приходящагося на голову рабочаго, какое-то сродство съ теоріей фонда заработной платы (стр. 190). Лексисъ просто указываетъ здѣсь на то, что отъ величины вложеннаго въ дѣло капитала зависитъ величина убытковъ, которыми грозитъ капиталистамъ стачка, а потому чѣмъ больше затраченный основной капиталъ, тѣмъ охотнѣе, caeteris paribus, идутъ капиталисты на уступки рабочимъ.

Основнымъ недостаткомъ большей части теорій распредѣленія является, по мнѣнію г. Солнцева, ихъ индивидуалистическая постановка; при анализѣ этой проблемы надо исходить изъ разсмотрѣнія всего общественнаго хозяйства, какъ единаго цѣлаго. Это до извѣстной степени правильно: при анализѣ нѣкоторыхъ вопросовъ, главнымъ образомъ при выясненіи природы нетрудовыхъ доходовъ, полезно, даже, пожалуй, необходимо примѣнить этотъ методъ Родбертуса. Но значеніе его не нужно преувеличивать, какъ это, вслѣдъ за г. Туганъ-Барановскимъ, дѣлаетъ г. Солнцевъ. Во многихъ вопросахъ, напримѣръ въ вопросѣ о величинѣ отдѣльныхъ доходовъ, методъ Родбертуса врядъ ли можетъ быть особенно полезенъ. Если проблема величины отдѣльныхъ доходовъ не есть проблема индуктивной соціологіи, если ее можно разсматривать, какъ проблему абстрактной экономической теоріи, то разрѣшеніе ея, какъ намъ кажется, возможно только съ помощью индивидуалистическаго метода. Г. Солнцевъ исключаетъ изъ теоріи распредѣленія вопросъ объ абсолютной величинѣ отдѣльныхъ доходовъ и такимъ образомъ оставляетъ безъ вниманія наиболѣе интересный, въ данный моментъ развитія экономической мысли, вопросъ. Въ заключительной части своей работы г. Солнцевъ берется статистически доказать теорію обнищанія. Мы не думаемъ, чтобы статистика, въ современномъ ея состояніи, могла разрѣшить эту задачу. Если г. Солнцевъ и приходитъ къ категорическому утвержденію о паденіи доли рабочихъ, то только потому, что слишкомъ охотно истолковываетъ статистическій мате-

ріалъ въ свою пользу. Сомнѣваемся, чтобы свободный отъ предвзятой идеи читатель раздѣлилъ эту увѣренность автора. Въ этой части работы собранъ, впрочемъ, довольно значительный и интересный матеріалъ.

Н. Шапошниковъ

— Пособіе къ ознакомленію съ условіями и пріемами собиранія и разработки свѣдѣній при земско-статистическихъ изслѣдованіяхъ. Составилъ Н. Каблуковъ. Москва. 1912.

— Изданія земствъ 34 губерній по общей экономической и оцѣночной статистикѣ, вышедшія за время съ 1864 г. по 1 января 1911 г.

Такъ называемая земская статистика составитъ одну изъ главнѣйшихъ страницъ въ исторіи русскаго земства и русской интеллигенціи. Несмотря на это, нельзя утверждать, что она заняла подобающее мѣсто въ системѣ научнаго изслѣдованія и университетскаго преподаванія. Томы земской статистики представляютъ громоздкую, недостаточно однородную по содержанію и не всегда доступную массу; нелегко овладѣть ея содержаніемъ хотя бы только съ формальной стороны, и всесторонне оцѣнить ея значеніе, ея достоинства и недостатки—какъ это нетрудно сдѣлать относительно болѣе распространенныхъ типовъ изслѣдованій, вродѣ промышленныхъ переписей и т. п. Земская статистика еще недостаточно изучена, чтобы о ней могли составиться правильные, достаточно опредѣленные и не чрезмѣрно общіе взгляды даже въ научной литературѣ. Нельзя, поэтому, не согласиться съ тѣмъ, что введеніе земской статистики въ кругъ школьнаго преподаванія связано съ значительными затрудненіями и что какъ учащіе, такъ и учащіеся должны сильно чувствовать недостатокъ пособій по этому предмету. Вотъ почему, когда восемь лѣтъ тому назадъ появились таблицы новаго изслѣдованія земскими статистиками крестьянскаго хозяйства московской губерніи, съ объяснительнымъ къ нему введеніемъ, составленнымъ однимъ изъ видныхъ участниковъ практической работы по земской статистикѣ, Н. А. Каблуковымъ, за него ухватились не только преподаватели статистики въ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, но и тѣ, кто впервые приступалъ къ мѣстнымъ земско-статистическимъ изслѣдованіямъ или къ изученію объемистыхъ томовъ земской статистики. Значеніе «введенія» Н. А. Каблукова въ качествѣ пособія для знакомства съ даннымъ предметомъ обусловливается тѣмъ обстоятельствомъ, что авторъ объясняетъ въ немъ каждую графу таблицъ изданія со стороны и способовъ собиранія соотвѣтствующихъ матеріаловъ, и способовъ ихъ разработки, и значеніе даннаго факта для характеристики жизненнаго явленія, составлявшаго предметъ изслѣдованія

земства. И такъ какъ эти разъясненія давало лицо, близко стоявшее къ дѣлу организаціи мѣстныхъ изслѣдованій и первоначальной разработки собранныхъ матеріаловъ, и «введеніе», отличается большой обстоятельностью и конкретностью изложенія, то неудивительно, что нѣкоторые читатели получили изъ него настолько ясное представленіе о томъ, какъ собираютъ земско-статистическія свѣдѣнія, какъ будто они сами участвовали въ этомъ собираніи. Работу Н. А. Каблукова слѣдуетъ признать весьма полезнымъ пособіемъ для всѣхъ лицъ, обращающихся къ земско-статистическимъ изслѣдованіямъ или интересующимся ими болѣе платонически. Что «введеніе» относится къ одной московской губ.—это, въ виду единства основныхъ началъ земской статистики, не можетъ помѣшать ему удовлетворительно выполнить болѣе общую роль руководства въ ознакомленіи съ земской статистикой вообще. Отдѣльное изданіе «введенія», дѣлающее его общедоступнымъ, нельзя, поэтому, не признать вполнѣ умѣстнымъ.

Весьма полезнымъ (но уже въ другомъ смыслѣ) пособіемъ для лицъ, интересующихся такъ или иначе земской статистикой, слѣдуетъ считать и вторую изъ вышеназванныхъ книгъ, составленную В. Ф. Караваевымъ. Хотя авторъ печатаетъ болѣе объемистый трудъ по библіографіи земской статистики, заключающій и краткую историческую справку по данному предмету, но этотъ трудъ выходитъ постепенно (онъ печатается въ «Трудахъ Вольнаго Эконом. об-ва»; первая его часть издана также отдѣльно), и ранніе его части не обнимаютъ позднѣйшія публикаціи. Данная книга (изд. Д-та окладныхъ сборовъ), заключающая простой перечень отдѣльныхъ изданій земства и главнѣйшихъ докладовъ и журналовъ земскихъ собраній, съ подраздѣленіемъ ихъ на «Изданія общаго экономическаго характера» (отдѣлъ этотъ обнимаетъ, впрочемъ, и не экономическія публикаціи земствъ), «Оцѣнку недвижимыхъ имуществъ» и «Текущую статистику», является, поэтому, совершенно своевременнымъ библіографическимъ справочникомъ, удовлетворяющимъ давно назрѣвшую потребность.

— Ник. Гиммеръ. Крестьянскій бюджетъ на сѣверѣ. Архангельскъ, 1911.

Эта книжка автора, извѣстнаго большимъ трудомъ: «Къ вопросу объ эволюціи сельскаго хозяйства», посвящена предмету, еще мало изслѣдованному точнымъ статистическимъ путемъ: экономикѣ сѣвернаго крестьянскаго хозяйства. Матеріаломъ для работы послужили данныя о крестьянскихъ бюджетахъ, которыя, говоря вообще, не только «рисуютъ степень благосостоянія крестьянской

массы», но и отражаютъ въ своемъ сложеніи «весь строй крестьянскаго хозяйства, степень его денатуризаціи, характеръ распредѣленія его рабочихъ силъ между разными отраслями и его соціальную структуру». Составленіе сколько-нибудь точныхъ (не единичныхъ) крестьянскихъ бюджетовъ образуетъ, говоря вообще, довольно тонкую статистическую операцію, и такъ какъ раіонъ, интересующій нашего автора, позже другихъ мѣстностей Россіи былъ втянутъ въ кругъ точнаго статистическаго изслѣдованія, то для осуществленія его мысли пришлось довольствоваться весьма ограниченнымъ матеріаломъ. Для южной части раіона, гдѣ «сел. хозяйство еще остается базисомъ крестьянской экономики», авторъ пользовался подробно разработанными данными крестьянскаго бюджета въ Вельскомъ у. Вологодской губ., а для мѣстности, «гдѣ земледѣліе играетъ едва замѣтную роль», въ его распоряженіи находились лишь скудныя бюджетныя данныя по Печорскому краю.

Наиболѣе мѣста отведено авторомъ вельскому крестьянскому хозяйству. Гдѣ это возможно, онъ его сравниваетъ съ хозяйствами воронежскаго крестьянина и киргиза, пытаясь выяснить различія экономики хозяйствъ скотоводческаго, земледѣльческаго и промысловаго, которыя онъ готовъ даже считать ступенями эволюціи «строя крестьянскаго хозяйства въ предѣлахъ товарно-капиталистическаго режима». Въ этой эволюціи «центръ крестьянской экономики, а вмѣстѣ съ тѣмъ и источникъ денежнымъ поступленіямъ переносится изъ скотоводства черезъ земледѣліе въ промыслы». Оставимъ безъ разсмотрѣнія вопросъ о томъ, можно ли соединять прямой линіей эволюціи хозяйства степи и лѣса, но замѣтимъ, что въ позднѣйшихъ стадіяхъ эволюціи и земледѣльческое, и промысловое хозяйства стремятся къ возстановленію прежняго значенія животноводства (но уже въ интенсивной его формѣ). Уже въ южныхъ уѣздахъ той же Вологодской губерніи доля денежнаго дохода крестьянина отъ сельскаго хозяйства увеличивается, благодаря развитію продажи продуктовъ скотоводства.

Бюджетъ сѣвернаго крестьянина въ работѣ г. Гиммера разсматривается не только въ его среднихъ величинахъ для всего раіона, но и путемъ расчисленій по группамъ домохозяевъ по признаку площади ихъ посѣва. Но такъ какъ земледѣліе не играетъ здѣсь такой роли, какъ въ черноземной полосѣ, и крестьянинъ имѣетъ тенденцію посвящать ему лишь силу, неиспользованную въ болѣе выгодномъ для него промысловомъ занятіи, то различіе хозяевъ по площади посѣва не сопровождается соотвѣтствующимъ различіемъ ихъ благосостоянія. Для констатированія экономической дифференціаціи среди сѣвернаго крестьянства слѣдовало бы группировать

крестьянскія хозяйства по другому признаку. Это извѣстное автору обстоятельство недостаточно принимается во вниманіе въ разсматриваемой работѣ: сравнительную однородность по экономическому уровню крестьянъ съ различными площадями посѣвовъ авторъ готовъ обратить въ однородность экономическаго уровня сѣвернаго крестьянина вообще. Мы не можемъ входить здѣсь въ подробности интересныхъ сопоставленій автора, особенно по предмету личныхъ расходовъ крестьянъ, показывающихъ, напр., какъ велико въ качественномъ и количественномъ отношеніи различіе въ питаніи крестьянъ вельскаго и печорскаго. Закончимъ свою замѣтку обращеніемъ вниманія автора на неправильность пріема выраженія превосходства большаго числа надо меньшимъ путемъ процентнаго отношенія разницы чиселъ къ большей, а не меньшей величинѣ.

В. В.

— В. О. Ключевскій. Характеристики и воспоминанія. Изд. «Научное Слово». Москва 1912 г.

Можно горячо привѣтствовать появленіе этого изящно и любовно изданнаго сборника, въ цѣломъ рядѣ статей представляющаго обликъ замѣчательнаго русскаго историка. Смерть В. О. Ключевскаго, скорбно поразившая все русское культурное общество, вызвала многія статьи, характеристики, воспоминанія, посвященныя личности и «дѣлу жизни» почившаго. Вспоминались и великія научныя заслуги историка, давно уже безусловно признанныя ученымъ міромъ, и широкое научно-культурное вліяніе незамѣнимаго профессора - руководителя, и изумительный даръ изложенія, мастерство слова и письма. Сборникъ «Научнаго Слова», объединяя разнообразныя характеристики и воспоминанія, представляетъ интересный опытъ коллективнаго помиповенія великаго ученаго.

Въ небольшой вводной статьѣ проф. Умовъ говоритъ объ отношеніи В. О. Ключевскаго къ прекрасному, но къ сожалѣнію рано прекратившемуся журналу «Научное Слово», въ которомъ В. О. принималъ участіе въ качествѣ редактора и сотрудника. Преемникъ В. О. по каѳедрѣ русской исторіи въ Московскомъ Университетѣ, М. К. Любавскій, представленъ въ сборникѣ двумя статьями. Одна изъ нихъ представляетъ чрезвычайно обстоятельно и тепло написанный біографическій очеркъ, изобилующій любопытнѣйшими подробностями. Въ другой статьѣ проф. Любавскій разбираетъ ученыя взаимоотношенія Соловьева и Ключевскаго. За послѣднее время нѣкоторые изъ писавшихъ о Ключевскомъ стали умалять степень

вліянія Соловьева на Ключевскаго, вліянія, которое самъ Ключевскій всегда и вездѣ подчеркивалъ. М. К. Любавскій, путемъ тщательнаго анализа соотвѣтствующихъ мѣстъ изъ трудовъ С. М. Соловьева и В. О. Ключевскаго, вполнѣ опредѣленно устанавливаетъ тѣсную преемственную связь геніальнаго ученика съ его крупнымъ предшественникомъ-учителемъ. Обширная статья Б. И. Сыромятникова: «В. О. Ключевскій и Б. Н. Чичеринъ» расходится въ этомъ отношеніи съ основнымъ тезисомъ предшествующей ей статьи М. К. Любавскаго; пытаясь выяснить научное значеніе Ключевскаго на общемъ фонѣ русской исторіографіи, авторъ выходитъ за предѣлы своей темы. Прекрасная и съ большимъ подъемомъ написанная статья М. М. Богословскаго даетъ характеристику В. О. Ключевскаго, какъ ученаго. О Ключевскомъ-ученомъ говоритъ и проф. Платоновъ въ своемъ небольшомъ, изящномъ воспоминаніи. Глубокая и вдумчивая статья академика Лаппо-Данилевскаго посвящена историческимъ взглядамъ Ключевскаго (она была помѣщена на страницахъ «Вѣстника Европы», въ № 8 за прошлый годъ). Ключевскій-мыслитель и художникъ представленъ въ этюдѣ Ю. И. Айхенвальда, написанномъ съ обычнымъ мастерствомъ и съ столь же обычнымъ субъективизмомъ талантливаго автора «Силуэтовъ русскихъ писателей». Небольшое воспоминаніе Ю. В. Готье рисуетъ отношенія Ключевскаго-учителя къ его непосредственнымъ ученикамъ—русскимъ историкамъ. Замыкаютъ сборникъ статьи А. Ѳ. Кони и Ш. Н. Милюкова. Въ живыхъ и образныхъ воспоминаніяхъ А. Ѳ. Кони особенно интересны страницы, трактующія объ участіи Ключевскаго въ работахъ совѣщанія для пересмотра дѣйствующаго цензурнаго законодательства, созваннаго подъ предсѣдательствомъ Д. Ѳ. Кобеко въ 1905-мъ году. Статья П. Н. Милюкова, интересная и по личнымъ воспоминаніямъ, представляетъ весьма любопытную попытку психологическаго истолкованія историческаго міросозерцанія Ключевскаго; заключительныя ея страницы посвящены Ключевскому, какъ политическому дѣятелю.

И. Бороздинъ.

— Я. М. Магазинеръ. Чрезвычайно-указное право въ Россіи (ст. 87 осн. зак.). Спб., 1911.

Наша юридическая литература не можетъ гордиться обиліемъ монографическихъ изслѣдованій, посвященныхъ догматической обработкѣ дѣйствующаго публичнаго права. Важнѣйшія проблемы, связанныя съ толкованіемъ основныхъ законовъ, остаются неразработанными и ждутъ своего разрѣшенія. Объясненіе этому заключается

въ томъ, что пока новыя правовыя начала не вошли одинаково прочно въ сознаніе какъ правящихъ, такъ и управляемыхъ, спорные вопросы толкованія дѣйствующаго права обычно разрѣшаются не imperio rationis, a ratione imperii,—не доводами разсудка, а велѣніями, опирающимися на авторитетъ власти. При такихъ условіяхъ догматическое изученіе права теряетъ свою привлекательность для изслѣдователей, и они особенно охотно обращаются къ эпохамъ минувшимъ, чтобы въ нихъ найти надежду на лучшее будущее.

Г. Магазинеръ не поддался такому разочарованію въ догматикѣ. Книгу свою онъ посвятилъ догматическому анализу института чрезвычайно-указного права въ нашемъ отечествѣ. Онъ вполнѣ правильно уловилъ настоятельную потребность момента—разобраться въ томъ обширномъ матеріалѣ, который дается основными законами. Правда, вопросъ, избранный имъ для спеціальной обработки, былъ уже предметомъ изслѣдованія въ нашей литературѣ: ему посвящена спеціальная монографія проф. Б. Э. Нольде. Нужно, однако, признать, что вопросъ о предѣлахъ чрезвычайно-указного права, въ виду безпримѣрно широкаго его примѣненія, получилъ совершенно исключительное значеніе. Достаточно вспомнить хотя бы аграрное законодательство или послѣдовавшее уже послѣ появленія разбираемой книги введеніе земскихъ учрежденій въ западныхъ губерніяхъ. Особое вниманіе къ этому институту государствовѣдовъ-теоретиковъ, при такихъ условіяхъ, вполнѣ естественно. Помимо соображеній характера политическаго, избранная авторомъ тема имѣетъ и чисто научный интересъ. Чрезвычайные указы находятся какъ бы на грани между обычными указами и законами. Анализъ ихъ юридической природы долженъ способствовать уясненію общихъ понятій закона и указа, составляющему одну изъ весьма сложныхъ проблемъ теоріи административнаго права.

Работу свою авторъ раздѣлилъ на двѣ главы. Въ первой, имѣющей характеръ введенія, дается весьма сжатый, но не лишенный интереса очеркъ общаго ученія о чрезвычайномъ указѣ и его юридической природѣ по русскому праву. Вторая, составляющая центръ работы, заключаетъ въ себѣ детальный анализъ ст. 87-ой. Въ приложеніи даны нѣкоторыя свѣдѣнія, относящіяся къ примѣненію чрезвычайно-указнаго права въ Россіи, и приведены выдержки изъ стенографическихъ отчетовъ о засѣданіяхъ Госуд. Думы и Госуд. Совѣта, рисующія отношеніе къ чрезвычайно-указному праву представителей различныхъ политическихъ теченій. Въ приложеніи же помѣщены авторомъ постановленія конституціонныхъ законовъ иностранныхъ государствъ, регулирующихъ чрезвычайно-указное право въ этихъ государствахъ.

Наибольшій интересъ въ работѣ автора представляетъ детальный анализъ ст. 87-ой. Авторъ старается извлечь изъ каждаго выраженія, употребленнаго законодателемъ, его внутренній смыслъ, и дать точное юридическое толкованіе. Отдѣльныя замѣчанія автора представляются несомнѣнно интересными и глубоко продуманными. Такъ, анализируя терминъ «чрезвычайныя обстоятельства», наличность которыхъ является необходимой для изданія чрезвычайнаго указа, авторъ указываетъ на то, что терминъ этотъ самъ по себѣ вовсе не представляется неопредѣленно широкимъ. Чрезвычайныя обстоятельства, по его мнѣнію, должны быть «временными для даннаго государства». Анализируя терминъ «прекращеніе занятій Государственной Думы», авторъ приходитъ къ выводу, что подъ этимъ терминомъ слѣдуетъ понимать закрытіе ежегодной сессіи Государственной Думы, а не простую пріостановку ея. Въ послѣднемъ случаѣ законодатель, по его мнѣнію, употребилъ бы иной терминъ: и въ ст. 87-ой пришлось бы говорить не о прекращеніи, а о перерывѣ занятій Государственной Думы. Такимъ образомъ, изданіе чрезвычайныхъ указовъ во время пріостановки занятій Государственной Думы съ точки зрѣнія автора является незакономѣрнымъ. При обсужденіи въ Государственномъ Совѣтѣ, минувшей весной, запроса по поводу введенія земства въ западныхъ губерніяхъ, аналогичное толкованіе термина «прекращеніе занятій» отстаивалъ, между прочимъ, и Н. С. Таганцевъ.

В. Матвѣевъ.

Въ теченіе февраля мѣсяца въ редакцію поступили слѣдующія новыя книги и брошюры:

Аберсонъ, Іосифъ. Наболѣвшія души. Разсказы. Баку, 1912 года. Цѣна 50 коп.

Анманъ, Д. Я. Собраніе сочиненій. Т. 1. Спб., 1911 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Алексѣевъ, А. С. Георгъ Еллинекъ и его научное наслѣдіе. Москва, 1912 г. Цѣна 50 коп.

Амечисъ-де, Эдмондъ. Жизнь военныхъ. Пер. съ итал. І. А. Маевскаго. Москва, 1912 г. Цѣна 60 коп.

Бальмонтъ, К. Зарево зорь. Москва, 1912 г. Цѣна 1 р.

Бурнакинъ, Анатолій. Разлука. Пѣсенникъ. Изд. 2-ое. Москва, 1912 г. Цѣна 50 коп.

Видеманъ, Леонидъ. Мой сборникъ. Часть І. Харьковъ, 1912 г.

Воблый, К. Г. Статистика, Пособіе къ лекціямъ. Изд. 3-ье. Кіевъ, 1912 г. Цѣна 2 р. 10 коп.

Волгина, А. М. 1911-ый годъ въ исторіи женскаго юридическаго образованія. Москва, 1912 г.

Вундтъ, В. Введеніе въ психологію. Пер. съ нѣм. А. К—на подъ ред. и съ предисловіемъ проф. Н. Н. Ланге. Одесса, 1912 г. Цѣна 60 коп.

Высоцкій, Ст. В. Ежегодникъ русскихъ банковъ. Шарлоттенбургъ, 1911 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

Вятринскій, Ч. А. С. Пушкинъ. Очеркъ жизни и дѣятельности. Нижній-Новгородъ, 1912 г. Цѣна 50 к.

Гейзе, Павелъ. Собраніе сочиненій. Т. II. Дѣти вѣка. Романъ въ 4 частяхъ. Москва, 1912 г. Цѣна за 4 части 4 р. 75 коп.

Гинкманъ, С. І. Varia (Замѣтки). Кіевъ, 1911 г.

Гредескулъ, Н. А. Терроръ и охрана. Спб., 1912 г. Цѣна 50 коп.

Джеромъ-Джеромъ. Избранные разсказы. Книга вторая. Пер. съ англ. З. Журавской. Спб., 1912 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Ди-Сеньи, И. К. Справочникъ о высшихъ техническихъ учебныхъ заведеніяхъ на 1912 годъ. Спб., 1912 г. Цѣна 75 коп.

Дьяконовъ, Александръ. Ничто. Повѣствованіе. Москва, 1912 годъ. Цѣна 1 руб.

Езерскій, Ѳ. В. Всемірное значеніе алфавита транскрипціи на всѣ вѣка для всѣхъ народовъ и племенъ. Москва, 1912 г.

Зайцевъ, К. І. Очерки исторіи самоуправленія государственныхъ крестьянъ. Спб., 1912 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

Закржевскій, Александръ. Сверхчеловѣкъ надъ бездной. Кіевъ, 1911 г. Цѣна 1 руб.

Зиловъ, Левъ. Дѣдъ. Москва, 1912 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

Зубовъ, С. П., гр. Стихотворенія. Спб., 1911 г.

— Стихотворенія. 1911 г. Спб., 1912 г.

Ивановъ, С. В. Стихотворенія и шутки. Спб., 1912 г. Цѣна 1 руб.

Илосвъ, А. П. А. Столыпинъ. Очеркъ жизни и дѣятельности Москва, 1912 г. Цѣна 50 коп.

Измайловъ, А. Кривое зеркало. Спб., 1912 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

И. И. Г. Безсмертіе. Севастополь, 1912 г.

Каценеленбаумъ, Е. С. Коммерческіе банки и ихъ торгово-коммиссіонныя операціи. Москва, 1912 г. Цѣна 1 руб.

Кацъ, Р. Очки, ихъ польза и вредъ. Изд. 2-ое. Спб., 1912 года. Цѣна 50 коп.

Клаусъ, К. В. Массовыя банкротства, ихъ зарожденіе и предупрежденіе. Спб., 1912 г. Цѣна 50 коп.

Ключевскій, В. О. Воспоминанія и характеристики. Москва, 1912 годъ. Цѣна 1 р. 90 коп.

Кузницкій, С. Половничество на Сѣверѣ. Архангельскъ, 1911 годъ. Цѣна 25 коп.

Леонтовичъ, А. Элементарное пособіе къ примѣненію методовъ Gauss'a и Pearson'a при оцѣнкѣ ошибокъ въ статистикѣ и біологіи. Часть I, II, III. Кіевъ, 1909, 1911 и 1911. Цѣна за три части 3 р. 50 к.

Ли, Генри-Чарльсъ. Исторія инквизиціи въ средніе вѣка. Пер. съ франц. А. В. Башкирова, подъ ред. С. І. Лозинскаго. Томъ II. Спб., 1912 г.

Лившицъ, Бенедиктъ. Флейта Марсія. Кіевъ, 1911 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Лондонъ, Джэкъ. Собраніе сочиненій. Томъ IV. Мартинъ Идэнъ. Романъ. Авторизированный переводъ съ англійскаго І. А. Маевскаго. Москва, 1912 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

Мижуевъ, П. Г. Современная школа въ Европѣ и Америкѣ. «Педагогическая Академія» подъ ред. проф. А. П. Нечаева. Вып. VIII. Москва, 1912 годъ

Мопассанъ-де, Гюи. Полное собраніе сочиненій. Томъ XXVII. Переводъ Александры Чеботаревской. Спб., 1912 г. Цѣна 1 р.

Николаевъ. Н. П. Эфемериды. Кіевъ, 1912 г. Цѣна 2 р. 50 коп.

Новосельскій, С. А. Очеркъ статистики населенія, заболѣваемости и медицинской помощи въ Россіи. Спб., 1912 г.

Оѳенко, Иванъ. Объ удареніи въ географическихъ именахъ. Кіевъ, 1912 г. Цѣна 25 коп.

Олигеръ, Н. О. Собраніе сочиненій. Томъ I. Спб., 1911 годъ. Цѣна 1 руб. 25 коп.

Панюринъ, Г. Для дѣтей. Разсказы и сказки. Выпускъ 4. Харьковъ 1912 г. Цѣна 50 коп.

Поповъ, В. П. Справочный указатель къ «Войнѣ и Миру» Л. Н. Толстого. Пособіе для преподавателей и учащихся. Псковъ, 1912 г.

Пѣтуховъ, Е. В. Матеріалы для біографіи М. И. Сухомлинова. Спб., 1912 г.

Рей, Абель. Современная философія. Пер. съ франц. Д. Л. Вайса подъ ред. В. Базарова. Спб., 1911 г. Цѣна 1 р. 60 коп.

Ремизовъ, Алексѣй. Сочиненія. Томъ 6 и 7-ой. Спб., 1912 г. Цѣна перваго тома 1 р. 25 коп.; второго 1 р.

Рождественскій, П. П. По вопросу о борьбѣ съ алкоголизмомъ. Уфа, 1911 г.

Ролланъ, Ромэнъ. Жанъ-Кристофъ. Т. Юность. Пер. А. С. Соколовой. Москва, 1912 г. Цѣна 80 коп.

Салтыковъ. А. М. Сѣятели вѣчнаго. Сатирическій романъ. Спб., 1912 г. Цѣна 1 р. 35 коп.

Серафимовичъ, А. Сочиненія. Книга II. Разсказы—Спб., 1912 г. Цѣна 1 р. 15 коп.

Сикорскій, И. А., проф. Даровитость и талантливость въ свѣтѣ объективнаго изслѣдованія. Кіевъ, 1912 г. Цѣна 30 коп.

Идеализація и матеріализація жизни. Кіевъ, 1912 г. Цѣна 20 коп.

Надвигающійся кризисъ отъ вина. Кіевъ, 1912 г. Цѣна 20 коп.

Соболева, М. Н. Элементарный учебникъ политической экономіи. Спб., 1912 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Устиновъ, В. М. Ученіе о народномъ представительствѣ. Томъ I. Идея народнаго представительства въ Англіи и Франціи до начала XIX вѣка. Москва, 1912 г. Цѣна 5 р.

Фарфоровскій, С. Проектъ программы для собиранія этнографическихъ свѣдѣній. Спб., 1911 г.

Фогаццаро, Антоній. Вѣра. Новеллы. Пер. съ итал. І. А. Маковскаго. Москва, 1912 г. Цѣна 60 коп.

Фонвизинъ, С. Двѣ жизни. Романъ. Спб., 1912 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

Хвостовъ, Н. Б. Огни и отраженія. Четвертая книга стиховъ. Спб., 1912 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

Шрейнеръ, О. Женщина и трудъ. Москва, 1912 г. Цѣна 1 р.

Яблоновскій, Владиславъ. Вокругъ сфинкса. Авторизованный пер. съ польскаго Лидіи Симсонъ. Спб., 1912 г. Цѣна 1 р.

Ѳедоровъ, А. М. Собраніе сочиненій. Т. II. Утро. Т. III. Судьба. Т. IV. Мой путь. Т. V. Бумажное царство. Москва, 1912 г. Цѣна каждаго тома 1 р. 25 коп.

Военная энциклопедія. Вып. VIII. Бергъ—Бомда. Москва, 1911 г.

Врачебная хроника Харьковской губ. № 11. Харьковъ, 1911 г.

Всеобщая библіотека. № 111—113. Маркъ Твенъ. Приключенія Финна. № 114—116. Оливеръ Гольдсмитъ. Векфильдскій священникъ. Романъ. № 117. Марія Конопницкая. Избранныя стихотворенія. № 118. Поль Верлэнъ. Избранныя стихотворенія. № 119. Шарль Бодлэръ. Цвѣты зла. Избранныя стихотворенія. № 120—121. Дж. Флетчеръ. О государствѣ русскомъ 1591 г. № 122 –Джоватанъ Свифтъ. Путешествія Гулливера. № 124. Фиренсъ Гевертъ. Антонисъ Ванъ-Дейкъ. № 134—135. Эмиль Жебаръ. Сандро Ботичелли. № 136. Проф. Г. Сейаль. Антуанъ Ватто. № 172—173. Г. Сенъ-Симонъ. Собраніе сочиненій. Т. I. № 174—175. Положеніе о выборахъ въ Государственную Думу. Спб., 1912 г. Цѣна выпуска 10 коп. Въ переплетахъ на 10 коп. дороже.

Діалоги. Москва, 1911 г. Цѣна 40 коп.

Дни нашей жизни. Литературно-научный журналъ. №№ 1—2. Харьковъ, 1912 г. Цѣна №—ра 10 коп.

Ежегодникъ Костромского губ. земства. Кострома, 1912 г.

Живописецъ. Смѣхотворно-бичевательное сочиненіе Н. И. Новикова 1772—1773 годовъ. 8-ое изд., подъ собственнымъ всего количества книгъ просмотромъ Сиджо. Москва, 1912 г. Цѣна 11 коп.

Журналы засѣданій XIII-ой очередной сессіи Харьковскаго порайоннаго комитета 1911 г. Харьковъ, 1911 г.

Извѣстія Одесскаго библіографическаго общества при Императорскомъ Новороссійскомъ университетѣ. Томъ I. Вып. 2 и 3. Одесса, 1911 г. Цѣна выпуска 15 коп.

Изданія «Посредника». № 248. С. Т. Семеновъ. Машка-Домашка. Повѣсть изъ жизни русскихъ переселенцевъ въ Америку. № 254. И. С. Никитинъ. Русскимъ дѣтямъ и юношамъ. Избранныя стихотворенія. № 995. Всемірная библіотека въ память Л. Н. Толстого. Два года съ Л. Н. Толстымъ. Записки Н. Н. Гусева. № 1022а. Половая жизнь съ точки зрѣнія естественной исторіи. Рѣчь проф. Гейма. Со вступительной статьей Л. Н. Толстого. Пер. В. Дѣловой. № 1023. 250 мыслей философовъ, поэтовъ и ученыхъ о вегетаріанствѣ и воздержаніи. Собрала Т. Т.—Деревенское хозяйство. Вып. 97-ой. Садъ и огородъ. Составилъ І. Беттнеръ. Пер. С. А. Порѣцкій. Кн. 102-ая. Какая обработка земли дастъ большій урожай. Составилъ К. Соколовъ.—Взаимная помощь. Вып. 14. Ѳ. А. Дмитріевъ. Кооперація въ Италіи.—Маякъ. № 1.—Свободное воспитаніе. № 5—6.

Каменноугольная промышленность Россіи въ 1910 году. Вып. IV. Харьковъ, 1911 г. Цѣна 50 коп.

Лучъ просвѣта. Ежемѣсячный литературно-художественный сборникъ. Книга I. Москва, 1912 г. Цѣна 60 коп.

Міръ Ислама. Изд. об-ва востоковѣдѣнія. Подъ ред. проф. В. Бартольда. Томъ I. Спб., 1912 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

Народный Журналъ. №№ 1, 2 и 3. Спб., 1912 г. Цѣна №—а 5 коп.

Новости педагогической литературы и наглядныхъ пособій. № 1. Москва, 1912 г. Цѣна 20 коп.

Отдыхъ христіанина. № 1. Спб., 1912 г.

Переселеніе и землеустройство за Ураломъ въ 1906—1910 гг. и Отчетъ по переселенію и землеустройству за 1910 г. Спб., 1911 г.

Сборникъ т-ва «Знаніе». Книга 37-ая. Спб., 1911 г. Цѣна 1 руб.

Статистическій Ежегодникъ по Симбирской губ. за 1910 г. Симбирскъ, 1912 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

Статистическій ежегодникъ Тверской губ. (1909—1910 гг.). Тверь, 1911 годъ.

Товарищи Пушкина по Императорскому Царскосельскому Лицею. Матеріалы для словаря лицеистовъ перваго курса 1811—1817 гг. Собралъ и издалъ Николай Гастфрейндъ. Т. I. Спб., 1912 г. Цѣна 3 руб.

Труды Харьковскаго общества сельскаго хозяйства за 1910 г. Вып. III. Харьковъ, 1911 г.

Труды XI Пироговскаго съѣзда, изданные организаціоннымъ комитетомъ съѣзда подъ ред. д-ра П. Н. Булатова. Т. II. Спб., 1911 г.

Универсальная Библіотека. №№ 462—464. Альфонсъ Додэ. Малышъ. Исторія одного ребенка. Пер. Е. и И. Леонтьевыхъ. №№ 466—468. Маркъ Твэнъ. Приключенія Тома Сойера. Пер. кн. Е. Кудашевой. №№ 474—476. М. Доджъ. Серебряные коньки. Повѣсть. Пер. С. Займовскаго. №№ 568—569. Антоній Погорѣльскій. Монастырка. Романъ. №№ 708—711. Ч. Диккенсъ. Давидъ Копперфильдъ. Романъ въ трехъ томахъ. Томъ I. Пер. Иринарха Введенскаго. № 712. В. Агаронянъ. Матери. Разсказы. №№ 715—716. Л. Деларю-Мардрюсъ. Изступленная. Романъ Нины Петровской. № 717. Гюи де-Мопассанъ. Нездѣшній (Horla). Разсказы. Пер. Петра Кожевникова.

Школьная библіотека великихъ писателей. Вып. I. Сочиненія М. Ю. Лермонтова съ объяснительными примѣчаніями Константина Борхина. Часть I. Одесса, 1912 г. Цѣна 80 коп.

Экономистъ Финляндіи. 1912 г. № 1. Гельсингфорсъ.

-- Элементы скотоводства въ районѣ дѣятельности Чапчиковскаго крестьянскаго молочнаго товарищества Московскаго уѣзда. Москва, 1911 г. Цѣна 25 коп.

Энциклопедическій Словарь т-ва «Бр. А. и И. Гранатъ и К°». 7-ое совершенно переработанное изданіе, подъ ред. профессоровъ Н. С. Гамбарова, В. Я. Желѣзнова, М. М. Ковалевскаго, С. А. Муромцева (†) и К. А. Тимирязева. Томъ IX. Великобританія—Вехтъ. Москва, 1911 г.

Понятенко, П. Культура, національність та асиміляція в їх взаемних стосункахъ. Київ, 1912. Ціна 20 коп.

Simmel, Georg. Philosophische kultur. Gesammelte Essais. Leipzig, 1911. Preis 5 M.

Жерела до исторіи Украіни - Руси. Выдае археографічна комісія наукового товариства имени Шевченка. Томъ XII. У Львові, 1911.

Записки наукового товариства имени Шевченка. Кн. IV і V. У Львові, 1911.

Українъско-русска бібліотека наукового товариства имени Шевченка. Т. VIII. Житэпись Осипа-Юрія Гординьскаго-Федьковича. У Львові, 1911 Ціна 5 корэн.

Rusky Obsor. 1912. № 1. Praha.

Slovanstvo. Obraz jeho minulosti a přitomnosti. Srmapou slovanstva. V Praze, 1912. Za K. 12, 50.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Общая характеристика момента.—Законопроектъ о фиксаціи кредитовъ на начальное обученіе.—Перемѣна, внесенная въ него Государственнымъ Совѣтомъ.—Возможныя ея послѣдствія и вѣроятныя причины.—Законопроектъ о наслѣдственныхъ правахъ женщинъ.—Начало преній о мѣстномъ судѣ въ верхней палатѣ.

Если русская жизнь еще недавно напоминала собою занесенную снѣгомъ степь, съ налетающими отъ времени до времени вьюгами, съ пронизывающими до мозга костей холодными вихрями, уничтожающими въ корнѣ все живое, то теперь она становится похожей на болото, въ осеннюю непогоду, подъ низко нависшими дождевыми тучами. Даль покрыта густымъ туманомъ; плохо, при скудномъ, обманчивомъ освѣщеніи, видно и вблизи; на зыбкой почвѣ трудно стоять, еще труднѣе идти впередъ. Можно было бы поддаться отчаянію, если бы не было вѣры въ будущее, если бы не было сознанія, что для великаго народа нѣтъ непреодолимыхъ препятствій, нѣтъ безвыходныхъ положеній. Россія найдетъ свой путь, какъ бы мало на него, въ данную минуту, ни падало свѣта, какъ бы загражденъ ни былъ къ нему доступъ.

Свѣтъ—вотъ первое условіе правильно ориентированнаго и неуклонно прогрессирующаго развитія. И этого условія издавна не доставало и до сихъ поръ не достаетъ Россіи. До народной массы долго не доходили лучи того свѣта, который дается образованіемъ. Проникать въ вѣковую тьму они стали только недавно, искусственно задерживаемые, уменьшаемые въ количествѣ, ухудшаемые въ качествѣ. До самаго послѣдняго времени всеобщее начальное обученіе, даже въ самыхъ скромныхъ размѣрахъ, оставалось «добрымъ пожеланіемъ» немногихъ, приближавшимся къ осуществленію лишь въ рѣдкихъ, исключительныхъ случаяхъ. Перемѣну къ лучшему въ этой области повлекло за собою, несмотря на всю свою неполноту и несовершенство, обновленіе нашего государственнаго строя. Слишкомъ ужъ было очевидно, что участіе въ государственномъ дѣлѣ, къ какому бы минимуму это участіе ни было сведено, несовмѣстимо съ невѣжествомъ. Затраты на начальную школу стали расти съ небывалою до тѣхъ поръ быстротою. На четвертомъ году дѣятельности третьей Думы ею былъ одобренъ законопроектъ, закрѣплявшій ихъ ростъ на много лѣтъ впередъ и позволявшій ожидать сравнительно скораго достиженія давно намѣченной цѣли. Въ то же самое время

прошелъ черезъ Думу и проектъ реорганизаціи начальной школы. Дума, худо или хорошо, исполнила свою задачу; очередь была за Государственнымъ Совѣтомъ.

Здѣсь немедленно началось подкладываніе палокъ подъ колеса. Совѣтская комиссія, вопреки обыкновенію, поторопилась съ докладомъ, но въ общемъ собраніи большинство настояло на отсрочкѣ до осени. Послѣ возобновленія сессіи возникло предположеніе отложить непріятный шагъ на неопредѣленное время, предпославъ простому, короткому законопроекту о всеобщемъ обученіи сложный, объемистый и во многомъ спорный законопроектъ о переустройствѣ начальной школы, разсмотрѣніе котораго до окончанія полномочій третьей Думы представлялось совершенно немыслимымъ. Чтобы помѣшать исполненію этого плана, понадобилось вмѣшательство предсѣдателя совѣта министровъ; благодаря его настоянію, законопроектъ о всеобщемъ обученіи былъ поставленъ на первую очередь. Сообразно съ этимъ измѣнился планъ дѣйствій противниковъ законопроекта. Сначала они сосредоточили свои усилія на борьбѣ противъ фиксаціи, т. е. противъ опредѣленія, на много лѣтъ впередъ, постепеннаго роста расходовъ, необходимыхъ для осуществленія всеобщаго обученія; потерпѣвъ въ этомъ неудачу, они потребовали пріуроченія части фиксируемыхъ расходовъ къ церковно-приходскимъ школамъ—и на этомъ пути одержали столь же рѣшительную, сколько неожиданную и, съ перваго взгляда, трудно объяснимую побѣду. Въ комиссіи на сторонѣ церковно-приходскихъ школъ стояло меньшинство; въ общемъ собраніи за нихъ высказалось огромное большинство (136 голосовъ противъ 19). Чѣмъ это можно объяснить и къ какимъ это можетъ привести результатамъ?

Шансы принятія законопроекта въ томъ видѣ, въ какомъ онъ вышелъ изъ Государственной Думы, стали падать съ самаго начала преній въ общемъ собраніи Государственнаго Совѣта. За три мѣсяца передъ тѣмъ предсѣдатель совѣта министровъ высказался въ комиссіи Государственнаго Совѣта противъ распространенія законопроекта на церковно-приходскія школы, такъ какъ «распредѣленіе кредита на народное образованіе между вѣдомствами народнаго просвѣщенія и православнаго исповѣданія не встрѣчаетъ сочувствія въ Государственной Думѣ и рѣшеніе вопроса въ этомъ смыслѣ можетъ повлечь за собою отклоненіе законопроекта Государственною Думою». Въ засѣданіи 25-го января В. Н. Коковцовъ заговорилъ совершенно иначе. Ссылаясь на то, чего никто не отрицалъ—на принципіальное расположеніе правительства къ церковно-приходскимъ школамъ, на нежеланіе его объединять завѣдываніе всѣми начальными школами въ рукахъ министерства народнаго просвѣщенія,—предсѣдатель совѣта

изъявилъ полную готовность согласиться съ мнѣніемъ меньшинства комиссіи и признать за церковно-приходскими школами право на часть суммъ, фиксируемыхъ законопроектомъ. Значитъ ли это, что В. Н. Коковцовъ не раздѣляетъ болѣе тѣхъ опасеній, которыя онъ такъ недавно и такъ опредѣленно выражалъ въ комиссіи Государственнаго Совѣта? Едва ли; иначе онъ, безъ сомнѣнія, подчеркнулъ бы тѣ мотивы, которые заставляютъ его вѣрить въ перемѣну настроенія Государственной Думы. Или, можетъ быть, онъ рѣшился пренебречь мнѣніемъ Думы, какъ къ тому усердно призывалъ верхнюю палату г. Стишинскій? Это тоже нельзя признать вѣроятнымъ; значеніе Думы въ январѣ 1912-го года оставалось такимъ же, какимъ было въ октябрѣ минувшаго года, и въ рѣчи предсѣдателя совѣта министровъ нѣтъ ни малѣйшаго намека на рѣшимость его игнорировать всѣмъ извѣстные взгляды думскаго большинства. Но если загадочны, въ нашихъ глазахъ, причины перехода В. Н. Коковцова на сторону правыхъ членовъ Государственнаго Совѣта, то совершенно ясны послѣдствія такого перехода. Для значительной части членовъ Государственнаго Совѣта всегда высокъ авторитетъ власти—но особенной высоты онъ достигаетъ, быть можетъ, именно тогда, когда на виду у всѣхъ мнѣніе правительства смѣняется другимъ, противоположнымъ, безъ понятныхъ для каждаго основаній. Начинаются догадки о томъ, какъ и почему это произошло; возникаютъ предположенія о вліяніяхъ, перевѣсившихъ убѣжденіе,—а отсюда, при извѣстныхъ условіяхъ, уже недалеко до готовности подчиниться этимъ вліяніямъ, хотя бы существованіе ихъ и не было доказано съ полною ясностью. Вопросъ переносится въ особую сферу и рѣшается на основаніи соображеній, меньше всего имѣющихъ общаго съ самымъ существомъ дѣла. Только такимъ путемъ можно, какъ намъ кажется, объяснить превращеніе меньшинства въ большинство, близкое къ единогласію.

Не ошибаемся ли мы, однако? Не слѣдуетъ ли приписать образованіе столь внушительнаго большинства необыкновенной убѣдительности доводовъ, приведенныхъ ораторами изъ среды прежняго меньшинства? Это не очень правдоподобно, потому что съ аргументаціей меньшинства члены Госуд. Совѣта были заранѣе ознакомлены чтеніемъ комиссіонныхъ докладовъ и журналовъ; но все же любопытно посмотрѣть, на что всего больше нападали противники мнѣнія, первоначально высказаннаго В. Н. Коковцовымъ. Съ особенною ясностью это видно изъ рѣчи г. Стишинскаго, всего энергичнѣе отвергавшаго необходимость принимать въ разсчетъ настроеніе Госуд. Думы. «Если въ вопросѣ государственной важности»—воскликнулъ онъ,— «мы останавливаемся на рѣшеніи, признаваемомъ

нами единственно правильнымъ, то какое намъ дѣло, какъ отнесется къ этому рѣшенію Госуд. Дума? Мы обязаны принять это рѣшеніе, если сознаемъ его правильность, внѣ всякаго отношенія къ какимъ-либо возникающимъ у насъ догадкамъ о томъ, согласится ли съ нами Дума или нѣтъ. Сама Государственная Дума, насколько мнѣ извѣстно, всегда придерживалась именно такой точки зрѣнія въ отношеніи Госуд. Совѣта, и намъ этому примѣру надлежитъ слѣдовать [1]). Въ дѣлѣ государственной важности Госуд. Совѣтъ можетъ руководствоваться однимъ лозунгомъ: fais ce que dois, advienne que pourra». Слабость этихъ разсужденій бросается въ глаза. Они могли бы имѣть извѣстное значеніе, еслибы Госуд. Совѣту предстояло рѣшить принципіальный вопросъ, напримѣръ, о закрытіи церковно-приходскихъ школъ, объ отнятіи у православнаго духовенства права открывать училища и руководить ими. Въ настоящемъ случаѣ не было ничего подобнаго. Принятіе законопроекта въ томъ видѣ, въ какомъ онъ одобренъ Думою, ничего не предрѣшило бы по отношенію къ будущему церковно-приходской школы; открытыми остались бы вопросы о сохраненіи ея обособленности, о правѣ ея на дальнѣйшую поддержку государства, о размѣрахъ этой поддержки. Окончательно было бы рѣшено—конечно, при условіи утвержденія закона верховною властью—только быстрое движеніе впередъ на пути къ всеобщему обученію, давно ожидаемому Россіей. Теперь, вслѣдствіе позиціи, занятой Гос. Совѣтомъ, этотъ шагъ, по всей вѣроятности, опять будетъ отсроченъ на неопредѣленное время. Судя по всѣмъ признакамъ, Дума не пойдетъ на соглашеніе съ Госуд. Совѣтомъ. И она имѣетъ къ тому весьма вѣскія основанія, указанныя недавно въ бесѣдѣ члена Госуд. Думы фонъ-Анрепа съ сотрудникомъ «Новаго Времени». Всѣ школы, входящія въ сѣть, должны, по справедливому замѣчанію предсѣдателя думской школьной комиссіи, подчиняться одинаковымъ требованіямъ въ смыслѣ программъ и надзора. Минимумъ сообщаемыхъ знаній долженъ быть общій, такъ какъ рѣчь идетъ о всеобщности обученія. Помимо школьной сѣти, синодъ можетъ имѣть сколько угодно школъ, открывать ихъ, гдѣ ему угодно, и устанавливать въ нихъ какія угодно программы преподаванія. Важно, съ точки зрѣнія думскаго большинства, только одно: чтобы въ дѣлѣ всеобщаго начальнаго обученія были выдержаны стройность и единообразіе. И дѣйствительно, кому неизвѣстны случаи слишкомъ рѣзкаго не-

1) Замѣтимъ, мимоходомъ, что въ Госуд. Думѣ именно единомышленники г. Стишинскаго неоднократно ссылались на Госуд. Совѣтъ, какъ на преграду, о которую неизбѣжно разобьются ненавистные имъ законопроекты, и этимъ путемъ старались достигнуть отклоненія проектовъ самою Думою.

равенства между школами церковно-приходскими и земскими или министерскими—неравенства заставляющаго населеніе стремиться къ замѣнѣ церковной школы свѣтскою, въ виду явной недостаточности достигаемыхъ первою результатовъ? Кому неизвѣстно противодѣйствіе, обыкновенно встрѣчаемое такимъ стремленіемъ со стороны духовнаго начальства? Кто не слыхалъ о затрудненіяхъ, возникающихъ при устройствѣ земской школы въ близкомъ разстояніи отъ церковной? Неужели желательно увѣковѣчить всѣ эти неудобства, перенеся старую борьбу въ новыя условія, создаваемыя всеобщимъ обученіемъ? Неужели можно допустить, чтобы обученіе, всеобщее по имени, было, въ сущности, различно по характеру и степени интенсивности? Положеніе дѣлъ, слѣдовательно, таково: если бы Госуд. Совѣтъ принялъ законопроектъ въ томъ видѣ, въ какомъ его одобрила Дума, введеніе всеобщаго обученія въ сравнительно близкомъ будущемъ было бы обезпечено, а вѣдомству православнаго исповѣданія была бы предоставлена полная возможность стремиться къ увеличенію средствъ, получаемыхъ, имъ отъ казны на открытіе и содержаніе церковныхъ школъ. Если же Госуд. Дума—что болѣе чѣмъ вѣроятно—откажется принять законопроектъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ вышелъ изъ Госуд. Совѣта, введеніе всеобщаго начальнаго обученія будетъ отложено ad calendas graecas, а средства, которыми располагаетъ Синодъ для своихъ начальныхъ школъ, не увеличатся ни на одну копѣйку. Не трудно понять, на чьей сторонѣ окажется нарушеніе долга передъ страною, передъ народомъ...

Одинаково ли, впрочемъ, съ обоихъ сторонъ самое пониманіе этого долга? Широкое и прочное распространеніе образованія въ средѣ народныхъ массъ составляетъ ли въ одинаковой степени предметъ пожеланій обѣихъ палатъ? Съ перваго взгляда можетъ показаться, что этотъ вопросъ не возбуждаетъ никакихъ сомнѣній: вѣдь не случайно же всѣ ораторы, не исключая тѣхъ, которые всего больше способствовали печальному исходу дѣла, начинали съ выраженія полнаго сочувствія идеѣ всеобщаго начальнаго обученія. Уже во время преній, однако, было замѣчено странное противорѣчіе между этой декларативной предпосылкой и практическими выводами, къ которымъ приходили противники фиксаціи и защитники церковно-приходскихъ школъ. Особенно рельефно это противорѣчіе было выставлено на видъ въ одной изъ рѣчей предсѣдателя совѣта министровъ. «Каждый завѣряетъ—воскликнулъ онъ, — что нѣтъ дѣла болѣе близкаго его душѣ, чѣмъ дѣло начальнаго школьнаго обученія, но, начавъ за здравіе, мы всѣ сводимъ наши рѣчи за упокой». Нѣсколько дальше, въ той же рѣчи, это salto mortale характеризуется какъ «арія изъ другой оперы». И дѣйствительно, такихъ переходовъ изъ мажорнаго тона въ минор-

ный можно насчитать немало. П. Н. Дурново, напримѣръ, начинаетъ съ признанія безспорной желательности обезпечить, *въ кратчайшій по возможности срокъ*, всѣмъ русскимъ дѣтямъ школьнаго возраста возможность получить школьное образованіе—и затѣмъ посвящаетъ свою рѣчь перечисленію тѣхъ потребностей, которыя должны быть покрыты раньше введенія всеобщаго обученіи или одновременно съ нимъ. А эти потребности таковы, что полное ихъ удовлетвореніе рѣшительно несовмѣстно съ введеніемъ всеобщаго обученія хотя бы и не въ «кратчайшій», но въ не слишкомъ ужъ продолжительный срокъ. Недостаточны, по словамъ г. Дурново, нынѣшнія колоссальныя затраты на содержаніе арміи и флота; необходимы, настоятельно необходимы новыя ассигновки на крѣпости, на казармы, даже на обученіе войскъ; необходимо увеличеніе числа и улучшеніе положенія стражниковъ и городовыхъ; для поднятія народнаго хозяйства школьная сѣть не такъ важна, какъ сѣть хорошихъ путей сообщенія или организація огнестойкаго строительства. И съ какой проніей г. Дурново отнесся къ предположенію (никѣмъ, впрочемъ, не высказанному), что «черезъ десять лѣтъ мы своими школами побьемъ всѣхъ нашихъ вѣроятныхъ и мало вѣроятныхъ враговъ»! Ему прекрасно отвѣтилъ предсѣдатель совѣта министровъ, указавъ на неразрывную связь между культурой страны и ея могуществомъ — и на неизбѣжную зависимость культуры отъ школы. Поклонникамъ грубой силы по прежнему чужда вѣра въ другіе, внутренніе, болѣе высокіе источники индивидуальной, народной и государственной мощи. И чѣмъ меньше такой вѣры, тѣмъ легче находитъ для себя благопріятную почву отрицательное отношеніе къ образованію, какъ достоянію цѣлаго народа. Вспоминается, что именно на народномъ невѣжествѣ строилось господство порядковъ, все еще не отошедшихъ въ прошлое; вспоминается и то, для какихъ сословій, для какихъ общественныхъ классовъ было выгодно это господство. Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что въ основѣ ожесточеннаго противодѣйствія, встрѣченнаго законопроектомъ о всеобщемъ обученіи, какъ и въ основѣ слабой его защиты, столь быстро сдавшей свою позицію, лежали, болѣе или менѣе ясно сознанныя, тѣ самыя чувства, которыя воспитывались вѣками въ средѣ русской бюрократіи и русскаго помѣстнаго дворянства. Учрежденію, въ которомъ господствуютъ эти два элемента, трудно было взять на себя роль насадителя просвѣщенія въ народѣ—и очень легко было отказаться отъ этой роли, какъ только стало ясно, что она не находитъ достаточно твердой поддержки въ правительственныхъ сферахъ.

Не знаемъ, слѣдуетъ ли вѣрить газетному сообщенію, по словамъ котораго предсѣдатель совѣта министровъ сдѣлалъ еще одну

попытку достигнуть соглашенія между обѣими палатами. Сомнѣнія возбуждаетъ въ насъ указаніе на форму, въ которую была облечена, будто бы, эта попытка: созвано было соединенное засѣданіе совѣта министровъ и Синода—и оно не привело къ цѣли, потому что представители высшаго духовенства отказались отъ какой бы то ни было уступки по вопросу объ участіи церковныхъ школъ въ фиксированныхъ кредитахъ на народное образованіе. Для насъ неясно, какую роль въ подобномъ дѣлѣ могъ играть Синодъ: вѣдь препятствіемъ на пути къ благополучному рѣшенію вопроса о всеобщемъ обученіи служитъ разногласіе не между духовною и свѣтскою властью, а между Госуд. Совѣтомъ и Госуд. Думой. Нельзя же допустить, что пойти на встрѣчу Думѣ Госуд. Совѣтъ можетъ не иначе, какъ получивъ на то предварительное позволеніе отъ Синода.

Характерную страницу въ лѣтопись нашей верхней палаты внесли и пренія по законопроекту объ уравненіи женщинъ въ наслѣдственныхъ правахъ съ мужчинами, съ ихъ непредвидѣннымъ исходомъ,—непредвидѣннымъ потому, что совершенно иного можно было ожидать на основаніи доклада совѣтской комиссіи. Разсмотрѣнію вопроса въ общемъ собраніи Госуд. Совѣта предшествовало обсужденіе его на одномъ изъ раутовъ, устраиваемыхъ новымъ лидеромъ—или товарищемъ лидера—правыхъ, гр. А. А. Бобринскимъ. Признанный здѣсь «разрушительнымъ», законопроектъ былъ осужденъ на гибель или на существенную порчу. Въ комиссіи, сравнительно малочисленной и менѣе поддающейся увлеченіямъ, взяло верхъ сознаніе общегосударственнаго и общенароднаго интереса; въ общемъ собраніи громче заговорили страсти, возбуждаемыя сословнымъ эгоизмомъ, и вызвали образованіе большинства, не отступившаго передъ нарушеніемъ элементарнѣйшихъ требованій справедливости. Равенство наслѣдственныхъ правъ мужчинъ и женщинъ признано проектомъ гражданскаго уложенія, законченнымъ около десяти лѣтъ тому назадъ. Привѣтствуя, въ свое время, [1]) это рѣшеніе, мы выразили увѣренность, что оно «не встрѣтитъ возраженій въ высшихъ законодательныхъ сферахъ и безъ всякихъ неудобствъ и затрудненій перейдетъ въ жизнь». Основаніемъ такой увѣренности служила исторія вопроса. Еще въ сороковыхъ годахъ прошлаго вѣка графъ Блудовъ признавалъ, что дѣйствующія узаконенія о наслѣдственныхъ правахъ женщинъ противорѣчатъ распространеннымъ въ обществѣ взглядамъ, но, опасаясь «коле-

[1]) См. внутр. обозрѣніе въ № 11 В. Евр. за 1903 г.

баній», сопряженныхъ съ «быстрымъ переходомъ» отъ одного порядка къ другому, прямо противоположному, предлагалъ уравнять женщинъ и мужчинъ лишь въ наслѣдованіи движимости, а наслѣдственную долю первыхъ въ недвижимомъ имуществѣ только увеличить, не доходя до полнаго равенства. Шестнадцать лѣтъ спустя, въ 1864 г., оффиціально заглохшій, но не забытый въ обществѣ вопросъ былъ поднятъ вновь ходатайствомъ смоленскаго дворянства, считавшаго ограниченіе наслѣдственныхъ правъ женщинъ «неестественнымъ, несправедливымъ и неоправдываемымъ никакою государственною или общественною необходимостью». Министерство юстиціи нашло ходатайство дворянства вполнѣ основательнымъ, и если ему не былъ данъ ходъ въ законодательномъ порядкѣ, то только потому, что въ то время существовало сомнѣніе въ правѣ дворянства возбуждать вопросы, касающіеся общихъ нуждъ и пользъ государства [1]). Новшествомъ предположенія проекта гражданскаго уложенія, такимъ образомъ, названы быть не могутъ, и если бы они дошли до стараго Государственнаго Совѣта, шансы принятія ихъ были бы весьма велики. Нужна была совсѣмъ особая комбинація условій, чтобы могла составиться и побѣдить оппозиція противъ давно назрѣвшей, политически нейтральной и, въ концѣ концовъ, неотвратимой реформѣ. Большинство Госуд. Совѣта не позаботилось даже о соблюденіи внѣшняго декорума. Мысль графа Блудова, понятную въ эпоху инстинктивнаго страха передъ всякой новизной, но давно ставшую явнымъ анахронизмомъ, оно усвоило себѣ съ такой оговоркой, которая устраняетъ всякое сомнѣніе относительно руководящихъ имъ побужденій. Графъ Блудовъ предлагалъ сохранить неравноправіе по отношенію къ недвижимымъ имуществамъ вообще, а Госуд. Совѣтъ сохранилъ его, въ нѣсколько смягченномъ видѣ, только для имуществъ земельныхъ, т. е. не городскихъ. Это значитъ: пускай дробится собственность купцовъ, мѣщанъ, разночинцевъ, составляющихъ большинство домовладѣльцевъ въ городахъ, но пускай останется по возможности неприкосновенной собственность дворянъ, все еще удерживающихъ за собою значительную часть земли

---

[1]) Женщина—сказано было, между прочимъ, въ отзывѣ министерства юстиціи,—«перестала быть рабой и работницей; она сдѣлалась такимъ же полноправнымъ существомъ, какъ и мужчина, и съ этой точки зрѣнія постановленіе нашего законодательства оказывается непослѣдовательнымъ». Если бы мы не знали, когда именно составленъ данный отзывъ, этихъ словъ было бы достаточно, чтобы отнести его къ эпохѣ судебной реформы, къ лучшему времени министерства, теперь такъ мало похожаго на то, чѣмъ оно было въ тѣ дни подъема и расцвѣта.

внѣ городскихъ поселеній [1]). До извѣстной степени, быть можетъ, здѣсь играла роль и забота о «сильныхъ» крестьянахъ - хуторянахъ... И не меньше, чѣмъ несправедливость, очевидна и безцѣльность рѣшенія, на которомъ остановилось большинство Государственнаго Совѣта. Чего не удалось достигнуть при условіяхъ, наиболѣе благопріятныхъ для помѣстнаго дворянства, въ эпоху, которую можно назвать дворянскою по преимуществу—съ средины восьмидесятыхъ годовъ до начала XX-го вѣка, — то еще менѣе удободостижимо при обновленномъ государственномъ строѣ, какъ бы недостаточно ни было обновленіе и съ какими бы препятствіями ему ни приходилось считаться. Въ средѣ самого дворянства давно уже изсякла жизненная сила, и нѣтъ такого эликсира, который могъ бы влить ее вновь въ охладѣлый или охладѣвающій организмъ. Усердіе докторовъ парализуется, прежде всего, инерціей самого паціента. Какія надежды возлагались, напримѣръ, на законъ о временно-заповѣдныхъ имѣніяхъ—и какъ ничтожны, на самомъ дѣлѣ, его результаты! «Дворянская мелодія» не прельстила даже тѣхъ, для кого она была сочинена—и охотниковъ вводить на нашей почвѣ изстари чуждый ей институтъ единонаслѣдія оказалось немного. Немного найдетъ приверженцевъ, на практикѣ, и новый оплотъ противъ «уравнительныхъ теченій». Уже гр. Блудовъ констатировалъ фактъ «обходовъ», вызываемыхъ антагонизмомъ между велѣніями закона и голосомъ совѣсти. И такіе обходы будутъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока ихъ не сдѣлаетъ ненужными признанная закономъ равноправность мужчинъ и женщинъ.

Когда за учрежденіемъ прочно установилась репутація неподатливости на реформы, или, тѣмъ болѣе, принципіальной къ нимъ враждебности, устрашающее дѣйствіе производитъ иногда самая перспектива обращенія къ нему—производитъ, конечно, не на всѣхъ, а

[1]) При случаѣ, когда нѣтъ надобности въ защитѣ спеціальныхъ помѣстно-дворянскихъ интересовъ, большинство Госуд. Совѣта не отказывается, впрочемъ, и отъ поддержки интересовъ городскихъ собственниковъ. Доказательствомъ этому служитъ принятіе поправки Н. А. Зиновьева (поддержанной г. Стишинскимъ) къ законопроекту, расширявшему права городского общественнаго управленія по отношенію къ домовладѣльцамъ. Сохраняя существующій порядокъ соглашеній между городомъ и домовладѣльцами, эта поправка до крайности затрудняетъ улучшенія въ дѣлѣ канализаціи, вывоза нечистотъ, устройства тротуаровъ и мостовыхъ. На этотъ разъ большинство, принявшее поправку, было незначительно, такъ что не исключена возможность перемѣны къ лучшему послѣ обсужденія вопроса въ согласительной комиссіи.

на легко устрашаемыхъ или заранѣе готовыхъ примириться съ мыслью о капитуляціи. Государственнымъ Совѣтомъ правыя партіи Госуд Думы пугаютъ—и, быть можетъ не безъ успѣха,—колеблющихся членовъ центра; передъ Государственнымъ Совѣтомъ, еще раньше чѣмъ раздался его голосъ, склоняетъ голову, иной разъ, и министерство, даже руководимое твердою, повидимому, волей. Года два тому назадъ на алтарь хмурившагося, но ничего еще не изрекшаго Юпитера П. А. Столыпинъ и И. Г. Щегловитовъ принесли въ жертву значительную часть собственнаго своего законопроекта о мѣстномъ судѣ: они отказались отъ упраздненія сословнаго волостного суда, полнѣйшая несостоятельность котораго была признана ими въ самыхъ ясныхъ и рѣшительныхъ выраженіяхъ. Теперь урѣзанный такимъ образомъ проектъ поступилъ, послѣ долгихъ комиссіонныхъ дебатовъ, на разсмотрѣніе общаго собранія Госуд. Совѣта. Какъ ни велика принесенная жертва, она не удовлетворила упорныхъ сторонниковъ давно осужденнаго порядка. Меньшинство комиссіи высказалось за совершенное отклоненіе законопроекта, другими словами—не только за сохраненіе сословнаго волостного суда, но за сохраненіе его въ настоящемъ его видѣ, безъ тѣхъ, довольно существенныхъ перемѣнъ, которыя предлагаетъ большинство, и, что еще важнѣе, за сохраненіе судебной власти земскихъ начальниковъ, т. е. противъ возстановленія выборнаго мирового суда.

Когда мы пишемъ эти строки, не закончены еще общія пренія о законопроектѣ; предугадать его судьбу совершенно невозможно. Немало интереснаго, однако, представляютъ рѣчи, произнесенныя въ первыхъ двухъ засѣданіяхъ. Очень ярко обнаруживается союзъ бюрократическихъ и ультра-дворянскихъ элементовъ о которомъ мы говорили въ предыдущемъ обозрѣніи. Въ отстаиваніи à outrance института земскихъ начальниковъ г.г. Стишинскій и П. Н. Дурново идутъ рука объ руку съ гг. Ушаковымъ, А. Арсеньевымъ (бывшимъ тульскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства) и кн. Лобановымъ-Ростовскимъ. Каждый ораторъ вноситъ въ свою аргументанцію особыя черты: г. Стишинскій, напримѣръ—нѣкоторый сентиментальный лиризмъ [1]) г. Дурново—отрицательное отношеніе къ «кассаціонному и коллегіальному контролю», г. Ушаковъ—своеобразное сваливанье отвѣтственности съ больной головы на здоровую (въ недостаткахъ волостного суда «виноваты сами крестьяне,

[1]) «Если-бы въ этомъ залѣ на хорахъ» —воскликнулъ г. Стишинскій,— «присутствовало нѣсколько земскихъ начальниковъ, они имѣли бы полное основаніе обратиться къ Государственному Совѣту съ привѣтствіемъ римскихъ гладіаторовъ, шедшихъ по Колизею: Ave, Caesar, morituri te salutant».

выбирающіе пьяницъ и подкупныхъ людей вмѣсто трезвыхъ и честныхъ»), г. Арсеньевъ—неожиданную откровенность («такъ ли ужъ нужна намъ независимость судей? Многіе изъ насъ, живущіе въ провинціи, сказали бы не только о низшихъ, но и о среднихъ учрежденіяхъ, что полная независимость ихъ едва ли совпадаетъ съ общимъ благомъ»), кн. Лобановъ-Ростовскій—своеобразные историческіе взгляды [1]); но въ конечномъ выводѣ они всѣ стоятъ на почвѣ того настроенія, которое, опрокинувъ или исказивъ, въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ, великія реформы Александра II-го, надолго положило конецъ нормальному, мирному развитію народной жизни. Новая его побѣда была бы настоящимъ бѣдствіемъ для Россіи.

Въ рѣчи г. Стишинскаго обращаетъ на себя особое вниманіе слѣдующее мѣсто: «лишите земскаго начальника судебной власти—и онъ явится какимъ-то новымъ, никому невѣдомымъ учрежденіемъ, цѣлесообразность и полезность котораго представляются даже сомнительными. Останется названіе, внѣшній обликъ, фронтонъ зданія, но самое зданіе окажется на половину разрушеннымъ, и въ такомъ видѣ оно сохраняться долго не можетъ: въ скоромъ времени ему придется окончательно отойти». Мы съ этимъ совершенно согласны—но выводъ отсюда дѣлаемъ другой, прямо противоположный основному тезису г. Стишинскаго. Онъ стоитъ за неприкосновенность института земскихъ начальниковъ—мы стоимъ за *полное* его упраздненіе. Оказавшійся одинаково непригоднымъ и къ судебнымъ, и къ административнымъ функціямъ, этотъ институтъ долженъ сойти со сцены, какъ это и было обѣщано П. А. Столыпинымъ въ декларацiи, прочитанной (во второй Думѣ) 6-го марта 1907-го года. Слишкомъ много въ его средѣ укоренилось преданій, устраняющихъ возможность его реабилитаціи; слишкомъ много съ нимъ сопряжено тяжелыхъ и печальныхъ воспоминаній. Перефразируя извѣстный афоризмъ: habent sua fata libelli, можно сказать: habent sua fata institutiones. Есть учрежденія, самое имя которыхъ возбуждаетъ рядъ свѣтлыхъ представленій, располагаетъ къ довѣрію и симпатіи,—и есть другія, о самомъ названіи которыхъ можно сказать: nomina—omina. Къ числу первыхъ у насъ въ Россіи принадлежитъ, напримѣръ, мировой

---

[1]) «Институтъ земскихъ начальниковъ», по словамъ кн. Лобанова-Ростовскаго, хотя и существуетъ всего двадцать два года, но духъ его и основныя начала давно живутъ въ нашемъ народѣ, а начало попечительной власти коренится глубже въ исторіи нашихъ мѣстныхъ отношеній. Согласиться съ этимъ, т. е. признать самый фактъ, оцѣняя его, конечно, совершенно иначе,—можно только въ такомъ случаѣ, если разумѣть подъ именемъ существовавшей издавна попечительной власти... власть помѣщика надъ его крѣпостными.

институтъ, къ числу вторыхъ — институтъ земскихъ начальниковъ. Нашему журналу незачѣмъ приводить доказательства такого взгляда; они разсѣяны на его страницахъ за нѣсколько десятилѣтій, начиная съ того момента, когда въ печати и въ оффиціальныхъ сферахъ появилась впервые идея о «властной рукѣ».

Мнѣніе наше о волостномъ судѣ мы имѣли случай выражать неоднократно (въ послѣдній разъ—въ декабрьскомъ внутреннемъ обозрѣніи 1909-го года). Мы всегда думали и продолжаемъ думать, что мировому судьѣ трудно будетъ справляться съ массою мельчайшихъ *гражданскихъ* дѣлъ а сельскому населенію—не менѣе трудно будетъ обращаться по каждому такому дѣлу къ мировому судьѣ, не на столько близкому къ деревнѣ, чтобы быть для нея всегда удободоступнымъ. Но мы всегда протестовали и протестуемъ теперь противъ *сословнаго, крестьянскаго* суда, съ широкой (хотя бы и меньшей, чѣмъ въ настоящее время) юрисдикціей какъ по гражданскимъ, такъ и по *уголовнымъ* дѣламъ. Именно такой судъ проектируетъ большинство комиссіи Государственнаго Совѣта, въ явное нарушеніе указа 12-го декабря 1904-го года, третій пунктъ котораго установлялъ «введеніе должнаго единства въ устройствѣ судебной въ имперіи части, *въ цѣляхъ охраненія равенства передъ судомъ всѣхъ сословій*». Искусственная, ничѣмъ не оправдываемая судебная перегородка между непривилегированными и привилегированными классами сельскаго населенія должна пасть, какъ пали или падутъ всѣ остальныя. По истинѣ удручающее впечатлѣніе производятъ тѣ доводы, которыми мотивируетъ ея удержаніе одинъ изъ докладчиковъ большинства совѣтской комиссіи, г. Нейдгартъ. «Обвиненіе волостного суда въ сословности—читаемъ мы въ его рѣчи,—относится къ числу чисто формальныхъ. По существу въ волости, насчитывающей десятки тысячъ населенія, не-крестьянъ, въ лучшемъ случаѣ, сотни, а подчасъ даже лишь десятки. Такимъ образомъ этотъ судъ является судомъ крестьянскимъ; но и прочія сословія очень часто предпочитаютъ обращаться въ этотъ судъ, какъ менѣе формальный». Да, *истцами* въ волостномъ судѣ привилегированныя лица являются нерѣдко, не столько, можетъ быть, въ виду его меньшей формальности, сколько въ разсчетѣ на его бо́льшую зависимость (припомнимъ характерныя въ этомъ отношеніи слова г. А. Арсеньева); но *отвѣтчиками* въ немъ они не бываютъ, предъявить къ нимъ искъ въ волостномъ судѣ нельзя—и въ этомъ-то и заключается явная, вопіющая несправедливость, которую, повидимому, готовъ увѣковѣчить Государственный Совѣтъ. Одно изъ двухъ: волостной судъ или представляетъ, или не представляетъ достаточныя гарантіи правосудія. Въ первомъ случаѣ нѣтъ осно-

ванія исключатъ изъ его вѣдѣнія часть населенія, хотя бы и небольшую; въ послѣднемъ случаѣ онъ вовсе не имѣетъ права на существованіе. Невозможно пріискать разумное объясненіе тому, что съ однимъ и тѣмъ же по свойству и по цѣнности искомъ—напр., о заработной платѣ въ нѣсколько рублей—крестьянинъ долженъ будетъ обращаться въ волостной судъ, если слѣдующія ему деньги удерживаетъ другой крестьянинъ, и къ мировому судьѣ, если ихъ удерживаетъ купецъ или дворянинъ. Изъ того, что большинство населенія волости составляютъ крестьяне, болѣе чѣмъ странно заключать, что и судъ долженъ быть крестьянскимъ; вѣдь если проводить послѣдовательно эту точку зрѣнія, то сословно-крестьянскимъ слѣдовало бы признать и мировой судъ въ сельскихъ мѣстностяхъ, гдѣ ему придется разбирать, главнымъ образомъ, крестьянскія дѣла... Кругомъ дѣйствій волостного суда обусловливается, въ значительной степени, и его устройство. Если бы онъ былъ оставленъ для мелкихъ гражданскихъ дѣлъ, но распространенъ на *все* безъ изъятій сельское населеніе, то къ избранію волостнаго судьи или волостныхъ судей пришлось бы привлечь *всѣхъ* мѣстныхъ жителей и землевладѣльцевъ, безъ различія сословій, и открыть доступъ въ составъ суда каждому изъ избирателей, обладающему извѣстнымъ (конечно—невысокимъ) образовательнымъ цензомъ. Неизбѣжнымъ результатомъ такого порядка (въ связи съ другими улучшеніями, изъ которыхъ иныя допускаются и большинствомъ совѣтской комиссіи) было бы повышеніе умственнаго и нравственнаго уровня волостныхъ судей.

Министръ юстиціи, еще недавно стоявшій за полное упраздненіе волостного суда, старается уменьшить значеніе своего отступленія, называя волостной судъ «учрежденіемъ временнаго порядка». Достаточно, однако, вспомнить долговѣчность, обычно свойственную русскимъ *временнымъ* законамъ и учрежденіямъ, чтобы понять всю тщету такого утѣшенія. Необходимость юридическаго уравненія сословій давно уже получила у насъ оффиціальное признаніе; пора, наконецъ, перейти отъ словъ къ дѣлу... Въ концѣ своей рѣчи И. Г. Щегловитовъ привелъ слова Посошкова: «правосудное установленіе самое есть дѣло высокое, и надлежитъ его такъ разсмотрительно состроить, чтобы оно ни отъ какого чина незыблемо не было». Наша современная дѣйствительность на каждомъ шагу идетъ въ разрѣзъ съ этимъ прекраснымъ правиломъ: почва правосудія, отъ верхнихъ ея слоевъ до нижнихъ, фактически *незыблемой*, къ несчастію, названа быть не можетъ. И меньше всего совмѣстно съ ея укрѣпленіемъ оставленіе въ силѣ, хотя бы на время, сословнаго крестьянскаго суда.

P. S. Въ засѣданіи 20-го февраля въ Государственномъ Совѣтѣ закончились общія пренія по законопроекту о мѣстномъ судѣ. Значительное большинство высказалось противъ отклоненія всего законопроекта; вслѣдъ затѣмъ большинствомъ 92 голосовъ противъ 43 принята статья, отмѣняющая судебную власть земскихъ начальниковъ. Волостной судъ рѣшено сохранить: въ какой формѣ и съ какими отступленіями отъ настоящаго его устройства и настоящей юрисдикціи—это выяснится при постатейномъ обсужденіи проекта.

Засѣданія 17-го, 18-го и 20-го февраля прибавили нѣсколько новыхъ штриховъ къ характеристикѣ положенія, занимаемаго предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта. Что онъ открылъ обсужденіе законопроекта о мѣстномъ судѣ приглашеніемъ ораторовъ быть «по возможности краткими въ своихъ рѣчахъ»,—это можетъ быть признано до извѣстной степени нормальнымъ, хотя въ такомъ приглашеніи едва ли встрѣтилась бы надобность, если бы раньше были приняты мѣры къ ускоренію комиссіонной работы. Но съ властью и правами предсѣдателя едва ли совмѣстны слова, произнесенныя М. Г. Акимовымъ въ засѣданіи 20-го февраля: «печально видѣть, что Государственный Совѣтъ, обремененный многими неразсмотрѣнными дѣлами, теряетъ свое время совершенно непроизводительно *и нисколько не дорожитъ своимъ авторитетомъ*». Авторитетъ законодательнаго учрежденія можетъ быть потрясенъ содержаніемъ произносимыхъ въ немъ рѣчей и, въ особенности, постановляемыхъ имъ рѣшеній, но отнюдь не повтореніями, почти неизбѣжными во всякихъ сложныхъ и продолжительныхъ дебатахъ. Останавливать оратора, повторяющаго сказанное раньше, нельзя безъ опасности впасть въ несправедливость: вѣдь повтореніе никогда не бываетъ буквальнымъ, одинъ и тотъ же доводъ можетъ быть развитъ и мотивированъ весьма различно, и новая его формулировка можетъ произвести впечатлѣніе, котораго не произвела прежняя. Не трудно было бы доказать, что въ повторенія впадали не только тѣ ораторы, которыхъ останавливалъ предсѣдатель, но и другіе, безпрепятственно доводившіе свою рѣчь до конца. Укажемъ, для примѣра, на рѣчь г. Дурново, во многомъ весьма и весьма похожую на рѣчь г. Стишинскаго.

Еще менѣе согласнымъ съ нормами предсѣдательскихъ полномочій кажется намъ отношеніе М. Г. Акимова къ рѣчи М. А. Стаховича. Въ засѣданіи 17-го февраля г. Стишинскій рѣзко возставалъ противъ рѣшительности, съ которою предпринимается ломка стараго зданія, вмѣсто частичнаго его исправленія или капитальнаго ремонта. Прямымъ и совершенно естественнымъ возраженіемъ противъ этого взгляда были слова М. А. Стаховича объ опасности отсрочекъ въ дѣлѣ коренныхъ реформъ—слова, послужившія

для предсѣдателя поводомъ не только остановить оратора, но и прочесть ему нѣкоторое внушеніе. «Вы тутъ обсуждаете,» — сказалъ М. Г. Акимовъ—«не самый законопроектъ, а общій вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли вообще допускать въ Россіи реформы и какъ. Эта тема совершенно не относится къ тому, что мы здѣсь обсуждаемъ. Еслибы я васъ не остановилъ, то мнѣ пришлось бы открывать пренія по вопросу о томъ, что слѣдуетъ дѣлать, чтобы спасти Россію, а такъ какъ эта тема слишкомъ обширна, то я не могу составить для васъ исключенія». Здѣсь совершенно упущено изъ вида, что за всякимъ частнымъ вопросомъ можетъ стоять общій, и безъ обращенія къ послѣднему нельзя, иной разъ, съ достаточною яркостью освѣтить первый. Остановить М. А. Стаховича можно было бы только въ такомъ случаѣ, еслибы онъ свою мысль о необходимости радикальныхъ преобразованій сталъ доказывать на такомъ примѣрѣ, который не имѣлъ бы ничего общаго съ вопросомъ о мѣстномъ судѣ; но въ данномъ случаѣ не было ничего подобнаго. Намъ совершено непонятно, почему, въ засѣданіи 17-го числа, г. Стишинскій могъ ссылаться на общее положеніе, высказанное однимъ изъ нашихъ недавнихъ англійскихъ гостей, а М. А. Стаховичу, въ засѣданіи 18-го числа, не было позволено сдѣлать выводъ изъ столь же общаго, но несравненно болѣе глубокаго положенія, высказаннаго Бисмаркомъ... А что сказать о восклицаніи предсѣдателя: «тѣмъ лучше», которымъ онъ отвѣтилъ на заявленіе М. А. Стаховича: «я уже кончилъ»? Неужели въ функціи предсѣдателя входитъ выраженіе радости по поводу окончанія рѣчи неугоднаго ему оратора?..

Въ Государственной Думѣ до сихъ поръ не закончены еще пренія по холмскому законопроекту и по запросу о дѣйствіяхъ министерства народнаго просвѣщенія въ области высшей школы. И тѣхъ, и другихъ мы постараемся коснуться въ слѣдующей книжкѣ нашего журнала.

ВОПРОСЫ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ.

Смерть графа Д. А. Милютина.—Почему его всѣ и вездѣ чтили?—Основная идея милютинскихъ военныхъ реформъ.—Первая годовщина смерти М. М. Стасюлевича.—М.М. Стасюлевичъ и петербургская городская дума.—Что опровергло и чего не опровергло главное тюремное управленіе?—Отклики съ процесса «дашнакцутюнъ».—В. С. Соколовъ и В. А. Обручевъ. †

За тридцать лѣтъ до смерти графъ Д. А. Милютинъ отошелъ отъ всякаго участія въ русской государственной жизни. Пока онъ безвыѣздно жилъ въ тиши своего крымскаго уединенія, родились и вошли въ зрѣлый возрастъ не одно поколѣніе. Страна пережила реакцію восьмидесятыхъ годовъ, блужданіе и таявшія со дня на день надежды—девятидесятыхъ, войну, революціонный взрывъ, и снова вступила въ полосу реакціи — на этотъ разъ послѣконституціонной. Въ теченіе этихъ трехъ десятковъ лѣтъ смѣнили другъ друга пять военныхъ министровъ, и не было года, чтобы созданныя имъ учрежденія не ломали и армію не переформировали. Почему же графъ Милютинъ не оказался забытымъ? Почему и при жизни, и въ ближайшіе дни послѣ смерти, его чтили всѣ и вездѣ: старики и молодежь, въ арміи и внѣ ея? Почему его похороны не были похоронами скончавшагося въ глубоко преклонномъ возрастѣ фельдмаршала? Почему они были общественнымъ событіемъ, на которое спѣшили депутаціи не только отъ полковъ и отъ военныхъ учрежденій, но вмѣстѣ съ ними отъ городскихъ думъ, отъ учрежденій законодательныхъ, отъ университетовъ?

Такова сила той основной идеи, которой служилъ Милютинъ и которую онъ мощно вдвинулъ въ призванную имъ къ новой жизни область государственнаго бытія—въ войско. Ея сила покоряетъ людей не только помимо, но и вопреки ихъ волѣ. Отъ милютинскихъ реформъ въ арміи, казалось бы, остались одни обрывки. И однако, несмотря на четырнадцать лѣтъ управленія военнымъ министерствомъ Ванновскаго и девять лѣтъ—Куропаткина, русскую армію и сейчасъ называютъ милютинской, въ противоположность николаевской арміи крѣпостной эпохи. Въ слова «милютинская армія» часто вкладываютъ иронію. Ею оттѣняютъ будто бы слабое развитіе въ арміи боевого духа. Милютинская армія, говорятъ, лишь съ исключительнымъ напряженіемъ выиграла турецкую войну и такъ ужасно проиграла японскую. Справедливость обязываетъ ставить вопросъ иначе. Не потому ли

потребовалось исключительное напряженіе вооруженныхъ силъ въ 1877—1878 гг., что милютинскія реформы, не скользившія по поверхности, а захватывавшія самыя глубины военнаго строя, не могли оказать всего ихъ дѣйствія въ 10 — 15 лѣтъ? И не потому ли,—что Милютину въ дѣлѣ реформированія арміи ставились преграды и препятствія, не дававшія возможности въ полной мѣрѣ осуществлять ихъ руководящую идею? Не потому ли и не постольку ли проиграна японская война, поскольку двадцать лѣтъ шла систематическая ломка милютинскихъ завѣтовъ? Во время послѣдней войны было ходячимъ афоризмомъ утвержденіе: «военной доблести и военнаго мужества—въ арміи хоть отбавляй; въ лицѣ командnаго состава, ей не хватаетъ мужества гражданскаго». Что прививало русской арміи гражданское мужество—смѣлость имѣть свое сужденіе и самостоятельность, не на словахъ, а на дѣлѣ, не въ отношеніи низшихъ, а въ отношеніи высшихъ,—и что его вытравляло?

Еще въ молодости, въ 1839 г., въ статьѣ: «Суворовъ, какъ полководецъ», Милютинъ писалъ: «Въ военномъ искусствѣ есть двѣ стороны: матеріальная и моральная. Войско не есть только физическая сила, масса, составляющая орудіе военныхъ дѣйствій, но вмѣстѣ съ тѣмъ соединеніе людей, одаренныхъ умомъ и сердцемъ. Нравственныя силы играютъ важную роль во всѣхъ соображеніяхъ и разсчетахъ полководца, и слѣдственно для послѣдняго недостаточно только умѣть владѣть арміею, какъ машиною,—онъ долженъ умѣть владѣть человѣкомъ, привязать къ себѣ войско и своею нравственною властью надъ нимъ укрѣплять власть условную». Много лѣтъ спустя, однородныя мысли высказывалъ Драгомировъ. Но въ Драгомировѣ жили два человѣка: человѣкъ идеи—мыслящій и вдумчивый теоретикъ, профессоръ — и рядомъ съ нимъ командующій войсками — порою дипломатъ, порою самодуръ. Милютинъ же всю жизнь и въ каждомъ своемъ распоряженіи, въ каждомъ шагѣ, былъ вѣренъ убѣжденію, что солдатъ—человѣкъ, и армія—соединеніе живыхъ людей.

На грани крѣпостной и гражданско-правовой эпохъ русской исторіи, Милютинъ положилъ это убѣжденіе во главу угла военныхъ реформъ. Разъ солдатъ не машина, а человѣкъ, то армія должна жить правовой жизнью. Съ внѣдренія въ армію чувства законности, съ устраненія изъ нея произвола и съ правового упорядоченія отношеній между двумя главными категоріями воинскихъ чиновъ—между начальниками и подчиненными,—онъ началъ ту невѣроятно трудную работу, которой неустанно отдавался въ теченіе всѣхъ двадцати лѣтъ управленія военнымъ министерствомъ. Работа, прежде всего, выразилась въ изданіи «положенія о воинской

дисциплинѣ», вскорѣ затѣмъ переименованнаго въ «уставъ дисциплинарный». Несчетное число разъ дѣлались, послѣ ухода Милютина, попытки переломать основныя опредѣленія устава. Но, все-таки, они до настоящаго времени таковы, что если бы они соблюдались, въ русской арміи господствовалъ бы правовой порядокъ. Почти одновременно были отмѣнены шпицрутены или прогнаніе сквозь строй—та знаменитая «зеленая улица», которая была скрытой формой если не всегда смертной казни, то всегда тяжелаго изувѣченія солдатъ.

Немного позже Милютинъ далъ арміи военно-судебныя учрежденія и кодексъ матеріальныхъ военно-уголовныхъ законовъ. Военно-судебная реформа не была даже реформою въ собственномъ смыслѣ слова, т. е. преобразованіемъ того, что существовало и ранѣе. Ибо ранѣе въ войскахъ существовали не суды, а лишь формы карательной расправы, весьма слабо очерченныя въ законѣ — поскольку онѣ должны были обезпечивать интересы подсудимыхъ. Милютинъ сдѣлалъ безпримѣрный до него шагъ принятіемъ принципа единства организаціи суда военнаго и общаго. Все, что сейчасъ есть отрицательнаго въ организаціи и дѣятельности военныхъ судовъ—все это является частью слѣдствіемъ преградъ, которыя встрѣчалъ Милютинъ въ послѣдовательномъ проведеніи принципа, а главнымъ образомъ—результатомъ позднѣйшихъ наслоеній. Въ милютинскомъ военно-судебномъ уставѣ расширенія сферы компетенціи военнаго суда на дѣла политическія не было. Строго говоря, подобнаго расширенія, какъ обычнаго факта, нѣтъ и въ дѣйствующемъ законѣ. Но въ настоящее время такъ гласитъ только бумага, по предположеніямъ же Милютина такою должна была быть живая дѣйствительность. Тотъ же самый принципъ Милютинъ положилъ въ основу воинскаго устава о наказаніяхъ. Карательную систему, сразу послѣ шпицрутеновъ, онъ построилъ на ясно выраженномъ началѣ гуманности. Милютинъ не былъ юристомъ. И можетъ показаться, что мы напрасно приписываемъ ему непосредственно то, что лишь по его общимъ указаніямъ было сдѣлано другими. Ближайшее изученіе вопроса свидѣтельствуетъ, что Милютинъ внесъ въ дѣло неизмѣримо болѣе, чѣмъ общія указанія.

Если солдатъ — человѣкъ и если для полководца недостаточно умѣть владѣть войскомъ, какъ машиною, то очевидно, что первое условіе для надлежащаго командnаго состава арміи—не въ знаніи техники военнаго дѣла и даже не въ спеціальномъ образованіи, а въ образованіи общемъ, въ общемъ умственномъ развитіи. Этой мыслью была проникнута другая, не менѣе важная милютинская реформа—реформа военно-учебная. И вмѣстѣ съ тѣмъ въ ея основу

Милютинъ опять положилъ принципъ единства государства и войска. Кадетскіе корпуса онъ преобразовалъ въ военныя гимназіи, спеціальные классы корпусовъ—выдѣлилъ въ военныя училища. Военныя гимназіи милютинскаго времени и по программамъ, и по всей постановкѣ учебно-воспитательнаго дѣла были полузакрытыми средними учебными заведеніями общаго типа. Конечно, ихъ и въ порядкѣ завѣдыванія можно было бы слить съ учебными заведеніями вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, что логически вытекало изъ существа реформы. Но тогда общая средняя школа была во власти гр. Д. А. Толстого, и едва ли будетъ ошибкою сказать, что именно это обстоятельство остановило Милютина на полпути, если не въ отношеніи самой реформы, то въ отношеніи ея формальнаго завершенія.

Изъ всѣхъ милютинскихъ реформъ, военно-учебной коснулась самая энергичная ломка, продолжающаяся и теперь. Сначала гимназіи были только переименованы въ корпуса, какъ тогда объявлялось—исключительно для возстановленія историческаго наименованія. Программы были оставлены безъ измѣненія, постановка учебнаго дѣла—тоже. Но сейчасъ же, еще въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, стало обнаруживаться, что вмѣстѣ съ историческимъ наименованіемъ вернулась старая обособленность военной средней школы. Уровень общаго образованія оканчивающихъ корпуса воспитанниковъ не замедлилъ упасть, такъ какъ и при неизмѣненныхъ программахъ центръ вниманія перемѣстился. Показателемъ успѣховъ постепенно дѣлались лагери, гимнастика, парады, внѣшняя выправка, лихой видъ. Послѣднее слово тридцати лѣтъ ломки—охота на зайцевъ, недавно устроенная вблизи Петербурга, среди учебнаго времени, для воспитанниковъ одного изъ корпусовъ. «Охота прошла съ полнымъ успѣхомъ», «воспитанники показали»...—такъ съ восторгомъ писалось въ правыхъ газетахъ... Наблюдая современную офицерскую молодежь, самый ярый противникъ Милютина, какъ бы высоко онъ ни ставилъ гремящія сабли и «боевую готовность» для расправы съ обывателями, не можетъ въ глубинѣ души не задумываться и не вспоминать того, благодаря кому, несмотря на всѣ принимаемыя мѣры, общій тонъ русскаго офицерства, все-таки, не опредѣляется такою «боевою готовностью».

Въ моментъ смерти Милютина происходила законодательная ломка послѣдней по времени крупной его реформы—устава о воинской повинности. Со смѣлостью, такъ твердо усвоенной «обновленнымъ» строемъ, готовымъ каждому принципу и каждой идеѣ кричать: «не запугаете!»—и особенно твердо воспринятой однимъ изъ элементовъ этого строя, объединеннымъ правительствомъ,—пятый

преемникъ Милютина, ген. Сухомлиновъ, объявилъ уставъ болѣе нетерпимымъ, потому что «характерной чертой его является забота о возможно полномъ охраненіи интересовъ населенія». Вслѣдъ за военнымъ министромъ пошелъ главный въ «обновленномъ» строѣ охранитель интересовъ арміи отъ интересовъ населенія, А. И. Гучковъ, а за нимъ—такіе же, какъ онъ, «представители», «свободно» избранные «народомъ» члены Думы третьяго созыва, въ лицѣ правооктябристскаго большинства. Да, Милютинъ, вырабатывая уставъ о воинской повинности, считался съ интересами населенія и заботился о возможно полномъ ихъ охраненіи. И въ его время министръ народнаго просвѣщенія полагалъ, что страна не нуждается въ особомъ поощреніи высшаго и средняго образованія, а потому возражалъ противъ системы льготъ. Теперь, во имя интересовъ арміи, оторванныхъ отъ интересовъ населенія, на признаніи этой мысли всѣ министры объединились съ «народными представителями», и отнынѣ льготъ не будетъ,—ни по полученному образованію, ни для учителей. Учителя лишены льготы въ предположеніи, что, пройдя предварительно дѣйствительную военную службу, они потомъ на школьной каѳедрѣ будутъ не столько учителями, сколько запасными унтеръ-офицерами. Такъ поняли творцы новаго устава о воинской повинности и въ такой формѣ сдѣлали попытку пересадить на русскую почву того нѣмецкаго учителя, которому «по всей справедливости приписаны общимъ мнѣніемъ побѣды германцевъ въ семидесятомъ году и недавніе успѣхи японской арміи».

Да, Милютинъ понималъ роль нѣмецкаго учителя иначе. И если начать сопоставлять его военныя реформы съ реформами генераловъ Ванновскаго, Куропаткина, Сухомлинова, и руководимой А. И. Гучковымъ комиссіи обороны третьей Думы, то эти «да» пришлось бы продолжить до безконечности. Но потому онъ и оставилъ глубокій, навсегда памятный слѣдъ въ русской исторіи. Потому и звучитъ, какъ нелѣпость, сомнѣніе писателя изъ «Новаго Времени», кто выше: Милютинъ или имѣющій специфическую извѣстность ген. Богдановичъ. Обаяніе людямъ создаютъ идеи. Но, конечно, не тѣ идеи, которыя влекутъ назадъ, а тѣ, которыя раскрываютъ новые горизонты и зовутъ впередъ. Черезъ десять ли лѣтъ, или черезъ сто будетъ воздвигнутъ памятникъ Милютину,—все равно, предъ его памятникомъ преклонятся и русская армія, и русское населеніе, защита интересовъ котораго прежде признавалась нужной, а теперь оказывается необязательной и по существу излишней...

Въ первую годовщину смерти Михаила Матвѣевича Стасюлевича на домѣ, гдѣ онъ жилъ около пятидесяти лѣтъ и гдѣ умеръ, по постановленію городской думы, прибита памятная доска. Кромѣ того, дума постановила построить училищный домъ имени Стасюлевича на тридцать классовъ, учредила рядъ степендій и рѣшила залъ думскихъ засѣданій украсить его портретомъ, на креслѣ, которое онъ занималъ, оставить навсегда дощечку съ его именемъ и передъ училищнымъ домомъ, который будетъ выстроенъ, поставить бюстъ покойнаго. Словомъ, петербургская городская дума сдѣлала все, чтобы достойно почтить память почетнаго гражданина города и чтобы имя его не было забыто, ни будущими гласными, ни населеніемъ столицы. И все это единогласно сдѣлала та дума, гдѣ идетъ непримиримая борьба двухъ партій, и въ память человѣка, принадлежавшаго къ партіи, имѣющей меньшинство. Мало того: предложеніе о формахъ чествованія памяти Стасюлевича внесено въ думу училищной комиссіей, для характеристики личнаго состава который достаточно сказать, что она имѣетъ въ своей средѣ гордаго званіемъ «черносотенца» Бориса Никольскаго.

Гдѣ лежитъ разгадка невольно возникающихъ изъ этихъ сопоставленій вопросовъ? На однородные вопросы не можетъ не быть однороднаго отвѣта. Въ другой области дѣятельности и въ другомъ масштабѣ заслугъ, но Стасюлевичъ, какъ и Милютинъ, отдалъ свою жизнь на служеніе той идеѣ, которая одна, въ конечномъ результатѣ, все и всѣхъ побѣждаетъ. Стасюлевичъ много лѣтъ стоялъ во главѣ городского училищнаго дѣла въ Петербургѣ. О его завѣдываніи этимъ дѣломъ говорятъ сотни школъ и десятки тысячъ учащихся. Но количественный ли только результатъ его работы отмѣтила городская дума? Конечно, нѣтъ; иначе было бы явное несоотвѣтствіе въ оцѣнкѣ. Городская дума формами и способами чествованія памяти Стасюлевича, быть можетъ не вполнѣ сознательно, но совершенно ясно показала, что она желала и желаетъ закрѣпить его имя въ потомствѣ не по количеству труда, отданнаго на служеніе городу, и не по количественному результату работы, а по качеству того и другого. Качественный же результатъ его дѣятельности на благо города былъ прямымъ слѣдствіемъ вѣрности той самой единой идеи, которая одухотворяла его лекціи въ университетѣ, какъ профессора, и его журнальную дѣятельность. Сказать заправиламъ петербургской городской думы, что они закрѣпили на-вѣки память о Стасюлевичѣ-профессорѣ, демонстративно оставившемъ каѳедру, и о Стасюлевичѣ-журналистѣ, издававшемъ «Вѣстникъ Европы»,—они, пожалуй, придутъ въ ужасъ. А, между тѣмъ, это такъ. Ибо человѣкъ идеи нераздѣлимъ и дѣятельность его нераздѣлима.

Возрастъ, въ которомъ умеръ М. М. Стасюлевичъ, наводитъ на дальнѣйшую аналогію. Онъ умеръ гласнымъ думы,—на посту, который безсмѣнно занималъ тридцать лѣтъ. Но ко времени смерти онъ уже не былъ активнымъ работникомъ. Какъ и дѣятельность Милютина, въ дни его смерти и похоронъ, дѣятельность Стасюлевича, когда онъ умеръ, разсматривалась уже въ извѣстной перспективѣ. Звѣзды въ перспективѣ свѣтятъ ярче. Такъ и идеи. Въ перспективѣ идейный человѣкъ сливается съ проникавшей всю его жизнь идеей. И благо людямъ, которые служили вѣрно понятому принципу. Ихъ имена и ихъ заслуги не могутъ не получить признанія...

Въ январьской книгѣ, на основаніи газетныхъ данныхъ и, главнымъ образомъ, статьи В. Г. Короленко, мы писали объ истязаніяхъ въ псковской каторжной тюрьмѣ, при чемъ, кромѣ воспроизведенія фактовъ, привели нѣсколько общихъ сужденій о «гуманности» русскаго тюремнаго режима, о тѣлесныхъ наказаніяхъ и о личномъ составѣ тюремной администраціи. Наши строки вызвали опроверженіе со стороны главнаго тюремнаго управленія («Вѣстникъ Европы», февраль, стр. 442—448). Несмотря на категоричность тона и утвержденій опроверженія, многаго оно, однако, не опровергаетъ.

Были ли за послѣдніе два съ половиною года подвергнуты тѣлесному наказанію въ псковской каторжной тюрьмѣ 130 человѣкъ, получившіе въ общей сложности 5625 ударовъ? Главное тюремное управленіе несомнѣнно располагаетъ совершенно точными свѣдѣніями, на основаніи которыхъ оно могло бы дать исчерпывающій цифровой отвѣтъ о числѣ высѣченныхъ въ указанный періодъ арестантовъ и о суммѣ полученныхъ ими ударовъ. Такого отвѣта опроверженіе въ себѣ не содержитъ. Вмѣсто того, оно и начинается, и оканчивается указаніемъ, что примѣненіе тѣлесныхъ наказаній во Псковѣ не было, со стороны начальника тюрьмы, актомъ «политической и личной мести», а являлось «законнымъ» средствомъ возмездія за совершенные арестантами проступки. Только въ отношеніи одного отмѣченнаго печатью случая массоваго наказанія розгами въ опроверженіи сказано, что тогда были высѣчены 17 человѣкъ, «а не 49, какъ сообщалось въ газетахъ». Но и этотъ случай, повидимому, относится ко времени послѣ составленія заключенными той преступной «анкеты», которая дала приведенныя выше цифры.

Намъ хорошо извѣстенъ законъ, сохранившій розги, какъ дисциплинарную мѣру, для отбывающихъ каторгу. Мы, конечно, могли бы привести немало доводовъ въ пользу отмѣны этого закона. Но, касаясь событій, разыгравшихся въ концѣ прошлаго года въ псковской каторжной тюрьмѣ, мы говорили не о законѣ, а о его примѣненіи.

И, при этомъ, мы имѣли въ виду слѣдующій циркуляръ главнаго тюремнаго управленія, который не особенно давно былъ перепечатанъ въ «Рѣчи» изъ одной провинціальной газеты. «Тѣлесное наказаніе—читали мы въ выдержкѣ изъ циркуляра—примѣняется въ случаяхъ особенно выдающихся проступковъ противъ тюремной дисциплины арестантовъ, не освобожденныхъ отъ этого наказанія по закону, при томъ по соображенію не только тяжести вины арестанта, но и его личныхъ особенностей, уровня его образованія, умственнаго развитія, степени его нравственной чувствительности, принадлежности его до осужденія къ тому или другому классу населенія, предшествующаго поведенія во время заключенія».

Послѣ подобнаго циркуляра, убѣдительна ли, въ смыслѣ опроверженія, ссылка на законъ и на то, что начальникъ псковской тюрьмы, примѣняя тѣлесное наказаніе, не выходилъ изъ предѣловъ предоставленной ему власти? Полагаемъ, что опроверженіе, гдѣ не опровергнуто, что въ тюрьмѣ, съ обычнымъ содержаніемъ около 200 политическихъ осужденныхъ, въ теченіе двухъ съ половиною лѣтъ, 130 арестантовъ, получившіе 5625 ударовъ, были подвергнуты той мѣрѣ дисциплинарнаго наказанія, въ отношеніи примѣненія которой циркулярно преподанъ рядъ ограничительныхъ условій, и гдѣ все время идетъ рѣчь о наказаніи розгами арестантовъ изъ категоріи политическихъ,—полагаемъ, что такое опроверженіе, если въ чемъ и убѣждаетъ, то въ противномъ.

Какъ фактъ, оправдывающій дѣйствія псковской тюремной администраціи, т. е. широкое пользованіе правомъ примѣненія тѣлесныхъ наказаній, главное тюремное управленіе выставляетъ то, что «за истекшіе три года, вплоть до событій послѣдняго времени, въ этой тюрьмѣ не было допущено какихъ-либо крупныхъ безпорядковъ». Чрезвычайно рискованно, вообще, строить положительныя утвержденія на отрицательныхъ фактахъ: не на томъ, что было, а на томъ, чего не было. На этой почвѣ нельзя возражать, но нельзя и убѣждать. Также точно главное тюремное управленіе подчеркиваетъ, что въ теченіе послѣднихъ трехъ лѣтъ отъ заключенныхъ въ псковской каторжной тюрьмѣ не поступало жалобъ, хотя тюрьму постоянно посѣщали соотвѣтственныя власти. Но въ какомъ порядкѣ производился властями опросъ заключенныхъ и не присутствовалъ ли при опросахъ, тоже «постоянно», начальникъ тюрьмы—объ этомъ опроверженіе умалчиваетъ. «Слова о необходимости простить», которыя газетныя сообщенія приписывали г. Хрулеву, объявлены въ опроверженіи «не соотвѣтствующими истинѣ». Заявленіе же 23 ноября 1911 г. г-ну Хрулеву жалобъ, и именно на примѣненіе тѣлеснаго наказанія къ 16 и къ 8 арестантамъ—признано. И едва ли значеніе

этого признанія умаляется указаніемъ на то, что «оба эти случая относятся къ 1909 и 1910 годамъ» и что ранѣе они никакихъ жалобъ со стороны арестантовъ не вызывали. «Это одно служитъ уже доказательствомъ,—пишетъ главное тюремное управленіе,—что въ настоящее время случаи эти использованы арестантами искусственно, для созданія общей картины мнимыхъ злоупотребленій». Логичность вывода намъ представляется весьма сомнительной.

За какіе проступки сѣкли арестантовъ во Псковѣ въ 1909—1911 гг.? Главное тюремное управленіе категорически отвергаетъ фактъ наложенія наказанія на арестанта Иванова за непринятіе на Пасхѣ краснаго яйца отъ начальника тюрьмы, а по поводу другихъ приводившихся въ газетахъ фактовъ о примѣненіи тѣлеснаго наказанія «за неправильное произношеніе слова капуста», «за то, что не кричалъ во время порки» и т. п., объявляетъ, что «по полной своей безсмысленности» эти факты «не нуждаются въ опроверженіяхъ».

Съ нѣсколько большей подробностью, чѣмъ другія газетныя сообщенія, мы воспроизводили эпизодъ, имѣвшій мѣсто въ февралѣ 1909-го года при прибытіи во Псковъ новой партіи «политиковъ» и завершившійся наказаніемъ розгами 16 человѣкъ за нежеланіе отвѣчать по-солдатски: «здравія желаю, ваше высокоблагородіе». Мы считали и продолжаемъ считать особенно типичнымъ и характернымъ и этотъ «проступокъ», и отнесеніе его къ тѣмъ, за которыя допустимо, въ согласіи съ циркуляромъ главнаго тюремнаго управленія, наказаніе розгами. Въ опроверженіи данный эпизодъ приведенъ въ слѣдующемъ изложеніи: «Прибывшая изъ с.-петербургской пересыльной тюрьмы партія каторжныхъ весьма дурного поведенія, относительно которой имѣлись свѣдѣнія, что она сдѣлаетъ попытку къ безпорядкамъ, оказала упорное и дерзкое ослушаніе и не подчинялась установленному порядку. Начальникъ тюрьмы, опасаясь возникновенія безпорядковъ, подобныхъ происшедшимъ незадолго до того, въ январѣ, когда для усмиренія буйствовавшихъ арестантовъ пришлось вызывать военную команду, вынужденъ былъ подвергнуть тѣлесному наказанію 16 арестантовъ».

Въ чемъ же состояло «упорное и дерзкое ослушаніе», оказанное партіей каторжныхъ? Покрывается ли этой квалификаціей отказъ отвѣчать по-солдатски—сначала со стороны цѣлой группы политическихъ арестантовъ, а затѣмъ со стороны нѣкоторыхъ изъ нихъ въ отдѣльности? Отвѣта на первый вопросъ въ опроверженіи нѣтъ. Второй — въ отвѣтѣ не нуждается. Если же такъ и если «упорное и дерзкое ослушаніе» и неподчиненіе «установленному порядку» состояли въ отказѣ отвѣчать «здравія желаю» и т. д.,

то, слѣдовательно, въ его конкретномъ выраженіи фактъ не опровергнутъ, а напротивъ, общностью данной ему формулировки скорѣе подтвержденъ. Независимо отъ соображеній, которыми начальникъ тюрьмы «былъ вынужденъ», и т. д., арестантская «анкета» и вслѣдъ за нею печать могутъ утверждать, что въ псковской тюрьмѣ 15 человѣкъ получили по 25 ударовъ розгами и одинъ 100 ударовъ за болѣе чѣмъ своеобразный тюремный «проступокъ». У того, кого сѣкли, остается въ памяти конкретный фактъ, вызвавшій наказаніе. А въ журналѣ взысканій проступки обыкновенно заносятся въ ихъ юридической квалификаціи. И если арестанту во время порки говорили разъ и два: «чего не кричишь?»—а потомъ снова высѣкли, то въ его представленіе никакъ не вбить, что онъ подвергся вторично розгамъ за «упорное ослушаніе». Онъ все будетъ твердить: «меня сѣкли за то, что я не кричалъ во время порки». То же самое простое соображеніе, быть можетъ, раскрываетъ тайну, почему въ анкетѣ отмѣченъ случай наказанія розгами за неправильное произношеніе слова «капуста».

Не является опроверженіемъ нашихъ сужденій все то, что сообщаетъ главное тюремное управленіе о личности полковника Черленіовскаго (мы по ошибкѣ писали: «Черленковскій»), ибо мы касались его постольку, поскольку его дѣйствія по управленію тюрьмой представляются вообще типичными для состава тюремной администраціи. Передъ нами стоялъ общій и старый вопросъ о несоотвѣтствіи начальниковъ русскихъ тюремъ тѣмъ безконечно сложнымъ и труднымъ задачамъ, которыя на нихъ лежатъ. И чтобы это подчеркнуть, мы приводили яркій эпизодъ изъ дѣятельности начальника саратовской тюрьмы. Пользуясь случайно сохранившимися у насъ газетными вырѣзками, можемъ напомнить еще рядъ сообщеній печати, если не ошибаемся, не опровергнутыхъ: «При ревизіи тюрьмы (въ Луганскѣ) помощникъ начальника тюремнаго управленія обнаружилъ, помимо общаго безпорядка, пользованіе начальникомъ тюрьмы заключенными, какъ домашней прислугой. На деньги, отпускаемыя на тюремный надзоръ, начальникъ тюрьмы нанялъ кучера. Отступленія отъ продовольственныхъ нормъ носятъ характеръ злоупотребленій»... «Чиновникъ казенной палаты Виноградовъ, уволенный за буйное поведеніе и избіеніе гимназистки, получаетъ назначеніе по тюремному вѣдомству», (телеграмма изъ Риги)... «Въ туринской тюрьмѣ избиты политическіе Янковская и Александровъ. Въ избіеніи послѣдняго участвовалъ смотритель тюрьмы» (телеграмма изъ Томска)... «Въ Красноярскѣ уволены со службы и преданы суду смотритель минусинской тюрьмы Киселевъ и старшій надзиратель Сидоровъ. Въ минувшую зиму эти должностныя лица посадили въ нетопленный кар-

церъ политически осужденнаго Сухачева и «забыли» о немъ. Когда о Сухачевѣ «вспомнили», то оказалось, что въ карцерѣ у него отмерзли ступни обѣихъ ногъ. Послѣ ампутаціи отмороженныхъ ступней Сухачевъ умеръ» («Русское Слово»)... «12-го іюня начальникъ слободской тюрьмы В. Копысовъ, возвратившійся съ дачи около 10 ч. вечера очень пьянымъ, пошелъ по камерамъ для повѣрки. При входѣ въ первую же камеру онъ началъ бить арестантовъ, а чтобы не было никакого сопротивленія съ ихъ стороны, онъ, Копысовъ, призвалъ 5 человѣкъ надзирателей съ заряженными винтовками и поставилъ ихъ въ камеру. Сдѣлавъ это, Копысовъ началъ опять бить арестантовъ рукояткой револьвера по лицу. Избіеніе продолжалось съ часъ, а затѣмъ избитыхъ арестантовъ свели въ холодный подвалъ въ одномъ нижнемъ бѣльѣ и босикомъ». («Вятская Рѣчь»).

Трудная и неблагодарная задача—защищать тезисъ «Россіи»: «правила тюремнаго режима, примѣняемаго въ русскихъ тюрьмахъ, не только не имѣютъ характера излишней жестокости, но и отличаются гуманностью, неизвѣстной практикѣ большинства иностранныхъ тюремныхъ учрежденій». Какъ связать этотъ тезисъ, напримѣръ, съ приказомъ харьковскаго полиціймейстера, отданнымъ не далѣе какъ въ іюнѣ прошлаго года («Рѣчь» 1911 г., № 135). «До меня—писалъ начальникъ харьковской полиціи—вновь стали доходить свѣдѣнія, что въ городской полиціи еще не исчезъ старинный полицейскій обычай избіенія арестованныхъ въ арестантскихъ камерахъ и канцеляріяхъ при нѣкоторыхъ участкахъ и нанесенія побоевъ всякаго рода задержаннымъ лицамъ, особенно же находящимся въ нетрезвомъ состояніи». Далѣе слѣдовали «разъясненія» и, среди нихъ, такое: «Указанное явленіе въ высшей степени позорно, такъ какъ бить арестованнаго—все равно, что бить связаннаго человѣка, лишеннаго возможности тѣмъ же отвѣтить обидчику, издѣваться же надъ связаннымъ можетъ только безчестный человѣкъ».

Пожалуй, скажутъ: то полиція—вѣдомства министерства внутреннихъ дѣлъ, а то тюрьмы — вѣдомства министерства юстиціи. Легче ли отъ этого истязуемымъ и тѣмъ, кто каждый день читаетъ и слышитъ о «старинномъ обычаѣ» бить и сѣчь?..

Изъ-за закрытыхъ дверей особаго присутствія сената, съ 17-го января разсматривающаго процессъ «Дашнакцутюнъ», проникаютъ одни отрывочные отзвуки. Извѣстно, что сенатъ судитъ полтораста подсудимыхъ, что свидѣтелей было вызвано болѣе тысячи и что судебное слѣдствіе ведется по тридцати самостоятельнымъ группамъ подсудимыхъ и свидѣтелей.

Зачѣмъ вся эта масса подсудимыхъ и свидѣтелей частью привезена, частью вызвана въ Петербургъ, за двѣ слишкомъ тысячи верстъ отъ Кавказа, гдѣ первые совершали инкриминируемыя имъ преступныя дѣянія, а вторые были либо потерпѣвшими, либо очевидцами этихъ дѣяній? Чѣмъ вызвано рѣзкое нарушеніе одного изъ основныхъ началъ устава уголовнаго судопроизводства, требующаго, чтобы мѣсто совершенія судимаго дѣянія и мѣсто сужденія, по возможности, совпадали? Если особое присутствіе сената для разсмотрѣнія дѣла московскаго градоначальника, ген. Рейнбота, и его помощника, полк. Короткаго, при двухъ подсудимыхъ, выѣзжало въ Москву, то почему оно, при ста пятидесяти подсудимыхъ, не могло выѣхать въ Тифлисъ? Можетъ быть, открытыя двери дали бы отвѣты на эти вопросы. При условіи же закрытыхъ дверей, остается болѣе, чѣмъ простое недоумѣніе.

Сами собой приходятъ мысли, что въ постановкѣ предъявленнаго подсудимымъ обвиненія есть что-то во всякомъ случаѣ необычное и экстраординарное. Дѣйствительно: «дашнакцутюнъ»— армянская національная партія, трактуемая обвинительнымъ актомъ какъ преступное сообщество, поставившее цѣлью своей дѣятельности ниспроверженіе существующаго въ Россіи государственнаго строя; мѣстомъ дѣйствія партіи были турецкая Арменія и Кавказъ. Разъ это партія національная и разъ ея дѣятельность была ограничена опредѣленной территоріей, то, казалось бы, не только неудобно, но прямо невозможно воспроизводить въ судебномъ порядкѣ преступную картину вдали отъ мѣстныхъ условій и безъ освѣщенія мѣстнымъ колоритомъ, въ Петербургѣ. Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что для ясности въ представленіи судей именно такого процесса необходимо его разсматривать на мѣстѣ. Отсутствіе логическихъ объясненій переноса дѣла еще болѣе увеличиваетъ толки о соображеніяхъ судебно-дипломатическаго свойства.

Сказаннымъ не ограничиваются вопросы, на которые нельзя отыскать отвѣтовъ. Если дѣло разсматривается по тридцати самостоятельнымъ группамъ подсудимыхъ, то почему тридцать, въ сущности, дѣлъ соединены въ одно? Удобства разсмотрѣнія и интересы правосудія этого подсказать, конечно, не могли, ибо человѣческая память имѣетъ границу, которая проходитъ не по ту, а по сю сторону письменнаго матеріала, заключеннаго въ сто тридцать пять томовъ предварительнаго слѣдствія, и матеріала устнаго, воспринятаго въ теченіе двухъ мѣсяцевъ слѣдствія судебнаго. Какія же цѣли преслѣдовались подобнымъ искусственнымъ созданіемъ процесса-монстръ?

Изъ частностей, проникшихъ съ процесса въ печать, особенно обращаютъ вниманіе случаи обнаруженныхъ подло-

говъ въ документахъ, являющихся вещественными доказательствами, установленныя неправильности въ переводахъ съ армянскаго языка и, наконецъ, пропажа такихъ документовъ, которые еще наканунѣ видѣли судьи и стороны. Такъ напримѣръ, было обнаружено, что въ одной записной книжкѣ, имѣющейся въ вещественныхъ доказательствахъ и являющейся уликою, изъ слова «Амасія»—сдѣлано слово «Гемизія». Защитой возбуждено было ходатайство объ экспертизѣ—и оказалось, что за это время страничка со словомъ «Амасія» изъ книжки исчезла. Равнымъ образомъ, въ другомъ вещественномъ доказательствѣ слово «Долгоры» оказалось передѣланнымъ въ слово «Долгоджіевъ». Подлогъ былъ очевиденъ, и защита возбудила ходатайство о производствѣ, для установленія почерка и времени поддѣлки, фотографической, микроскопической и химической экспертизъ. Сенатомъ постановлено было соотвѣтствующее опредѣленіе, но при передачѣ документа экспертамъ, листокъ, подлежавшій экспертизѣ, самымъ непостижимымъ образомъ исчезъ. Подобныхъ фактовъ сообщалось еще нѣсколько.

По поводу ихъ, министромъ юстиціи предложено судебному слѣдователю по важнѣйшимъ дѣламъ, г. Александрову, произвести разслѣдованіе, которое уже и производится. Правая печать пробовала объяснить исчезновеніе документовъ тѣмъ, что подсудимые имѣютъ доступъ къ вещественнымъ доказательствамъ. Едва ли эти намеки основательны. Повидимому, пропадали только такіе документы, въ подлинности которыхъ сомнѣвалась защита и которые были нужны не въ интересахъ обвиненія, а въ интересахъ подсудимыхъ. Съ другой стороны, нельзя забывать, что предварительное слѣдствіе по дѣлу «дашнакцутюнъ» производилъ г. Лыжинъ—тотъ самый г. Лыжинъ, о неправильныхъ дѣйствіяхъ котораго при производствѣ слѣдствія по такъ называемому дѣлу о новороссійской республикѣ военнымъ судомъ было составлено постановленіе, сообщенное министру юстиціи, при чемъ военный судъ усмотрѣлъ въ актахъ слѣдствія рядъ подлоговъ, подчистокъ и т. п., счетомъ до тридцати. При судебномъ разсмотрѣніи дѣла «дашнакцутюнъ», завѣдываніе вещественными доказательствами снова было возложено на г. Лыжина, нынѣ уже члена судебной палаты. По его собственному выраженію, онъ былъ вызванъ и приставленъ къ вещественнымъ доказательствамъ, для оказанія помощи сенату «въ качествѣ каталога». Послѣ исчезновенія документовъ, особое присутствіе отъ его услугъ отказалось. «Рѣчь» справедливо отмѣтила, что все сообщавшееся о г. Лыжинѣ, въ связи съ обнаруженными по дѣлу «дашнакцутюнъ» подлогами и случаями пропажи документовъ, нашло если не подтвержденіе, то

нѣчто, весьма къ подтвержденію близкое, въ знаменательномъ молчаніи «освѣдомительнаго бюро».

Былъ на процессѣ еще инцидентъ—незаурядный и весьма характерный. 26-го января, когда изъ дома предварительнаго заключенія доставлены были подсудимые, нѣкоторые изъ выступающихъ по дѣлу адвокатовъ, пользуясь предоставленнымъ имъ закономъ правомъ и разрѣшеніемъ предсѣдателя, пожелали побесѣдовать по дѣлу со своими подзащитными. Жандармскій офицеръ, начальникъ караула, предложилъ защитникамъ «не разсуждая» отойти отъ подсудимыхъ, а затѣмъ, вслухъ, приказалъ жандармамъ «бить по мордѣ» каждаго изъ защитниковъ, кто подойдетъ къ подсудимымъ.

Въ этомъ инцидентѣ сенатъ оказался на высотѣ положенія. На заявленіе, сдѣланное отъ имени всей защиты присяжнымъ повѣреннымъ А. С. Зарудныхъ, предсѣдатель присутствія, сенаторъ Кривцовъ, отвѣтилъ, что оскорбленіе защитниковъ есть оскорбленіе правительствующаго сената, «являющагося органомъ Государя Императора и дѣйствующаго именемъ Его Величества». Давно отвыкла отъ такой квалификаціи ея дѣятельности русская защита въ уголовномъ судѣ!.. Офицеръ былъ тутъ же отстраненъ отъ дальнѣйшаго исполненія обязанностей начальника караула. Послѣ разслѣдованія, министръ внутреннихъ дѣлъ подвергъ его аресту на тридцать сутокъ.

«Въ то время, когда отъ акта 17 октября остался одинъ трупъ, когда надъ свободой совѣсти глумятся въ верхней палатѣ, когда истязаютъ политическихъ заключенныхъ, когда мы съ карательными отрядами и висѣлицами пошли въ сосѣднее самостоятельное государство и прокладываемъ тамъ путь деспоту, когда... Да что тутъ перечислять эти когда. Порядочные люди должны всенародно протестовать противъ всѣхъ этихъ ужасовъ... Надо быть въ провинціи, вдали отъ петербургской фальши, чтобы понять всю зловредность творимаго... Негодованіе общее».

Это были послѣднія слова, вылившіяся изъ-подъ пера Василія Семеновича Соколова въ письмѣ на имя члена Думы И. Н. Ефремова. Студентъ университета въ шестидесятыхъ годахъ, затѣмъ присяжный повѣренный и потомъ, до смерти, земецъ, покойный былъ яркимъ выразителемъ завѣтовъ, воспринятыхъ имъ въ юности. Пылкій, увлекающійся, порою рѣзкій, онъ вѣрно и неизмѣнно служилъ этимъ завѣтамъ и въ костромскомъ земствѣ, и въ третьей Государственной Думѣ. Участникъ земскихъ съѣздовъ 1904—1905 гг., В. С. подписалъ съ конституціоннымъ большинствомъ извѣстныя ноябрьскія резолюціи. Но затѣмъ, въ разгаръ освободительнаго движенія,

онъ, какъ человѣкъ самостоятельный и, въ сущности, умѣреннаго образа мыслей, не пошелъ ни за крайними лѣвыми теченіями, ни за тѣмъ теченіемъ, которое сложилось въ конституціонно-демократическую партію. Въ третьей Думѣ онъ примыкалъ къ группѣ прогрессистовъ. Онъ былъ именно прогрессистомъ—какъ человѣкъ не столько законченно-опредѣленныхъ и формулированныхъ на бумагѣ убѣжденій, сколько совершенно опредѣленнаго политическаго настроенія, еще не вылившагося въ законченныя формулы. Люди партійные называютъ такихъ общественныхъ дѣятелей политически-незрѣлыми. Но когда волнуетъ и мучаетъ душу обращеніе манифеста 17 октября въ трупъ, когда карательные отряды и висѣлицы переносятся въ сосѣднее государство, когда глумленіе надъ свободой совѣсти возводится въ актъ государственной мудрости, когда истязанія политическихъ заключенныхъ составляютъ бытовой фактъ,—большую ли реальную цѣну имѣютъ партійныя программы и неизбѣжныя при нихъ партійныя перегородки?

Во всѣхъ думскихъ рѣчахъ В. С. слышались искреннія, задушевныя ноты и чувствовался темпераментъ. Иногда онъ выступалъ и въ печати, съ той же силой темперамента и искренности. Лѣтомъ прошлаго года онъ помѣстилъ въ «Рѣчи» статью по поводу исключенія тысячи слушательницъ изъ женскаго медицинскаго института. Кто читалъ эту статью, у тѣхъ навѣрное она осталась въ памяти. Цензура тогда же не преминула ее отмѣтить: газета была оштрафована на 500 рублей.

Имя скончавшагося недавно Владиміра Александровича Обручева принадлежитъ къ числу тѣхъ многихъ русскихъ именъ, общественная извѣстность которыхъ была давно «ликвидирована». Будучи ранѣе военнымъ, В. А. въ самомъ началѣ шестидесятыхъ годовъ вышелъ въ отставку, занялся журнальной работой и вскорѣ вступилъ въ кружокъ «Современника», группировавшійся вокругъ Чернышевскаго и Добролюбова. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ принялъ участіе въ политической агитаціи и, въ частности, въ распространеніи листка «Великоруссъ», который заключалъ въ себѣ призывъ къ требованію конституціи. Листокъ этотъ надѣлалъ тогда большого шума, и за распространеніе его Обручевъ расплатился приговоромъ въ каторжныя работы. Въ каторгѣ и затѣмъ на поселеніи онъ пробылъ тринадцать лѣтъ. По возвращеніи, В. А. поступилъ на службу въ общество пароходства и торговли въ Одессѣ. Въ войну 1877—1878 гг. онъ, въ качествѣ волонтера, былъ на миноноскѣ лейт. Рождественскаго при атакѣ турецкаго монитора и за

это получилъ помилованіе. Черезъ нѣсколько лѣтъ В. А. поступилъ на службу въ морское министерство и въ 1908-мъ году, уже въ чинѣ генерала, вышелъ въ отставку. Въ томъ же году онъ помѣстилъ въ «Вѣстникѣ Европы», въ майской книгѣ, отрывокъ изъ своихъ воспоминаній, подъ заглавіемъ «Изъ пережитаго». Еще раньше, въ августѣ, сентябрѣ и декабрѣ 1882 г., въ нашемъ журналѣ были напечатаны, безъ полной подписи, двѣ его статьи: «Новѣйшія изслѣдованія африканскаго материка» и «Жизнь поэта и ея отношенія къ дѣйствительности. Фрейлигратъ».

Издатель М. М. Ковалевскій. Редакторъ К. К. Арсеньевъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

КНИГА ТРЕТЬЯ.—МАРТЪ.

СТРАН.

I. ЭЛЕКТРА.—Трагедія Софокла.—(Окончаніе).—Переводъ **Ѳ. Зѣлинскаго.** 3

II. ВЪ БѢЛОВѢЖСКОЙ ПУЩѢ.—Разсказъ.—**С. Холщевникова** 37

III. АНТОЛОГІЯ.—I-Ш.—Стихотвореніе.—**Т. Е—ко** 95

IV. СѢРЫЙ ВОЛКЪ.—Стихотвореніе.—**П. Соловьевой.** 97

V. ВЪ ДВОРЯНСКОЙ БЕРЛОГѢ.—Очерки, съ эпилогомъ.—I-XIX. **Н. Тимковскаго** 99

VI. ВИДѢНІЕ.—Стихотвореніе.—**Л. Андрусона** 154

VII. ГЕРЦЕНЪ-ХУДОЖНИКЪ.—I-Ш.—**Д. Овсянико-Куликовскаго** . . . 156

VIII. ИЗЪ ДАЛЬНИХЪ ЛѢТЪ.—(Окончаніе).—I-Ш—**С. Чудновскаго** . . . 162

IX. ИЗЪ КРЫМСКИХЪ ЭТЮДОВЪ—Стихотвореніе.—**Александра Рославлева** 188

X. НА СНѢЖНОЙ ВЕРШИНѢ (Продолженіе).—XIV-XVШ.—Романъ І. Ц. Гевра.—Переводъ съ нѣмецкаго **З. Журавской** 190

XI. НАЧАЛО РУССКО-АНГЛІЙСКАГО СБЛИЖЕНІЯ. — **Максима Ковалевскаго** 241

XII. Хроника.—ПОВѢСТЬ ГЛИНЯНАГО ЧЕРЕНКА.—(Письмо изъ Рима).—**М. А. Осоргина** 265

XIII. КЛЭРДЖИМЕНЫ.—(Письмо изъ Лондона).—**Діонео** 281

XIV. ПИСЬМО ИЗЪ КОНСТАНТИНОПОЛЯ.—**А. Деренталя.** 297

XV. КООПЕРАТИВНЫЙ СБЫТЪ И ПЕРЕРАБОТКА ПРОДУКТОВЪ СЕЛЬСКАГО ХОЗЯЙСТВА—**В. Тотоміанца** 317

XVI. КРИТИЧЕСКІЕ НАБРОСКИ.—**С. Адріанова** 331

XVII. НОВОЕ НАУЧНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗДАНІЕ.—Профессоръ М. А. Мензбиръ. Зоогеографическій атласъ, съ объяснительнымъ текстомъ. Рисунки художника В. А. Ватагина.—**К. Тимирязева** 340

XVIII. ИЗЪ ГОЛОДНАГО КРАЯ.—**И. Жилкина** 345

XIX. ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Военныя дѣйствія въ Средиземномъ морѣ.—Раздраженіе въ Европѣ и патріотическій энтузіазмъ въ Италіи.—Итальянскій парламентъ и право войны.—Парламентскія дѣла въ Германіи.—Графъ Эренталь.—Китайская республика. — Грандіозная забастовка въ Англіи 373

XX. ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ. — С. Подъячевъ. Разсказы. — **Е. Колтоновская.**—П. Е. Щеголевъ. Пушкинъ, Очерки.—В. И. Туманскій. Стихотворенія и письма. Редакція, біографическій очеркъ и примѣчанія С. Н. Браиловскаго. — С. Я. Надсонъ. Проза. Дневники. Письма.—**Ч. В—скій.**—Александръ Бенуа. Путеводитель по картинной галлереѣ Императорскаго Эрмитажа.—**Н. Л.**—С. И. Солнцевъ. Заработная плата,

стр.

какъ проблема распредѣленія.—**Н. Шапошникова.**—Пособіе къ ознакомленію съ условіями и пріемами собиранія и разработки свѣдѣній при земско-статистическихъ изслѣдованіяхъ. Составилъ Н. Каблуковъ.—Изданія 34 земствъ по общей экономической и оцѣночной статистикѣ.—Ник. Гиммеръ. Крестьянскій бюджетъ на сѣверѣ. **В. В.**—В. О. Ключевскій. Характеристики и воспоминанія.—**И. Бороздинъ.**—Я. М. Магазинеръ. Чрезвычайно-указное право въ Россіи (ст. 87 осн. зак.).—**В. Матвѣева.**—Новыя книги и брошюры. 385

XXI. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Общая характеристика момента.—Законопроектъ о фиксаціи кредитовъ на начальное обученіе.—Перемѣна, внесенная въ него Государственнымъ Совѣтомъ.—Возможныя ея послѣдствія и вѣроятныя причины.—Законопроектъ о наслѣдственныхъ правахъ женщинъ.—Начало преній о мѣстномъ судѣ въ верхней палатѣ— 406

XXII. ВОПРОСЫ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ.—Смерть графа Д. А. Милютина.—Почему его всѣ и вездѣ чтили?—Основная идея милютинскихъ военныхъ реформъ.—Первая годовщина смерти М. М. Стасюлевича.—М. М. Стасюлевичъ и петербургская городская дума.—Что опровергло и чего не опровергло главное тюремное управленіе?—Отклики съ процесса «Дашнакцутюнъ».—В. С. Соколовъ. и В. А. Обручевъ † 419

XXIII. ОБЪЯВЛЕНІЯ. . . . . .

XXIV. БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

AP
50
V5
g.47
kn.3

Vîestnik Evropy

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY